

**Национальный исследовательский
Саратовский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского**

Факультет психологии
Экономический факультет
Философский факультет
Институт истории и международных отношений
Институт рисков
Институт филологии и журналистики
Институт искусств
Юридический факультет
Факультет психолого-педагогического и специального образования
Социологический факультет
Факультет иностранных языков и лингводидактики
Институт физической культуры и спорта

**«ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ МИР:
ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО, ЛИЧНОСТЬ»**

Сборник материалов IV международной
научной конференции

ЧАСТЬ 3 (разделы 17-24)

(Саратов, 09 апреля 2015 года)

Саратов
ИЦ «Наука»
2015

УДК 316.3 (082)
ББК 60.56я43
ИЗ7

Редакционная коллегия:

д. псих. н., проф. Л.Н. Аксеновская; д. псих. н., проф. Т.В. Белых;
д. псих. н., проф. Е.В. Рягузова; О.В. Бакаева (техн. ред.)

«Изменяющийся мир: общество, государство, личность»: сб. материалов IV международной научной конференции (09 апреля 2015 г.). Часть 3 (разделы 17-24). – Саратов: ИЦ «Наука», 2015.– 711 с.
ISBN 978-5-9999-2507-7

В сборнике представлены научные доклады участников IV международной научной конференции «Изменяющийся мир: общество, государство, личность», которая состоялась 09 апреля 2015 года в Саратовском государственном университете. Конференция проводится ежегодно с 2012 года. В 2015 году в ней приняли участие более 500 человек.

Для исследователей, ученых и практиков, аспирантов, магистрантов и студентов, занимающихся научной и практической деятельностью.

Статьи издаются в авторской редакции

УДК 316.3 (082)
ББК 60.56я43

ISBN 978-5-9999-2507-7

© Саратовский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского, 2015

РАЗДЕЛ 17. МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА, ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

УДК 342

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН (2011-2014)

А.С. Айрапетян

Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина – филиал

РАНХиГС при Президенте РФ, Россия

E-mail: armen-de-urss-1987@yandex.ru

Статья посвящена тенденциям языковой политики в республике Таджикистан, имевшим место в 2011-2014 гг. На основе изменений языкового законодательства Республики, а также на материалах посланий Президента страны прослеживается, какое место в общественно-политической жизни власти отводят государственному таджикскому языку, а также иностранным языкам, в частности русскому языку. Автор также рассуждает о причинах и факторах, влияющих на формирование языковой политики и содержание законодательства Республики Таджикистан о языке.

Ключевые слова: Республика Таджикистан, языковая политика, государственный язык, русский язык.

MAIN DIRECTIONS OF LANGUAGE POLICY OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN (2011-2014)

A.S. Airapetian

The article is devoted trends of language policy in the Republic of Tajikistan, have taken place in 2011-2014. Based on the changes of the language legislation of the Republic, as well as on the materials of messages of the President of the country can be traced, which place in the socio-political life of the state power is removed Tajik language, as well as foreign languages, particularly Russian. The author also discusses the causes and factors that influence the formation of language policy and the content of the legislation of the Republic of Tajikistan about language.

Key words: Republic of Tajikistan, language policy, the state language, the Russian language.

Таджикистан, объявивший о своём суверенитете 9 сентября 1991 года, является одним из постсоветских государств в Средней Азии. Однако независимая и самостоятельная национально-языковая политика берёт своё начало ещё в 1989 году, когда был принят закон Таджикской ССР «О языке» [1]. Основным принципом данного акта явилось признание таджикского языка государственным в республике. В ряде сфер официального общения допускалось наряду с государственным

таджикским языком использование иных языков (русского, киргизского, узбекского, туркменского и других). Сам русский язык в законе именовался средством межнационального общения народов СССР, ему гарантировалось свободное функционирование на территории Таджикской ССР. Однако данное видение роли русского языка республиканским законодателем заключалось в его позиционировании как языка-связи Таджикской ССР с Союзным центром и другими союзными республиками, а также как средство официального общения в нетаджикоязычных коллективах до постепенного перевода всего делопроизводства на государственный язык. Владение русским языком наряду с государственным являлось одним из квалификационных требований для занятия важнейших государственных должностей. При этом в ряде сфер официального общения допускалось использование русского языка на альтернативной основе с государственным, т.е. у участников общения имелось право выбора языка. Однако в сфере нормотворческого процесса использование русского языка сводилось лишь к переводу нормативно-правовых актов, принятых исключительно на государственном таджикском языке. Во многом закон 1989 года был компромиссным, сочетая в себе тенденции, с одной стороны, по укреплению позиций таджикского языка, с другой, попыткой частичного сохранения позиций русского языка и смягчения негативных последствий его выдавливания из официальных сфер общения.

Принятие и вступление в силу Конституции Республики Таджикистан от 06.11.1994 г. [2] не сильно изменило правовые режимы таджикского и русского языков. Конституционный законодатель повторил практически дословно формулировки закона 1989 года, объявив таджикский язык государственным, а русский язык – средством межнационального общения, а за нациями и народностями, проживающими в республике, признал право свободного пользования своим родным языком (ст. 2). Конституция значительным образом укрепила позиции таджикского языка, объявив владение государственным языком одним из требований, предъявляемых кандидату в Президенты Республики (ст. 65). В Конституции также определяется язык судопроизводства: государственный либо язык большинства населения данной местности.

В 2009 году был принят новый закон «О государственном языке Республики Таджикистан» [3], который ещё больше укрепил позиции таджикского языка. Для сравнения необходимо упомянуть, что в законе 1989 года словосочетание «русский язык» встречается 32 раза, в то время как закон 2009 года не упоминает его вообще, допуская использование наряду с государственным языком иных языков в соответствии с законодательством Республики Таджикистан.

Ориентация в законе 2009 года на государственное одноязычие связано с видением главой республики Эмомоли Рахмоном таджикского

языка как фактора консолидации нации [4], а также признанием закона 1989 года не в полной мере отвечающим требованиям времени [5]. В Послании от 15.04.2009 г. Президент характеризует проект действующего закона о государственном языке как прогрессивный, выражая абсолютную уверенность в том, что данный документ придаст новый импульс упрочению правового режима государственного языка и создаст надёжную правовую базу для его развития. Э. Рахмон подчеркнул, что без развития государственного языка, являющегося важным фактором укрепления национального самопознания и государственности, Таджикистан не сможет быть независимыми в полном смысле этого слова. В Послании от 23.04.2014 г. [6] Президент Республики ещё раз обратил внимание на необходимость укрепления правового режима государственного языка и поддержания его в чистом и незапятнанном виде, облагораживания языка повседневного общения, возрождения и воссоздания научного таджикского языка.

В Посланиях 2010 [7] и 2013 [8] гг. Президент указал, что при отборе и расстановке кадров среди основных критериев наряду с высоким профессиональным уровнем, обширными современными знаниями необходимо обращать внимание также на хороший уровень владения государственным языком и уважение к нему. Это нашло своё воплощение в принятых в 2011-2013 гг. законах об обязательном владении государственным таджикским языком как квалифицированном требовании для государственных служащих [9], сотрудников милиции [10], органов национальной безопасности [11] и органов прокуратуры [12], для должностных лиц органов самоуправления посёлков и сёл [13], для кандидатов в народные депутаты на выборах в местные Маджлиси [14], а также в обе палаты Маджлиси Оли (парламента) Республики [15], судей всех судов республики Таджикистан [16], в т.ч. судей Конституционного суда республики [17], Уполномоченного по правам человека [18] и т.д. Сам по себе институт государственного языка предусматривает обязательное владение им со стороны граждан, т.к. он является обязательным предметом изучения в школе в рамках обязательного основного общего образования. Поэтому с точки зрения юридической техники нет никакого смысла дополнительным образом закреплять обязанность знать государственный язык за различными категориями граждан. Указанные решения преследуют одну политическую цель: укрепление у власти в Республике представителей титульного народа и усиление его позиций в государственном аппарате.

Ещё одной тенденцией языковой политики Республики Таджикистан в последние годы является некоторое расширение сфер официального использования русского языка. Президент Э. Рахмон в своих посланиях 2007 [19] и 2008 гг. просто указывал на необходимость овладения гражданами Республики Таджикистан иностранными языками для

усиления кадрового потенциала страны, в т.ч. и в сфере государственной службы. В 2010 и 2013 гг. глава государства ориентировал граждан Республики, особенно молодых, на овладение английским и русским языками. Политика в Республике Таджикистан направлена на позиционирование русского языка как серьёзного конкурентного преимущества граждан Республики на рынке труда.

Существенные изменения произошли в положении русского языка в сфере нормотворческого процесса. Так законом от 26.03.2009 г. №506 «О нормативно-правовых актах» [20] в редакции от 11.03.2010 г. №597 предусматривалось принятие нормативного акта, направление проекта его в уполномоченный орган (для принятия) и официального опубликования только на государственном языке. Также устанавливалось, что «Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан» как официальный печатный орган парламента, «Свод законов Республики Таджикистан» как официальное издание Республики и Единый государственный реестр нормативно-правовых актов Республики Таджикистан издаются и печатаются на государственном языке. Теперь согласно закону [21] от 28.07.2011 г. №730 русский язык используется не только при опубликовании в вышеназванных официальных изданиях, но и при составлении проекта нормативного акта для направления в уполномоченный орган для принятия. Здесь нужно указать, что оговорка таджикского законодателя при официальном опубликовании «в переводе» на русский язык придаёт такому нормативному акту лишь информационное значение, аутентичным он будет исключительно на государственном языке.

Помимо этого снова было возвращено право выбора языка (между таджикским и русским) при обращении граждан и получении ответов на них [22]. Характерным представляется регулирование языковых отношений на уровне подзаконных нормативных актов, в частности Правительском Республики Таджикистан. Например, постановлением от 05.12.2013 г. №577 [23] внесён ряд серьёзных изменений и дополнений в Положение о порядке продажи объектов государственной собственности на аукционах. Теперь каждое заинтересованное лицо вправе получить безвозмездно электронный вариант данного Положения на государственном и русском языках на официальных интернет-сайтах Государственного комитета по инвестициям и управлению государственным имуществом и Государственного унитарного предприятия по продаже государственного имущества, а также его печатную копию у продавца по цене, себестоимости распечатки по месту, указанному на доске объявления. Информационное сообщение о продаже государственных акций, недвижимого имущества, объектов незавершённого строительства и о проведении тендера публикуется на государственном или русском языке в одной из республиканских газет, а

также размещается на интернет-сайте продавца или организатора аукциона. Приведённый пример подтверждает, что русский язык по-прежнему остаётся серьёзным фактором экономической жизни Республики Таджикистан.

Наличие указанных тенденций в языковой политике Республики Таджикистан, где в фокусе общественного внимания находится государственный таджикский язык с отведением русскому языку роли средства межнационального общения и языка-связи с Россией и другими странами постсоветского пространства имеет ряд причин. Среди них выбор таджикской элиты в пользу евразийской интеграции с Россией, которая значительным образом объективно усиливает позиции русского языка в ближнем зарубежье. Ещё одним фактором, влияющим на языковую политику Таджикистана, является потребность национальной экономики в высококвалифицированных кадрах, удовлетворение которой невозможно без русского языка.

Библиографический список

1. Закон Таджикской Советской Социалистической Республики от 22.07.1989 г. «О языке» // Ведомости Верховного Совета Республики Таджикистан. 1989. №15. Ст. 102.
2. Конституция Республики Таджикистан принята на всеобщем референдуме 06.11.1994 г. (в ред. от 22.06.2003 г.) // База данных «Законодательство стран СНГ». URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2213 (дата обращения: 01.02.2013).
3. Закон Республики Таджикистан от 01.10.2009 г. №1395 «О государственном языке Республики Таджикистан» // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2009. №9-10. Ст. 546.
4. См.: Послание Президента Таджикистана Эмомали Рахмона Парламенту страны от 15.04.2008 г. // Президент Республики Таджикистан Официальный сайт. URL: <http://www.prezident.tj/ru/node/867> (дата обращения: 08.10.2013).
5. См.: Послание Президента Таджикистана Эмомали Рахмона Парламенту страны от 15.04.2009 г. // Президент Республики Таджикистан Официальный сайт. URL: <http://www.prezident.tj/ru/node/866> (дата обращения: 08.10.2013).
6. Послание Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 23.04.2014 г. // Президент Республики Таджикистан. Официальный сайт. URL: <http://www.president.tj/ru/node/6599> (дата обращения: 06.05.2014).
7. Послание Президента Таджикистана Эмомали Рахмона Парламенту страны от 24.04.2010 г. // Президент Республики Таджикистан Официальный сайт. URL: <http://www.prezident.tj/ru/node/865> (дата обращения: 08.10.2013).
8. Послание Президента Таджикистана Эмомали Рахмона Парламенту страны от 26.04.2013 г. // Президент Республики Таджикистан. Официальный сайт. URL: <http://www.prezident.tj/ru/node/4324> (дата обращения: 14.05.2013).
9. См.: Закон Республики Таджикистан от 28.06.2011 г. №741 «О внесении дополнения в Закон Республики Таджикистан "О государственной службе"» // База данных «Законодательство стран СНГ». URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=46053 (дата обращения: 13.10.2013).

10. См.: Закон Республики Таджикистан от 28.06.2011 г. №725 «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Таджикистан "О милиции"» // База данных «Законодательство стран СНГ» WEB-Версия. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=46036 (дата обращения: 13.10.2013).
11. См.: Закон республики Таджикистан от 28.06.2011 г. №746 «О внесении дополнения в Закон Республики Таджикистан "Об органах национальной безопасности Республики Таджикистан"» // База данных «Законодательство стран СНГ». URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=46058 (дата обращения 13.10.2013).
12. См.: Конституционный закон Республики Таджикистан от 28.06.2011 г. №731 «О внесении дополнения в Конституционный закон Республики Таджикистан "Об органах прокуратуры Республики Таджикистан"» // База данных «Законодательство стран СНГ». URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=46042 (дата обращения: 13.10.2013).
13. См.: Закон Республики Таджикистан от 01.08.2012 г. №899 «О внесении дополнения в Закон Республики Таджикистан "Об органах самоуправления поселков и сел"» // База данных «Законодательство стран СНГ» WEB-Версия. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=54276 (дата обращения: 08.10.2013).
14. См.: Конституционный закон Республики Таджикистан от 01.08.2012 г. №898 «О внесении дополнения в конституционный Закон Республики Таджикистан "О выборах депутатов в местные Маджлиси народных депутатов"» // База данных «Законодательство стран СНГ». URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=54277 (дата обращения: 08.10.2013).
15. См.: Конституционный закон Республики Таджикистан от 01.08.2012 г. №896 «О внесении изменения и дополнения в конституционный Закон Республики Таджикистан "О выборах Маджлиси Оли Республики Таджикистан"» // База данных «Законодательство стран СНГ». URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=54357 (дата обращения: 08.10.2013).
16. См.: Конституционный закон Республики Таджикистан от 02.08.2011 г. №754 «О внесении изменений и дополнений в конституционный Закон Республики Таджикистан "О судах Республики Таджикистан"» // База данных «Законодательство стран СНГ» WEB-Версия. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=46595 (дата обращения: 08.10.2013).
17. См.: Конституционный закон от 28.06.2011 г. №728 «О внесении дополнения в Конституционный закон Республики Таджикистан "О Конституционном суде Республики Таджикистан"» // База данных «Законодательство стран СНГ». URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=46039 (дата обращения: 08.10.2013).
18. См.: Закон республики Таджикистан от 28.06.2011 г. №742 «О внесении дополнения в Закон Республики Таджикистан "Об уполномоченном по правам человека в Республике Таджикистан"» // База данных «Законодательство стран СНГ». URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=46054 (дата обращения: 08.10.2013).
19. Послание Президента Таджикистана Эмомоли Рахмона Парламенту страны от 30.04.2007 г. // Президент Республики Таджикистан. Официальный сайт. URL: <http://www.prezident.tj/ru/node/868> (дата обращения: 08.10.2013).
20. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2009. №3. Ст. 99; 2010. №3. Ст. 152.
21. Закон Республики Таджикистан от 28.06.2011 г. №730 «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Таджикистан "О нормативных правовых актах"»

- // База данных «Законодательство стран СНГ». URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=46041 (дата обращения: 08.10.2013).
22. См.: Закон Республики Таджикистан от 03.07.2012 г. №837 «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Таджикистан "Об обращениях граждан"» // База данных «Законодательство стран СНГ». URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=53439 (дата обращения: 08.10.2013).
23. Постановление Правительства Республики Таджикистан от 05.12.2013 г. №577 «О внесении изменений и дополнений в постановление Правительства Республики Таджикистан от 1 марта 2004 года №98» // База данных «Законодательство стран СНГ». URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=64913 (дата обращения: 01.02.2014).

УДК 34:[002:004.7]

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ РФ

Р.В. Амелин

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: ame-roman@yandex.ru

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования государственных информационных систем на уровне федерального закона. Анализируются случаи, когда указание в федеральном законе на конкретную информационную систему отрицательно влияет на эффективность решения задач государственного управления. Автор предлагает отказаться от нормы, согласно которой перечень общедоступной информации в государственной информационной системе может быть установлен только федеральным законом.

Ключевые слова: информационная система, государственное управление, доступ к информации.

STATE INFORMATION SYSTEM IN LEGAL SPACE OF THE RUSSIAN FEDERATION

R.V. Amelin

The article considers the issues of legal regulation of state information systems in Federal law. Examines the cases where the regulation in the Federal law negatively affects the efficiency of solving the problems of public administration. The author proposes to abandon the rule according to which only Federal law can set the list of public information in the state information system.

Key words: state information system, public administration, access to information.

В последние годы отмечается повышенный интерес федерального законодателя к регулированию общественных отношений не только

правовыми, но и технологическими методами, когда федеральным законом предписывается использование информационных систем (ИС), обладающих установленными характеристиками. Количество информационных систем, созданных на основе федерального закона, в последние три года выросло, по нашим оценкам, в десять (!) раз. Таким образом воплощается технологическая функция информационного права, о которой писал М.А. Кудрявцев: «когда информационное право предоставляет в распоряжение иных отраслей права технологический потенциал и арсенал возможностей информационных отношений, позволяющих решать принципиально иными, новыми средствами и методами как классические, так и вновь возникающие на современном этапе задачи и проблемы других отраслей права» [1, с. 62].

По нашим оценкам, более половины из этих информационных систем действительно нуждаются в правовом урегулировании на уровне федерального закона, поскольку либо существенно преобразуют общественные отношения, либо возлагают на обладателей информации (юридических и должностных лиц) обязанности по представлению информации в систему и ответственность за ее неисполнение, либо формируют информацию, имеющую юридическое значение. Тем не менее, в ряде случаев указание на использование конкретной информационной системы в федеральном законе представляется излишним и даже вредным. Рассмотрим некоторые издержки такого регулирования.

1. Информационная система является не более чем *инструментом* для решения конкретных *задач*, стоящих перед исполнительной властью (о целях создания государственных АИС подробнее см. [2]). Возлагая на государственные органы обязанность по созданию и ведению информационной системы, законодатель нередко упускает из виду сами задачи, которые должны были быть поставлены предварительно. Эта ситуация усугубляется, когда указав в законе на необходимость использования конкретной информационной системы, законодатель делегирует исполнительной власти полномочия по установлению ее правового режима (включая порядок работы, требования к системе, перечень обрабатываемых сведений и т.д.)

Видится принципиальная разница в том, как именно будут сформулированы функции государственного органа: создание и ведение информационной системы или оказание государственной услуги информационного характера, осуществление государственного надзора и т.д. (то, для чего создается система). В первом случае деятельность государственного органа оценивается по критериям, связанным с информационной системой (бесперебойность работы, надежность, безопасность, количественные характеристики массива данных и т.д.). Между тем, следует оценивать только то, насколько качественно исполняется государственная функция, либо насколько получатели

государственной услуги удовлетворены ее качеством (будут ли при этом государственные органы использовать ту информационную систему или иную, довольствуются ли бумажным документооборотом – не имеет значения).

Конечно, существует прямая зависимость между инструментом, выбранным для решения задачи и эффективностью ее исполнения, но, по нашему мнению, сначала должна ставиться задача (например, предоставление физическим лицам, организациям, органам государственной власти, органам местного самоуправления актуальной информации о зарегистрированных СМИ, о лицах, осуществляющих деятельность в области СМИ), а затем изыскиваться эффективные способы ее решения. И если первое должно быть отнесено к полномочиям законодательной власти, то второе – к полномочиям исполнительной власти, на которую задача и возлагается.

Когда законодатель предписывает создание и использование информационной системы с определенными характеристиками, содержательно не изменяющей правоотношения в сфере ее применения, он, как нам представляется, выходит за пределы своей компетенции и необоснованно сужает пространство решений задачи, поставленной перед исполнительной властью [3].

Приведем пример. В статье 98 нового закона «Об образовании» предписывается использование сразу пяти (!) федеральных информационных систем, одной из которых является ФИС «Федеральный реестр апостилей, проставленных на документах об образовании и (или) о квалификации» (ч. 10 ст. 98). Интересно то, что на момент принятия закона уже функционировал федеральный реестр документов государственного образца об образовании, об ученых степенях и ученых званиях, созданный на основании ст. 27.1 предыдущего закона об образовании. Очевидно, законодатель счел технически неверным упоминание в законе об образовании документов об ученых степенях. В соответствии с требованиями нового закона было принято Постановление Правительства РФ от 10.09.2013 N797 «О федеральной информационной системе «Федеральный реестр апостилей, проставленных на документах об образовании и (или) о квалификации», почти полностью воспроизводящее Постановление Правительства от 03.04.2013 N293 «О федеральном реестре документов государственного образца об образовании, об ученых степенях и ученых званиях» (которое, в свою очередь, действует в отношении документов об ученых степенях и ученых званиях). Фактически же, невзирая на явное требование законодательства о ведении двух различных систем, функционирует (и значится в реестре государственных информационных систем) одна система, доступная по адресу <http://apostille.obrnadzor.gov.ru/>, прекрасно справляющаяся со своими задачами. Чем была вызвана потребность соответствующей

законодательной нормы и какой положительный эффект от нее ожидался, остается неясным.

2. Внедряя информационные системы на уровне федерального закона, устанавливая особый правовой статус участников информационных правоотношений – пользователей информацией, обладателей информации, оператора информационной системы, мы неизбежно получаем новые задачи, вытекающие из этого статуса. Например, контроль за исполнением обязанности по представлению информации в систему. Легко забыть, что сама система изначально является средством, а для достижения настоящей цели, возможно, не столь принципиальны абсолютная точность и полнота входных данных, чтобы тратить на них усилия. Концепция «больших данных», когда вместо использования статистически обработанной информации осуществляется сбор и хранение всех первичных данных в какой-либо области, рассматривает неточность как неотъемлемое свойство таких данных, причем, неточность считается несущественной, поскольку ее значение в общем объеме ничтожно [4]. То, что зачастую вместо повышения качества исполнения основных государственных функций придумываются новые, видится как проблема.

3. Когда государственная информационная система регулируется на уровне федерального закона и федеральным законом устанавливается ее правовой режим, например, перечень содержащихся в системе сведений, внести какие-то изменения, обусловленные естественной эволюцией системы, затруднительно, поскольку, как верно отмечает А.Н. Митрейкин, создание и принятие федерального закона – это гораздо более сложная задача, нежели подготовка и подписание нормативно-правового акта высшего исполнительного органа государственной власти [5, с. 13]. Чтобы исключить сбор ненужных (как оказалось) сведений о гражданстве пассажира, но при этом испрашивать сведения о поле и месте его рождения (вероятно, крайне важные для работы Единой информационной системы обеспечения транспортной безопасности), понадобилось принятие поправок в федеральный закон от 09.02.2007 N16-ФЗ «О транспортной безопасности». Между тем, современные методологии создания сложных информационных систем предполагают итерационный подход к разработке. Выпуск и внедрение очередной версии сразу же переходит в аналитическую стадию работы над очередной версией с учетом опыта использования системы [6, 7].

Возможно, корни потребности в законодательном регулировании ИС кроются в части 4 статьи 14 федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», согласно которой перечни видов информации, предоставляемой в обязательном порядке из государственной информационной системы, устанавливаются федеральными законами (тогда как соответствующая норма утратившего силу 24-ФЗ давала возможность утверждения таких перечней

постановлением Правительства Российской Федерации). Заметим, что на практике законодатель периодически игнорирует слово «видов» и устанавливает в федеральном законе исчерпывающий и детализированный перечень сведений, что лишает исполнителя гибкости, необходимой при работе с современными информационными технологиями.

На наш взгляд, данные полномочия должны быть возвращены высшим органам исполнительной власти, что вполне будет соответствовать положениям статьи 14 федерального закона от 09.02.2009 №8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», в соответствии с которой именно на этом уровне правового регулирования утверждаются перечни информации о деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, размещаемой в сети «Интернет». Ни малейшей разницы, публикуются эти сведения на официальном сайте государственного органа напрямую или из федеральной информационной системы мы не видим. То, что сравниваемые нормы регулируют одну группу правоотношений следует из того, что информация в государственных информационных системах относится к информации о деятельности государственных органов в соответствии с ее определением (ч. 1 ст. 1 ФЗ №8).

Наконец, возвращаясь к ранее сказанному, укажем на целесообразность следующей модели правового регулирования представления информации в государственные информационные системы:

а) Обязанность по представлению определенной информации должна возлагаться на ее обладателей вне контекста каких-либо информационных систем. В федеральном законе следует установить обязанность представлять определенные сведения в установленном порядке в соответствующие государственные органы (как это имеет место для подавляющего большинства правоотношений, урегулированных до появления законодательной моды на информационные системы).

б) Государственные органы самостоятельно в рамках своих полномочий определяют способы представления указанных сведений и вправе обязать обладателей информации поставлять их непосредственно в информационную систему (путем установки специализированного программного обеспечения, направления электронных документов согласно установленной форме, ввод сведений через сайт госоргана и т.д.), либо выбрать иной вариант.

Отметим, что в этом случае не происходит подмены понятий, истребование сведений у обладателей информации осуществляется в целях, связанных с исполнением конкретных государственных функций – и именно в этом контексте будет рассматриваться парламентом и гражданским обществом (аргументированно оспаривать положение, что та

или иная информация «необходима для ведения информационной системы» крайне затруднительно).

Библиографический список

1. Кудрявцев М.А. Российское информационное законодательство: «Двуликий Янус» кодификации / Отв. ред. И.Л. Бачило. Сб. науч. работ. М.: ИГП РАН – Изд-во «Канон+», 2015.
2. Амелин Р.В. Цель создания как элемент правового режима федеральной информационной системы // Журнал российского права. 2015. №1 (217). С. 95-101.
3. Амелин Р.В. О разграничении полномочий в сфере правового регулирования федеральных информационных систем // Гражданин и право, 2015. №2. С. 42-54.
4. Майер-Шенбергер В., Кукьер К. Большие данные. Революция, которая изменит то, как мы живем, работаем и мыслим. пер. с англ. Инны Гайдюк. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014.
5. Митрейкин А.Н. Правовое обеспечение создания государственной информационной системы топливно-энергетического комплекса: история и настоящее // Информационные ресурсы России. №5. 2011. С. 11-15.
6. Брауде Э. Технология разработки программного обеспечения. СПб.: Питер, 2004.
7. Вигерс К., Битти Д. Разработка требований к программному обеспечению. 3-е изд., дополненное / Пер. с англ. М.: Издательство «Русская редакция»; СПб.: БХВ-Петербург, 2014.

УДК 323.2

ОСОБЕННОСТИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Г.М. Барашков

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: eternity65@yandex.ru

Статья посвящена анализу особенностей и противоречий модернизационных процессов в современной России. Подчеркивается, сложность и неоднозначность данного процесса, связанного с тем, что модернизация происходила в условиях изменения общественно-политического строя и реальной опасности распада государства. Показано, что модернизация протекала в три этапа, каждый из которых решал определенные задачи. Отмечено, что модернизация проводилась при доминирующей роли государства. Вместе с тем, одно из отличий современной модернизации от предыдущих заключается в поддержке гражданами преобразований, и в желании активизации этих процессов.

Ключевые слова: модернизация, российская модель модернизации, государство, общество, демократия.

PECULIARITIES AND CONTROVERSIES OF THE RUSSIAN MODERNIZATION'S MODERN STAGE

G.M. Baraskov

The article examines peculiarities and controversies of modernization processes in contemporary Russia. The author points out complexity and ambiguousness of this process connected with the fact that modernization took place within the transformation of societal and political structure and distinct danger of state's breakdown. It is argued here that modernization consisted of three stages each of which served certain purposes. The idea that the state played a dominant role in the implementation of modernization is stated. Yet within, one of the differences between the modern modernization and the previous ones implies that nowadays people support reforms and desire activation of these processes.

Key words: modernization, Russian model of modernization, state, society, democracy.

Модернизационные процессы в современной России, протекающие после 1991 года, по нашему мнению, условно можно разделить на три этапа. Первый этап, связанный с именем Б.Н. Ельцина, характеризуется как промежуточный, либеральный, но не демократический (хотя позиционирующий себя как демократический), скорее, элитарный, с опорой не на большинство населения, как это принято в условиях демократического правления, а на перестроившийся госаппарат и, в основном, на представителей непроизводительного бизнеса. Не менее важно и то, что реформаторский потенциал данной разновидности демократии не очень велик. Сила посткоммунистической демократии не столько в положительной, сколько в отрицательной легитимности, в ее способности противостоять старым порядкам. Но люди, особенно в провинции, доверявшие демократически избранным лидерам, прежде всего Б.Н. Ельцину, «ждали не непопулярных мер, не перехода к мало понятному рынку, а реального и быстрого улучшения жизни» [1, с. 101]. В результате данного реформаторства страна оказалась на грани исчезновения.

Характеризуя переход от советской системы к посткоммунистической демократии, мы полагаем, что на данном этапе социально-политическое развитие России имело двойственный характер, включающий в себя одновременно как модернизаторскую, так и антимодернизаторскую составляющую. Первая составляющая проявлялась в расширенном включении в политическую и экономическую жизнь социальных групп и индивидов, в ослаблении «традиционной» политической элиты и упадке ее легитимности. Вторая – выражалась в специфической форме осуществления модернизации. Эта специфика проявлялась в авторитарных методах деятельности и менталитете элиты, в «либеральном большевизме», позволяющем только одностороннее движение команд, сверху – вниз, при закрытом характере принятия решений. Поэтому, по мнению исследователя А.П. Цыганкова «модернизация отягощена множеством помех политического

патернализма на пути не только политического участия, но и развития системы в более широком социально-историческом смысле» [2, с. 15-37].

Приход к власти В.В. Путина обозначил новый этап социально-экономической и политической модернизации всей общественной и национально-государственной системы. От действий нового президента ожидали некоего «чуда», в решении острых проблем. Ситуация для российского государства не новая, так как на всем протяжении отечественной истории в кризисные моменты народ пытался консолидироваться вокруг лидера, олицетворявшего в традиционном сознании силу и мощь. В этой связи победа В.В. Путина и его первые указы, и законопроекты, внесенные для принятия в Государственную Думу как действующего Президента РФ по реформированию системы государственного управления, являются вполне логичными и обоснованными, составляющими во многом суть российской управляемой (суверенной) демократии. Практическая деятельность лидера страны первоначально состояла в решении задач, поставленных еще Перестройкой: соединение либеральных ценностей с патриотическими, модернизация политической системы с учетом национальной специфики, в том числе и советского опыта.

Содержание этого этапа отечественной политической модернизации определялся целым рядом внутренних и внешних факторов. Во-первых, распад СССР, когда жизненно важные части геополитической протяженности оказались «ближнем зарубежье». Во-вторых, миллионы этнически русских и так называемых «русскоязычных», близких по культуре, менталитету, образу жизни людей, оказались отрезанными от исторической родины. В-третьих, внутри сузившегося геополитического пространства укрепился этнический национализм, сепаратизм. В-четвертых, разрушились прежние ориентиры людей. Для миллионов граждан возникает вопрос: «Что, собственно говоря, Россия сегодня? Куда она движется? Каков алгоритм ее развития? Существует ли Россия как нечто целое, как живой организм, как стабильная социальная общность, а не просто как некий набор территорий?». И здесь, воочию стали набирать обороты кризисные явления в области интеграции общества, которые переросли в кризис идентичности сограждан. В-пятых, усилились влияния и давления глобальных вызовов, поставивших под сомнение саму возможность и необходимость существования РФ как суверенного, самостоятельного государства.

В этих условиях, возникший вопрос о сохранении российской государственности, стал ключевым и по большинству параметров определяющим в ходе проведения модернизации. Более того, совершенно очевидно, что модернизационные процессы должны были требовать скоординированной деятельности всех сфер жизнедеятельности общества, консолидации, подтягивания ресурсов, адекватной переориентации социальных, экономических и политических институтов государства, регулирующая роль

которого в таких преобразованиях многократно возрастает, становясь основополагающей.

В условиях крайней нестабильности, вызванной распадом СССР, и последовавшим за этим инерционными процессами дезинтеграции и разрушения России, реально осуществимыми вариантами сохранения российской государственности могли стать либо жесткая централизация управления, с задействованием элементов механизма унитаризма, присущими и испытанными ранее в командно-административной политической системе, или проведение реформирования самих федеративных структур с перераспределением полномочий между федеральным центром и субъектами РФ на правовой основе, что являлось гораздо более сложным в исполнении и более продолжительным по времени, но зато вполне соответствующим демократическим принципам развития.

Российским обществом был выбран второй путь, с сохранением не только целостности страны, но и защитой различных интересов, духовных, экономических и иных связей между различными частями государства. Способность властей предотвратить отделение ряда территорий, позволило стабилизировать общественно-политическую ситуацию, но не смогло полностью решить проблему сохранения единства и целостности государства, чему свидетельством явились события на Северном Кавказе. Отсюда возникает вполне закономерный вопрос, насколько оправданным является такой вариант сохранения единства страны, и все ли правильно было просчитано и сделано в процессе строительства нового демократического государства?

Ответ, по-видимому, не может быть дан однозначно положительным или отрицательным, если рассматривать его с научной точки зрения, а не с позиций политической конъюнктуры. Скорее всего, он должен констатировать необходимый и возможный на тот момент компромисс, достигнутый путем потерь и приобретений между различными слоями общества и регионами страны. Россия не распалась, и это главное, сохранила себя как национально-государственное образование и субъект международного права, актуализировав проблему, болезненную не только для нее, права наций и народов на самоопределение и государственную самостоятельность. Это не частный вопрос политического проектирования строительства российского государства, а скорее одна из поисковых проблем мирового сообщества.

С этих позиций вполне оправданными оказались усилия В.В. Путина по укреплению государственной власти и национально-территориальной целостности России, заключавшиеся как в реформировании федеральных структур (в частности, Совета Федерации, порядка избрания Государственной думы и т.д.), так и укреплении исполнительной вертикали (создание семи федеральных округов с назначением в них полномочных представителей Президента России, назначении

губернаторов), приведении законодательства субъектов Федерации в соответствие с Конституцией РФ.

Однако в тезисе о сильной власти немалая часть сограждан отмечает феномен диктатуры, ставя под сомнение законность как принцип, применимый для проведения российской модернизации. Причем большинство сторонников этого курса подразумевает не политическую диктатуру в общепринятом смысле этого слова, а нечто совсем иное: сильное государство, способное отрегулировать экономическую систему, защитить личность от произвола и беззакония при сохранении политических свобод. Идея авторитаризма обосновывается тем, что российскому обществу предстоит сложное государственное строительство с преодолением как дезинтеграционных процессов, так и «укоренившегося патернализма и этатизма» в общественном сознании и социально-политической практике.

С нашей точки зрения, в данном случае правомернее ставить вопрос о возможности и необходимости реализации такой модели модернизации, которая бы протекала при доминирующей роли государства, что в современных условиях не должно означать принципиального отказа от идей демократии, перехода к смешанной экономике. Речь идет скорее о смене темпов преобразований, степени их ориентированности на те или иные группы населения и, что крайне существенно, о характере политических механизмов, действующих в переходный период. Использование такой модели при модернизации современного российского общества предопределяется, с одной стороны, всей предшествующей отечественной историей, способствовавшей выработке исторического кода «сильного государства», а, с другой стороны, такого рода трансформации производятся государством постольку, поскольку только в государственной сфере возможна поддержка идентичности социального целого в его движении от прошлого к будущему.

Следует согласиться с позицией И.А. Ильина, который отмечал, что «Россия как национально-политическое явление была создана сильной государственной властью» [3, с. 280]. Пренебрежительное отношение к данному факту, попытки непродуманной децентрализации власти приводили чаще всего к торможению развития, ставили под угрозу сам процесс модернизации.

П.И. Новгородцев также указывал на то, что осуществление демократической идеи настолько трудно, насколько легко ее исказить. Наивные политики полагают, что «стоит только свергнуть старый порядок и провозгласить свободу, всеобщее избирательное право и власть народа, как демократия осуществится сама собой. Но мысль о том, что с разрушением старых устоев тотчас же водворяется истинная свобода, принадлежит анархической, а не демократической теории» [4, с. 547-548]. Следовательно, необходимо четко понимать, что по существу демократия есть самоуправление народа. При этом сам народ должен быть сознающим свои

права и уважающим чужие, понимающим свои обязанности и способным к самоограничению. Для П.И. Новгородцева демократия выступала как система свободы, система политического релятивизма, «который готов допустить всякую политическую возможность, всякую хозяйственную систему, лишь бы это не нарушало начало свободы» [4, с. 553]. Демократия, по П.И. Новгородцеву, «есть всегда распутье».

С точки зрения Н.А. Бердяева, в России идеи демократии оторваны от идеи прав человека и гражданина. Пафос социального равенства всегда подавляется в России пафосом свободы личности. Личность не признавалась ответственным творцом общественной жизни. «Новая жизнь ожидалась исключительно от изменений социальной среды, от внешней общественности, а не от творческих изменений личности, не от духовного перерождения народа, его воли, его сознания» [5, с. 196]. Поэтому, освобождаясь от пут тоталитаризма, мы должны принять демократию во всей ее сложности не как господство большинства массы, а как развитие самоуправляющейся личности и нации в целом.

Выдающиеся российские мыслители – эмигранты еще в начале прошлого века определили важнейшие методологические положения, способные повлиять на характер современного этапа политической модернизации: России необходима сильная государственная власть, однако сильная власть не то же самое, что тоталитарная власть; важно отличать творческую демократию от формальной, механистической; учет необходимых условий для реализации основных принципов демократизма; отказ от демократии как новой формы религии, способной безболезненно решить назревшие проблемы и противоречия.

Следовательно, для успешного проведения модернизационных преобразований, необходима модель, которая бы включала в себя сильную государственную составляющую, предполагающую, с одной стороны, структурные и функциональные преобразования государства как политического института, его осовременивание, а, с другой, необходимость выработки специфических механизмов взаимодействия власти и гражданского общества, поиска согласования всевозможных интересов, то есть того, в чем и заключается смысл демократии. Суть данной модели состоит в создании условий для формирования открытого общества, где государство выступает политической гарантией действительной альтернативы отсталости страны.

Третий этап модернизации, также связанный с именем президента В.В. Путина, логично вытекает из второго, и должен вывести страну на качественно новый уровень. Однако, по нашему мнению, модернизационные процессы замедлились. Создается впечатление, что страна, преодолев тяжелый этап в своей истории, имея ясный проект деятельности, реализовав его, подошла к некоему рубежу, за которым должны последовать более активные действия по преобразованию

действительности, но они не происходят. Складывается уникальная ситуация, возможно впервые в истории России, когда общество готово и хочет перемен, связывая свои надежды, прежде всего экономического характера, с активизацией модернизационных процессов, а власть начинает не поспевать за такими настроениями. Такой диссонанс может вызвать очередной кризис в обществе, так как общество, возможно, смирилось бы с потерей части демократических свобод, но в обмен на экономическое процветание, а так непонятно, во имя чего, зачем, и сколько еще ждать? Кроме того, в обществе начались процессы, которые чреваты деконсолидацией правящего класса, и как следствие, дестабилизацией общественно-политической ситуации – война элит, в виде всевозможных разоблачений, наносящих серьезный репутационный урон.

Очевидно, что третий этап современной модернизации в идеологическом плане будет проходить под социал-демократическими знаменами, а новой политической организацией, способной объединить и направить в нужном направлении, для реализации модернизационных задач, тысяч граждан, будет ОНФ.

Таким образом, постсоветскую модернизацию можно разделить на три этапа. Первый этап связан с деятельностью первого Президента РФ Б.Н. Ельцина, характеризуется кризисом доверия к власти, причем кризис порожден не только ходом непопулярных реформ, но и неспособностью власти общаться с обществом, игнорирования государственных интересов, аморальностью власти, заключающейся в разбазаривании национального богатства, стяжательством, что не укрепляло авторитет власти, и способствовало охлаждению со стороны общества как к реформам, так и власти в целом.

Особенностью модернизационных процессов этого периода можно считать следующее:

- отсутствие какого-либо политического контроля над действиями администраторов, центральная исполнительная власть выступала единственным источником экономических и политических реформ;
- слабость политических организаций, представляющих интересы различных групп общества и партийной системы в целом;
- абсолютизация независимости как от общества, так и от представительных органов всех уровней привела к фрагментарности власти, которая принципиально отличается от западного плюрализма своей слабой институализированностью.

Второй этап современной российской модернизации связан с В.В. Путиным, который сделал ставку на укрепление государственной власти в виде «вертикали власти», для успешного проведения реформ политико-экономического характера, способствовавших стабилизации

общественно-политической ситуации в стране. Таким образом, был подготовлен «плацдарм» для третьего этапа.

Третий этап органически вытекает из второго, являясь его логическим продолжением, нацелен на улучшение экономической обстановки в стране, поднятия уровня жизни граждан, вовлечения граждан в общественно-политическую жизнь и демократизацию институтов государственной власти.

Подводя итоги модернизационных преобразований в современной России, следует отметить, что общество за этот период преодолело большой путь в своем политическом, духовном, а отчасти и экономическом развитии. Но процесс перехода от одной политической системе к другой оказался трудным и не таким быстрым, как думали инициаторы этого движения. Общество заплатило огромную цену: утрату прежней государственности; обострение межнациональных отношений; дезинтеграцию хозяйства; ухудшение уровня жизни населения и т.д.

Сегодня возникла настоятельная потребность в переосмыслении исторического опыта модернизации, выработке новой интегративной концепции реформирования российского общества и государства. В этой связи важно подчеркнуть, что переоценка роли и потенциала модернизируемого общества и «новый выбор» – это не просто смена одной альтернативы на другую, а смена самих альтернатив, тем более что, как отмечает исследователь Н.Ф. Наумова, «именно реформируемые, переходные общества как нестабильные, развивающиеся системы демонстрируют свою потенциальность, то есть способность генерировать новые идеи, новые структуры, новые движения, то есть варианты, альтернативы развития системы» [6, с. 8].

Подчеркнем, что для успешной реализации политической модернизации в России на современном этапе, необходимо учитывать, с одной стороны, возникающие и обостряющиеся опасности и угрозы, а, с другой – усиливающуюся глобальную тенденцию к превращению политической демократии в ноосферную демократию, где отражаются интересы всех участников социоприродного взаимодействия. Успешное развитие общества предполагает выработку национально-государственных стратегических планов развития такого перехода, неразрывно связанных с развитием институтов гражданского общества, по многим параметрам созвучного духовным ценностям и менталитету российского народа, а также создание мощной социально-экономической базы, отвечающей требованиям постиндустриального общества.

Библиографический список

1. Капустин Б.Г., Клямкин И.М. Российское общество: ценности и приоритеты // Политические исследования. 1993. №6. С. 73-78.

2. Цыганков А.П. Между либеральной демократией и сползанием в авторитаризм: предварительные итоги политического развития России, 1991-1996 гг. // Социально-политический журнал. 1997. №1. С. 54-59.
3. См.: Ильин И.А. Предпосылки творческой демократии / О грядущей России. Избранные статьи. М., 1993.
4. Новгородцев П.И. Демократия на распутьи / Об общественном идеале. М., 1991.
5. Бердяев Н.А. Демократия и личность. Судьба России. М., 1990.
6. Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина, ресурс человечества. М., 1999.

УДК 32.019.5

СУБЪЕКТНОЕ ПОЛЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ-ПОЛИТИКА

Е.Г. Бахтеева

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: ket_rin_07@mail.ru

В статье рассматривается трансформация образа женщины-политика как отражение динамического аспекта политического процесса. Дается интерпретация категорий «политическая трансформация» и «субъектное поле трансформации образа женщины-политика». Представлен анализ возможного перечня основных субъектов, участвующих в процессе формирования образа женщины-политика. Так же, в статье применяется попытка применения системной модели Д. Истона в определении особенностей субъектного поля трансформации образа женщины-политика.

Ключевые слова: политическая трансформация, образ женщины-политика, трансформация образа женщины-политика, субъектное поле трансформации, системная модель Д. Истона.

SUBJECT FIELD OF TRANSFORMATION OF AN IMAGE OF THE FEMALE POLITICIAN

E.G. Bakhteeva

In article transformation of an image of the female politician as reflection of dynamic aspect of political process is considered. Interpretation of the categories "political transformation" and "subject field of transformation of an image of the female politician" is given. The analysis of the possible list of the main subjects participating in process of formation of an image of the female politician is submitted. Also, in article attempt of application of system model D. of Easton in determination of features of a subject field of transformation of an image of the female politician is applied.

Key words: political transformation, image of the female politician, transformation of an image of the female politician, subject field of transformation, system model D. Easton.

В настоящее время в политической науке накоплено большое количество подходов и концепций к определению категорий политической системы и политического процесса. Разработкой данных вопросов занимался и занимается до сих пор широкий круг научных деятелей. Результаты, полученные в рамках исследований можно экстраполировать на более узкие по своему содержанию политические явления и процессы, которые становятся составными частями политической системы и политического процесса.

Современные исследователи считают, что «содержание понятия «политический процесс» охватывает два аспекта политической жизни: функциональный (как политическая система действует, воспроизводит и сохраняет себя) и динамический (как та же система эволюционирует, реформируется, расцветает или деградирует)» [1, с. 432].

Нас интересует в данном контексте именно динамический аспект политического процесса, а именно процесс трансформации политического явления или целой системы. При этом, надо уточнить, что мы определяем политическую трансформацию как процесс изменения формы, вида, природы или характера политической системы или отдельных элементов ее структуры, который не предполагает обязательного наличия вектора изменений (прогрессивной, регрессивной либо сложной (нелинейной) направленности).

В рамках данной работы мы акцентируем внимание на изучении субъектного поля трансформации женщины-политика. При этом, отметим, что под субъектным полем мы понимаем совокупность субъектов, обращенных в процесс трансформации, которые взаимосвязаны как единая система элементов, имеющая собственную структуру, тогда как указанные субъекты выполняют определенные функции для осуществления данного процесса. Также следует отметить, что рассматриваемый процесс трансформации образа женщины-политика представляется как часть политического процесса, притом, что женщина-политик является субъектом политики, как элемент политической системы.

Субъектами трансформации образа женщины-политики могут выступать различные акторы политического процесса. Необходимо учитывать, что политическая сфера мобильна и находится в перманентном состоянии видоизменения, поэтому субъектное поле может либо расширяться, либо сужаться. Так или иначе, мы попытаемся обозначить основной круг субъектов, принимающих участие в данном преобразовании.

Центральное место субъектного поля принадлежит собственно женщине-политику. Ее образ становится неким отражением, во-первых, ее собственных представлений о нем, как идеальной относительно абстрактной форме, наполненной определенным набором характеристик, которая формируется на протяжении всей ее жизни, в рамках процессов

самоидентификации, политической социализации, аксиологической составляющей ее индивидуального политического сознания и многими другими факторами и условиями. Во-вторых, образ представляется как воплощенный в жизнь результат деятельности самой женщины-политика по созданию формы, отражающий ее представления в той или иной степени. Ведь не всегда становится возможным осуществление всего того, что мы имеем в своих представлениях и ожиданиях. При формировании образа женщина-политик может воспользоваться помощью специалистов, политических технологов, которые могли бы помочь расставить правильно акценты, для достижения с одной стороны поставленных политических целей, например, повышения политической привлекательности перед электоральными группами. С другой стороны, для достижения минимизации фрустрационного состояния самой женщины-политика. При этом, не стоит забывать, что политические технологи ориентируются в первую очередь именно на предпочтения электората, а кандидат пытается выдержать тон заявленный ими в рамках избирательной кампании. Здесь необходимо вырабатывать образ так, чтобы при этом не было кардинальных перевесов в сторону удовлетворения интересов одной из сторон, стоит обратить внимание на срединную позицию решения данного вопроса.

Таким образом, вторым субъектом трансформации образа женщины-политика становятся специалисты, занимающиеся «продвижением» политических деятелей, кандидатов. Политические технологи, PR-специалисты, имиджмейкеры, спичрайтеры и другие профессионалы этой сферы и занимаются разработкой образа заказчика. При выработке стратегии и тактики избирательной кампании специалисты не могут воспринимать кандидата как «чистый лист». Кроме предпочтений электората, существуют характер и темперамент, личностные особенности кандидата, которые невозможно не учитывать при создании целостного образа. Поэтому, на начальном этапе работы с заказчиком у специалистов складываются особые представления о кандидате, со всей совокупностью его характеристик, при возможном воздействии профессионального взгляда на первоначальный образ, с которым им необходимо работать. На следующем этапе учитываются предпочтения самого кандидата, который имеет собственное представление об образе, к этому суммируются предпочтения электората и в результате, создается целостный образ в рамках формирования его посредством политических технологов.

Средства массовой информации также можно определить как субъект трансформации образа женщины-политика. Его можно представить как некий инструмент второго субъекта – политических технологов, посредством которого они представляют сгенерированный ими образ. С другой стороны средства массовой информации выступают как самостоятельный «самодостаточный» субъект процесса трансформации.

Они могут выражать особое собственное представление о женщине-политике, и при этом создавать у других субъектов (которые в этот момент становятся скорее объектами воздействия) образ с акцентами на те характеристики, которые становятся актуальными и значимыми с их точки зрения.

Одним из самых важных субъектов трансформации образа женщины-политика является электорат, о роли которого было уже отмечено при рассмотрении второго субъекта. Электорат является как субъектом данного процесса, так как сам непосредственно оказывает влияние на его ход. В тоже время именно на него в первую очередь обращены действия всего субъектного поля по формированию определенных представлений о женщине-политике и ее образе. Электорат находится под воздействием целого спектра субъектного влияния. В зависимости от действий или бездействий некоторых из них могут складываться различные по своему содержанию вариации образа женщины-политика в политическом сознании, как массовом, групповом, так и индивидуальном.

В ряд субъектов также следует отнести близкое окружение женщины-политика (семья, друзья, коллеги, советники). Так или иначе, данные представители и их мнение по поводу осуществляемой деятельности женщиной-политиком, выбранной ей стратегии и тактики, важно для нее и оказывает определенное воздействие, которое может выражаться в корректировке образных характеристик.

Другим субъектом становится научное сообщество. Процесс познания ученым производится в рамках научного сообщества, которое, в свою очередь, осуществляет деятельность на основе специфической научной парадигмы. Таким образом, в сознании ученых формируется особая научная картина мира, элементы которой воспроизводятся в процессе генерации нового знания. В последствие данные научные разработки, путем публикации, выступлений на научных конференциях и иных путей коммуникации, распространяются на широкий круг индивидуумов. Также научные разработки и мнения научной элиты становится важным для самого политика. Политический деятель и его команда использует при определении своего инструментария научные достижения. И представления об образе женщины-политика с научной точки зрения это особый уровень его формирования и трансформации.

Стоит отметить роль такого субъекта трансформации образа женщины-политика, как политические оппоненты. Они занимают особую нишу в формировании образа кандидата как продукта восприятия электоратом. Все действия политического оппонента направлены на акцентирование внимания предполагаемых избирателей на отрицательной составляющей своего противника (в нашем случае женщине-политике). Политический оппонент также может пользоваться услугами

политических технологов, которые будут при помощи особых технологий формировать «анти-образ».

Особое место в трансформации образа женщины-политика занимает влияние международного сообщества. Надо заметить, что особенностью данного субъекта, выступает масштаб оказываемого воздействия. Важны и особенности восприятия иностранными гражданами со своими этническими, национальными, ментальными, социо-культурными чертами. И соответствующее последующее отражение воспринятого ими образа. Тем более, образ женщины-политика «внутреннего пользования» может значительно отличаться от образа «внешнего пользования».

Представленный перечень субъектов не является постоянной константой субъектного поля. Также следует отметить, что влияние, оказываемое данными субъектами, следует рассматривать как систему взаимосвязанных элементов. При наличии или отсутствии каких-либо из указанных субъектов в рамках системы может изменяться форма и содержание данного воздействия.

Если отталкиваться от сформулированной Д. Истоном модели, в рамках которой «...системная методология предполагает рассмотрение политической сферы как целостного системного образования находящегося в сложном взаимодействии с «окружающей средой»... Получая от внешней среды через «каналы ввода информации» различные импульсы (требования, ожидания, выражения одобрения или протеста), политическая система воспринимает их и через свои механизмы преобразует в решения и действия, которые и организуют как в самой политической системе, так и во внешней для нее среде определенный порядок» [1, с. 399], мы можем провести аналогию и представить субъектное поле трансформации образа женщины-политика, как систему с двух разных сторон. «Истон определил границы политической системы, используя понятия «вход» и «выход» и на «входе» он выделяет два основных вида импульсов: требования и поддержка. А политическая система, реагируя на воздействия внешней среды, преобразует стимулы (требования и поддержку) в решения и действия на «выходе». Политическая система, как это следует из самой логики системного подхода, является «открытой системой», получающей постоянные раздражители и стимулы от внешней среды, и для поддержания внутренней стабильности должна постоянно реагировать на данные вызовы» [2]. Например, исследуемое нами субъектное поле может быть представлено как система, внутри которой субъекты взаимодействуют по принципу «вход» «выход», где импульсами выступают требование к определенным характеристикам образа женщины-политика или поддержку определенных качеств и черт данного образа, а на «выходе» получают реакцию, в виде образа с учтенными предпочтениями. А также можно представить субъектное поле, как единую систему с взаимосвязанными

элементами, которая сама по себе является той «открытой» системой, которая воспринимает импульсы и которой соответственно необходимо реагировать на них. Во втором случае импульсы будут исходить от всех иных систем, которые являются внешними по отношению к нашему субъектному полю.

Обратим внимание, что определение взаимодействия субъектов трансформации образа женщины-политика в рамках субъектного поля и вне его, по аналогии с системной концепцией Д. Истона не является конечным. Это лишь один из примеров возможного соотношения элементов системы.

Следует помнить и о том, что кроме определения ряда основных субъектов трансформации образа женщины-политика и их взаимодействия, необходимо обращать внимание на их собственные особенности, параметры и критерия их оценки. Каждый из указанных субъектов трансформации является по своей сути многогранным элементом политической системы.

Подводя итог, можно определиться со следующими выводами: во-первых, в процессе трансформации образа женщины-политики может быть задействован широкий круг субъектов. Во-вторых, можно выделить ряд основных субъектов, в соответствии в нашей точке зрения, к ним можно отнести женщину-политика и электорат, как центральные элементы субъектного поля, близкое окружение женщины-политика, также политических технологов, СМИ и научное сообщество. Отдельно можно выделить субъекты, несущие особую функциональную нагрузку, такие как политические оппоненты и международное сообщество. Все указанные субъекты могут соотноситься по-разному, и в разных вариациях. В зависимости от изменений в структурно-функциональной сфере субъектного поля будет изменяться и вектор трансформации образа женщины-политика. Более того, необходимо помнить, что при анализе любого политического явления, тем более в процессе его трансформации следует включать в спектр изучения все составляющие политику аспекты, как институциональные, так и неинституциональные.

Библиографический список

1. Политология: учебник для студентов вузов / под ред. В.К. Батурина. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 567 с.
2. См.: Политические системы // Сайт Фонда знаний «Ломоносов». URL: <http://lomonosov-fund.ru> (дата обращения: 19.03.2015).

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ СФЕРЫ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Т.А. Богорубова

*Поволжский (г. Саратов) юридический
институт (филиал) РПА Минюста России, Россия*
E-mail: tabogorubova@mail.ru

В условиях обострения конкуренции между странами и обществами за успешное развитие, процессы модернизации требуют новых научных подходов к их изучению и осмыслению. В статье рассматриваются актуальные проблемы развития социально-правовой сферы в условиях модернизации современного общества. Особый интерес, по мнению автора, представляет исследование коренных изменений трудового, пенсионного и социального законодательства России.

Ключевые слова: глобализация, модернизация, трудовые правоотношения, пенсионная система, охрана здоровья, медицинское и социальное обслуживание, социально-правовая сфера.

ACTUAL PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF SOCIO-LEGAL SPHERE IN THE CONDITIONS OF MODERNIZATION OF MODERN SOCIETY

T.A. Bogorubova

In conditions of increasing competition between countries and societies for the successful development, modernization processes require new scientific approaches to their study and understanding. The article deals with topical issues of development of the socio-legal sphere in the conditions of modernization of modern society. Particular interest, according to the author, is the study of fundamental changes in labor, pension and social legislation of Russia.

Key words: globalization, modernization, labour relations, pension system, health care, medical and social services, socio-legal sphere.

В настоящее время в Российской Федерации происходят сложнейшие процессы, которые свидетельствуют о серьезной структурной модернизации в различных сферах жизни современного общества. К сожалению, приходится констатировать, что политическая и, как следствие, экономическая, правотворческая и социальная ситуация в России подошли к своему критическому значению. В этой связи представляется, что тема модернизации социально-правовой сферы весьма актуальна, так как в ее основе лежат политические, экономические и социальные процессы.

Осуществляемые в настоящее время инновации в социально-правовой сфере характеризуются как феномен незавершенных реформ. В современных условиях, когда обостряется конкуренция между странами и обществами за успешное развитие процессы модернизации требуют новых научных подходов к их изучению и осмыслению. В данном контексте особенно остро стоят вопросы содержания и соотношения прав, обязанностей, взаимной ответственности государства и общества. Поэтому, как мы полагаем, процесс модернизации социально-правовой сферы (общества, права, политики, науки и образования, здравоохранения и ряда других) призван изменить, усовершенствовать, улучшить всю систему общественных отношений, так как в любой стране состояние, тенденции и перспективы развития процесса модернизации определяются путем нормативного правового регулирования законодательства о ней.

Сегодня ситуация складывается таким образом, что государство вынуждено реагировать на вызовы глобализации, в том числе и посредством планомерной модернизации всей российской правовой системы, а модернизация социально-правовой сферы обращает на себя особое внимание. Наглядным примером тому служит весьма бурное обсуждение ученым сообществом коренных изменений трудового, пенсионного и социального законодательства России. Следует отметить, что понимая несовершенство сложившейся социально-правовой системы в сфере трудовых, пенсионных отношений, здравоохранения, образования и т. д., необходимы новые концепции и пути решения возникших вопросов.

Неоспоримым в этой связи представляется положение о том, что необходимость перехода на современные механизмы регулирования трудовых отношений явилась одной из причин реформирования действующего Трудового кодекса Российской Федерации и, как результат, модернизации современного трудового законодательства, которая ознаменовалось существенными изменениями в общественной организации труда, усилением индивидуально-договорных (частных) начал в правовом регулировании трудовых отношений.

На наш взгляд, развернутая в России модернизация трудового права невозможна без должного законодательного обеспечения, объективно соответствующего ожиданиям и потребностям современного общества. В связи с чем, в рамках реформирования трудового законодательства был принят Закон о дистанционном труде («Об особенностях правового регулирования труда работников, выполняющих работу вне места расположения работодателя») [1]. Текст закона добавил в Трудовой кодекс России главу №49.1 «Особенности регулирования труда дистанционных работников» и расширил главу №49 «Особенности регулирования труда надомников». Как отмечает автор, «принятие этого закона устранило существующий пробел в трудовом законодательстве на растущий с каждым годом спрос на дистанционный труд» [2, с. 54].

Как нам представляется, многочисленные дискуссии потребовали и совершенно новых подходов к законодательному регулированию нестандартных форм занятости, что нашло свое отражение, например, в утвержденном Президентом РФ Федеральном законе «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 5 мая 2014 г. №116-ФЗ [3], согласно которому с 1 января 2016 г. вступят в силу изменения в отдельных законодательных актах. Отметим в этой связи, что все чаще идут разговоры о недостатках действующего трудового законодательства и о необходимости кардинально изменить его – вплоть до принятия нового кодифицированного нормативного правового акта, т. е. нового Трудового кодекса России.

Современная действительность такова что, несмотря на проводимые изменения в трудовой, социальной сфере пенсионная система России продолжает находиться в кризисном состоянии. Для предотвращения углубления кризисной ситуации пенсионной системы на протяжении ряда лет принимались активные попытки ее совершенствования.

В условиях рыночной экономики и растущего старения населения государственная политика встречает большие трудности в попытке модернизации пенсионной системы. Выход из сложившейся ситуации был найден в проведении пенсионной реформы, которая, как известно, началась в 2002 году и напрямую затрагивала интересы каждого человека.

Новая веха в пенсионной реформе была связана с глобальным финансовым кризисом 2008-2010 гг. В связи с чем, основным вектором в развитии пенсионной системы России явился переход с 1 января 2010 года к страховой модели. С 1 января 2011 года изменилась и структура трудовой пенсии – базовая часть перешла в систему обязательного пенсионного страхования, финансируемую за счет страховых взносов.

В декабре 2013 года Государственной Думой были приняты два федеральных закона, открывающие очередной этап модернизации пенсионного обеспечения российских граждан: Закон «О страховых пенсиях» [4] и Закон «О накопительной пенсии» [5]. В результате чего, с 1 января 2015 года изменился принципиально иной подход к пониманию пенсионной выплаты. Так, страховая пенсия стала предоставляться на основе пенсионного страхования с учетом социальной значимости трудовой или иной общественно-полезной деятельности. Рассмотрение такой неоднозначной категории, как «социальная значимость» до сего момента не входило в задачи пенсионного законодательства [6].

Необходимо отметить, что бюджет Пенсионного Фонда России (далее – ПФР) уже сейчас считается дефицитным, поэтому как прогнозируют, данная пенсионная реформа должна снять нагрузку и предотвратить банкротство ПФР, так как по предварительным подсчетам экономия составит около 100 млрд. руб. в 2015, 200 млрд. руб. – в 2016, 340 млрд. в 2017 и 500 млрд. в 2018. Но цифры весьма приблизительны, так как

сильное влияние на них окажут ежегодные перерасчеты для ныне работающих пенсионеров [7].

Не ошибемся, если констатируем, что кризисные явления в трудовых, пенсионных отношениях, существенно отразились и на здравоохранении, так как значимость таких благ как жизнь и здоровье, непосредственно связаны с трудовой и общественно-полезной деятельностью, а также с необходимостью их четкой правовой регламентации. Как мы полагаем, правовое регулирование отношений в сфере социально-правовой помощи в области охраны здоровья граждан приобретает первостепенное значение, так как в процессе этих отношений вышеуказанные блага оказываются часто нарушенными.

На протяжении последних лет в России было принято более двадцати различных федеральных законов, посвященных охране здоровья граждан, а также регулированию отношений в сфере здравоохранения. Однако единая система законодательства, регулирующая данную сферу здравоохранения, так и не создана. Отсутствие такой системы затрудняет осуществление всестороннего и полного контроля за медицинской деятельностью и приводит к серьезным трудностям в правоприменительной практике [8, с. 13].

Законодательство, регулирующее правоотношения в сфере охраны здоровья граждан, оказания медицинской помощи и услуг представляет собой весьма многоуровневую разветвленную структуру, ее комплексный характер опосредуется проявлением регулятивных норм в различных отраслях права. В России оно определяется Декларацией прав и свобод человека и гражданина, нормами Конституции Российской Федерации, Федеральным законом Российской Федерации «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации», Федеральным законом «Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан» и многими другими.

Как нам представляется, основным актом современного законодательства направленного на установление основ российского здравоохранения является Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [9] – это универсальный и фундаментальный законодательный документ, который регламентирует медицинскую деятельность и имеет достаточно много новелл в сфере охраны здоровья граждан. Однако в данном Законе практически сводится на нет моральное значение медицинской деятельности как формы социальной помощи и заботы на основе солидарности, сострадания и желания нести благо людям.

Из вышеизложенного можно сделать вывод что, государство обязано своевременно отвечать на вызовы глобализации, призвано выражать всеобщие общественные интересы с помощью разработки, принятия и применения на практике современных и эффективных социально-правовых

норм. В данном контексте речь идет о создании нормативной правовой базы регулирующей трудовые, пенсионные отношения; регулировании системы медицинского и социального обслуживания; разработке мер по повышению уровня жизни российских граждан путем модернизации социально-правовой сферы.

Таким образом, в условиях модернизации современного общества социально-правовая сфера России находится в сложном периоде своего развития, так как идет непростая работа по обновлению системы российского законодательства, а также создается нормативная правовая база совершенно новых общественных отношений.

Библиографический список

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 5 апреля 2013 г. №60-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. №14. Ст. 1668.
2. Богорубова Т.А. Некоторые конституционные принципы в условиях модернизации России / Конституция в эпоху глобализации: материалы V Международного конституционного форума, посвященного 20-летию принятия Конституции Российской Федерации (Саратов, 12, 13, 17 декабря 2013 г.). Вып. 5. часть 1: сборник научных статей. Саратов Издательство «Саратовский источник», 2014. 437 с.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 5 мая 2014 г. №116-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. №19. Ст. 2321.
4. О страховых пенсиях: федеральный закон от 28 декабря 2013 г. №400-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. №52 (часть I). Ст. 6965.
5. О накопительной пенсии : федеральный закон от 28 декабря 2013 г. №424-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. №52 (часть I). Ст. 6989.
6. О пенсионной реформе 2015. URL: <http://pensionnyj-fond.ru/poleznaya-informaciya/reforma-2015/> (дата обращения: 17.03.2015).
7. Пенсионная реформа 2015 в России. URL: <http://indworfdes.ru/2015god/5864-pensionnaya-reforma-2015-v-rossii.html> (дата обращения 18. 03.2015).
8. См.: Чех О.И. Вопросы правового регулирования в сфере здравоохранения / Вопросы современной юриспруденции: материалы XXVIII международной заочной научно-практической конференции. (28 августа 2013 г.). Новосибирск: Изд. «СибАК», 2013. 122 с.
9. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федеральный закон от 21 ноября 2011 г. №323-ФЗ (с изм. и доп.) // Рос. газ. Федеральный выпуск. 2011. №5639. 23 нояб.

ЭВОЛЮЦИЯ МНОГОПАРТИЙНОСТИ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В.И. Головченко

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: golovchenkosgu@mail.ru

В статье проводится анализ эволюции партийной системы России в связи с проводимой в стране модернизацией. Автором отмечается, что в условиях российской модернизации в структуре многопартийности происходят существенные изменения, реагирующие на проблемы взаимодействия партийной системы с изменяющимся гражданским обществом. Уникальность и своеобразие современной ситуации состоит в том, что отечественный партийный спектр является чрезвычайно динамичным, зачастую непоследовательным и внутренне противоречивым, слабо реагирующим на проблемы модернизации.

Ключевые слова: модернизация, эволюция, партийная система, общество.

EVOLUTION OF MULTI-PARTY SYSTEM IN THE MODERNIZATION OF RUSSIAN SOCIETY

V.I. Golovchenko

The article analyzes the evolution of the party system in Russia in connection with the ongoing modernization of the country. The author notes that in the conditions of Russia's modernization in the structure of a multiparty system there are significant changes that respond to the problems of interaction between party system with a changing civil society. The uniqueness and peculiarity of the current situation is that the national party range is extremely dynamic, often internally inconsistent and contradictory, poorly responsive to the problems of modernization.

Key words: modernization, evolution, the party system and society.

Вариативность моделей модернизации, как видно с точки зрения их содержания, то есть из программ, на которые они ориентированы, имеет ряд аналогичных структурных черт, которые позволяют подразделять процесс модернизации на несколько типов. В одном случае, например, модернизация должна охватывать все общество (экономику, политику и социальную сферу), в другом – она должна сосредоточиться только на экономике, или, что делает его еще более ограниченной, на реформировании технологической базы экономики. Судя по официальным документам и заявлениям российского правительства, в нашей стране реализуется модернизация в последнем смысле [1, с. 136]. В то же время, в

России формируется современное постиндустриальное общество, поэтому крайне необходимо внедрение и социальной модернизации.

Принято различать эволюционный (органический) тип модернизации, импульсом для которой основой является инициатива общества снизу, от массы неорганизованных или самоорганизующихся граждан и производителей, с одной стороны, а, с другой стороны, т.н. генерируемая модернизация, которая насаждается сверху вниз силой государства.

Третьей разновидностью в классификации модернизации является различие между «передовыми» и «догоняющим» её типами [2, с. 184]. Это не означает, что в «догоняющей» модернизации происходит точное копирование социальной и экономической организации стран-лидеров, или, что «догоняющая» модернизация просто задача, и не проблема сама по себе. Страна догоняющей модернизации пытается повторить окончательные результаты лидера, а не формы действия внутренних механизмов, которые сделали возможным новаторскую модель модернизации. Так, национальная формула модернизации вполне может быть необходимым условием для догоняющей модернизации, чтобы стать успешной.

Тотальная модернизация включает в себя изменения, которые влияют на все аспекты человеческой жизни, для всех его слоев и социальных групп страны. С другой стороны, региональная модернизация может быть настроена только на один социальный слой или одну социальную группу, при сохранении условия для других групп и слоев перестроится, или, точнее – подстроится под реализуемую схему локальной модернизации. Следует подчеркнуть, что необходимо учитывать разнообразие возможных сценариев модернизации, поэтому важно понять, как они могут влиять на развитие общества и личности.

Формула российской модернизации, провозглашенная в свое время Президентом Д.А. Медведевым на Красноярском форуме, содержит четыре «и»: институты, инфраструктура, инвестиции и инновации [3]. Очевидно, что в этой формуле правильно определены основные вопросы модернизации политики России. Тем не менее, фактическая реализация этой формулы оказалось более сложной, чем было предусмотрено в 2008 г.

В условиях российской модернизации происходят существенные изменения и в структуре партийного строительства, важнейшим элементом которого становится задача расширения социальной базы партий и создания механизмов взаимодействия партийной системы с изменяющимся гражданским обществом. Следовательно, на формирование партийного спектра оказывают влияние многочисленные факторы. Сама природа политической системы находится в неразрывной связи с партийной системой. Так, например, Я.А. Пляйс отмечает: «Диалектика взаимодействия партийных и политических систем во многом зависит от их типов. Если их природа и принципы деятельности совпадают, будет

совпадать и алгоритм их взаимодействий и, соответственно, эффективность этого взаимодействия будет достаточно высокой, и наоборот. Иначе говоря, от того, дополняют политические и партийные системы друг друга или соперничают друг с другом, зависит не только общественно-политический климат в стране, но и как нация сможет решать стоящие перед ней разнообразные задачи» [4, с. 27].

Наряду с наличием таких фундаментальных факторов влияния на партийный спектр, как политический режим, идеологические, социальные и элитные расколы, существуют и более частные факторы, имеющие характер инструментальных, с помощью которых можно этот самый партийный спектр достаточно эффективно конструировать и трансформировать. К их числу, прежде всего, стоит отнести проблемы современной модернизации. Опираясь на вышеизложенные теоретические предпосылки, можно выделить несколько базовых сегментов российского партийного спектра и дать им общую характеристику, исходя, с одной стороны, из методологических принципов партологии, а, с другой стороны, учитывая новейшие модернизационные и политические изменения в России.

По нашему мнению, можно выделить на данном этапе развития страны пять основных сегментов российского партийного спектра: «партии власти», либералы, коммунисты, национал-популисты, экстремисты. Данная типология в своей титульной части, то есть то, как обозначены сегменты, в большей степени несет отпечаток идеологических расколов. В то же время, идеология зачастую является лишь номинальной характеристикой сегментов, а реальные их различия лежат в иных плоскостях: отношениях с исполнительной властью, реакция на процессы модернизации, взаимоотношения с бизнесом, структурами гражданского общества и даже с международными акторами.

Либеральный сектор российского партийного спектра представлен, прежде всего, такими партиями, как «Яблоко» и «Союз правых сил». Сегодняшний российский либерализм вырос из широкого и разношерстного движения конца 80-х – начала 90-х годов XX века. Аморфное по своим ценностным ориентациям, оно развивалось на идее оппонирования КПСС, а его участники позиционировали себя как «демократы». Они выступали за демонтаж советской системы, отмену шестой статьи Конституции, введение многопартийности, прав и свобод личности, рыночные реформы. Наиболее известными организациями были «Демократическая Россия», Демократическая партия России, «Демократический Союз». Помимо «Яблока» и СПС в современной России существует еще ряд партий и организаций, которые исповедуют либеральные ценности и имеют прозападную ориентацию. Начиная с 2004 года, в условиях электоральной несостоятельности «старых» либеральных партий, «оранжевой революции» на Украине и приближающегося нового

электорального цикла, на либеральном фланге происходит определенная активизация.

Другой значительный сектор российского партийного спектра занят представителями коммунистических партий. Нынешние российские коммунисты возникли на обломках Советского Союза. Первоначально на левом фланге преобладали радикальные группировки, такие как Российская коммунистическая рабочая партия (РКРП), «Трудовая Россия», «Союз офицеров», призывающие к насильственному свержению демократической власти и реставрации Советского Союза. После поражения в вооруженном столкновении со сторонниками Ельцина в октябре 1993 года левые радикалы утратили свой политический вес. Инициатива перешла к более умеренной и системной Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ).

Своеобразие политической истории России, её специфический путь модернизации, состоит из конкретных действий политических лидеров в определенных контекстах. Большинство ученых сходятся во мнении, что основной особенностью политической системы исследуемого периода выступает нестабильность и слабость демократических институтов. С точки зрения Д.Е. Москвина результатом трансформации политической системы России является «институциональная неопределенность, при которой основные субъекты не находят компромисса относительно политических и поведенческих процедур и правил» [5].

Одним из основных факторов эволюции политической системы России, следует считать и морально-этические характеристики правящего класса. Именно эти параметры, по мнению С.П. Перегудова, во многом определяют господство неформальных отношений в политико-административной сфере, игнорирование чиновниками и предпринимателями законов. Именно ими обусловлен эгоизм представителей финансово-экономических кругов, думающих о сиюминутной выгоде, а не о стратегических целях государства [6, с. 306]. «Учитывая фундаментальный характер подобного рода связей государства и бизнеса, – отмечает А.И. Соловьев, – понимаешь, сколь серьезны изъяны отечественной политической системы» [7, с. 173]. В целом «исчерпанность достигнутой модели взаимоотношений государства и бизнеса по-своему свидетельствует и об исчерпании потенциала отечественной политической системы» [7, с. 173]. Следовательно, корпоративизм – это наиболее обобщенная модель и политической динамики, и сдвигов в неинституциональных конструкциях общества. В настоящее время государство может осуществлять власть лишь «в рамках замкнутого пространства, но никак не в условиях глобализации» [6, с. 307]. Анализ факторов, влияющих на оптимизацию путей реформирования и эффективность процесса модернизации в стране, свидетельствует о необходимости определения роли партий в политической жизни России в

эпоху кардинальных преобразований. Следовательно, успешное модернизационное развитие зависит, прежде всего, от спектра и направленности действий различных партий, их ориентацией преимущественно на ценности эволюционного развития страны

Таким образом, можно сделать вывод о том, что современный партийный спектр является довольно сложным политическим феноменом, отражающим противоречивость и трудность российской модернизации. Уникальность и своеобразие современной ситуации состоит в том, что отечественный партийный спектр представляется чрезвычайно динамичным, зачастую непоследовательным и внутренне противоречивым, слабо реагирующим на проблемы модернизации общества, более подверженным факторам политической конъюнктуры.

Библиографический список

1. Аузан А.А. Модернизация как проблема: в поисках национальной формулы // Журнал Новой экономической ассоциации. 2010. №7. С. 132-139.
2. Wallerstein. World-Systems Analysis: An Introduction. Durham, NC: Duke University Press, 2004. 378 p.
3. Четыре «И» и семь задач предвыборной программы Д. Медведева. URL: www.galgai.com/2008/02/15/chetyre-i-i-sem-zadach-predvybornej-programmy (дата обращения: 19.03.2015).
4. Пляйс Я.А. Трансформация партийных и политических систем и диалектика взаимодействия их основных типов // Политические системы современной России и послевоенной Германии. Волгоград, 2005. 234 с.
5. Москвин Д.Е. Институциональная неопределенность как результат трансформации политической системы в России. URL: <http://www.e-journal.spa.msu.ru/images/File/2006/moskvin.pdf> (дата обращения: 12.03.2015).
6. Перегудов С.П. Политическая система России в мировом контексте: институты и механизмы взаимодействия. М., 2011.
7. Соловьев А.И. Политическая система постсоветской России. Эскиз мастера // Полис. Политические исследования. 2012. №3. С. 168-173.

УДК 340.115.4; 304.42

КОММУНИКАЦИЯ И ПРАВО: ОПРЕДЕЛЕНИЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ СВЯЗЕЙ

О.Ю. Голуб

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: kafsk2013@yandex.ru

Автором анализируются основные методологические подходы к изучению социальной коммуникации в рамках коммуникативистики и отечественного информационного права. Дается определение Интернета как информационно-

коммуникационной технологии и информационно-коммуникативного пространства. Раскрываются нормы информационного права в широком и узком смысле. Делается попытка адаптации методологии коммуникативистики к потребностям теории информационного права.

Ключевые слова: парадигма социальной коммуникации, Интернет как глобальное информационно-коммуникативное пространство, информационное право, информационные общественные отношения.

COMMUNICATION AND LAW: DETERMINING INTERDISCIPLINARY CONNECTIONS

O.Yu. Golub

The author analyzes methodological approaches to social communication studies through communication science and the Russian information law. The author defines the Internet as an information and communication technology and information and communication space. The article discusses norms of information law in broad and narrow senses. The author attempts to adapt communication science methodology to the needs of information law theory.

Key words: social communication paradigm, Internet as a global information and communication space, information law, information social relationship.

Современный этап развития общества характеризует ключевое понятие «информация». Информационная эра, «глобальная информационная экономика», «электронное общество» – все эти термины означают одно: главной движущей силой является информация. Функционирование общества, социальных сообществ и индивидов в большей степени, чем ранее, определяется получением, обработкой и осмыслением огромного объема информации. «Информация представляет собой истинный триумф XX века. Информация во всех смыслах этого слова и со всеми возможными неоднозначными его оттенками является одной из центральных ценностей наших открытых обществ» [1, с. 20].

Между тем информация сама по себе не может быть для общества определяющим фактором, общество всегда понималось как социальная, а не информационная система. Иначе говоря, информация лишь средство достижения социальной коммуникации, которая в данном случае выступает ее интерпретацией [2, с. 4-8].

Анализ правового феномена в терминах коммуникации имеет несколько преимуществ. Он дает возможность представить право не как самодостаточный вывод, но как средство человеческого взаимодействия. Этот концепт позволяет осуществить широкий комплексный анализ, поскольку коммуникация может быть обнаружена на различных уровнях и в различных формах. Причем акцент делается на коммуникативном процессе, а не на фиксированных элементах, например, «нормах». Понятие

коммуникации призывает учитывать различные точки зрения и призывает к диалектическому обмену точками зрения [3, с. 21].

«При плюрализме правовых порядков..., при открытом видении интерпретации и широком понятии демократии... возникает потребность в перманентной коммуникации на всех уровнях: как для создания, так и для применения права на местном, региональном, государственном и международном уровнях. Участие в такой коммуникации для создания, интерпретации и применения права будет не только правом участников, но и обязанностью тех, кто обладает соответствующей профессиональной ответственностью. В постоянно меняющемся мире связанных между собой правовых сообществ именно коммуникация «институционализирует» общество в том, что касается взаимопониманием между его членами...

Чтобы построить новое глобализированное общество, требуется коммуникативное пространство, в котором может быть создан общий жизненный мир» [3, с. 273-274].

В современной научной литературе существует три основные парадигмы, вбирающие различные подходы и теории социальной коммуникации [4, с. 12-14].

В рамках информационной (классической) парадигмы коммуникация рассматривается как процесс передачи информации (сигнала, сообщения) от источника к реципиенту. Данная трактовка по сути самая распространенная среди исследователей и является формообразующей для всего социокоммуникативного знания.

Интеракционная (неклассическая) парадигма трактует коммуникацию не как информационное воздействие, а как результат взаимодействия равных субъектов, как интеракцию, в ходе которой рождаются общие смыслы и значения. В русле неклассической парадигмы коммуникации разрабатываются феноменологический, семиотический, социопсихологический, критический подходы. В социологической теории данная парадигма находит свои методологические основания в субъективистском подходе, в первую очередь, в символическом интеракционизме и в других теориях, продолжающих его традиции.

В традиции постнеклассической парадигмы коммуникация исследуется как переплетение дискурсных и нарративных практик, складывающихся «здесь и теперь». При этом обращается внимание не только на языковые практики, но и на экстралингвистические, т.е. на тот социальный контекст, который способствовал появлению той или иной формы коммуникативной практики. К постнеклассической парадигме относят и синергетическую интерпретацию коммуникации как процесса спонтанно самоорганизующихся коммуникативных систем, создание ситуативной целостности на основе когерентности поведения и дискурсов участников коммуникации.

Следует отметить, что все исследовательские парадигмы сосуществуют одновременно и применяются в зависимости от конкретной исследовательской задачи. Классическая парадигма в наибольшей степени плодотворна при изучении эффективности информационного воздействия и социального влияния, поскольку отражает онтологию иерархических отношений в обществе. Неклассическая парадигма уместна при изучении различных форм интеракции, т.к. отражает природу социального партнерства и формирования коммуникативной целостности взаимопонимания. При изучении сетевых коммуникаций в современном обществе и ситуативных дискурсных конфигураций более высокую эффективность демонстрирует постнеклассическая парадигма.

Достаточно успешно такой подход может быть применен к исследованиям Интернета, как информационно-коммуникационного и информационно-коммуникативного пространства. Нынешний Интернет представляет собой физическую основу для веб и множества систем (протоколов) передачи данных, что определяет уровни его исследования: коммуникационный (технический аппаратный и технологический программный) и коммуникативный (антропоцентрический). Все уровни коммуникации в Сети находятся в системно-функциональной взаимосвязи и взаимозависимости. Важно подчеркнуть также синергетический характер подобной многоуровневой коммуникации [5].

Интернет сегодня – это не только и не столько технология, сколько социальная реальность, глобальное пространство, институт взаимодействия со всей системой современного общества, главной характеристикой которого выступает коммуникативность. Влияние интернета на антропоцентрическую, социальную коммуникацию несомненно. Благодаря программным технологиям веб 2.0 каждый пользователь, во-первых, имеет возможность быть не просто пассивным потребителем информации, но стать создателем контента, во-вторых, получает практически бесплатный доступ к любым презентационным и коммуникативным веб-инструментам (блогам, википедиям, социальным сетям, различным файлообменникам). Это позволяет не только коммуницировать с неограниченным количеством пользователей, но и создавать любое виртуальное сообщество, а также размещать или создавать в Сети любые необходимые материалы.

Интернет становится ключевой частью социальных коммуникаций, его распространение создает условия для организации совершенно новых способов коммуникации применительно к самым разным сферам человеческой жизни. Это новый виртуальный мир, новое социальное измерение, существующее наряду с традиционной социальной жизнью и отражающее ее особенности [6, с. 352].

Таким образом, вместе с Интернетом была создана новая глобальная коммуникативная среда, мощное средство социализации человека,

постепенно поглощающее все новые и новые фрагменты социума и усиливающее общественную потребность в широком распространении гипертекстов.

Данный методологический подход к исследованию Интернета с учетом как коммуникационной, так коммуникативной его ипостасей представляется весьма перспективным. На наш взгляд, это позволяет сформировать более адекватное и целостное представление о данном феномене. В соответствии с предлагаемой методологией, Интернет, с одной стороны, – это информационно-коммуникационная технология, всемирная система компьютерной коммуникации, осуществляемая посредством искусственного языка машинных кодов и реализующая коммуникативные возможности; а с другой стороны – информационно-коммуникативное пространство, формируемое на основе аппаратной и программной инфраструктур в результате совокупности процессов коммуникации всех субъектов.

На классический информационный подход опирается в своих исследованиях Интернет и юридическая наука. Однако если коммуникативистика ориентирована на рассмотрение социальных аспектов Интернета, то ученые-юристы исходят именно из его технических характеристик.

В юридической науке пока не выработано однозначного определения информации. В соответствии с ФЗ РФ 2006 г. «Об информации, информационных технологиях и защите информации» этот термин трактуется как «Сведения (сообщения, данные) независимо от формы представления». И.Л. Бачило дает более корректное определение. Информация – это «сведения, знания о фактах, событиях, явлениях, процессах в любой доступной форме для их восприятия, используемые обществом в целях его сохранения и развития». Но самое главное, по мнению И.Л. Бачило, что информация – это ресурс особого рода. Ресурс *социальный* в отличие от всех известных ресурсов природных и технических. Источник этого ресурса – сам человек и общество, интеллект общества как результат познания мира [7, с. 7]. Иначе говоря, такой подход означает именно качественный подход к информации.

Когда информация рассматривается как способность систем отражать внешний мир посредством знаков и сигналов, это, по сути, означает, что любой социальный обмен невозможен вне информационного обмена, т.е. практически все общественные отношения содержат информационную составляющую и на этом основании ряд ученых предлагают разграничивать широкое и узкое понимание информационного права. В широком смысле к нормам информационного права можно отнести любые нормы, регулирующие процесс передачи сведений одним лицом другому. Однако в этих случаях информационная деятельность играет вспомогательную роль, т.е. является средством для достижения цели,

лежащей за пределами информационной сферы. В узком смысле к информационному праву могут быть отнесены лишь такие нормы, которые регулируют информационные процессы, являющиеся самоцелью, т.е. когда информация есть не только средство достижения чего-либо иного, но и конечный итог. Де факто это означает сведение предмета информационного права к сферам личного общения (вообще регулируемого правовыми средствами в очень скромных объемах), массовой информации и функционирования технической информационно-коммуникационной инфраструктуры, что де юре далеко не так [8, с. 596].

Следует признать, что в рамках ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 №147-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» (с изменениями и дополнениями от: 27 июля 2010 г., 6 апреля, 21 июля 2011 г., 28 июля 2012 г.) наметился сдвиг от информационного подхода в сторону коммуникационного: вводится определение понятий «обладатель информации», «доступ к информации», «предоставление информации», «распространение информации», «электронное сообщение», весьма близкое по звучанию к классическим терминам коммуникативистики.

В современных условиях деятельность общества, социальных сообществ и индивидов в большей степени, чем ранее, определяется получением, обработкой и осмыслением огромного объема информации. При этом информация сама по себе не может быть для общества определяющим фактором. Общество всегда суть социальная, а не информационная система. Информация – главное средство достижения социальной коммуникации, которая в данном случае выступает ее интерпретацией.

Проблемы коммуникации – сетевая зависимость и перспективы ее позитивного использования в обеспечении координации как вертикальных, так и горизонтальных связей, вопросы СМИ и массовой информации в целом, проблема Интернета. Это еще один узел правовых решений. Это тема информационной безопасности человека, иных субъектов и защиты разных категорий информации.

Марк ван Хук прав, когда утверждает: «Центром любой теории права должны быть скорее человеческие взаимодействия и коммуникация, чем индивиды и правовые системы как таковые» [3, с. 270].

Адаптация методологии коммуникативистики к потребностям юридической науки в целом, и теории информационного права, в частности, является задачей непростой. Однако таким образом возможно качественное описание общественных отношений, характерных для информационного общества, и, соответственно, повышение эффективности правового регулирования.

Библиографический список

1. Вольтон Д. Информация не значит коммуникация. М. ПОЛПРЕД Справочники, 2011.
2. Гойхман О.Я. Коммуникативистика в современном обществе // Современная коммуникативистика. № 1 (1). 2012. С. 4-8.
3. Хук М. ван. Право как коммуникация / пер. с англ. М.В. Антонова и А.В. Полякова. СПб.: Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, ООО «Университетский издательский консорциум», 2012. С. 270.
4. Василькова В.В., Козловский В.В., Хохлова А.М. Социальные коммуникации: точки роста в исследовательском ландшафте / Социальные коммуникации: профессиональные и повседневные практики. Сб. статей / Под ред. В.В. Васильковой, В.В. Козловского, А.М. Хохловой. Выпуск 3. СПб.: Интерсоцис, 2010. С. 12-14.
5. Шилина М.Г. Интернет-коммуникация: исследовательские концепции XXI века. К вопросу формирования категориально-понятийного аппарата. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1081> (дата обращения: 15.02.2015).
6. Социальные коммуникации в интернет-среде // Социальная коммуникация в современном мире: колл. моногр. / Н.Н. Азаров, И.С. Бусыгина, А.Н. Дегтярев и др.; под общ. ред. А.А. Деркача, Е.Б. Перелыгиной. М.: Альтекс, 2004. С. 351-363. С. 352.
7. Бачило И.Л. Роль и место информационного права в системе отраслей права Российской Федерации // Информационные ресурсы России. 2007. №2. С. 7.
8. Голуб О.Ю., Тихонова С.В. Коммуникативистика VS информационное право: теоретические проблемы применения информационного подхода в информационном праве // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2013. №4. Часть 1. С. 596.

УДК 347.73

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ И ВАЛЮТНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ИЗМЕНЕНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

О.А. Данилова (Лёвина)

Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина – филиал

РАНХиГС при Президенте РФ, Россия

E-mail: lew_olle@mail.ru

Статья посвящена анализу теоретических и правовых основ современной денежно-кредитной и валютной политики Российского государства с учетом ухудшения внешнеполитической ситуации на фоне напряженных российско-украинских отношений и роста финансовых санкций против России. В работе приводятся научные взгляды относительно категорий «денежно-кредитная политика», «валютная политика», а также рассматриваются особенности правовой регламентации данных направлений управленческой деятельности в нормах российского законодательства. Автором подробно рассматриваются и анализируются цели,

направления и инструменты денежно-кредитной политики на современном этапе экономического развития.

Ключевые слова: денежно-кредитная политика, валютная политика, Центральный банк РФ (Банк России).

TO THE QUESTION ABOUT LAW REGULATION OF MONETARY AND CURRENCY POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION WITHIN THE CONTEXT CHANGES FOREIGN POLITICAL SITUATION

O.A. Danilova (Levina)

Article is devoted to the analysis of theoretical and legal fundamentals of modern monetary and credit and currency policy of the Russian state taking into account deterioration of a foreign policy situation against the intense Russian-Ukrainian relations and growth of financial sanctions against Russia. Scientific views concerning the categories "monetary policy", "currency policy" are given in work, and also features of a legal regulation of this directions of administrative activity in standards of the Russian legislation are considered. The author in detail considers and analyzes the purposes, the directions and tools of a monetary policy at the present stage of economic development.

Key words: monetary policy, currency policy, The Central Bank of the Russian Federation, key rate, inflation, exchange rate.

Отмечающаяся на сегодняшний день нестабильность российско-украинских политических отношений и постоянно расширяющийся спектр финансовых санкций в отношении России, вводимых США, Евросоюзом и еще рядом стран и международных организаций, оказывают существенное влияние на темпы развития экономики и финансовой системы Российской Федерации. Начиная с 2014 года, развитие российской экономики существенно отклонилось от базового прогноза. А именно, ухудшение внешнеэкономической ситуации привело к более низким, по сравнению с ожидавшимися, темпам роста ВВП России, ослаблению рубля, ускорению роста потребительских цен и увеличению рисков для финансовой стабильности.

В связи с этим, в сфере государственного управления экономическими процессами возрастает значение адекватной современным реалиям денежно-кредитной и валютной политики, позволяющей оказывать регулирующее влияние на изменяющиеся расчетно-платежные, денежные, кредитные и банковские отношения путем применения необходимых правовых и экономических рычагов воздействия.

Следует отметить, что участие государства в регулировании денежного обращения было необходимым со времен возникновения первых государств Древнего Востока и античного мира. Уже тогда правители Вавилона, Индии, греческих полисов проводили денежные реформы, стремясь присвоить государственным деньгам роль законного средства платежа. С того периода денежная реформа и деноминация стали

основными формами регулирования денежного обращения. Аристотель в своем труде «Политика» одним из первых высказал идею о том, что деньги имеют правовую природу и юридически свойства денег не менее важны, чем экономические [1, с. 136-137].

В настоящее время в российском законодательстве не содержится определения категорий «денежно-кредитная политика» и «валютная политика». Кроме того, как в отечественной научной литературе, так и в зарубежной доктрине права Европейского союза отсутствуют четкие критерии разграничения данных понятий, что вызвано, в свою очередь, тесной связью данных направлений политики по их целям, задачам, методам и инструментам осуществления. При этом тесное существование денежно-кредитной и валютной политики объясняется с научной точки зрения общей экономической природой денег, которые в обоих случаях выступают объектом воздействия в форме национальной либо иностранной валюты.

В монографическом исследовании А.Ю. Лисицына денежно-кредитная и валютная политика с экономической точки зрения определяется как государственная политика в сфере денежно-валютного обращения и кредита, проводимая методами и инструментами, необходимыми для достижения целей и решения задач, определяемых в соответствии с официальной доктриной вмешательства государства в экономику в целом [3]. Кроме того, по мнению ученого, правовое содержание денежно-кредитной и валютной политики не исчерпывается указанными выше отношениями, а включает в себя комплекс отношений, являющихся объектом ее воздействия. При этом с точки зрения концепции «денежного суверенитета» денежно-кредитная и валютная политика является одной из основных форм его реализации [3, с. 11].

Изучение правового содержания денежно-кредитной и валютной политики предполагает рассмотрение основных инструментов, состав которых обусловлен ее целями и задачами.

Согласно статье 34.1 Федерального закона от 10 июля 2002 г. №86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (с изм. от 29 декабря 2014 г., №484-ФЗ) [4, 5] основной целью денежно-кредитной политики Банка России является защита и обеспечение устойчивости рубля посредством поддержания ценовой стабильности, в том числе для формирования условий сбалансированного и устойчивого экономического роста.

В отношении валютной политики в российском законодательстве не выделяются отдельно цели и задачи ее проведения. Однако в преамбуле Федерального закона от 10 декабря 2003 г. №173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» (с изм. от 4 ноября 2014 г., №344-ФЗ) [6, 7] указывается, что целью настоящего Федерального закона является обеспечение реализации единой государственной валютной

политики, а также устойчивости валюты Российской Федерации и стабильности внутреннего валютного рынка Российской Федерации как факторов прогрессивного развития национальной экономики и международного экономического сотрудничества. Соответственно, можно сделать вывод о том, что в качестве целей валютной политики Российской Федерации законодатель рассматривает поддержание устойчивости национальной валюты (рубля) и стабильности валютного курса.

При этом согласно ст. 3 указанного закона одним из принципов валютного регулирования и валютного контроля в Российской Федерации является единство внешней и внутренней валютной политики Российской Федерации. Анализ данного принципа позволяет говорить о том, что валютная политика рассматривается в виде единой и имеющей общие цели и задачи совокупности правовых и экономических инструментов (методов) валютного регулирования и валютного контроля как на уровне внутригосударственных отношений, так в рамках международных экономических отношений, имеющей общие цели и задачи.

Проведение единой государственной денежно-кредитной политики осуществляется Банком России во взаимодействии с Правительством РФ на основании утвержденных основных направлений денежно-кредитной политики.

На современном этапе действуют утвержденные Центральным банком РФ «Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2015 год и период 2016 и 2017 годов» [8].

Согласно вышеназванному документу в предстоящий трехлетний период основной целью денежно-кредитной политики Банка России является обеспечение ценовой стабильности, что означает достижение и поддержание низкого уровня инфляции. Кроме того, одной из целей является снижение инфляции до 4% в 2017 году и дальнейшее ее поддержание на близком уровне с учетом структурных особенностей российской экономики и динамики инфляции в странах – торговых партнерах России.

В связи с тем, что денежно-кредитная политика влияет на инфляцию в основном через процентные ставки, для достижения поставленного уровня инфляции Банк России на основе макроэкономического прогноза теперь устанавливает уровень ключевой ставки, который отражает направленность денежно-кредитной политики. По существу, это ставка, по которой Банк России кредитует коммерческие банки. При этом ставка рефинансирования будет иметь второстепенное значение и указываться исключительно для справки. На сегодняшний день ставка рефинансирования составляет 8, 25%, а ключевая ставка – 14%. Для сравнения в США ключевая ставка составляет 0,25%, в Еврозоне – 0,05%, в Украине – 30%.

В части эффективного управления процентными ставками было также принято решение отказаться от регулирования курса рубля к иностранным валютам. Теперь Банк России не проводит операции на внутреннем валютном рынке в целях воздействия на валютный курс, за исключением случаев, когда это необходимо для поддержания финансовой стабильности. Предполагается, что подобная мера приведет также к уменьшению чувствительности экономики к внешним шокам, адаптация к которым будет происходить за счет изменения валютного курса.

Важная роль отводится проведению Банком России активной информационной политики, которая должна снизить инфляционные ожидания и повысить эффективность мер денежно-кредитной политики. Регулярное раскрытие информации о целях деятельности Банка России и содержании принимаемых им мер, а также разъяснение широкой общественности характера инфляционных процессов в России и результатов денежно-кредитной политики призвано способствовать повышению доверия к действиям Банка России.

Кроме того, большой упор делается на стабильное функционирование и развитие банковского сектора, финансового рынка и платежной системы. В частности, стабильная работа финансовой системы рассматривается Банком России как необходимое условие реализации государственной экономической, в том числе денежно-кредитной политики. Полномочия Банка России как мегарегулятора призваны позволить ему сочетать меры денежно-кредитной политики с мерами в области банковского регулирования и регулирования финансового рынка и более эффективно достигать поставленных целей. В отдельных случаях, когда их одновременное достижение затруднено, Банк России должен принимать решения в зависимости от ситуации на основе анализа рисков и оценки долгосрочных последствий их реализации.

При проведении денежно-кредитной политики задачей Банка России также является развитие механизмов взаимодействия с федеральными органами исполнительной власти в области тарифного регулирования, налоговой политики, информационной политики. Меры Правительства Российской Федерации, направленные на обеспечение сбалансированности бюджета и создание условий для последовательных структурных изменений, также должны внести свой вклад в успешность денежно-кредитной политики. При этом ценовая стабильность и, как следствие, невысокие долгосрочные процентные ставки позволят улучшить уровень бюджетного планирования, обеспечить устойчивость государственных финансовых ресурсов, будут способствовать эффективной государственной экономической политике и росту благосостояния граждан.

Следует также отметить, что для достижения поставленных Банком России целей могут применяться два вида инструментов денежно-кредитной и валютной политики:

1) прямые инструменты денежно-кредитной политики, к которым относятся административные меры, связанные с контролем за процентными ставками, установлением кредитного потолка, прямые или целевые кредиты;

2) косвенные инструменты денежно-кредитной политики, к которым относят операции краткосрочного рефинансирования, операции на открытом рынке, валютные интервенции и резервные требования.

Согласно статье 35 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» основными инструментами и методами денежно-кредитной политики Банка России являются:

- 1) процентные ставки по операциям Банка России;
- 2) обязательные резервные требования;
- 3) операции на открытом рынке;
- 4) рефинансирование кредитных организаций;
- 5) валютные интервенции;
- 6) установление ориентиров роста денежной массы;
- 7) прямые количественные ограничения;
- 8) эмиссия облигаций от своего имени;
- 9) другие инструменты, определенные Банком России.

Резюмируя вышесказанное, следует подчеркнуть, что в рамках современной государственной концепции проведения денежно-кредитной и валютной политики находит свое отражение специфика осуществления государственной управленческой деятельности в рассматриваемой сфере отношений и определяется конкретный состав ее инструментов, которые основываются на юридически установленном допустимом уровне вмешательства государства в сферу экономических отношений. Учитывая, что на современном этапе происходит усиление российского рубля и постепенное снижение ключевой ставки Банком России, проводимые меры денежно-кредитной и валютной политики видятся своевременными и действенными в условиях отмечающейся напряженности внешнеполитических отношений со стороны ряда иностранных государств и международных организаций в отношении Российской Федерации.

Библиографический список

1. Аристотель. Сочинения. М., 1984. Т. 4. С. 136-137.
2. Лисицын А.Ю. Финансово-правовые основы денежно-кредитной политики Европейского союза // Публичные финансы и финансовое право: Сборник статей / Под ред. А.Н. Козырина. М.: Готика, 2005. Консультант Плюс. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 09.03.2015).

3. Лисицын А.Ю. Финансово-правовые основы денежно-кредитной и валютной политики Европейского Союза: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 22 с. С. 11.
4. Российская газета. 2002. 13 июля.
5. Российская газета. 2014. 31 декабря.
6. Собрание законодательства РФ. 2003. №50. Ст. 4859.
7. Российская газета. 2014. 7 ноября.
8. Вестник Банка России. 2013. № 67.

УДК 316.3

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Е.М. Иванова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: iem07@yandex.ru

В статье освещены вопросы формирования современной личности в условиях модернизации российского общества. Особая роль отведена вопросам участия личности в общественно-политической жизни государства, формам и поведенческим практикам реализации собственных и общественных интересов.

Ключевые слова: модернизация, личность, социальная активность, политическая активность, участие.

SOCIO-POLITICAL ACTIVITY OF THE PERSON IN THE MODERNIZATION MODERN RUSSIAN STATE

E.M. Ivanova

The article highlights the issues of formation of the modern person in the modernization of Russian society. A special role is played by the participation of the individual in the social and political life of the state, forms and behavioral practices and implement their own social interests.

Key words: modernization, identity, social activism, political activism and participation.

Современные процессы модернизации вызваны к жизни необходимостью перехода российского общества в качественно новое состояние. Модернизационные процессы возможно успешно реализовать только при условии формирования нового общественного сознания, изменения менталитета народа, формирования особого типа личности.

Формирование и развитие личности неразрывно связано с общественно-политической сферой жизнедеятельности общества и обусловлено определенным набором социальных ролей, а также условиями реализации этих ролей. «В условиях модернизации государство должно всемерно содействовать становлению и развитию личности. Для этого и образовательный и воспитательный процессы должны содержать элементы, побуждающие человека к активному воздействию на общественные отношения» [1, с. 55].

В процессе модернизации происходит существенное изменение взаимодействия государства и общества, политических институтов, изменение личности и форм ее поведения. В повседневную жизнь постепенно входят новые ценности, целевые установки, утверждаются новые жизненные практики и модели поведения. Современная личность должна обладать определенным набором качеств: инициативность, стремление к независимости, способность отстаивать свои права и интересы и др. «Модернизацию можно рассматривать как действие индивидуальных и коллективных акторов, которые хотят изменить и улучшить свою ситуацию» [2, с. 89].

Посредством активной деятельности индивид способен сам отстаивать социальные и политические интересы наиболее эффективным образом.

Общественно-политическую активность можно рассматривать как ключевой элемент интегрального понятия «социальная активность». «Социальная активность – потребность личности в изменении или поддержании основ человеческой жизни в соответствии со своим мировоззрением, со своими ценностными ориентациями. Позитивная социальная активность обусловлена долженствованием. Подлинно социальная активность состоит в направленности на изменение обстоятельств жизни людей и на самоизменение с пользой для себя и других. Условием для развития социальной активности выступает комплекс всех факторов, воздействующих на человека» [3, с. 16].

«Выделяется пять самых общих признаков активности, характеризующих инициативные возможности живых систем и имеющих важное методологическое значение для понимания социологической сущности, в том числе и социально-политической активности. В.С. Боровик относит к ним следующие:

- 1) отсутствие безразличия к существенным, жизненно важным воздействиям внешней среды (в отличие от простой реактивности, т.е. неизбежного реагирования на несущественные перемены во внешней среде;

- 2) наличие комплекса свойств, обеспечивающих самодвижение социальной материи, выражающихся в самодетерминации, самоопределяемости социальных систем, в их способности к

саморегуляции, самоорганизации, самосохраняемости, самовоспроизведению, саморазвитию и т.п.;

3) направленность воздействия на среду, связанная с преодолением в доступных для социосистем формах внешних разрушающих сил;

4) ориентированность системы в будущее – свойство, раскрывающееся в понятии «перспективная активность» и реализующееся в «опережающем отражении действительности», или модели «потребного будущего»;

5) выбор системой характера поведения в изменчивых условиях внешней среды. Совокупность данных свойств характеризует механизм, обеспечивающий социальным системам самостоятельную силу реагирования. Эту силу правильнее обозначить термином «активность» [4].

Наиболее полно общественно-политическая активность проявляется в участии на постоянной основе в работе общественно-политических движений, партий, миротворческих и экологических объединений, правозащитных организаций, различных структур коллективной самореализации граждан (инициативные группы давления, общественные экспертные советы и т.п.).

Различные движения служат ключевой характеристикой современного жизнеспособного гражданского общества, являются формой участия граждан в общественной жизни и не должны противопоставлять себя политической системе. Общественные движения не выступают в качестве прообраза формы гражданского участия, призванной заменить собой институциональные структуры представительной демократии. Они призваны обеспечивать жизнеспособность демократической политической системы посредством привнесения в публичную сферу новых тем для обсуждения на основе изменяющихся интересов и новых ценностей, способствуя воспроизведению консенсуса.

В российском государстве набирает оборот создание гражданами различных объединений, посредством которых они могут решать не только личные, но и общественные насущные проблемы. Попытки улучшить качество жизни все чаще предпринимаются общими усилиями. К основным видам социально-активной деятельности можно отнести вовлечение в деятельность ТСЖ, дачных кооперативов, различных благотворительных инициатив, профсоюзных организаций.

Особое место в процессах модернизации современного общества занимает реализация законных прав и интересов граждан. Как показывают опросы, наиболее значимыми оказываются общественно-политические права: право свободы слова, право на участие в общественной и политической жизни, свободу мирных собраний и ряд других прав.

Политическое участие связано, в первую очередь, с активной деятельностью граждан конечной целью которой является власть, определенные ее представители, структуры как объект политического

участия. Политическая активность граждан направлена на представительство и интересов субъекта политического участия, защиту этих интересов, и как следствие воздействие на политические процессы в соответствии с этими интересами [5, с. 39].

«Общий среднероссийский уровень политического и общественного участия, несмотря на спорадически возникающие то тут, то там протестные выступления, судя по исследованиям, не растет. Но меняется качество этого участия. Оно становится более осмысленным и социально мотивируемым.

Сегодня мы наблюдаем обратный процесс – рост интереса к разнообразным неформальным возможностям низовой самоорганизации, волонтерству, движениям «одного требования», действующим в большинстве случаев на принципах добровольности и альтруизма» [6, с. 8].

Существенной характеристикой общественно-политической активности в современном обществе является перемещение активности в пространство глобальной сети Интернет. Именно в виртуальном пространстве формируются новые содержательные ресурсы, действуют политические и общественные организации, этнокультурные общества, научные и иные корпоративные союзы.

В современных условиях прилагаются все более активные усилия по содействию социальной деятельности и общинному развитию среди населения посредством электронной коммуникации, «кибер-участия» и «электронного гражданства». Сегодня информационно-телекоммуникационные технологии и новые средства массовой информации становятся основными компонентами социально-политического участия и активизма. С учетом существующих связей между новыми средствами массовой информации, Интернетом и гражданами можно предположить, что новые средства массовой информации и информационно-телекоммуникационные технологии позволяют обеспечить активность граждан на общем уровне и оказывают воздействие на его различные формы. Технические средства также повышают уровень осведомленности населения в вопросах, проблемах и кризисах в других частях мира. Новые технологии позволяют доносить информацию по этим вопросам до населения самым непосредственным образом и позволяют обеспечивать моментальную коммуникацию между активистами.

В рамках рассматриваемого вопроса социально-политической активности личности в условиях модернизационных процессов следует обратиться к исследованию, проведенному Центром комплексных социальных исследований под руководством В.В. Петухова (март 2014 года). Результаты всероссийского порота населения показывают, что «с одной стороны, наблюдается устойчивость, и даже рост, уровня

удовлетворенности россиян различными сторонами своей жизни. С другой стороны, фиксируется значительное и все более углубляющееся социальное неравенство, отсутствие качественного улучшения условий жизни, преобладание острого ощущения социальной несправедливости, характерное для всего населения. К тому же активное включение в сознательную жизнь поколения «нулевых», рост численности среднего класса актуализировали в общественном сознании значимость таких нематериальных факторов удовлетворенности жизнью, как возможности самореализации, качество общественных и политических институтов, состояние морального климата в обществе и т.п.» [7].

В практике участия можно встретить существенное отличие отношения человека к социально-политическим процессам от фактического участия в них. Диапазон социально-политического участия достаточно широк и поэтому в общем раскладе политических и общественных сил учитываются как активные, потенциальные, так и пассивные граждане, которые в определенной ситуации могут дать достаточный всплеск активности. Их индивидуальные возможности незначительны, но они увеличиваются по мере возникновения социальной и политической напряженности.

Указанное выше исследование особенностей социально-политического контекста, влияющего на формирование и становление конкретных практик гражданского активизма показывает, что «гражданский активизм – политический и неполитический – стал реальным фактом жизни нашего общества: сформировались ядро активистов и еще более обширный слой граждан, потенциально готовых оказать поддержку различным движениям и течениям. Ту или иную степень политической активности сегодня демонстрируют 57% россиян, из которых 12% практикуют деятельные формы участия, а 45% проявляют интерес к политике, но пока не выходят за рамки эпизодической и преимущественно формальной включенности» [7].

Как показывает практика, наиболее приемлемой для россиян, с точки зрения их участия, являются пассивные формы участия, не требующие личных усилий, времени, присутствия, такие как подписание писем, обращения в СМИ и органы власти, участие в сборе гуманитарной помощи, денежных средств, коллективные обращения в суд.

Сама по себе пассивность в общественно-политической жизни общества не является однозначной по своему содержанию и мотивам. Она может быть следствием усталости от политики или вызываться пустыми обещаниями властей, индифферентностью и инфантильностью к происходящим процессам, инертностью, безразличием, безответственностью. В связи с этим существует много оттенков социально-политической пассивности, когда люди уклоняются от активного участия по принципиальным соображениям. Это может быть

пассивная неудовлетворенность, пассивная терпимость, социальная отчужденность.

Таким образом, результатом преобразования социально-политического пространства современной России требует качественное изменение личности. Важной задачей сейчас является вовлечение граждан в активную социальную и политическую деятельность в условиях модернизации современной России.

Поведенческие практики россиян варьируются от полного социального и политического отчуждения до реализации активистских практик различного характера (включая активные практики протестных форм поведения). Одним из путей решения взаимного отчуждения власти и населения может стать осознание собственной значимости в общественно-политических процессах, понимание того, что удовлетворение собственных потребностей и интересов во многом зависит от самого себя. Все это позволяет говорить о постепенном развитии гражданского активизма в российском обществе.

Библиографический список

1. Телухин А.Ю. Модернизация и личность // Информационно-аналитический журнал. Сделано в России. 2010. С. 55-56.
2. Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2010.
3. Есина В.И. Развитие социальной активности студенческой молодёжи через проектную деятельность. Гродно, 2011.
4. Григоренко Б.Ю. Социально-политическая активность молодежи в современных условиях. Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение» URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/2/> (дата обращения: 16.03.2015).
5. Иванова Е.М. Инструментальный уровень политического участия // Материалы научно-практической конференции Дыльновские чтения «Повседневная жизнь россиян: социологический дизайн». Саратов: Изд-во ООО Издательский центр «Наука», 2014. С. 39-41.
6. Петухов В.В. Гражданская активность как альтернатива антидемократическому тренду российской политики // Полис. (Политические исследования). 2013. №5. С. 87-99.
7. Гражданский активизм: новые субъекты общественно-политического действия. URL: http://www.politanalitika.ru/analitika/grazhdanskiy_aktivizm_novye_subekty_obshchestvenno_politicheskogo_deystviya/ (дата обращения: 16.03.2015).

ТАЙНА ГОЛОСОВАНИЯ КАК ОСОБЫЙ ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ИНФОРМАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Д.А. Кравец

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: dariakr2004@mail.ru

Первыми видами тайны, получившими закрепление на конституционном уровне, стали тайна переписки (ст. 128 Конституции СССР 1936 года) и тайна голосования (ст. 134 Конституции СССР 1936 года). Однако в российской правовой науке не существует единого подхода к понятию тайны, которое не закреплено в законодательстве. В статье анализируются два основных подхода к определению понятия «тайна»: тайна как информация, доступ к которой ограничен, и тайна как особый правовой режим информации. Автор обосновывает вывод о том, что в настоящее время тайну правильнее рассматривать как режим информации, так как сам факт сохранения таких сведений в тайне зависит от режима указанной информации. В связи с этим тайна голосования рассматривается как особый правовой режим информации.

Ключевые слова: тайна голосования, избирательное законодательство, информация, ограниченный доступ, правовой режим информации.

THE SECRECY OF BALLOT AS A SPECIAL LEGAL REGIME OF INFORMATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

D.A. Kravetz

Secrecy of correspondence (Art. 128 of the Constitution of the USSR in 1936) and the secret ballot (Art. 134 of the Constitution of the USSR in 1936) became the first kinds of secrets, which were restated at the constitutional level. However there is no uniform approach to the concept secrecy, which is not enshrined in Russian legislation and legal science. The article analyzes two basic approaches to the definition of "secrecy": the secrecy as an information access to which is limited, and the secrecy as a special legal regime of information. The author substantiates the conclusion that nowadays the secrecy correctly regarded as a regime of information, because the fact of preservation such information in secrecy depends on the speified regime of information. That is why the secret ballot is regarded as a special legal regime of information.

Key words: secret ballot election legislation, information, limited access, the legal regime of information.

В процессе взаимодействия субъектов общественных отношений в различных сферах могут возникать ситуации, в которых разглашение определенной информации и свободный доступ к ней становятся нежелательными. Основания для нераспространения таких сведений могут быть разными: взаимная договоренность (служебная тайна), человеческая

порядочность (личная тайна), организационно-правовые меры, принятые государством, для сохранения конфиденциальности определенной информации (государственная тайна) и т.д. С этим связано ограничение свободного доступа к информации, т.е. формирование правовых институтов тайны.

Рассматривая тайну голосования, следует отметить, что в законодательстве Российской Федерации данный вид тайны отдельно не выделен и регламентируется косвенно в качестве принципа избирательного права. Однако отсутствие полноценной регламентации не изменяет сути исследуемого понятия и не умаляет значимости тайны голосования для избирательного процесса в демократическом государстве. Рассмотрим подробнее общеправовое содержание тайны голосования.

Важно отметить, что в российской правовой науке не существует единого подхода к понятию тайны, которое не закреплено в законодательстве. В словаре русского языка Ожегова С.И. под тайной понимается нечто скрываемое от других, известное не всем, секрет [1, с. 785]. Однако данное определение не обладает правовым смыслом, а отражает лишь общую характеристику указанного понятия: ограниченный доступ к информации. Российские правоведы для определения данного понятия обращаются к отдельным видам тайн.

С правовой точки зрения, наиболее верным является определение А.Н. Прокопенко и А.А. Дрога: «тайна – это охраняемая государством конфиденциальная информация, незаконное получение, разглашение, использование которой создает угрозу нанесения вреда правам и законным интересам граждан, общества, государства и влечет за собой привлечение виновных к ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации» [2, с. 102].

Анализируя законодательство Российской Федерации, следует выделить несколько определений, которые содержатся в нормативно-правовых актах, регламентирующих отдельные виды тайн. Так, в соответствии со ст. 2 Закона Российской Федерации «О государственной тайне»: государственная тайна – защищаемые государством сведения в области его военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, распространение которых может нанести ущерб безопасности Российской Федерации [3]. Согласно ст. 3 Федерального закона «О коммерческой тайне»: коммерческая тайна – режим конфиденциальности информации, позволяющий ее обладателю при существующих или возможных обстоятельствах увеличить доходы, избежать неоправданных расходов, сохранить положение на рынке товаров, работ, услуг или получить иную коммерческую выгоду [4].

Таким образом, можно выделить два основных подхода к определению понятия «тайна»:

1. Тайна – информация, доступ к которой ограничен;

Сторонники данного подхода считают, что тайна – это сведения, которые не являются общеизвестными и общедоступными, их разглашение может причинить вред чьим-либо интересам, их обладатель принимает меры по охране указанных сведений. Таким образом, можно выделить следующие признаки тайны:

- тайна – это информация;
- тайна известна ограниченному кругу лиц;
- тайна доверяется лицам в силу их профессиональной или служебной деятельности;
- разглашение тайны влечет негативные последствия (ущерб, привлечение к ответственности и т.д.);
- для лиц, которым известна тайна, закреплена обязанность ее хранения и неразглашения.

2. Тайна – особый правовой режим информации.

В последнее время все больше ученых говорят, что понятие «тайна» не сводимо к информации. Иными словами, тайна – не информация, а особый правовой режим информации, т.е. информация не может составлять тайну, она может находиться в тайне [5, с 157]. Сведения, сохраняемые в тайне, являются информацией только для лиц, имеющих к ним доступ, т.е. тайна выступает в качестве информации только для ее обладателя. Таким образом, закрытая информация для ее обладателя – не тайна, но и для третьих лиц – не информация. О.А. Городов отмечает, что «в этом проявляется диалектика феномена тайны, ее двойственный, полярный характер, который обусловлен наличием механизма доступа к сведениям, основанного на запретах и позитивных обязываниях, устанавливаемых законодателем в отношении третьих лиц и обладателей закрытых сведений соответственно» [6, с. 64]. По нашему мнению, в настоящее время тайну правильнее рассматривать как режим информации, так как сам факт сохранения таких сведений в тайне зависит от режима указанной информации, т.е. правовых средств и организационно-технических механизмов, созданных на основе норм права и обеспечиваемых соответствующими способами. Само содержание сведений, составляющих тайну, на режим ее доступности не влияет, а лишь позволяет определить, к какому виду относится та или иная информация в зависимости от сферы ее существования.

В рамках данного подхода важно исследовать понятие правового режима информации. Так, по мнению С.С. Алексеева правовой режим – это комплекс правовых средств, характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений, запретов, а также позитивных обязываний и создающих особую направленность регулирования» [7, с. 170]. Правовой режим любого вида тайны включает три элемента:

1. Ценность скрываемых сведений;

Данный элемент характеризует содержательную сторону информации, которая выступает предметом специфических интересов субъектов, не заинтересованных в ее раскрытии, и которые не готовы или не имеют права это сделать под угрозой наступления неблагоприятных последствий.

2. Механизм защиты или ограничения доступа к сведениям;

Указанный элемент формально не связан с содержанием информации, так как ценность представляет не только содержательная сторона сведений, но и фактическая возможность доступа к ней в определенном порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации.

3. Юридическую ответственность за несанкционированное получение и (или) распространение этих сведений.

Исходя из вышесказанного, отметим, что тайна голосования является правовым режимом информации, обладающим всеми основными элементами, характерными для исследуемого понятия:

1. Тайна голосования является разновидностью тайны частной жизни, куда также следует отнести личную и семейную тайны, тайну переписки, почтовых, телефонных переговоров и иных сообщений, тайну усыновления. Как верно отмечает Пермяков М.В.: «содержание тайны голосования – сведения, зафиксированные в бюллетене для голосования и раскрывающие отношение гражданина к выбору того или иного кандидата» [8, с. 43]. Тайна голосования является личным волеизъявлением каждого человека, именно поэтому относится к тайне частной жизни. Реализуя свои избирательные права, гражданин исходит исключительно из собственных его убеждений и взглядов, т.е. самостоятельно голосуя за того или иного кандидата каждый избиратель выражает свое доверие к нему и перспективам его деятельности. Таким образом, тайна голосования выступает необходимым условием свободы голосования гражданина и является показателем личной свободы в целом.

2. Для реализации тайны в избирательном законодательстве Российской Федерации закреплен механизм тайного голосования – способа голосования, при котором воля голосующего остается неизвестной другим лицам, что достигается в результате следующей процедуры тайного голосования:

1. проект решения или кандидатуры вносятся в бюллетень для голосования (все бюллетени для одного голосования одинаковы по размеру и цвету);

2. в месте голосования выделяется помещение или устанавливаются кабинеты, где голосующий заполняет бюллетень и куда никто, кроме него и приглашенного им для помощи лица, заходить не вправе;

3. выйдя из помещения или кабины, голосующий, никому не показывая бюллетень, опускает его в ящик (урну) для голосования [9, с. 193].

Таким образом, в Российской Федерации функционируют различные организационные и технические механизмы, при помощи которых обеспечивается конфиденциальность волеизъявления граждан в процессе голосования. Тайное голосование исключает возможность отслеживания результатов голосования и дальнейшего преследования граждан в зависимости от их выбора, что в свою очередь укрепляет веру людей в институт выборов и честность их результатов. Как верно отмечает Юсубов Э.С.: «В классическом понимании доверие – это фундамент благополучия общества, в котором граждане проявляют готовность к взаимопониманию в соответствии с традициями и этическими ценностями. На основе взаимного доверия формируются социально-политические установки людей. Выборы нельзя воспринимать как ритуал или как формальное исполнение обязанностей. Выборы – правовая и нравственная максима, основанная на законе и взаимном доверии. В таком качестве выборы нуждаются в сложной кропотливой работе всего общества, всех институтов государства по сбережению прошлого и настоящего и формированию будущего» [10, с. 72].

3. В соответствии с российским законодательством за нарушение тайны голосования предусмотрена уголовная ответственность и наказание в виде штрафа, обязательных работ или исправительных работ. Также, при наличии квалифицирующих обстоятельств: подкуп, обман, принуждение, применение насилия либо угроза его применения, использование своего служебного положения, совершение группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, данные преступления наказываются штрафом в большем размере, обязательными работами или исправительными работами на более длительный срок, а также принудительными работами, арестом на срок до шести месяцев или лишением свободы на срок до пяти лет [11].

Также, важно отметить, что тайна голосования является особым правовым режимом информации, так как ей присущи следующие особенности:

1. Уникальность тайны голосования состоит в том, что результат волеизъявления известен лишь самому избирателю в процессе голосования, другие лица в соответствии с процедурой тайного голосования в данном процессе не участвуют, если тайна не нарушается. В сравнении со служебной или коммерческой тайной – таких лиц, кому она известна, может быть намного больше, и при этом это не будет являться нарушением.

2. Тайна голосования напрямую связана со свободой убеждения избирателя, и результат голосования отражает его личное мнение.

3. Тайна голосования является гарантом не только честных выборов, но и свободы личности.

Таким образом, правовая модель режима закрытия каких-либо сведений от доступа к ним третьих лиц строится на применении для этих целей единственно возможного юридического механизма, обозначаемого понятием тайна. Тайна голосования – это особый правовой режим, предусматривающий комплекс правовых средств и организационно-технических механизмов, которые гарантируют гражданам Российской Федерации тайну их волеизъявления при голосовании на выборах в органы государственной власти, местного самоуправления и референдуме.

Библиографический список

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1990. С. 785.
2. Прокопенко А.Н., Дрога А.А. Понятие «тайна» с точки зрения современной российской юридической науки // Проблемы правоохранительной деятельности. 2011. №1. С. 102.
3. О государственной тайне: Закон РФ от 21.07.1993 №5485-1 (ред. от 21.12.2013) // СЗ РФ. 1997. №41. Стр. 8220-8235; 2013. №51. Ст. 6697.
4. О коммерческой тайне: Федеральный закон от 29.07.2004 №98-ФЗ (ред. от 12.03.2014) // СЗ РФ. №32. Ст. 3283; 2014. №11. Ст. 1100.
5. Куликова С.А. Информационное право России: Учебное пособие. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2010. С. 157.
6. Городов О.А. Информационное право: учебник. М., 2007. С. 64.
7. Алексеев С.С. Теория права. М., 1993. С. 170.
8. Пермяков М.В. Категория «тайна» в системе правового регулирования: Дис. ... канд. юр. наук. Екатеринбург, 2006. С. 43.
9. Авакьян С.А. Конституционное право. Энциклопедический словарь. М.: Норма. 2001. С. 193.
10. Юсубов Э.С., Безруков А.В. Проблемы отражения Конституции Российской Федерации в механизме реализации избирательного законодательства России (к 20-летию юбилею Конституции Российской Федерации) // Российский юридический журнал. 2014. №1. С. 72.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 30.03.2015) // СЗ РФ. 1996. №25. Ст. 2954; 2015. №13. Ст. 1811.

УДК 342.734

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Е.А. Крючкова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: tihonea@inbox.ru

В данной статье рассмотрены проблемы современного понимания социального государства. Проанализированы основные проблемы конституционно-правового регулирования и практики построения социальной государственности в России.

Выявлена и обоснована необходимость принятия в России концепции развития социального государства или рамочного закона об основах социальной политики с учетом международных стандартов, внутренних рекомендаций и более успешного зарубежного опыта. На основе проведенного исследования определены основные принципы построения социальной государственности: формальное равенство, социальная справедливость, социальная ответственность и социальное партнерство.

Ключевые слова: социальное государство, достойная жизнь, свободное развитие человека, социальные риски, социальная государственность.

TRANSFORMATION OF SOCIAL STATE IN A CHANGING WORLD

E.A. Kryuchkova

This article considers the problems of the modern understanding of the social state. Analyzes the main problems of constitutional law and practice of building a social state in Russia. Identified and the necessity of adopting a concept of development of the welfare state or framework law on principles of social policy based on international standards, internal guidelines and more successful foreign experience. On the basis of the study the basic principles of constructing social identity: formal equality, social justice, social responsibility and social partnership.

Key words: welfare state, dignified life and free development of the individual, social risks, social statehood.

Социальное государство как одна из основ конституционного строя [1, ст. 7], постоянно находится в сфере научных интересов не только ученых правоведов, но и социологов, политологов, экономистов и иных исследователей, поскольку вопрос о социальной ориентированности государства требует широкого *гуманитарного осмысления*, в том числе и нравственного (идеи благотворительности, милосердия, сострадания). Обеспечение данного принципа и прав человека, вытекающих из него, есть первостепенная задача Российской Федерации, реализуемая в деятельности его органов.

Формирование социального государства, а именно его провозглашение, определение основных направлений политики по его построению, выработка национальных критериев и их соотнесение с международными стандартами в данной сфере, обеспечение организационно-правовых и финансово-материальных основ и механизмов реализации условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, является основным *показателем эффективности государства в эпоху всемирной глобализации и сохранения человеческого потенциала*. И здесь государство как институт играет определяющую роль, политика которого обеспечивает реализацию позитивных социально-экономических и культурных прав личности. Как верно заметили в своей статье судьи Конституционного Суда РФ Арановский К.В. и Князев С.Д., основанием социальных притязаний может быть только принадлежность к

общему роду (подразумеваем государство) безотносительно заслуг, но с гарантией минимума пищи, одежды, медицины и пр. [2, с. 45].

На протяжении истории Российского государства его *социальная функция* менялась, но всегда была в центре внимания и политика, и ученого, и простого человека. Так, Конституция СССР 1936 г. была признана одной из самых демократических и социально-ориентированных. Отход от социалистического государства с его патерналистской функцией заботы о всех и каждом (так называемая «уровниловка»), новая политическая и социально-экономическая формация изменили представление о социальной функции государства.

Общепринятый взгляд на социальное государство еще не устоялся, поскольку его цели, задачи, сущность во многом определяются *идеологическими, политическими и социально-экономическими условиями развития конкретного государства*. И, тем не менее, современное понимание роли социального государства предполагает не рост иждивенчества населения, а его *социальную защищенность*, а именно, в широком смысле, создание государством равных стартовых условий для свободного труда, предпринимательства, здорового образа жизни, образования, культурного развития, а также поддержка социально-значимых институтов семьи, материнства, детства, помощь нуждающимся.

Это тесно связано с такими конституционными ценностями как *социальное равенство, социальная справедливость*. Как заметила профессор Е.А. Лукашева, социальное реформирование в современных условиях есть новая стадия развития правового государства, преодоление резкой поляризации слоев населения, гуманизация условий жизни [3, с. 229]. Только при наличии реального социального государства возможно гарантирование достойного существования человека как личности, его развития и совершенствования, что коррелируется с основным гуманитарным постулатом высшей ценности человека, его прав и свобод [1, ст. 2].

Конституция РФ определяет *формы реализации* социального государства: охрана труда и здоровья людей, установление минимального размера оплаты труда. Все это непосредственным образом связано с функциями социального государства. Некоторые категории граждан (инвалиды, пожилые, дети, отцы и матери, осуществляющие за ними уход) в силу различных обстоятельств не могут самостоятельно обеспечить себе достойный уровень жизни. И здесь проявляется роль социального государства через систему организационно-правовых, финансово-экономических и иных гарантий – создание системы социальных служб, установление государственных пенсий, поддержка института семьи и пр.

Основными функциями социального государства исходя из нормы ст. 7 Основ конституционного строя, являются достойная жизнь и свободное развитие человека.

Право на достойную жизнь занимает ведущее и определяющее место в системе основных прав и свобод, поскольку, в широком смысле, обеспечение государством достойной жизни как основного права и социально-экономических прав, как производных от него, неразрывно связано с осуществлением прав первого поколения, определяющих жизнеспособность и политическую активность индивида. Без гарантий личных, политических и культурных прав невозможно достижение условий достойной жизни и свободного развития человека. По словам Б.С. Эбзеева, достоинство – это мера, от которой зависит набор прав человека [4].

Достойная жизнь характеризует *уровень и качество жизни* человека, то есть тот минимальный стандарт, позволяющий человеку свободно развиваться, исходя из его потребностей и способностей по осуществлению трудовой, предпринимательской и иной экономической, а также научной, преподавательской, культурной и иной творческой деятельности. Следует указать, что данное право имеет естественный, неотчуждаемый и носит комплексный характер, а также двойственную негативную и позитивную природу.

Важными показателями уровня жизни являются такие как *прожиточный минимум, минимальный размер оплаты труда, потребительская корзина*. Однако, современная российская действительность и статистические данные свидетельствуют об их несоответствии международным стандартам и внутренним рекомендациям, в сравнении с более успешным зарубежным опытом. Так, с 1 января 2015 г. МРОТ по России составляет 5965 руб. [5], по Саратовской области с того же момента – 6900 руб. [6]. Величина прожиточного минимума за III квартал 2014 г. по России на душу населения составляет 8086, для трудоспособного населения – 8731 руб., для пенсионеров – 6656 руб., для детей – 7738 руб. [7]. По Саратовской области данные за IV квартал 2014 г. следующие: 6932 руб., 7455 руб., 5735 руб., 6884 руб. [8]. Что касается потребительской корзины, то в соответствии со ст. 1 Федерального закона от 24 октября 1997 г. N134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» он представляет собой стоимостную оценку потребительской корзины, а также обязательные платежи и сборы [9]. В свою очередь, потребительская корзина, т.е. *необходимые для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизнедеятельности* составляют: минимальный набор продуктов питания и – непродовольственные товары и услуги, стоимость которых определяется в соотношении со стоимостью минимального набора продуктов питания, формируется для основных социально-демографических групп населения (трудоспособного населения, пенсионеров, детей) в целом по Российской Федерации и в субъектах РФ не реже одного раза в пять лет.

Потребительская корзина в целом по Российской Федерации разрабатывается на основе методики, которая вносится в Государственную Думу одновременно с проектом федерального закона о потребительской корзине. В настоящее время потребительская корзина утверждена Федеральным законом от 3 декабря 2012 г. N227-ФЗ «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации» [10]. Потребительская корзина в субъектах РФ устанавливается законодательными (представительными) органами субъектов РФ с учетом природно-климатических условий, национальных традиций и местных особенностей потребления продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг основными социально-демографическими группами населения на основании методических рекомендаций, утверждаемых Правительством РФ [11]. В настоящее время такие методические рекомендации утверждены Постановлением Правительства РФ от 28 января 2013 г. N54 (ред. от 19.08.2014) [12].

По мнению ученых, соотношение МРОТ и МПК «не укладывается ни в какие экономические и правовые рамки», *поскольку МПК не учитывает* полного набора товаров и услуг, постоянно возрастающих затрат на жилье, медицинское обслуживание, удовлетворение не только материальных, но и культурных потребностей, а также необходимость обеспечения не только себя, но и своей семьи. Так, доля бедных в стране (чьи доходы ниже прожиточного минимума) оценивается на уровне 20%, из которых, около 50% – трудоспособное население [13, с. 1415].

Декларирование России как социального государства и *отсутствие долгосрочной стратегии его формирования* (стратегические документы приняты лишь по отдельным направлениям развития социального государства: демография, защита детства, экономическая безопасность, национальная политика, охрана окружающей среды), существующая сложная экономическая ситуация и нестабильность, вызванные, в том числе, геополитическими проблемами, заставляют говорить пока только о *перспективе реальности существования* такого государства, то есть тема его формирования актуальна в сложившейся конституционной доктрине и практике. Гибкая налоговая политика, поиск баланса между высокими социальными расходами и правилами рыночной экономики, минимизация социального неравенства, эффективное стимулирование производства и обеспечение роста национального богатства, достойное положение всех слоев общества – вот те задачи, решение которых возможно только государством, сформированным *по социальному принципу*.

Современное российское законодательство в социальной сфере представлено *многочисленными нормативными актами* [14]. Последние тенденции в определении социальной политики Российского государства, проявляются, в том числе, в издании и реализации так называемых «майских указов Президента РФ»: указов от 7 мая 2012 г. – №597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики»,

№600 «О мерах по обеспечению граждан Российской Федерации доступным и комфортным жильем и повышению качества жилищно-коммунальных услуг», №599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки», №598 «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения», №596 «О долгосрочной государственной экономической политике», №606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации», №595 «О единовременной выплате некоторым категориям граждан Российской Федерации в связи с 67-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов».

Современность проблем социального государства подтверждает *сложившаяся российская общественно-политическая обстановка* с осени 2014 г., вызванная социально-экономическими катаклизмами: протестные акции врачей против сокращения рабочих мест в г. Москва; учителей и родителей – против закрытия школ для одаренных детей, а также коррекционных школ для инвалидов и девиантных детей из-за их слияния с другими школами; голодовка врачей скорой помощи в г. Уфа, вызвавшая широкий общественный резонанс и поддержку; повышение цен на товары; пенсионное реформирование; увеличение трудовых мигрантов и украинских беженцев; девальвация рубля; изменения в сторону увеличения ставки налога на недвижимость в зависимости от кадастровой (рыночной) стоимости, высокая инфляция; повышение ставки рефинансирования; сворачивание бизнеса и закрытие предприятий и как следствие рост безработицы; протестные выступления валютных ипотечных кредиторов и пр. Все это может явиться причиной *социального коллапса*. Глубина социального кризиса оценивается специалистами намного серьезнее по продолжительности и последствиям по сравнению с 1998 и 2008 годами.

Не только *внутренние, но и внешние вызовы* делают данную проблематику актуальной: широкое распространение и массовая гибель людей от болезни эболы в социально неблагополучных африканских государствах, проблемы миграции и связанные с ними этноконфессиональные конфликты в Азии, Европе и России и пр.

Следовательно, возникновение социально-экономического неблагополучия ведет к *сворачиванию или сокращению социальных расходов*. А это прямая угроза политической стабильности и государственности как таковой, поскольку отсутствие реальных социальных гарантий, минимального социального стандарта, необеспечение социальной безопасности и благополучия граждан со стороны государства, влечет за собой социальную нестабильность и как следствие социальные конфликты, массовые беспорядки и пр. Избежать подобного возможно при стабильно возрастающем общенациональном благополучии или, по крайней мере, сохранении социальных благ,

гарантом которого выступает государство. Показательным является случай, когда в феврале 2015 г. Президент РФ на встрече с членами Правительства РФ потребовал восстановить пригородное железнодорожное сообщение, обеспечивающее перевозку как трудоспособного населения до мест работы, так и иных граждан, в том числе пожилых людей до их дачных участков [15]. А 3 апреля 2015 г. врачи Ершовской больницы подали в администрацию заявку на проведение 12 апреля массовой акции протеста. Поводом для демарша стала угроза лишения их жилплощади, в связи с отказом в приватизации служебных квартир – сначала со стороны администрации, а затем и районного суда [16].

Социальное государство неразрывно связано с *принципом справедливости*, реализация которого возможна только при правильном перераспределении материально-экономических благ, справедливом и рациональном использовании природных богатств и научно-обоснованном ценообразовании. Показателен случай, когда 31 марта 2015 г. Правительство разрешило после многочисленных скандалов не требовать от глав корпораций с государственным участием публиковать в открытом доступе сведения о доходах, расценивая это словами президента ОАО «РЖД» В. Якунина как «вмешательство в личную жизнь» [17].

Современное развитие российской социальной государственности свидетельствует о *ряде системных проблем*: урезании строки федерального бюджета на социальные нужды; увеличение военно-оборонных расходов, расходов в связи с проведением Олимпиады-2014 и присоединении двух новых субъектов Федерации; ущербность социального законодательства, регулирующего политику доходов населения, о том, что многочисленные вопросы в сфере охраны детства, семьи, материнства, демографии могут быть решены путем создания комфортных социально-экономических условий; социальное обеспечение в части получения пенсий регулируется неудовлетворительно; отсутствие единого социального стандарта, устанавливающего минимально допустимый размер при получении пособий; минимизация или даже отказ в помощи безработным и неработающим матерям, недопустимость установления размеров детских пособий в размере, меньшем прожиточного минимума; наличие ряда недостатков в регулировании права на жилье; отсутствие минимально допустимых расходов на здравоохранение в соответствии с рекомендациями ВОЗ, четкой определенности платных и бесплатных медицинских услуг, раздробленность источников финансирования здравоохранения, прекращение действие нормы минимальных расходов на образование, его фактическая коммерциализация на уровне общего и пр.

Следовательно, на нынешнем этапе в рамках формирования российского социального государства созрела необходимость принятия

концепции его развития или рамочного закона об основах социальной политики. В основу такой политики должны быть заложены принципы *формального равенства, социальной справедливости, социальной ответственности и социального партнерства*, где основным субъектом формирования и реализации социальной политики выступает не только государство, но работодатели, бизнесмены, профсоюзы, деятельность которых непосредственно связана с реализацией функций социального государства по созданию рабочих мест, их квотированию, работе согласительных комиссий, защите прав трудящихся и иных категорий лиц, налогообложению и благотворительности. Так в Саратовской области руководители торговых ряда сетей продлили действие соглашений с Правительством Саратовской области, предусматривающих сдерживание цен на основные продовольственные товары [18]. Хочется привести слова нобелевского лауреата Амартии Сена (1998 г.): «человеческое развитие» предполагает не только повышение дохода на душу населения и достижение материального благосостояния, что не является абсолютно определяющим успешности человеческой жизни, но и расширение возможностей свободы и многообразия выбора цели и образа жизни личности [19].

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N6-ФКЗ, от 30.12.2008 N7-ФКЗ, от 05.02.2014 N2-ФКЗ, от 21.07.2014 N11-ФКЗ).
2. Арановский К.В., Князев С.Д. К вопросу об основаниях социальных прав и о субъектах правоотношений, с ними связанных // Конституционное и муниципальное право. 2013. N11. С. 43-48/
3. Лукашева Е.А. Права человека. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012.
4. По материалам выступления Б.С.Эбзеева на круглом столе «Демократия как конституционная ценность и международное право» в рамках II Московский юридический форум «Государственный суверенитет и верховенство права: международное и национальное измерение». 2-4 апреля 2015 г. (02.04.2015, МГЮА имени О.Е. Кутафина», г. Москва).
5. О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда»: Федеральный закон от 01.12.2014 N408-ФЗ // СЗ РФ. 2014. N49 (часть VI). ст. 6917.
6. Соглашение о минимальной заработной плате в Саратовской области между Правительством Саратовской области, Федерацией профсоюзных организаций Саратовской области, Союзом товаропроизводителей и работодателей Саратовской области (заключено 05.12.2014) // Саратовская областная газета. 2014. 5 дек.
7. Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации за III квартал 2014 г.: Постановление Правительства РФ от 05.12.2014 N 1321 // СЗ РФ. 2014. N50. ст. 7107.

8. О величине прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения Саратовской области за IV квартал 2014 года: Постановление Правительства Саратовской области от 06.02.2015 N39-П // Собрание законодательства Саратовской области. N6. февраль. 2015/
9. О прожиточном минимуме в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.10.1997 N134-ФЗ (ред. от 03.12.2012) // СЗ РФ. 1997. N43. ст. 4904; 2012. N50. (ч. 5). ст. 6956.
10. СЗ РФ. 2012. N50 (часть 4). ст. 6950.
11. О потребительской корзине в целом по Саратовской области: Закон Саратовской области от 04.07.2013 N111-ЗСО // Собрание законодательства Саратовской области. N26. июнь-июль. 2013.
12. Об утверждении методических рекомендаций по определению потребительской корзины для основных социально-демографических групп населения в субъектах Российской Федерации // СЗ РФ. 2013, N 5, ст. 395.
13. Челнокова Г.Б. Прожиточный минимум и минимальный размер оплаты труда – основные критерии определения бедности в социальном законодательстве России // Актуальные проблемы российского права. 2013. №11. С. 1411-1416.
14. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N197-ФЗ (ред. от 31.12.2014), Федеральный закон от 19.06.2000 N82-ФЗ (ред. от 01.12.2014) «О минимальном размере оплаты труда», Федеральный закон от 24.10.1997 N134-ФЗ (ред. от 03.12.2012) «О прожиточном минимуме в Российской Федерации», Федеральный закон от 28.12.2013 N 442-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», Федеральный закон от 17.07.1999 N178-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «О государственной социальной помощи», «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», Федеральный закон от 16.07.1999 N165-ФЗ (ред. от 01.12.2014) «Об основах обязательного социального страхования», Федеральный закон от 05.04.2003 N44-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «О порядке учета доходов и расчета среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для признания их малоимущими и оказания им государственной социальной помощи», Федеральный закон от 29.12.2006 N255-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством», Федеральный закон от 21.12.1996 N159-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», Федеральный закон от 10.01.2002 N2-ФЗ (ред. от 22.12.2014) «О социальных гарантиях гражданам, подвергшимся радиационному воздействию вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне», Федеральный закон от 26.11.1998 N175-ФЗ (ред. от 22.12.2014) «О социальной защите граждан Российской Федерации, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварии в 1957 году на производственном объединении «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в реку Теча», Закон РФ от 15.05.1991 N 1244-1 (ред. от 22.12.2014) «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», Федеральный закон от 24.11.1995 N181-ФЗ (ред. от 21.07.2014, с изм. от 01.12.2014) и ряд других актов.
15. 1 канал. URL: <http://www.1tv.ru/news/polit/277096> (дата обращения: 08.04.2015).
16. Взгляд-инфо. URL: <http://www.vzsar.ru/news/2015/04/03/vrachi-yvedomili-administraciu-mr-o-provedenii-akcii-protesta.html>(дата обращения: 08.04.2015)
17. Сноб. URL: <http://snob.ru/selected/entry/90300> (дата обращения: 08.04.2015)

18. РИА Новости. URL: <http://volga.ria.ru/economy/20080311/81641967.html>(дата обращения: 08.04.2015)
19. Википедия. URL: <http://https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 17.03.2015)

УДК 347.1

ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛКИ

К.А. Куликов

Саратовская государственная юридическая академия, Россия

E-mail: kulikov_konstantin@yahoo.com

Статья посвящена принципу добросовестности в гражданском праве и его значению для признания сделки недействительной. Элементы принципа добросовестности выявляются в отдельных условиях недействительности сделок.

Ключевые слова: добросовестность, недействительность сделки, реформа гражданского права, принципы, справедливость.

GOOD FAITH AS A CONDITION OF A VALID TRANSACTION

K.A. Kulikov

The article is dedicated to the principle of good faith in the civil law and its role in the invalidation of transactions. Elements of good faith principle are identified in certain cases of invalidity of transactions.

Key words: good faith, invalidation of transaction, the reform of Russian civil law, principles, equity.

Право как один из важнейших социальных институтов не может не реагировать на изменения, которые происходят в окружающем мире: в обществе, государстве. Когда право не успевает за такими изменениями, оно становится бессильным, бесполезным. В то же время и право в руках дальновидного законодателя способно стать локомотивом общественного развития, повлечь за собой глубокие преобразования в обществе в целом, перевоспитание отдельных личностей.

Значительные изменения, произошедшие в российской экономике с начала 1990-х годов, когда была принята первая часть Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) привели к необходимости проведения реформы гражданского законодательства, которая осуществляется в последние несколько лет. Так, в пункте 6 части I Концепции развития гражданского законодательства отмечается, что «развитие экономики и становление гражданского общества требуют использовать все возможные меры и средства гражданского

законодательства, чтобы обеспечить добросовестное и надлежащее осуществление гражданских прав и исполнение гражданских обязанностей. С этой целью предлагается широкий спектр мер, направленных на укрепление нравственных начал гражданско-правового регулирования, – введение в гражданское законодательство принципа добросовестности в качестве одного из наиболее общих и важных принципов гражданского права, существенная модификация многих норм о недействительности сделок и др.» [1, с. 6].

Введение в ГК РФ общего принципа добросовестности законом №302-ФЗ от 30 декабря 2012 г. [2] породило новую волну дискуссий по поводу целесообразности законодательного закрепления понятия «добросовестность», его правовой и морально-нравственной природы. В данной статье мы ставим перед собой цель проанализировать роль принципа добросовестности в признании сделок недействительными. Этот институт претерпел значительные изменения в ходе реформы гражданского законодательства, в свете которых анализ принципа добросовестности при недействительности сделок представляет особый интерес.

В научной литературе по гражданскому праву довольно сложно встретить одобрение данной законодательной новеллы, зато в критике недостатка нет. Так, к примеру, Скловский К.И. пишет, что ни в Кодексе, ни в каком-либо ином федеральном законе определить какие-то подходы, параметры понятия добросовестности в принципе невозможно [3, с. 79]. Немало сказано об опасности безграничного расширения судебного усмотрения в связи с введением в закон данного принципа [4, с. 5; 5, с. 135]. На наш взгляд, закрепление в ст. 1 ГК РФ [6] принципа добросовестности – позитивное нововведение. В Концепции развития гражданского законодательства [1] говорится о том, что встречающиеся в ГК РФ указания на добросовестность поведения субъектов отдельных правоотношений недостаточны для эффективного правового регулирования. Не можем с этим не согласиться. Принцип добросовестности известен российскому праву с дореволюционных времен. Так, в ст. 1538 и 1539 Свода Законов Российской империи добрая совесть указывается как основание для толкования сделки [7, с. 110]. Сегодня более десятка статей Кодекса содержат прямые отсылки к принципу, ещё больше статей его подразумевают. Понятие добросовестности интуитивно понятно каждому из нас и, если отойти от юридического формализма, не требует пояснения для нормального члена общества. Не видим ничего плохого в том, чтобы ориентировать субъектов гражданских правоотношений на необходимость действовать в соответствии с этим принципом.

Один из главных тезисов против введения добросовестности в качестве принципа гражданского права – неопределенность данного

понятия и, вследствие этого, расширение судебного усмотрения. Но определять, отвечают ли действия сторон сделки критериям добросовестности, законодатель поручает судьям – лицам, к которым предъявляются жесткие морально-нравственные требования, в частности, Законом «О статусе судей в Российской Федерации» [8]. При этом не вызывает сомнения тот факт, что механизмы реализации судебного усмотрения необходимы в законодательстве, поскольку закон объективно не успевает за быстро меняющимися общественными отношениями. Тем не менее, целесообразно всё же закрепить в законе критерии добросовестного поведения, а также дать легальное определение самому понятию «добросовестность», поскольку нельзя отрицать, что действующая редакция ст. 1 ГК РФ вызывает слишком много вопросов.

Как бы то ни было, на сегодняшний день ГК РФ закрепляет принцип добросовестности как общий императив поведения всех субъектов гражданских правоотношений (п. 3, 4 ст. 1 ГК РФ, п. 2 ст. 6, п. 5 ст. 10 ГК РФ), так и в качестве неотъемлемого элемента отдельных гражданско-правовых институтов (ст. 157, 220, 223, 234, 302, 602, 662, 662, 1103, 1109, 1222 ГК РФ и другие).

Необходимо отметить, что принцип добросовестности в гражданском праве существует в двух смыслах: в объективном и субъективном. Добросовестность в объективном смысле означает соответствие поведения субъекта гражданских правоотношений «доброй совести», общим принципам справедливости, морали и нравственности [4, с. 4]. Именно добросовестность в этом, объективном смысле, была введена в ст. 1 ГК РФ в 2013 г.

Понятие добросовестности в субъективном смысле куда более конкретно. Добросовестность в субъективном смысле изначально возникла из института добросовестного и недобросовестного владения имуществом, известного ещё римскому праву. В субъективном смысле под добросовестностью понимается неосведомленность лица об отсутствии законных оснований на приобретение вещи (ст. 302, 303 ГК РФ). Рассмотрим оба названных вида добросовестности применительно к статьям о недействительности сделок.

С 1 сентября 2013 г. принцип добросовестности непосредственно введен законодателем в ст. 166 ГК, которая была дополнена п. 5, согласно которому, «заявление о недействительности сделок не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность сделки лицо действует недобросовестно, в частности, если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки». Таким образом, в отечественном законодательстве было закреплено правило эстоппеля, пришедшее из англо-американской правовой семьи, которое в общем виде означает запрет ссылаться на определенные обстоятельства в защиту своей позиции. На практике не

редки случаи, когда лицо инициирует признание сделки недействительной, желая воспользоваться преимуществами двусторонней реституции. Правило эстоппеля должно стать барьером на пути таких действий при помощи принципа добросовестности. Отказ в признании сделки недействительной будет являться санкцией за недобросовестное поведение стороны.

Движение законодателя в этом направлении представляется нам разумным и оправданным. Введение п. 5 в ст. 166 ГК РФ является логическим продолжением закрепления принципа добросовестности в ст. 1 и прямо показывает перспективы и роль данного принципа в сфере недействительности сделок. Тем не менее, проблемы в правоприменении данного пункта могут быть связаны всё с той же неопределенностью понятия «добросовестное» поведение, так как в данном случае оно употреблено в наиболее расплывчатом, объективном смысле, то есть как соответствие поведения общим принципам справедливости и морали.

Ст. 168 ГК РФ как в новой, так и в предыдущей редакции, не содержит упоминаний о принципе добросовестности. Однако, если копнуть чуть глубже, становится видно, что именно эта статья в сочетании с обновленной ст. 1 ГК РФ открывает для суда очень широкие перспективы для применения принципа добросовестности к спорам о недействительности сделок. Закрепляя принцип добросовестности в первой статье Кодекса, законодатель возводит его в ранг правовых, переносит из области морали в область права. Закон обязывает участников гражданских правоотношений действовать добросовестно при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей. В то же время формулировка ст. 168: «сделка, нарушающая требования закона», настолько широка, что вполне позволяет судье признать сделку недействительной на том единственном основании, что стороны действовали недобросовестно, сославшись на п. 3 ст. 1 и ст. 168 ГК. На сегодняшний день подобные примеры судебной практике неизвестны. Между тем, довольно активно используется механизм признания недействительными сделок, при совершении которых допущено злоупотребление правом (ст. 10 + ст. 168 ГК РФ).

Начало применения подобного довольно изящного правового механизма было положено в Постановлении Президиума ВАС РФ от 20.05.2008 №15756/07 [9] по иску ЗАО «КСЦ Переделкино» к ООО «Диамант Групп» о признании недействительным договора купли-продажи зданий. Суть данного дела в том, что ООО «Диамант Групп», недобросовестно воспользовавшись своим влиянием на директора санатория, купило у «КСЦ Переделкино» три здания, после чего сразу же передало их бывшему собственнику в аренду. При этом арендная плата за три месяца превышала выкупную цену зданий, уплаченную «Диамант

групп», а эксплуатацию зданий санаторий продолжал в том же режиме, что и раньше. Исходя из внутренних моральных убеждений и представлений о справедливости, незаконность подобной сделки не вызывала сомнения у судей. Между тем, найти подходящий механизма для признания сделки недействительной в §2 главы 9 ГК РФ никак не удавалось. В итоге на помощь пришла ст.10 ГК РФ, которая запрещает осуществлять гражданские права исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действовать в обход закона, а также заведомо недобросовестно осуществлять гражданские права, иными словами, запрещает злоупотребление правом в сочетании со ст.168 ГК РФ о недействительности сделок, нарушающих требования закона. При вынесении упомянутого постановления в 2008 г. в распоряжении ВАС РФ отсутствовала современная п. 3 ст. 1 ГК РФ, между тем, на наш взгляд, сегодня ссылка на общий принцип добросовестности для признания сделки недействительной как нарушающей требования закона в подобных ситуациях выглядит логичнее, чем ссылка на злоупотребление правом.

Ст. 169 ГК РФ, посвященная сделкам, совершенным с целью, противной основам правопорядка или нравственности, также не содержит упоминания принципа добросовестности. Однако само понятие «основы правопорядка или нравственности» к понятию «добросовестность» очень близко. Они оба пришли в право из сферы морали и оба не имеют какого-либо легального определения, позволяя суду трактовать их по своему усмотрению. Что касается изменений, внесенных законодателем в ст. 169 ГК РФ, хотелось бы отметить следующее. Как видно из сказанного выше, одним из направлений реформы гражданского законодательства стало внедрение принципа добросовестности как основополагающего принципа и неотъемлемого элемента отдельных гражданских правовых институтов, в частности, института недействительности сделок. В этом свете не совсем логичным представляется исключение из ст. 169 ГК РФ такой гражданско-правовой санкции как взыскание в доход государства всего полученного сторонами сделки, противной основам правопорядка и нравственности. Ведь заключая сделку, противоречащую не только закону, но и основам правопорядка и нравственности, стороны поступают в высшей степени недобросовестно, а, значит, заслуживают соответствующего наказания. Между тем, законодатель одновременно вводит в ст.1 Кодекса императивное правило о необходимости всем участникам гражданских правоотношений действовать добросовестно и исключает конфискацию из ст. 169 как санкцию за совершение антисоциальной сделки. Таким образом, гражданско-правовая ответственность за подобные сделки значительно смягчается. Данный шаг представляется нам противоречивым и выбивающимся из общей логики реформы гражданского права.

Говоря о роли принципа добросовестности в составах отдельных видов недействительных сделок, можно отнести ряд статей в одну группу,

а именно ст. 171, 173, 173.1, 174, 174.1, 178 ГК РФ. Дело в том, что в каждой из этих статей последствия сделки зависят от того, добросовестно ли действовала сторона при её заключении. Причём добросовестность в данном случае понимается вполне конкретно: сторона действовала добросовестно, если в момент заключения сделки не знала и не должна была знать об основаниях её недействительности. Так, ст. 171 ГК РФ обязывает недобросовестную сторону сделки возместить не только полученное в натуре, но и реальный ущерб. Статья 178 Кодекса также освобождает добросовестную сторону сделки, заключенной под влияние заблуждения, от возмещения реального ущерба. Сделки юридических лиц, совершенные в противоречии с целями их деятельности, а также сделки, совершенные без необходимого в силу закона согласия (ст. 173, 173.1) могут признаваться недействительными только при условии недобросовестности стороны. То же относится и к сделкам, совершенным представителями с превышением их полномочий (ст. 174), а также к сделкам в отношении имущества, распоряжение которым запрещено или ограничено.

Таким образом, в названных статьях законодатель активно использует принцип субъективной добросовестности, четко определяя границы его применения и дифференцируя ответственность добросовестных и недобросовестных сторон. Из этого можно сделать вывод, что принцип субъективной добросовестности, возникший из института добросовестного и недобросовестного владения и виндикации, сегодня выходит за его рамки и успешно применяется в других институтах гражданского права, в том числе, в институте недействительности сделок.

Подводя итог сказанному, мы можем сформулировать следующие выводы. Понятие добросовестности используется в гражданском праве в двух смыслах: в объективном и субъективном. В нормах о недействительности сделок добросовестность применяется в обоих смыслах, причём роль данного института велика. Добросовестность в объективном смысле требует, чтобы поведение сторон сделки на всех этапах её существования отвечало критериям справедливости и морали. Добросовестность в субъективном смысле означает, что сторона сделки не знала и не могла знать при её заключении об обстоятельствах, делающих сделку недействительной. Некоторые авторы употребляют понятие субъективной добросовестности исключительно по отношению к добросовестному или недобросовестному владению имуществом (ст. 302, 303 ГК РФ). Мы же считаем, что данное понятие также применимо как к недействительности сделок, так и к другим гражданско-правовым институтам. Проводя реформу гражданского права, законодатель взял курс на более активное внедрение принципа добросовестности в гражданско-правовые отношения, в том числе и в отношения, возникающие по поводу

недействительности сделок. Так, в названные отношения был внедрен принцип объективной добросовестности, во-первых, благодаря закреплению добросовестности как принципа гражданского права, а во-вторых, через дополнение ст. 166 Кодекса пунктом 5, согласно которому сторона сделки, действующая недобросовестно, лишается права на её оспаривание. Понятие субъективной добросовестности было включено в новые статьи §2 главы 9 ГК – 173.1 и 174.1. Мы считаем, что данные нововведения положительно отразятся на регулировании гражданских отношений. Между тем, несколько нелогичным и противоречащим общему курсу на усиление начал добросовестности в гражданском праве выглядит исключение конфискации из ст. 169 ГК РФ как общего последствия признания недействительной сделки, противной основам правопорядка и нравственности. Кроме того, считаем целесообразным отразить в ст. 1 Кодекса, что понимается под добросовестностью, а также каковы критерии добросовестного поведения, что будет способствовать единообразию в практическом применении принципа.

Библиографический список

1. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации. Одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009 // Вестник ВАС РФ. 2009. №11. С. 6-99.
2. Федеральный закон «О внесении изменений в главы 1,2,3 и 4 части первой гражданского кодекса Российской Федерации» от 30 декабря 2012 г. №302-ФЗ в ред. Федерального закона от 04 марта 2013 г. №21-ФЗ // Собрание Законодательства РФ. 2012. № 53 (Ч. 1). Ст. 7627.
3. Скловский К.И. Применение норм о доброй совести в гражданском праве России // Хозяйство и право. 2002. №9. С. 14-16.
4. Гаврилов Э. О введении в Гражданский кодекс Российской Федерации общих норм, устанавливающих принцип добросовестности. // Хозяйство и право. 2013. №8. С. 24-32.
5. Ульянов А.В. Добросовестность в гражданском праве // Журнал российского права. 2014. №6. С. 133-140.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ в ред. Федерального закона от 22 октября 2014 г. № 315 – ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. №32. Ст. 3301; 2014. №43. Ст. 5799.
7. Якубчик М.М. Комплексное понятие добросовестности: соотношение с доктриной злоупотребления правом // Журнал российского права. 2012. №10. С. 107-115.
8. Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» от 26 июня 1992 г. № 3132-1 в ред. Федерального закона от 22 декабря 2014 г. № 431-ФЗ // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. №30. Ст. 1792.
9. Постановление Президиума ВАС РФ от 20 мая 2008 г. N15756/07. Дело NA40-72598/05-19-458 // URL: <http://www.lawmix.ru/vas/91056> (дата обращения: 15.03.2015).
10. Адамович Г. Злоупотребление правом как основание признания сделки недействительной // Корпоративный юрист 2009. № 5. С. 51-55.

11. Вердиян Г.В. Концептуальное понимание принципа добросовестности как правового понятия и общего принципа права // Образование и право. 2014. №1-2. С. 53-54.
12. Микрюков В.А. Принцип добросовестности – новый нравственный ограничитель гражданских прав // Журнал российского права. 2013. №6. С. 21-25. С. 21.
13. Осипов В. Сделки, сроки, представительство: новое в гражданском законодательстве // Новая бухгалтерия. 2013. №9. С. 12-18.
14. Останина Е.А. Эстоппель и подтверждение сделки // Вестник ВАС РФ. 2013. №11. С. 38-45.
15. Гражданское право / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М.: Проспект, 2005.
16. Скловский К. К вопросу о применении понятий добросовестности и основы правопорядка и нравственности // Хозяйство и право. 2005. №8. С. 3-14.
17. Скловский К.И. Сделка и ее действие (2-е изд.). Комментарий главы 9 ГК РФ (понятие, виды и форма сделок. Недействительность сделок). М.: Статут, 2015.
18. Ульянов А.В. Добросовестность в гражданском праве // Журнал российского права. 2014. №6. С. 133-140. С. 135.

УДК 342.76 (470+571)

«А ЦЕНЗОР КТО?»: ПРОБЛЕМЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ВЫРАЖЕНИЯ МНЕНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

С.А. Куликова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: kulikovasveta@inbox.ru

В статье изучается правовой статус цензоров Российской империи и РСФСР, а так же особенности осуществления цензуры в различные периоды развития нашей страны. Выявляются основные черты, присущие цензуре.

Рассматриваются современные модели воздействия государства и общества на деятельность СМИ и учреждений культуры.

Ключевые слова: цензура, государственный контроль за производством и распространением информации, конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина, свобода массовой информации, ограничение свободы слова.

“I WONDER WHO THE CENSOR IS”: RESTRICTIONS ON EXPRESSIONS OF OPINION AND DISTRIBUTION OF INFORMATION IN INFORMATION SOCIETY

S.A. Kulikova

The article focuses on the legal status of censors in the Russian Empire and Russian Soviet Federative Socialist Republic. The article also looks at the ways of censorship in various periods of the Russian history and typical characteristics of censorship.

The article considers modern ways the government and society influence the mass media and culture.

Key words: censorship, governmental control over production and distribution of information, constitutional guarantees of human rights and freedoms, freedom of mass media, curbs on freedom of expression.

Долгое время государственная информационная и культурная политика России осуществлялась в рамках цензурного законодательства.

Цензура светской печати в том или ином виде существовала в нашей стране с 15 января 1783 г., когда она была введена Указом Екатерины «О вольных типографиях», а ее проведение было поручено Управам благочиния, затем первым Цензурным уставом от 9 июля 1804 г. устанавливалась официальная система цензуры, которую осуществляли созданные для этого цензурные учреждения. Временные правила о печати от 6 апреля 1865 г. ввели карательную цензуру для некоторых видов периодических и книжных изданий, однако для большого количества печатных изданий продолжала существовать предварительная цензура, которая была отменена только в 1905 г. Затем она была частично восстановлена в 1914 г. в связи с организацией военной цензуры. Позже цензура, сначала военная, а потом всеобщая, была введена большевистским правительством и в образе Главлита продолжала свою деятельность в течение всего советского периода истории нашей страны – до 12 июня 1990 г. – даты принятия Закона СССР «О печати и других средствах массовой информации», в первой статье которого указывалось на недопустимость цензуры.

Таким образом, цензура существовала в России на протяжении примерно 200 лет за исключением короткого, менее чем 9-летнего перерыва.

По Уставу 1804 г. цензорами становились профессора университетов тех городов, где располагались цензурные комитеты (Москва, Санкт-Петербург, Вильна, Дерпт, Казань, Харьков). Цензорские должности занимали деканы, во главе комитетов находились ректоры университетов.

В целом можно сказать, что цензоры первой четверти XIX века – высокообразованные люди, получившие высшее образование в российских или европейских университетах, многие из них имели научные степени. Цензурные обязанности для преподавателей университетов были дополнительной нагрузкой, не связанной с их основной профессиональной нагрузкой и в первой четверти XIX века не оплачиваемой.

В соответствии с Уставом о цензуре 1828 г. кроме так называемых «цензоров от университета» – профессоров и адъюнктов, которые по-прежнему назначались на цензорские должности, вводились должности «сторонних цензоров» – чиновников, служивших в цензурном ведомстве и исполнявших цензорские обязанности на профессиональной основе. И сторонние цензоры, и преподаватели получали жалование.

Указом от 19 июля 1850 г. устанавливалось, что чиновники, занимающие цензорскую должность, «не должны, вместе с оною нести никаких других обязанностей» [1]. Тем самым цензура полностью отделялась от университетов, деятельность цензора превратилась в государственную должность, приносящую доход.

За пропуск сочинений, не соответствующих требованиям Цензурного устава, цензор подвергался дисциплинарной, административной или уголовной ответственности.

Меры ответственности за преступления и проступки цензоров предусматривались Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в главе V «О нарушениях постановлений о цензуре» раздела восьмого «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния». Наиболее серьезная ответственность ждала цензора, если он намеренно допустил к изданию, книгу, эстамп, рисунок, ноты со словами и т.д., дозволил представить на сцене сочинение, содержащие нападки на святость веры, верховную власть, оскорбляющие Государя императора или членов Императорского дома. В этом случае он нес ответственность наравне с сочинителями или распространителями таких изданий и мог быть лишен всех прав состояния и сослан в каторжные работы. Однако, если это упущение произошло по ошибке, то наказание значительно смягчалось, он приговаривался к удалению от должности [2].

За умышленный пропуск сочинений, в которых заключались недозволительные суждения о постановлениях и действиях правительства или оскорбительные для правительственных или судебных мест и лиц, либо содержались «явно противные нравственности и благопристойности» высказывания, цензор увольнялся, выражаясь современным языком, «по статье», т.е. в его послужной список вносились причины увольнения.

За пропуск таких сочинений по неосмотрительности, так же как и за все прочие упущения цензуры, чиновник получал выговор или замечание [2]. Ответственности за необоснованный запрет сочинения, либо исключение отдельных мест, в которых не содержалось ничего, нарушающего цензурные установления, не предусматривалось. Поскольку трудно представить цензора, который умышленно пропустил вредоносное сочинение, то самым строгим наказанием для цензоров, не справлявшихся со служебными обязанностями, было увольнение.

Известный адвокат и общественный деятель К.К. Арсеньев так описывал положение цензоров: «цензор отвечает за каждое слово автора, даже за то, что читается между строками; ему может быть поставлен в вину каждый недосмотр, малейший недостаток внимания может быть признан нарушением служебного долга. Параллельно с ответственностью растет и власть: ничто не мешает цензорскому перу уничтожать слова, фразы, целые страницы. Правда, чрезмерное усердие может вызвать

жалобу, – но ее не всегда решится принести редактор или автор, опасаясь раздражать всесильного судью, да и высшие цензурные власти скорее осудят избыток снисходительности, чем избыток строгости. Вся работа предварительной цензуры совершается при том негласно» [3, с. 31].

Социальный портрет профессии цензора XIX века создает в своем исследовании Н.Г. Патрушева: «Для получения цензорской должности требовалась благонадежность, осведомленность в гуманитарных дисциплинах и знание иностранных и национальных языков... Хотя профессия цензора не пользовалась уважением в обществе, отношение к каждому конкретному чиновнику определялось его знаниями и личными качествами. Специфика профессии определялась умением руководствоваться не только законом, но и ориентироваться в обстоятельствах, связанных с политической или административной конъюнктурой, отсутствием созидательного начала, сложными бытовыми условиями» [4, с. 39].

В советское время функции цензуры исполняли политредакторы Политотдела Госиздата, ставшие затем сотрудниками Главлита. В инструкции Главлита местным органам излагался регламент работы политредактора: сначала он должен читать произведение с точки зрения «общеполитической оценки», потом соотносить его с «Перечнем сведений, не подлежащих оглашению», и составить отзыв на произведение, в котором дать «краткую и ясную политическую оценку произведения с точным указанием наиболее неприемлемых мест или частей» [5, с. 36].

Таким образом, основными задачами цензоров было осуществление политико-идеологического контроля и сохранение государственной тайны.

Основным требованием, предъявляемым к цензору, стало не высокое образование, а партийность. М.В. Зеленев приводит следующие данные: «в 1925 г. Более 40% цензоров Главлита были с дореволюционным партийным стажем, более 30% стали коммунистами с 1917 по 1919 г. К 1926 г. Количество вступивших в партию после 1920 г. среди цензоров Главлита выросло с 17,3 до 27,4% по сравнению с 1925 г.» [6, с. 315]. В этом же исследовании приводятся данные об образовании цензоров, в 1925 г. основную массу составляли лица со средним образованием: 50%, доля лиц с высшим образованием составляла 26,9%, с низшим образованием 21,1% [6, с. 315].

На политредактора могла быть возложена ответственность за некачественное проведение предварительной цензуры по статьям УК РСФСР 109, 111, 112. Кроме того в силу специфики своей деятельности он мог быть привлечен к ответственности за контрреволюционную пропаганду, передачу и разглашение сведений, составляющих государственную тайну, по ст. 58-10, санкция которой предусматривала наказание вплоть до высшей меры.

В отличие от санкции, предусмотренной Уложением о наказаниях и практически не действовавшей, санкция статьи 58-10 УК РСФСР активно применялась: в июле 1938 г. новый начальник Главлита докладывал в Совнарком СССР, что из 5282 цензоров расстреляно 3900, из 106 начальников главкрайобллитов (местных органов Главлита) – новых 96 [6, с. 319].

Особенностью цензуры является то, то решение о соответствии издания цензурным требованиям, а так же о необходимости внесения исправлений принимал один человек – цензор, читавший рукопись, что неизбежно порождало субъективность цензорской оценки.

Таким образом, основными чертами цензуры были:

- усмотрение цензора, обусловленное возможностью привлечения его к дисциплинарной, административной или уголовной ответственности,
- внутриведомственный характер процедуры, невозможность иных правовых способов разрешения спора, что означает отсутствие каких-либо гарантий для авторов, издателей, редакторов периодических изданий
- неопределенность, широта правового содержания законодательных норм, запрещающих производство и распространение некоторых видов информации, которая уточнялась ведомственными актами, вводящими, изменяющими или отменяющими нормы и правила в зависимости от политической конъюнктуры, в результате чего фактическая процедура цензурирования осуществлялась не по закону, а по циркуляру.

Многие из выделенных нами черт цензуры, присущи ей на всех этапах независимо от политического режима, который смягчает, либо ужесточает применение этих правовых механизмов. Это позволяет говорить о чертах, имманентно присущих правовой природе цензуры.

Конституция Российской Федерации устанавливает запрет цензуры (ч. 5 ст. 29), провозглашает свободу слова (ч. 1 ст. 29), свободу выражения мнений (ч. 3 ст. 29), свободу массовой информации (п. 5 ст. 29), свободу литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества (п. 1 ст. 44). Эти положения гарантируют невмешательство государства в интеллектуальную жизнь человека и недопустимость таких форм государственного контроля за производством и распространением информационной продукции, которые существовали на протяжении нескольких предыдущих столетий. Тем самым конституционные нормы способствуют выработке новых правовых механизмов, обеспечивающих безопасность личности, общества и государства от вредной информации.

Расстрел редакции «Шарли Эбдо» за публикацию карикатур, резкая критика фильма Андрея Звягинцева «Левиафан» за неприглядный образ России, скандал вокруг постановки Тимофея Кулябина оперы Р. Вагнера

«Тангейзер», разгромные рецензии экспертов Института наследия имени Дм. Лихачёва на спектакль Римаса Туминаса «Евгений Онегин», фильм Владимира Мирзоева «Борис Годунов», постановку Дмитрия Чернякова оперы М.И. Глинки «Руслан и Людмила» породили дискуссию о возможности возрождения цензуры [7-12].

Ключевая проблема обсуждения может быть сформулирована в вопросе: кто, на каком основании и в каких пределах может или должен осуществлять влияние на средства массовой информации, художников и режиссеров?

В ходе общественно-политической дискуссии высказывались различные варианты воздействия общества и государства на творцов. Их анализ позволят выделить 4 основных предлагаемых модели:

Первая была сформулирована министром культуры РФ В. Мединским и состоит в том, что произведения, «которые не просто заточены на критику действующей власти, а откровенно ее оплеывают, наполнены духом безысходности и бессмысленности нашего существования, не должны за счет налогоплательщиков финансироваться. Хотя имеют право на жизнь, Минкультуры категорически против любой цензуры и никогда не будет препятствовать их выходу на экраны» [13].

Суть первой модели взаимоотношений государства и деятелей искусства состоит в том, что государство должно воздействовать на производство художественного продукта но, не прибегая к прямым запретам, а с помощью других механизмов влияния, например, государственного финансирования. На наш взгляд, такое влияние будет ни чем иным, косвенной цензуры, и нарушением конституционного запрета единой государственной идеологии.

Другая модель исходит из того, что государство должно устанавливать ограничения прав и свобод в интеллектуальной сфере и затем следить за тем, чтобы их не нарушали: «контроль со стороны государства за деятельностью СМИ может быть оправданным лишь в одном смысле: когда речь идет исключительно о контроле со стороны уполномоченных на то органов государства соблюдения, установленных на информационном поле и закрепленных в правовых нормах, неких «правил игры» [14].

В этом случае все возникающие споры и конфликты должны рассматриваться исключительно в судебном порядке.

Напомним, что в феврале 2006 г. Парижский суд рассматривал иск Союза исламских организаций Франции и Большой мечети Парижа против Ф. Валя – главного редактора Шарли Эбдо об оскорблении чувств мусульман. Суд пришел к выводу, что рисунки, опубликованные в Шарли Эбдо, защищены законом о свободе самовыражения [15].

Новосибирский мировой суд 10 марта 2015 г., рассматривая возбужденное прокуратурой дело «в связи с осквернением предметов

религиозного почитания» в отношении режиссера-постановщика оперы «Тангейзер» Т. Кулябина и директора театра Б. Мездрича, вынес решение об отказе привлечения их к административной ответственности в связи с отсутствием состава преступления.

Однако, эти решения судов не стали окончательной точкой в споре, неудовлетворенность отдельных социальных и этно-конфессиональных групп судебными приговорами спровоцировала дальнейшие события.

Третья модель – создание общественных советов при театрах, учреждениях культуры, средствах массовой информации, которые «могли бы принимать спектакль к постановке, давать советы, так чтобы при необходимости, режиссер мог бы внести корректировки» [16]. В таком случае основополагающим будет вопрос о составе и полномочиях таких органов. Если общественные советы будут устраивать предварительные просмотры спектаклей, чтения книг и номеров газет и журналов, запрещать отдельные сцены и карикатуры, назначать и снимать режиссеров и главных редакторов, то их деятельность будет противоречить Конституции РФ. Если же их деятельность будет носить совещательный характер, способствовать формированию общественно-политической и этической позиции СМИ, общекультурной доктрины учреждений культуры, то появление такого института гражданского общества, безусловно, следует оценить положительно, однако, ждать быстрого эффекта от его деятельности не стоит.

Четвертая модель была сформулирована в Открытом письме Гильдии театральных режиссеров России, в котором указывалось на «недопустимость намеренного оскорбления художником любого сегмента зрителя и безответственной сознательной провокативности». И в то же время высказывалось убеждение, «что для развития отечественной культуры будет губительно возвращение к не такой уж давней практике цензурирования» [17]. Способ, который предлагается в письме – повышение внутренней ответственности художника за свое публичное высказывание. Однако, по мнению театральных деятелей, «она не может насаждаться насильственно, тем более посредством административного вмешательства, а может только воспитываться профессиональным сообществом, которое несет за него ответственность» [17].

Фактически речь идет о передаче части функций по регулированию современного художественного творчества и оценке его качества профессиональным сообществам и творческим общественным организациям. Подобный механизм этического саморегулирования в сфере журналистики уже осуществляет Общественная коллегия по жалобам на прессу.

В целом, следует признать, что переход к информационному обществу, значительно обострил проблему влияния общества и

государства на свободу выражения мнений, свободу творчества и свободу массовой информации.

Библиографический список

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. СПб., 1830-1884. Т. 25. №24342.
2. Собрание законов Российской Империи. СПб., Изд. 1845. Т. 15. Ч. 1.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Ст. 1306, 1307-1309.
3. Арсеньев К.К. Бесцензурность и подцензурность // В защиту слова: сб. СПб., 1905. С. 31.
4. Патрушева Н.Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века: дис. ...доктора ист. наук. СПб., 2014. Т. 1. С. 39.
5. Бюллетень официальных распоряжений и сообщений Наркомпроса. 1922. №1. //Цензура в Советском Союзе. 1917-1991. Документы. М., 2004.С. 36.
6. Зеленов М.В. Советский цензор (термин, должность, профессия) // Цензура в России: История и современность. Сборник научных трудов. Вып. 6. СПб., 2013. С. 315.
7. В Кремле после скандала с «Тангейзером» заговорили о цензуре в искусстве // Московский комсомолец. URL: <http://www.mk.ru/social/2015/03/30/v-kremle-posle-skandala-s-tangeyzerom-zagovorili-o-cenzure.html> (дата обращения: 08.04.2015).
8. «Левиафана» подвергли цензуре //Новые известия. URL: <http://www.newizv.ru/culture/2014-09-19/207916-leviafana-podvergli-cenzure.html> (дата обращения: 08.04.2015).
9. Почему «Левиафана» Звягинцева на родине ждёт цензура? «Неделя» с Марианной Максимовской URL: <http://ren.tv/novosti/2015-01-20/leviafan> (дата обращения: 08.04.2015).
10. Скандал вокруг «Тангейзера»: этика или цензура? URL: <http://mir24.tv/news/culture/12365743> (дата обращения: 08.04.2015).
11. Слово о «Тангейзере» – нужна ли цензура? URL: <http://politikus.ru/articles/47330-slovo-o-tangeyzere-nuzhna-li-cenzura.html> (дата обращения: 08.04.2015).
12. Смертельная цензура: Charlie Hebdo перешел границу // Вести. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2283208&tid=108124> (дата обращения: 08.04.2015).
13. Владимир Мединский: «Левиафан» запредельно конъюнктурен» //Известия от 15 января 2015 г. URL: <http://izvestia.ru/news/581814>(дата обращения: 08.04.2015).
14. Монахов В.Н. Контроль государства за деятельностью СМИ: приоритет закона или технологий (управления или манипулирования). Сайт международного пресс-клуба URL: <http://www.pressclub.host.ru/ID/eo1.shtml> (дата обращения: 08.04.2015).7
15. Нудненко Л.А. Решения Европейского Суда по проблемам реализации свободы слова //Конституционное и муниципальное право. 2013. №2. С. 47.
16. Филиппов: К цензуре нельзя возвращаться, но следует определить грань допустимого // Взгляд: деловая газета. URL: <http://www.vz.ru/news/2015/3/30/737168.html> (дата обращения: 08.04.2015).
17. Открытое письмо в Министерство культуры РФ от Гильдии театральных режиссеров России и Гильдии театральных менеджеров России. Сайт Союз театральных деятелей РФ URL: <http://stdrf.ru/news/436/> (дата обращения: 08.04.2015).

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ РОДИТЕЛЕЙ ЗА ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

О.М. Никулина

*Балашовский институт Саратовского государственного университета
имени Н.Г. Чернышевского, Россия
E-mail: 7-ya@rambler.ru*

В статье анализируется проблема закрепления и реализации обязанностей родителей за воспитание детей в современном обществе. Обязанность родителей по воспитанию детей законодатель признает не только юридическим требованием, но и моральным долгом родителей, которая направлена на обеспечение нравственного здоровья, образования и культуры граждан Российской Федерации.

Ключевые слова: воспитание, ответственность, обязанность, дети, родители, семья.

PROBLEMS OF REALIZATION AND RESPONSIBILITY OF PARENTS FOR EDUCATION OF CHILDREN IN MODERN SOCIETY

O.M. Nikulina

In article the problem of fixing and realization of duties of parents for education of children in modern society is analyzed. The legislator recognizes an obligation of parents for education of children not only the legal requirement, but also a moral imperative of parents which is aimed at providing moral health, educations and cultures of citizens of the Russian Federation.

Key words: education, responsibility, duty, children, parents, family.

В реализации обязанностей родителей по воспитанию детей наиболее существенное значение играет *ответственность* как социально-правовой фактор, который, с одной стороны, связывает обязанного субъекта существующим правопорядком, а с другой – стимулирует его активность, обеспечивает строгое и неуклонное исполнение обязанности [1, с. 191-216].

Обращаясь к анализу данного понятия, мы видим, что «ответственность – категория этики и права, отражающая особое социальное и морально-правовое отношение личности к обществу, которое характеризуется выполнением своего нравственного долга и правовых норм» [2, с. 346]. Отсюда, ответственность не только правовая область отношений, но и нравственная. Ответственность зависит и проявляется в индивидуально-личностных качествах человека. Наиболее устойчивые, социально значимые чувства, отношения личности становятся

характерными ее особенностями. Ответственность выступает как черта характера личности, которую необходимо воспитывать. Другой существенный момент – учет возможностей, условий выполнения индивидом своих обязанностей. Именно возможность личности реализовать нравственные требования является основой для определения ответственности.

Таким образом, в ответственности можно выделить объективную и субъективную стороны. *Объективная ответственность* имеет социологический аспект – ответственность как совокупность объективных требований, предъявляемых обществом к отдельным своим членам в виде моральных принципов, норм, выражающих общественную необходимость. *Субъективная сторона ответственности* выражается в психологическом содержании – ответственность как своеобразное состояние сознания в форме долга, совести и т.д.

Юридическая ответственность как мера государственного принуждения выражается в осуждении, в установлении определенных отрицательных последствий в виде ограничений, а также в выполнении воспитательных функций.

Семейно-правовая ответственность – это обязанность лица претерпеть лишение субъективного права или иные дополнительные неблагоприятные последствия своего противоправного виновного поведения [3, с. 34].

Содержание семейной ответственности за ненадлежащее воспитание детей заключается в устранении обязанных лиц от личного воспитания детей, воплощающемся в различных формах, зависящих от основания возникновения правоотношений по воспитанию [4, с. 109].

Надо сказать, что обязанность родителей по воспитанию детей законодатель признает не только юридическим требованием, но и моральным долгом родителей, которая направлена на обеспечение нравственного здоровья, образования и культуры граждан Российской Федерации. Представления о том, что я должен делать, а что не должен, связаны с нравственными или безнравственными поступками человека и с внутренним духовно - нравственным его состоянием.

В ежегодном Послании к Федеральному собранию красной линией проходит идея о том, что «Чувство ответственности за страну – это лейтмотив, это нерв и стержень Конституции России, это призыв к каждому из нас» [5].

Также, Валерий Дмитриевич Зорькин в книге «Право в условиях глобальных перемен» обращается к анализу такой важнейшей проблеме, как *правовая ответственность* ныне живущих людей перед грядущими поколениями. Он отмечает, что «В последние годы тема ответственности нынешнего поколения россиян перед будущими поколениями начала привлекать внимание экспертов и политиков. ...сегодня становится все более актуальным и востребованным, вынося на повестку дня вопрос о

появлении такого нового *субъекта конституционно-правовых отношений, как будущие поколения россиян*» [6, с. 490].

Проблемы закрепления и реализации обязанностей родителей по воспитанию детей заключаются в следующем:

1. В воспитании детей заинтересованы многие субъекты – прежде всего, государство, сами дети и их родители. Они должны уважать, поддерживать друг друга и чувствовать взаимную ответственность в деле воспитания подрастающего поколения. Не перекладывать ответственность друг на друга, а работать в одном векторе, в одном направлении. И, прежде всего, государство должно поддерживать и укреплять семью, создавать условия для полноценного воспитания ребенка в семье, пропагандировать семейные ценности.

Как отметил в своем ежегодном Послании к Федеральному собранию В.В. Путин «Конституция соединила два базовых приоритета – высочайший статус прав, свобод граждан и сильное государство, – подчеркнув их взаимную обязанность – уважать и защищать друг друга» [5]. Сильное государство только тогда таковым будет, когда между государством и людьми будут не только взаимные обязанности друг перед другом, а когда они научатся уважать, любить и заботиться друг о друге.

2. На реализацию обязанностей родителей по воспитанию детей влияют многие факторы, одним из которых является *материальное положение семьи*. «В период перехода к рыночной экономике, сопровождающийся расслоением нашего российского общества на два социально-противоположных класса – богатых и бедных, не может не обращать на себя внимания падение социально-нравственных устоев современной семьи, когда даже родители детей из благополучных семей, стремясь обеспечить естественные потребности членов семьи, уделяют все меньше времени воспитанию и обучению детей и подростков, недостаточно следят за состоянием их здоровья», – отмечает Е.М. Никитина [7, с. 31-36].

Также, В.Д. Зорькин, анализируя фундаментальные обязанности нынешних поколений перед будущими, сформулированные Декларацией об ответственности нынешних поколений перед будущими поколениями, принятой Генеральной конференцией ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) 12 ноября 1997 года, отмечает, что «В России решение проблемы будущих поколений усложняется низким уровнем жизни значительной части населения» [6, с. 492].

3. Проблема неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетних остается одной из самых серьезных с точки зрения ее социальных, экономических и демографических последствий, что говорит о необходимости совершенствования всего комплекса *механизмов применения юридической ответственности* в рамках семейного, административного и уголовного законодательства РФ.

Лишение и ограничение родительских прав не выполняют в настоящее время ни задач наказания и перевоспитания родителей, ни функций защиты прав детей. Представляется, что назрела необходимость по-новому подойти к правовому регулированию процедуры лишения и ограничения родительских прав. Данные меры должны быть направлены на защиту интересов ребенка (ребенок всегда хочет остаться с родителями, какими бы они ни были), а не на освобождение нерадивых родителей от ответственности за воспитание ребенка.

Библиографический список

1. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987. 293 с.
2. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова.-5-е изд. М.: Политиздат, 1987. 590 с.
3. Муратова С.А., Тарсамаева Н.Ю. Семейное право: учеб. пособие. М.: Новый Юрист, 1999. 272 с.
4. Казанцева А.Е. Обязанности и права родителей (заменяющих их лиц) по воспитанию детей и ответственность за их нарушение / под ред. Б.Л. Хаскельберг. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1987. 140 с.
5. Послание Президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 декабря 2013 г. // Российская газета. 2013. 13 дек. 7
6. Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен. М.: Инфра-М, Норма, 2013. 496 с.
7. Никитина Е.М. Актуальные проблемы охраны прав детства в современной России, пути решения этих проблем // Вопросы ювенальной юстиции. 2007. №2. С. 31-36.
8. Боброва Н.А., Зражевская Ф.Д. Ответственность в системе гарантий конституционных норм. (Государственно-правовой аспект). Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 156 с.

УДК 346

КОНСТИТУЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ И ВЕРХОВЕНСТВО ПРАВА

М.М. Петина

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: maria.tsikina@yandex.ru

Данная статья посвящена рассмотрению взаимосвязи судебного (конституционного) контроля и верховенства права. Выделяя верховенство права в качестве одного из базовых принципов, анализируется возможность конфликта между законодательной и судебной властью, затрагивается проблема толкования иностранного закона отечественным судом, а также возможность ее решения.

Ключевые слова: конституционная юрисдикция, верховенство права, Конституция, законодательная власть.

JUDICIAL REVIEW AND THE RULE OF LAW

M.M. Petina

This article is devoted to analysis the relationship of court (constitutional) control and the rule of law. Highlighting the rule of law as one of the basic principles, it is analyzed the possibility of conflict between the legislative and the judiciary, addressed the issue of the interpretation of foreign law by a domestic court, as well as a possible solution.

Key words: constitutional jurisdiction, the rule of law, the Constitution, the legislative power.

В настоящей статье верховенство права понимается как неотъемлемый аспект устойчивого и надежного государства. Так, общество при таком порядке управляется рациональными решениями (в виде нормативных актов), а не под влиянием отдельных судебных или административных органов [см.: 1]. Следовательно, каждое применение государственной власти должно подкрепляться юридическими правилами, принятыми народом [см.: 2].

Судебный контроль имеет особое качество, которое отличает его от других форм судебных разбирательств: это своего рода правовая реакция на возможно неправовые действия государства в широком смысле слова. Конституционная юрисдикция является определяющим показателем правового климата. Она играет ключевую роль в обеспечении соответствия правотворческих, правоприменительных и правоохранительных актов Конституции. По нашему мнению, юридический контроль можно охарактеризовать как верховенство закона в действии.

Понятие «верховенство права» в теории конституционализма принято рассматривать с двух основных точек зрения:

- Формальная («тонкая»)

Согласно данной концепции нормативно-правовые акты должны быть подчинены формальным правилам, содержание не имеет никакого значения. Так, возникает обоснование возможного репрессивного режима.

- Основная («толстая»)

В рамках данного подхода принимается во внимание и содержание, и форма законов [3, с. 66-67]. Конституционная юрисдикция в России применяет определенные требования к процедурным и материальным элементам правовых актов, тем самым являясь воплощением «толстой» теории.

Верховенство права – это универсальный принцип, концепция которого включает в себя требования справедливости и правосудия [4, с. 42]. По мнению С.Ф. Афанасьева, верховенство права заключается не

только в законности, но и в возможности судебного контроля над органами власти [5, с. 32].

Судебный контроль должен претворять в жизнь верховенство закона. Он является гарантией того, что административные решения принимаются рационально, в пределах компетенции и в соответствии с предусмотренной процедурой [см.: 6]. Вместе с тем возникает определенный конфликт между законодательной и судебной властью. Значение верховенства закона также выходит на новый уровень. В традиционном понимании верховенство права является волей Парламента (Федерального Собрания Российской Федерации), однако конституционный принцип верховенства закона обеспечивает теоретическое обоснование конституционной юрисдикции. Отсюда мы приходим к выводу о том, что в случае если у Конституционного суда есть разногласия относительно нормативных актов с Парламентом, он вправе не применять волю Парламента.

Конституционный контроль предполагает рассмотрение «низшей» нормы на соответствие «высшей» (Конституции) [см.: 7].

В деле *Marbury v. Madison* судья Маршалл описал иерархию законов, согласно которой Конституция США признается высшим законом, который Верховный Суд обязан толковать и применять [см.: 8]. Начиная с этого дела, решение Маршалла положило основу для одной из самой современной судебной юстиции.

В гражданско-правовых странах судебный (конституционный) контроль развивается значительно медленнее. Исторически сложилось, что французские суды активно осуществляют конституционную юрисдикцию, чтобы обеспечить соответствие всех правовых актов фундаментальным правам [8, с. 565-566]. Однако после Революции ситуация кардинально изменилась. С появлением единого Законодательного собрания (представляющего собой конечный источник права, закон, который следует применять), судьи должны технически применять его, а не интерпретировать. При возникновении сомнения со стороны судебной власти относительно толкования законов, данный вопрос будет решать законодательная власть (Парламент) [см.: 9]. В связи с этим, судебная юрисдикция не получает должной возможности для развития. Однако, после Второй Мировой Войны многие страны пересмотрели свое отношение к законодательству [см.: 10]. Европейские страны, столкнувшись с проблемой фашизма, обратились к реформированию законодательства в пользу принципа осуществления власти народом.

На наш взгляд, следует затронуть вопрос о возможности конституционной юстиции со стороны Конституционного Суда РФ в отношении иностранного закона. По мнению А. Батиффоль, отечественный правоприменитель не обладает правом установить неконституционность иностранного акта. Судья может осуществлять только интеллектуальную операцию по соотношению одного

иностранного текста с другим иностранным текстом. Следовательно, судья может применять иностранное право только так, как оно применяется в иностранном государстве [11, с. 285].

Отсюда возникает вопрос о возможности обращения с запросом в Конституционный Суд РФ, если иностранный суд при применении российского права придет к выводу о несоответствии российского закона Конституции РФ и наоборот. С позиции международного частного права трансграничное действие признается только за иностранными нормами права, регулирующими частноправовые отношения. Поэтому для российских судов иностранные нормы о порядке обращения в иностранный конституционный суд не являются обязательными, по общему правилу. Относительно статуса Конституционного суда следует отметить, что по мнению профессора Т.Г. Морщаковой, ни Основной Закон, ни Закон о Конституционном Суде не ограничивают круг судов, которые вправе направлять запросы в Конституционный Суд РФ [см.: 12]. На наш взгляд, данный запрос о конституционности закона РФ со стороны иностранных судов, следует направлять в Конституционный Суд РФ в виде обращения за «правовой помощью». Так, в статье 6 Минской Конвенции «О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» предусматривает возможность выполнения процессуальных действий, направленных на правовое содействие Договаривающихся сторон. Конвенция о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам от 15 ноября 1965 года также предоставляет Конституционному Суду РФ право обращения с запросом о предоставлении правовой помощи. Однако мы должны выделить следующую сложность при избрании такого пути решения проблемы: правовая помощь оказывается путем совершения процессуального действия, а официальный запрос о конституционности правового акта – в виде конституционного судопроизводства. Также необходимо отметить, что решения органа конституционного контроля РФ для иностранных правоприменителей не является обязательным, однако может выступать в качестве правовой позиции России на данный вопрос.

В последнее время высказываются мнения об исключении из Конституции РФ формулировки о верховенстве международного права. Так, глава Следственного комитета РФ А. Бастрыкин заявил, что «...устранение в нашем законодательстве этих...диверсий правового регулирования укрепит независимость РФ в правовой сфере, вернет его к лучшим традициям отечественного судопроизводства» [см.: 13]. На наш взгляд, данные высказывания являются неприемлемыми и противоречат основным принципам права.

Таким образом, анализируя взаимосвязь верховенства закона и конституционного контроля мы пришли к выводу, что независимая судебная власть является наиболее эффективным средством обеспечения

законности и защиты прав личности. Возникает парадокс о выборности законодательной власти и назначаемости судей Конституционного суда, то есть «демократических» законодательных органов и «недемократичных» судебных. Однако представляется, что демократия заключается не только в легитимности власти, но и в возможности привлечения к ответственности в случае правонарушений, в том числе и со стороны лиц, обладающих государственной властью. Судебный контроль позволяет защитить интересы меньшинства, который не были учтены законодательными органами, тем самым затрагивая не только частные интересы, но и глобальные, фундаментальные вопросы публичного права.

Библиографический список

1. José María Maravall & Adam Przeworski, Introduction, in DEMOCRACY AND THE RULE OF LAW 1 (José María Maravall & Adam Przeworski eds, 2003).
2. Rainer A. Constitutional Courts of Central and Eastern European Countries as a Dynamic Source of Modern Legal Ideas, 18 TUL. EUR. & CIV. L.F. 99, 100 (2003).
3. Bingham T. The Rule of Law, Allen Lane, 2010.
4. Лукаидес Л.Г. Принцип верховенства права и права человека. С особым учетом прецедентной практики Европейского суда по правам человека // Права человека. Практика Европейского суда по правам человека. 2006. №4. С. 25-34.
5. Афанасьев С.Ф. Принцип верховенства права и его влияние на гражданское судопроизводство // Свобода. Право. Рынок: Материалы Международной научно-практической конференции, Волгоград-Волжский, 18-19 июля 2008 г. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2008.
6. Regina (Alconbury Developments Ltd and Others) v Secretary of State for the Environment, Transport and the Regions [2003] 2 AC 295. Paragraph 73 per Lord Hoffmann.
7. Edith Z. Friedler, Judicial Review in Chile, 7 SW. J.L. & TRADE AM. 321, 323 (2000).
8. U.S. (1 Cranch) 137 (1803); Robert F. Utter & David C. Lundsgaard, Judicial Review in the New Nations of Central and Eastern Europe: Some Thoughts from a Comparative Perspective. OHIO ST. L.J. 559, 579 (1993) (describing hierarchy of laws).
9. TIM KOOPMANS, COURTS AND POLITICAL INSTITUTIONS: A COMPARATIVE VIEW 104-08 (2003).
10. JOHN HENRY MERRYMAN, THE CIVIL LAW TRADITION: EUROPE, LATIN AMERICA, AND EAST ASIA 707 (1994).
11. Толстых В.Л. Международное частное право: коллизионное регулирование. СПб.: Изд-во Р. Арсланова «Юридический центр "Пресс"», 2004.
12. Морщакова Т.Г. Российское правосудие в контексте судебной реформы. М.: Р. Валент, 2004.
13. Бастрыкин предложил отказаться от верховенства международного права в Конституции РФ. URL: <http://www.novayagazeta.ru/news/1691948.html?p=3> (дата обращения: 11.03.2015).

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ МЕХАНИЗМОВ ИНФОРМАЦИОННОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ МЕР ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

К.Н. Рамазанов

Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина – филиал

РАНХиГС при Президенте РФ, Россия

E-mail: kamilram@rambler.ru

Статья посвящена актуализации проблемы качества информационного сопровождения реализации мероприятий по противодействию коррупции со стороны органов государственной власти на региональном уровне. Автор обращает внимание на необходимость создания комплексных механизмов раскрытия информации о деятельности каждого элемента системы государственной власти в отношении применения предусмотренных законодательством мер по профилактике и противодействию коррупции, а также предоставления реальных возможностей гражданского контроля и участия в антикоррупционной деятельности. В статье оцениваются организационно-правовые условия и практические результаты реализации государственными органами задач по информационному сопровождению антикоррупционной деятельности на региональном уровне, формулируются практические рекомендации по совершенствованию механизмов информационного сопровождения реализации мер по противодействию коррупции.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, информационное сопровождение, антикоррупционные меры.

TOPICAL ISSUES OF DEVELOPMENT OF INFORMATION SUPPORT FOR THE IMPLEMENTATION OF ANTI-CORRUPTION MEASURES AT THE REGIONAL LEVEL

K.N. Ramazanov

Article is devoted to updating the quality problems of development of information support for the implementation of anti-corruption measures by the public authorities at the regional level. The author draws attention to the need for complex mechanisms of disclosure of information about the activities of each element of the system of government in the process of the application anti-corruption measures, as well as providing real opportunities for civil control and participation in anti-corruption activities. The author estimates the organizational and legal conditions and practical results of the public authorities tasks on information support of anti-corruption activities at the regional level, formulates practical recommendations for improving information support for the implementation of anti-corruption measures.

Key words: corruption, fighting corruption, information support, anti-corruption measures.

Едва ли можно поставить под сомнение тезис о том, что коррупция для любого государства является одним из наиболее серьезных препятствий на пути обеспечения эффективного социально-экономического и политического развития, подрывает демократические, правовые и морально-ценностные опоры общественной эволюции. Многолетний мировой и отечественный опыт реализации антикоррупционных мер достоверно показал невозможность обеспечить эффективный результат в борьбе над коррупцией лишь за счет создания и совершенствования соответствующей законодательной базы, равно как и ее избирательного применения. Сложность и многогранность коррупционных отношений требует постоянной сознательной активности публичных и общественных институтов в стремлении создать условия для формирования устойчивого иммунитета к возникновению и распространению коррупции. Постоянный характер рисков возникновения коррупционных практик в деятельности институтов государственного управления обращает внимание на необходимость создания комплексных механизмов раскрытия информации о деятельности каждого элемента системы государственной власти в отношении применения предусмотренных законодательством мер по профилактике и противодействию коррупции, а также предоставления реальных возможностей гражданского контроля и участия в антикоррупционной деятельности.

В современной России коррупция официально признается одной из реальных угроз национальной безопасности, а разработке и реализации антикоррупционной политики в последние годы уделяется значительное внимание со стороны государства. На протяжении последнего десятилетия государством был проведен значительный объем работы по созданию правовых и организационных условий для реализации последовательных мер по противодействию коррупции. Вместе с тем, позитивные результаты, достигнутые органами власти в борьбе с коррупцией, не всегда так очевидны для общественности [1]. Существующее расхождение в восприятии населением и представителями государственной власти достигнутых результатов антикоррупционной политики актуализирует проблему качества информационного сопровождения реализации мероприятий по противодействию коррупции со стороны органов государственной власти. Необходимость обращения более пристального внимания на информационно-коммуникативный аспект реализации антикоррупционной политики обуславливается также и новыми задачами, определенными в Национальном плане противодействия коррупции на 2012-2013 гг., который предусматривает не только регулярное представление для опубликования в СМИ материалов, которые раскрывают содержание принимаемых мер по противодействию коррупции и мотивы принятия таких мер, показывают отрицательное

влияние коррупции на жизнь каждого человека, но также и целый ряд иных антикоррупционных мер, среди которых наибольшую важность в аспекте рассматриваемого направления антикоррупционной работы имеют следующие:

а) активизация работы по формированию в государственных органах отрицательного отношения к коррупции с привлечением для этого общественных объединений, уставными задачами которых является участие в противодействии коррупции, и других институтов гражданского общества, предание гласности каждого факта коррупции в соответствующем государственном органе;

б) создание эффективной системы обратной связи, позволяющей государству корректировать проводимую антикоррупционную политику на основе информации о её результативности, полученной от населения и институтов гражданского общества;

г) установление единых требований к размещению и наполнению подразделов официальных сайтов федеральных государственных органов, посвящённых вопросам противодействия коррупции [2, пп. «л» п. 2].

В Национальной стратегии противодействия коррупции, утвержденной Указом Президента РФ от 13.04.2010 №460, также предусмотрен такой механизм реализации антикоррупционной политики как содействие СМИ в широком и объективном освещении положения дел в области противодействия коррупции. [3, пп. «ж» п. 9]

Таким образом, создание эффективных и комплексных инструментов информационного сопровождения реализации мероприятий по противодействию коррупции является важным направлением реализации антикоррупционной политики, поскольку данные инструменты, при правильной их организации, создают условия для взаимодействия органов исполнительной власти с общественными институтами и гражданами при осуществлении антикоррупционных мер, что, в свою очередь, способствует эффективной профилактике коррупции в различных сферах государственного управления, предоставления государственных услуг, в среде государственных гражданских служащих. Реализация данного направления работы по противодействию коррупции способствует правовому просвещению граждан, формированию у них навыков защиты их прав, которые могут быть нарушены проявлениями коррупции при оказании им недобросовестными чиновниками государственных услуг, некачественной реализации в их адрес государственных функций.

Одним из наиболее эффективных, доступных и удобных способов информационного сопровождения противодействия коррупции органами исполнительной власти области являются официальные сайты органов исполнительной власти. Как уже было отмечено, задача по созданию, размещению и наполнению подразделов официальных сайтов государственных органов, посвящённых вопросам противодействия

коррупции была определена Национальным планом противодействия коррупции на 2012-2013 годы. Позднее, данная задача была расширена в следующем аналогичном документе на 2014-2015 гг. [4, пп. «б» п.3] В частности, была отмечена необходимость обеспечения размещения сведений по вопросам профилактики коррупционных правонарушений на официальных сайтах судебных органов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

В процессе проработки рассматриваемой в статье проблематики автором был проведен анализ официальных сайтов органов исполнительной власти Саратовской области на предмет содержания на них информации, касающейся противодействия коррупции, а также форм взаимодействия органов исполнительной власти Саратовской области с общественными институтами и гражданами при реализации антикоррупционных мер (на примере министерств Саратовской области), в результате которого выяснилось, что в большинстве органов исполнительной власти Саратовской области на сайтах существуют подразделы, посвященные противодействию коррупции, однако содержание антикоррупционной информации, ее объем, иными словами, наполнение этих подразделов достаточно сильно различается. В некоторых случаях информация коррупционной направленности состоит только из правовых актов федерального, регионального и ведомственного уровня в этой сфере, в некоторых – содержит только ведомственные правовые акты, в некоторых случаях приведены только материалы только по вопросам антикоррупционной экспертизы, а в ряде примеров подобные разделы отсутствуют вовсе. Лишь отдельные органы исполнительной власти области более последовательно и разнообразно наполняют данные разделы, среди которых можно назвать министерство социального развития области и министерство здравоохранения. Механизмы «обратной связи» с гражданами и организациями по вопросам противодействия коррупции на сайтах органов исполнительной власти области в соответствующих разделах присутствуют всего у нескольких министерств Правительства Саратовской области.

Данные результаты позволяют сделать вывод о достаточно сильной дифференцированности и фрагментарности информационного сопровождения реализации мероприятий по противодействию коррупции. Очевидно, что информационно-коммуникационные возможности для сопровождения указанных мер используются неэффективно. Тем самым нарушаются принципы системности и полноты информирования общества о реализуемой государственной антикоррупционной политике, что в неблагоприятных социально-экономических условиях способно существенно исказить объективность восприятия гражданами не только результатов антикоррупционной активности органов исполнительной власти, но и масштабов коррупционных рисков, существующих в них.

В условиях, когда органы власти оказываются неспособными качественно проинформировать общество о проводимой в их ведомствах системной работе по противодействию коррупции, обесцениваются уже достигнутые в этом направлении результаты, и объективно возникают предпосылки для роста недоверия общества к власти. Соответственно, своевременное и полноценное информационное взаимодействие с гражданами и общественными институтами относительно предпринимаемых властью усилий по предотвращению коррупции, системное антикоррупционное информационно-методическое сопровождение, создают необходимые условия для сохранения социальной стабильности и объективной оценки обществом существующей социально-экономической обстановки, в том числе, её коррупциогенной составляющей. Выделенная в ходе анализа реализации органами исполнительной власти Саратовской области механизмов противодействия коррупции проблема несогласованности действий данных органов по информационному обеспечению антикоррупционных мер требует повышения эффективности работы в этом направлении на основе принятия координирующих усилий по совершенствованию механизмов информационного сопровождения антикоррупционной деятельности.

В процессе организации информационного сопровождения противодействия коррупции необходимо сформировать системную информационную картину реализации антикоррупционной политики, адресованную в равной степени общественности и государственным гражданским служащим органов исполнительной власти Саратовской области. Реализация механизмов информационного сопровождения противодействия коррупции не может ограничиваться однонаправленным потоком информации и не может быть эффективной в отсутствие механизмов активного привлечения общества и его институтов к полноценному сотрудничеству в процессе реализации мер по противодействию коррупции. Только в этом случае властные институты получают возможность повысить доверие граждан к органам государственной власти, а, соответственно, достичь одной из базовых целей антикоррупционной политики. Даже на ведомственном уровне необходимо информировать население не только о локальной практике противодействия коррупции. Важно обеспечить формирование комплексного представления у населения о сущности, теории и практике противодействия коррупции, что, по нашему мнению требует информирования, как государственных гражданских служащих, так и населения, к примеру, о мировой и общероссийской практике реализации антикоррупционной политики, осуществления сравнительного анализа российских и зарубежных подходов к ее реализации, межрегионального опыта и результатов использования конкретных антикоррупционных мер.

В связи с этим, эффективным решением может стать утверждение в правовом порядке и использование унифицированных требований к организации информированного сопровождения реализации механизмов противодействия коррупции органами исполнительной власти не только на федеральном, но и на региональном уровне. Это позволит обеспечить систематизацию и совершенствование работы органов исполнительной власти по доведению до населения информации о реализации механизмов противодействия коррупции; повысить доступность информации о деятельности органов исполнительной власти по реализации механизмов противодействия коррупции; создать более качественные условия для правового просвещения граждан, а также упорядочить процесс взаимодействия органов исполнительной власти по вопросам противодействия коррупции с гражданами, средствами массовой информации и институтами гражданского общества.

Интересным и полезным механизмом стимулирования работы по реализации органами власти информированного сопровождения реализации механизмов противодействия коррупции может выступить использование системы мониторинга и рейтинговой оценки эффективности работы органов исполнительной власти по информационному сопровождению механизмов противодействия коррупции, которое позволит обеспечить систематичное проведение анализа работы исполнительных органов исполнительной власти области с целью оценки и сравнения эффективности реализации ими мер информационному сопровождению профилактики и противодействия коррупции, предусмотренных федеральным законодательством и законодательством области, что позволит охарактеризовать «активность» и «комплексность» применения органами исполнительной власти механизмов информационного сопровождения антикоррупционных мероприятий, а также обеспечит выполнение функции «обратной связи» между органом, координирующим реализацию антикоррупционных мероприятий и органами исполнительной власти. Сегодня существует практический опыт успешной реализации данного подхода в Ульяновской области [5].

Таким образом, результативность осуществляемых в России комплексных мер по противодействию коррупции во многом зависит от осмысления роли их информационно-коммуникативного контекста и требует преодоления формального и поверхностного отношения конкретных органов власти к реализации информационного сопровождения антикоррупционной деятельности, что, в свою очередь, может быть выгодно и обществу, и государству, поскольку позволит создать механизмы продуктивного взаимодействия властных институтов и общества в этой, без сомнений, социально значимой сфере.

Библиографический список

1. Горяшко С. Граждане не видят успехов в борьбе с коррупцией // Коммерсант.ru. 03.08.2012. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1994085> (дата обращения: 10.02.2015).
2. Указ Президента РФ от 13.03.2012 N 297 (ред. от 19.03.2013) «О Национальном плане противодействия коррупции на 2012-2013 годы и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции». Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 14.02.2015).
3. Указ Президента РФ от 13 апреля 2010 г. №460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010-2011 годы» // Собрание законодательства РФ. 19.04.2010 г. №16. Ст. 1875
4. Указ Президента РФ от 11 апреля 2014 г. №226 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2014-2015 годы». Официальный интернет-портал правовой информации. 11.04.2014. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 14.02.2015).
5. Материалы по реализации системы рейтинговой оценки эффективности работы элементов организационной структуры по противодействию коррупции в исполнительных органах государственной власти Ульяновской области // Официальный сайт Уполномоченного по противодействию коррупции в Ульяновской области. URL: [www.anticorrupt-ul.ru](http://www anticorrupt-ul.ru) (дата обращения: 14.02.2015).

УДК 316:34:32

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ПОСТРОЕНИЯ ЕДИНОГО ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА СНГ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Л.В. Саенко

Всероссийский государственный университет юстиции

(РПА Минюста России), Россия

E-mail: saenko7@yandex.ru

В статье исследуются теоретические вопросы построения единого правового пространства в сфере регулирования семейных отношений. Поднимаются актуальные проблемы их практической реализации в странах Содружества Независимых Государств (СНГ). Авторскому осмыслению подвергаются некоторые категории семейно-правовой науки.

Автор указывает на существующие проблемные аспекты построения правового пространства, их влияния на обеспечение защиты семейных прав граждан, как в Российской Федерации, так и в странах ближнего зарубежья.

Ключевые слова: семья, семейные отношения, правовое пространство, Содружество Независимых Государств.

MODERNIZATION OF THE LEGAL REGULATION OF FAMILY RELATIONS IN THE CONTEXT OF CONSTRUCTING A UNIFIED LEGAL SPACE OF THE CIS: PROBLEM STATEMENT

L.V. Saenko

The article examines the theoretical issues of constructing a unified legal space in the sphere of regulation of family relations. It touches the actual problems of their implementation in countries of the Commonwealth of Independent States (CIS). The author's understanding is subjected to some categories of family-legal science.

The author points to the existing problematic aspects of building a legal space, their impact on the protection of family rights of citizens, in the Russian Federation and in CIS countries

Key words: family, family relationships, legal space, the Commonwealth of Independent States.

Проблему модернизации следует понимать как комплексную, системную проблему, которая вплотную касается и социальной архитектуры общества, его политической и правовой систем. Процесс модернизации начинается с осознания кризиса, в котором находится современное общество, и с поисков путей и средств его разрешения, которые специфичны для каждого общества и начинаются с перемен в духовной сфере, в области культуры [1, с. 5], а также в семье.

Обращаясь к Парламенту в день двадцатилетия Российской Конституции, Президент В.В. Путин, особо подчеркнул: «... здоровая семья и здоровая нация, переданные нам предками традиционные ценности в сочетании с устремленностью в будущее, стабильность как условие развития и прогресса, уважение к другим народам и государствам при гарантированном обеспечении безопасности России и отстаивании её законных интересов являются нашими приоритетами» [2]. Обозначенные Президентом России приоритетные направления комплексного развития социальной составляющей функционирования нашего государства, не могут рассматриваться в отдельности от их правового обеспечения. Основными задачами семейно-правовой науки в этой связи представляются не только практическая реализация первоочередных мероприятий, но и в еще большей степени, теоретическая разработка мер, нацеленных на будущее. Одним из перспективных направлений такого развития видится построение единого правового пространства в сфере регулирования семейных отношений.

В связи с происходящими в мире серьезными геополитическими изменениями сегодня, как никогда раньше, становятся актуальными вопросы дальнейшего развития отношений в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ). Прекращение существования Союза ССР привело в свое время к распаду общего правового пространства, обусловив тем самым острейшую необходимость урегулирования целого комплекса

разнообразных вопросов: государственно-правовых, политических, экономических, финансовых, международно-правовых, имущественных, в том числе и семейно-правовых.

Подписывая Соглашение о создании СНГ и основываясь на исторической общности народов, а так же сложившихся между ними связях. Намереваясь развивать свои отношения на основе взаимного признания и уважения государственного суверенитета, урегулирования спорных проблем согласительными средствами. Считая, что дальнейшее развитие и укрепление отношений дружбы, добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества между государствами СНГ отвечают коренным национальным интересам их народов и служат делу мира и безопасности. Обязуясь соблюдать общепризнанные международные нормы о правах человека и народов. Стороны договорились о том, что будут гарантировать своим гражданам независимо от их национальности или иных различий равные права и свободы. Что будут развивать равноправное и взаимовыгодное сотрудничество своих народов и государств в области политики, экономики, культуры, образования, здравоохранения, охраны окружающей среды, науки, торговли, в гуманитарной и иных областях. Содействовать широкому информационному обмену. Добросовестно и неукоснительно соблюдать взаимные обязательства [3]. Однако, стремление к тотальной самостоятельности все же привело к разрыву не только экономических и культурных, но и личных, семейных связей.

СНГ – некое общее пространство, на котором испокон веков существовало великое множество различных культур, экономических типов ведения хозяйства, моделей политической организации, а также укладов семейной жизни. На протяжении многих столетий все эти особенности очень тесно, по-соседски, влияли друг на друга, взаимодействовали между собой и это взаимодействие составляло ядро нашей общей истории. Именно поэтому Декларация, принятая в связи с созданием СНГ [4], содержит обращение к главам Независимых Государств с предложением рассмотреть вопрос о создании межпарламентского органа Содружества с целью сохранения единого правового, гуманитарного и экологического пространства.

Так, в качестве одной из основных своих целей Декларация обозначила сохранение единого правового пространства на территориях государств-участников СНГ. Не составляет исключения в этой связи и правовое регулирование семейных отношений. Но удалось ли достичь поставленной цели и что, собственно, следует понимать под единым правовым пространством?

Не будем далеки от истины, если констатируем, что государства-участники СНГ, вступив на путь реформирования семейного законодательства, нацелились на дальнейшее развитие суверенитета и

большей независимости. Процесс этот в наше время к тому же отличается довольно высокой динамичностью. Несмотря на то, что уже к середине 90-х годов прошлого века в большинстве государств ближнего зарубежья были приняты обновленные брачно-семейные кодифицированные акты, окончательно оформившие основы принципиально нового собственного подхода к регулированию семейных правоотношений, некоторые семейно-правовые преобразования продолжаются и по сей день. Это обстоятельство объясняется тем, что коренным образом изменилось международное положение независимых государств, вступивших в различные организационные структуры международного масштаба, сопряженное с проходящими в стране социальными и экономическими реформами. Реформа семейного законодательства на постсоветском пространстве тесно связана и с введением новых правовых институтов, способствующих решению задач национального самоопределения.

Но, несмотря на то, что страны СНГ выбрали различные модели общественного устройства, основная задача видится сейчас именно в построении такого единого правового пространства, где одновременно, при сохранении собственного суверенитета и независимости, все же станет возможным идентичное правовое регулирование всевозможных отношений, в частности – семейно-правовых.

В этой связи некоторые авторы обосновывают в своих работах тезис о том, что развитие интеграционных процессов, в конечном счете, диктует и *унификацию национальных правовых систем* государств-участников [5, с. 10]. Такой подход в целом обоснован. Однако, следует при этом учитывать, что семейно-правовое регулирование имеет свою, ни с чем не сравнимую специфику. По этой причине, определенной новизной и отличается предлагаемый нами анализ нормативно-правового регулирования, определяемый как путь создания и сохранения единого правового пространства СНГ в сфере регулирования семейных отношений, в частности: гармонизации и унификации семейного законодательства государств-участников, соотношения международных договоров друг с другом, а также между собой и с третьими лицами – иными зарубежными государствами, роли модельного законодательства в системе единого семейно-правового пространства, участия органов Министерства юстиции, отчасти и судебной власти, органов нотариата в формировании и действии общего правового пространства в сфере регулирования семейных отношений.

Наметившееся стремление к возобновлению, сохранению и развитию единого правового пространства предполагает изучение процессов правовой интеграции в качестве одного из основных направлений сближения в решении вопросов правового регулирования семейных отношений. Отметим, что на этот счет отсутствуют специальные исследования. Поэтому, как представляется, более глубокое изучение

действия норм семейного права, с точки зрения расширения пределов правового пространства СНГ, поможет, по нашему мнению, существенно укрепить уже имеющиеся связи, а также создать базу для их дальнейшего развития.

В теоретическом контексте понятие «правовое пространство» не относится к малоисследованным. Существуют различные точки зрения на проблему, но все же подробному анализу данная юридическая категория пока не подвергалась. Рассуждая о структуре правового пространства СНГ, тенденциях его развития и организационных проблемах функционирования механизма обеспечения его единства, нельзя не отметить, что данные категории также нуждаются на сегодняшний день в должном научном исследовании и обосновании, сложность представляет даже само определение правового пространства СНГ.

Представляется в этой связи, что если внутригосударственное правовое пространство охватывает всю совокупность согласованных и соподчиненных между собой по юридической силе правовых норм, действующих в его пределах, то правовое пространство межгосударственного образования значительно шире и состоит, на наш взгляд, не только из действующих на территориях Независимых Государств нормативных правовых актов, включая международные нормы, являющиеся частью внутригосударственной правовой системы, но и из модельного законодательства СНГ, а так же двух- и многосторонних договоров, договоренностей, правовых традиций, стандартов, а вот пределы его расширения напрямую зависят только от воли независимых государств в него входящих.

Причин, подчеркивающих важность определения семейно-правового пространства, множество. Во-первых, до сих пор наблюдается рост числа межнациональных браков; во-вторых, возрастает необходимость разрешения насущных проблем алиментных отношений; в-третьих, защиты прав ребенка на межгосударственном уровне и др. Не случайно и действующий Семейный кодекс Российской Федерации 1995 года содержит специальную главу о регулировании семейных отношений с иностранным элементом.

Нельзя утверждать, что данный вопрос не интересует специалистов. Проблемам построения единого правового пространства СНГ посвящено немало работ, но в основном они касаются либо экономического, либо информационного развития Содружества.

В этой связи следует констатировать, что сфера семейно-правовых интересов остается пока за рамками исследований. В контексте семейно-правового регулирования вопросы правового пространства современной юридической наукой вообще не поднимались. Поэтому, при отсутствии специальных исследований, требуется более глубокое изучение категориального аппарата семейно-правового пространства. В частности,

его дефиниции, которая включала бы в себя все имеющиеся характеристики и особенности семейно-правового регулирования.

Нет ясности, в том числе и в вопросе о возможных пределах расширения семейно-правового пространства СНГ. Как представляется, его нельзя определить без обращения к институту сравнительного правоведения. Сравнительное правоведение занимает в правовой науке одно из центральных мест. Проблематика изучения международного опыта правового регулирования подчеркивается многими современными исследователями. Но именно в семейном праве, по мнению автора, оно приносит ни с чем несравнимую пользу. Актуальные вопросы правового регулирования семейных отношений важно научиться изучать, обращаясь к опыту других стран. Особенно это касается стран «ближнего зарубежья».

По этой причине в качестве предмета исследования для разработки данной тематики следует, по нашему мнению, избрать общие положения семейного законодательства стран СНГ, личные неимущественные отношения между такими субъектами семейного права как супруги, а так же права несовершеннолетних детей. Выводы сравнительного анализа помогут в дальнейшем при формулировании положений модельного семейного законодательства СНГ.

Нельзя не отметить, что между различными странами, возникшими на территории бывшего СССР, с самого начала наметились некоторые различия в законодательном регулировании семейных правоотношений, обусловленные экономическими, цивилизационными, культурно-историческими факторами. Поэтому, только изучение нормативных правовых актов, семейного законодательства стран-участниц СНГ, проведение сравнительно-правового анализа, позволит получить в результате ответ на вопрос: чем продиктованы в каждом конкретном случае степень взаимопроникновения, совпадения в правовом регулировании семейных отношений в странах-участницах СНГ, и наоборот, какие имеются на этот счет противоречия, по какой причине возникают имеющиеся различия в правовом регулировании семейных отношений на постсоветском пространстве. Так, например, совпадения в правовом регулировании семейных отношений вызваны, на наш взгляд, наличием общей исторической основы, географической близостью, многовековым соседским сосуществованием, влиянием норм международного права на современном этапе развития независимых государств. Причины же существования в правовом регулировании семейных отношений определенных противоречий, обусловлены, прежде всего, желанием «выделиться из общей массы», принятием не всегда продуманного семейного законодательства, с единственной целью — стремлением отойти от общего исторического наследия. Естественно, некоторые различия в правовом регулировании семейных отношений кроются и в религиозных истоках, влиянии мусульманского права на жизнь

семьи, желании сохранить свою самобытность, культурные традиции, обычаи. Именно по этой причине данные социальные институты так же нельзя оставлять за рамками исследования.

Учитывая вышеизложенное, возможно выделить и направления развития единого семейно-правового пространства – основным из которых видится создание Модельного Семейного кодекса СНГ, иных модельных законов, учитывая институциональный подход к правовому регулированию семейных правоотношений.

Отметим, что единое семейно-правовое пространство СНГ следует рассматривать как самостоятельную правовую категорию. Его развитие характеризуется совокупностью целого ряда признаков: наличием собственной структуры, отягощаемой сложносоставным характером устройства межгосударственного объединения, исторической преемственностью, суверенитетом каждого из государств-участников. Исходя из этого, считаем, что следует обратить особое внимание именно на теоретическую составляющую исследуемых правовых категорий, с целью дальнейшего их применения в практике построения единого правового пространства в сфере правового регулирования семейных отношений [6, с. 60].

Механизм же обеспечения желаемого единства семейно-правового пространства СНГ должен включать в себя законодательную базу (модельное законодательство), причем, в первую очередь, по наиболее важным семейно-правовым институтам, включая основные семейные права человека, права ребенка; эффективность сложившихся нормотворческих технологий, основанную на семейном модельном нормативно-правовом регулировании (деятельность Межпарламентской Ассамблеи СНГ); совокупность межгосударственных органов, участвующих в совместной деятельности по обеспечению единства правового пространства, порядок их взаимодействия и координации (исполнительные органы СНГ).

Библиографический список

1. Модернизация государства, права и общества: человеческое измерение : коллективная монография / под общ. ред. К.А. Ишекова; РПА Минюста России, Поволжский (г. Саратов) юридический институт (филиал). М.: РПА Минюста России, 2014. 292 с.
2. Ежегодное Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина к Федеральному Собранию от 04 дек. 2014 г. // Рос. газ. 05 дек. 2014. №6550 (278).
3. Соглашение о создании Содружества Независимых Государств от 8 дек. 1991 г. // Ведомости СНГ и ВС РСФСР. 1991. №51. Ст. 1798.
4. Декларация Совета Республик ВС СССР от 26.12.1991 г. №142-Н // Ведомости Верховного Совета СССР. 1991. №52.
5. Ярышев С.Н. Международно-правовые вопросы формирования и функционирования единого экономического пространства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. 25 с.

6. Саенко Л.В. Особенности нравственно-религиозных оснований регулирования семейных отношений в правовом пространстве СНГ: к проблемам семейно-правовой науки // Правовая культура. 2014. №4 (19). С. 60-65.

УДК 316.4

ЦЕННОСТНЫЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Е.В. Сергеева

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: sergeevaev@inbox.ru

В статье рассматривается проблема соотношения целей и политических ценностей в российской модернизации на современном этапе. Поднимается проблема взаимодействия власти и общества в процессах модернизации. Рассматривает вопрос о роли и значении ценностного фундамента для успешного протекания и результативности модернизации. Изучается специфика современного этапа российского общества с точки зрения его ценностного измерения, возможности его дальнейшей консолидации.

Ключевые слова: модернизация, политические ценности, власть, политическая коммуникация.

THE VALUABLE AND COMMUNICATION FOUNDATIONS OF MODERNIZATION PROCESSES IN MODERN RUSSIA

E.V. Sergeeva

The article considers the problem of correlation of the objectives and political values in the Russian modernization at the present stage. It raises problems of the interaction of government and society in the process of modernization. Considering the role and importance of the valuable foundations for a successful course of modernization and efficiency. We study the specificity of the present stage of Russian society in terms of its value dimension, the opportunities of its further consolidation.

Key words: modernization, political values, power, political communication.

Модернизация представляет собой многоаспектный и многомерный процесс, которые во всей своей сложности до конца ещё не изучен. В социальных и гуманитарных науках рассматриваются разнообразные проявления модернизационных процессов: экономические, технологические, культурологические, политико-институциональные и т.д. Но о каком бы аспекте модернизации мы ни говорили, логику и содержание этого процесса можно представить в следующем обобщённом

виде: это преобразование общества, его сфер и институтов, которое предполагает достижение совершенно новых, качественно отличных способов его функционирования, преобразование институтов и практик, формирование новых морально-нравственных стандартов и ценностей, выход на принципиально иной уровень эффективности и результативности данных процессов.

Среди множества видов и типов модернизации для нашего исследования важное методологическое значение имеет различение двух видов модернизации: хаотической/спонтанной и целенаправленной/управляемой. Первый вид представлен в нескольких государствах (как правило, говорят о Великобритании и США), которые и сегодня представляют собой так называемые точки роста, задающие направление для политических, экономических, социокультурных и технологических изменений. Особенность хаотического типа модернизации заключается в том, что здесь нет чётко определённого центра инициации модернизационных процессов, общество совершенствуется и изменяется под влиянием разных внутренних и внешних факторов, преобразовывая традиционные и формируя новые институты, практики и технологии, переходя от простого к более сложному общественному устройству.

Во втором случае элитарные слои общества целенаправленно управляют процессами преобразования, определяя вектор, стратегию и тактику, методы и средства необходимых изменений. Большая часть государств, в том числе и Россия, принадлежит ко второму типу, среди которых есть как успешные, так и неудачные примеры; скоротечные, сжатые в несколько десятилетий, и зацикленные, растянутые на столетия; осуществляемые как в рамках демократического режима, так и под авторитарным руководством. Именно данные государства дают широкий эмпирический материал для компаративистских исследований, которые позволяют выявлять общие закономерности и специфику их протекания.

С середины XIX столетия по сей день в научных исследованиях осуществляется поиск оптимальной модели модернизации, предпосылок и факторов её успешного осуществления. Среди последних огромную роль играют именно ценностные основания. Достаточно часто можно встретить определения модернизации, которые уже априорно исходят из предположения, что это процесс иницируемый политической элитой и поддерживаемый большинством обществом. Тем самым утверждая, что серьёзные изменения в обществе требуют согласия и взаимодействия между политической элитой и широкими слоями населения, достижение которых невозможно без наличия общих ценностей.

Любой процесс модернизации начинается с рефлексии и формулирования новых ценностных ориентиров политической элитой: это может быть как целостная идеологическая система, так и совокупность

ценностей. На их основе формулируются цели и задачи модернизации, выбирается образ будущего общественного и политического устройства, как правило, традиционные основания, прошлое государства подвергаются критическому переосмыслению (а в некоторых случаях и отторжению). Источник этой идеальной модели может иметь реальное воплощение, опираться на опыт соседних стран (примером, этого может стать европеизация России, предпринятая Петром I) или теоретическое обоснование (философский или идеологический образец, например, строительство коммунистического общества в советский период). Но и в том, и другом случае – политической элите необходимо позиционировать совершенно новые, чужеродные для большей части граждан идеи и принципы, а в итоге сделать их частью социальной культуры. Оценивать результативность усилий по преобразованию общества, также возможно по изменениям в ценностно-нормативной сфере.

Процесс радикального реформирования для общества и каждого отдельного человека означает прежде всего смену образа жизни, модели поведения, поэтому сопровождается усилением напряжения, нередко весьма значительным. Модернизация достаточно травматична для общества, поскольку сопровождается усилением давления со стороны государства, при этом часть населения вообще может не испытывать потребности в изменениях. С точки зрения повседневности, модернизация – это ломка привычного мира, традиций, устойчивых практик, которые хорошо знакомы, понятны и комфортны человеку.

Конфликтность и противоречивость модернизационных процессов отмечают многие современные исследователи. Так, П. Штомпка писал, «что блага современности – экономические, политические или культурные продукты – никогда не распределяются равномерно. Они удовлетворяют интересы и потребности некоторых групп, например, элиты, участвующей в процессе модернизации, среднего класса, специалистов, в то время как затраты на изменения, различного рода утраты и травмы и в целом «все плохое» ложится бременем на другие группы, например, неквалифицированных работников, крестьян, жителей бедных сельских районов. Модернизация также может искоренить почитаемые традиционные идеи, религиозные воззрения, обычаи, жизненный уклад и провоцировать столкновения на этом уровне» [1, с. 123].

С точки зрения Н.Н. Зарубиной, все проекты модернизации России ставили своей целью улучшение жизни населения, но при этом с лёгкостью шли на безжалостное разрушение российской повседневности, совершенно не считаясь с социокультурным и ценностным базисом, что, явилось, в свою очередь, причиной модернизационных срывов [2, с. 156].

Стабилизация и успешность протекания модернизационных процессов зависит не только от умения власти сформулировать новые цели и ценности, но и от способности его консолидировать общество на основе

новых ценностей, вдохновить и мобилизовать его на изменения, таким образом, увеличивая ресурс доверия к власти и минимизируя уровень властного насилия. Здесь речь идёт не о тотальном следовании одной идеологии, или единой системе ценностей, такая ситуация в современном динамичном, информационном, поликультурном обществе, выглядит скорее утопично, а о ценностной консолидации, о налаживании коммуникации между властью и обществом, способности выработать, донести и актуализировать ценностные основания в сознании граждан, убедить их в необходимости и неизбежности проводимых перемен, необходимости согласия с ними и возможными будущими трудностями. В связи с этим актуализируется проблемы коммуникативного взаимодействия между властью и обществом в публичной сфере. Ю. Хабермас в теории коммуникативного действия [3] сформулировал положение о том, что основной целью коммуникации в публичной сфере является достижение взаимопонимания, согласия, координации действия социальных акторов, которое требует соотнесения ожиданий власти и общества по трём позициям: знание, норма и интенция. Конституирующими принципами коммуникативного действия в публичной сфере становятся: рефлексивность, открытый диалог и горизонтальный характер социальных связей, доступность и равное участие, автономность площадки дискуссии, отсутствие прямого государственного контроля, а также гибкость временной протяжённости взаимодействия.

Однако достижению взаимодействия на указанных основаниях могут препятствовать рыночные и властные интересы, которые стремятся подчинить публичное пространство и манипулировать им с целью достижения экономических и политических преимуществ элитными группами, снижению самостоятельности и активности граждан в сфере политики, падению доверия к существующим политическим институтам. Ю. Хабермас отмечал, что во многом это идеальная модель коммуникации в обществе, и её в полной мере невозможно реализовать на современном этапе, тем не менее к которой необходимо стремиться. Но надо отметить, что именно достижение единства и взаимопонимания между властью и обществом, формирование коалиции государства, бизнеса и гражданского общества рассматривается как необходимое условие его дальнейшего преобразования.

Учитывая все вышесказанное современный этап трансформации российского общества с точки зрения ценностного и коммуникативного измерения выглядит весьма проблематично. Основным документом, в котором провозглашаются цели дальнейшего развития российского государства является «Концепции долгосрочного социально-экономического Российской Федерации на период до 2020 года» (кратко – «Стратегия 2020»), принятая в 2008 (до нее были проекты Е. Гайдара и

Г. Герфа, цели последнего не были реализованы). "Стратегия-2020" основывается на двух ключевых направлениях: «создание новой модели экономического роста и новой социальной политике. Очевидно, что второе (новая социальная политика) невозможно без первого (экономического роста)» [4], отмечают авторы документа. Критика этого проекта экспертным сообществом велась по нескольким направлениям: завышенные результаты, недостаточно продуманный механизм достижения целей и задач, зависимость от политической конъюнктуры [5]. В официальных посланиях первых лиц (В.В. Путина и Д.А. Медведева) проблема модернизации активно поднималась в 2007-2011, в последующий период по настоящий момент она практически не затрагивалась [6].

Ценностное обоснование динамики модернизации очень слабо и невнятно сформулировано. Авторы данной концепции не смогли обрисовать ценностные приоритеты, ради которых граждане и должны кардинально изменить привычные социальные и экономические отношений. Основная направленность модернизационных процессов предполагает качественное преобразование системы общественных взаимоотношений в либертарианском ключе: достижение в экономике, социальной сфере, образовании и науки предлагается решить за счёт активизации самих граждан и перекладывания большей части государственной ответственности на их плечи; формированием новой системы институциональных практик. Она ориентирована на прагматичные результаты, такие как устойчивость развития, эффективность, конкурентность, инновационность, экономическая целесообразность и т.д. Здесь концентрируется внимание на материальных показателях (экономический рост, доходы населения, уровень жизни и т.д.). Все это подтверждает тезис о том, что с момента распада Советского Союза, несмотря на все интеллектуальные усилия, так и не удалось власти сформулировать более или менее связную систему ценностей, которые определили вектор будущего движения.

В научных исследованиях, посвящённых ценностному состоянию российского общества, отмечается, что на протяжении последних десятилетий патернализм, материализм и традиционные ценности остаются доминирующими в сознании россиян [7, с. 27]. Это позволяет нам утверждать, что процесс нынешний этап трансформации будет не менее болезненным для общества, чем предыдущие и потребует серьёзных изменений в сознании и культуре российских граждан. Помимо отсутствия системного видения процессов модернизации со стороны власти, значительно осложняет ситуацию отсутствие возможности донести эту информацию до граждан. Согласно данным опросов ВЦИОМа, в 2012 году (т.е. сразу после избирательных кампаний 2011-2012 гг.) 40 и 47% россиян затруднились ответить на открытый вопрос, какие ценности отстаивают

В.В. Путин и Д.А. Медведев соответственно [8, 9]. Это явно свидетельствует о нарушении взаимопонимания между властью и обществом. При этом надо учитывать, что именно фигура Президента РФ неизменно на протяжении всего времени, начиная с 2000-х годов, пользуется высоким доверием у населения. С момента прихода В.В. Путина к власти его рейтинг одобрения не опускался ниже 60%: самый высокий показатель фиксировался, по данным Левада-центра, в сентябре 2008 года и октябре 2014 и составил 88% доверяющих от общего числа опрошенных [10]. Доверяя президенту как личности, россияне слабо представляют к чему же он стремится как лидер государства.

В политической системе последние институциональные изменения направлены на включение гражданских организации и бизнеса в процессы управления, увеличение транспарентности власти за счёт внедрения информационных технологий, развития институтов электронной демократии. Но говорить сегодня об эффективности данных нововведений ещё пока рано. При этом надо отметить, что со стороны государства значительно усилен контроль за деятельностью СМИ, независимых общественных и политических организаций, ужесточены меры юридической ответственности за нарушения правил проведения митингов и усложнены процедуры согласования их проведения. Эти факты позволяют нам говорить о том, что в последний период напряжение в российском обществе гасится за счёт усиления репрессивных методов, а не налаживания конструктивного диалога с представителями оппозиционных партий и групп.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что успешное осуществление модернизации в современном российском обществе должны быть инициированы с изменениями политико-идеологической и ценностно-нормативной сфере, с формированием чёткого образа будущего, которого необходимо достичь, обозначением смысловых принципов дальнейшего движения. Спекулирование и манипулирование на ценностных противоречиях и расколах современного общества позволяет решать конъюнктурные задачи, но абсолютно бесплодно для формулирования долгосрочного направления движения. Второй важный момент – это изменения в политической сфере: создание реально действующих коммуникационных механизмов в обществе, которые должны работать не только как ретрансляторы позиции власти, но и могли действовать в обратном направлении, т.е. использоваться как механизм достижения согласия между социальными группами, мирного урегулирования социальных конфликтов и противоречий. В противном случае единственный вариант достижения более или менее значимых результатов в процессах модернизации – это возвращение к традиционным методам преобразования, которые характеризуются силовым давлением на общества со стороны государства.

Библиографический список

1. Штомпка П. Модернизация как социальное становление (10 тезисов по модернизации) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. №6. С. 127.
2. Зарубина Н.Н. Риски повседневности в сложном социуме: опыт российских модернизаций XX века // Вестник МГИМО – Университета. 2012. №3. С. 153-161.
3. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: «Наука», 2001.
4. Обнародована итоговая версия доклада «Стратегия 2020». URL: <http://strategy2020.rian.ru/news/20120314/366267326.html> (дата обращения: 10.04.2015).
5. Башкатова А. Отползаем от «Стратегии-2020». URL: http://www.ng.ru/economics/2010-05-31/1_strategy_2020.html (дата обращения: 10.04.2015).
6. Ежегодные послания Президента РФ Федеральному собранию. URL: <http://ria.ru/spravka/20141204/1036333989.html> (дата обращения: 10.04.2015).
7. Богдан И.В. Политические ценности в современной России: когнитивные, эмоциональные и поведенческие аспекты // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2004. Выпуск 3. С. 24-34.
8. Какие ценности и идеи, на Ваш взгляд, отстаивает Дмитрий Медведев? // Официальный сайт ВЦИОМа. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=867&q_id=60547&date=09.09.2012 (дата обращения: 10.04.2015).
9. Поговорим о вновь избранном президенте России – Владимире Путине. Какие ценности и идеи, на Ваш взгляд, прежде всего отстаивает Владимир Путин? // Официальный сайт ВЦИОМа. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=845&q_id=59145&date=18.03.2012 (дата обращения: 10.04.2015).
10. АНО Левада-Центр. URL: <http://www.levada.ru/indeksy> (дата обращения: 17.01.2015).

УДК 340.11.1:304.42

ПОСТРОЕНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ГОСУДАРСТВА КАК ОБЪЕКТ КОММУНИКАЦИОННОЙ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

С.В. Тихонова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: segedasv@yandex.ru

Статья посвящена анализу коммуникационной правовой политики, ее специализации в рамках правовой политики в информационной сфере. Автор приходит к выводу, что в настоящее время центральным объектом коммуникационной правовой политики является построение электронного государства. Рассматриваются подходы к определению электронного государства и его структуры

Ключевые слова: правовая политика, коммуникационная правовая политика, информационная правовая политика, электронное государство.

THE ELECTRONIC STATE BUILDING AS AN OBJECT OF THE COMMUNICATION LEGAL POLICY

This article is about the communication legal policy, its specialization within the legal policy in the information sphere. The author concludes that currently the central object of communication of legal policy is to build e-state. She considers the approaches to the definition of e-government and its structure.

Key words: legal policy, communication legal policy, information legal policy, electronic state.

Бурное развитие информационной сферы, детерминированное серией коммуникационных революций, привело к появлению нового вида правовой политики – правовой политике в информационной сфере и ее дальнейшей специализации. Правовая политика – это управление развитием позитивного права в целях подчинения его естественному праву в конкретных социальных условиях. Теория правовой политики описывает спектр идеологических, правовых и технических мер, применяемых для подчинения правового развития конкретной телеологии. Ее теоретико-идеологическое направление акцентирует идейно-доктринальный уровень правовой политики, связанный с конкретизацией телеологии и обоснованию адекватного ей инструментария. Организационно-праксеологическое направление акцентирует деятельность природу правовой политики, ее реализацию в конкретных социальных и нормативных актах субъектов права, анализируя как комплекс мер, направленных на решение конкретных задач в правовом пространстве. Вместе с тем, оба эти направления конкретизируются в прикладных исследованиях, обогащающих их содержание специфическим отраслевым материалом. Информационная сфера – не исключение, в последние годы число исследований, посвященных правовой политике в ее условиях, неуклонно растет.

В целом, отечественная традиция рассматривает правовую политику в информационной сфере с помощью категории «информация», оперируя понятиями «информационная политика государства», «правовая политика в информационной сфере», «информационная правовая политика».

Информационная политика государства – это 1) управление информационными ресурсами страны; 2) обеспечение удовлетворения информационных потребностей граждан; 3) деятельность по оптимизации взаимодействия государства и граждан.

Значимость информационной сферы для государственного развития детерминирует применение правового регулирования к складывающимся в ее рамках общественным отношениям, а, значит, и развитие специфической правовой политики – информационной правовой политики.

А.В. Карягина определяет информационную правовую политику как комплекс политических, правовых, экономических, социально-культурных

и организационных мероприятий государства, направленных на обеспечение конституционного права граждан на доступ и распространение информации в соответствии с п. 4 ст. 29 Конституции РФ [1, с. 34]. Объекты информационной правовой политики разнообразны и неоднородны. К ним относят качественно различные феномены коммуникационного пространства: печатные СМИ, рекламную деятельность, электронные СМИ, средства связи, информационное право, информационную безопасность, построение информационного общества [1, с. 34]. Часть их связана с регулированием определенного информационного содержания, часть носит инфраструктурный характер, связанный с изменением характера транзакций.

Гетерогенность объектов не может не отражаться на системности правовой политики в информационной сфере, иницируя, по мере углубления, дифференциацию на две относительно автономные области – собственно информационную правовую политику и коммуникационную правовую политику. Обе они являются видовыми понятиями по отношению к родовому – правовой политике в информационной сфере. Информационная правовая политика решает вопросы селекции информации в коммуникационном пространстве (например, правовые институты цензуры, защиты детей от вредоносной информации). Коммуникационная правовая политика направлена на создание правовых основ построения информационного общества, т.е. развития коммуникационного пространства, управление его встраиванием в социальный ландшафт и, таким образом, контроль социального прогресса.

Информационное общество как конечная цель коммуникационной правовой политики далеко от доктринальной завершенности.

Т.А. Полякова справедливо указывает на то, что в международных правовых документах содержатся лишь признаки этого понятия, на основании которых и разрабатываются различные национальные стратегии построения информационного общества [2, с. 21]. В политико-правовой сфере концепция «информационного общества» (безусловно, содержательно куда более узкая и конкретная, нежели парадигма информационного общества, сформированная на базе трудов Д. Белла, О. Тоффлера, М. Кастельса в социальной философии и, шире, в социогуманитарном знании) начала свое формирование в середине 1990-х гг. Ю. Хохлов отмечает, что в это время была в США командой Б. Клинтона и А. Гора была сформулирована идея создания сначала национальной, а затем глобальной информационной инфраструктуры, позволяющей использовать преимущества телекоммуникаций с целью сокращения расстояний и передачи огромных объемов данных в кратчайшее время в любую точку планеты (в докладе «Agenda for Action») [3, с. 6]. Этой идее был противопоставлен европейский подход (М. Бангеманн), предполагающий развитие не только телекоммуникаций,

но и информационных технологий и контента; все три компонента рассматривались как единое целое, под которым и понималось «информационное общество» (в докладе «Europe's Way to Information Society. An Action Plan»).

В государственной политике различных стран в области телекоммуникаций и связи началось формирование соответствующих концепций, фиксирующих в качестве стратегических целей той или иной версии «информационного общества». В нашей стране процесс построения информационного общества шел на понятийной основе, близкой к европейскому подходу. Начался он с разработки и принятия Доктрины информационной безопасности РФ от 9 сентября 2000 г. В ней был закреплён тезис о том, что в современном общественном развитии возрастает роль информационной сферы, представляющей собой «совокупность информации, информационной инфраструктуры, субъектов, осуществляющих сбор, формирование, распространение и использование информации, а также системы регулирования возникающих при этом общественных отношений». Таким образом, было зафиксировано важное значение информационной сферы для государственных интересов, более того, государственные интересы в информационной сфере были прямо определены: «интересы государства в информационной сфере заключаются в создании условий для гармоничного развития российской информационной инфраструктуры, для реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина в области получения информации и пользования ею в целях обеспечения незыблемости конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности России, политической, экономической и социальной стабильности, в безусловном обеспечении законности и правопорядка, развитии равноправного и взаимовыгодного международного сотрудничества». Кроме того, среди проблемных зон информационной безопасности было отмечено отсутствие четкой государственной политики в области формирования российского информационного пространства.

Поскольку информационно-коммуникационная инфраструктура не может развиваться в изоляции, а ее развитие изначально носило характер фактора глобализации, популяризация идей информационного общества привела к тому, что 22 июля 2000 г. в Окинаве восемь ведущих мировых держав подписали Хартию глобального информационного общества. В этом документе на международно-правовом уровне были определены меры правового, политического и технологического характера, которые мировое сообщество должно осуществить в целях формирования глобального информационного общества. Окинавская Хартия не содержит определения информационного общества, но перечисляет его основные черты, связанные с новыми возможностями, открываемыми информационными технологиями людям.

На реализацию положений Окинавской Хартии глобального информационного общества направлена «Стратегия развития информационного общества в России» от 25 июля 2007 г. В ней информационное общество характеризуется «высоким уровнем развития информационных и телекоммуникационных технологий и их интенсивным использованием гражданами, бизнесом и органами государственной власти», а сама Стратегия – как основа для подготовки и уточнения доктринальных, концептуальных, программных и иных документов, определяющих способы построения информационного общества в стране.

Интенсивное использование информационных и телекоммуникационных технологий гражданами, бизнесом и органами государственной власти затронуло способы организации интеракций между этими субъектами и привело к формированию новой концепции государства – электронной. Электронное государство опирается на новые принципы взаимодействия государства и личности, а также между элементами государственной системы. Развитие такой системы интеракций через создание и совершенствование соответствующей правовой базы и является сегодня центральным объектом коммуникационной правовой политики.

В настоящее время идет процесс его теоретического осмысления, выработки отражающих его категорий и системы категориальных связей. Начался этот процесс с начала первого десятилетия нынешнего века. И.Ю. Богдановская на Четвертой конференции «Право и интернет: теория и практика» (17.12.2002) отметила, что «понятие «электронное государство» наиболее соответствует английскому понятию e-government» [4], поскольку современные международно-правовые документы (включая решения Европейского суда по правам человека) используют термин government для обозначения государства в целом. Поэтому термин e-government должен употребляться не для обозначения правительства как центрального органа исполнительной власти, а для системного единства всех трех ветвей власти. Эту точку зрения поддерживают Н.Н. Федосеева и М.А. Чайковская, определившие электронное государство как форму организации деятельности органов государственной власти в виртуальном пространстве, обеспечивающую за счет широкого использования информационно-коммуникационных технологий оптимизацию государственного управления, усиление открытости государства и реализацию конституционных прав и свобод граждан. Одной из основных особенностей электронного государства является виртуализация (дублирование) объектов реальности, то есть перенесение их аналогов в электронную форму (например, подача деклараций, исковых заявлений, уплата штрафов и т.п. в электронной форме) [5]. Авторы отмечают, что научные определения терминов «электронное государство» и «электронное правительство» с момента введения их в научный лексикон

строятся специалистами по разным принципам и претерпевают определенную эволюцию по мере того, как электронное правительство внедряется в практику в отдельных странах. Одни дефиниции имеют описательный характер, и направлены на выявление социальных последствий внедрения принципов электронного государства, Другие содержат перечисление его отдельные инструменты. Третьи раскрывают специфику их технического воплощения в конкретных программных продуктах. Четвертые акцентируют максимальную эффективность управления государством. Каждый из перечисленных подходов отражает определенный аспект функционирования электронного государства.

Важно отметить, что электронное государство не сводится к осуществлению информационных аспектов государственной деятельности, включая работу законодательных, исполнительных, судебных органов на основе использовании ИКТ-систем, хотя такая точка зрения существует: «В упрощенном виде «электронное государство» можно свести к созданию определенной коммуникативной инфраструктуры, позволяющей государственным органам и гражданам взаимодействовать с использованием новых информационных технологий». Однако, как отмечает В.И. Савинков, сущность модели электронного государства заключается в двустороннем обмене данными между населением и государственными структурами, при котором граждане имеют право непосредственно влиять на работу различных ведомств. Электронное государство не только экономит время граждан, его структуры работают качественнее и эффективнее в новых условиях, к которым относятся: гласность при принятии государственных решений, прозрачность власти, доступность всех государственных услуг, а также то, что работа осуществляется 24 часа в сутки с возможностью проведения он-лайн-опросов, консультаций с населением по вопросам политики и действий органов власти [6, с. 68].

Структурно концепция электронного государства включает в себя все три ветви власти, представляя собой триаду «электронное законотворчество» + «электронное правительство» + «электронное правосудие». Концептуализация структуры электронного государства, обоснование принципов формирования его ветвей сегодня является новым рубежом в развитии коммуникационной правовой политики.

Библиографический список

1. Карягина А.В. Современная информационная правовая политика в РФ: Теоретико-правовой аспект // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2012. №2 (16). С. 34-35.
2. Полякова Т.А. Правовое обеспечение информационной безопасности при построении информационного общества в России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 38 с.

3. Ершова Т. Вперед к информационному обществу 2.0! Беседа с председателем редакционного совета журнала «Информационное общество», председателем Совета Директоров Института развития информационного общества Ю.Е. Хохловым в связи с 15-летием института // Информационное общество. 2013. №5. С. 4-15.
4. Богдановская И.Ю. Концепция «электронного государства» (сравнительно-правовые аспекты) // Четвертая конференция «Право и интернет: теория и практика». М., 2009. URL: http://www.parkmedia.ru/conf.asp?ob_no=346 (дата обращения: 15.03.2015).
5. Федосеева Н.Н., Чайковская М.А. Понятие и сущность концепции электронного государства // Российская юстиция. 2011. №11. С. 6-10.
6. Савинков В.И. Формирование информационного общества – приоритет государственной политики Российской Федерации // Власть. 2011. №4. С. 67-70.

УДК 342.41

К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ РЕПРОДУКТИВНЫХ ПРАВ МУЖЧИН В РОССИИ

Р.А. Торосян

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: rima_t@mail.ru

Статья посвящена изучению и решению проблем относительно правового регулирования репродуктивных прав мужчин в России.

В ходе анализа действующего законодательства регулирующего отношения в сфере вспомогательных репродуктивных технологий, выявлены признаки гендерной дискриминации мужчин, которые выражаются в исключении мужчин из списка субъектов, которые имеют право доступа к вспомогательным репродуктивным технологиями, в том числе права на пользование услугами суррогатного материнства.

Ключевые слова: вспомогательные репродуктивные технологии, мужчины и женщины, здоровье, медицинские услуги, гендерная дискриминация, суррогатное материнство.

ON THE ISSUE OF CHANGES IN LEGAL REGULATION OF THE REPRODUCTIVE RIGHTS OF MEN IN RUSSIA

R.A. Torosyan

The article is devoted to studying and the solution of problems of legal regulation of the reproductive rights of men in Russia.

During the analysis of the current legislation of the regulating relation in the sphere of auxiliary reproductive technologies, signs of gender discrimination of men which are expressed in an exception of men from the list of subjects who have right of access to

auxiliary reproductive technologies, including the rights for use of services of substitute motherhood, are revealed.

Key words: auxiliary reproductive technologies, men and women, health, medical services, gender discrimination, substitute motherhood.

Согласно ст. 40 Конституции Российской Федерации принятой всенародным голосованием 12.12.1993 [1], каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Статья 2 Федерального закона от 21.11.2011 №323-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [2] под здоровьем подразумевает, состояние физиологического, психологического, социального благополучия человека, отсутствие заболеваний, а так же расстройств функций организма. Одной из важнейших проблем современности в настоящее время выступает снижение рождаемости, которое напрямую зависит от репродуктивного здоровья мужчин и женщин.

Репродуктивные права – это новое понятие в российском законодательстве. Репродуктивные права представляют собой комплексный институт, оказывающий влияние на взаимоотношения членов семьи и понимание ими своей роли в семье. Осуществление этих прав также взаимосвязано с положением мужчин и женщин и расширением их прав и возможностей, а эти вопросы сами по себе во многих странах являются предметом острых дискуссий [3, с. 77].

Репродуктивные права – это неотчуждаемые права и свободы человека, которые закрепляются в международных и национальных правовых актах. Репродуктивные права были признаны следующими международными документами: Декларацией Международной конференции ООН по правам человека (Тегеран, 1968) [4]; в документах Каирской конференции ООН по проблемам народонаселения и развития (1994г.) [5]; Всеобщей декларации прав человека (1948 г.) [6] и др. Указанные международные документы определяют репродуктивные права, как права супружеских пар и отдельных лиц свободно принимать решения относительно планирования рождения своих детей, и решения других вопросов в отношении детей, без какой-либо дискриминации, принуждения и насилия [7].

Следует отметить, что единого нормативного акта регулирующего отношения в области репродуктивных прав нет. На сегодняшний день рассматривается проект Федерального закона «О вспомогательных и репродуктивных технологиях и гарантиях прав граждан при их осуществлении»[8], однако он еще не вступил в силу.

Основу правового регулирования отношений в сфере вспомогательных репродуктивных технологий в России, составляют следующие нормативные акты: Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 04.11.2014)[9]; Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»;

Федеральный закон от 15.11.1997 №143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» [10]; Приказ Минздрава России от 30.08.2012 № 107н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению»[11]; Приказ Минздрава России от 30.10.2012 №556н «Об утверждении стандарта медицинской помощи при бесплодии с использованием вспомогательных репродуктивных технологий» [12].

Приказом министерства здравоохранения РФ от 30 октября 2012 г. №556н «Об утверждении стандарта медицинской помощи при бесплодии с использованием вспомогательных репродуктивных технологий», определяются перечень обязательных медицинских услуг для диагностики, лечения заболевания, состояния и контроля над лечением, а также перечень применяемых лекарственных препаратов с указанием средних суточных и курсовых доз [13].

Согласно п. 2 Приказа Минздрава России от 30.08.2012 №107н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» вспомогательные репродуктивные технологии представляют собой методы лечения бесплодия, при применении которых отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляется вне материального организма. Пункт 3 указанного приказа, определяет субъекты, которые имеют право на применение вспомогательных репродуктивных технологий: мужчина и женщина, состоящие в браке; мужчина и женщина не состоящие в браке; одинокая женщина. Закон не рассматривает одинокого мужчину как субъекта имеющего право на допуск к вспомогательным репродуктивным технологиям, что является нарушением ч. 3 ст. 19 Конституции Российской Федерации, согласно которой, мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации.

На наш взгляд, необходимо внести изменения в п. 3 Приказа Минздрава России от 30.08.2012 №107н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» определяющий круг субъектов имеющих доступ к вспомогательным репродуктивным технологиям, сделав оговорку, что одинокие мужчины и женщины могут воспользоваться данным правом, если имеют онкологическое заболевание или являются бесплодными.

Одним из популярных методов преодоления бесплодия на сегодняшний день, является суррогатное материнство. Программа суррогатного материнства представляет собой вспомогательную репродуктивную технологию. Как сообщает Российская газета в марте 2015 года в Государственную Думу РФ будет внесен документ, предусматривающий новые правила «Суррогатного материнства». А

именно, будет внесен запрет на пользование услугами суррогатного материнства однополыми парами, а также одинокими мужчинами. Разработчики документа исходят из того, что мужчины применяют данную услугу, для удовлетворения своего репродуктивного права [14]. Если же мужчина действительно не может иметь детей по причине проблем со здоровьем, он также не может воспользоваться услугами суррогатного материнства, может воспользоваться данной услугой, только используя биологический материал донора. В таком случае мужчина, решившийся на такой шаг, не будет считаться биологическим родителем данного ребенка, так как нет его биологических материалов.

Разработчики документа считают, что наделение правом пользования мужчинами данной услугой, возможно, приведёт к рождению детей в однополых парах. Мы согласны с тем, что необходимо запретить, пользование данной услугой в однополых парах, однако следует учитывать тот факт, что есть гомосексуалы-одиночки не только мужчины, но и женщины. Фактически законодатель, указав как субъекта «одинокую женщину» разрешает юридически и биологически женщинам-гомосексуалам пользоваться услугой суррогатного материнства.

Мы не согласны с запретом на пользование одинокими мужчинами услугой суррогатного материнства. На наш взгляд, для обеспечения равенства мужчин и женщин, необходимо предоставить право пользования услугой суррогатного материнства мужчинам, которые имеют онкологическое заболевание, а также которые стали одинокими в результате смерти супруги, при условии, что мужчина способен к деторождению. В таком случае мужчина используя биологический материал свой и своей супруги (если при жизни была осуществлена криоконсервация ее ооцитов) сможет реализовать свое репродуктивное право и воспитывать своего собственного ребенка [15, с. 28].

Таким образом, можно сделать вывод, что российское законодательство преимущественно нацелено на обеспечение и защиту здоровья женщин, что приводит к нарушению прав мужчин и возникновению гендерной дискриминации мужчин в области реализации репродуктивных прав и противоречит п. 3 ст. 19 Конституции Российской Федерации, закрепляющей равные права мужчин и женщин и равные возможности для их реализации.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N6-ФКЗ, от 30.12.2008 N7-ФКЗ, от 05.02.2014 N2-ФКЗ, от 21.07.2014 N11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. №31. ст. 4398; 2014. №30 (Часть I). ст. 4202.

2. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации. Федеральный закон от 21.11.2011 N323-ФЗ (ред. от 31.12.2014) // СЗ РФ. 2011. №48. ст. 6724; 2014. №49 (часть VI). ст. 6928.
3. Иваева Э.А. Противоречия между гендерным равенством и правом на реализацию репродуктивных функций мужчины и женщины // Государство и право. 2008. №9. С. 77.
4. Официальный сайт Организации объединенных наций. Всеобщая декларация прав человека 1948 года. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr (дата обращения: 20.02.2015).
5. Официальный сайт Организации объединенных наций. Рубрика события 1991-2000 годы. URL: <http://www.un.org/ru/aboutun/history/1991-2000.shtml> (дата обращения: 20.02.2015).
6. Официальный сайт Организации объединенных наций. Декларация Международной конференции ООН по правам человека (Тегеран, 1968). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/st_hr1_57.shtml (дата обращения: 20.02.2015).
7. Баклаенко Надежда. Законодательство о репродуктивных правах женщин. URL: <http://www.owl.ru/win/events/edc1996/c-bakla.htm> (дата обращения: 20.02.2015).
8. Сергеев Ю.Д., Лебедев С.В., Павлова Ю.В., Дергачев Н.А. Проект Федерального закона «О вспомогательных репродуктивных технологиях и гарантиях прав граждан при их осуществлении» // Медицинское право. №2. II квартал 2008 г. Система ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/5488127/> (дата обращения: 20.02.2015).
9. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N223-ФЗ (ред. от 04.11.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2015) // СЗ РФ. 1996. №1. ст. 16; 2014. №45. ст. 6143.
10. Об актах гражданского состояния. Федеральный закон от 15.11.1997 N143-ФЗ (ред. от 23.06.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2015) // СЗ РФ. 1997. №47. ст. 5340; 2014. №26 (часть I). ст. 3371.
11. О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению. Приказ Минздрава России от 30.08.2012 N 107н (Зарегистрировано в Минюсте России 12.02.2013 №27010) // Российская газета. Спецвыпуск. №78/1. 11.04.2013.
12. Об утверждении стандарта медицинской помощи при бесплодии с использованием вспомогательных репродуктивных технологий. Приказ Минздрава России от 30.10.2012 N556н (зарегистрировано в Минюсте России 21.03.2013 N 27823) // Российская газета. Спецвыпуск. №128/1. 17.06.2013.
13. Приказ Минздрава России от 30.10.2012 N556н «Об утверждении стандарта медицинской помощи при бесплодии с использованием вспомогательных репродуктивных технологий» (зарегистрировано в Минюсте России 21.03.2013 N27823) // Российская газета" Спецвыпуск. №128/1. 17.06.2013.
14. Официальный сайт специальных новостей. Одиноким мужчинам запретят пользоваться услугами суррогатной матери // URL.: <http://1big.ru/news/society/4143-odinokim-muzhchinam-zapretyat-polzovatsya-uslugami-surrogatnoy-materi.html> (дата обращения: 20.02.2015).
15. Павлова Ю.В. Современный правовой режим реализации репродуктивного права человека на применение вспомогательных репродуктивных технологий // Медицинское право. №6. Ноябрь-декабрь 2013. С. 28.

БИЗНЕС-ОМБУДСМЕН В СИСТЕМЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В.А. Фадеева

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: kafedra-kmp@mail.ru

Статья посвящена анализу положения Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей в системе конституционно-правовой защиты субъектов предпринимательской деятельности. В статье дается авторское определение бизнес-омбудсмана, системы конституционно-правовой защиты субъектов предпринимательской деятельности, а также вывод о необходимости изменения его места среди государственных органов России.

Ключевые слова: Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей, Президент РФ, Администрация Президента РФ, система конституционно-правовой защиты прав предпринимателей, Конституция РФ.

BUSINESS OMBUDSMAN IN THE SYSTEM OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL PROTECTION OF THE RIGHTS OF ENTREPRENEURS OF THE RUSSIAN FEDERATION

V.A. Fadeeva

The article is devoted to the analysis of the position of Business Ombudsman in a constitutional and legal protection of business entities. The article gives a definition of the business Ombudsman, the constitutional and legal protection of business entities, as well as the need to change his place among the state bodies of Russia.

Key words: Business Ombudsman, the President of the Russian Federation, administration of the President of the Russian Federation, the constitutional and legal protection of entrepreneurs ' rights, the Constitution of the Russian Federation.

Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей – это специализированный национальный институт по правам человека, содействующий защите прав предпринимателей в публично секторе, являющийся дополнительным элементом в сфере достижения баланса взаимодействия государства и предпринимательского сообщества. Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей является органом, входящим в систему конституционно-правовой защиты прав предпринимателей, которая в свою очередь представляет собой комплекс мер государственной защиты прав и свобод человека в сфере предпринимательской деятельности,

закрывающейся в работе конституционных органов и органов, осуществляющих дополнительную защиту субъектов предпринимательской деятельности, приоритетной задачей которых является достижение состояния их реальной защищенности.

Согласно ч. 2 ст. 1 Федерального закона «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» [1] Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей и его рабочий аппарат являются государственным органом с правом юридического лица, обеспечивающим гарантии государственной защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности и соблюдения указанных прав органами государственной власти, органами местного самоуправления и должностными лицами.

Современная российская конституционная модель исходит из особого места Президента в государственном механизме и в системе политического властвования, наделяя его широкими полномочиями. Президент РФ, не входя ни в одну из существующих ветвей власти, является главой государства и обеспечивает координацию деятельности его органов. В процессе реализации своих конституционных полномочий по защите прав и свобод человека и гражданина глава государства взаимодействует с органами всех ветвей власти, прокуратурой, общественными объединениями, институтами гражданского общества. При этом в своей работе он опирается на специально созданные им органы: Администрацию Президента РФ, а также совещательные и консультативные органы [2, с. 46].

Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей является федеральным гражданским служащим Администрации Президента РФ [3, 4], категории «руководители» [5]. Согласно Положению об Администрации Президента Российской Федерации, утвержденному указом Президента РФ от 6 апреля 2004 г. №490, Администрация Президента РФ является государственным органом, который обеспечивает деятельность Президента РФ и осуществляет контроль за исполнением его решений. При общем подходе к анализу осуществления деятельности федерального бизнес-омбудсмена «при Президенте РФ» следует согласиться с тем, что он обеспечивает работу главы государства, например, путем оказания содействия ему в решении вопросов, касающихся обеспечения прав и свобод субъектов предпринимательской деятельности. К тому же, по мнению ряда авторов, Администрация и совещательно-консультативные органы реально занимают более высокое место в системе органов государственной власти, чем формально, они позволяют главе государства получать альтернативную официальным каналам информацию, обеспечивать необходимое взаимодействие с конституционными органами власти,

силовыми структурами и др. [6, с. 26]. Но при ближайшем рассмотрении правового статуса Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей становится очевидным, что все это не является определяющими моментами в построении его работы, к тому же умоляет значение института уполномоченного по защите прав предпринимателей как органа осуществляющего защиту прав предпринимателей, делая акцент на обеспечении бизнес-омбудсменом работы Президента РФ путем различных правовых механизмов в сфере защиты прав субъектов предпринимательской деятельности.

Кроме того, исходя из норм исследуемого федерального закона, следует заключить, что бизнес-омбудсмен и его рабочий аппарат – это государственный орган, но вместе с тем Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей является должностным лицом Администрации Президента [7], которая также является государственным органом. На наш взгляд вхождение в существующую систему обеспечения деятельности главы государства федерального бизнес-омбудсмана существенно утяжеляет ее и вносит институциональную путаницу. В связи с этим, мы считаем, что закрепление правового статуса исследуемого государственного органа «при Президенте РФ» в том виде, который существует на сегодняшний день нельзя признать удачным.

Бизнес-омбудсмен в организационном плане должен быть выведен из состава Администрации главы государства, но при этом оставаться «при Президенте РФ». При таком раскладе возможны две модели работы уполномоченного по защите прав предпринимателей:

1. При наличии конституционного основания работы бизнес-омбудсмана под началом главы государства;
2. Без нормативно-правового обоснования его размещения при Президенте РФ.

В первом случае потребуется изменение Конституции РФ, а именно главы 4 «Президент Российской Федерации», в которой необходимо будет предусмотреть возможность назначения главой государства уполномоченного по защите прав предпринимателей. При этом, в ходе исследования мы отмечали, что в нашем государстве осуществляет свою деятельность также Уполномоченный по правам ребенка в РФ, который в организационном плане также осуществляет свою деятельность в составе Администрации Президента РФ, но в отличие от бизнес-омбудсмана, его правовой статус не регламентируется специальным нормативным правовым актом. Очевидно, что на сегодняшний день формирование института омбудсменства представляется важным направлением в развитии публичного управления в России. В этой связи, наиболее целесообразным на наш взгляд было бы внести изменение в ст. 83 Конституции РФ, предусмотрев пункт следующего содержания: Президент РФ назначает и освобождает уполномоченных при Президенте РФ.

Во втором случае бизнес-омбудсмен станет осуществлять свою деятельность без формального конституционно-правового основания, что, тем не менее, не лишит его конституционно-правовой природы, что подтверждается нашим исследованием. Так, известный специалист по проблемам развития, профессор Гарвардского университета Дэни Родрик отмечает, что в определенных условиях развития государства стоит подумать о поиске *second best institutions* – институтов, которые по своему дизайну могут совсем не соответствовать стандартам «высокой теории», но при этом способны поддерживать экономическое развитие в той несовершенной среде, где они возникли [8, с. 100]. Можно сказать, что положение уполномоченного по защите прав предпринимателей в Российской Федерации при Президенте РФ без формального конституционно-правового основания не будет отвечать устоявшимся в конституционном праве представлениям о структуре и системе государственных органов. Вместе с тем, необходимо понимать, что в современных экономических условиях развития нашего государства уполномоченный по защите прав предпринимателей является важным элементом, дополняющим работу системы конституционных органов в сфере защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности.

На основании вышеизложенного считаем, что бизнес-омбудсмен в организационном плане должен быть выведен из состава Администрации главы государства, но оставаться «при Президенте РФ». При этом такое размещение бизнес-омбудсмента при Президенте РФ на данном этапе развития РФ не требует прямого конституционно-правового обоснования. В дальнейшем, когда институт уполномоченного по защите прав предпринимателей пройдет всестороннюю апробацию своей деятельности, и другие специализированные омбудсмены еще в большей степени зарекомендуют необходимость их существования в конституционно-правовом поле РФ, станет целесообразным внесение изменения в ст. 83 Конституции РФ, предусмотрев пункт о назначении и освобождении главой государства уполномоченных при Президенте РФ.

Библиографический список

1. Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации: Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 78-ФЗ (в ред. от 2 ноября 2013 г.) // СЗ РФ. 2013. № 19. Ст. 2305.
2. Крючкова (Тихон) Е.А. Президент Российской Федерации – гарант прав и свобод человека и гражданина. Монография. Под ред. проф. Г.Н. Комковой. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2008. 196 с.
3. Вопросы Администрации Президента Российской Федерации: Указ Президента РФ от 11 февраля 2013 г. №128 // СЗ РФ. 2013. №7. Ст. 632.
4. О денежном содержании федеральных государственных гражданских служащих: Указ Президента РФ от 25 июля 2006 г. №763 // СЗ РФ. 2006. №31 (ч. I). Ст. 3459.

5. О Реестре должностей федеральной государственной гражданской службы: Указ Президента РФ от 31 декабря 2005 г. № 1574 // СЗ РФ. 2006. №1. Ст. 118.
6. Иксанов И.С. Аппарат главы государства // Конституционное и муниципальное право. 2007. №3. С. 24-27.
7. Об утверждении положения об Администрации Президента Российской Федерации: Указ Президента РФ от 6 апреля 2004 г. №490 // СЗ РФ. 2004. №15. Ст. 1395.
8. Dani Rodrik, 2008. «Second-Best Institutions», American Economic Review, American Economic Association. Vol. 98(2). May. Pp. 100-104,

РАЗДЕЛ 18. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАТРИОТИЗМА, ПОЛИТИЧЕСКОГО ПЛЮРАЛИЗМА И ТОЛЕРАНТНОСТИ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОГО КРИЗИСА

УДК 32.019.51

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОГО КРИЗИСА

Д.С. Артамонов

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: artamonovds@mail.ru

В статье рассматривается вопрос о факторах становления и изменения исторической памяти в современном российском обществе. В исследовании проводится анализ основных концептов и мифологем исторической памяти россиян и делается вывод о непосредственном влиянии международного кризиса на милитаризацию представлений о прошлом.

Ключевые слова: историческая память, международный кризис, война, идентичность.

TRANSFORMATION OF HISTORICAL MEMORY IN THE CONTEXT OF AN INTERNATIONAL CRISIS

D.S. Artamonov

The article examines the factors affecting the development and changes of historical memory in contemporary Russian society. In the study the analysis of the basic concepts and myths of the historical memory of the Russians. In the work of the conclusion about the direct impact of the international crisis on the militarization of thinking of the past.

Key words: historical memory, of the international crisis, war, identity.

История как наука занимается постижением прошлого как абсолютной реальности. Стремление историка к воссозданию реального прошлого наталкивается на ограниченность информационных ресурсов и собственный субъективизм, что неизбежно приводит к невольному искажению исторической картины. Данное положение вещей заставило профессиональных историков XX в. говорить о кризисе исторической науки, что было ни чем иным, как отрицанием эффективности позитивистского подхода к Истории, где главное внимание уделялось фактам, расположенным в хронологической последовательности, и признанием необходимости следовать совершенно иным подходам, взятым

из арсенала других наук (философии, социологии, политологии, филологии и т.д.).

Одним из таких подходов стала коммеморациализация истории, что можно понимать как процесс изучения не истории как реального прошлого, а представлений о прошлом в индивидуальном и коллективном сознании – исторической памяти. В современной гуманитарной науке на рубеже XX–XXI вв. произошло четкое разграничение объектов исследования Истории и исторической памяти. Под Историей понимается фактическая реальность прошлого расположенная на ленте времени, при изучении исторической памяти на первый план выходят проблемы репрезентации истории, субъективное восприятие исторических процессов и фактов, политологизация и коммерциализация истории.

Историческая память представляет собой сложное явление, структурно распадающееся на индивидуальную историческую память и коллективную. Коллективная историческая память рассматривается как внегенетическая культурная память какой-либо «мы-группы» (народа, нации, этноса, языковой или культурной общности), способствующая социальному объединению (М. Хальбвакс, Я. Ассман, М.Ю. Лотман). Индивидуальная историческая память основывается на личном интеллектуальном опыте человека. Эти два вида памяти настолько взаимосвязаны, что позволяет исследователям [1, с. 42] делать выводы о существовании исторической памяти только как коллективной или социальной памяти, включающей индивидуальную память как обобщенный образ представлений, принимаемый и узнаваемый всеми членами общности.

Между тем, следует говорить об эволюции исторической памяти от индивидуальной к коллективной. Переход от традиционного общества к индустриальному и постиндустриальному сопровождался потерей человеком родовых связей и, следовательно, родовой памяти, которая представляла собой начало исторической памяти в собственном смысле. История рода предков транслировалась через исполнение обрядов, ритуалов, следование традициям, семейные рассказы, фольклор и формировала личный интеллектуальный опыт человека, составляющий его историческую память и определяющий его идентичность.

В современном мире человек оказывается лишен прямой преемственности исторической информации, оставленной от предыдущих поколений, поэтому в целях обретения собственной идентичности он вынужден обращаться к коллективной памяти, представленной определенной культурой. В коллективной исторической памяти человек видит замену своей собственной утерянной индивидуальной памяти.

В стремлении вновь обрести свою собственную индивидуальную историческую память человек обращается к различным способам.

Сегодня мы наблюдаем устойчивый интерес к генеалогическим изысканиям, семейной истории, микроистории, локальной истории. Все это представляется попытками восстановить индивидуальную «родовую» историческую память. Однако этот способ доступен немногим, в большинстве случаев тем, кто имеет специальное историческое образование и достаточно много свободного времени.

Более приемлемым, но, все же, также элитарным, остается способ участия в движении популяризации истории (клубах исторической реконструкции, самодеятельных творческих коллективах, сюда же можно отнести «возрождение казачества»).

Современный человек в поисках идентичности остро нуждается в исторической памяти, которую он черпает в памяти коллективной. Источниками для него становятся школьное и вузовское образование, средства массовой информации, художественная литература, кинематограф, и все возможные «места памяти» [2, с. 26], причем в большей степени на формирование исторической памяти индивида влияют средства массовой информации и места памяти.

Для того чтобы стать частью исторической памяти, представление о прошлом должно быть достаточно упрощено и мифологизировано, сведено до простой идеологической конструкции. Представлению о прошлом совсем не обязательно должно быть развернутым и содержательным, чем оно будет проще, тем лучше оно будет усвоено. История становится мифом, чтобы быть понятной рядовому обывателю. Так, сложный и многообразный процесс преобразований эпохи Петра Великого сводиться в большинстве случаев в исторической памяти современного россиянина к трем сюжетам в вариациях, персонифицированным в образе самого императора: Петр I «прорубил окно» в Европу, построил флот и обстригал бороды и полы кафтанов боярам.

Таким образом, историческая память становится идеальным инструментом политического и социального манипулирования. Представления о прошлом в обыденном сознании могут быть хронологически не последовательными, события могут быть смещены во времени, спутаны, герои и факты из разных эпох могут слиться в одно целое, но в то же время структура исторической памяти очень проста и в высшей степени оценочна. Причем, оценки сводятся к простой дихотомии добро – зло, хороший – плохой, наши – чужие и т.д. Оценивая факты прошлого, человек рассматривает их в бинарной оппозиции, поэтому манипулирование историческими представлениями достигается путем простой смены оценок тех или иных событий и героев, оценочные характеристики меняются с отрицательных на положительные и наоборот.

Эффективность этого приема хорошо иллюстрирует история восприятия революционных событий и гражданской войны начала XX в., если во времена социалистического строительства они воспринимались со

знаком плюс, то после распада Советского союза знак меняется на противоположный. В специальной исторической литературе, а главное, в СМИ происходит реабилитация белого движения, возвеличивание высокого офицерского подвига по защите страны от большевизма, «очернение» героев революции и описание преступлений «красных бандитов».

Большое распространение получают конспирологические теории, в которых происхождение революционных и в целом оппозиционных движений приписывается деятельности специальных служб и разведывательных подразделений иностранных государств. В «документальных» телевизионных фильмах и печатных СМИ можно найти массу примеров такого освещения событий. Данная трактовка событий находит отражение в экспозициях интерактивной выставки «Романовы. Моя история» и в лекциях семинара-совещания губернаторов, председателей законодательных собраний и мэров крупных городов, проходившем 29-31 января 2015 г. при участии президента РФ В.В. Путине и первых лиц государства [3].

Теория заговора, поддержанного иностранными государствами, является универсальным инструментом объяснения возникновения всех революционных и оппозиционных движений. Представление о чуждости обществу революционных идей и навязывание их извне эксплуатируется государственной властью достаточно давно (с начала XIX в.), и поэтому находит сочувственный отклик в массовом сознании.

Постижение сложных процессов возникновения и развития общественных движений, тем более приводящих к коренным изменениям социально-политического и экономического строя бывает затруднительно, поэтому они естественным образом мифологизируются. Большое количество сложных ответов на сложные вопросы сводятся к одному простому, но зато все объясняющему. Исторической памяти свойственно аккумулировать именно простые версии причин произошедших грандиозных событий, которые еще более становятся интересными, если они кроме всего прочего еще и открывают какую-то тайну.

Процесс возникновения и развенчания мифов происходит в общественном сознании постоянно. Литература, искусство, наука создают мифы, но они же и призваны их разрушать. Все это будоражит общественное сознание, привлекает внимание к актуальным проблемам современности, объясняет сложные социально-политические процессы и оседает в исторической памяти, но определяют ее структуру – СМИ.

Анализ современного состояния исторической памяти российского общества, представленный средствами массовой информации, позволяет определить основные актуальные концепты и мифологемы массового сознания.

Одним из них стал концепт: «Россия, которую мы потеряли», он ярче всего представлен в творческом воплощении в фильмах режиссера Никиты Михалкова («Сибирский цирюльник», «Статский советник», «Солнечный удар» и др.) и телевизионных документальных фильмах (например, «Исторические хроники» с Николаем Сванидзе). В основе его представление о Российской империи до революционных событий 1917 г. как о государстве, основанием которого является социальный консенсус, общественное благополучие и особый жизненный уклад. Разрушен этот идеальный мир был при помощи чуждых иностранных идей и их носителей – внутренних и внешних врагов.

Этому идеальному миру соответствовали идеальные герои: дворяне, офицеры, государственные мужи, радеющие за Россию и защищающие ее от врагов. Это вписывается в концепцию реабилитации «белого движения» и ярче всего отразилось в отмечании столетия Первой мировой войны в 2014 г. В СМИ этот период истории был представлен как незаслуженно «забытая война», где было место геройским подвигам, имевшим не меньшее значение, чем подвиги российского народа других войн.

Юбилейные торжества по поводу Первой мировой войны совпали с началом международного кризиса, государственным переворотом в Украине, присоединением Крыма, войной в Новороссии и обострением отношений с европейскими государствами и США, выразившимся во введении санкций в отношении России, тем самым данное событие было актуализировано в общественном сознании.

Наряду с этим обострилась проблема пересмотра итогов Второй мировой войны. Высказывания премьер-министра Украины Арсения Яценюка и министра иностранных дел Польши Гжегожа Схетыны были направлены на дезавуацию роли Советского Союза в победе над фашизмом [4; 5]. В данном случае эти высказывания были рассчитаны на западную аудиторию, но вызвали бурную реакцию именно российской общественности. Победа Советского Союза во Второй мировой войне является наиболее устойчивым концептом в исторической памяти российского народа. Изменить его или поколебать вряд ли получится в ближайшие десятилетия, но, показывая, что эта тема не так однозначно воспринимается политиками и обществом целого ряда западных стран, можно достичь двух целей: сплотить общество вокруг этого Великого символа «День победы», настроить более лояльно к существующей власти и показать, что Россия находится, все еще, в безопасности среди мирового сообщества.

Введение экономических санкций в отношении Российской Федерации позволило возродить, казалось бы, уже ушедший концепт «Холодная война». Хотя на официальном уровне всячески подчеркивается, что возврата к реалиям противостояния двух сверхдержав уже не будет, в СМИ можно очень часто встретить данную идеологию. Восприятие

современной России через концепцию «холодной войны» и противостояние с США позволяет позиционировать ее как Великую державу и, по меньшей мере, регионального лидера, препятствующего построению однополярного мира. С одной стороны, такое восприятие наполняет общество чувством гордости за свою страну, а с другой – настраивает на долговременное противостояние сильному и опасному врагу.

Воссоединение Крыма с Россией сделало полуостров настоящим «местом памяти» современного российского общества. Появление хэштега «крымнаш» стало очевидным свидетельством объединения и солидарности россиян вокруг этого символического события. Крым в исторической памяти начинает связываться с двумя важными концептами. Прежде всего, он становится символом цивилизационного выбора России, так как именно на крымском полуострове в древнем Херсонесе князь Владимир принял православное христианство и в дальнейшем способствовал его распространению по Руси. А во-вторых, Крым связывается с Севастополем как символом воинской славы России (Крымская война, Великая Отечественная война). Такое понимание истории Крыма также способствует восприятию истории России как страны, противостоящей иноземным захватчикам.

Таким образом, в исторической памяти современных россиян бытуют простейшие идеологемы и мифологемы, связанные с военной историей России, истории противостояния западным державам, наряду с включением в эту череду представлений о внутренних врагах России, с которыми связывается так называемая внесистемная оппозиция (А. Навальный, Б. Немцов и др.), «революционеры майдана». В этой системе исторической памяти трудно не увидеть проявление всех элементов идеологии «Осажденной крепости» (страна окружена врагами, а внутри страны присутствует «пятая колонна»), ставшей одним из важнейших инструментов тоталитарных режимов. В связи с этим можно констатировать, что в условиях международного кризиса возникает опасность трансформации исторической памяти в сторону ее милитаризации.

Библиографический список

1. Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. №5. С. 33-45.
2. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб., 1999. С. 26.
3. Колесников А. История – мать порядка. Как губернаторов учили Родину любить на спецсеминаре с участием президента. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2656517?isSearch=True> (дата обращения: 04.02.2015).
4. Яценюк поведал миру о «вторжении СССР в Германию». URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2262213> (дата обращения: 04.02.2015).

5. Провокация по-польски. Польский министр считает, что концлагерь в Освенциме был освобожден украинцами. URL: <http://www.rg.ru/2015/01/21/osventsim-site.html> (дата обращения: 04.02.2015).

УДК 3:8(07)

УЧЕТ УНИВЕРСАЛЬНОГО И СПЕЦИФИЧЕСКОГО В ПРЕПОДАВАНИИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН

А.А. Богданова

*Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета,
Россия*

E-mail: almira-bogdanova@mail.ru

Статья посвящена актуальным проблемам преподавания социально-гуманитарных дисциплин на основе учета общероссийских закономерностей и региональной специфики. Формирование коммуникативной компетенции будущих специалистов, толерантного отношения к представителям различных культур и различных этносов в современном поликультурном обществе требуют использования новейших подходов, к которой автор относит менталеобразующие технологии. В статье показан механизм трансформации менталитета личности через учет универсального и специфического при изучении социально-гуманитарных дисциплин.

Ключевые слова: социально-гуманитарные дисциплины, менталитет, толерантность, регионализация образования.

THE ACCOUNT UNIVERSAL AND SPECIFIC IN TEACHING SOCIAL AND HUMANITARIAN DISCIPLINES

A.A. Bogdanova

Article is devoted to actual problems of teaching social and humanitarian disciplines on the basis of the accounting of the all-Russian regularities and regional specifics. Formation of communicative competence of future experts, the tolerant attitude towards representatives of various cultures and various ethnoses in modern polycultural society demand use of the latest approaches to which the author refers a mentally based technologies. The mechanism of transformation of mentality of the personality through the account universal and specific is shown in article when studying social and humanitarian disciplines.

Key words: social and humanitarian disciplines, mentality, tolerance, education regionalization.

Происходящие в нашей стране политические, экономические и социальные преобразования создали принципиально новую ситуацию в сфере образования, требующую радикальных изменений в системе подготовки будущих специалистов, поскольку будущее России в

значительной степени зависит от того, каких людей мы воспитаем. В системе двухуровневого высшего образования к выпускнику профиля «педагогическое образование» квалификации «бакалавр» предъявляются особые требования – иметь высокий уровень квалификации, быть эрудированным, самостоятельным, инициативным, творческим, общительным. Конкурентоспособность будущего специалиста педагогического профиля обеспечивается не только умениями трансляции знаний, но и целостным, гуманистическим мировоззрением, которое оказывает опосредованное, но гораздо более сильное влияние на становление подрастающего поколения, его образ мышления и мировосприятие. В создавшихся условиях проблема подготовки высококвалифицированных педагогических кадров через целенаправленное воздействие на менталитет обучаемых приобретает особую актуальность.

В свете политических и этнических конфликтов современной России наиболее актуальным является вопрос: как подготовить молодых людей к жизни в поликультурном мире, воспитать уважительное, толерантное отношения к другим народам и тем самым осознать свою причастность к судьбам России и всего мира в целом? В условиях поликультурного общества перед образовательными учреждениями Республики Башкортостан стоит задача создания единого поликультурного образовательного пространства.

В рамках рассматриваемой нами проблемы особый интерес представляют работы В.И. Пищик, в которых поднят вопрос о трансформации российского менталитета – преобразования исконно российских составляющих менталитета в постмодернистском пространстве. По мнению исследователя, менталитет является системой кластеров значений, смыслов и ценностей, а его трансформация заключается в изменении иерархии в системе его элементов и связей между ними. Обнаруженное автором рассогласование между ценностно-смысловыми составляющими менталитета разных поколений, дало основание определить основным содержанием трансформации менталитета смену традиционных смыслов и ценностей инновационными [1, с. 90]. Выдвинутые В.И. Пищик положения о трансформации менталитета общества в постсоветском пространстве, дают нам возможность сделать вывод о том, что менталитет является динамичным образованием, и если он подвержен изменениям в связи с объективными обстоятельствами, то, соответственно, он может быть подвержен модификации и целенаправленному воздействию на основе привлечения духовных, нравственных и аксиологических составляющих.

Важное методологическое положение о ведущей роли современного образования на процесс менталеформирования выдвигает Е.А. Тимофеева. По мнению исследователя, усилия образовательных учреждений

независимо от профиля и уровня должны быть сфокусированы на выполнении следующих главных задач. Во-первых, трансляция из поколения в поколение и закреплении в каждом последующем из них исторически сложившихся наиболее стабильных духовных, мировоззренческих и культурных ценностей общества; во-вторых, обогащение индивидуальных и общественных ментальных качеств данного социума нравственными общечеловеческими ценностями; и в-третьих, коррекция и преобразование в необходимых случаях тех ценностных жизненных ориентиров, которые как на личностном уровне, так и на уровне социума в целом определяют наиболее вероятное поведение и поступки людей, направляют и концентрируют их «ментальную энергию» на достижение поставленных целей [2, с. 413].

Таким образом, опираясь на исследования В.И. Пищик, Е.А. Тимофеевой мы выдвигаем положение о возможности и необходимости формирования менталитета студентов в процессе обучения. Для обоснования данного положения мы исходим из того, что менталитет является динамичным образованием, в его структуре можно выделить статичное ядро – универсальное содержание, не поддающееся изменению и воздействию и более подвижную оболочку – специфическую составляющую, подвергающуюся возможности корректировки.

Одним из путей решения данного вопроса является разработка и внедрение новых образовательных программ с учетом формирования коммуникативной компетентности будущих специалистов, толерантного отношения к представителям различных культур и различных этносов. Образовательный процесс, построенный на основе объективной информации об экономической, политической, социокультурной жизни своей республики, о районе, о городе, где проживает студент, позволит ему в будущем активно включиться в трудовую деятельность своего региона.

Кроме того, Башкортостан – регион с многонациональным составом населения, где уже несколько столетий рядом с башкирами живут и приумножают её богатство русские, татары, чуваша, марийцы, мордва, удмурты и т.д. Отсюда и вторая задача, которую необходимо решать, – подготовка специалистов высококультурных, высокоинтеллектуальных, способных жить и работать в поликультурной среде, знающих и уважающих не только свою историю и культуру, но и историю и культуру других этносов, способных согласовать национальные и интернациональные интересы.

«Башкирский национальный дух – сложное взаимодействие и переплетение природных факторов, культурно-исторических заимствований, общечеловеческих и ментальных особенностей племен и народностей, принявших участие в формировании единого башкирского этноса» [3, с. 180], – пишет башкирский исследователь З.Я. Рахматуллина. Наиболее значительное влияние на характер башкирского народа оказали

природно-климатические характеристики: необъятность степных просторов, размеренное бытие в самом центре первозданной красоты природы, отдаленность от суеты городской жизни обусловили формирование особой экологического мировоззрения, предопределившего как бережное обращение с дарами природы, так и поэтическое воспевание последней в башкирском народном творчестве. «Культ предков обусловил гуманизм его душевных порывов, «степная философия» привила любовь к свободе, суровый кочевнический быт приучил к неприхотливости и простоте» [3, с. 182].

Башкирский народ отличает также коллективизм, чувство взаимопомощи, гостеприимства и щедрости. Эти черты обусловлены суровым кочевническим бытом, требовавшим солидарных усилий в схватке с природными и социальными катаклизмами. С другой стороны, кочевой образ жизни, дальняя дорога, блуждания в степи нередко приводили заблудившегося путника к порогу чужого дома, и в этом случае без взаимного гостеприимства не обойтись. Кочевник должен был всегда помнить о добре и радушии человека, приютившего в степи, что закономерно способствовало развитию социального сотрудничества. Таким образом, башкирский менталитет представляет собой единство универсального (общечеловеческого) и специфического (самобытного). Но, несмотря на уникальность конкретной этнической общности, любая из её наиболее типичных черт не является исключительно присущей только данному народу, т.е. любая этническая особенность относительна и может проявляться в различной степени в психологическом облике других народов. Тем не менее, башкирскому национальному характеру присущи такие черты, обуславливающие её неповторимость и уникальность, как свободолюбие, милосердие, стремление делать добро, душевность, интернационализм, преобладание духовных основ над материальными.

Опора на конкретные примеры способов миропонимания, мироощущения и мироотношения, который во многом детерминирует организацию материальной и духовной жизни башкир, определяющих своеобразие и уникальность ауры бытия башкирского народа, во многом поможет обеспечить профессионализацию и гуманизацию образования.

Именно поэтому в образовательных учреждениях Башкортостана речь идет о включении такого компонента образования, в котором отражено как национальное своеобразие культуры Республики, так и специфика промышленности и сельского хозяйства региона.

В условиях вуза учет и реализация формирования коммуникативной компетентности будущих специалистов, толерантного отношения к представителям различных культур и различных этносов может быть осуществлена в нескольких направлениях:

- 1) систематическое включение в социально-гуманитарные и общекультурные дисциплины тем и разделов национально-регионального характера;
- 2) введение новых дисциплин регионального содержания;
- 3) создание междисциплинарных интегрированных курсов национально-регионального компонента.

Остановимся подробнее на каждом из них.

Согласно ФГОС ВПО в учебных планах направления подготовки «Педагогическое образование» значительное место занимают дисциплины общегуманитарного характера, в процессе изучения которых студенты знакомятся с особенностями преломления общероссийских тенденций в истории и культуре Башкортостана. Особенно это относится к предметам социально-гуманитарного цикла, рабочие программы которых включают разделы, посвященные специфике возникновения и эволюции общецивилизованных, общегосударственных закономерностей в Республике Башкортостан. Так «Историю Башкортостана» целесообразно рассматривать в контексте изучаемых проблем в курсе «Истории»; при изучении дисциплины «Философия» ввести раздел «Башкирская просветительская мысль»; в курсе «Культурология» изучать тему «Россия и Башкортостан в диалоге культур: Восток – Запад» и т.д. Подобная организация изучаемого материала призвана научить студентов объективно оценивать вклад башкирского народа, башкирской культуры в развитие мировой цивилизации, формировать у них нравственность, духовность.

Регионализация образования может быть обеспечена также и включением в учебные планы ряда новых дисциплин. Это «Культура Башкортостана», «Региональная экономика Башкортостана», «Основы государства и права Республики Башкортостан», «Социальное и политическое развитие Республики Башкортостан». При этом изучение дисциплин данного цикла необходимо начинать уже на первом курсе всех специальностей введением предмета «История и культура Башкортостана». Студенты заинтересованы в получении глубоких знаний по культуре Башкортостана, поэтому необходимо поощрять выявление и изучение памятников истории и культуры в родном городе и районе. Аудиторные занятия дополнять посещением театров, выставок, концертов, музеев.

Дисциплины «Социология», «Политология» и «Социально-политическое развитие Башкортостана» целесообразно изучать студентами параллельно. Это позволит значительно активизировать учебный процесс и установить наглядные межпредметные связи. Студенты познакомятся с социальной и политической сферой общества, сравнят аналогичные процессы современной жизни общества в Российской Федерации и Республике Башкортостан.

Внедрение национально-регионального компонента образования подразумевает апробацию преподавателями междисциплинарных, интегрированных проектов обучения. Таковы курсы «Теория государства и права» и «Основы государства и права Республики Башкортостан», которые благодаря внутренней логике содержания позволяют выявить национально-конкретные особенности проявления общегосударственных закономерностей в Республике Башкортостан».

Курс «Региональная экономика республики Башкортостан» оптимально преподавать с выходом на междисциплинарные связи «Экономическая теория», «Микроэкономика» и т.д. Студенты призваны познакомиться с экономической историей республики, перспективами и путями реформирования хозяйственной системы, проблемами становления рыночной экономики.

Таким образом, активное внедрение национально-регионального компонента в учебный процесс является важнейшим условием профессионализации и гуманитаризации образования, подготовки высококвалифицированных и конкурентоспособных специалистов, развития духовной, культурной личности.

Библиографический список

1. Пищик В.И. Трансформация ценностно-смысловых составляющих менталитета населения юга России // Вопросы психологии. 2008. №3. С. 81-91.
2. Тимофеева Е.А. Обеспечение развития менталитета личности и социума в образовательном процессе вуза // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. №77. С. 410-414.
3. Рахматуллина З.Я. Башкирский национальный дух // Ватандаш. 2002. №1. С. 178-187.

УДК 323. 21

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ПАТРИОТИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ, ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А.А. Вилков

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: vil57@yandex.ru

В статье речь идет об эволюции политической функциональности патриотизма в современной России в условиях обострения международных отношений и «войны санкций» в связи с гражданской войной на Украине и присоединением Крыма и Севастополя к России. Раскрыты основные позиции ведущих политических сил России по данным вопросам, выявлены основные тенденции в партийном пространстве в

результате актуализации ценностей патриотизма, рассмотрены перспективы праволиберального российского сегмента в связи с их особой трактовкой патриотизма.

Ключевые слова: патриотизм, трактовки патриотизма в России, политическая функциональность патриотизма, тенденции партийно-идеологического развития России.

POLITICAL FUNCTIONALITY OF PATRIOTISM IN CONTEMPORARY RUSSIA: KEY TENDENCIES, CONTROVERSIES, AND PROSPECTS

A.A. Vilkov

The article examines an evolution of political functionality of patriotism in modern Russia within the aggravation of international relations and “war of sanctions” in the wake of the civil war in Ukraine and joining Crimea and Sevastopol to Russia. The main stances of the Russian leading political movements on the issue are found out, focal tendencies of party system development as a result of patriotic values actualization are pointed out, prospects of a right-liberal segment in connection with its unique interpretation of patriotism are given careful consideration.

Key words: patriotism, interpretations of patriotism in Russia, political functionality of patriotism, tendencies of party and ideological development of Russia.

Проблема политической функциональности патриотизма кажется настолько очевидной, что не вызывает особого интереса у исследователей. Больше внимание вызывают различные трактовки сущности патриотизма и соответственно его виды, особенности формирования патриотизма с помощью различных мероприятий основными агентами политической социализации, особенности патриотизма различных социальных групп населения, особенности его понимания и проявления представителями различных возрастных групп [1, 2, 3]. Политическая функциональность патриотизма рассматривается в основном лишь в контексте государственной политики, которая определяет стратегию и конкретные программы его формирования, основных агентов реализации задач по патриотическому воспитанию, определяет выделение финансов и иных ресурсов, основные формы и методы работы, проведение конкретных общегосударственных мероприятий.

Такой подход обществоведов вполне оправдан, т.к. позволяет сконцентрировать внимание на основных направлениях патриотического воспитания и оценить результативность их осуществления. Однако даже в этом случает вне поля внимания исследователей, чаще всего, остается мотивация выбора такой государственной стратегии патриотического воспитания. Например, чем можно объяснить, что в начале 1990-х годов руководство страны не только утратило интерес к проблеме патриотизма, но и фактически на государственном уровне поощряло реализацию борьбы с ним на всех уровнях – в образовательных школьных программах, в

развлекательных и юмористических передачах на телевидении и радио, в газетных и журнальных публикациях, в искусстве, и т.д.? При этом не было принято никаких государственных программ, нормативно закрепляющих такую антипатриотическую стратегию. Более того, озвучивались официальные декларации Президента РФ Б.Н. Ельцина о необходимости создания новых ценностных основ патриотизма постсоветской России [4, с. 164]. Но, тем не менее, реально антипатриотическая стратегия имела место и осуществлялась достаточно скоординировано на протяжении всех 1990-х годов. Объяснить ее только задачами деидеологизации постсоветского общества, которые решали сторонники либеральных реформ после разрушения СССР, кажется слишком упрощенным подходом. Особенно с учетом того, что такая неформальная стратегия шла в разрез с общенациональными интересами, подрывала безопасность страны, ослабляла мотивацию активного участия в общественно-политических преобразованиях, выхолащивала модернизационный потенциал российского населения, нивелировала духовные скрепы российского народа и усиливала этнополитическую конфликтность общества. Фактически патриотизм в этот период был отдан на откуп оппозиции, прежде всего, в лице КПРФ, которая по мере возможностей стремилась использовать его политический потенциал на выборах различных уровней [5].

Ситуация изменилась во второй половине 1990-х годов, когда ценности патриотизма и патриотическая риторика стали активно и успешно использоваться в партийно-политическом спектре в ходе избирательных кампаний различного уровня. А в 2000-годы патриотизм возвращается в качестве важнейшего направления государственной политики [6-8] и его политический потенциал стал использоваться не только представителями оппозиции, но и сформированной «партии власти» в лице «Единой России».

Даже либеральные партии в этот период стали позиционировать себя как патриотические, ориентированные на особую его трактовку. Так «Яблоко», накануне выборов в Государственную Думу 2003 года, позиционировала себя как партию патриотов и государственников, нацеленную на стратегию реализации в России «сильного государства на службе у граждан» [9, с. 15]. А.Б. Чубайс, как один из идеологов Союза Правых Сил, попытался актуализировать идеи либеральной империи, основанной на государственных, державных и патриотических ценностях [10]. Однако успешно конкурировать на этом поле с представителями левых и центристских партий не удалось, т.к. у большинства населения России слишком свежи были в памяти негативные последствия либеральных реформ 1990-х годов. В результате праволиберальные партии постепенно были отодвинуты за пределы

парламентского представительства не только в Государственной Думе, но и практически на всех уровнях.

Особенно существенно изменилась политическая функциональность патриотизма в России после государственного переворота в Киеве и возвращения Крыма в состав России, в условиях начавшейся гражданской войны на Юго-Востоке Украины, обострения российско-украинских отношений и возникшего международного кризиса.

В связи с этими событиями произошел не просто подъем патриотизма, но и серьезное изменение его политической функциональности. В условиях стабильного политического и социально-экономического развития страны апелляция к ценностям патриотизма была характерна, прежде всего, для агентов политической социализации в рамках реализации государственной программы патриотического воспитания. Эти задачи призваны решать в первую очередь общеобразовательные школы, вузы, учреждения культуры, СМИ, ветеранские и военно-патриотические общественные организации, спортивные организации и другие структуры. Их деятельность в рамках государственных программ многофункциональна и нацелена на воспитание любви к своей Родине, выработку чувства гордости за свою страну, формирование общенациональной идентичности, воспитание активной гражданской позиции и готовности защищать интересы Отечества в случае внешней опасности.

Непосредственно в сфере политики актуализация ценностей патриотизма характерна для периодов предвыборных кампаний. В этом случае, патриотическая риторика была призвана решать технологические задачи привлечения внимания к позиции участников выборного процесса для формирования их определенного позитивного имиджа. Его конечной целью является мотивация голосования представителей конкретных электоральных сегментов за данную партию или отдельных кандидатов. Т.е. электоральная функция использования ценностей патриотизма в политике является доминирующей и определяющей в стабильных внутривнутриполитических и внешнеполитических условиях.

Все данные функции в условиях обострения международных отношений не утратили своего первоначального смысла, но приобрели новое качество (продемонстрировав прикладное значение) и особую актуальность. Кроме того, возникли новые направления функциональности патриотизма в политической жизни современной России в условиях обострения международных отношений и политики санкций со стороны США и их союзников. Наиболее политически значимой функцией патриотизма стало определение пределов и критериальности конструктивной и деструктивной оппозиции в современной России.

Вопросы о правомерности возвращения Крыма и целесообразности поддержки ополченцев, непризнанных Донецкой и Луганской народных

республик стали четким рубежом, который изменил конфигурацию оппозиции в современной России. В результате по данным вопросам было продемонстрировано практически почти полное единодушие Президента РФ, Правительства, обеих палат парламента РФ, включая депутатов от оппозиционных партий, всех ведущих общественно-политических сил современной России. Это был первый случай за постсоветскую историю, когда действующей власти и парламентской оппозиции (в том числе и КПРФ, наиболее критично настроенной к действующей власти) не нужно было критиковать друг друга, заключать компромиссы и идти на уступки друг другу в соответствии со своими партийными программами и предвыборными обещаниями. Такое патриотическое единодушие показало, что обозначилось ценностное ядро политической культуры рядовых россиян и политической элиты, которое может стать основой той национальной идеи, о необходимости которой все говорят уже полтора десятилетия, но которая так до сих пор и не сформулирована. Кроме любви к своему Отечеству, гордости за ее историю и народ, в нее единодушно все ведущие политические силы консолидировано могут включить теперь особые геополитические интересы России, объективно обусловленные ее размерами и ресурсами, необходимость учитывать жесткую конкуренцию на мировой арене, особую роль государства в обеспечении национальной безопасности страны и решении всех важнейших общественных проблем.

Позиция российских либералов по обозначенным вопросам оказалась непримиримо оппозиционной и радикальной. Лидеры РОДП «Яблоко» продолжают позиционировать себя в качестве патриотов, которым чуждо «националистическое безумие», имперские амбиции, «шовинизм», «поиск внешних и внутренних врагов» [11]. Они резко негативно оценили вхождение Крыма и города Севастополя в состав Российской Федерации, расценив его как нарастание «тоталитарно-репрессивных тенденций в политике правящего режима», как нагнетание в массовом сознании «ненависти ко всему западному», как возрождение «имперских комплексов и конфронтации с Западом», как «важнейшего средства мобилизации российского общества на безоговорочную поддержку режима» [12]. Оценивая присоединение Крыма как аннексию, С. Митрохин призывает отказаться от «какой бы то ни было поддержки разрастания гражданской войны на востоке Украины. Необходимо прекратить бросать в это пламя людей, разжигать его поставками оружия и спонсорской помощью!» [13]. В качестве альтернативы лидеры Яблока предлагают отказаться от «неоимперской политики» современной России и вернуться к интеграции с Европой.

Еще более жесткие оценки позиции России в отношении Крыма и ситуации на Юго-Востоке Украины давали праволиберальные лидеры РПП-ПАРНАС. Не случайно, что убийство Б. Немцова 28 февраля 2015 года покушения, было использовано для нагнетания антипутинской

истерии в отечественных пролиберальных СМИ и в западноевропейском информационном пространстве. Западные авторы акцент делают на том, что убийство произошло «на фоне Кремля», что Б. Немцов был «одним из немногих политиков, оставшихся ярыми критиками президента Владимира Путина», приводят информацию о том, что якобы «За две недели до убийства Немцов заявлял российскому новостному изданию Sobesednik. ru, что боится, что Путин может «заказать» его» [14]. Г. Каспаров публично призвал США к использованию военной силы для подавления пророссийских регионов на Украине [15].

Как представляется, противопоставив себя общественному мнению подавляющего большинства россиян в вопросе о восстановлении исторической справедливости в отношении Крыма и Севастополя, как города русской славы, праволиберальные лидеры окончательно поставили непреодолимый барьер в своих отношениях с российским населением. Тем самым признание ценности патриотизма стала фактически маркером, который обозначил границу позиционирования различных конкурирующих политических сил России (независимо от их идеологии и стратегий общественного развития России) на едином консолидированном государственническом поле. Главным объединяющим началом для них выступает признание национальных интересов России и необходимости сплочения всех российских граждан перед угрозой их нарушения.

На другом поле оказались российские праволиберальные силы. На этом поле можно выделить наличие двух тенденций. С одной стороны, конкурирующие прежде друг с другом по многим тактическим вопросам либеральные лидеры, в связи с украинским кризисом также проявили консолидированную позицию по космополитической трактовке патриотизма. Суть ее обосновывается классическим постулатом либерализма о приоритете ценностей, прав и свобод индивида над ценностями государства и общества. Российские либералы не хотят признавать, что апелляция к этим ценностям стала одним из аргументов западноевропейских лидеров для вмешательства (вплоть до военного) во внутренние дела различных стран, а также одним из элементов технологий многих цветных революций на постсоветском пространстве, в арабских странах и многих других регионах мира. Негативные последствия такого силового вмешательства во имя продвижения ценностей демократии в Ираке, Афганистане, Ливии, Сирии, последствия государственного переворота на Украине настолько очевидны, что не могут быть оправданы никакими абстрактными рассуждениями о приоритете индивидуальных ценностей.

В этой связи на либеральном фланге современной России проявилась вторая тенденция, отражающая недовольство части российских сторонников либерализма той позицией, которую занимают официальные лидеры данных организаций по вопросу о Крыме, Украине и

международных санкциях. Проявлением данной тенденции стал недавний раскол «Гражданской платформы» и выход ее организатора М. Прохорова вместе со своими сторонниками из партии, который произошел в результате принципиальных расхождений с ее сегодняшним лидером Рифатом Шайхутдиновым по поводу участия в движении «Антимайдан». Это означает, что ценность патриотизма и здесь становится маркером, разграничивающим либералов на сторонников и противников защиты национальных интересов. Поэтому можно предположить, что через определенное время произойдет выделение части патриотически настроенных российских либералов и их институционализация на государственном поле. Космополитическая часть российского праволиберального сектора, получающая открытую поддержку США и их союзников, скорее всего, будет окончательно дискредитирована в глазах большинства населения и станет уделом узкой группы антигосударственно настроенных российских интеллектуалов.

Библиографический список

1. Абрамов А.В. Современный российский патриотизм: каков он? // Электронный журнал «Вестник МГОУ». URL: www.evestnik-mgou.ru. 2013. №4. С. 1-13 (дата обращения: 01.02.2015).
2. Выршиков А.Н., Кусмарцев М.Б. Патриотизм XXI века: осмысление и воспитание. Волгоград, 2003.
3. Левашов В.К. Глобализация и патриотизм. Опыт социологического исследования. М.: РИД ИСПИ РАН, 2006.
4. Послание Президента РФ Б.Н. Ельцина Федеральному Собранию РФ «Россия, за которую мы в ответе» // Ежегодные Послания Президента РФ Федеральному Собранию 1994–2005. Новосибирск, 2006. С. 164.
5. Зюганов Г.А. Россия – Родина моя. Идеология государственного патриотизма. М., 1996.
6. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011-2015 годы» Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 5 октября 2010 г. №795 // URL: http://archives.ru/programs/patriot_2015.shtml (дата обращения: 26.03.2015).
7. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы». М., 2001.
8. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы». М., 2005.
9. Программа Российской демократической партии «Яблоко» «Демократический манифест». Устав Политической партии «Российская демократическая партия «Яблоко». М.: ЭПИцентр. 2002.
10. Чубайс А. Построение либеральной империи – миссия России в XXI веке. Изложение выступления Председателя РАО «ЕЭС России» в Санкт-Петербургском инженерно-экономическом университете 25 сентября 2003 г. М.: ОСТ-ПРИНТ. 2003.
11. Программа Российской объединённой демократической партии «Яблоко» – «демократический манифест». URL: <http://minjust.ru/ru/node/2272> (дата обращения: 26.03.2015).

12. Неоимперский курс ведет к катастрофе. URL: <http://www.yabloko.ru/news/2014/03/19> (дата обращения: 24. 03.2015).
13. Политкомитет «ЯБЛОКА»: Международная конференция – необходимое начало мирной политики в отношении Украины. URL: <http://www.yabloko.ru/2014/06/29> (дата обращения: 24.03.2015).
14. Левайн Стив. Убийство Немцова похоже на заказное. URL: <http://inosmi.ru/russia/20150228/226541000.html> (дата обращения: 26.03.2015).
15. Каспаров назвал отказ США от использования военной силы в Украине «ошибкой». URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/kasparov-sees-mistake-in-us-ruling-out-force-in-ukraine/1876038.html> (дата обращения: 26.10.2014).

УДК 1:3

ВОЛОНТЕРСКОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ: РОССИЙСКИЙ И ЗАПАДНЫЙ ОПЫТ В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИКИ

А.С. Гализдра

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: sgalizdra@rambler.ru

Статья посвящена анализу волонтерского социального движения на примере Великобритании и России как стратегии воплощения геополитических интересов. Рассмотрены приоритетные направления британского волонтерского туризма на примере деятельности организации «GVI». В статье указаны доминирующие виды волонтерского туризма в России в последние годы как отражения активной социальной позиции молодежи. Социальная мотивация волонтерства рассмотрена в контексте теории символического капитала П. Бурдьё.

Ключевые слова: волонтерство; неоглобализация; целерациональность; солидарность; символический капитал.

THE SOCIAL VOLUNTEERING: RUSSIAN AND WESTERN EXPERIENCE IN THE GEOPOLITICS CONTEXT

A.S. Galizdra

This article is devoted to analysis of the Russian and Western volunteering, as a strategy of geopolitical interests. The prior trends of British volunteer tourism is considered with the examples of the organization «GVI». The dominant types of the volunteer tourism in Russia as the reflection of the youth` active social position are pointed in the article. Social motivation of volunteering is considered in the context of the Bourdieu` theory of symbolic capital.

Key words: volunteering; neo-globalization; aim-rationality; solidarity; symbolic capital.

XX век стал не только концом колониализма, но и началом неоколониализма как современного направления глобализации и практики глобального империализма, выражаемого в военно-политических, финансово-экономических, социокультурных измерениях. Одним из воплощений социокультурных стратегий распространения западных стандартов поведения и жизни является волонтерских туризм англоязычных стран.

Как свидетельствует анализ новейших англоязычных научных работ, на Западе сформировались два мощных оппозиционных направления представителей антитуристского дискурса и сторонников обоснования академичности исследования теории и практики туризма. Так, например, еще в 1993 году противник инвайронментального туризма В. Шива задала риторический вопрос: «Глобальная окружающая среда или зеленый империализм?» [1, с. 15]. Подобная позиция В. Шивы была инициирована концепцией Декларации по окружающей среде и устойчивому развитию, принятой на Всемирном саммите ООН в Рио-де-Жанейро в 1992 году. В данном ключе целый ряд исследователей рассматривает туризм как форму неоколониализма, как завуалированную форму дальнейшей доместикации развитыми странами с имперским прошлым стран третьего мира и в данном контексте волонтерское движение в англоязычных странах выступает одним из объектов мощной критики представителями контрглобализации.

В качестве примера деятельности британского волонтерского движения в форме туризма мы обратились к сайту одной из крупнейших в мире британских организаций «Global Vision International» [2] («GVI»), основанной в 1997 году. На сегодняшний момент в более чем ста мероприятиях приняли участие около 20000 тысяч волонтеров в 25 странах Африки, Южной и Центральной Америки, Азии, Европы. Сфера данной компании охватывает следующие направления: участие в исследовательских экспедициях; проведение образовательных и адаптивных программ для детей; участие в мероприятиях по охране дикой природы. Например, как указано в рекламной информации на сайте организации, более 8000 тысяч детей из стран третьего мира ежедневно обучаются с помощью деятельности волонтеров «GVI», в том числе английскому языку.

«GVI» работает с различными категориями туристов, и если рассматривать студентов как наиболее активный сегмент потребителей молодежного туризма, то нельзя не упомянуть о значимых бонусах участия в волонтерских программах – авторитет данной организации подтвержден ее тесным сотрудничеством с Оксфордским, Брайтонским, Плимутским и другими университетами. Участие в волонтерских программах «GVI» позволяет не только обрести практические навыки для студентов и аспирантов в разнообразных областях, но и получить на основании

пройденной волонтерской практики академический кредит (зачет) по таким направлениям подготовки, как экология, педагогика, искусство, спорт, медицина и социальные науки.

Подобные программы обязательно включают свободное проведение времени туристов-волонтеров, которое чаще всего выражается в активном отдыхе, посещении местных природных и культурных достопримечательностей, что соответствует жизненному стилю молодежи. Как свидетельствует анализ туристских предложений, средняя продолжительность программы составляет две недели, стоимость программы составляет от 800 фунтов британских стерлингов.

Данная формула синтезирует принципы молодежного волонтерского движения. Как свидетельствует исследование А. Джонса [3, р. 134], процесс выбора условий волонтерского туризма включает в себя следующие стадии решения: осуществление волонтерской работы в Великобритании или за ее пределами; выбор организованного или самостоятельного вида туризма; анализ преимуществ оплачиваемой или безвозмездной волонтерской деятельности; решение о сопутствующих досуговых мероприятиях в свободное от волонтерских обязанностей время.

Безусловно, британский пример совмещения услуг туристской индустрии с идеей социальной ответственности, распространенной в развитых странах, представляет успешный опыт проектирования социокультурной деятельности молодежи. Вместе с тем, западное движение волонтерства обладает не столь очевидными, на первый взгляд, причинами. Представление о том, что туризм – новая форма колониализма, не лишено оснований. [4, р. 111]. Приезд жителей метрополий с развитой экономикой из Европы и Америки в менее развитые сообщества имеет длительную историю. Как считают некоторые авторы, увеличивающееся число туристов в эти районы свидетельствует лишь о том, что изменились форма и число путешествий, но не изменилась их колониальная сущность, толерантной формой выражения которого является западный волонтерский туризм.

В отличие от западных стран, волонтерское движение в современной России чаще всего направлено на решение внутренних проблем, сопряженных с экологическими и социальными вопросами на региональном уровне, что, безусловно, не снижает значимости проводимых мероприятий, а свидетельствует о приоритете национальных интересов и значимости экономических факторов. Действительно, пространственная мобильность рассматривается как важнейшее средство эффективного распределения факторов производства, а потому обеспечения экономического роста, выравнивания уровней социально-экономического развития территорий, повышения индивидуального и общественного благосостояния. Пространственная мобильность зависит от

уровня социальных трансфертов или локальных общественных благ – чем выше уровень дифференциации доходов в регионе, тем активнее пространственная мобильность населения

Как видится, даже институционально распространение, например, гар-туризма в России проблематично для реализации, чему есть определенные причины: невысокий уровень жизни населения, транспортная инфраструктура, традиционная «ментальная» оседлость россиян, недостаточно высокая степень вовлеченности молодежи в социально значимые мероприятия, отсутствие мотивации.

В данном контексте для обоснования мотивации социальных волонтеров интерес представляет обращение к концепции целерационализма М. Вебера. Как известно, становление в европейской культурной традиции особого рода структур жизнедеятельности получили название «целерационализм», благодаря введению в научный оборот термина М. Вебером для характеристики «идеальных» типов социального действия. Важно подчеркнуть, что апологетика целерациональности в понимании ученого и многочисленных сторонников его позиции является всего лишь идеологией экономизма. Вместе с тем, экономические трансакции как продукты целерационального действия в реальности зависят от интерактивных процессов. Таким образом, в противовес идеологии экономизма, марксистским убеждениям, человеческие взаимоотношения строятся не только исключительно из эгоистического, экономического расчета, что было доказано в свою очередь в концепции П. Бурдьё, обосновывающей существование символического капитала как совокупности духовных ценностей, социально мобилизованных группой, ценностей, которые объединяют членов сообщества и обеспечивают режим облегченной коммуникации. Мотивация производства социально значимых ценностей, воплощаемая в действии социального волонтерства, далеко не всегда подвластна объяснению с позиций объективного утилитаризма и целерациональности.

Примечательно, что в России распространено именно социальное волонтерство, необлеченное в форму туризма. Так, в России богата традиция экологического волонтерства. В качестве одного из многочисленных примеров мы обратились к опыту работы эколого-просветительского центра «Заповедники» [5]. С 2002 года около 1200 волонтеров приняли участие в мероприятиях, организуемых центром «Заповедники». Среди основных направлений деятельности организаторы отмечают такие как: развитие общественного движения в поддержку заповедных территорий; волонтерский центр; экологические тропы и визит-центр; содействие участию молодежи в социальных и экологических проектах в России и за рубежом.

В последние годы, несмотря на тенденцию к регламентации сферы публичного массового социального действия, происходит рост

волонтерского движения, но прежде всего не в виде туристских практик, а в форме проявления гражданской активности.

Российский социолог О. Яницкий, обращаясь к анализу социального движения в России, представляет следующую типологию волонтерства [6, с. 56]:

1. Государственные волонтеры. Государство сегодня активно формирует, обучает и спонсирует активистов – помощников ведомств и прогосударственных общественных организаций – для поддержания порядка на массовых мероприятиях. В последние годы ситуация улучшается: опыт волонтерства на международном уровне был получен более 30000 тысячами волонтеров молодежью во время проведения XXVII Всемирной летней Универсиады в г. Казани, XXII Олимпийских зимних игр, XI Паралимпийских зимних игр в г. Сочи. Так, Центр подготовки волонтеров «Форвард» Сочинского государственного университета свидетельствует, что к XXII Олимпийским зимним играм и XI Паралимпийским зимним играм в Сочи 2014 года было подготовлено около 7000 тысяч олимпийских и городских волонтеров. Профессионально подготовленные волонтеры отныне принимают активное участие в городских культурно-массовых, социально значимых, экологических, гражданско-патриотических мероприятиях.

2. Гражданские волонтеры, т.е. участвующие в государственных и частных спасательных акциях. Сегодня критериями их активности являются скорость реакции на «запрос», мобилизация хорошо подготовленного контингента гражданских спасателей через социальные сети, поисковиков, врачей и т.д. Если в прошлом низовые гражданские инициативы такого рода были, как правило, локальными, то сегодня они постоянно расширяют ареал своей деятельности. При этом, как пишет О. Яницкий, альтруизм и жертвенность – индивидуальное действие, не противоречащее идее свободного индивида.

Глобалистский проект ушедшего века, снабженный неустанной пропагандой современными глобалистами концепции «открытого общества», в последний год претерпел изменения. Существенные трансформации векторов на международной политической арене, рост националистических настроений, реальная угроза гармоничному существованию цивилизации со стороны международных террористических организаций, – указанные и многие другие факторы заставляют переосмыслить гуманистический, межкультурный, медиативный потенциал феномена современного туризма, а также ставят под сомнение целесообразность дальнейшей трансляции ценностей активной, космополитичной жизненной позиции молодых людей как синонимов успешности западного мира. Тем не менее, у человечества похоже нет другого способа решения проблем, обусловленных многообразием и различием культур, кроме их неуклонного сближения.

Основным предметом дискуссии при этом является выбор базовых моделей единства, среди которых одной из социокультурных поведенческих интегративных стратегий выступает волонтерский туризм в его видовом разнообразии.

Библиографический список

1. Page S. J., Connell J. Tourism: A Modern Synthesis. Andover, Routledge, 2014. 670 p.
2. Global Vision International. URL: <http://www.gvi.co.uk> (дата обращения: 12.02.2015).
3. Jones A. Review of Gap Year. URL: <http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/> (дата обращения: 10.03.2015).
4. Mathieson A., Wall G. Tourism. Economic, physical and social impacts. Harlow: Longman, 1998. 208 p.
5. Концепция Эко-центра «Заповедники». URL: <http://wildnet.ru/> (дата обращения: 10.02.2015).
6. Яницкий О. Общественный активизм в России: вчера и сегодня // Власть, 2015. №2. С. 53-60.

УДК 32.019.5

ГАРМОНИЗАЦИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ – БУДУЩЕЕ РОССИИ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОГО КРИЗИСА

Н.Б. Зазаева

Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина – филиал

РАНХиГС при Президенте РФ, Россия

E-mail: zazaeva@mail.ru

Статья посвящена осмыслению российской специфики в области межэтнических отношений. На основе исследования толерантных установок современной молодежи автор делает вывод о значительной роли СМИ в их формировании и о необходимости дополнительной профессиональной подготовки журналистов, освещающих межэтническую тематику. Таким образом, обучение рассматривается как важнейший механизм, необходимый для выработки всеобщего согласия по проблемам межэтнических взаимодействий в современной России.

Ключевые слова: межэтнические отношения, толерантность, межкультурные взаимодействия.

HARMONIZATION OF INTERETHNIC RELATIONS IS THE FUTURE OF RUSSIA IN CONDITIONS OF THE GLOBAL CRISIS

N.B. Zazaeva

The article is devoted to the understanding of Russian specifics in the field of

interethnic relations. Based on the study of tolerance attitudes of today's youth, the author makes a conclusion about the important role of the media in their formation and the need for additional training of journalists covering the ethnic theme. Thus, learning is seen as an essential mechanism required to develop a consensus on the problems of interethnic interactions in modern Russia.

Key words: interethnic relations, tolerance, intercultural interactions.

В условиях международного кризиса особое значение для существования государства приобретает гармонизация межэтнических отношений внутри него. Ни одно государство на сегодняшний день не может считаться моноэтническим. Россию это касается в большей мере. Но по сравнению с западными государствами у России есть ряд преимуществ для решения проблем межкультурного взаимодействия.

Во-первых, причинами негативного отношения к мигрантам со стороны россиян являются не культурные причины, укоренные в архетипических структурах и ментальных схемах, а экономические (социальная конкуренция за рабочие места) и политические (подогревание националистических настроений в предвыборных кампаниях, разыгрывание, так называемой, национальной карты). В повседневных практиках межкультурных и межнациональных взаимодействий они не порождают социокультурной изоляции и как следствие диаспоризации.

Во-вторых, в России накоплен колоссальный опыт совместного проживания разных народов. Именно он явился основой этнокультурной интеграции и породил гармоничные межнациональные и межэтнические отношения, ставшие основой общегражданской идентичности представителей разных национальностей. Свидетельством тому были те многочисленные феномены социальной сплоченности при защите своего отечества, которые демонстрировало многонациональное общество в самые трудные и напряженные моменты существования российского государства. У большинства населения России, имеющего опыт советского прошлого, был сформирован стереотип социокультурного равенства представителей разных национальностей. По этому поводу в своем интервью журналу Итоги 3. Бауман заявил: «Прошлое России – это будущее Европы. У вас долгое время проходил процесс национального строительства. Осуществлялся принцип триединства, соединивший суверенитет, нацию и государство. Иными словами, Россия исторически решила проблему, которую основной части Европы еще только предстоит решить: наладить мирное сосуществование разных народов, религий, культур, традиций и языков. Россия сегодня живет так, как Европа будет вынуждена жить лет через тридцать... Вы перегнали европейцев в таком важном компоненте, как умение жить вместе» [1].

Наряду с возможностями и перспективами будущего России в эпоху глобализации необходимо отметить угрозы и вызовы, связанные с межкультурными отношениями.

В ПИУ им. П.А. Столыпина на протяжении последних лет проводятся исследования межкультурных и межэтнических проблем в таком регионе России как Саратовская область на разных уровнях: от проектных научных коллективов авторитетных ученых-исследователей по этой тематике до кандидатских, магистерских диссертаций и дипломных проектов.

Результаты эмпирических исследований (например, результаты фокус-группы, проводившейся 15 мая 2014 г со студентами спец. Связи с общественностью и Конфликтология – 15 чел.) показали изменение этностереотипов россиян в сторону негативного отношения к мигрантам не только внешним, но и внутренним. По-прежнему, главным остается аргумент, связанный с боязнью трудовой миграции как ухудшающей социальную обстановку в регионе, но появляется и обсуждение темы культурной чуждости и инаковости людей, прибывающих в регион. Информанты отметили, что важную роль в формировании их взглядов по этой теме сыграли публикации в СМИ. Действительно, контент-анализ от новостного интернет-портала «Мой Саратов» до Саратовской областной газеты за 2012-2013 гг. показал полное совпадение взглядов студентов и оценок «этнических» ситуаций, транслируемых региональными СМИ [2, с. 58-59].

Языки межкультурного восприятия, использующиеся сегодня СМИ, можно расположить в некоей нелинейной последовательности, представляющей нарастание потенциала межнациональной нетерпимости. Язык различий, констатирующий культурные и социальные различия между представителями разных национальностей, используется в публикациях на тему обучения мигрантов языку и обычаям. Языком социальной конкуренции, преобладающим в современных СМИ, описываются все проблемы трудовой миграции. Его отделяет очень тонкая грань от «языка вражды», когда речь заходит о нелегальной, в том числе, и трудовой миграции. Сразу вспоминается пример, приведенный Т. ван Дейком, что формирование образа врага происходит через три темы, в которых описываются этнические меньшинства – «агрессивность, преступления», «нарушение общественного порядка», «отклоняющееся поведение». Именно эта тематика чаще всего встречается при описании проблем нелегальной трудовой миграции.

Итак, роль СМИ в формировании негативной модели о людях иной культуры велика. Мастер-класс для саратовских журналистов, проведенный М. Лянге – председателем гильдии межэтнической журналистики, показал, что в журналистское сообщество осознает свою ответственность за освещение межэтнической тематики и, как следствие, за межэтнические отношения в России, а значит и за ее будущее.

Но нужно знать, как освещать эти темы и все дело в профессионализме журналиста именно в этой, можно сказать, этнологической сфере. М. Лянге отметила, что этнологи не учат на

факультете журналистики в отечественных вузах, и сделала обоснованный вывод, что нужна послевузовская подготовка журналистов, работающих по межэтнической тематике. Она предложила свое видение этой подготовки, которое можно расценивать как заказ со стороны журналистского сообщества на обучение. На кафедре социальных коммуникаций ПИУ разработана такая программа послевузовского обучения «Современные медиа как инструмент управления межэтническими процессами» для журналистов, освещающих межэтническую тематику, а также представителей власти различных уровней по роду своей деятельности, сталкивающихся с проблемами межэтнических отношений. В ней предусмотрены коммуникативные тренинги и дискуссионные площадки встречи журналистов и представителей органов власти для получения совместного опыта конструктивного общения по освещению и решению наиболее актуальных межэтнических проблем региона. Если это осуществить на регулярной основе, то можно получить сильное региональное, а в перспективе и общероссийское содружество, экспертное сообщество ученых-практиков, журналистов и представителей органов власти, сообща работающих на благо России в деле гармонизации межкультурных и межэтнических отношений в нашей стране.

Библиографический список

1. Бауман З. Интервью журналу Итоги. URL: http://www.dec.lv/index_ru.php?id=1246 (дата обращения: 10.03.2015).
2. Зазаева Н.Б. Роль СМИ в формировании межэтнической толерантности в современной России. Вестник Поволжской академии государственной службы. 2013. № 5 (38). С. 56-63.

УДК 316.3:172.15

КАТЕГОРИИ «ПАТРИОТИЗМА» И «НАЦИОНАЛИЗМА» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ, СОДЕРЖАНИЕ, РАЗЛИЧИЯ

В.А. Калинин

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: slaffka.kalinin@yandex.ru

Статья посвящена анализу содержания «патриотизма» и «национализма». Кратко рассматривается история становления и смыслового наполнения данных понятий, изучаются их трактовки российскими и зарубежными исследователями, а также проблемы, связанные с теоретической неопределённостью вокруг этих фундаментальных категорий.

Ключевые слова: патриотизм, национализм, нация, дискурс, идеология.

THE CATEGORY OF «PATRIOTISM» AND «NATIONALISM» IN THE POLITICAL SCIENCE OF MODERN RUSSIA: FEATURES, CONTENT, DIFFERENCES

V.A. Kalinin

This article analyzes the content of «patriotism» and «nationalism». Briefly discusses the history of formation and semantic content of these concepts, study their interpretation of Russian and foreign researchers, as well as the problems associated with the theoretical uncertainty around these fundamental categories.

Key words: patriotism, nationalism, nation, discourse, ideology.

Проблема разграничения категорий «патриотизма» и «национализма» является одной из фундаментальных в современной политической науке в целом и в её российском сегменте в частности. Эти, казалось бы, интуитивно ясные каждому понятия недостаточно теоретически проработаны и освоены, в том числе экспертным сообществом. При этом существует восприятие патриотизма как вещи положительной, а национализма – как амбивалентной и, скорее, негативной.

Зачастую одно понятие подменяют другим, вызывая теоретическую путаницу. Её преодоление необходимо как для повышения качества научных исследований, так и для снижения манипулятивной составляющей в политике. К примеру, радикальные этнонационалисты называют себя патриотами, тем самым получая возможность ввести избирателей в заблуждение для реализации своекорыстных интересов. Точно так же даже на уровне профессионального политического языка национализм часто смешивают с шовинизмом, расизмом, геноцидом, фашизмом.

Существуют трактовки как отождествляющие «патриотизм» и «национализм» (В.Д. Соловей [1]), так и противопоставляющие их (Д.С. Лихачёв [2, с. 121]). Огромное количество определений только отдаляет данные категории от их целостного восприятия.

На сегодняшний день единства в понимании сути национализма, его форм и эволюции, пожалуй, ещё меньше, чем вокруг феномена глобализации [3, с. 8]. Одни исследователи интерпретируют национализм как «политическую идеологию», другие – как «практику национально-освободительных движений» и т.п. Если английский исследователь Бенедикт Андерсон характеризует национализм как культурную систему, то его соотечественник Эрнест Геллнер – социолог и антрополог – определял национализм как, прежде всего, политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единицы должны совпадать.

Само понятие «патриотизм» уже давно вышло за рамки научного дискурса, широко используется в публицистической литературе и обыденной речи. Однако смысл, вкладываемый в него сторонниками различных мировоззренческих установок, представителями разных политических сил и даже возрастных категорий, существенно различается, хотя и большинство исследований патриотизма сегодня осуществляется, как правило, при помощи аксиологического подхода, рассматривающего его как ценность [4, с. 23].

Попытки преодолеть разночтения также осуществляются, но не оказывают решающего воздействия на ситуацию. Например, исследователь Маурицио Вироли сознательно отказывается от попыток выработать научные определения природы национализма и патриотизма и вместо этого предлагает обратиться к «исторической интерпретации», то есть выделить традицию, основанную на периодически повторяющихся терминах со сходными значениями [5, с. 6-7]. По мнению же российского исследователя В.С. Малахова, необходимо разграничивать собственно «национализм» и «ультранационализм» [6].

В целом, данная проблема настолько сложна, что перед исследователями стоит первоначальная задача не предложить единообразное толкование национализма своим коллегам, а хотя бы гарантировать единообразное употребление термина «национализм» в собственном тексте [7, с. 100].

В свою очередь, многое из того, что теперь считается мирным патриотизмом устоявшихся современных западных наций, представляет собой результат долгой и кровавой истории.

Так, национализм как социальное явление привлекает внимание исследователей на протяжении уже более двухсот лет. Стоит заметить, что в западной политологии «национализм» никогда не относили к антиценностям, преимущественно понимая под ним «культурно-политическую солидарность внутри общностей, именуемых нациями» [8]. Общеввропейская исследовательская традиция, как и современные стандарты международного права, по сути, отождествляют понятия «нация» и «гражданство».

До наступления Нового времени термин «нация» означал всего лишь людей, связанных между собой общими местом рождения и культурой, и не имел явных политических коннотаций [9, с. 38]. Это слово в повседневной речи часто применялось к общинам иностранцев. В средневековом Парижском университете существовало четыре «нации»: Франция (включавшая всех говоривших на романских языках), Пикардия (преимущественно голландцы и фламандцы), Нормандия (главным образом скандинавы) и Германия (которая включала как англичан, так и немцев) [9, с. 146].

В Новое время, в период Французской революции, слово «la nation» означало сообщество, более партисипаторное и менее патриархальное, чем называемое словом «la patrie» (родина). Свобода и равенство могли быть осуществлены внутри данной нации благодаря укреплению чувства братства – это третий идеал в революционной троице [2, с. 23].

В целом, возникновение категории «нация» в её современном понимании, по мнению американского социолога К. Калхуна, было тесно связано с созданием карт с чёткими границами между странами и взглядом с высоты птичьего полёта в эпоху Нового времени, особенно в период наполеоновских войн, а также с распространением печатного слова и появлением массового читателя в XIX веке [9, с. 44-49].

Для М. Вебера, разграничившего нацию и этническую группу, отличительной чертой этноса являлась негативная самоидентификация определённого сообщества (кем мы не являемся), противостоящая имеющей позитивный характер самоидентификации данного сообщества как «нации» (кем мы являемся) [10, с. 43].

К. Дейч выразил господствующие ныне в западных обществах представления о нации, сказав, что «нация – это общество, овладевшее государством, превратившее его в инструмент реализации своих общественных (то есть национальных) интересов» [11, с. 72].

Тем не менее, следует признать, что ни одно определение нации так и не стало общепринятым. Это объясняется тем, что на практике каждое конкретное определение предоставляет привилегии одним общностям, интересам и идентичностям и дискредитирует требования других.

Потому «нация» – это особый образ осмысления того, что значит быть народом и как народ может входить в более широкую мировую систему. Нет никакого объективного критерия для определения данного феномена [9, с. 198].

Как считает российский этнолог В.А. Тишков, «подобное ослабление понятия или даже утрата его операционной значимости приводят к методологическому тупику в использовании этого понятия в науке и в политическом языке» [12, с. 212]. Отсюда следует радикальный вывод Тишкова: учёным было бы резонно «забыть о нации».

Необходимо помнить, что современная идея нации возникла вместе с идеей демократии в качестве составляющей стремления положить в основу политики волю «народа» [9, с. 176]. Важно обратить внимание на то, что в 1780-1870-х годах национализм был либеральным, космополитическим дискурсом, подчёркивавшим свободу всех народов. Ни о каком противопоставлении космополитического идеала гражданина мира национализму не было и речи.

Это значит, что национализм в общественно-политическом смысле имел всего лишь одно государственно-политическое значение: отграничение существующего или желаемого народа определённого

государства от других народов. Но сегодня ограничивать национализм просто политической доктриной – значит слишком сужать его понимание. В этом случае не учитывается влияние национализма и национальных идентичностей на жизнь, не связанное с политикой.

С конца 1920-х годов либерально-демократическая теория утрачивает интерес к идее нации. С одной стороны, во многих странах национализм порвал с гуманистическими традициями, с другой – попытки реализовать принцип самоопределения наций не привели к ожидаемому прекращению конфликтов. С середины XX века либерализм в странах Запада развивался, имея в качестве главной антитезы концепт тоталитаризма, и потому стремился подчёркивать принципиальное несогласие с любыми формами коллективистской идеологии [13, с. 77-78]. Во второй половине XX столетия дальнейшему разрыву национализма и демократии способствовал, прежде всего, ошеломляющий рост населения в странах третьего мира.

Однако уже в конце XX века опыт демократических переходов во многих посткоммунистических странах показал актуальность разработки программ, сочетающих либерально-демократические ценности с признанием важности национального своеобразия и национальной солидарности [13, с. 78].

В этом ключе важно учитывать тот факт, что в отечественной политической науке и практике сложился иной подход к определению категории «нация» – она рассматривается как «высший тип существования этноса, который достигается в ходе его исторического развития» [14].

Негативное отношение в России к самому термину «национализм» вообще (и к русскому национализму в частности) обусловлено тем, что отчуждённая элита веками видела в его лице угрозу государственной целостности, но при этом, как справедливо заметил историк В.Д. Соловей, периодически использовала данный национализм в своих ситуативных интересах [14].

Отсутствие идеологии, рессантиментные настроения в обществе и неопределённый политико-экономический курс подтолкнули власть в очередной раз к внешним заимствованиям элементов национализма в своей риторике. Особенно ярко это проявилось на фоне украинского кризиса.

Однако чрезмерно актуализировавшиеся дискуссии о самобытности российского пути развития являются следствием множества нерешённых задач, которые не могут быть разрешены только в пространстве одной идентичности.

Со значительной степенью уверенности можно заключить, что подходы всех наиболее известных российских исследователей в той или иной степени являются обобщениями достижений зарубежных авторов. Отсутствие полноценной концептуальной обработки национализма

отечественными авторами во многом вызвано тем, что политическая наука в России ещё только находится в фазе своего формирования.

Сегодня наиболее популярная академическая точка зрения в мире рассматривает «гражданский национализм» в качестве положительного феномена, а именно «гражданская нация» признана в качестве социально-исторической реальности. Предполагается, что в отличие от «этнического национализма», выступающего от имени нации как сообщества, конституируемого общим происхождением, этот тип национализма выступает от имени нации как сообщества граждан [8].

Однако истолкование этнонационализма как социокультурного феномена «повёрнутых вспять истории» сообществ внушает подозрение, что мы имеем дело с идеологическим конструктом, использующим язык национализма для обоснования политической дифференциации [15, с. 17].

Но довольно распространена и точка зрения, предполагающая, что «не существует «гражданских наций» без этнических ядер». К примеру, Р. Брубейкер предлагает отказаться от дихотомии «этнический-гражданский» в пользу дихотомии «государственный (state-framed) – внегосударственный (counter-state)» [7, с. 114].

В целом, патриотизм менее исключает из картины мира прочие идентичности, более терпим к ним. Это естественное чувство любви к родине, какая она есть сейчас, не оформленное концептуально как проект будущего сообщества и государства.

Национализм, в свою очередь, имеет более сложную структуру. Это «патриотизм, воплощённый в политике», в конкретных политических требованиях, концепциях и действиях. Он делает акцент на национальном/этническом/религиозном сообществе, конструирует желаемые контуры государства, «требует, чтобы все действия человека были подчинены высшей цели – служению нации» [16, с. 69], но это не значит, что национализм стирает важность всех остальных идентичностей.

Для национализма идеал находится в прошлом, который проецируется на будущее. Это связано с тем, что понятие «золотого века» играет большую роль в этнополитической мобилизации, а «миф вносит порядок в первозданный хаос» [17, с. 6].

Национализм – скорее идеология, и небезосновательно именно такой подход к нему преобладал на начальном этапе исследований [10, с. 43]. Но он может выступать и в роли дискурса, который очень успешно приспособливается к другим идеологиям. Данный подход активно популяризовал К. Калхун, сосредоточив внимание на форме национализма и показав, что национализмы объединяет общий дискурс [18, с. 264]. Таким образом, национализм может идеализировать этнические истоки, может делать акцент на государстве, может в равной степени использоваться для объединения или разделения, то есть быть абсолютно

разным, но все эти виды объединяет особый дискурс, отражающий сущностное ядро национализма, его форму.

Потому не бывает априори негативного или позитивного национализма, а его историческое значение, функции и роли могут быть поняты и адекватно оценены лишь исходя из ситуации, в которой он действует [1].

Безусловно, национализм слишком многообразен, чтобы его можно было объяснить одной общей теорией. Тем не менее, термины «национализм» и «нация» достаточно проработаны, потому, на наш взгляд, в противовес позиции В. Тишкова, их с большей долей уверенности можно рассматривать в качестве научной дефиниции. В свою очередь, исходя из анализа научной литературы, можно прийти к выводу о том, что «патриотизм» не является полноценно научной дефиницией в силу широты и неопределённости данного понятия.

Демаркация линии между патриотизмом и национализмом такова, что если политический актор использует в своём дискурсе тематику государственного устройства, границ, исторической миссии, нации, расы, этноса, истории предков, их верований, то его можно с уверенностью рассматривать как националиста, однако вид используемого национализма определяется исходя из того, на какой из перечисленных тем был сделан акцент. Даже если политический актор призывает к патриотизму, но обосновывает свои призывы и делает это в сфере публичной политики, то неизбежно сам становится националистом.

У политического субъекта как доминирующее идеологическое ядро, так и элементы прочих идеологий можно зафиксировать через дискурс, который объединяет самые разнообразные идейные течения под общим наименованием («национализм» – вопросы нации и этноса, «социализм» – социальная справедливость, «либерализм» – личная свобода и т.д.). Безусловно, более детальное разграничение дискурсивного и идеологического является предметом отдельного исследования.

Возможно, наступила постидеологическая эра, где на передний план выходит лишь способ коммуникации, который, в отличие от идеологии, в меньшей степени систематизирован и не имеет чётких граней, ограничивающих его.

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что негативное отношение к термину «национализм» в российском обществе и научной среде вступает в противоречие со стремлением перевести отечественную науку и образование на международные стандарты, что может объясняться как сложностями переходного периода, так и сознательным торможением адаптации терминологии и идей, способствующих становлению демократического государства и общества западного типа.

Очевидно, что необходимо определиться с вектором развития системы образования и науки, и соотнести его с вектором политики

государства в целом. Это в значительной мере способствовало бы разрешению проблем, связанных с пониманием категорий «патриотизма» и «национализма».

Библиографический список

1. Соловей В.Т. «Апология русского национализма». URL: <http://ndpr.ru/index.php/2011-07-25-16-01-38/126-2011-07-25-16-17-20/374-avtor-tatyana-i-valerij-solovej-apologiya-russkogo-natsionalizma> (дата обращения 25.10.2011).
2. Биллингтон Д. Россия в поисках себя / Пер. с англ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. 224 с.
3. Гранин Ю.Д. Глобализация и национализм // Философские науки. 2006. №7. С. 5-23.
4. Лысак И.В., Наливайченко И.В. Патриотизм в современной России: изменение содержания и трудности формирования. // Гуманитарные и социальные науки. 2011. №1. С. 23-26.
5. Хаванова О.В. Этничность, нация, «любовь к стране» в Европе раннего нового времени // Политическая наука. Национализм – новейшие исследования. Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. политической науки, Рос. ассоц. полит. науки; Отв. ред. и сост. Миллер А.И. М., 2002. С. 5-26.
6. Малахов В. Лица и маски национализма. URL: <http://dvizh.org/2008/11/04/218> (дата обращения 16.03.2015).
7. Тевдой-Бурмули А.И. Старые теории и новые проблемы // Политическая наука. Национализм – новейшие исследования. Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. политической науки, Рос. ассоц. полит. науки; Отв. ред. и сост. Миллер А.И. М., 2002. С. 100-120.
8. Гусев В.А., Шишков С.В. Национализм в ряду других понятий политической этнологии и современные подходы к его пониманию. URL: http://www.cisdf.org/TRM7/gusev_shishkov_7.html (дата обращения 30.12.2011).
9. Калхун К. Национализм. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 288 с.
10. Зайончковский В. Социальное самосознание татар, бурят и башкир в России и СССР – преемственность или разрыв традиции? // Политическая наука. Национализм – новейшие исследования. Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. политической науки, Рос. ассоц. полит. науки; Отв. ред. и сост. Миллер А.И. М., 2002. С. 39-68.
11. Паин Э.А. Патриотизм и национализм. Заседание фонда «Либеральная миссия» // «Общественные науки и современность». 2004. №4. С. 71-86.
12. Тишков В. Постнационалистическое понимание национализма? // Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе: в 3 т. / [под общ. ред. Э. Яна]. Т. 1: Неудавшийся национализм многонациональных и частичных национальных государств. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 196-227.
13. Малинова О.Ю. Проблемы национальной идентичности и национальных прав в либеральной политической теории. // Политическая наука. Национализм – новейшие исследования. Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. политической науки, Рос. ассоц. полит. науки; Отв. ред. и сост. Миллер А.И. М., 2002. С. 74-99.

14. Мухаметшина Н.С. Современные методологические и теоретические подходы к феномену национализма. URL: <http://vestnik.ssu.samara.ru/gum/2003web3/soci/200330702.html> (дата обращения 30.12.2011).
15. Дягтерев А.К., Черноус В.В. Гражданская идентичность в пространстве националистического дискурса // Известия Высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. №3. С. 16-20.
16. Коротеева В.В. Экономические интересы и национализм. // Политическая наука. Национализм – новейшие исследования. Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. политической науки, Рос. ассоц. полит. науки; Отв. ред. и сост. Миллер А.И. М., 2002. С. 69-73.
17. Шнирельман В.А. Этногенез и идентичность: националистические мифологии в современной России // Этнографическое обозрение. 2003. №4. С. 3-14.
18. Смирнов А., Калхун К. «Национализм» и публичная сфера // Национализм. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006.

УДК 32.01–053.8

ДУХОВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОДЕРНИЗИРУЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Э.В. Чекмарев

*Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина – филиал
РАНХиГС при Президенте РФ, Россия
E-mail: sodtrud@piuis.ru*

Статья посвящена выявлению духовных основ влияющих на формирование политической культуры современной молодежи России. Проанализированы возможности инкультурации как фактора существенным образом влияющим на политическую культуру молодежи. Показан религиозный фактор в политике.

Ключевые слова: политическая культура молодежи, инкультурация в политическом процессе, молодежь.

THE SPIRITUAL POTENTIAL OF THE MODERNIZING SOCIETY IN CONTEMPORARY RUSSIA

E.V. Chekmarev

Article is devoted to the features of political and legal framework for the activities of local government. The authors demonstrate the influence of special programs for the development of local self-government. Identified the social and national grounds affecting the formation of local government as an institution of civil society. Used in the analysis of empirical data and events electoral practices.

Key words: local government, legal policy modernization of the political system.

Современное российское общество переживает непростые преобразования. Особый накал, как внутренних противоречий, так и

внешнего воздействия, стал обозначаться на рубеже 2015 года. Особо остро это отражается на духовной основе большинства населения страны и, особенно, молодежи. В данной статье мы сделали попытку рассмотреть условия, влияющие на духовный потенциал современной молодежи. Остановившись при этом подробно на особенностях социализации и инкультурации молодежи, влиянии на нее религиозных факторов, особенностей развертывания межнациональных отношений, влияние глобализации на становление молодого человека.

В отечественной литературе сложилось представление о решающей роли социализации в интеграции наций, народов, этносов, молодежных групп. В меньшей мере изучены проблемы инкультурации, а именно она, на наш взгляд, лежит в основе толерантности русского народа и его способности объединить вокруг себя другие народы. Термин «инкультурация» в научный оборот ввел американский культурантрополог М. Херсковиц, который разделял понятия социализации и инкультурации. Под социализацией он понимал интеграцию индивида в человеческое общество, приобретение им опыта, который требуется для исполнения социальных ролей, а под инкультурацией – освоение индивидом присущего соответствующей этнической культуре миропонимания и поведения [1, с. 47].

Отличительная черта инкультурации состоит в том, что она осуществляется не в специализированных институтах социализации, а в процессе практической жизнедеятельности. Переход подростков к взрослому состоянию характеризуется восприятием новых идей, жизненно важных проблем. Развивается способность самостоятельно принимать решения, участвовать в действиях, результатами которых могут быть значительные изменения менталитета. Согласно концепции Л. Гумилева в нашей стране заканчивается эпоха «надлома» и наблюдается повышение пассионарности. Происходит это за счет сплочения малочисленных пассионариев с многочисленными «гармоничниками» вокруг идеала сильного государства как гаранта спокойной жизни и будущих успехов «золотой осени» цивилизации [2, 3].

Гармонизация межнациональных отношений напрямую зависит от сохранения русского менталитета и в количественном и качественном ракурсе. К сожалению, динамика соотношения этносов в России мало способствует этому. Научные расчеты показывают, что к 2016 году численность русских возрастет не более, чем на 10%, а народов тюркской и иранской группы почти в 2 раза. Удельный вес русских может снизиться до отметки менее 50% [4, с. 41]. Что же касается качественной стороны, то молодые люди русской национальности чаще всего придерживаются мнения о том, что в формировании семьи «национальность не имеет значения». При этом в сознании других народов для создания семьи предпочтение отдается представителям своей национальности или

русским. Так, русских в качестве брачных партнеров рассматривали 73% всех респондентов и ни один респондент не отметил их в качестве нежелательных супругов [5, с. 201].

Вместе с тем, межнациональные конфликты трансформирующегося общества накладывают определенный отпечаток на сознание молодежи. Согласно общероссийским социологическим опросам наибольший процент респондентов испытывает антипатию к чеченцам (43%), азербайджанцам (39%), грузинам (39%), эстонцам (30%), армянам (33%) [6, с. 103].

Еще одна трудность на пути интеграции молодежи в процесс модернизации связана с многообразием религиозных предпочтений. В функционировании политической культуры молодежи религиозный фактор является важным элементом. Вопреки традиционному утверждению, что религия разобщает людей, в основной массе верующих сегодня распространено мнение, что верующий в представителе любой национальности должен видеть своего ближнего [7, с. 158]. По другим исследованиям, молодежь в основной своей массе причисляет себя к православным – 77,5%, к протестантам – 1,2%, атеистами считали себя в 2004 году 6,5% опрошенных [8, с. 3].

Значительная часть молодежных лидеров нашла себе применение в различных религиозных организациях, монастырях в качестве священнослужителей, паломников, послушников. Возникает новый тип политического лидера как служителя и выразителя религиозной идеи. Например, жители села Ладовская Балка Ставропольского края выбрали главой села священника отца Игоря, который, несмотря на свой молодой возраст (26 лет), за четыре с половиной года доказал способность служить народу [9].

Вместе с тем, большинство исследователей отмечают поверхностный характер религиозности молодежи. В этой связи особую значимость приобретает диалог власти и церкви в русле формирования гражданского общества. Так, в Саратове с 2003 года проводятся межрегиональные Пименовские чтения. Четвертые Пименовские чтения, состоявшиеся в декабре 2006 года, получили название «Православная культура как основа духовного возрождения России». Со студентами саратовских вузов встретились участники форума: главный редактор российского журнала «Фома» профессор В.Р. Легойда, известный богослов диакон Андрей Кураев, сектовед А.Л. Дворкин и другие. Выступая на форуме, представитель Президента РФ в Приволжском федеральном округе Александр Коновалов подчеркнул, что «религия не дает человеку оторваться от своих корней», а Губернатор Саратовской области Павел Ипатов отметил значимость диалога власти и церкви во имя сбережения народа. В рамках круглого стола прошло обсуждение таких вопросов, как взаимодействие церкви и СМИ, православная миссия в молодежной и образовательной политике [10].

Единение общества и государства создает опору политической власти и одновременно является мировоззренческим обоснованием в воспитании подрастающего поколения. Кроме того, возникает перспектива соединения разных идейных предпочтений в молодежной среде. Согласно исследованиям МИОН в молодежной среде одинаковое количество является приверженцами либерализма (26,3%) и национализма (26,3%) [10, с. 21-22]. Наиболее разделяемыми демократическими политическими ценностями стали свобода и равенство всех перед законом, авторитарным – порядок и эффективность управления. Большинство молодежи осознает необходимость адаптации к существующей политической системе [11, с. 14]. Более того, наиболее приемлемыми и предпочтительными для молодежи оказались ценности порядка (75% опрошенных), ценности свободы – 73%, равенства граждан перед законом – 43% [11, с. 17].

Вместе с тем, как нам представляется, политическая элита общества пока еще не осознала необходимости единения в преодолении духовно-нравственной коррозии подрастающего поколения. Подчас идеологическое «сredo» затмевает явную угрозу обществу в связи с распространением девиантного поведения в молодежной среде, забвения норм морали и права. Так, один из представителей власти, отвечая на вопрос, что же происходит с духовным обликом молодых людей, заявил: «Зато из них никогда не вырастут коммунисты» [12, с. 14].

Понимание роли духовного потенциала модернизирующегося общества является чрезвычайно важным во многих отношениях, и прежде всего с точки зрения выяснения причин ускоренной трансформации и тормозящих ее факторов. Радикальные преобразования начала 1990-х годов существенно потеснили духовно-идеологические ценности, привели к неоднозначному восприятию новой политической культуры. Современное духовное кредо молодых людей подтверждает эту истину. Но глубина духовного отката в начале 1990-х годов существенно снизила возможности молодежи опереться на традиции, сконцентрировать собственную модель духовного бытия. Немалую роль в этом сыграло провозглашение свободы как высшей ценности в преодолении тоталитаризма. В сфере политической культуры изменения оказались еще более радикальными. Молодежь воспользовалась новыми возможностями для свободы мысли и действий. Отказ политической системы от идеологического воздействия на молодежь привел к разрастанию плюралистических настроений среди молодежи. Произошло вытеснение традиционных ценностей. Так, из четырнадцати ценностей, признанных респондентами Всероссийского социологического исследования 1990 и 1994 годов «Наши ценности сегодня» базовыми, восемь являются либеральными по своей сути [13, с. 7-8]. За короткий срок на 8-10% повысилась распространенность таких ценностей, как свобода, независимость, инициативность. Одновременно сокращается влияние понятий самопожертвования, следования традициям. В 1994 году 55% респондентов

надеялись главным образом на самих себя [13, с. 18], что свидетельствует об ущемлении такой традиционной ценности, как коллективизм.

Вместе с тем, культурная глобализация привела к созданию нерегулируемого рынка культуры, способствовала проникновению в сознание молодых массовой культуры. Российская политическая система не смогла ограничить влияние американского рынка на российском политическом и духовном пространстве. Как точно отметил О. Карпухин, американский кинопрокат на 80% завоевал российский рынок. Мощнейшие средства массовой коммуникации стали средствами растворения любого своеобразия культур и образов жизни [14, с. 74, 76].

Происходит, по выражению Б.Г. Капустина, «транзитологическое насилие над сознанием» [15, с. 15]. На смену коммунистическому монополизму пришел капиталистический монополизм, при котором все решают продюсеры, поэтому российские кинофильмы один за другим, за редким исключением, проваливаются в прокате [16]. Несмотря на становление гражданского общества, многие промежуточные звенья взаимосвязи государства и общества не работают. В частности, таким звеном в советское время была кинокритика. Теперь она сосредоточилась на проблеме «элитарности», кино стало дрейфовать в сторону «более патологично отвечающего вкусам узкой группы людей» [17]. Молодежь отстраняется от производства культурных ценностей, ей отведен лишь вектор «потребления».

В целом можно констатировать, что социальные и духовные факторы являются основополагающими в политической культуре российской молодежи. Главное достижение современной политической системы состоит, на наш взгляд, в том, что молодежь признает ее, не состоит в конфликте с властью. Основная причина в неиспользовании такого политического ресурса, как молодежь, по нашему мнению, состоит в отсутствии диалога с властью и неприятии властными структурами молодежи как реально действующей политической силы. В связи с этим представляется целесообразным принятие закона «О молодежи», который на законодательном уровне способствовал бы выстраиванию отношений между властными структурами и молодежью. Уже выработанная сегодня молодежная политика в российском обществе без ее законодательного оформления практически не работает. На наш взгляд, гуманистические ценности должны стать приоритетным направлением в воспитании и образовании современной молодежи. В современных политических системах достаточно большое внимание уделяется молодежной политике.

Библиографический список

1. См.: Herskovits M. Cultural anthropology. N.Y., 1955.
2. См.: Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. М., 1993.
3. См.: Челбан Г.Н. Вопросы о будущем // Земское обозрение. 2005. 18 мая.

4. Топилин А.В. Влияние миграции на этнонациональную структуру // Социс. 1992. №7. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/014/070/1217/004.TOPILIN.pdf> (дата обращения: 01.04.2015).
5. См.: Народы Саратовского Поволжья: История, этнография, современность. Саратов, 2006.
6. См.: Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты: аналитический доклад. М., 2007.
7. См.: Мчедлов М.П. [и др.]. Религиозный фактор в социально-политической жизни Россиян: (по материалам социологического исследования). М., 1997.
8. См.: Юдин В.В. Религиозность молодежи (по материалам исследования в Могилевской области) // Социс. 2006. №6. С. 137-139.
9. См.: Известия. 2006. 10 нояб.
10. См.: Крючкова М. Православный форум Поволжья // Комсомольская правда. 2006. 13 дек.
11. См.: Саратовский МИОН: итоговый отчет по сетевому межрегиональному проекту «Молодежь в политических процессах современной России (региональный аспект)». Саратов, 2007. С. 21-22.
12. Платошкин А. Пятнадцать нянь, а дитя без глазу // Российская федерация сегодня. 2009. №1. С. 14-69.
13. См.: Лагин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // Академическая трибуна. 1996. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/865/662/1216/002Lapin.pdf> (дата обращения: 01.04.2015).
14. См.: Карпухин О. Культура и молодежь // Вестн. аналитики. М., 2006. №3. С. 25-34.
15. Капустин Б.Г. Конец транзитологии?: О перспективном осмыслении первого посткоммунистического десятилетия // Полис. 2001. №4. С. 6-26.
16. См.: Мережко В. Горечь сладкого самообмана // Российская газета. 2008. 16 янв.
17. Кичин В. Когда торчат уши // Российская газета. 2008. 16 янв.

УДК 32.019.51

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ТЕОРИЙ ФРЕЙМИНГА И УСТАНОВЛЕНИЯ ПОВЕСТКИ ДНЯ ВТОРОГО УРОВНЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Б.Н. Шестов

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: bord64@gmail.com

В статье анализируются существующие подходы к определению теорий фрейминга и повестки дня второго уровня. Рассматриваются различия и сходства этих теорий. Показаны проблемы, мешающие однозначному определению фрейма как объекта и фрейминга как процесса. В современной мировой политической ситуации исследования влияния СМИ обладают особой важностью, так как средства массовой коммуникации зачастую играют решающую роль в составлении человеком мнения о событиях, не доступных ему напрямую. Несмотря на актуальность обозначенного вопроса, на данный момент среди ученых коммуникативистов нет единого мнения о

том, является ли фрейминг развитием атрибутивной повестки дня или самостоятельной теорией. Эта статья направлена на рассмотрение границ разделения этих эффектов в их современном виде.

Ключевые слова: повестка дня, фрейминг, атрибутивная повестка, повестка дня второго уровня, СМИ.

RESEARCH POSSIBILITIES OF FRAMING AND SECOND-LEVEL AGENDA SETTING: A COMPARATIVE ANALYSIS.

B.N. Shestov

The paper analyzes the existing approaches to defining framing and second-level agenda setting. The differences and similarities of these theories are examined. The problems preventing the unambiguous definition of frame as an object and framing as a process are shown. In today's global political situation to investigate the influence of the media is of crucial importance, since the mass media often play an important role in forming an opinion about events directly inaccessible to the general population. Despite the relevance of the indicated issue, now, scholars of mass media disagree about whether framing is just an extension of attribute agenda setting or it is a separate theory. This article is devoted to studying the boundary between these two effects.

Key words: media agenda, framing, attribute agenda, second-level agenda, mass media.

В реалиях современного мира, когда глобальная политическая ситуация далека от стабильности, все более актуальным становится изучение потенциала политического влияния средств массовой информации. Ведь зачастую именно массмедиа формируют образы происходящих событий и определяют характер их восприятия обществом. При этом особенно значимым влияние средств массовой информации становится тогда, когда речь идет о вещах и событиях, не доступных для непосредственного восприятия большинством аудитории: не имея возможности воочию наблюдать за теми или иными процессами, большинство граждан вынуждены полагаться на то, каким образом все это преподносится журналистами.

Перечисленные выше вопросы, как правило, рассматриваются в рамках проблемы установления повестки дня. Понятие повестки дня зарождалось во второй половине 20-го века в США [1, с. 176]. Не умаляя достижений российских исследователей-коммуникативистов, считаем необходимым заметить, что и на данный момент в силу различных факторов передовые исследования в этой области проводятся зарубежными учеными. Поэтому одной из целей наших исследований является ознакомление с накопленным западными учеными опытом, адаптация методик и теорий к отечественным реалиям, а также изучение возможностей применения различных статистических методов в разработке этой темы. Необходимо также отметить, что в современной российской науке уже имеются работы, посвященные анализу

современного состояния теории фрейминга [2, с. 57], однако в данной статье мы сконцентрируемся на сравнении атрибутивной повестки дня и фрейминга и обозначении границ их разделения.

Для начала несколько слов о феномене повестки дня и некоторых других концептуальных понятиях, связанных с обозначенной проблематикой. Согласно западным ученым, стоявшим у истоков исследования процессов установления повестки дня применительно к средствам массовой информации, данная категория чаще всего определяется как набор тем, которые эти средства массовой коммуникации считают важными и приоритетными, и потому обращаются к ним часто, в то время как другие темы упоминаются вскользь, или же вообще избегаются [3, с. 26]. Здесь нам кажется необходимым отметить, что установление повестки дня зачастую рассматривается совместно с такими эффектами, сопутствующими этому процессу, как фрейминг и прайминг. Прайминг подразумевает влияние информации, которую люди черпают из массмедиа, на оценку аудиторией окружающей политической действительности. То есть при оценке того или иного политического актора люди опираются в качестве аргумента на те атрибуты или характеристики, которые более ярко выражены, то есть чаще упоминаются в средствах массовой информации. Это происходит за счет того, что человеку проще строить мнение на основе часто упоминаемых параметров, чем продумывать свои. Например, если в массмедиа часто упоминается экономическое положение в стране, то, оценивая президента, человек будет опираться на результаты политики этого президента в экономической сфере.

В то время как концепция повестки дня сегодня называется повесткой дня первого уровня, повестка дня второго уровня, или атрибутивная повестка, определяется исследователями данного феномена как процесс, при котором характер представленности [4, с. 86] одних атрибутов или характеристик события или политического актора достаточно высок, в то время как другие атрибуты упоминаются реже, на них не заостряется внимание, либо они вообще не упоминаются. Характер представленности (salience) отражает «выделенность» того или иного атрибута и состоит не только из частоты его упоминания, но также включает в себя эмоциональный вклад. Иными словами, если повестка дня первого уровня рассматривает то, какие образы массмедиа рождают в наших головах, в рамках повестки дня второго уровня в двух измерениях изучается вопрос, какие фактические и эмоциональные атрибуты присутствуют в этих образах.

Под фреймингом, как правило, понимают процесс, в ходе которого журналисты, пытаясь сделать изложение материала более понятным для своей аудитории, иногда намеренно упрощают суть описываемых событий, а также ими могут опускаться отдельные подробности и

предлагаться собственные, не всегда, правда, объективные трактовки и интерпретации. Таким образом, в попытке упрощения и превращения материала в более доступный авторы предоставляют информацию в виде простых для понимания интерпретированных блоков или фреймов. Фрейм как объект является основным понятием теории фрейминга и в сущности является некой субъективной и упрощенной моделью реальности, сформированной в голове индивида или группы людей.

Исследователи коммуникативисты, занимающиеся разработкой теории повестки дня, расходятся во мнениях о том, какое значение вкладывать в понятия фрейминга и повестки дня второго уровня. Маккоумбс, Шоу и приверженцы их позиции [5, с. 257] отождествляют эти два понятия, в то время как другие ученые, в том числе Шойфель [6, с. 8], считают, что в этих процессах все же существуют определенные различия. Такому положению способствует несколько аспектов. Во-первых, нет единого понимания фрейма как объекта и фрейминга как процесса [7, с. 142]. Существуют как более абстрактные и общие определения, так и более конкретные понимания этого явления. Кроме этого, существует мнение, что в рамках атрибутивной повестки дня невозможно охватить все аспекты, которые рассматриваются в контексте фрейминга. Так, с точки зрения повестки дня второго уровня, нельзя рассмотреть «эмоциональный вклад» [8, с. 21], то есть тот факт, что один и тот же атрибут может быть преподнесен по-разному.

Еще одним фундаментальным различием является ограничение возможностей теории повестки дня второго уровня относительно фрейминга в случае отсутствия того или иного атрибута. То есть, в то время как первая теория фокусируется на наличии тех или иных характеристик, вторая также рассматривает, о чем намеренно «умалчивается». С психологической точки зрения, предмет теории фрейминга (т.е. фреймы) так же апеллирует к сложившейся системе представлений человека. К сожалению, на данный момент исследования различий и сходств между фреймингом и повесткой второго уровня, основанные на идеях доступности (связано с повесткой второго уровня) и удобства применения (связано с фреймингом), не дали однозначного ответа о границах разделения этих эффектов [9, с. 151].

Обобщая, скажем, что, если появление медийных и индивидуальных фреймов исследовано достаточно, чтобы понимать процесс их формирования [9, с. 150], то, каким образом устанавливается атрибутивная повестка, то есть в каком соотношении влияют на представленность той или иной характеристики политика редакции, убеждения автора материала, «указания сверху» и «обратная связь» аудитории, нуждается в дальнейшей разработке. Однако, на наш взгляд, в то время как влияние аудитории и авторов статьи и их индивидуальных фреймов на медийные фреймы – это тема для отдельных исследований, остальные факторы

настолько противоречивы, что являются, скорее, полем для спекуляции и развития конспирологических теорий.

В заключение считаем необходимым отметить, что наличие существующих ограничений в понимании описанных в статье концепций и разногласий между исследователями не мешает эффективному применению этих теорий для изучения материалов СМИ. Наоборот, обозначение границ применимости обеих теорий позволяет лучше понять их возможности.

Библиографический список

1. Казаков А. Западная коммуникативистика об установлении информационной повестки дня: анализ основных подходов // Политэкс. 2013. Том 9. №3. С. 55-61.
2. Казаков А. Фрейминг медиа-текстов как инструмент воздействия на аудиторию: обзор распространенных трактовок // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. Выпуск 4. 2014. Том 14. С. 85-90.
3. Kim S.H., Scheufele D.A. & Shanahan J. Think about it this way: Attribute agenda-setting function of the press and the public's evaluation of a local issue. *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 2002. 79(1). pp. 7–25.
4. McCombs M. *Setting the Agenda: The Mass Media and Public Opinion*. Malden, MA: Blackwell, 2004. 198 p.
5. McCombs M., & Shaw D.L. The agenda-setting function of the mass media. *Public Opinion Quarterly*. 1972. 36(2). pp. 176–187.
6. Sheaffer T. How to evaluate it: The role of story-evaluative tone in agenda setting and priming // *Journal of Communication*. 2007. Vol. 57. pp. 21-39.
7. Weaver D., McCombs M. & Shaw D.L. Agenda-setting research: Issues, attributes, and influences. In L.L. Kaid (Ed.), *Handbook of political communication research*. 2004. Mahwah, NJ: Erlbaum. pp. 257–282.
8. Weaver D. Thought on agenda setting, framing, and priming // *Journal of Communication*. 2007. Vol. 57. pp. 142–147.
9. Wahl-Jorgensen K. *The Handbook of Journalism Studies*. Taylor & Francis, 2008.

РАЗДЕЛ 19. ЭКОЛОГО-ПРАВОВОЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

УДК 349.6

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

А.С. Алихаджиева

Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина – филиал

РАНХиГС при Президенте РФ, Россия

E-mail: ranitta@yandex.ru

Человечество слишком медленно подходило к пониманию масштабов опасности, которую создавало легкомысленным отношением к окружающей среде. Глобальные экологические проблемы вынуждают современное общество задуматься о серьезности последствий научно-технического прогрессирования в изменяющемся мире. В общественном сознании экология понимается как наука о путях выживания человечества. В связи с этим дальнейшее развитие человеческой цивилизации видится в направлении экоразвития.

Ключевые слова: охрана окружающей среды, устойчивое развитие, экологическое общество, экологическая политика, экологическое развитие.

Russian Modern Community in terms of eco-development

A.S. Alikhadzhieva

Humanity has been reacted too slow to understanding the danger level that was created by irresponsible attitude towards the environment. Global environmental problems force modern society to think about the serious consequences of scientific and technological progress of the changing world. In social opinion ecology referred to a science about the ways of human survival. Consequently the further eco-development of human civilization is required.

Key words: environmental management, sustainable development, environmental community, environmental policy, eco-development.

Проблема взаимодействия природы и общества приобрела особую остроту на современном этапе, который характеризуется переходом от индустриальной к постиндустриальной фазе развития в общемировом масштабе. Современная экологическая обстановка такова, что перед всеми кто осуществляет научно – технический прогресс и использует его достижения, встало неотложное объективное требование строго учитывать состояние природы, не допускать превышения пределов возможности восстановления природных процессов, всесторонне и глубже изучать и

знать сложные природные явления, не обострять негативные противоречия с естественными закономерностями, чтобы не вызвать необратимых процессов в окружающей среде. Во избежание всевозможных конфликтов с природой необходимо осуществлять научное прогнозирование, которое бы дало возможность предвидеть характер отрицательных последствий наших взаимоотношений с природой.

Охрана или восстановление давно утраченных естественных природных свойств задача общегосударственного масштаба. Во многом экологическая стабильность зависит от активности не столь государственных структур, сколько различных представителей современного общества. Постепенно приходит понимание того, что решение вопросов охраны окружающей среды намного весомее любых других сфер жизнедеятельности человека, предвидеть и предотвращать - единственно реалистический подход на пути экологического развития. Длительное время управление природными ресурсами осуществлялось не в интересах сохранения и развития экосистемы в целом, а в угоду сохранения и развития человечества. Как справедливо отмечает Л.Г. Ключанова «Современная цивилизация, определившая базисные установки мирового развития как потребительские по отношению к окружающей природной среде, неизбежно столкнулась с трудноразрешимыми экологическими проблемами, возникающими в результате роста технического прогресса» [1, с. 30]. Пункт 7 Основ государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года гласит: «Стратегической целью государственной политики в области экологического развития является решение социально-экономических задач, обеспечивающих экологически ориентированный рост экономики, сохранение благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов для удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений» [2]. Говорить об успешности эколого-экономического развития в нынешних условиях не представляется верным, так как, разрушая и истощая природную среду невозможно обеспечить устойчивую экономику с одной стороны, а с другой речь идет о здоровье российской нации, будущих поколениях, и до тех пор, пока преобладает хищнический экономический подход к потреблению стратегических ресурсов, любая экологическая затея со стороны общественности всего лишь капля в море. «Социальное и экономическое развитие общества в той части, в какой это связано с природой (которая служит основой жизни и деятельности человека), является постоянным и мощным фактором разнообразных вредных воздействий на нее, природу. Для того, чтобы такое развитие было научно обоснованным и гармоничным, оно, если сопряжено с вредным воздействием на природу, может быть допущено при условии учета и выполнения экологических требований» [3, с. 3].

Еще 14 лет назад Президент Российской Федерации, обращаясь к Федеральному собранию, заявил: «Развитие страны определяется не одним лишь экономическим успехом, но – не в последнюю очередь – духовным и физическим здоровьем нации, хотя, разумеется, это все взаимосвязано. Здоровье народа сегодня напрямую связано не только с состоянием общественного здравоохранения, но и с самим образом жизни людей, с экологией, развитием медицинской науки. В современных условиях охрана здоровья - это проблема государственного масштаба» [4].

Идея экологического развития, возникшая в результате осознания обществом ограниченности природно-ресурсного потенциала для роста производства, а также надвигающейся опасности необратимых негативных изменений в окружающей среде, нашла широкое признание в мире. Исходя из рекомендаций и принципов, изложенных в документах Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 г.), во многих государствах разработаны национальные концепции и стратегии устойчивого развития, которые предусматривают обеспечение сбалансированного решения социально-экономических задач, проблем сохранения благоприятной среды обитания.

Российское общественное сознание пока переживает вяло текущий процесс осмысления масштабности экологических последствий, а средства массовой информации «успокаивают», информируя об объемах природных запасов, гарантирующих стабильную экономику. Во всем этом усматривается все тот же пресловутый потребительский подход к природопотреблению.

По-прежнему одной из наболевших проблем современного общества было и остается отсутствие экологического мышления, экологической грамотности, экологической культуры. Сегодня все больше стран, в том числе и Россия, присоединились к реализации концепции «устойчивого развития», согласно которой человечество должно согласовывать свою деятельность с законами природы, изменить свое отношение к природе. Важным условием перехода прогрессирующего общества к «устойчивому развитию» является формирование у человека экологической культуры. Для повышения уровня экологической грамотности и воспитания очень важно до сознания рядового гражданина донести основную мысль о значимости экологических бед, о необходимости экологического возрождения. Кроме того, гражданам России не присуще понятия «экологическая ментальность» или «культура экологического поведения», «экологическое порицание». По мнению В.Р. Бганбы «Становление экологической культуры связано, с одной стороны, с осознанием широкими слоями общественности глобальной экологической опасности, реальным проявлением в целом ряде регионов планеты экологического кризиса, с другой – внутренней логикой развития экологических и этических исследований. Можно поэтому говорить о двуединой –

социально-практической и теоретической детерминации экологической культуры. Содержание экологической культуры определяется особенностями понимания смысла существования человека, ценности природы, гуманизма, соотношения общечеловеческого, национального, классового в морали, морального долга перед будущими поколениями и некоторыми другими вопросами» [5, с. 7].

Природоохранная сфера это одна из тех сфер, которая острее всего нуждается в гражданском участии. Следует согласиться с мнением Н.И. Хлуденовой, что «На современном этапе общественного развития государство, опираясь на регулятивные возможности права, должно попытаться сбалансировать, а может быть, и примирить законы сохранения природы и потребительские интересы человека, равновесие между которыми серьезно нарушено в последнее время» [6, с. 3].

Природоохранное движение в России в отличие от стран Запада находится на начальной стадии развития, при этом среднестатистический россиянин, как свидетельствуют данные различных социологических опросов осведомлен о проблемах экологии страны. Так, по данным опроса, проведенного Общественным фондом ИА REX к числу наиболее острых экологических проблем граждане РФ относят «Загрязнение водоемов и грязную воду (19%)». «Загрязнение моря»; «Речки такие грязные, что невозможно купаться»; «Водохранилище в ужасном состоянии»; «Забыли, что такое купаться в открытом водоеме. 4% россиян указали, что плохая экологическая обстановка складывается из-за загрязнения окружающей среды в целом, а также варварского отношения людей к природе. 3% сетуют на изменения климата: «Катаклизмы в погоде»; «То жара, то ураганы»; «Резкие перепады температур». По 2% респондентов вспомнили о влиянии радиационного фона, близости АЭС и выбросов от них, свалки радиоактивных отходов, а также о низком качестве питьевой воды» [7]. Согласно п. 2 ст. 11 Федерального закона от 10.01.2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» граждане вправе создавать общественные объединения и иные некоммерческие организации, осуществляющие деятельность в области охраны окружающей среды [8]. В 1994 году был также подписан Указ Президента РФ «О государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития» – обеспечение устойчивого развития это основа для конструктивного взаимодействия органов государственной власти Российской Федерации и ее субъектов, органов местного самоуправления, предпринимателей и общественных объединений по обеспечению комплексного решения проблем сбалансированного развития экономики и улучшения состояния окружающей среды [9].

Население осознает масштабы экологического неблагополучия, но деятельного участия в решении проблем охраны окружающей среды не предпринимает. Такая экологическая пассивность обусловлена разными

причинами. Следует отметить, пишет Т.А. Ковелина и Е.К. Овсянникова «И слабую активность экологических движений в России. Так, из двух с половиной миллионов сторонников Greenpeace на долю России приходится менее двадцати тысяч человек. Приблизительно такова же картина деятельности и большинства других природоохранных организаций в нашей стране. При этом их деятельность остается малоизвестной большинству населения страны» [10, с. 290]. Кроме того, в Российской Федерации действует чуть более 10 известных населению экологических организаций. На наш взгляд, недостатком отечественного экологического движения является отсутствие идейного подхода. Зачастую в созданных экологических организациях усматривается только политическая заинтересованность, но не желание улучшить экологическую обстановку. По мнению директора по программам Гринпис России Ивана Блокова «Уровень обеспокоенности проблемами окружающей среды, в России никогда не превышал 32%: пиковое значение было зафиксировано в период экстремально жаркого лета 2010 года, когда Подмосковье и центральную часть России охватили торфяные и лесные пожары, а столица задыхалась от тяжелого смога. Другим серьезным препятствием к улучшению экологической обстановки является сокрытие информации о проблемах властями и заинтересованными структурами. «Два элемента нам нужны, чтобы решить проблему, "первый – это активность людей, а с этим не все так плохо, как может показаться, а второй – это информация и то, что власти всячески стараются нам ее не дать"» [11]. На сегодняшний день пакет нормативных актов, дающих право на получение экологической информации весьма богат, при этом механизм реализации такой правовой прерогативы обществом малоэффективен. Правовое закрепление участия гражданского общества в решении вопросов сохранения естественной среды выразилось в принятии Конвенции о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды (Орхусская конвенция 1998 г.), согласно которой «Каждый человек имеет право жить в окружающей среде, благоприятной для его здоровья и благосостояния, и обязан как индивидуально, так и совместно с другими охранять и улучшать окружающую среду на благо нынешнего и будущих поколений, считая, что в целях обеспечения возможности отстаивать это право и выполнять эту обязанность граждане должны иметь доступ к информации, право участвовать в процессе принятия решений и доступ к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды» [12]. Основной закон РФ в ч. 2 ст. 24 также закрепил обязанность органов государственной власти и органов местного самоуправления, их должностных лиц обеспечивать каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы. Российские граждане имеют право представлять государственным органам свои

замечания к проектам, однако должностные лица не обязаны их учитывать и обосновывать свой отказ. То есть право на экологическую информацию для граждан скорее носит прописной характер, нередко случаи отказа в предоставлении информации или предоставление искаженной экологической информации, либо с нарушением сроков обращения граждан за сведениями, не отнесенными к категории государственной и иной тайны. В связи с этим, интересной точкой зрения представляется мнение В.И. Кутузова о том, что «Экологическая информация как важнейшая категория эколого-правовой системы России остаётся лишённой правовой оболочки и пока не существует в качестве правового понятия. Необходимо отделение права на информацию и права на информированность, поскольку это в определённой степени поможет разобраться с правомочиями субъектов данных прав в частных случаях, одним из которых и является экологическая информация и экологическая информированность [13, с. 85].

Другой не менее острой проблемой остается озабоченность российского общества вопросами социального характера, поэтому экологическая проблема все так же решается государством. Экологический императив напоминает нашему обществу о его неразрывной связи с природой, и о той угрозе, которая несет с собой игнорирование ограниченности компенсаторных возможностей естественной среды обитания. И если до недавнего времени еще можно было представить процесс общественного развития, где учитывались лишь социальные и экономические параметры, то сейчас необходим переход к экологической подсистеме, и без общественного участия сделать это невозможно, так как государство тесно связано с обществом, государство и право порождены обществом, и, соответственно, форма их существования не может остаться безучастной к природе. Государство охраняет и общество и природу.

В научной литературе на протяжении долгого времени высказывается мысль о необходимости корректировки законодательной базы в части введения нормы о стимулировании гражданского участия в решении экологически значимых вопросов. Сотрудничество государства и граждан в решении экологических проблем – существенная предпосылка реализации предоставленных законом субъективных прав каждого на здоровую окружающую среду и условие их успешной защиты. Гражданская активность населения является мощным стимулом к соблюдению законодательства и установлению в обществе режима экологической законности. Но, учитывая экономическую ситуацию в стране и в мире, очевидно, что данное нововведение в ближайшем будущем маловероятно.

Экологическая ситуация в Российской Федерации может быть стабилизирована и улучшена путем коренного изменения ориентации социально-экономического развития страны, формирования новых

ценностных и нравственных установок, пересмотра структуры потребностей, целей, приоритетов и способов деятельности человека.

Таким образом, экологическое развитие Российской Федерации в тандеме с обществом в целом возможно при условии, если будут реализованы запланированные экологические мероприятия, налажена информационная связь между экологическими организациями и представителями управленческого сектора и бизнеса. Экологическая инициативность граждан во многом зависит от стремления руководителей природоохранных структур к сотрудничеству. В развитых странах экологическая обстановка не лучше российской, но при этом самостоятельные бюджетные средства на экологические нужды и менталитет граждан создают предпосылки для кропотливой работы на пути экологического развития. Для российских граждан пока характерен лишь зарождающийся дух экологического патриотизма. Экологический менталитет иностранных граждан сформирован на основе экологической этики, в то время как российское природоохранное законодательство не предусмотрело этот термин вообще.

Немалую роль в осмыслении масштабов экологического вреда играют СМИ и образовательные учреждения. Формирование экологического мировоззрения может способствовать пониманию индивидуальной экологической ответственности. Необходимо нравственное совершенствование людей, изменение человеческих качеств на основе эколого-гуманистических ценностей, все выше названное поможет развить действенную пространственную структуру экономики страны при соблюдении баланса интересов всех участников экологических отношений. Переход к экологическому развитию должен осуществляться в рамках реализации программ и планов по улучшению качества природной среды с учетом изменений в общественной и политической жизни страны. Установление новых связей и партнерств между организациями государственного сектора и среди неправительственных объединений послужит дальнейшему, более эффективному решению проблемы сохранения природы. Концепция давно наметившихся отношений «общество-государство» нашла свое отражение в ряде нормативных актов, осталось только претворить задуманное в реальной жизни, изменив тем самым экологическую ситуацию в лучшую сторону.

Библиографический список

1. Клюканова Л.Г. О концепции развития науки экологического права в рамках синергетической парадигмы // Экологическое право. 2012. №6. С. 30-36.
2. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Президентом РФ 30.04.2012 г.) // Документ опубликован не был. СПСКонсультант (дата обращения: 28.02.2015).

3. Бринчук М.М. Внешние методологические основания развития экологического права: общие закономерности развития общества, положения Конституции Российской Федерации и общей теории права, мировоззренческие положения // Экологическое право. 2011. №2. С. 2-8.
4. Послание Президента РФ Федеральному Собранию «Не будет ни революций, ни контрреволюций» // Российская газета. 04.04.2001. №66.
5. Бганба В.Р. Экологическая проблема: социально-философские основания и пути решения // Дис... докт. филос. наук. М., 1992. 46 с.
6. Хлуденева Н.И. Дефекты правового регулирования охраны окружающей среды: монография. М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2014. 172 с.
7. Летают в космос, дыры делают: причины ухудшения экологии в России (социологический опрос) // URL: <http://www.iarex.ru/news/8614.html> (дата обращения: 01.03.2015).
8. Федеральный закон от 10.01.2002 года №7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // СЗ РФ. 2002. №2. Ст. 133; 2015. №1. Ст. 11.
9. Указ Президента РФ от 04.02.1994 года № 236 «О государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. №6. Ст. 436.
10. Ковелина Т.А., Овсянникова Е.К. Особенности формирования экологического сознания современного российского общества в условиях глобализирующегося мира // Общество и право. 2011. №2. С. 289-292.
11. Блоков И. Нужны два фактора для решения экологических проблем – активность людей и доступ к информации // URL: www.bellona.ru/articles_ru/articles_2014/1401372789.8 (дата обращения: 04.03.2015).
12. Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orhus.shtml (дата обращения: 04.03.2015).
13. Кутузов В.И. К вопросу разграничения права граждан на экологическую информацию и права граждан на экологическую информированность // Современные наукоемкие технологии. 2005. №1. С. 84-86.

УДК 504.75

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ И ФУНКЦИИ АРКТИЧЕСКОГО СОВЕТА

Т.А. Михайлова, К.С. Михайлов

Балаковский филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия

E-mail: atianami@gmail.com

Изменяется экономическая картина планеты. Идет борьба за ресурсы. Россия не может оставаться в стороне от общемировых тенденций. Важность Арктики для экономики России трудно переоценить. Наличие проблем в регионе Арктики требуют сотрудничества государств и создания межправительственных организаций, таких как Арктический Совет, регламентирующих полномочия их деятельности и, координирующая деятельность стран-участниц договора в арктическом регионе как

субъектов международного права. Особое внимание уделено возможностям и инструментам защиты национальных интересов России в этом геополитически важном макрорегионе, в том числе в рамках такой структуры, как Арктический Совет.

Ключевые слова: Арктика, регион, право, интересы, защита, ресурсы, международное право, международное сотрудничество, защита окружающей среды. Арктический Совет, национальная безопасность.

INTERNATIONAL COOPERATION IN THE ARCTIC REGION AND FUNCTION OF THE ARCTIC COUNCIL

T.A. Mikhailova, K.S. Mikhailov

Environmental situation of our planet is changing. There is a struggle for resources. Russia can't be kept aloof from the global trends. Arctic territory is extremely important for Russian economy, and it is difficult to overestimate its significance.

The issues in Arctic territory can be solved due to cooperation of the state and intergovernmental organizations such as Arctic Council, which can have authority to regulate the activities and coordinate subjects of the international law according to the Arctic region treaty among different countries.

Key words: Arctic Council, international law, interests of the Arctic states, international cooperation, and environment protection.

Арктический Совет активно работает, представляя интересы восьми арктических государств (Канада, Дания, Финляндия, Исландия, Норвегия, Россия, Швеция и США) и Европейского парламента. Благодаря работе Арктического Совета установились разнообразные формы международного сотрудничества в современной Арктике – конгрессы, международные соглашения, совместные проекты и совместное финансирование работ научных центров, симпозиумы, эксперименты, создание заповедных зон и международных учебных центров [1].

Например, с возникновением Арктического Совета защита окружающей среды Арктики (экология) перестала относиться к внутренней компетенции арктических государств и стала предметом заботы всего мирового сообщества. Благодаря Арктическому Совету для сохранения экосистемы Арктики государства заключили огромное количество международных договоров, регулирующих отношения по природопользованию и охране окружающей среды. Характер таких договоров разнообразен. В их числе Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения, 1973 г.; Соглашение об охране полярных (белых) медведей, 1973 г.; Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой, 1987 г.; Рамочная Конвенция ООН об изменении климата 1992 г. с Киотским Протоколом 1997 г.; Стокгольмская Конвенция о стойких органических загрязнителях, 2001 г.; Соглашение о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании, 2011 г.

Арктический Совет проводит сессии, конференции и форумы по различным текущим вопросам арктического региона. На первой сессии, состоявшейся 17-18 сентября 1998 г. в Икалуите (Канада) [2], рассматривались главным образом программные и организационные вопросы деятельности Совета на этапе его становления. Были приняты Декларация, Мандат международной программы устойчивого развития Арктики и Правила процедуры Арктического Совета. Последними закреплён принцип консенсуса.

Вторая сессия прошла 12-13 октября 2000 г. в Барроу (Аляска, США). На ней был принят Рамочный документ Арктического Совета по устойчивому развитию, рассматриваемый как основа для дальнейшего сотрудничества по разработке Стратегии устойчивого развития Арктики. Участники одобрили проекты ряда документов, разработанные рабочей группой по данному направлению, утвердили План действий Арктического Совета по предотвращению загрязнения Арктики (АКАП), учредили Программу оценки влияния изменений климата (АСИА).

В ходе третьей сессии 9-10 октября 2002 г. в Инари (Финляндия) была принята Инарская Декларация. Участники форума приветствовали расширившееся участие коренных народов (Соединенные Штаты отмечают, что использование термина «народы» в этой Декларации [3] и связанных с ней документах не следует истолковывать, как имеющие какие-либо последствия в отношении прав, которые могут связываться с этим термином в соответствии с международным правом) в работе Арктического Совета и его вспомогательных органов; заявили о своей приверженности улучшать условия жизни людей в Арктике, и обязались укреплять циркумполярное сотрудничество по содействию устойчивому развитию в Арктике, как основы для повышения процветания и благосостояния.

На четвертой сессии 24 ноября 2004 г. в Рейкьявике (Исландия) принята Рейкьявическая Декларация [4]. Ее участники выразили озабоченность тенденциями изменения климата Арктики. В докладе АСИА «Оценка влияния изменения климата в Арктике» констатируется, что оно может привести к негативным последствиям для населения арктического региона, в том числе коренных народов, а также для арктических биологических видов и экосистем. Члены Совета призвали к учету выводов, содержащихся в докладе АСИА и других соответствующих исследованиях, при выполнении странами своих обязательств в соответствии с Рамочной Конвенцией ООН [5] об изменении климата и другими Соглашениями, в том числе путем выработки стратегии смягчения последствий изменения климата. Отмечена необходимость эффективных мер, направленных на смягчение экологических, экономических и социальных последствий изменения климата и ультрафиолетового излучения, путем расширения доступа жителей

региона к информации и процессу принятия решений. На сессии был принят План действий по устойчивому развитию Арктики [6] в качестве средства осуществления одноименной программы. В Декларации приветствуется работа в рамках Программы с загрязнителями и в этой связи отмечаются особые усилия России в реализации проектов этой Программы, а также успешное завершение одного из них – повышение экологичности производства в Норильске. Кроме того, на сессии в Рейкьявике одобрены Стратегический план по защите арктической морской среды и Руководство по перевозке нефти в арктических водах. Рабочим группам поручено провести оценку природоохранных мероприятий, осуществляемых при морских перевозках в регионе, а также портовых систем сбора отходов и мусора, оставляемых судами, и разработать руководящие принципы деятельности в этой области. Среди приоритетных задач также были названы проблематика морского сообщения в Арктике, включая Северный морской путь, обеспечение устойчивого развития коренных народов, дальнейшие меры по защите, сохранению и восстановлению окружающей среды региона.

Пятая сессия прошла 26 октября 2006 г. в Салехарде под председательством Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова. Она подвела итоги двухлетнего российского председательства и ознаменовала 10-летний рубеж деятельности этого важного межправительственного форума. В итоговых документах сессии – была принята Салехардская Декларация [7]. Она обозначила еще раз три стратегических направления развития отношений: окружающая среда, общество и экономика, при этом, с удовлетворением было отмечено, что достигнута ранее обозначенная цель – привлечение мирового внимания к состоянию окружающей среды Арктики.

В конце апреля 2009 г. в норвежском городе Тромсё прошла шестая сессия Арктического Совета [8]. Здесь обсудили результаты исследований по темам: «Оценка перспектив по нефти и газу», «Оценка перспектив морского судоходства», «Экономика Севера», «Уязвимость и адаптация к изменениям климата в Арктике», был сделан обзор по энергетике. На сессии участники одобрили нескольких инициатив России, в том числе по созданию многосторонней системы предотвращения и нейтрализации последствий техногенных катастроф. Кроме того, наши дипломаты предложили развивать проект по созданию панарктической электронной библиотеки – своеобразной электронной памяти, исторического архива и музея.

Швеция стала председателем Арктического Совета в мае 2011 г. на седьмой сессии. Среди обсуждаемых вопросов была тема, которая в последнее время озвучивается странами-участниками – усиление роли Арктического Совета и придании ему новых, более широких полномочий в разработке международной политики. Есть и еще одна идея для дискуссии:

экономическое освоение Арктики, в том числе разработка нефтегазового шельфа, которая должна проходить под управлением Арктического Совета и ученых.

14 мая 2011 г. на заседании Арктического Совета, которое состоялось в Нууке (Гренландия) [9] на уровне руководителей внешнеполитических ведомств стран-участниц был подписан первый, юридически обязывающий документ – Соглашение о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике, разработанное РФ и США и нацеленное на повышение оперативности и эффективности оказания помощи, попавшим в беду людям [10]. Соглашение закрепляет за каждой из стран зону спасательно-поисковой ответственности. Это первый в истории панарктический документ. «Арктическим государствам потребуется еще не один такой рывок для решения проблем окружающей среды в Арктике», – приводит пресс-служба Фонда слова руководителя глобальной Арктической программы WWF А. Шестакова. По его словам: «Арктика больше не является далекой периферией. Это приоритетный регион для богатейших и сильнейших мировых держав. Если арктические государства не обеспечат ее безопасность и сохранность, мы можем лишиться этого уникального кусочка планеты» [11].

В Нууке также было принято решение об укреплении Арктического Совета. Его рекомендациям постепенно будет придаваться более обязывающий характер, а также будет создан его постоянный Секретариат (в норвежском городе Трёмсё) с собственным бюджетом. Укрепление Совета фактически превратит его в «Арктическое правительство».

«Это была седьмая и, на мой взгляд, одна из самых успешных министерских сессий Арктического Совета, – прокомментировал итоги прошедшего заседания С.В. Лавров, министр иностранных дел России. – Мы приняли пакетное решение о его укреплении. Это крайне важно в условиях повышения роли, которую он играет в организации арктического сотрудничества и усиления внимания в мире к Арктике. Договорились о создании постоянного Секретариата Совета. Достигнута принципиальная договоренность, чтобы впредь Арктический Совет принимал не только рекомендации, а вырабатывал юридически обязывающие Соглашения» [12]. Как сообщает Министерство иностранных дел России, среди новых крупных проектов Совета на предстоящий период были предусмотрены к разработке такие вопросы: экосистемное управление окружающей среды в Арктике, интегрированная оценка многосторонних факторов происходящих в Арктике изменений, оценка тенденций в развитии человека в меняющихся условиях Арктики.

Между сессиями проходят заседания Комитета старших должностных лиц (КСДЛ) и работают Рабочие группы Арктического Совета. Так, 6-7 апреля 2005 г. в Якутске и 12-14 октября 2005 г. в Ханты-Мансийске под председательством России состоялись заседания Комитета старших

должностных лиц Арктического Совета. Рассматривался весь спектр вопросов устойчивого развития арктического региона в социальной, экономической и природоохранной сферах. В этом контексте Россией предложен механизм реализации Плана действий Арктического Совета, который решено доработать в рамках Рабочей группы по устойчивому развитию. На заседаниях активно обсуждалось участие Арктического Совета в подготовке и проведении Международного полярного года (далее МПГ) [14]. Большой интерес вызвал предложенный российской стороной проект межправительственного Соглашения о сотрудничестве в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Арктике, который следует доработать соответствующей Рабочей группой.

22 сентября 2011 г. в Архангельске стартовал Второй международный Арктический форум «Арктика – территория диалога» [15]. Форум прошел в стенах Северного (Арктического) федерального университета. Участие в нем приняли Председатель правительства РФ В.В. Путин, президент Республики Исландия Олафур Рагнар Гримссон, суверенный князь Монако Альбер II, а также ведущие ученые и эксперты. Открыл форум Президент Русского географического общества С.К. Шойгу. Он отметил, что «Первый Арктический форум, который прошел в прошлом году, подтвердил необходимость создания в России – крупнейшей арктической стране – статусной международной площадки для обсуждения проблем региона. Теперь, когда такая площадка создана, мы займемся детальной проработкой международного сотрудничества в Арктике, – заключил Шойгу С.К. [15].

В рамках Второго Международного Арктического форума прошло обсуждение создания единой национальной транспортно-логистической инфраструктуры и ее важной арктической составляющей. Она включает в себя реализацию таких проектов как «Белкомур», строительство глубоководного морского порта в Архангельске, формирование международных транспортных коридоров, связывающих Европу со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, Ближнего и Среднего Востока, Северной Америки. А также обновления Севморпути.

Выступая на международном Арктическом форуме, В.В. Путин подчеркнул [16], что закон, который призван урегулировать все вопросы судоходства по Северному морскому пути, может быть принят уже до конца этого года. По предварительным оценкам, объем перевозки грузов по Северному морскому пути к концу 2011г. может достигнуть 700 тысяч тонн, – сказал В.В. Путин. Через Арктику лежит кратчайший путь к рынкам Европы и Азии. Этот путь на треть короче традиционного южного маршрута. Это отличная возможность оптимизировать транспортные расходы. Премьер также отметил, что для развития Севморпути планируется реализовать целый комплекс мер: развитие существующих портов вдоль магистрали и строительство новых, обновление ледокольного

флота, принятие законопроекта о Севморпути и ряд других мер. В числе важнейших задач он назвал формирование инфраструктуры на всей протяженности Севморпути. Здесь речь идет о комплексном транспортном проекте, призванном обеспечить динамичное развитие и освоение северных территорий РФ, решении важнейших экономических, экологических, социальных задач, создании новых производств и рабочих мест. Планируется расширить действующие порты и построить новые, такие как порт «Варандей» и порт «Саббета» на полуострове Ямал.

Он напомнил, что «Россия, как и обещала, уже приступила к генеральной уборке Крайнего Севера и российской Арктики. В числе первых проектов – очистка Земли Франца-Иосифа от скопившихся бочек с нефтепродуктами, на эти цели из федерального бюджета до 2015 г. мы выделяем 2,3 миллиарда рублей», – отметил Премьер. Аналогичные работы ожидают и остров Врангеля, а также российские поселки на Шпицбергене. По словам главы правительства, также будет проведена комплексная оценка экологического состояния еще семи крупных регионов арктической зоны. В.В. Путин подчеркнул, что «реализация этих проектов позволит разработать уникальные методы восстановления загрязненных территорий. Именно экологическая составляющая должна стать ключевым лейтмотивом деятельности человека на Крайнем Севере», – сказал он [17].

Об этом на форуме говорили и президент Республики Исландия Олафур Гримссон и суверенный князь Монако Альбер II. Они поддержали идею о развитии природоохранных и экологических мероприятий в арктическом секторе. На форуме выступили также вице-президент РАН Лаверов Н.П., министр природных ресурсов и экологии РФ Трутнев Ю.П., профессор Университета Аляски в Фэрбенксе Лоусон Браем, министр транспорта РФ Левитин И.Е., губернатор Архангельской области Михальчук И.Ф. и ректор МГУ им. М.В. Ломоносова Садовничий В.А. Работу форума продолжили три тематических заседания, посвящённые вопросам развития арктической транспортной системы, комплексной безопасности и предупреждения чрезвычайных ситуаций и охраны окружающей среды в Арктике. Всего на форуме было заслушано 29 докладов.

Таким образом, круг вопросов деятельности Арктического Совета широк и охватывает не только природоохранную сферу (экологию) и проблемы устойчивого развития, но и научные, экономические и финансовые вопросы, а также предполагает тесное международное сотрудничество в арктическом регионе.

Библиографический список

1. Международные отношения: теории, конфликты, организации: учеб. пособие / под ред. проф. П.А. Цыганкова. М.: Альфа, 2004. С. 188.

2. Бюллетень ANSIPRA / Сеть Арктических организаций в поддержку коренных народов Севера. 2002. №7. URL: <http://ansipra.npolar.no/russian/Bulletin/Bulletin07R.pdf> (дата обращения: 14.12.2014).
3. Инарская Декларация от 10.10.2002 г. (Финляндия). Practical Science: URL: <http://www.sci.aha.ru> (дата обращения: 19.03.2015).
4. Рейкьявикская Декларация по случаю Четвертой Министерской сессии Арктического Совета от 12.06.2004 г. (Исландия). Сайт МИД. URL: <http://www.mid.ru> (дата обращения: 19.03.2015).
5. Рамочная Конвенция ООН по изменению климата (Framework Convention on Climate Change, UNFCCC). Рио-де-Жанейро. 1992 г. Некоммерческая международная общественная организация. Энергетика, транспорт, климат, права человека. URL: <http://www.bellona.ru> (дата обращения: 19.03.2015).
6. План действий по устойчивому развитию Арктики (2004 г.). Арктика сегодня: URL: <http://arctictoday.ru> (дата обращения: 19.03.2015).
7. Салехардская Декларация от 26.10.2006 г. (Россия). Агентство нефтегазовой информации. URL: <http://samotlor-express.ru> (дата обращения: 19.03.2015).
8. Поросков Н. Холодный расчет / Время новостей. 2009. №93. URL: <http://www.vremya.ru> (дата обращения: 19.03.2015).
9. См.: Первая Нуукская декларация об окружающей среде и развитии в Арктике от 16.09.1993 г. (Гренландия) // «Арктика: экология и экономика». 2011. №3. С. 13-56.
10. Нуукская Декларация по случаю Седьмой Министерской сессии Арктического Совета от 12.05.2011 г. (Гренландия) / Сайт Арктического Совета. URL: <http://arctic-council.org> (дата обращения: 19.03.2015).
11. Шестаков А. WWF приветствует соглашения по спасательным операциям в Арктике // РИА Новости. 16.05.2011 г. С. 1-3.
12. Лавров С.В. Доклад на Седьмой Министерской сессии Арктического Совета 12.05.2011 г. / Сайт МИД. URL: <http://www.mid.ru> (дата обращения: 19.03.2015).
13. В соответствии с решениями Международного Совета по Науке (МСНС) и Всемирной Метеорологической Организации (ВМО) исследования по проекту «Международный полярный год 2007-2008» проходили в период с 01.03.2007 г. по 01.03.2009 г., что вызывалось необходимостью проведения двух годовых циклов наблюдений в обоих полярных регионах / Система Мировых Центров Данных. URL: <http://www.wdcb.ru> (дата обращения: 19.03.2015).
14. Русское географическое общество. URL: <http://www.rgo.ru> (дата обращения: 19.03.2015).
15. Выступление Председателя правительства РФ В.В. Путина на Втором Международном Арктическом форуме «Арктика – территория диалога» / Российские полярные исследования. Информационно-аналитический сборник. 2011. №4(6). С. 3.
16. Чистякова А. Через Арктику лежит кратчайший путь к рынкам Европы и Азии // Российская газета. 22.09.2011 г. / Сайт РГ. URL: <http://www.rg.ru> (дата обращения: 19.03.2015).
17. Михайлова Т.А., Михайлов К.С. Международное право и международная межправительственная региональная организация – Арктический Совет / Научные исследования: информация, анализ, прогноз: монография / [Е.Л. Берладина... и др.]; под общей ред. проф. О.И. Кирикова. Книга 44. Москва: Наука информ; Воронеж: ВГПУ, 2014. 199 с. Глава II. С. 17-31.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОГО ОБРАЩЕНИЯ С ОТХОДАМИ ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ

В.Я. Решетников

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: v_reshetnikov@list.ru

Статья посвящена проблемам безопасного обращения с отходами производства и потребления. Отходы производства и потребления представляют собой источник загрязнения окружающей среды, способствующий распространению многих опасных веществ, отрицательно влияющих на здоровье населения. Большую роль в решении данной задачи законодатель отводит уголовно-правовым мерам, которые позволяют правильно квалифицировать преступное деяние и установить виновное лицо.

Ключевые слова: экология, отходы производства и потребления, уголовно-правовая охрана.

ENFORCEMENT PROBLEMS IN SAFETY SPHERE OF WASTE PRODUCTION AND CONSUMPTION

V.Ya. Reshetnikov

This article is devoted to the problems of safe management waste production and consumption. Waste production and consumption are a source of environmental pollution, contributing to the spread of many dangerous substances that negatively affect the health of the population. A major role in solving this problem legislator assigns to criminal measures that can properly qualify the criminal act and establish the guilty person.

Key words: ecology, waste production and consumption, criminal liability.

Одной из черт современного развития общества является его выраженная потребительская направленность по отношению к окружающей среде. Резко возросшее потребление энергетических мощностей и технической оснащенности человека кардинально изменило его возможности и масштабы воздействия на природу. Обеспечив тем самым, с одной стороны – экономический рост, способствующий повышению уровня жизни населения, а, с другой – расплатившись истощением природных ресурсов из-за чрезмерного уровня их потребления и увеличением объема экологически опасных веществ и отходов, загрязняющих окружающую среду. Бесконтрольный сброс источников радиационного излучения в окружающую среду, рост мест несанкционированного хранения отходов производства, среди которых зачастую обнаруживаются опасные отходы, представляющие угрозу для здоровья населения, являются в основном результатом нарушения правил

обращения экологически опасных веществ и отходов, что, в конечном счете, создает угрозу экологической безопасности страны.

В настоящее время, проблема безопасного обращения с отходами, относится к важным мировым экологическим проблемам. Отходы производства и потребления представляют собой источник загрязнения окружающей среды, способствующий распространению многих опасных веществ, отрицательно влияющих на здоровье населения. Так, по данным Государственного доклада Минприроды «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации» за 2013 год, «объем образования отходов всех классов опасности из года в год практически в 2 раза превышает объем использования и обезвреживания отходов, что продолжает увеличивать нагрузку на окружающую среду» [1, с. 2].

Указанная проблема утилизации отходов не может быть решена созданием неких безотходных или малоотходных производств, поскольку требует решения многих экономических, социальных и иных направлений деятельности государства, сочетающих интересы рыночной экономики с государственным подходом, направленным на стимулирование и поощрение производителей по поиску новых производств и технологий, использующих отходы производства в целях уменьшения их негативного воздействия на окружающую среду. «Сейчас расходы на природоохранные мероприятия в РФ составляют около 0,1% бюджета – в то время как для стабилизации состояния окружающей среды нужно затрачивать около 2% бюджета, а для медленного улучшения ситуации – около 3% бюджета» [2, с. 7]. Неслучайно поэтому наращивание и укрепление организационного потенциала в области удаления опасных отходов определено мировым сообществом в качестве приоритетной задачи современности.

Большую роль в решении данной задачи законодатель отводит уголовно-правовым мерам. Между тем, несмотря на значительную распространенность подобных нарушений правил обращения с экологически опасными веществами и отходами, правоохранительными органами выявляется лишь незначительная их часть. Так, практика применения нормы, предусматривающей ответственность за нарушение правил обращения экологически опасных отходов (ст. 247 УК РФ) не велика. Так, за пять лет количество зарегистрированных преступлений составило всего 236, в том числе в г. – 26, в 2001 г. – 40, 2002 г. – 54, 2003 г. – 58, 2004 г. – 61. Между тем, только на территории Саратовской области в 2013 году было использовано и обезврежено только 34% всех образовавшихся отходов (в 2012 году доля использованных и обезвреженных отходов составляла 29,8%) [3, с. 11]. Такие показатели свидетельствуют о низкой эффективности применения уголовно-правовой нормы за нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов. И кроме того, значительная доля уголовных дел, возбужденных

по ст. 247 УК РФ, в дальнейшем прекращается по различным основаниям. Основными причинами подобного положения являются не только недостатки законодательной регламентации исследуемого деяния, но и проблема сбора доказательственной базы, в первую очередь связанные с выявлением признаков состава преступления.

Законодатель, в зависимости от последствий (угроза или загрязнение, отравление, заражение и т.п.), наступивших в результате нарушения правовых предписаний по производству, транспортировке, хранению, захоронению или иному обращению с опасными отходами сформулировал указанную статью как преступление небольшой тяжести (ч. 1), средней (ч. 2), и тяжкое деяние (ч. 3). В качестве непосредственного объекта указанных противоправных деяний, выступает экологическая безопасность процессов обращения (оборота) различного рода веществ, представляющих по своему характеру угрозу как в целом для окружающей среды, так и ее отдельных элементов, а также человека и его жизнедеятельности, под которой следует понимать определенное состояние защищенности окружающей среды как среды обитания отдельных граждан и общества в целом от негативных последствий оборота указанных веществ.

Таким образом, объектом уголовно-правовой охраны в данном случае является не только экологическая обстановка в целом, но и здоровье граждан, интересы лесного или сельскохозяйственного производства, хозяйственное и иное использование природной среды, в качестве дополнительных объектов охраны. Поэтому, исследуя объективную сторону преступления, необходимо выяснять, во-первых, посягало ли оно на состояние безопасности обращения опасных веществ и отходов, во-вторых, затрагивало ли состояние окружающей среды, и, в-третьих, связано ли оно с деятельностью лиц, ответственных за соблюдение правил оборота опасных веществ и отходов. При положительном ответе на вышеуказанные вопросы, как правило, всегда посягательство на экологическую безопасность и состояние окружающей среды (в том числе на состояние водных объектов) сопровождается посягательством на существующий порядок оборота определенных веществ.

Важную роль в установлении противоправного характера существующих нарушений правил обращения с экологически опасными веществами, играет установление предмета посягательства, под которым следует понимать: запрещенные виды опасных отходов, радиоактивные, химические, бактериологические опасные вещества, а также опасные отходы [3, с. 15]. Поэтому, для решения вопроса о том подпадает ли то или иное вещество под предмет данного преступления, в процессе расследования необходимо установить, что они являются не только отходами, но и опасными, возникшими в результате производства, а также – запрещенными к обороту. Другими словами, в качестве предмета

преступления, в контексте ст. 247 УК РФ, отходы по своим характеристикам должны одновременно отвечать критериям опасности и запрещенности.

Другим элементом в структуре доказывания, вызывающем сложности на практике, является установление в полном объеме механизма преступного посягательства, который, с точки зрения законодателя, включает в себя действия по производству; возникновение угрозы причинения вреда; причинную связь между действиями и возникновением угрозы (ч. 1 ст. 247 УК). Каждый из указанных элементов объективной стороны, в свою очередь, должен отвечать определенным условиям. Так, в качестве условия производства является его противоправность и запрещенность нормами экологического и природоресурсного законодательства.

Еще более сложной задачей является установление характера угрозы причинения существенного вреда здоровью человека или окружающей среде, поскольку анализ конкретной ситуации должен осуществляется, во-первых, в направлении выяснения степени реальности данной угрозы, и, во-вторых, особенностей ее характера. Отсутствие четкого законодательного определения признаков угрозы, нередко порождает на практике споры относительно ее реальности в той или иной ситуации. Критерием реальности, на наш взгляд, должно стать выявление не угрозы вообще, а наличие конкретной опасности (совершение определенных действий, их совокупности) под которой следует понимать существование ситуации, при которой имеются реальные возможности причинить вред конкретному объекту.

Другим, не менее трудным элементом в доказывании, является установлении двух видов причинно-следственной связи: во-первых, реальности причинной связи между деянием и состоянием угрозы (угрозой) и вероятной причинной связи между угрозой и возможным вредом охраняемым интересам. Первый вид исследуемой связи должен означать, что производство данного вида отходов и условия их существования, т.е. хранения либо иного обращения с ними, действительно вызвали изменение обстановки до такого ее состояния, которое создало реальную угрозу (напр., появились новые виды опасных отходов или вырос их объем.)

И, еще одна особенность механизма экологических преступных деяний заключается в том, что они могут состоять из ряда действий и (или) различных видов бездействия, что значительно затрудняет установление причинной связи между ними и наступившими последствиями. К тому же, необходимо учитывать возможное усиление причинной связи в силу одновременного наложения ряда действий и (или) бездействия, которые характеризуют объективную сторону деяния. Так, нарушение правил упаковки опасных веществ отправителем может усиливаться

несоблюдением правилами их перевозки, допущенным уже перевозчиком, а затем все вместе будет усугублено нарушением порядка разгрузки и хранения иными участниками.

Таким образом, многие негативные последствия, причиняются и усиливаются совпадением, казалось бы, незначительного влияния нескольких отдельных факторов. В подобных случаях, выявление подобного механизма причинной связи обязывает органы расследования решать вопрос о наличии соучастия в совершении преступления. Тем более, что, как известно, субъектом экологических преступлений, может быть не только лицо, на которое в силу нормативных правовых предписаний, по поручению, договору или иному уполномочию возложены обязанности по производству, в процессе которого были получены (возникли) запрещенные виды опасных отходов, а также лицо, которое по собственной инициативе осуществляет действия, образующие процесс производства запрещенных видов опасных отходов.

И, наконец, еще одной сложностью для квалификации экологических преступлений в рамках ст. 247 УК РФ, является бланкетный характер диспозиции указанной статьи, отсылающий к признакам, конкретное содержание которых раскрывается в законе, относящемся, зачастую, к другой отрасли права, и (или) иным нормативным правовым актам [4, с. 41]. Указанное обстоятельство, безусловно, усложняет процесс квалификации деяния, тем более, что зачастую различные акты, по разному трактующие обстоятельства конкретного события, обладают при этом одинаковой юридической силой, однако, и отказ от бланкетной диспозиции может привести к еще большим сложностям при привлечении к уголовной ответственности, поскольку правоприменительная практика в подобной ситуации, на наш взгляд, лишилась бы критериев оценки содеянного.

Библиографический список

1. Доклад Минприроды «О состоянии и об охране окружающей среды РФ». URL: <http://минприрода-удм.рф/news/y2013/1432> (дата обращения: 10.03.2015).
2. Яблоков А.В. Экология России: политика государства и деэкологизация регионов // Материалы IV Всероссийской конференции «Экология России: право на жизнь». Пушкин, Санкт-Петербург. 29 мая 2014 года. С. 14-25.
3. Эксперты оценили состояние окружающей среды Саратовской области. URL: <http://ecologygroup.msk.ru/eksperti-otsenili-sostoyanie-okruzhaushey-sredi-saratovskoy-oblasti> (дата обращения: 10.03.2015).
4. Федеральный закон от 11.07.2011 N190-ФЗ "Об обращении с радиоактивными отходами и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ". URL: <http://www.rg.ru/2011/07/15/othodi-dok.html> (дата обращения: 10.03.2015).
5. Разгельдеев Н.Т.. Проблемы развития Российского природоресурсного и экологического законодательства в XXI веке. Саратов: ИЦ «Наука», 2012. С. 41.

РАЗДЕЛ 20. ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ И ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

УДК 81

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНЫХ СТЕРЕОТИПАХ: ОБРАЗ «СОВЕТСКОГО» РУССКОГО В КНИГАХ АМЕРИКАНЦЕВ О СССР

О.Н. Дубровская

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: odubrovskaya@yandex.ru

В статье прослеживается образ советского человека в американской публицистике XX века. Анализ книг, написанных посетившими СССР американцами, позволяет увидеть те же тенденции, которые характерны для последних десятилетий: образ «советского» русского человека противопоставляется отрицательному образу существующей государственной власти.

Ключевые слова: культурный стереотип, межкультурная коммуникация, образ России, образ СССР, образ советского человека, власть и народ, американская публицистика.

TO THE QUESTION OF CULTURAL STEREOTYPES: THE IMAGE OF A "SOVIET" RUSSIAN IN AMERICAN BOOKS ABOUT THE USSR

O.N. Dubrovskaya

The article studies the image of soviet people in American nonfiction of the XX century. The analysis of the books written by American authors who have been to the USSR helps to distinguish the tendency characteristic of American nonfiction in late decades: the image of a "Soviet" Russian is opposed to the state system.

Key words: cultural stereotypes, intercultural communication, the image of Russia, the image of the USSR, the image of Soviet people, power and people, American nonfiction.

Одним из способов языковой категоризации мира [1] являются стереотипы. Они находят объективацию в различных видах текстов в рамках того или иного дискурса. Концептуальный базис для языковой категоризации мира обеспечивается имплицитным владением специфической информации об организации физического и материального мира [1, с. 13]. Источники появления стереотипов – инкультурация, социализация, повседневное общение с определенной социальной группой или ее представителями, единичные случаи индивидуального общения с представителями иной культуры, а также средства массовой информации. Перечисленные источники стереотипов можно объединить в две категории

– личный опыт и чужой опыт. В большинстве случаев именно знакомство с ограниченным чужим опытом значительного количества людей способствует распространению стереотипов: чтение художественной и научно-популярной литературы, исторических произведений, а также газетно-публицистических материалов.

Современные исследования позволяют выделить разные виды стереотипов, однако классификация стереотипов осуществляется по разным основаниям. В зависимости от критерия выделения стереотипа, выделяются как минимум двадцать их типов (они представлены, в частности, в [2]). Наряду с позитивными и негативными стереотипами, выделяются вещественные и событийные, этнические и национальные, гендерные и идеологические.

Наиболее крупными видами стереотипов являются авто- и гетеростереотипы. Они характеризуются следующими свойствами: устойчивостью, обобщенностью, упрощенностью, связью с эмоциональной сферой человека и фундаментальными ценностными ориентациями социума [2, с. 189-190].

Проблема стереотипизации в межкультурной коммуникации связана с восприятием «своего» и «чужого», пониманием содержания понятия «национальный характер», национальной идентичностью.

Гирт Хофстеде назвал культуру «коллективным программированием сознания» [3]. Коллективное программирование сознания включает в себя и ценности, и символы, и ритуалы, и национальных героев: это эндо- или автостереотипы, которые позволяют нам иметь представление о собственной культуре, а также экзо- или гетеростереотипы, предлагающие такую категоризацию мира, что мы имеем представление о иной культуре и можем выразить или сформулировать это представление на естественном языке.

Безусловно, представление о национально-культурных стереотипах не было свободно от идеологической или политической окраски в XX веке. Термин «стереотип» как психологическое понятие находит отражение, в частности, в «Кратком психологическом словаре» [4]: социальный стереотип характеризуется упрощенностью, схематизированностью, связью с аффективностью, а также указывается на его идеологический характер: «Формирование социального стереотипа – один из распространенных приемов буржуазной пропаганды, используемый с целью манипулирования массовым обыденным сознанием, оправдания расовой дискриминации и т.п.» [4, с. 188].

В принципе, любой текст, рассчитанный на массовую аудиторию предполагает некоторую манипуляцию сознанием: формирование определенных предпочтений, взглядов и т.п., поэтому общественно-политическая ситуация и оценка этой ситуации в медийном дискурсе не может не влиять на восприятие иной культуры и ее представителей.

Средства массовой информации тиражируют стереотипы. В этой связи возникает вопрос о роли индивидуального опыта в формировании и развенчании стереотипов. Российская и американская пресса двух последних десятилетий демонстрирует постоянный живой интерес к образу двух стран, России и США, причем это касается как различных аспектов жизни страны, так и образа лидера каждого из государств. Образ народа фактически не представлен в медийном дискурсе. При этом исследования существующих представлений американцев о русских выявляют постоянный набор экзостереотипов, в частности, таких вещественных стереотипов, как водка, шапка, балалайка, матрешка, и такое представление об образе жизни русских: костюм черного цвета, темные улицы, зима круглый год, мороз, снег. Возможно, что не публицистика, а художественные фильмы способствуют поддержанию данных стереотипов.

Несмотря на то, что отрицательный образ СССР был растиражирован американской прессой той эпохи, образ «советского человека» изучался, анализировался и возникал в дискурсе индивидуально-авторском: в дневниковых записях, наблюдениях на русскими (советскими) людьми, с которыми авторы непосредственно общались, приезжая в СССР. Анализ книг, написанных посетившими СССР американцами, позволяет увидеть те же тенденции, которые мы наблюдаем в последние десятилетия: образ русского человека противопоставляется государственной власти. Авторы стремятся показать личностные качества «советского» человека (возможно, здесь проявляется «индивидуализм» американской культуры: внимание к отдельной личности, а не к народу в целом).

Рассмотрим, как представлен «советский человек» в таких публикациях. Для начала обратимся к более ранней книге, написанной английским исследователем Бернардом Паресом, под названием «*Russia*» [5]. Эта книга, впервые изданная в 1943 году, публикуется в США в 1959 году с предисловием «*Behind the Iron Curtain*» («За железным занавесом»). В сущности, подобное издание, написанное специалистом по славянским языкам и культурам, который занимался изучением истории России, становится основой для более поздних представлений о России (СССР) в США. Автор описывает географию, природные ресурсы страны, но ключевым концептом является «*peasant*»: огромная страна с огромными ресурсами предстает через описание «простого русского человека». При этом в самом начале первой главы автор пишет, о том, что вся история России - это история колонизации, при этом стремилось к ней не правительство, а населявшие Россию народы, точнее для народа колонизация была средством дистанцироваться от правителей. Россия также предстает как «*classical land of evasion*», при этом эта «уклончивость» проявляется и в языке: с точки зрения автора так можно объяснить отсутствие в русском языке определенного и неопределенного

артикле и опущение глагола-связки «быть» [5, p. 7]. Автор связывает ландшафт и хозяйственную деятельность великорусского крестьянина (*Great-Russian peasant*) с особенностями национального характера. Леса определяют основную черту русского характера – *wariness* (осмотрительность и осторожность); именно леса повлияли на то, что долгими зимними ночами русский крестьянин погружается «в мир мечтаний и размышлений»: *world of fancies and musings in which he is absorbed*; и, наконец, *It was first the forest that made the Russian peasant, or the Russian peasant soldier, the champion evader in the world* [5, p. 9].

Таким образом, корни представления о СССР и образе советского человека эпохи холодной войны уходят, без сомнения, в более раннее представление о русских. Точно также истоки современного отношения к России можно проследить в публикациях о СССР прошлого века.

Книга американских журналистов Делии и Фердинанда Кунов, написанная в 1970 году (издание 1976 года), «*Russia on our minds*» [6], рассказывает о жизни в Советском Союзе. Авторы описывают общение с советскими людьми и их образ жизни в таких городах, как Ленинград, Москва, Киев, Тбилиси, Бухара, Самарканд, Ташкент, Алма-Ата, Иркутск, Находка. В предисловии указывается, что выбрав в качестве предмета исследования Советский Союз, авторы, прежде всего, пишут о России и русских: «*For Russians build the empire; Russians made the revolution; Russians imposed Marxist dogma and centralized control upon a hundred minority peoples; Russians rule them today*» («Поскольку русские создали империю, русские устроили революцию, русские использовали марксистскую теорию для контроля над десятками малых народов, русские правят ими сейчас») [6 p. 12].

Параллель с представлениями о России прошлого очевидна:

For most Americans, nineteenth-century Russia was just another European power, bigger than the others, more backward and perhaps more wicked than most. Americans knew it was wicked because it oppressed, jailed, and sometimes killed its minority peoples, especially the Georgians, the Poles, and the Jews. But Russia was a «faraway country», and Americans were glad to keep it that way. What brought it closer to American consciousness was the flood of immigrants from Russia to the cities and farms of the United States... What kind of a country was it, Americans asked, that harbored such misery and then exported it?... Then Lenin and his comrades seized power... The Soviet system found apologists and defenders among teachers, workers, writers, and youth [6, p. 12-13].

Иммигранты постоянно напоминали американцам о существовании России. Новые политические идеи, которые привели к революции в России поддерживал американский рабочий класс, а также молодежь, писатели и учителя. Таким образом, оценка советского человека невозможна вне политического и социального контекста.

То, как образ простого советского человека связан с образом власти, видно в следующем примере:

There is no better place to sense Moscow's power than in spacious bookshop on the main street of Leningrad. It is called Book World and it reflects just one world, the one the Kremlin permits its people to see. Everything behind the broad counter or in glass cases is out of the customer's reach. There is no honor system here, no way to browse [6, p. 50].

Невозможность взять в руки и просмотреть понравившуюся книгу символизирует ограниченность доступа к внешнему миру. Название магазина также символично: мир для советского человека ограничивается тем фрагментом, который позволяет увидеть политика Кремля.

Распространенное и политически окрашенное понятие советской эпохи «рабочий класс» также находит отражение в книге. Однако, здесь, по-видимому, дается оценка с точки зрения классовости общества вообще, характерная для США: Ленинград называют городом «рабочего класса», а если Россия когда-либо превратится в рай, это будет рай для рабочих (*a working-class city; if Russia should ever become a paradise, it will have to be a workers' paradise*) [6, p. 48].

Межэтнические или национальные проблемы также отмечаются авторами книги:

Ukrainians feel no more Russian than the Viennese feel Prussian. And many of them have a nagging fear that Russia is trying to take their language, their heroes, their identity, away. Largely because of this fear, there remains within the Ukraine today an instinctive, inherited resistance to Russianization, and Russians know it. Stalin knew it in his later years. So did Khrushchev... [6, p. 82].

Kiev was the only place where we sensed that people were either inconsiderate or afraid to be friendly. Elsewhere, (except in restaurants), Soviet people usually went out of their way to show goodwill and good manners toward two strangers in their midst [6, p. 83].

Оценивая свой опыт пребывания в СССР и опыт общения с советскими людьми, американцы отмечают, что больше всего их потрясло противоречие между такой высокоразвитой в сфере науки и искусства страной и ограничениями свобод ее граждан, то есть опять возникает конфликт образа простого советского человека и образа государства:

Looking back on our journey, we were more troubled by the closed, secretive nature of Soviet society than by anything else we saw or heard... It is hard for us to believe that a country so advanced in science and the arts should make shut-ins of its citizens, censor their mail, restrict their travel, and permit them only one point of view, the view of the all-powerful ruling party [6, p. 258].

Основной метафорой, которая описывает отношения двух социумов, является метафора другого мира. Русские и американцы отличаются друг от друга, поскольку у России тысячелетняя история абсолютизма, а у

Америки трехсотлетняя история самоуправления. У двух народов разные правила жизни, системы ценностей, цели, но авторы выражают надежду, что со временем народы будут жить в одном мире:

This is another world. The Russian and the American are indeed different men; ... the Russian has for a thousand years been conditioned to absolutism, while the American has for perhaps three hundred been conditioned to self-rule; ... the standards, values, and goals of the two peoples have little in common... They don't yet live in One World... We say "not yet" [6, p. 260].

Еще одна книга – «Moscow farewell» Джорджа Файфера [7]. Это наблюдения над жизнью советских людей в Москве, сделанные автором. Для него также ключевым образом жизни простого человека в СССР становится образ другой жизни и другого мира, отличного от мира, в котором он родился и вырос:

What follows is reportage of my Russian friends' lives and of my observations. Life here is different. As on a ship at sea special rules apply; distinctive prohibitions and dangers condition mind and movements. Although some of this country's distinctions from Europe are subtle, the overwhelming whole is far greater than the sum of its parts. ... the underlying feeling, every day in every setting, that this is another world [7, p. 65].

Автор цитирует статью 1861 года одного французского автора, увиденную им в библиотеке им. Ленина: «*If there is a country in the world that seemed destined to remain unexplored and unknown by any other nation, either nearby or far away, that country is surely Russia, at least as far as her Western neighbors are concerned*» [7, p. 66]. Эта цитата символична: за сто лет до его посещения уже другой страны, не прежней России, образ России в глазах иностранца тот же: ее невозможно понять никакому другому народу.

Оценка жизни советских людей очевидно негативная:

All my childhood presumptions – a four-lane highway of goodness and progress, leading onward and upward for the world and me – are vaporized in this gloom [7, p. 67].

Однако ему нравится здесь учиться, потому что люди, с которыми он встречается «настоящие», несмотря на то, что жизнь студентов «старомодно бедна»:

They are more natural and whole than any young people I've known; their student life is the kind I've always wanted. And this is no less true because caused by Russia's old-fashioned poverty [7, p. 67].

Таким образом, возникновение экзокультурных стереотипов, их формирование, не ограничивается медийным дискурсом. Индивидуальный опыт и индивидуальная оценка тоже важны, однако, вопрос заключается в том, насколько многочисленна аудитория, имеющая доступ к таким текстам, или насколько она ограничена своими социальными параметрами: социальному статусу, образованию, возрасту. Американцы, авторы книг о

России и СССР середины и второй половины XX века, подчеркивают, что любят русскую культуру, но критикуют политическое давление власти на народ. Образ «советских» русских уходит корнями в далекое прошлое. И тогда, и сейчас ключевым остается противопоставление народа и государственной власти.

Библиографический список

1. Борискина О.О., Кретов А.А. Теория языковой категоризации: национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2003. 211 с.
2. Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2003. 369 с.
3. Hofstede G. Cultures and Organizations: Software of the Mind. 1st edition, McGraw-HillUSA, 1997.
4. Краткий психологический словарь. Под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1985.
5. Pares B. Russia. NY: Mentor Book, 1959. 224 p.
6. Kuhn D., Kuhn F. Russia on our minds. NY: Dell Publishing Co., Inc., 1976 (1970). 270 p.
7. Feifer G. Moscow farewell. NY: The Viking Press, 1976. 446 p.

УДК 811.111: 004

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИКТ И ИНТЕРНЕТА ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ АВТОНОМНОСТИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Е.Н. Захарова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: bazanova@yandex.ru

В статье освещаются возможности Интернет ресурсов для моделирования профессионально-ориентированного курса английского языка в вузе. Автор рассматривает ряд проблем, которые возникают при планировании практических занятий и которые помогает решить привлечение онлайн источников. В качестве примера, анализируются англоязычные электронные энциклопедии и справочники, официальные порталы, медиа-источники, онлайн курсы, упражнения и тесты, комбинированные источники, веб-квесты.

Ключевые слова: ИКТ, Интернет ресурсы, учебный сайт.

SOME ASPECTS OF USING INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES AND INTERNET FOR AUTONOMY IN FOREIGN-LANGUAGE TEACHING

E.N. Zakharova

The article covers the Internet resources for teaching professional English at university. The author describes various problems emerging during lesson planning and how online resources help to solve them. The examples include online encyclopedias, official web-portals, media-resources, online courses and tests, combined resources and web-quests.

Key words: Information and Communication Technologies, Internet resources, educational web-site.

На сегодняшний день трудно представить более полный и разнообразный источник профессиональной информации на родном и иностранном языке, чем «всемирная паутина». Интернет ресурсы повсеместно используются для планирования лекций и семинаров, разработок авторских методик обучения, моделирования профессионально-ориентированных курсов иностранного языка и т.д. Но совершенно очевидно, что эффективность учебной работы в онлайн режиме во многом зависит от четкой организации и структурированности как отдельных занятий, так и целых курсов. И именно при таком условии использование ИКТ и Интернета целесообразно, ведь в данной ситуации будет очевиден прогресс и в учебно-воспитательном процессе, и при повышении квалификации, и, в частности, при освоении иностранного языка [1, с. 109-110].

Много уже было сказано о несомненных достоинствах Интернет ресурсов в школьном и вузовском образовании [2-4]. Когда же мы говорим о применении веб-источников при обучении иностранному языку, необходимо отметить, что «всемирная паутина» помогает решать ряд проблем, которые возникают при планировании практических занятий. Во-первых, это тот факт, что изучение иностранного языка в вузе (на неязыковых факультетах) всегда «привязано» к будущей профессии студентов. Это означает, что преподавателю нужно обладать базовыми профессиональными знаниями, в зависимости от специализации учащихся. Особенно важно уметь моделировать ситуации профессионального общения на иностранном языке. Во-вторых, каждый профессионально-ориентированный курс требует постоянной доработки, внесения изменений, поскольку рождаются новые научные школы и направления, издается академическая литература, исчезают и появляются термины и т.д. В-третьих, на факультетах, где английский язык не является основным предметом, учебные группы подчас состоят из студентов с разным уровнем владения иностранным языком, что так же значительно осложняет процесс подготовки каждого занятия. [1, с. 109-110; 5, с. 7-15] Однако

именно онлайн источники помогают сглаживать подобные трудности в разработке курса иностранного языка в вузе. Далее рассмотрим некоторые примеры Интернет ресурсов, которые мы успешно используем в практике преподавания английского языка в Саратовском государственном университете имени Н.Г. Чернышевского.

Электронные словари и справочники давно знакомы и преподавателям, и студентам. Такие энциклопедии как Wikipedia, Britannica, Questia и др. обладают огромным объемом фактической текстовой информации по различным вопросам. Поэтому они могут стать источником текстов для работы на занятии, домашней работы, домашнего чтения, переводческого практикума. В энциклопедических статьях часто присутствуют ссылки на другие, подобные темы, а также здесь можно найти большое количество иллюстраций. Это помогает студентам готовить интересные презентации по пройденным темам, что может стать одной из форм зачетной работы.

Другой интересный Интернет источник – это официальные порталы: например, сайт Парламента Великобритании <http://www.parliament.uk>, сайт Конгресса США <http://www.state.gov> и др. Официальные порталы удобны тем, что предлагают пользователям большой выбор как официальных документов (например, постановления правительства, указы президента, приказы, стенографии заседаний различных ведомств, тексты выступлений политиков и т.п.), так и оцифрованные копии художественных произведений (в т.ч. рукописных). Веб-странички официальных учреждений (британского парламента, американского Конгресса, Сената, министерств) рассказывают об их истории, современной работе, реализуемых программах, содержат большое количество документов (в т.ч. архивных), т.е. размещают фактическую информацию практически обо всех сферах жизни общества. Некоторые веб-источники (например, сайт библиотеки американского Конгресса <http://thomas.loc.gov>) даже предлагают помощь преподавателям: здесь можно найти образовательные ресурсы на базе документальной информации (планы занятий, карты, доступ к онлайн выставкам и презентациям и т.п.)

Еще один вид Интернет ресурсов – это медиа-источники (сайты англоязычных газет, журналов, телевизионных каналов и радиостанций), которые постоянно обновляют свои веб-странички по мере поступления новостей. Медиа-источники преподносят информацию современным английским языком, поэтому пользователи имеют возможность познакомиться с особенностями современного ‘общего английского’, а также переводить и анализировать статьи по своей профессиональной тематике. Среди интересных медиа-ресурсов отметим сайты англоязычных газет “The Washington Post”, “Daily Mail” и др., сайты ТВ и радиоканалов BBC World Services, CNN, Voice of America и др., а также учебные сайты, на которых преподаватели английского языка делятся собственными

разработками – планами уроков, которые базируются на работе с новостными сообщениями. Например, сайт <http://www.breakingnewsenglish.com> был создан британским преподавателем. С 2004 года автор выкладывает здесь планы занятий на основе небольших новостных текстов, а также методические рекомендации и ссылки на другие Интернет-ресурсы.

Другой не менее популярный и информативный вид Интернет источников, который знаком многим преподавателям иностранного языка – это онлайн-курсы, упражнения и тесты. Здесь размещены упражнения, тесты, методические рекомендации, таблицы и другие справочные материалы, которые станут отличным ресурсом для практических занятий, внеаудиторной и самостоятельной работы студентов. Говоря об Интернет курсах, упражнениях и тестах, нельзя обойти вниманием сравнительно новый, но уже заслуживший доверие пользователей ресурс – онлайн университеты, которые аккумулируют академические материалы учебных заведений со всего мира. Веб-порталы онлайн университетов предлагают учащимся изучить лекции и семинары, а также попробовать свои силы в том или ином университетском (теоретическом или практическом) курсе. Выбирая курс в британском или американском университете, студенты сочетают профессиональное обучение с изучением английского языка. А преподавателю удастся не только применять современные англоязычные материалы, но и эффективно мотивировать учащихся к активному освоению иностранного языка на очных занятиях и самостоятельно. В качестве примера данного вида Интернет ресурсов, приведем онлайн университет Coursera (<http://www.coursera.org>), который охватывает более 400 курсов в 77 университетах, а также предоставляет возможность обучения на 12 языках по 25 специальностям. Сайт Khan Academy (<http://www.khanacademy.org>) – это обширный архив видео-занятий (на английском языке) по совершенно разным специальностям: физика, химия, биология, медицина, филология, искусствоведение, экономика и т.д. Несмотря на то, что большинство видео-уроков не имеют сопроводительного материала для чтения, студенты всегда имеют возможность задать вопросы преподавателю-автору курса и всегда получают исчерпывающие ответы.

Комбинированные Интернет источники подразумевают наличие веб-портала (какой-либо организации) и печатной продукции этой же организации, содержание которой (продукции) «перекликается» с сайтом. Подобные ресурсы удобны тем, что при разработке занятия у преподавателя появляется возможность запланировать и ‘традиционную’ работу в классе (с опубликованным аутентичным материалом), и работу в компьютерной лаборатории (с Интернет-ресурсами), и домашние задания (на базе опубликованных и онлайн материалов). Показателен в этом смысле комбинированный ресурс Европейского союза. Как известно, Евросоюз имеет очень интересный мультязычный сайт <http://europa.eu>, на

котором можно не только найти информацию об истории различных органов Евросоюза, но и принять участие в форумах, задать вопросы официальным представителям, в онлайн режиме прослушать официальные заявления и интервью. Публикации же Евросоюза охватывают разные вопросы - как представленные на сайте, так и те, которые еще не успели получить свое отражение на веб-страничке (а, например, только-только обсуждаются на форумах). И наоборот – на сайте того или иного органа Евросоюза появляется оперативная информация о работе данной структуры, а с историей и механизмами работы можно познакомиться в брошюрах.

Очевидно, что использование материалов «всемирной паутины» на занятиях английского языка студентами различных специальностей может быть эффективным, только если эта работа заранее четко продумана и структурирована преподавателем. При этом отметим, что в зависимости от целей и задач того или иного занятия, использование Интернет ресурсов возможно в двух направлениях: занятие, полностью построенное на базе Интернет сайтов, или занятие с частичным привлечением онлайн источников. Возможно также построить целый учебный курс исключительно на основе онлайн материалов, т.е. создать веб-квест.

Веб-квест – это Интернет сайт, который содержит задания и ссылки на учебные материалы. При работе в формате веб-квеста происходит не только внедрение Интернет технологий в учебный процесс, но и расширение межпредметных связей, ведь проектная деятельность может охватывать несколько разносторонних проблем или тем. Веб-квесты могут быть кратковременными (в течение одного, двух или трех занятия) и длительными (серия занятий, семестр, учебный год). Работая индивидуально и в команде, учащиеся ищут и изучают основную информацию на различных (предложенных преподавателем) сайтах. В результате появляются студенческие работы: веб-страниц и сайты [6]. Например, на сайте <http://webquest.org/index.php> представлены уже существующие в сети веб-квесты и есть возможность разместить свой собственный, авторский веб-квест.

Подводя итог, скажем, что применение ИКТ и Интернета в преподавании иностранного языка является интересной и плодотворной работой. Высокие результаты в данном случае напрямую зависят от правильного выбора источников и детального планирования каждого занятия: важно выбрать именно те Интернет ресурсы, которые в языковом и содержательном плане соответствуют уровню и запросам конкретной учебной группы.

Библиографический список

1. Аликина Е.В. Моделирование курса иностранного языка для специальных целей на основе ресурсов Интернета // Иностранные языки в дистанционном обучении:

- материалы международной научно-практической конференции. 17-20 октября 2005 г. Пермь, 2006. С. 109-112.
2. Полат Е.С., Бухаркина М.Ю. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования. М., 2007.
 3. Теория и практика дистанционного обучения / под ред. Е.С. Полат. М., 2004.
 4. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования / под ред. Е.С. Полат. М., 2002.
 5. Сысоев П.В., Евстигнеев М.Н. Методика обучения иностранному языку с использованием новых информационно-коммуникационных Интернет-технологий. Ростов-на-Дону, М., 2010.
 6. Быховский Я.С. Образовательные веб-квесты // Материалы международной конференции «Информационные технологии в образовании. ИТО-99». URL: <http://ito.bitpro.ru/1999> (дата обращения: 12.03.2015).

УДК 372.881.1

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПОСРЕДСТВОМ ВИДЕОМАТЕРИАЛОВ

Д.В. Иванова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: 043@mail.ru

Применение видеоматериалов является эффективным средством обучения иностранному языку. Просмотр видеороликов способствует формированию коммуникативной и межкультурной компетенций. В статье рассматриваются некоторые особенности работы с видеоматериалами, перечисляются основные задания, указываются преимущества работы с данной формой обучения.

Ключевые слова: видеоматериал, формирование компетенций, коммуникативная компетенция, межкультурная компетенция, визуализация материала.

FORMING COMMUNICATIVE AND INTERCULTURAL COMPETENCE BY MEANS OF VIDEO

D.V. Ivanova

The usage of videos is an effective resource of teaching a foreign language. Watching videos is a significant method of forming communicative and intercultural competence. Some peculiarities of presenting videos in the class are considered. The main types of tasks are enumerated, the advantages of the usage of videos are given in the article.

Key words: video, competence forming, communicative competence, intercultural competence, visualization.

В настоящее время основным подходом в преподавании является компетентностный. Преподавание иностранного языка связано с формированием коммуникативной компетенции, которая включает в себя речевую, языковую, социокультурную компетенции.

Формирование речевой и коммуникативной компетенции непосредственно связаны с языком и речью, это не только уровень знания и владения языком, но и способность понимать и продуцировать различные высказывания, с опорой на приобретенные знания. Социокультурная компетенция – составная часть коммуникативной компетенции, под которой понимается уровень знаний социокультурного контекста в использовании иностранного языка, а также опыт общения и использования языка в различных социокультурных ситуациях [1]. Невозможно изучать язык отдельно от языковой среды, поэтому, наряду с формированием речевой компетенции необходимо формировать и социокультурную.. Основная задача формирования межкультурной компетенции заключается в подготовке студентов к успешному взаимодействию с представителями разных культур [2]. Необходимо не только сформировать определенные лингвистические и социокультурные компетенции, но и сформировать навыки, позволяющие эффективно коммуницировать с представителями разных культур, относиться с уважением и толерантностью к межкультурным различиям. Формирование всех этих компетенций и является первостепенной задачей в преподавании иностранного языка в настоящий момент.

Современные образовательные стандарты подразумевают использование различных технических средств. Новые технологические средства позволяют использовать новые формы обучения. Просмотр видеоматериала не является, конечно же, новой формой обучения, однако, в настоящее время рассматривается как эффективное средство обучения иностранному языку, способствующее развитию коммуникативной компетенции. Применение видеоматериала помогает более эффективно, по сравнению с другими видами работы, формировать межкультурную и социокультурную компетенции. Визуализация материала является иллюстрацией использования языка в определенной ситуации общения и позволяет дополнительно анализировать лингвострановедческие реалии, получать дополнительную информацию о стране изучаемого языка. Кроме того, данный вид работы расширяет кругозор, оживляет занятия, повышает мотивацию, знакомит с межкультурными различиями и особенностями. К безусловным преимуществам использования видеоматериала является аутентичность, информационная насыщенность и эмоциональное воздействие, которое облегчает понимание нового материала и закрепляет уже имеющиеся знания.

По сравнению с аудиоматериалом видео более доступно для понимания, т.к. кроме аудиального канала восприятия подключается еще и

визуальный, студенты видят говорящих, их мимику и жесты, что способствует лучшему пониманию речи, а также получают дополнительную информацию о происходящем. Видео способствует более эффективному чем аудирование пониманию речи на слух, поскольку в реальной ситуации общения ситуация, когда коммуниканты только слышат, а не видят друг друга, встречается намного реже чем ситуация межличностного непосредственного общения [3]. Видеоряд значительно облегчает восприятие иностранной речи. Визуализация материала дает возможность студентам сформировать представление о невербальном поведении представителя другой культуры в конкретной ситуации общения. Аудирование – один из самых сложных видов речевой деятельности, визуализация материала способствует более эффективному пониманию.

В настоящее время существует огромное количество различных ресурсов, программ, курсов и учебных пособий, разработанных для обучающихся разного уровня и созданных для разных целей. Мы рассматриваем видео как дополнительное, вспомогательное средство обучения. Существуют разные виды видеоматериалов: художественные, документальные и мультипликационные фильмы, специальные учебные ролики, программы, интервью, онлайн трансляции. Для занятий можно брать как специальный, учебный материал, так и не учебный. Существует возможность и создания студентами собственных видеороликов. Данный вид задания, в зависимости от учебных целей, может стать проектом, завершающим тему или работу целого семестра, и является эффективным упражнением для формирования различных коммуникативных компетенций. Видеоматериал, как и любой другой учебный материал, должен соответствовать уровню знаний студентов. Соответствие видеоматериала изучаемой теме повышает эффективность занятий.

Многие учебные курсы и пособия содержат приложения в виде небольших видеороликов, которые рекомендуется смотреть на завершающем этапе изучения одного из разделов учебного пособия. Как правило, такие видеоролики включают в себя пройденный в данной разделе лексико-грамматический материал, что способствует лучшему запоминанию. Даже если в качестве дополнительного материала нет видеороликов, при желании в Интернете преподаватель может найти видеоматериал практически по любой теме и для любого уровня знаний. Так, например, на занятиях по домашнему чтению студентам было предложено посмотреть интервью с автором романа о его создании. Это дало возможность студентам не только получить представление о писателе (многие из них даже не знали, является ли он нашим современником; является ли английским или американским писателем), но и лучше понять идею создания произведения, а также цель романа, историю его создания и основную идею.

Одним из преимуществ использования видеоматериала является возможность увидеть как диалогическую, так и монологическую форму коммуникации, что является очень важным для формирования лингвистической компетенции. Существуют специальные учебные видео, созданные с целью формирования компетенции диалогической речи у студентов, они основаны на том, что видеоматериал снят в виде вопросов, с паузами для ответов. Таким образом, студентам предоставляется возможность не только услышать вопросы от носителя языка, но и потренироваться в ответах на них, кроме того, такая форма заданий помогает отрабатывать скорость речи студентов, т.к. на предполагаемые ответы дается определенное количество времени. Как показывает практика, такой вид работы является довольно эффективным на завершающей стадии работы по какой-либо теме, когда лексический материал уже отработан на предыдущих упражнениях и возникает необходимость применить полученные знания в практических упражнениях.

Частота просмотра и время просмотра зависят от целей обучения, однако, на наш взгляд, наиболее эффективен регулярный показ небольших (4-10 минут) видеороликов с выполнением заданий до и после просмотра. Для обеспечения видеопросмотра необходимо наличие технических средств: мультимедийного проектора, компьютера или ноутбука. От преподавателя требуется определенная подготовка: просмотр видеоматериала без выполнения задания, конечно, возможен, однако это значительно снижает его эффективность и является допустимым в качестве иллюстративного материала к пройденной теме.

Выделяют следующие этапы работы: допросмотровый, непосредственно просмотр и постпросмотровый. До просмотра важно предусмотреть возможные трудности в понимании иностранной речи, следует заранее объяснить незнакомые слова и выражения, а также дать понятия о реалиях, восприятие которых может представить трудности. Если во время просмотра всё же возникают трудности с восприятием и пониманием видеоматериала, рекомендуется при повторном просмотре разделить видео на небольшие отрывки и смотреть по частям, останавливая и комментируя каждый отрывок. Основная работа по видеоматериалу традиционно ведется на этапе после просмотра и включает в себя разнообразные упражнения, выбираемые преподавателем в зависимости от поставленных целей и задач и необходимости формирования коммуникативных компетенций. Если требуется повторный просмотр, необходимо после первого проверить с помощью вопросов восприятие видео в целом, а после повторного просмотра сделать остальные задания.

Существует ряд упражнений, разработанных специально для работы с видеоматериалом: просмотр видео без звука, остановка видео (пауза) во

время которой студенты отвечают на вопрос, что, по их мнению, будет дальше, частичный просмотр (закрыть часть монитора), показ видео не всем студентам сразу, видео с субтитрами, прослушивание аудиосопровождения перед просмотром [4]. В зарубежных источниках довольно много разработок, основанных на видео просмотре.

Можно отрабатывать разные виды коммуникативной деятельности: аудирование, говорение, чтение и даже письмо (при выполнении определенных упражнений). Если рассматривать видеоматериал как текст, то к нему можно применять все те виды заданий, которые обычно используются при работе с текстом: вопросы-контроль за пониманием, заполнение пропусков (в раздаточном материале) нужными словами, лексико-грамматические упражнения, работа с отдельными словами и выражениями, написание аннотаций и т.д. Для студентов, получающих дополнительную квалификацию «Переводчик в сфере профессионально коммуникации» можно рекомендовать более сложные задания: shadowing (повторение услышанного, сохраняя скорость речи и интонационные особенности), запись небольших отрывков текста на слух, отработка навыков синхронного перевода.

Видеоматериалы представляют широкие возможности для работы в процессе формирования компетенций. При использовании видеоматериала студенты имеют возможность услышать носителя языка. Для формирования межкультурной компетенции студентам можно давать особые задания: сопоставления культурных реалий, выявление особенностей поведения (вербального и невербального) представителей другой культуры, наблюдение за поведением носителей языка. Видеоматериал позволяет получить определенный набор знаний о стране изучаемого языка и о его представителях, научиться не только слышать и понимать иностранную речь, но и с уважением относиться к чужой культуре, научиться замечать культурно-специфические особенности и находить универсальные, общекультурные закономерности, помогает избавиться от сформировавшихся социокультурных стереотипов о представителях другой культуры. При этом иногда формирование межкультурной компетенции не является первостепенной задачей, однако, различие в вербальном или невербальном поведении настолько явное, что обращает на себя внимание. Так, например, после завершения темы «Семья» студентам 1-го курса было предложено посмотреть небольшой видеоматериал (5 минут), в котором носитель языка рассказывает о своей семье. Основной целью просмотра было повторение пройденного лексико-грамматического материала, однако, внимание студентов привлекло отличие в невербальном поведении русских и англичан, а именно, то, что русские и англичане по-разному загибают пальцы при счете (на видео при перечислении членов семьи использовался этот жест).

Видео можно использовать не только для групповой, но и для самостоятельной работы студентов. Существует возможность самостоятельного индивидуального просмотра. Возможен повторный просмотр дома того, что было увидено на аудиторном занятии, с выполнением различных упражнений. Возможен и самостоятельный просмотр одного видеоролика для всей группы либо разных видеороликов для разных студентов.

Применение видеороликов на занятии предоставляет студентам возможность познакомиться с аутентичным материалом, оживляет занятия, знакомит студентов с особенностями вербального и невербального поведения представителей другой культуры. Просмотр видеоматериала способствует эффективному формированию коммуникативной и межкультурной компетенций.

Библиографический список

1. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 261 с.
2. Михеева Н.Ф. К проблеме реализации компетентного подхода в высшем образовании URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21357780> (дата обращения: 10.03.2015).
3. McKinnon M. Teaching technologies: teaching English using video URL: <http://www.onestopenglish.com/support/methodology/teaching-technologies/teaching-technologies-teaching-english-using-video/146527.article> (дата обращения: 12.03.2015).
4. Yassaei S. Using Original Video and Sound Effects to Teach English URL: http://americanenglish.state.gov/files/ae/resource_files/50_1_4_yassaei.pdf (дата обращения: 12.03.2015).

УДК 811.11.09

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДИСКУРСИВНЫХ ФОРМАЦИЙ КАК ПУТЬ ФОРМИРОВАНИЯ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Н.Н. Коноплева

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: ninadurinova@yandex.ru

В статье рассматривается такая дискурсивная формация, как пародия. Ее изучение представляет значительные сложности для студентов, в то время как она является необходимой частью художественного дискурса. Показано, что для обучения интерпретации такого текстотипа необходимы две составляющие: нахождение референтного текста и его интертекстуальное взаимодействие с пародийным текстом, что проявляется в не прямой цитации и скрытых в тексте аллюзиях.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивная формация, интерпретация текста, референтный текст, интертекстуальное взаимодействие.

INTERPRETATION OF THE DISCURSIVE FORMATIONS AS A MEANS OF BUILDING UP THE STYLISTIC COMPETENCE

N.N. Konopleva

The article looks at such a discursive formation as parody. Teaching it causes difficulties to the students while it is an indispensable element of the belles-lettres discourse. It is inferred that two main constituents are important: the attribution of the referent text and the intertextual interaction with the basic text, which manifests itself in the indirect citation and allusions hidden in the text.

Key words: discourse, discursive formation, interpretation of the text, referent text, intertextual interaction.

Формирование стилистической компетенции студентов невозможно без развития умений, позволяющих интерпретировать художественное произведение. Эта задача осложняется, если студенту предлагается текст, построенный на связях с другими текстами, то есть на интертекстуальном взаимодействии. К таким типам текста относится жанр литературной пародии, предполагающий наличие исходного, референтного текста, который подвергается переосмыслению. Поскольку пародия неизбежно выходит за текстовые рамки, она охватывает не только сам литературный стиль, но и его социо-культурную и психологическую основу. Поэтому правомерно говорить о пародийном дискурсе.

В «Желтом Кроме» О Хаксли объектом пародии, вопреки сложившемуся мнению, является не столько романтизм, сколько эпигоны этого литературного направления, а также банальные условности романтизма как модуса существования.

Элементы, конституирующие пародийный дискурс, не всегда эксплицитно оформляются в тексте, а скрыты в подтекстовых структурах, выявляемых при помощи косвенных аллюзий и не прямых цитат. Эти элементы не имеют строгой локализации в тексте – они скорее мозаичны, но обладают связностью (когерентностью) вследствие того, что тематически связаны с прецедентным именем, которое организует эти разнородные элементы. Как правило, это имя соотносится с одним из наиболее известных поэтов-романтиков: Джорджа Байрона, Перси Шелли, Джона Китса, которые при жизни служили образцами для подражания.

Хаксли рисует «коллективный» портрет романтизма. Пожалуй, физиономически он имеет облик лорда Байрона, который воплощал для Европы тип поэтически свободной личности. Об этом в начале романа пишет автор, обрисовывая персонажа, внешне очень похожего на великого поэта:

In the old-fashioned natural histories of the thirties he (Gombault – H.K.) might have figured in a steel engraving as a type of Homo sapiens – an honour which at that time commonly fell to Lord Byron [1, с. 47].

Некоторые герои, как пишет автор, выглядят более «байронично», чем сам Байрон: *would have been completely Byronic – more than Byronic* [1, с. 48]. В неявной форме здесь, по всей видимости, проводится та мысль, что персонаж (Гомбо), о котором идет речь – выходец из Прованса, а этот регион, с точки зрения англичанина, расположен значительно южнее его родного острова и, следовательно, его жители более соответствуют восточному типу красоты, которым так восхищались романтики. Можно выделить и другие черты, относящиеся к этому прецедентному имени: биографические данные, политические пристрастия. Так, один из героев учился в Хэрроу-Скул, где и Байрон. Есть ссылка на то, что поэт поддерживал греческих повстанцев, сражался за свободу Греции и умер от лихорадки в Миссолунги.

В романе показано, как под влиянием литературных представлений у английского обывателя сформировалось отношение к основным жизненным ценностям. Это отношение проявляется через систему характеров в романе. Некоторым персонажам присуща «романтическая поза», то есть навеянное романтической литературой представление о том, как нужно вести себя в той или иной жизненной ситуации. Так, одна из героинь романа, Джорджиана, никуда не выезжающая из Лондона, восторгается природой, аргументируя свое пристрастие строчками из «Чайльда Гарольда»:

High mountains are a feeling, and the sound of human cities – torture [1, с. 155].

Под влиянием «романтической позы» происходит деформация реальности: жизненные обстоятельства искажаются под влиянием романтического идеала. Как известно, средоточие романтических устремлений – любовь. Истинно любящие сердца, верили романтики, соединяются только после смерти. У Байрона это отношение представлено, в частности, в поэме «Паризина», где героиня, став причиной смерти возлюбленного, умирает вместе с ним. Та же мысль содержится в следующих строках Шелли:

But its (love's – H.K.) reward is in the world divine

Which is not here, it builds beyond the grave [2, с. 15].

Однако в том романе, на который ссылается персонаж «Желтого Крома» («Индиана» Жорж Санд), герои не бросаются в водопад, а остаются жить и становятся счастливой парой, в то время как героиня продолжает настаивать, что они покончили с собой. Имя этой героини, Джорджиана, представляет собой скрытую аллюзию: морфологически в нем сохранен тот же суффикс, что и в имени главной героини романа Жорж Санд, а лексически это имя того же корня, что и имя самой

писательницы, а также одного из героев романа «Желтый Кром», Джорджа, который становится мужем Джорджианы.

Иное отношение к романтизму со стороны персонажей, исповедующих «здравый смысл». Так, приведенная фраза из «Чайльда Гарольда» неизбежно снижается в устах более реалистично настроенного персонажа:

George agreed that the country was very agreeable, but held that London during the seasons also had its charms [1, с. 155].

Автор старается показать, что романтические взгляды неприемлемы в реальной жизни, что это только литературная условность, а не пример для подражания. Поскольку приводимые строки принадлежат Байрону, то для него это созданный воображением пейзаж, лишь отдаленно напоминающий естественный ландшафт; для героини – нечто абстрактно-романтическое – любовь к природе, для героя – родное поместье, куда он возвращается после светских раутов столице.

Некоторым персонажам в романе присущ такой подход к романтизму, который направлен на разрушение создаваемого этим литературным направлением идеала. Он проявляется в том, что в нем отсутствует концепт «Любовь», и отсутствие это значимое. В рамках этого подхода представители романтизма не упоминаются в лирическом контексте, а только в контексте ироническом. При этом искажается мир идей романтиков, их концептосфера, что происходит путем не прямой цитации, когда персонажи пользуются стихотворными строками, написанными поэтами-романтиками как своими собственными, до неузнаваемости искажая их смысл. Такие искажения, называемые нами «трансформами», включенные в план повествования, становясь частью нового дискурса – пародийного – разрушают референтный текст.

Особую неприязнь у персонажей саркастического толка вызывает природа – один из излюбленных романтических объектов поклонения, которая противопоставляется человеку как хаотическое нагромождение естественных форм. Все, что создается человеком, искусство например, направлено на покорение природы (*is aggressively a work of art*). Эта фраза – реакция на одну из самых сокровенных поэм Перси Шелли «Эпипсихидион», то есть вращение душ, подобно планетам, в малом кругу [3]. В Скоугане из «Желтого Крома» современники узнавали Нормана Дугласа и Герберта Уэллса, которые считали, что природа несовершенна, поэтому настоящее искусство не подражает природе, а активно ей противодействует [4].

It has no compromise with nature. Seems not a work of human art [1, с. 155], что, по его мнению, является положительной характеристикой.

Из всех поэтов-романтиков Шелли подвергается самым яростным нападкам, и это неудивительно, поскольку именно Шелли активно противостоит «перевернутому» романтизму в сфере мыслей и чувств.

Шелли, можно сказать, душа романтизма, поэтому намеренное искажение его взглядов связано с попыткой развенчать основные гуманистические ценности, провозглашенные романтизмом: уважение к человеку и его внутренней свободе, любовь к природе и красоте, вера в изначальную доброту человека. В отличие от Шелли, воспринявшего социальные идеи Уильяма Годвина, философствующий персонаж Уимбуш (Wimbush) верит только в усовершенствование машин:

I'm like Godwin and Shelley a believer of perfect ability, but of machinery [1, с. 219].

Известно, что поэтов-романтиков критики и часть читающей публики объявляли сумасшедшими. Это мнение стало преобладающим после выхода в свет романа-пародии Томаса Пиккока «The Nightmare Abbey». Именно об этом спешит сообщить главному герою так называемый провидец Скоуган:

Mr. Scogan's eye glittered like the eye of the ancient mariner [1, с. 178].

В этом случае намеренно сопоставляются истинные и мнимые переживания. В поэме С. Кольриджа «Старый моряк» герой сошел с ума, поскольку стал виновником гибели команды корабля, убив альбатроса – птицу счастья, сопровождавшую корабль. Скоуган переживает, что ему не с кем поделиться переполнявшими его впечатлениями о безумстве мира, и зорко высматривает свою жертву.

Обывателю всегда хочется показать, что поведение поэтов-романтиков – просто вызов общественному мнению, а за душой у них ничего нет. У Китса в поэме «Ode on a Grecian Urn» есть такие строки:

Heard melodies are sweet,

But those unheard are sweeter,

в которых поэт говорит о музыке души. Модный литератор Барбекью-Смит (Barbecue-Smith) воспроизводит общую синтаксическую структуру предложения, изменяя лексическое наполнение и завершая свою импровизацию словом, семантически противоположным тому, что употребляет Китс: у Барбекью-Смита оно связано с рассудком (*significant*), а у Китса – с миром чувств (*sweet*).

На противопоставлении рассудочной деятельности эмоциональному состоянию как выражению природной стихии человека строится основной романтический конфликт. К тому же вместо стихов используется проза, которая для романтиков стоит ниже поэзии. Это одновременно говорит о приземленности неромантических жанров. Барбекью-Смит хочет показать, что все сложные переживания можно передать свободной прозой:

Seen things are sweet, but those unseen are a thousand times more significant [1, с. 63].

В результате таких перемен мир романтизма оказывается разрушенным, но во вновь созданном мире человек утрачивает свою личностную ценность.

Библиографический список

1. Huxley Aldous. Crome Yellow. M.: Progress Publishers, 1976. 278 с.
2. Shelley P.B. Eippsychidion. URL: bartleby.com (дата обращения: 17.03.2015).
3. Анджапаридзе Г.А. Печальный контрапункт светлого завтра. URL: lib.ru (дата обращения: 19.03.2015).
4. Мурат В.П. Комментарий к роману О. Хаксли «Желтый Кром». М.: Progress Publishers, 1976. 278 с.

УДК 159.955

ТЕХНОЛОГИЯ ОСМЫСЛЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ТЕКСТА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПОНЯТИЙНОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ (НА ПРИМЕРЕ СФЕРЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ)

О.А. Крайнова

Балаковский филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия

E-mail: puelladocta@mail.ru

В данной статье раскрываются основы формирования понятийного лингвистического мышления будущих бакалавров и магистров, выявляется логическая и психологическая структура лингвистического понятия, предлагается важное средство усвоения лингвистических понятий с помощью технологии осмысления иностранного текста, включающую в себя систему приемов осмысления и сознательной интерпретации текста, а также метод решения лингвистических задач.

Ключевые слова и словосочетания: лингвистическое понятие, понятийное лингвистическое мышление, технология осмысления иностранного текста, сознательная интерпретация текста.

TECHNOLOGY OF IMPROVING FOREIGN TEXT'S COMPREHENSION AS A MEANS OF CONCEPTUAL LINGUISTIC THINKING OF STUDENTS (ON THE EXAMPLE OF JURISPRUDENCE)

O.A. Kraynova

Basics of conceptual thinking of future bachelors and masters are revealed, logical and psychological structure of a linguistic notion is analyzed and technology of comprehension of the foreign language text through specialized linguistic tasks is suggested as the effective means of understanding and interpreting the context

Key words: linguistic notion, conceptual thinking, technology of foreign text comprehension, interpretation of the context.

Современная образовательная система высшего образования в РФ предполагает создание нового системного подхода к обучению специалистов высшей школы, что требует внимательного рассмотрения новых методов и способов подготовки бакалавров и магистров. Выпускники должны быть способны к продуктивному труду и конструктивному общению в различных сферах общественной жизни с учетом осмысленного, созидательного и в то же время творческого отношения к различным видам деятельности. Роль преподавателя высшей школы не является при этом главенствующей, скорее партнерской, направляющей. Поэтому он должен осознать свою деятельность как человековедческую, мотивирующую стремление обучающихся к овладению профессиональными знаниями. Видение смысла изучаемого материала – основа творческого развития обучающегося. По мнению Р. Хаббарда, у студента не должно при изучении научных дисциплин оставаться ни одного непонятого слова. Именно поэтому в процессе профессиональной подготовки будущих выпускников актуальным является поиск универсальных смысловых критериев оценки нового научного знания, который предполагает формирование системы понятий, представляющих собой единство, обладающее рядом специфических характеристик и представляющее собой понятийное лингвистическое мышление.

Предметом исследования данной статьи является процесс формирования понятийного лингвистического мышления студентов-бакалавров (на примере сферы юриспруденции). Объект нашего внимания находится в исследовании понятий, которые обусловлены принадлежностью к освоению предметной действительности с помощью лингвистических критериев, используемых для формирования способности обучающегося рассматривать динамику любого языкового явления в многообразных связях с другими явлениями реального мира. Умения оперировать лингвистическими понятиями являются в дальнейшем показателем нестандартно мыслящего выпускника, который осмысленно применяет специальную научную терминологию в профессиональной деятельности.

Лингвистические понятия являются результатом опыта познания мира и его практического преобразования. Каждое понятие является логическим воспроизведением, отражающим объективные связи предметов и явлений реальности, существующих автономно от сознания человека. Данный процесс знаменует активное соотношение человеческого сознания и отражаемого им бытия. Изменения, происходящие в системе научных понятий или их связях с другими понятиями, предполагают их непрерывное развитие, а именно:

- изменение объема понятий в сторону расширения;

- изменение содержания как отражение углубления знаний о предмете;
- изменение взаимоотношений между понятиями, то есть их иерархии;
- рефлексивность понятий, их необособленность.

При этом необходимо учитывать, что каждое понятие внутри себя скомпоновано так, что структурная схема распространяется не только на границу понятий, но и существует внутри каждого отдельно взятого понятия.

При собственной идентичности каждое понятие является частью системы, зависящей от материальной действительности и обусловленной ею и поэтому динамичной. Динамичное изменение понятия – это процесс непрерывного расширения его содержания, которое в полной мере обусловлено характером связей и отношений самих вещей и развивающегося вещного мира. При этом следует иметь в виду, что изменчивость понятий сочетается с определенностью, относительной устойчивостью, ясностью. Природа понятия, таким образом, дуалистична, иерархична и сложна.

В актуальном процессе познания каждое лингвистическое научное понятие логически связано и сопряжено с другими понятиями и вместе с ними образует некоторую иерархическую схему, систему знания. Эта система модифицирует научные понятия, определяет их смысловые границы, придает специфические значения, обеспечивает однозначность научного функционирования и объективность их содержания [1].

В данной статье мы представляем технологию осмысления иноязычного текста, которая, на наш взгляд, является важным средством усвоения лингвистических понятий. Это своеобразный стержень, на который нанизываются основные лингвистические понятия, образующие систему понимания, осмысления и сознательной интерпретации текста. Технология имеет философскую основу. Ее основные положения основаны на воззрениях Ф. Шлейермахера, яркого представителя герменевтической школы, представляющей идею как репродуктивное воспроизведение первоначального авторского замысла на основе конгениальности духовных миров интерпретатора и интерпретируемого (так называемый, «метод герменевтического круга») [2].

В разработке технологии мы обратили внимание на применение метода аппликации Г.Х. Гадамера, то есть внедрения принципа соотнесения фактов с определенной исторической эпохой. Поскольку необходим момент наложения нашей трактовки любого события на исторический контекст, на ту культуру, в которой это событие развивалось. Аппликация, то есть применение, наложение в процессе понимания исторических фактов, носит обязательный характер, и, по существу, составляет предпосылки для научного понимания и осмысления

текстового материала (под пониманием рассматриваем сознательную интерпретацию иностранного текста) [3].

Также необходимо сказать о языке как важнейшем условии упорядочивания связей событий (лингвистических, в том числе).

Язык и речь занимают в герменевтическом учении центральное место: это не просто опосредующая среда двух авторов – людей и текстов, это потенциальная общность разума, на которой основывается универсальность герменевтического размера. Такая универсальность встречалась еще у Августина, который указывал на приоритет знаков над значением вещей. На наш взгляд, современная герменевтика усматривает смысл не только в словах, но и во всех человеческих творениях, а поскольку язык-универсальная предпосылка познания мира, он генерирует всю совокупность человеческого опыта с тем, чтобы обозначить совокупность систематизированных понятий.

Важной характеристикой познания является также деятельность опыта. Она является открытой и всеобщей. Герменевтика в усвоении лингвистических понятий служит интеграции научных познаний в личные знания. Она универсальна также и в том смысле, что трансформирует научные знания в практическое применение. Личность как субъект интерпретирования вправе сама определить, какой контекст, какого масштаба она включает в процессе выработки своего мнения и вывода в отношении системы понятий, отражающих практический опыт в процессе познания [3].

Личность характеризует и анализирует процесс интерпретирования, который всегда завершается выводом (в применении к изучению иностранным языкам, переводам), представляющим это мнение. Интерпретирование отличается от отдельных оценок, ценностей, смыслов тем, что оно является продуктом создания личностью собственной концепции установления семантики составляющих элементов. В процессе данной деятельности личность соединяет разные области жизни, разнородные оценки, наблюдения, смыслы постепенно и в произвольном порядке. В ходе интерпретирования возникают сомнения в правомерности того или иного способа соединения разнопорядковых данных «версии». Свобода трактовки возникающих понятий является главной предпосылкой и решающим условием обобщения. Это явление, предлагаемое личностью в интерпретационном выводе выражает то, что существенно для субъекта при работе с текстом и в процессе образования лингвистических понятий, приобретающих новые оттенки смысла.

Предложенная технология работы с текстом содержит в себе систему приемов осмысления и сознательной интерпретации текста и метод решения лингвистических задач с тем, чтобы определить уровень сформированности понятийного лингвистического мышления студентов. Данная работа должна составлять сущность учебного занятия, занимать

центральную его часть. Она призвана решать проблему формирования понятийного лингвистического мышления студентов с тем, чтобы использовать данные характеристики в профессиональной деятельности. При этом чрезвычайно важным является стремление к гармоничному сочетанию грамматического, текстологического, культурологического разбора текста, при этом процесс интерпретации будет наиболее продуктивным для достижения цели формирования понятийного лингвистического мышления. В ходе наших рассуждений были обозначены этапы работы с текстом: до начала чтения, в процессе чтения, после чтения (перевод), критический анализ текста. Внутри каждого этапа-определенная последовательность «шагов». Подобная работа с текстом становится мотивированной и познавательной, т.к. по ходу чтения становится понятным, какие слова нуждаются в толковании, слово истолковывается в контексте, приобретая при этом необходимый смысл. На завершающих этапах можно увидеть такие элементы, как дополнение к прочитанному, выражение сомнения или несогласия и отстаивание своей точки зрения. Описание работы с текстом доказывает значимость диалектического подхода к изучению иноязычных понятий, является надежным методологическим инструментом, для вдумчивого прочтения и перевода иноязычного текста, выступающего в роли определенной ступени познания мира.

Использование подобного подхода к работе с иноязычным текстом способствует успешному усвоению лингвистических понятий и формированию системного научного знания и понятийного лингвистического мышления обучающихся, способности выявлять, фиксировать, разрешать диалектические противоречия как внутри понятий, так и между ними, устанавливать связи и взаимозависимости последних, которые позволяют определить в дальнейшей деятельности уровень профессиональной компетентности будущих выпускников.

Библиографический список

1. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. 3-е изд., испр. М.: Русский язык, 1986. 840 с.
2. Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб.: «Европейский Дом», 2004. 242 с.
3. Гадамер Х.Г. Истина и метод: Основы философии герменевтики: Пер. с нем. / Общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М., Прогресс. 1988. 704 с.
4. Брушлинский А.В. Культурно-историческая теория мышления. 1986. 215 с.
5. Железовская Г.И. Понятийное диалектическое мышление студентов. Педагогическая технология и диалектический анализ. Саратов.: Изд-во Саратовского университета, 1993.
6. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М., 1997.
7. Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. N808 «Об утверждении основ государственной культурной политики». URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/591385> (дата обращения: 01.03.2015).

8. Хаббард Р. Руководство по основам обучения: По трудам Л. Рона Хаббарда. М.: Нью Эра, 1996. 278 с.
9. Холодная М.А. Интегральные структуры понятийного мышления. Томск, 1983. 213 с.

УДК 811.111 [072.8]

ОБУЧЕНИЕ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА

Н.А. Кубракова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: kubrakovanat@mail.ru

Настоящая статья описывает некоторые способы, с помощью которых можно стимулировать изучение английского языка у студентов факультета психологии (уровень бакалавриата). Автор рассматривает некоторые виды аудиторных заданий, которые позволяют совершенствовать навыки английского языка для специальных целей с самого начала обучения на факультете.

Ключевые слова: английский язык для специальных целей, студенты факультета психологии (уровень бакалавриат), аннотирование, аннотации, презентации.

TEACHING ENGLISH TO PSYCHOLOGY UNDERGRADUATES IN CHANGING CIRCUMSTANCES

N.A. Kubrakova

The article describes some ways to boost English learning among undergraduates whose major is psychology. The author focuses on several types of class activities that enable students to master English for Specific Purposes from the very start of their professional training.

Key words: English for Specific Purposes, psychology undergraduates, summaries, abstracts, presentations.

В XXI веке для нас стали привычными такие понятия, как глобализация, глобальное экономическое и образовательное пространство, которые сразу указали на огромную роль взаимосвязей и взаимозависимостей и подчеркнули значимость сотрудничества во всех областях и сферах человеческих отношений. Подобные связи четко прослеживаются в образовательном процессе на разных уровнях, в частности во взаимосвязи дисциплин учебных планов и основных образовательных программ (ООП). Нас, прежде всего, интересует взаимодействие дисциплины «Иностранный язык» с дисциплинами

профессиональной направленности на факультете психологии Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

Согласно Федеральному государственному образовательному стандарту высшего профессионального образования по направлению подготовки 37.03.01 Психология (уровень бакалавриата), по окончании обучения выпускники должны приобрести способность к коммуникации в устной и письменных формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия. Кроме того, одной из профессиональных задач, которые должен решать выпускник, освоивший программу бакалавриата, является изучение научной информации, российского и зарубежного опыта по тематике исследования. Однако эти задачи студентам факультета психологии зачастую приходится решать с самого начала обучения: во-первых, отдельные отрасли психологии (например, организационная психология и консультационная психология), изучение которых относится к магистральным направлениям научной работы факультета, зародились и активно развивались за рубежом; во-вторых, факультет сотрудничает с рядом западных вузов. Обе причины делают необходимым формирование навыков работы с литературой на английском языке, освоение навыков перевода и создания различных типов текстов.

Кафедра английского языка для гуманитарных направлений и специальностей факультета иностранных языков и лингводидактики имеет давнюю и весьма плодотворную историю сотрудничества со специальными кафедрами гуманитарных факультетов Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского [1-6]. В настоящей статье мы освещаем результаты проекта, в котором приняли участие студенты первого курса факультета психологии. Средний уровень владения студентами английским языком был определен как Intermediate (проверка осуществлялась с помощью Total English Placement Test).

На первом этапе студенты работали с текстами общей профессиональной направленности. После прочтения, перевода и обсуждения каждого текста студентам предлагалось выполнить компрессию текста. Предварительно студентов знакомили с основными принципами выполнения такого задания, возможными алгоритмами и способами сжатия, описанные в серии пособий “English for Professional Communication” преподавателей кафедры английского языка для гуманитарных направлений и специальностей факультета иностранных языков и лингводидактики, а также учебного пособия “Reading the News” [7-11].

На втором этапе студенты выполняли более сложное задание – перевод аннотаций научных статей, опубликованных в журналах международной психологической ассоциации (APS): Current Directions in Psychological Science, Psychological Science, Clinical Psychological Science,

Perspectives on Psychological Science за 2013-2014 гг. Работа по переводу аннотаций осуществлялась в течение первого семестра (участвовали 20 человек; переведено 18 аннотаций). Перевод аннотаций студенты обычно делали в группах из 2-3 человек. Помимо перевода студенты составляли терминологический словарь, небольшой пример которого мы приводим ниже:

life satisfaction rating- индекс удовлетворенности жизнью;

memory capacity – объем памяти, способности памяти;

motivated agent – мотивированный агент;

neuroticism – нейротизм;

performance limitations – пределы производительности;

pervasive integration – глубокая интеграция.

Отдельное внимание в процессе анализа и перевода аннотаций уделялось различным дискурсивным формулам, которые используются во вторичных текстах для передачи речи автора первичного текста, в данном случае статьи (например, *a growing body of scientific evidence suggests, to respond to comments / criticism / arguments, to synthesize a wide range of conceptions, to break down an assumption, experimental evidence suggests, fruitful avenue for research, can be explained in terms, argues, asserts, believes, concludes, confirms*).

На окончательном этапе студенты готовили презентации по результатам работы над переводом аннотаций, с которыми они приняли участие в работе научного круглого стола «Современные тенденции и перспективы мировой психологии» для магистрантов и бакалавров факультета психологии, преподавателей, членов Российского психологического общества и всех интересующихся современными тенденциями развития психологической науки. Мероприятие было подготовлено совместными усилиями кафедры консультативной психологии, научно-методического кружка «Актуальные проблемы психологического консультирования» и кафедры английского языка для гуманитарных направлений и специальностей. Ведущий круглого стола, руководитель научно-методического кружка, доцент кафедры консультативной психологии, кандидат философских наук С.В. Фролова высоко оценила выступления первокурсников и выразила надежду на продолжение сотрудничества факультета психологии и кафедры английского языка для гуманитарных направлений и специальностей.

Навыки компрессии текста и знакомство с аннотациями научных статей можно использовать для работы над текстами научных статей на английском языке в рамках проведения исследования, для самостоятельного создания аннотаций и тезисов, а также других типов текстов, типичных для академического пространства.

Мотивом проведения третьего этапа работы стало стремление подготовить студентов к выступлениям на английском языке, что является

актуальным в условиях, когда в рамках конференций студентам все чаще приходится выступать на английском языке. Сначала студенты познакомились с общими правилами подготовки презентации [6]. Затем обучаемым предлагались тексты, графически разделенные на части, что облегчало понимание логики текста. Следующим шагом была подготовка самого текста презентации, для этого студенты могли выбирать из списка фраз, которые обеспечивают переход от одной части презентации к другой, позволяют ввести пример или сделать перифраз (*The subject/topic of my talk is ...; I'm going to divide this talk into four parts; Let's begin/start by ...; That's all I have to say about...; Moving on now to ...; The next issue/topic/area I'd like to focus on ...; Let's consider this in more detail...; Translated into real terms...; To give you an example,...; Let's summarise briefly what we've looked at...; To put it more simply....; I'm happy to answer any queries/ questions*) [6].

В заключение, хотелось бы отметить, что сформированные на каждом этапе навыки впоследствии можно отрабатывать в реальных условиях: например, используя аннотирование научных статей в упомянутых выше журналах при разработке исследовательских тем, предложенных преподавателями профильных кафедр, а навыки, необходимые для презентаций, в подготовке выступлений на научных семинарах, круглых столах и конференциях.

Библиографический список

1. Иванова Д.Н., Кубракова Н.А. Пишем аннотации на английском и русском языках: проект на стыке технологий // Вопросы современной лингвистики и методики обучения иностранным языкам в школе и вузе: материалы Международной очно-заочной научно-практической конференции (17 мая 2011 года). Комсомольск-на-Амуре: Изд-во АмГПУ, 2011. С. 255-261.
2. Кубракова Н.А. Проведение англоязычных круглых столов как средство реализации метода проектов // Лингвометодические проблемы преподавания иностранных языков в высшей школе: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.И. Иголкиной. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2011. Вып. 8. С. 137-145.
3. Кубракова Н.А. Проект «Круглый стол» как способ организации внеаудиторной работы студентов-юристов (из опыта работы) // Проблемы образования в современной России и на постсоветском пространстве: сборник статей XVII Международной научно-практической конференции. Пенза: Приволжский Дом знаний, 2011. С. 76-78.
4. Кубракова Н.А. Использование ИКТ как средство повышения мотивационной составляющей самостоятельной работы студентов // Самостоятельная работа студентов в условиях перехода на двухуровневую систему ВПО: Материалы докладов Региональная научно-практическая интернет-конференция «Самостоятельная работа студентов в условиях перехода на двухуровневую систему ВПО» (6-9 ноября 2012 года). Саратов: РИЦ «Студия развития лидерства», 2012. С. 161-177.
5. Кубракова Н.А. Профессиональный компонент СРС в обучении английскому языку: проверка обратной связи // Самостоятельная работа студентов в условиях перехода на двухуровневую систему ВПО: Материалы докладов Всероссийской научно-практической интернет-конференции «Самостоятельная работа студентов

- в условиях перехода на двухуровневую систему ВПО» (6-9 декабря 2013 года). Саратов, 2013. С. 110-117.
6. Павлова Н.В. Хрестоматия для чтения текстов по организационной психологии. Саратов, 2013. 122 с. URL: http://elibrary.sgu.ru/uch_lit/794.pdf (дата обращения: 18.03.2015).
 7. Воронова Е.Н. Учебное пособие: Английский язык для студентов Института физической культуры и спорта (бакалавриат). Саратов, ИЦ «Наука», 2013. С. 39-41.
 8. Иванова Д.В., Кубракова Н.А., Саунина Е.В. Английский язык для студентов, обучающихся по направлению «Политология»: учеб. пособие. Саратов: Издательский центр «Наука», 2013. С. 140-149.
 9. Сипакова И.Н. Организация и содержание аудиторной и самостоятельной работы студентов в магистратуре // Самостоятельная работа студентов в условиях перехода на двухуровневую систему ВПО: Материалы докладов Региональная научно-практическая интернет-конференция «Самостоятельная работа студентов в условиях перехода на двухуровневую систему ВПО» (6-9 ноября 2012 года). Саратов: РИЦ «Студия развития лидерства», 2012. С. 217-224.
 10. Сипакова И.Н. Английский язык для студентов, обучающихся по специальности «Таможенное дело». Учеб. пособ.: Саратов, изд-во «Буква», 2013. С. 65-67.
 11. Sharma P. Reading the News. Thomson ELT, 2007. 116 p.
 12. Sharma P. Reading the News. Instructor's manual. Thomson ELT, 2007. 68 p.

УДК 316.722

ТЕКСТ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ДИСКУРСЕ

Б.Р. Могилевич

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: mogilevich@sgu.ru

Рецептивная эстетика исследует причины разницы текстовых интерпретаций. Несовпадение горизонтов ожиданий представителей разных культур обусловлены разницей их социокультурных ареалов во времени и пространстве. Переводчик обеспечивает полноценную межкультурную коммуникацию при межкультурных различиях адресанта и адресата.

Ключевые слова: рецептивная эстетика, межкультурный дискурс, горизонт ожидания, герменевтика.

TEXT IN CROSS-CULTURAL DISCOURSE

B.R. Mogilevich

Receptive esthetics investigates various texts interpretations causes. The incoincidence of expectance horizons of different cultures representation depends on there sociocultural differences. A translator/interpreter ensure positive cross-cultural communication under cross-cultural differences of addressee and addressant.

Key words: receptive esthetics, cross-cultural discourse, expectance horizons, hermeneutics.

Интерес к проблемам интерпретации текста восходит к феноменологической традиции, использующей герменевтико-рецептивный подход к изучению коммуникации между текстом и читателем, между произведением искусства и аудиторией, согласно которому существуют три типологических состояния при осуществлении воздействия любого произведения искусства (текста) на адресата:

1. творческий импульс (замысел) адресанта;

2. текст (произведение искусства);

3. интерпретация текста адресатом, что можно представить в виде триады – «адресант-текст-адресат». *Адресант* отражает в тексте свое восприятие окружающей действительности, используя знаковую систему – язык; *текст* – это отражение окружающей действительности с помощью знаковой системы (языка), несущей информацию; *адресат* интерпретирует информацию, содержащуюся в тексте в виде следующих этапов: смыслового взаимодействия адресанта и адресата, т.е. постижение смыслов; оценки смысла.

В процессе восприятия текста сам процесс чтения становится социокультурным фактом, так как адресант и адресат вступают в отношения социокультурного взаимодействия, реализация которого возможна при корреляции личностных потенциалов коммуникантов. Связующим звеном между коммуникантами является не сам текст, а его адекватная интерпретация.

Герменевтика – наука, занимающаяся интерпретацией смыслов – внесла неоценимый вклад в изучение текста как средства коммуникации. Она базируется на следующих основных принципах: интерпретация предполагает плюрализм вариантов и незавершенность; интерпретация текста обусловлена уровнем социокультурного развития адресата; связь смыслов конкретных текстовых структур с социальным, историческим и культурным контекстом.

Герменевтический подход опирается на феноменологические теории Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, сущность которых состоит в том, что понимание зависит от общения и само строит (конструирует) это общение [1, с. 28]. Согласно Х.Т. Гадамеру, интерпретация текста – это диалог прошлого и настоящего, в виде создания нового, постижения его внутреннего социокультурного смысла, а истина плюралистична, так как количество интерпретаций бесконечно.

Когда текст не читается, то есть нет коммуникации между адресантом и адресатом, он существует только как совокупность знаков. В процессе социокультурной коммуникации между адресантом и адресатом текст приобретает реальный смысл и объективное существование. Сам текст

инвариантен, а его смыслы – вариативны, следовательно, текст – это открытая система, а суждения о текстах не могут претендовать на абсолютность и окончательность. Сущность герменевтического подхода состоит в том, что факты текста содержат бесконечное число интерпретаций, а читатель, интерпретируя текст, создает свой новый мир. Герменевтический подход выделяет стадию «предпонимания» как «предпосылки» процесса интерпретации. Х.Г. Гадамер выдвинул понятие герменевтического круга как замкнутого взаимодействия между традиционным или прежним пониманием и интерпретацией текста. Происходит «игра» текста с интерпретатором и наоборот, где огромную роль играет воображение, творческая догадка и прежний опыт интерпретации.

Например, каждая наука представляет собой интерпретацию текстов и идей, которые могут истинными, а потом сменяться другими. Герменевтический подход к процессу интерпретации текста получил свое дальнейшее развитие в контексте феноменологических теорий в рецептивной эстетике. Была предпринята попытка исследовать коммуникативную составляющую эстетического опыта, существующего в виде трех характеристик: продуктивной (текст); рецептивной (восприятие текста), коммуникативной (воздействие текста на реципиента). Впервые на коммуникативную сторону эстетического обратили внимание Х.Р. Яусс, считавший восприятие основой коммуникативности текста. «Рецептивная теория еще раз поставила проблему подхода к произведению с точки зрения его воздействия, диалектики воздействия и восприятия, формирования реструктуризации канона и диалогичности понимания, обусловленной временной дистанцией» [2, с. 53]. Рецептивный подход к интерпретации текста предполагает учет: исторических условий создания текста, особенностей мировоззрения и типологии индивидов в диахроническом и синхроническом аспектах. Любой текст обладает виртуальным смыслом, латентно присутствующим в нем, неизвестный адресанту и реализующийся поэтапно во времени и пространстве [2, с. 55].

В концептосферу рецептивной эстетики входит такое понятие как «горизонт ожидания» – сочетание социокультурных позиций адресанта и адресата. Горизонт ожидания адресата – это разнообразие интерпретаций, детерминированные личностными и общественными культурными традициями. Горизонт ожидания адресанта (текста) включает понятие имплицитного адресата. Дело в том, что развиваясь во времени и пространстве, тексты приобретают множество интерпретаций, как правило, непредусмотренных адресантом. Несовпадение (асимметрия) горизонтов ожидания адресанта и адресата особенно значима, если они принадлежат разным культурам и оперируют разными контекстами. Адресат, воспринимая текст «чужой» культуры, не может быть свободным

от «своей» социокультурной традиции. Более того, интерпретация в контекстах «своей» и «чужой» варьируется в синхронии и диахронии.

В. Изер полагает, что этапу интерпретации текста должен предшествовать этап изучения его контекста как совокупности авторских позиций об окружающей действительности. Причем, мировоззрение адресанта обусловлено реакцией адресата как представителя определенного социокультурного ареала [3, с. 272].

На основе сочетания герменевтического и рецептивного подходов к интерпретации текстов В. Изер создал феноменологическую модель взаимодействия между адресатом и текстом [3, с. 274]. Сущность его исследований состоит в том, что любой текст содержит разные смыслы и разное их восприятие разными адресатами обусловлено не только личностными характеристиками индивида, но и социально-историческими характеристиками. Так, любой адресант создает свой текст в процессе интерпретации вне зависимости от общепринятой схемы или традиции.

Культурным посредником между адресантом и адресатом является переводчик. Его основная функция состоит в том, чтобы, с одной стороны, быть на позициях коммуникантов в рамках их социокультурных традиций, а, с другой стороны, с опорой на свой социокультурный опыт создать новый текст с учетом социокультурных традиций всех участников межкультурной коммуникации. Таким образом, существуя в рамках двух концептосфер, переводчик должен: «одновременно видеть мир «изнутри» переводимого текста и смотреть на этот мир «со стороны» [4, с. 39]. Естественно, каждый текст связан с концептами «своей» культуры и теряет свой смысл без их учета. Следовательно, коммуникативные потери при восприятии и переводе иноязычных текстов априори неизбежны.

Границы между культурами не являются чем-то застывшим, данным навечно. Коммуникация происходит и в рамках одной культуры, и между культурами. По словам Ж. Дерриды, «какими бы разнородными не были сущностные структуры различных конструированных языков и культур, перевод, в принципе, есть задача всегда возможная: два нормальных человека всегда априори будут обладать сознанием своей общей принадлежности к одному и тому же человечеству, живущему в одном и том же мире» [5, с. 174].

Существуют определенные механизмы, облегчающие переводческую задачу:

- прецедентные тексты и личности;
- социокультурный комментарий;
- критические работы, отражающие горизонты ожидания адресанта и формирующие горизонты ожидания адресата;
- резюме, отклики прессы;
- литературные биографии [6, с. 139].

В начале 70-х годов XX века текст перестает быть объектом изучения только лингвистов, которые в своих исследованиях текста ориентировались на языковой анализ. Текст стал рассматриваться как речевое действие, имеющее целью установление социокультурного взаимодействия между адресантом и адресатом. Эта точка зрения на текст получила название «коммуникативного подхода», согласно которому текст представляет собой неотъемлемую часть коммуникативной ситуации, в которой основными компонентами являются коммуниканты, обладающие своими социокультурными характеристиками (статусами) [7, с. 17].

Коммуникативно-ориентированное изучение текста предполагает, что адресант создает текст-единицу речевой коммуникации для совершения речевого действия, имеющего коммуникативный смысл. Текст как всякое явление объективной действительности в процессе речевого действия выполняет определенные функции.

Существующие классификации текстовых функций основаны на «модели органа» К. Бюлера. В свою очередь, К. Бюлер использовал модель, предложенную еще Платоном: «Язык есть *organum*, служащий для того, чтобы человек мог сообщить другому нечто о вещи» [8, С. 30]. Данное определение наглядно демонстрирует модель коммуникации: адресант-объект-адресат. К. Бюлер выделил три основных функции языка: репрезентативную, экспрессивную и аппелятивную. Текст, являясь комплексным языковым знаком, естественным образом обладает всеми языковыми функциями.

Большой интерес с социолингвистической точки зрения представляет собой теория иллокутивных классов (текстовых функций Д. Серля). Иллокуцией (лат. *logui* – говорить) принято считать речевой акт в аспекте интенций адресанта. Согласно теории Д. Серля, существуют следующие функции текста:

- репрезентативы – представление положения дел (диагноз, описание, сообщение, утверждение, констатация)
- директивы – побуждение к действию (приказ, просьба, распоряжение, рекомендация, совет, указание)
- комиссивы – обязательства по совершению действий (договор, клятва, обещание, гарантийное письмо, пари)
- экспрессивы – эмоциональное отношение коммуникантов (благодарность, извещение, поздравление, благодарность, приветствие, соболезнование, извинение)
- декларативы – речевые акты, в результате осуществления которых происходит изменение социального статуса коммуникантов (объявление о заключении брака, получение диплома, назначение на новую должность, завещание) [9, с. 180].

Особое внимание стало уделяться определению последствий осуществления текстовой деятельности для коммуникантов.

Коммуниканты в результате создания, восприятия и последующей интерпретации текста имеют возможность: психической релаксации (функция самовыражения), установления и продолжения контакта (контактоустанавливающая функция); получения и сообщения информации (функция информирования), побуждения партнеров к совершению действия (функция регуляции). Все функции тесно взаимосвязаны и присутствуют в тексте одновременно. Особое положение занимает эстетическая функция, вследствие того, что адресант реализует ее в тексте, создавая «мнимую реальность», другими словами, мир художественной литературы [10, с. 147].

Развитие международных контактов обусловило и новый подход к созданию и интерпретации текстов как единицы коммуникации, воплощающий весь спектр социокультурных характеристик индивидов. В этой связи, большой интерес представляют проблемы этнолингвистической характеристики текстов. Этнометодологическое изучение повседневных разговоров повлекло за собой появление новых подходов к исследованию текстовых характеристик с точки зрения этногерменевтики и этонориторики. В свою очередь эти подходы составляют общий контекст нового междисциплинарного направления – этнолингвистики, рассматривающей текст как на макроуровне – контрастивный анализ социокультурных характеристик разных культур, так и на микроуровне – сопоставление дискурсов коммуникантов [11, с. 95]. Эти научные задачи требуют изучения и разрешения. Можно выделить некоторые из них:

1. сопоставление текстов, принадлежащих разным культурам с точки зрения особенностей структурного, семантического и функционального разнообразия;
2. этнокультурные особенности порождения текстов;
3. сопоставительный анализ коррелирующих текстов в рамках разных социокультурных реальностей;
4. социальный аспект функционирования текстов в процессе межкультурной коммуникации с точки зрения определения специфических текстовых фреймов, отражающих межкультурные особенности социокультурного взаимодействия, в частности обусловленность текстовой информации фоновыми ожиданиями представителей разных культур; типологическая принадлежность текстов в процессе межличностных межкультурных интеракций.

Диалог развивается дискретно, то есть информация генерируется циклично. Это диалоговое свойство относится и к функционированию культуры. Диалог культур, другими словами межкультурная коммуникация, проходит пять этапов:

1. «Чужие» тексты приходят в культуру на «чужом» языке, а принимающая культура отводит им высшее место, а «чужой» язык становится символом принадлежности к «высшей» культуре.
2. «Своя» и «чужая» культуры, воплощенные в текстах, взаимодействуют, адаптируются, все «чужое» трактуется как органически присущее «своему». Наступает период гармонии культур.
3. Тексты «чужой» культуры, вошедшие в «свою» как первоначально более высокие, более ценные, становятся настолько ассимилированными в принимающей культуре, что рассматриваются как истинные, естественные, а культура их происхождения приобретает статус «неистинной». Более того, начинает распространяться неприязнь к отдающей культуре.
4. Тексты, прочно внедрившиеся в принимающую культуру, сами генерируют новые тексты, отражающие своеобразие отдающей и принимающей культур, но и имеющие свои оригинальные характеристики.
5. Принимающая культура, становится отдающей и становится источником нового типа текстов.

Текст как средство социальной коммуникации играет важную роль в жизни любого общества, так как все достижения человеческой деятельности фиксируются и передаются через его посредство. Любая культура, любой социум представлены в виде текстов и их понимание и интерпретация обусловлены уровнем развития тезаурусов как индивида, так и всего общества. Межкультурная коммуникация осуществляется при помощи текстов, репрезентирующих свои культуры. Их адекватное восприятие коммуникантами – представителями разных культур – залог и непереносимое условие успешного межкультурного взаимодействия.

Библиографический список

1. Гадамер Х.Т. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988.
2. Jauss H.R. The Theory of Reception. A Retrospective of Its Unrecognized Prehistory // Literary Theory Today. Polity Press, 1990.
3. Iser W. The Implied Reader. Baltimore, 1977. P. 274.
4. Топер П.М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. М.: Наследие, 2000.
5. Деррида Ж. Введение // Начало геометрии. М.: Ad-Marginem, 1996.
6. Цветкова М.В. Межкультурная рецепция и ее перевод // Эссе о социальной власти языка. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001.
7. Brinker K. Textlinguistik: Student Bibliographie. Heidelberg, 1993.
8. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М., 1999.
9. Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып 17: Теория речевых актов. М., 1986. С. 170-194.
10. Heinemann W., Viehweger D. Text linguistik: Tiibingen, 1991.

11. Могилевич Б.Р. Социально-политический дискурс языка в контексте межкультурной коммуникации // Саратов: ООО Изд-во «Научная книга», 2007.

УДК 811.161.1'272 (470)

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ КАК ОБЩЕКУЛЬТУРНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Г.А. Никитина

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: dimgalnick2@yandex.ru

В статье рассматривается вопрос о необходимости формирования коммуникативной компетенции как обязательного результата профессиональной подготовки в рамках вузовского образования. В контексте темы статьи приводятся примеры Российских и европейских программ подготовки специалистов разного уровня, которые иллюстрируют данную идею. Автор акцентирует внимание на том, что одной из обязательных составляющих в структуре коммуникативной компетенции сегодня являются навыки и умения межкультурного взаимодействия.

Ключевые слова: образовательные стандарты, образовательная программа, компетенция, коммуникация, межкультурная коммуникация, глобализация.

COMMUNICATIVE COMPETENCE AS A UNIVERSAL CULTURAL COMPONENT OF PROFESSIONALISM IN MODERN RUSSIAN AND EUROPEAN SOCIETY

G.A. Nikitina

The article focuses on the issue of developing communicative competence as a core result requirement within the framework of professional training at higher educational institutions. Examples of educational programmes and courses, offered both by Russian and European universities, are presented to illustrate the main idea. The author emphasizes that one of the basic components in the structure of communicative competence today is a number of skills in intercultural communication.

Key words: educational standards, academic programme, competence, communication, intercultural/cross-cultural communication, globalization.

Согласно российским государственным нормативным документам, в частности, ФГОС ВО по различным направлениям и специальностям как бакалавриата, так и магистратуры, формирование коммуникативной компетенции признается неотъемлемым и базовым элементом подготовки сегодняшних студентов к будущей профессиональной деятельности.

Актуальность данной задачи подтверждается и общемировыми тенденциями в развитии современного общества. К числу таких тенденций можно отнести глобализацию и унификацию, которые затрагивают, в том числе и лингвокультурную сторону нашего развития. Вследствие названных тенденций и процессов, а также значительных изменений, которые затрагивают состояние языков, их взаимодействие и взаимовлияние, появляется необходимость адаптации к сложившимся условиям. Более того, достаточно большой темп развития глобализационных процессов и технологической составляющей жизни подразумевает и значительные изменения в наборе тех средств и форм коммуникативного взаимодействия, которые доступны нам сегодня. Именно поэтому формирование коммуникативной компетенции остается важной задачей высшей школы.

Развивая данную идею, следует подчеркнуть, что вышеупомянутая тенденция глобализации приводит еще к одному важному явлению – коммуникативная компетенция сегодня понимается не только как владение родным языком. В качестве обязательной составляющей в требованиях образовательных стандартов называют владение иностранным языком для целей личного общения и профессионального взаимодействия.

Например, ФГОС ВО подготовки бакалавров по направлению 06.03.01 «Биология» в качестве одного из необходимых результатов образовательного процесса называет способность «к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия (ОК-5)» [1].

Примерно такую же задачу государство ставит и перед вузами, которые ведут подготовку магистров по направлению подготовки 44.04.01 «Педагогическое образование»: готовностью осуществлять профессиональную коммуникацию в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач профессиональной деятельности (ОПК-1) [2].

Еще более высокий уровень требований к результатам освоения основной образовательной программы в контексте формирования и развития коммуникативной компетенции предъявляется при обучении аспирантов, которых следует подготовить к использованию современных методов и технологий «научной коммуникации на государственном и иностранном языках (УК-4)» [3].

Данные примеры можно приводить довольно долго, перечисляя практически все образовательные стандарты, на которые ориентируется высшее образование в Российской Федерации при подготовке бакалавров, магистрантов и аспирантов к будущей профессиональной деятельности. Очевидно, что вне зависимости от уровня сложности поставленной задачи, все ступени высшего образования нацелены на формирование

коммуникативной компетенции, основанной на владении как родным, так и иностранным языком.

Сегодня компетенция не случайно признается результатом образовательного процесса. Есть много трактовок данного понятие, более того, все новые и новые определения продолжают появляться. Говоря самыми простыми словами, компетенция подразумевает способность что-либо делать и выполнять конкретные задачи в области профессиональной деятельности, разрешая возникающие при этом проблемы. Предположим, выпускник заявляет, что он компетентен в плавании, игре на скрипке или является компетентным летчиком. Значит, эта личность способна справиться с простой или сложной задачей и проблемой, поставленной перед ней в определенной профессиональной области: проплыть N-ное расстояние, сыграть определенный концерт, управлять самолетом при конкретных условиях и т.п. Приступая к профессиональной деятельности по окончании вуза, мы, как предполагается, уже компетентные специалисты. Рабочее место дано не для того, чтобы наши профессиональные компетенции формировались, а для того, чтобы, опираясь на них, мы могли грамотно и эффективно решать поставленные перед нами задачи. Однако часто ситуация складывается таким образом, что между образовательной программой профессиональной подготовки и теми способностями, которые востребованы в контексте реальной профессиональной деятельности, возникает большая пропасть. И очень часто такая пропасть возникает именно в ситуациях, связанных с процессом коммуникации.

Неслучайно основной целью при обучении иностранным языкам, как в России, так и в Европейских странах называют именно коммуникативную компетенцию: «Language teaching both in European countries and Russia is also based on the idea that the goal of language acquisition is communicative competence: the ability to use the language correctly and appropriately to accomplish communication goals» [4, с. 38].

В целом, способность эффективно применять свои знания в области системы языка при реализации коммуникативных стратегий и тактик в различных ситуациях повседневного, профессионального, межкультурного взаимодействия на сегодняшний день очень часто становится и ключевой профессиональной компетенцией для многих специалистов в области межличностного взаимодействия, эффективной коммуникации и пиара. Число желающих обучаться по направлениям подготовки, связанным с перечисленными сферами деятельности, достаточно велико. Например, есть данные, согласно которым, самой популярной квалификацией, востребованной в университетах Европы, в последнее время является специализация в области управления коммуникацией и общественных отношений [5].

Так, в Германии так же, как и в других европейских странах, на фоне растущей интернационализации, все большее значение придается обучению иностранным языкам. В университетах и специализированных высших профессиональных школах образовательные программы включают в себя дисциплину «Иностранный язык», которая может либо входить в число обязательных дисциплин, либо выбираться студентами в качестве курса по выбору в рамках общеобразовательных предметов. Кроме того, вузы Германии предлагают и дополнительные, факультативные курсы иностранного языка для студентов всех отделений и факультетов. Поэтому у выпускников университетов и других учебных заведений высшего образования появляется возможность получить сертификат владения, например, техническим английским. Подобная профильная специализация во владении иностранным языком, чаще всего английским, сопоставима, как представляется, с теми требованиями к результатам обучения в вузе, которые обозначены в российских стандартах, особенно по направлениям подготовки магистратуры и аспирантуры.

Еще одно наблюдение, которое можно отметить в контексте формирования коммуникативной компетенции в рамках обучения иностранному языку в современных западноевропейских вузах, – обязательное присутствие в названиях и в содержаниях курсов такого компонента, как межкультурная компетенция. Например, мы можем встретить курсы подготовки магистров по программам «Межкультурная коммуникация», «Кросс-культурная коммуникация» или «Глобальная коммуникация».

Программы, связанные с межкультурной компетенцией, построены вокруг идеи о том, что контакт между культурами является особенно важной составляющей как экономического, так и социокультурного взаимодействия в современном все более и более глобализованном мире. Основатели таких программ утверждают, что специалисты в данной области становятся более востребованными.

При подготовке магистров по описываемым программам университеты ставят перед собой ряд целей и задач, которые предполагают, что в результате обучения:

- выпускник сможет понимать, каким образом культурные различия влияют на взаимодействие людей в рамках профессионального и социального контекста;
- у студентов будет сформирован высокий уровень межкультурной компетенции;
- у выпускников будут сформированы навыки ведения бизнеса и коммуникативные навыки в сфере профессионального общения;
- магистры получают как теоретические знания, так и высокий уровень сформированности практических аналитических навыков;

- у студентов будет сформирован методологический инструментарий для понимания языка и коммуникативного взаимодействия;
- в рамках междисциплинарного подхода и поликультурных контекстов у магистров будут развиты навыки самостоятельного критического анализа и оригинального мышления.

Центральным звеном программ подготовки магистров к межкультурному взаимодействию являются вопросы взаимодействия культуры и идентичности, миграционных процессов и межкультурного взаимодействия в современной Европе. Например, специалисты Кембриджского университета предлагают междисциплинарные программы, основанные на изучении таких дисциплин, как лингвистика, история, «межкультурализм», что предполагает развитие аналитических способностей и более глубокое понимание студентами социокультурных, политических и экономических проблем настоящего времени.

Подобные курсы получают достаточно широкое признание экономического, политического и экспертного сообщества. Инновационный характер подготовки специалистов к работе с людьми из разных культурных и языковых сред повышает конкурентоспособность выпускников на рынке труда. В частности, магистры с подобной степенью востребованы на предприятиях и в компаниях, связанных с межкультурным взаимодействием в образовательной системе; в социальных учреждениях; в неправительственных организациях типа ЮНЕСКО и ЮНИСЕФ; в языковых школах и на факультетах иностранных языков; в компаниях, занимающихся письменным и устным переводом; в административных учреждениях и посольствах; в компаниях, занимающихся международной торговлей и т.п.

Программы подготовки специалистов в области кросс-культурной коммуникации не значительно отличаются от вышеописанных программ. Подобным же образом они нацелены на подготовку студентов к культурным контактам, на формирование межкультурной компетенции, навыков самостоятельного и критического анализа. Центральной идеей является понимание того, как культурные различия влияют на современную экономическую и социальную сферы, а также осознание необходимости развивать коммуникативные навыки для преодоления трудностей, возникающих вследствие культурных и языковых различий.

Сравнивая программы подготовки специалистов по межкультурной или кросс-культурной коммуникации с базовыми курсами подготовки специалистов в общении, следует отметить, что и здесь, наряду с дисциплинами типа «Коммуникация и управление персоналом», «Вопросы языка в коммуникации», «Виртуальное общение», «Иностранные языки», преподаются и такие дисциплины, как «Межкультурная коммуникация», «Мировые культуры», «Вопросы глобализации», «Международный бизнес».

Сегодня Европейские вузы предлагают и новые программы, нацеленные на подготовку специалистов в области глобальной коммуникации. Актуальность подобных программ определяется целым рядом факторов. Во-первых, в течение жизни человек не раз сталкивается с людьми, языковые и социокультурные корни которых отличаются от его собственных. Во-вторых, человечество сегодня очень мобильно, все меньше можно встретить людей, которые остаются на одном и том же рабочем месте, в одной и той же стране в течение всей жизни, а следовательно, круг социальных и культурных контактов каждого из нас значительно расширяется. Кроме того, интернет предоставляет каждому из нас безграничную возможность общаться с людьми, получать информацию, взаимодействовать вне зависимости от рамок времени и места. Именно благодаря этим обстоятельствам, связанным с глобализацией, наше общество становится все более разноликим. Это, в свою очередь, вызывает необходимость у современного специалиста владеть целым набором гибких коммуникативных стратегий и тактик. Тонкое восприятие разнообразных вариантов и норм коммуникативного поведения представителей разных социальных и культурных групп в контексте разных форм реального и виртуального общения является необходимым элементом коммуникативной компетенции современного специалиста.

Так, студентам, обучающимся по программам подготовки магистров в области глобальной коммуникации, предлагается освоить такие сферы, как цифровая революция; экономические трансформации, обусловленные глобализацией; проблемы межкультурного взаимодействия и пути их разрешения на уровне правительств, корпораций и негосударственных организаций; развитие коммуникативной индустрии, включая мировые рекламные технологии, социальные сети, поисковые системы и др.

Таким образом, очевидно, что как в Российской, так и в любой другой европейской системе высшего образования, осознается необходимость формирования и развития коммуникативной компетенции специалистов любого уровня профессиональной подготовки. При этом современное состояние мирового сообщества и уровень развития коммуникационных технологий предполагает обязательное наличие в структуре коммуникативной компетенции готовности к восприятию социокультурного и языкового разнообразия, способности к общению и профессиональному взаимодействию с представителями разных культур и социальных групп.

Библиографический список

1. ФГОС ВО по направлению подготовки 06.03.01 Биология (бакалавриат). Портал федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/060301_Biologia.pdf (дата обращения: 19.03.2015).

2. ФГОС ВО по направлению подготовки 44.04.01 Педагогическое образование (магистратура). Портал федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvom/440401_Pedobr.pdf (дата обращения: 19.03.2015).
3. ФГОС ВО по направлению подготовки 01.06.01 Математика и механика (уровень подготовки кадров высшей квалификации). Портал федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvoasp/01_06_01_Matematika_i_mehanika.pdf (дата обращения: 19.03.2015).
4. Tolstykh O., Khomutova A. Developing the communicative competence of the university teaching staff: an integrated-skill approach. // General and Professional Education. №2. 2012. Pp. 38-43.
5. Communication Management Competencies for European Practitioners. URL: http://www.ecopsi.org.uk/ecopsi/files/Ecopsi_CMC_Booklet.pdf (дата обращения: 15.03.2015).

УДК 811.111 (072.8)

УРОВНЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА

А.Н. Писаренко

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: allanik80@mail.ru

Статья посвящена обоснованию критериев, показателей и уровней сформированности профессиональной межкультурной компетентности будущих специалистов.

Ключевые слова: межкультурная компетентность, профессиональная межкультурная компетентность, уровни сформированности.

Levels of development of professional multicultural competence

A.N. Pisarenko

The article gives qualitative characteristic of levels of development of professional multicultural competence.

Key words: multicultural competence, professional multicultural competence, levels of development of professional multicultural competence.

В современных условиях вопрос о подготовке будущих специалистов, способных функционировать в профессиональной среде, стоит особо остро. Редкостью становятся монокультурные

профессиональные коллективы, уступая место коллективам, членами которых являются представители различных этнических групп.

В этой связи встает вопрос формирования положительной мотивации к межкультурному профессиональному взаимодействию, вооружения студентов – будущих специалистов знаниями и формирования у них умений и навыков безконфликтного, успешного, продуктивного взаимодействия с представителями различных этнических групп в профессиональной среде. Все вышеперечисленное говорит о необходимости формирования у будущих специалистов такого качества личности, как профессиональной межкультурной компетентности.

Под профессиональной межкультурной компетентностью будущего специалиста в рамках данной статьи мы будем понимать качество личности, необходимое специалисту любого профиля для успешного профессионального взаимодействия с представителями различных этнических групп и характеризующееся положительной устойчивой мотивацией к такому виду общения, наличием соответствующих знаний и умений применять их в реальных профессиональных ситуациях, а также готовностью и способностью успешно взаимодействовать с представителями различных этнических групп.

Для обоснования выделенных нами уровней сформированности профессиональной межкультурной компетентности рассмотрим для начала структуру этого качества. Для этого проанализируем различные подходы к решению данного вопроса в работах различных ученых. Так, выделяют следующие компоненты:

– мотивационный: включает в себя потребность и готовность к осуществлению профессиональной деятельности с представителями других культур как ценность и смысл профессиональной деятельности (И.Л. Плужник), становление ценностной и социальной готовности к межкультурной коммуникации (А.А. Федоров);

– когнитивный: определяет умение применять вариативные коммуникативные стратегии и тактики; владение речевыми и неречевыми национально-специфическими средствами коммуникации в профессиональных контекстах на уровне декодирования поведения других и программирования собственного поведения; включает познавательную способность в ее культурном контексте, определение видов познавательной деятельности, выявление культурных взаимосвязей, проверку гипотез на практике, получение знаний в области межкультурного взаимодействия, обеспечение культурной и когнитивной гибкости (И.Л. Плужник, Д. Дженне), межкультурные знания (А.А. Федоров); сведения о конкретной культуре в традиционных аспектах; культурно-специфические знания, которые служат основой для адекватного толкования коммуникативного поведения представителей различных национальностей, как базис для предотвращения

недопонимания и как основание для изменения собственного коммуникативного поведения в интерактивном процесс (А.П. Садохин);

– эмоциональный (аффективный): способность регулировать эмоции и создавать позитивный фон общения с представителями различных культур; эмоции в их культурном контексте, обеспечение культурного роста и развития, уважение, эмпатия, и оптимизация отношений, определение собственного отношения, объединение культурных проявлений в личности, свобода, выбор, ответственность и культурная сензитивность (И.Л. Плужник, К. Вагнер, Дж. Ханавайн), становление «эмоциональной культуры», межкультурную чуткость, отзывчивость, эмпатию, положительное отношение к другим культурам (А.А. Федоров); толерантность, эмпатийное слушание, знание общекультурных универсалий; эмпатия и толерантность, которые образуют психологический базис для эффективного межкультурного взаимодействия (А.П. Садохин);

– поведенческий: толерантное поведение – избегание нетерпимости, враждебности, отрицательных стереотипов, предрассудков, ксенофобии, этнокультурная сензитивность; характеризуется поведением и поступком в их культурном контексте, определением целей межкультурного взаимодействия, приобретением межкультурного опыта, применением культурных, знаний, умений и навыков в практике межкультурного взаимодействия (И.Л. Плужник, Дж. Оливьера-Берри), способности решать задачи межкультурного взаимодействия в своей будущей профессиональной деятельности, овладение универсальными поведенческими образцами проявления межкультурной компетентности (А.А. Федоров); стратегии, конкретно применяющиеся в межкультурных контактах, направленные на успешное протекание межкультурного взаимодействия, на пополнение знаний о культурном своеобразии партнера (А.П. Садохин);

– семейный: семья в культурном контексте, семейные ожидания, на которые оказывают влияние культурные явления, мультипоколенность в культурном контексте, культурные ценности в семье, культурные изменения в семье (К. Кастанини);

– рефлексивный: способность осознавать и пересматривать свой опыт межкультурной коммуникации, стереотипы, предрассудки, осознание поликультурности мира, своей культурной идентичности (А.А. Федоров).

Проанализировав работы отечественных и зарубежных педагогов-исследователей, мы определили компонентный состав профессиональной межкультурной компетентности, выделив следующие ее компоненты, так как они были упомянуты в работах большинства авторов и на наш взгляд наиболее полным образом отражают структуру изучаемого нами качества:

- мотивационный, подразумевающий устойчивую положительную мотивацию к осуществлению профессионального взаимодействия с представителями различных национальностей;
- когнитивно-операционный, включающий знания о других этнических группах, особенностей поведения их представителей в коллективе, о возможных межкультурных конфликтах и способах их предупреждения и преодоления;
- деятельностный, характеризующийся практическим осуществлением процесса профессионального взаимодействия с представителями различных этнических групп с последующим внесением корректив в новые ситуации взаимодействия;
- рефлексивный, определяющийся умением анализировать собственную профессиональную деятельность, вносить соответствующие изменения в процесс общения, которые будут способствовать успешному профессиональному взаимодействию.

На основе анализа различных подходов к определению критериев сформированности профессиональной межкультурной компетентности с учетом выделенных нами компонентов целесообразно выделить следующие критерии и показатели:

1. Мотивационный, его показатели: интерес к межкультурному взаимодействию, постановка и осознание его целей, наличие мотива достижения цели, наличие мотивов повышения уровня межкультурной компетентности.

2. Когнитивно-операционный, его показатели: наличие знаний, умений, необходимых для успешного межкультурного профессионального взаимодействия и способность применять их в новых условиях, умение предвидеть межкультурные конфликты и знать пути предупреждения и преодоления их, анализировать их.

3. Деятельностный, его показатели: применение межкультурных знаний, умений и навыков на практике в различных ситуациях межкультурного взаимодействия, умение оказывать помощь в адаптации в межкультурном обществе.

4. Рефлексивный: овладение аналитическими и оценочно-информационными умениями, межкультурная профессиональная рефлексия, самокритичность, самоконтроль, самооценка специалиста.

В связи с необходимостью выделить уровни сформированности профессиональной межкультурной компетентности, считаем целесообразным обратиться к теории уровневого подхода. В ряде педагогических исследований, посвященных анализу явлений, процессов учебно-воспитательной практики, качеств личности, выделяются различные уровни формирования:

- интуитивный, репродуктивный, репродуктивно-творческий, творческий;

- элементарно-репродуктивный, исполнительский (низкий), ситуативно-поисковый (средний) и импровизаторский, конструктивно-креативный (высокий);
- низкий, средний, высокий;
- житейский (низкий), ориентировочный (ниже среднего), «профессиональный» (средний), «профессионально – мастерский» (высокий);
- уровень различения, запоминания, понимания, простейших умений и навыков, переноса);
- ученический, алгоритмический, эвристический;
- уровень узнавания, запоминания, понимания и применения;
- уровень воспроизведения, узнавания, применения, воспроизведения системы знаний, применения системы знаний;
- уровень информированности, функциональной грамотности, грамотности, компетентности;
- информационный, репродуктивный, базовый, повышенный, творческий.

При выделении уровней сформированности профессиональной межкультурной компетентности мы руководствовались следующей логикой. Человек, родившийся в любом социуме, на момент поступления в высшее учебное заведение уже накопил определенный опыт взаимодействия с представителями различных этнических групп. Такой опыт носит бытовой характер и представляет собой определенный уровень заинтересованности в межкультурном взаимодействии, знаний о межкультурных различиях, умений взаимодействия с представителями различных этнических групп на бытовом уровне, а также осмысление собственного опыта. По мере работы со студентами над формированием положительной мотивации к профессиональному межкультурному взаимодействию и межкультурных знаний, у студентов формировался качественно новый уровень изучаемой нами компетентности – теоретический. После применения полученных знаний на практике и доведения их до автоматизма, т.е. после формирования межкультурных умений и навыков, студенты получали новый уровень сформированности профессиональной межкультурной компетентности – практический.

Исходя из выделенных критериев сформированности профессиональной межкультурной компетентности, можно дать характеристику уровней ее сформированности.

Бытийный уровень характеризуется слабой неустойчивой мотивацией к осуществлению взаимодействия с представителями различных этнических групп или ее отсутствием; поверхностными знаниями в области профессиональных межкультурных отношений; несовершенными умениями решений профессиональных задач в процессе межкультурного общения и разрешения конфликтов; слабой способностью

к осуществлению анализа собственного опыта общения с людьми различных этнических групп или ее отсутствием, а также невозможностью использования своего опыта межкультурного взаимодействия в последующих ситуациях профессионального общения.

Для теоретического уровня свойственны положительная мотивация к успешному межкультурному взаимодействию; твердые знания теории профессионального общения с представителями иной этнической группы; способность применять знания в смоделированных ситуациях общения с представителями этнических групп; а также умение анализировать полученный опыт и применять его в новых учебных ситуациях межкультурного взаимодействия.

Практический уровень предполагает устойчивую положительную мотивацию к осуществлению профессионального взаимодействия с представителями различных этнических групп; умение применять полученные ранее знания и опыт в новых реальных ситуациях общения, а также анализировать и корректировать как собственную линию поведения, так и поведение других во взаимодействии с представителями различных этнических групп.

Выделенные уровни, их показатели и критерии положены в основу авторской технологии формирования профессиональной межкультурной компетентности будущих специалистов.

Библиографический список

1. Плужник И.Л. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции студентов гуманитарного профиля в процессе профессиональной подготовки: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Тюмень, 2003. 29 с.
2. Садохин А.П. Межкультурная компетентность: понятие, структура, пути формирования // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. №1. С. 126-140.
3. Федоров А.А. Развитие межкультурной компетентности студентов специальности «Библиотечно-информационная деятельность» на основе использования информационно-коммуникационных технологий. URL: <http://ideafor.info> (дата обращения 05.02.2015).
4. Jennette D., Oliveira-Berry J., Wagner K., Hanawahine G., Castagnini C. Cognitive-Multicultural (CM) Strategies for Adapting Cognitive Skills to be Culture-Centered. URL: <http://www2.hawaii.edu> (дата обращения 05.02.2015).

СТЕНДОВЫЙ ДОКЛАД: ПРАКТИЧЕСКИЕ СОВЕТЫ ПО ОФОРМЛЕНИЮ ПОСТЕРА ДЛЯ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

А.Ю. Смирнова, А.А. Сосновская

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: smirnovaannau@mail.ru, annasosn1803@gmail.com

В данной статье представлены практические советы по оформлению стендового доклада для научной конференции на иностранном (английском) языке. Особое внимание уделяется дизайну постера, презентации информации на английском языке (избегая наиболее типичных ошибок), обсуждению возможных вопросов со стороны других участников конференции.

Ключевые слова: постер, оформление стендового доклада, постерная секция, английский язык.

POSTER PRESENTATION: A GUIDE TO MAKE A POSTER FOR A SCIENTIFIC CONFERENCE

A.Yu. Smirnova, A.A. Sosnovskaya

The purpose of the article is presenting key practical suggestions for making a poster presentation for a scientific conference in a foreign (English) language. The special attention is given to a design of the poster; a presentation of the information in English, avoiding most typical mistakes; and possible questions and discussion of the poster with other conference participants.

Key words: poster, design of the poster, poster session, English language.

Постер – один из наиболее эффективных способов представления информации в условиях современной научной конференции, так как он позволяет ознакомиться с докладом большому количеству людей. Участники мероприятия имеют возможность таким образом уделить больше внимания особенно заинтересовавшему их докладу, обсудить представленную информацию с автором постера в более неформальной обстановке, по сравнению с устной презентацией, когда существуют жесткие ограничения по регламенту.

Обычно требования к стендовому докладу определяются оргкомитетом конференции, в соответствии с ее уровнем и характером. Постерная секция традиционно представлена на ежегодной международной конференции “Presenting Academic Achievements to the World”, проводимой в Саратовском государственном университете факультетом иностранных языков и лингводидактики, поэтому в ходе предконференционной сессии был организован круглый стол для

обсуждения порядка подготовки и представления стендовых докладов на иностранном языке.

Хорошо сделанный постер представляет собой информацию кратко, но при этом емко и наглядно и способен моментально привлечь внимание посетителей конференции.

Для эффективной работы над созданием постера, главным принципом которой должно являться единство формы и содержания, следует составить примерный план:

1. формулировка идеи;
2. определение формата постера;
3. планирование непосредственного содержания;
4. разработка дизайна (цвет, графика и т.д.);
5. создание макета;
6. корректировка недочетов;
7. процесс воплощения в жизнь;
8. представление стендового доклада на конференции.

Так как специфика такого рода доклада подразумевает наглядность, целесообразно сразу же определить требования связанные с дизайном стенда.

Во-первых, как нельзя лучше для стендового доклада подойдут исследования, предполагающие проведения разного рода опытов, экспериментов, что дает большое количество иллюстративного материала (фотографий, рисунков, графиков, схем, таблиц). Важно, чтобы их масштаб обеспечивал комфортное зрительное восприятие. То же самое касается и заголовка и основного текста стенда – их читабельность залог адекватного восприятия и понимания информации посетителями конференции. Здесь же стоит упомянуть о цветовых решениях, которые помогут акцентировать внимание зрителей на важных моментах работы. Итак, размер постера должен быть достаточно большим. Мы рекомендуем для монтировки материалов использовать два склеенных вместе в книжном формате листа А1.

Заголовок содержит название доклада, которое должно отражать тему исследования, фамилию и имя автора, научного руководителя, название учреждения и города, где выполнена работа. **Название** должно быть четким, заметным, коротким, информативным и оригинальным. При этом следует избегать слишком длинных названий. Буквы лучше сделать высотой не менее 3 см.

Основной текст подразделяется на логические части и излагается небольшими абзацами, опять же для удобства восприятия. Текст не должен содержать более 1000 слов. Важно использовать понятный шрифт – как минимум 5 мм в высоту, *Times, Axial, Palatino, Optima, Avant Garde*. Особое внимание уделяется комментариям к таблицам, графикам и рисункам.

Приведем примеры, какого рода стандартную информацию желательно включить в постер:

1. Проблема – кратко формулируется проблема, на решение которой направлено данное исследование; 2. Цели и задачи – вытекают из поставленной проблемы. Могут быть сформулированы в виде пунктов; 3. Материалы и методы – раздел содержит описание объекта, методик исследования; 4. Результаты – основная часть доклада, в которой приводятся результаты, полученные при выполнении исследований; 5. Выводы и перспективы – резюмирующая часть, отражающая итог исследования.

Так как исследования, представленные на постере, часто имеют практическую направленность, полезно привести перспективы дальнейшей работы над проблемой, рекомендации для производства и т.д.

То есть, из всего вышесказанного следует, что на постере излагается сама суть исследования, без подробной детализации. Поэтому при проведении самой стендовой секции предполагается большое количество вопросов со стороны посетителей, обсуждение, дискуссия.

Итак, смысл стендового доклада в том, что хорошие идеи должны быть хорошо оформлены. Удачные решения в дизайне стенда будут способствовать более успешному восприятию сообщения. Оформление стендового доклада должно проводиться таким образом, чтобы в максимально удобной и доступной для участников конференции форме раскрыть сущность проведенной исследователем научной работы. Следует помнить, что круг посетителей постерной секции шире, чем секций с устными презентациями, где собираются, как правило, специалисты. Это означает, что работа должна быть понятной и доступной для оценки неспециалистов, но в тоже время демонстрировать высокий уровень знаний и значимость полученных научных результатов.

Так как одним из языков докладов на конференции “Presenting Academic Achievements to the World” является английский, рекомендации по созданию постера следует дополнить советами, касающимися именно этой стороны работы.

Для того чтобы излагать свои мысли по-английски, нужно очень хорошо представлять себе лексико-синтаксическую структуру языка английского **научного** текста (*Academic English*). Однако, в реальности большинство людей не обладают достаточным уровнем владения иностранным языком, чтобы суметь сделать доклад и написать статью на высоком языковом уровне.

Прежде всего, определим те варианты, которые есть у исследователей, желающих представить доклад на иностранном языке:

1. Переводить статью с русского на английский. Действительно, этот вариант кажется самым распространённым. Так поступает большинство. Безусловно, многие пользуются популярными машинными переводчиками с последующим редактированием. В этом случае нужно учитывать опасности, которые подстерегают незадачливого автора – машинный

переводчик не сможет справиться с научным текстом, неправильно передав смысл или вообще сделав отдельное предложение и весь текст целиком бессмысленным, то есть свести статью к состоянию такого черновика, отредактировать который станет сложнее, чем перевести статью с помощью словаря, например.

Повысить качество перевода можно с помощью хорошего словаря. Например, бесплатной интернет-версией словаря «Мультитран» (www.multitrans.ru) легко пользоваться, он содержит терминологию специфичную для разных областей знаний, что дает возможность подобрать нужный эквивалент. Например: «временные характеристики контура регулирования» – “*timing of a control loop*”.

2. Изначально писать статью на английском. На такой вариант отважатся далеко не все, так как он на самом деле предполагает способность свободно изъясняться на иностранном языке.

3. Довериться профессионалам – отдать статью для перевода в переводческое агентство. Экономит время, однако требует материальных затрат.

Поэтому мы более подробно остановимся на первом варианте.

Как уже указывалось, для постерного доклада материал должен быть изложен предельно кратко, четко и ёмко. Учитывая эти требования, стараемся реализовать этот принцип, используя следующие советы:

I. во-первых, нужно представлять себе, что такое страдательный залог в английском языке, так как в научном тексте существует тенденция широко использовать эту грамматическую конструкцию;

II. во-вторых, понимать разницу между синонимами некоторых широко используемых в докладах и статьях слов, относящихся к общенаучной лексике, и их контекстуальными применениями;

III. в-третьих, докладчики должны знать основные значения предлогов и их использование в клише, характерных для научного стиля;

IV. в-четвертых, иметь представления о способах выражения определения в английском языке.

I. Сообщая о теме или предмете исследования, следует пользоваться в первую очередь формами *Present Simple* (чтобы информация воспринималась как объективная, точная), *Present Perfect* (когда необходимо подчеркнуть законченный характер действия), *Past Simple* (когда нужно подчеркнуть результативность проделанной работы).

При использовании конструкции страдательного залога вполне вероятна отрицательная интерференция родного языка, так как для русского наиболее характерны предложения, где используется обратный порядок слов при сказуемом в страдальном залоге, а для английского – предложения с прямым порядком слов (т.е. подлежащее стоит перед сказуемым).

Пример: В работе исследовалось воздействие температуры и компрессии на жировые клетки in vivo – In the present work the influence of temperature and compression on adipose tissue in vivo was investigated.

II. Нужно помнить о том, что у слов, относящихся к общенаучной лексики существует множество разных синонимов, что помогает избежать тавтологий, однако, нельзя пользоваться ими бездумно. Разница может заключаться в оттенках значения, или же быть стилистической, как, например, между глаголами *use* (более характерного как для *General English*, так и для *Academic English*) и *employ* (более характерного для *Academic English*)

Если рассматривать ряд синонимов, то среди них сразу выделяется один, имеющий самое широкое значение и следовательно употребляющийся наиболее широко. Таким словом является *study*, которое можно использовать при сообщении о предмете и объекте исследования. При этом, существуют такие синонимы, как *examine* («изучать, исследовать, рассматривать, внимательно осматривать, проверять»), *analyze* («исследовать, изучать, особенно анализировать»), *consider* («изучать, рассматривать, принимая во внимание разные параметры»).

При подборе английского эквивалента надо также принимать во внимание, какое слово принято употреблять в данном конкретном контексте. Например – «*electromagnetic radiation*» – «электромагнитное излучение», «*thermal emission*» – «тепловое излучение».

III. Особое внимание следует обращать на правильное употребление предлогов, так как наши представления о значении того или иного предлога на английском языке могут быть ошибочными касательно того или иного сочетания.

Если необходимо указать, при каких условиях (температуре, давлении, напряжении и пр.) проводится исследование (опыт, измерение) или происходит определенное явление, можно использовать сочетания соответствующих существительных с предлогом *at*: *at the temperature (of)* – при температуре, *at the pressure (of)* – при давлении, *at the voltage (of)* – при напряжении.

Когда необходимо сообщить, каким методом, способом проводилось исследование или с помощью какого прибора ставился опыт, можно использовать следующие сочетания слов и структуры: *by, with, using, by means of* + существительные со значением *method, theory, device, etc* [1, с. 5].

Пример: Жировая ткань изучалась с помощью просвечивающего электронного микроскопа. Adipose tissue was examined by means of the transmission electronic microscope.

IV. Следует изучить способы выражения определений на английском языке, а именно случай, когда оно выражено другим существительным:

1) в общем падеже;

2) в притяжательном падеже;

3) с предлогом.

Определение в форме существительного в притяжательном или общем падеже ставится перед определяемым словом, а определение, выраженное существительным с предлогом, – после определяемого существительного.

Особое внимание следует обратить на употребление существительного в общем падеже как определения к другому существительному в английском языке, так как это одна из характерных особенностей английского языка, в котором отсутствует система падежных окончаний. Особенно это характерно для *Academic English*. В частности, при одном определяемом существительном может быть несколько таких определений. Существительное в этой функции обычно переводится на русский язык именем прилагательным, существительным в родительном падеже, предложным или причастным оборотом.

Пример: “*production capacity expansion programme*” – «программа расширения производственных мощностей» [2].

Презентация стендового доклада предполагает возможные вопросы со стороны посетителей секции, поэтому следует быть готовым к ведению дискуссии.

Для большинства докладчиков это самый волнительный момент, но и самый интересный.

Итак, какие вопросы могут быть заданы?

– вопрос общего характера (выбор темы, актуальность, перспективы научного исследования)

Why have you chosen to study this phenomenon?

How can you describe the thematic justification of your research?

What are the most significant research perspectives?

– запрашивающий какую-то детальную информацию (например, проводились ли похожие эксперименты)

Have the similar experiments been conducted?

– требующий комментарий чертежа, рисунка и т.д.

Could you comment on figure 1?

Если докладчик по каким-либо причинам не понял вопрос, следует попросить повторить или перефразировать его.

Could you repeat your question?

Could you rephrase your question?

При прослушивании вопроса, чтобы быстро сориентироваться, нужно уделить особое внимание вопросительному слову и суметь вычленить ключевые слова. Кроме того, могут быть заданы косвенные вопросы типа:

*Could you tell me **why** you have **chosen** to study this **phenomenon**?*

Отвечать на вопрос следует полным ответом, ориентируясь на ту же видовременную форму, что прозвучала в вопросе.

Полезно знать и использовать связующие слова и выражения, для того, чтобы выстроить логичный ответ (**Linkers:** *As it has been already mentioned; as it has been pointed out; generally; firstly, secondly, thirdly; in addition; moreover, by contrast; in conclusion, etc.*).

При создании постера на иностранном языке следует особое внимание уделить описанию графиков, чертежей, схем, диаграмм и т.д.

Здесь целесообразно применить алгоритм, используемый при написании первой части письменного задания при сдаче международного экзамена *IELTS* уровня *ACADEMIC*, предполагающего описание диаграммы:

- вступление – общее описание;
- детали – следует описывать только главные, самые важные тенденции, например самые высокие и низкие показатели;
- желательны сравнения;
- выводы.

Здесь могут помочь следующие клише:

The diagram (pie chart, line graph, bar graph, table, etc) illustrates (provides an overview, shows, gives an idea, represents the data, presents the information).

The process includes (involves) several stages.

The dependence of ... from ... is shown (highlighted, emphasized) in the diagram.

The relations between ... are shown in the table.

The following examples are given to stress...

Most popular ... is ... while ...

The trend is vividly demonstrated ...

The diagram provides a comparison of ...

The line graph considers...

According to the data presented...

The overall situation...

A great (small) number of

A large amount of

The majority (minority) of

Proportion

The most significant changes

A marked increase

A steep rise

Существует известная классификация: *bar chart* (гистограмма), *pie chart* (секторная диаграмма), *table* (таблица), *line graph* (линейная диаграмма), *diagram* (диаграмма, особенно смешанная). Каждый тип обладает своими особенностями. Например, информация в *pie chart* представлена в процентах. Необходимо знать, когда используется *percent*, а когда *percentage*. Итак, *percent* после числа (при этом, до десяти число

пишется словом, после десяти – цифрой (*eight percent, but 12 percent, but twelve percent* – если в начале предложения). *Percentage* после артиклей, указательных местоимений, прилагательных (*a high percentage*).

Чтобы усвоить тонкости описания различных видов графиков, можно обратиться к широкому кругу материалов по подготовке к *IELTS*. Существуют хорошие электронные ресурсы, дающие подробное представление об описании конкретных диаграмм, например, *linegraph* [3].

При подготовке стендового доклада мы рекомендуем использовать изложенные советы и специальную литературу, что значительно облегчит работу над постером и сделает её более эффективной [1, 4].

Библиографический список

1. Михельсон Т.Н., Успенская Н.В. Как писать по-английски научные статьи, рефераты и рецензии. СПб.: «Специальная литература», 1995. 101 с.
2. Catchenglish.ru – сайт для изучения английского языка URL: <http://catchenglish.ru/grammatika/opredelenie.html> (дата обращения: 10.03.15).
3. Lime Graph Glossary http://adw.hct.ac.ae/site_ilc/sites_ielts/graphsite/index.htm (дата обращения: 10.03.15).
4. McCarthy M., O'Dell F. Academic Vocabulary in Use. Cambridge University Press, 2008. 176 pp.

УДК 81' 271.86.111.1

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ОСНОВАМ ИНТОНАЦИОННОГО ОФОРМЛЕНИЯ РЕЧИ

Т.И. Сосновцева

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: sosnovtseva.tatyanaivanovna@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению некоторых аспектов обучения студентов основам интонационного оформления английской речи. В статье подчеркивается роль самостоятельной работы студентов над овладением английской интонацией в компьютерном классе, даются рекомендации по составлению заданий для таких занятий.

Ключевые слова: обучение интонации, типичные ошибки студентов, типы заданий, самостоятельная работа студентов.

SOME ASPECTS OF TEACHING STUDENTS THE BASIS OF ENGLISH INTONATION

T.I. Sosnovtseva

The article deals with some aspects of teaching students the basic knowledge of English intonation. It stresses the role of students' unaided work in a computer class and contains practical recommendations on working out adequate drills for such classes.

Key words: teaching intonation, typical mistakes of students, types of drills, students' unaided work.

Данная статья посвящена рассмотрению некоторых аспектов обучения студентов основам интонационного оформления английской речи. Опыт работы показывает, что большинство студентов младших курсов, как правило, недостаточно свободно владеют английской интонацией. Представляется необходимым рассмотреть этот вопрос в методическом плане, уделив особое внимание организации и методике самостоятельных занятий студентов.

Процесс коммуникации состоит из двух тесно между собой связанных сторон речевой деятельности человека: производства речи и её восприятия. При производстве речи человек кодирует свои мысли с помощью лексических, грамматических, фонетических и стилистических средств языка. Восприятие речи есть приём человеком речевых сигналов, их декодирование. Обязательной предпосылкой общения является необходимость совпадения кодов говорящего и слушающего. При этом, как правило, происходит наложение звукового ряда говорящего на артикуляционное представление о нём, хранящееся в долговременной памяти слушающего. Оно может быть полным или частичным. Полное обуславливает стопроцентное общение. При частичном наложении общение затрудняется и может совсем не состояться.

Речь человека входит органическим элементом в его деятельность. Если адресат, приняв сообщение, действует согласно ему, это значит, что общение состоялось. В противном случае, если человек отвечает невпопад, или его действия никак не объяснимы с точки зрения связи их с высказыванием говорящего, сообщение считается не принятым.

Составляя устную речь, сообщения воплощаются в звуковые ряды, слоги и слова. Роль слов в предложении постоянно меняется. Выделение одних слов в высказывании по сравнению с другими осуществляется, в основном, интонацией. Члены предложения, несущие основную мысль, произносятся сильно выделенными. Менее значимые члены предложения произносятся без динамического выделения, в ускоренном темпе.

Устная речь всегда оформляется интонационно. Интонация является принадлежностью не только звучащей, но в известной мере и письменной речи, поскольку читатель читает текст, как бы артикулируя его во

внутренней речи. При чтении текста читающий первоначально воспринимает мысли автора в самой общей форме. При одном и том же лексическом составе и синтаксическом строе предложения возможно различное его осмысление, зависящее от контекста и подтекста. Устная речь обусловлена ситуацией разговора. Все это затрудняет понимание письменного текста и устной речи.

В интонации людей, говорящих на одном и том же языке, несмотря на индивидуальную неповторимость интонации, присутствуют некоторые общие признаки, различающие её типы, виды и подвиды. Они составляют вторичные акустические признаки интонации. Эти общие различительные признаки образуют целостную структуру.

Структура различительных признаков того или иного типа, вида или подвида интонации служит основой взаимного понимания в общении. Этому способствует также константность восприятия речи. Понимание становится возможным путем абстрагирования от индивидуальных (вариативных) особенностей речи собеседника и восприятие общих (инвариантных) структур её качеств [1]. Лица, не овладевшие интонацией английского языка, не только воспроизводят, но и воспринимают её неправильно, на основе произносительных норм родного языка.

Анализируя интонационные ошибки студентов I курса в чтении и устной речи на английском языке, представляется возможным отметить, что самой серьезной ошибкой, на наш взгляд, является характер нисходящего и восходящего движений основного тона. Нисходящий тон в речи студентов на английском языке обычно характеризуется некатегоричностью завершения. При восходящем движении основного тона также наблюдается замена английского завершения русским.

Интерферирующее влияние родного языка сказывается и на ошибках в ударении и ритме. Они происходят из-за различной ритмической структуры двух языков, в результате которой в речи студентов на английском языке ударением выделяются и служебные слова.

Анализ также показал, что студенты не умеют пользоваться логическим ударением. В ответах на специальные вопросы и при смысловом противопоставлении они обычно не выделяют логическое ударение фразы.

Выделена ещё одна группа ошибок – ошибки в синтагматическом членении фразы. В чтении эти ошибки происходят из-за непонимания читаемого. В устной речи студенты делают остановки в самых неожиданных местах, затрудняясь в произнесении «трудных» или незнакомых слов.

Для обучения интонации важно выделить необходимые акцентные структуры синтагмы и на них отрабатывать все элементы интонации. Обязательным условием существования синтагмы (интонационной группы) является наличие в ней главного элемента – слога, произносимого

с определенным ядерным тоном. Представляется, что обучение интонации на I курсе нужно начинать с отработки интонационных моделей, наиболее частотных в английском языке. Прежде чем воспроизвести структуру интонационной модели, нужно научиться различать её на слух и усвоить речедвигательным анализатором под непосредственным контролем слуха. Обучающийся, приняв интонационный контур модели и сличая её с эталоном, хранящимся в длительной памяти, посылает первоначальные импульсы к органам речи, которые и реализуют эту структуру.

Обучение интонации связано с постоянным сравнением двух образов: чужого (нормализованного, эталонного) и своего (учебного, подконтрольного). Они подвергаются систематическому сличению и сопоставлению, причем подконтрольный образ стремится к эталонному.

Первое произнесение обучающегося, как правило, бывает далёким от нормы. Студент не слышит своих ошибок. Для установления эквивалентности между интонацией обучающегося и её нормализованным эталоном на начальной стадии необходим преподаватель, который помогает студенту, во-первых, обнаружить ошибку в произношении и, во-вторых, указывает, как её нужно исправить. Конечный акустический эффект неоднократно оценивается преподавателем, пока не достигается сходство интонацией обучающегося и эталоном.

По мере развития речевого слуха учащегося, который приобретает такой же навык дифференциации, как и слух людей, обладающих нормализованным произношением, контроль со стороны преподавателя переходит к самому обучающемуся. Развитие слуха обучающегося становится возможным благодаря длительной планомерной тренировке. В его долговременной памяти постепенно накапливаются эталоны интонационных образов.

Совершенно очевидно, что в условиях только одних аудиторных занятий невозможно добиться правильной интонации у всех студентов. Отсюда следует, что большое значение имеет самостоятельная работа студентов, которая значительно расширяет их речевую практику. В настоящее время самостоятельная работа по овладению иностранным языком невозможна без использования специальных компьютерных классов. Лабораторные занятия дают возможность увеличить количество времени активной практики студента по языку. Однако самостоятельные занятия с техническими средствами могут значительно улучшить преподавание иностранного языка только в том случае, если продумана и методически обоснована организация учебного материала. Использование технических средств особенно целесообразно при различного рода самостоятельных тренировках обучающихся, когда студенты уже усвоили новую информацию, выучили правила образования и употребления данного языкового явления и прошли стадию первичного его закрепления. Применение технических средств при самостоятельной подготовке

позволяет преподавателю перенести огромную часть устных тренировочных упражнений во внеаудиторное время, что даст возможность использовать практические занятия для упражнений полутворческого и творческого характера.

Для правильного воспроизведения интонации студент должен знать, какую систему операций нужно произвести, чтобы добиться искомого результата. Овладение такими операциями подводит обучающихся к так называемой «операционной активности». Кроме того, учащийся должен быть подведен к «мотивационной активности» [2], которая означает, что он должен знать, в каких речевых ситуациях нужно применять ту или иную интонацию. Мотивационная активность свидетельствует о том, что студент усвоил, с какой интонацией нужно произносить те или иные коммуникативные типы предложений. В речевой практике операционная и мотивационная активность говорящих проявляется одновременно. Однако в учебном процессе их целесообразно расчленить и специально составленными упражнениями развивать у студентов операционную активность, которая явится впоследствии хорошей основой для развития мотивационной активности.

Исходным положением для составления заданий для самостоятельной работы студентов должно быть следующее: 1) учебный материал должен даваться постепенно, небольшими, но логически связанными между собой порциями; 2) необходимо постоянно осуществлять обратную связь путем сообщения студенту правильного ответа; 3) работа над последующим материалом предполагает обязательное овладение предшествующим материалом. Представляется целесообразным использовать такие виды упражнений, как: вводные, информационные, операционные и контрольные. Самые многочисленные из них – операционные. Они носят ярко выраженный тренировочный характер и представляют собой прослушивание образца, его повторение и самокоррекцию по ключу. Рекомендуются также использовать такое стимулирующее средство обучения как подсказка. Ею служат: графическое изображение интонации, звуковые образцы или ключи, разметка интонации в тексте.

Контроль усвоения материала осуществляется, главным образом, самими студентами. Скользящий контроль, призванный следить за качеством выполнения упражнения по мере работы над ним, осуществляется учащимися самостоятельно. Итоговый контроль, которому подвергается проверка выполнения заключительных контрольных упражнений, осуществляется преподавателем.

Библиографический список

1. Артемов В.А. Метод структурно-функционального изучения речевой интонации. М. 1-й МГПИИЯ., 1974. 160 с.
2. Гальперин П.Я. Введение в психологию. М., 1990. 336 с.

СЕМАНТИКО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ КОНСТРУИРОВАНИЯ ДИАЛОГА НЕМЕЦКИХ ТЕКСТОВ-ШУТОК

Т.Н. Ступина, Н.И. Каххарова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: sacharik@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению принципа диалогичности как основы построения текстов-шутки. С этих позиций выявляются типы общающихся субъектов по следующим принципам: по степени их эксплицированности, с одной стороны, и по определению социально-психологического статуса и гендерной принадлежности – с другой. При выделении основных типов и типажных характеристик общающихся субъектов в рассматриваемом юмористическом дискурсе определяющими являются формы социального взаимодействия, цель коммуникации и оценки смысловых позиций.

Ключевые слова: лингвокультура, менталитет, шутка как тип текста, диалогичность, эксплицитность, имплицитность, гендер.

A SEMANTIC SUBSTANTIVE ASPECT OF DIALOGUE CONSTRUCTION IN GERMAN JOKE TEXTS

T.N. Stupina, N.I. Kakhkharova

The article considers the principle of dialogism as a basis for construction of joke texts. From this perspective the types of communicating subjects are identified according to the following criteria: the degree of explicitness on the one hand, and the definition of social and psychological status and gender identity on the other hand. In the process of establishing the main types and typical characteristics of communicating subjects in the considered humorous discourse, forms of social interaction, the purpose of communication and evaluation of semantic positions are crucial.

Key words: linguoculture, mentality, joke as a type of text, dialogism, explicitness, implicitness, gender.

Дихотомия «Язык и культура» является одним из основных подходов в широкомасштабном изучении процессов речетворчества. Как известно, этот подход в настоящее время обозначен как лингвокультурологический. При таком исследовании языка рассматривается широкий круг вопросов, затрагивающих сущность текста как феномена человеческой культуры. Этот подход направлен на освещение особенностей менталитета народа, обусловленных его историей и отраженных в языке, прецедентных текстах [1, с. 12], концептосфере [2, с. 9], культурных концептах [3, с. 24].

Предметом лингвокультурологии являются разноаспектные проблемы, связанные с пониманием этноязыковой картины мира, образа

мира, языкового сознания, особенностей культурно-познавательного пространства языка. В фокусе лингвокультурологии оказывается не только язык, но и дискурс, в котором разными языковыми и дискурсивными единицами представлен соответствующий образ мира. Таким образом, лингвокультурология призвана изучать живые коммуникативные процессы в их синхронной связи с этническим менталитетом.

Как известно, самым надежным источником отражения национального характера, культуры, менталитета является язык и произведения народного творчества. Одним из интереснейших жанров фольклора являются шутки, охватывающие достаточно широкий тематический ряд. В основе юмористического раскрытия любой темы лежит неоднозначное восприятие или оценка предмета, явления одним или несколькими субъектами.

В рамках обозначенного лингвокультурологического подхода нами предпринята попытка анализа текстов немецких шуток, их содержательных и языковых особенностей. В настоящее время сущность текста изучается как явление человеческой культуры [2, с. 7]. В соответствии с этим утвердился дискурсивный подход к изучению текстов разного типа, включая и юмористический. Такой подход направлен на освещение особенностей менталитета народа, обусловленных его историей и отраженных в языке, прежде всего в прецедентных текстах [3, с.35].

Юмористический дискурс представляет собой текст, погруженный в ситуацию смехового общения [4, с. 5]. Характерными признаками такой ситуации являются следующие моменты: 1) коммуникативное намерение участников общения уйти от серьезного разговора; 2) юмористическая тональность общения, т.е. стремление сократить дистанцию и критически переосмыслить в мягкой форме актуальные концепты; 3) наличие определенных моделей смехового поведения, принятого в данной лингвокультуре.

В настоящее время объектом лингвокультурологии является языковая/дискурсивная деятельность, рассматриваемая с ценностно-смысловой точки зрения. Такое определение объекта лингвокультурологии восходит к гумбольдтовской концепции, согласно которой язык активно участвует во всех важнейших сферах культурно-дискурсивной жизни: в восприятии и понимании действительности. «Язык, в соответствии с рассматриваемой концепцией, есть универсальная форма первичной концептуализации мира, выразитель и хранитель бессознательного стихийного знания о мире, историческая память о социально значимых событиях в человеческой жизни. Язык – зеркало культуры, отображающее лики прошедших культур, интуиции и категории миропредставлений» [5, с. 23].

Коммуникативное намерение играет важнейшую роль в построении юмористического дискурса, при этом существенным оказывается

противопоставление спонтанной и подготовленной речи. Это противопоставление релевантно для отправителя речи, поскольку стремление рассказать свежий анекдот или сообщить о смешном происшествии оказывается нередко движущим мотивом разговора. В меньшей мере таким мотивом является спонтанное юмористическое речевое действие. Для адресата же важен процесс коммуникативного взаимодействия, а не внутренняя мотивировка поведения со стороны отправителя речи.

В юмористическом дискурсе, как в преимущественно разговорном жанре, предполагается наличие диалога, поэтому диалогичность считаем целесообразным рассматривать как одну из основных категорий дискурса.

Нами была поставлена цель: выявить типы общающихся субъектов в текстах-шутках книги Анны Шпир «Mit Witzen Deutsch lernen» (2007) в соответствии с принципом диалогичности.

Под диалогичностью понимается выражение в тексте средствами языка взаимодействия общающихся, понимаемого как соотношение смысловых позиций, как учет реакций адресата (в том числе второго Я), а также эксплицирование в тексте признаков собственно диалога [6, с. 34]. Принцип диалогичности вытекает из понятия диалога, поэтому при его трактовке целесообразно учитывать особенности его функционирования. Наиболее глубоким нам видится понимание диалога в трудах М.М. Бахтина, который считал социальную сущность диалога главной для характеристики любой формы речевого общения. При этом диалогические отношения высказываний представляют собой смену «смысловых позиций». Смысловая позиция – это выражение жизненной установки, точки зрения, определенного понимания факта, явления. В диалоге сходятся две позиции, между которыми и возникают взаимоотношения. «Событие жизни текста, т.е. его подлинная сущность, всегда разыгрывается на рубеже двух сознаний, двух субъектов» [7, с. 303]. Благодаря такому подходу М.М. Бахтину удалось проникнуть и во внутренний диалог, в котором также взаимодействуют различные смысловые позиции, но уже не разных субъектов (как в двусторонней речи), а одного и того же субъекта (с учетом второго Я).

Выражение диалогичности чрезвычайно многообразно как по своим разновидностям, так и по степени ее эксплицированности в тексте. На нашем материале мы распределили общающиеся лица по их выраженности в тексте, с одной стороны, и по социально-психологическому статусу и по гендерной принадлежности – с другой. Первой мы представим классификацию, в которой общающиеся субъекты выделены по их типу выраженности в тексте.

1. «Разговор» между двумя эксплицитными субъектами. Например, домохозяйка – электрик, где чётко обозначены обе стороны. В тексте

шутки воплощена своего рода ролевая игра, в ходе которой важны статусы адресата и адресанта:

Die Hausfrau beschwert sich beim Elektriker:

– *Seit einem Monat rufe ich in Ihrer Firma an, damit sie meine kaputte Türklingel reparieren! Wann kommen Sie endlich?*

Der Elektriker entschuldigt sich:

– *Tut mir leid, ich war schon fünfmal bei Ihnen, aber Sie öffnen ja nie!* [8, s. 20]

То же в случае «разговора» врач-пациент:

Ein Arzt untersucht einen Patienten, der sehr alt ist.

– *Ihr Herz ist völlig gesund! Mit so einem Herzen können Sie bestimmt achtzig Jahre alt werden.*

– *Aber ich bin doch schon achtzig, Herr Doktor!*

– *Na sehen Sie, was habe ich Ihnen geagt!* [8, s. 26]

2. «Разговор» эксплицитного персонажа и имплицитного, то есть одного чётко обозначенного героя и лица, чья роль или положение понятны из контекста. При этом статусы общающихся субъектов не несут смыслообразующей роли:

– *Meine Frau zieht sich am Tag viermal um!*

Einer seiner Zuhörer sagt darauf:

– *Na ja, so toll ist das ja auch nicht. Meine Tochter hat sechsmal am Tag Kleiderwechsel!*

– *So? Wie alt ist sie denn?*

– *Zwei Monate* [8, s. 47].

– *Gestern sind wir stundenlang durch den Wald gelaufen.*

– *War das Auto wieder kaput?* [8, s. 35]

3. «Разговор» с самим собой (мысли вслух):

Der Ehemann ist allein zu Hause. Er macht sich das Frühstück und möchte ein weiches Ei essen. Er kochte es, probiert und schimpft: "Das Ei hat nun länger als eine halbe Stunde gekocht und ist immer noch steinhart!"[8, s. 51]

4. «Разговор» с воображаемым, виртуальным персонажем или с Богом, как в следующем примере:

Der Mann sagt zu Gott:

– *Warum hast du die Frauen so schön erschaffen?*

Gott antwortet:

– *Damit du sie liebst.*

– *Aber warum hast du sie so dumm erschaffen?*

- *Damit sie dich lieben* [8, s. 49].

Frage: Warum wurde Adam zuerst erschaffen?

Antwort: Um ihm Gelegenheit zu geben, einige Worte zu sagen [8, s. 49].

Далее рассмотрим классификацию, которая различает общающиеся субъекты по социально-психологическому статусу и по гендерной принадлежности. Здесь мы выделяем следующие подтипы:

1. Субъекты, различные по профессиональному признаку: А – профессионал, В – непрофессионал (врач – пациент, сантехник – хозяин, служащий – клиент и т.д.):

Ein Mann kommt verzweifelt zum Arzt und sagt:

– *Herr Doktor, Sie haben mir dieses Röhrchen mit einem Stärkungsmittel gegeben.*

– *Ja und?*

– *Ich kann es nicht öffnen!* [8, s. 27]

Der Kunde sagt:

– *Einmal rasieren, bitte!*

Der Friseur antwortet ihm:

– *Mein Herr, darf ich fragen, ob Sie bei uns schon bedient wurden?*

Der Kunde antwortet:

– *Nein, das das Ohr habe ich bei einem Verkehrsunfall verloren* [8, s. 22].

2. Субъекты разногогендерной принадлежности:

– *Wenn Sie mein Mann wären, täte ich Gift in Ihren Kaffee!*

– *Wenn Sie meine Frau wären, tränke ich ihn!* [8, s. 54]

Ein Ehepaar erreicht mit acht schweren Koffern gerade noch pünktlich den Flughafen. Da sagt der Mann:

– *Schade, Liebling, dass wir das Klavier nicht auch noch mitgenommen haben!*

Die Frau fragt böse:

– *Soll das komisch sein?*

– *Nein, gar nicht – aber auf dem Klavier liegen unsere Flugtickets!* [8, s. 79]

3. Субъекты, называющие родственные отношения или отношений между поколениями:

Der sechsjährige Sohn sagt zu seinem Vater:

– *Wenn ich groß bin, heirate ich die Oma!*

Der Vater antwortet:

- *Das geht doch nicht. Du kannst doch nicht meine Mutter heiraten!*
- *Wieso nicht? Du hast doch auch meine Mutter geheiratet!* [8, s.58]

- *Papa, wie schreibt man das Wort “Pferd”?*
- *Guck doch im Wörterbuch nach, mein Junge!*
- *Papa, wie kommen die Löcher in den Käse?*
- *Keine Ahnung, mein Junge!*
- *Papa, wie funktioniert das Fernsehen?*
- *Das weiß ich nicht, mein Junge!*
- *Papa, stören dich meine Fragen?*
- *Nein, frag nur, mein Junge, sonst lernst du nichts!* [8, s. 61]

Подводя итоги, отметим, что при выделении основных типов и типажных характеристик общающихся субъектов в рассматриваемом юмористическом дискурсе определяющими являются формы социального взаимодействия, цель коммуникации и оценки смысловых позиций. Диалогичность, следовательно, оказывается как бы «двуслойной» по своим основаниям: в ней совмещаются описание коммуникативной ситуации и ментального конфликта между носителями разной коммуникативной компетенции.

Библиографический список

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / АН СССР. Отд. лит. и яз. М.: Наука, 1987. 261 с.
2. Лихачев Д.С. Приоритет должен быть отдан культуре // Об интеллигенции. СПб, 1997, 426 с.
3. Степанов Г.В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 2001. 141 с.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
5. Постовалова В.И. Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. 183 с.
6. Славгородская Л.В. Научный диалог. Л., 1986. 102 с.
7. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972. 467 с.
8. Anne Spier Mit Witzen Deutsch lernen. Cornelson, 2007. 168 s.

**ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ПРОИЗВЕДЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ДАНИЭЛЯ
КЕЛЬМАНА «СЛАВА»)**

Т.Н. Ступина, Н.В. Макарова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: natalya5.makarova@yandex.ru

Статья посвящена проблеме изучения художественного текста в аспекте идиостилистического анализа. Внимание фокусируется на роли интернет-языка в пространстве художественного текста и становлении новых стилистических средств, что в свою очередь связано с теорией виртуализации общества.

Ключевые слова: идиостиль, интернет-язык, виртуализация общества, функции художественного текста.

**INTERNET-COMMUNICATION IN FICTION TEXT (ON BASIS OF
THE NOVEL “GLORY” BY DANIEL KELMAN)**

T.N. Stupina, N.W. Makarova

The article reveals the problem of fiction text study in aspect of idiostyle analysis. The paper focuses on the role of netspeak in the space of fiction text and formation of new stylistic devices and it is connected with the theory of society virtualization.

Key words: idiostyle, netspeak, society virtualization, functions of fiction text.

Среди методов изучения художественного текста свое место занимает идиостилистический анализ. Под идиостилем понимается индивидуальный авторский стиль писателя или поэта, с одной стороны, специфика речи художественных произведений, а также предмет изучения стилистики – с другой [1, с. 169]. Исследования идиостиля связаны прежде всего с именами Юрия Николаевича Тынянова, Ю.Н. Караулова и В.В. Виноградова. В частности, В.В. Виноградов ввёл термин «языковая личность», а Ю.Н. Караулову принадлежит идея о её уровневой ориентации: вербально-семантический, когнитивный, мотивационный и дальнейшем комплексном анализе идиостиля на указанной основе [2, с. 89]. Сегодня это быстро развивающееся направление науки, исследования которого вызывают интерес не только у ученых-специалистов, но и у простых читателей, так как от автора зависят характер и объем единиц художественно текста, их соотносённость с действительностью.

Идиостиль писателя проявляется в языковой и коммуникативной компетенции, осознанном выборе средств общения, языковом чутье и вкусе. В таком понимании идиостиль писателя есть «индивидуально устанавливаемая языковой личностью система отношений к разнообразным способам авторепрезентации» [3, с. 36].

Как известно, художественное произведение насыщено средствами изобразительности. Это эмоционально-окрашенная лексика, фразеологические обороты, стилистическая аранжировка через эпитеты, метафоры, сравнения, гиперболы, олицетворения и другие тропы. Богатым потенциалом обладают также синтаксические средства, такие как риторические вопросы, восклицательные предложения, эллипсы и др. [4].

В наше время данный стилистический инструментарий пополняется новыми средствами выразительности, заимствованными в том числе из так называемого интернет-языка [5, 6]. Последнее обусловлено задачей отразить средствами художественного произведения проблему виртуализации общества [2].

Первые попытки создания социологических моделей современности на базе понятия виртуальности были практически одновременно предприняты в Германии Ахимом Бюлем и Михаэлем Паэтау, в Канаде Артуром Крокером и Майклом Вэйнстейном, в России Дмитрием Ивановым [7]. О виртуализации социального можно говорить, так как общество становится похожим на виртуальную реальность, то есть может описываться с помощью тех же характеристик. Виртуализация в таком случае – это любое замещение реальности ее симуляцией/образом - не обязательно с помощью компьютерной техники, но обязательно с применением логики виртуальной реальности [4].

Целью данной статьи является рассмотрение функций текстов компьютерной коммуникации в пространстве художественного произведения. Поясняя цель, добавим, что речь идет о постах на форуме Мольвитца, героя произведения «Слава» Даниэля Кельмана (Daniel Kehlmann «Ruhm». Reinbek, 2009).

Веб-форум – класс веб-приложений для организации общения посетителей веб-сайта, суть работы которого заключается в создании пользователями (блогерами) своих тем с их последующим обсуждением путём постинга (размещения) сообщений внутри этих тем. Обратимся к анализу функций постов в указанном произведении. Начнем, однако, с более общего контекста. Для создания картины мира персонажей Кельман постоянно упоминает их интернет-зависимость. Так, например, один из героев Мольвитц, известный блогер, проводит в интернете не только большую часть своего свободного времени, но и время на работе, на что обращает внимание его коллега. Ср.:

...und solange er am Desk ist, macht er sein Werkzeug und unterbricht nur, um mir das Auge zu geben und so was zu sagen wie: «Ey, schon wieder Internet?» [8, s. 114]

AnderRezeptionfrageteichsofortInternet [8, s. 120].

Другой персонаж, знаменитый актер Ральф Таннер, также не может обойтись без интернета и становится частым посетителем интернет-кафе:

Er ging hinunter, über die Straße, ins Internetcafe gegenüber. Der Besitzer kannte ihn schon und wies ihn lächelnd zu einem der Computer [8, s. 75].

Далее попытаемся систематизировать функции текстов форумов в рассматриваемом художественном произведении.

Первой следует назвать информационную функцию, т.е. функцию передачи сообщения о событиях, о себе, что имеет место и в интернет-коммуникации:

Im Real Life (dem wirklichen!) bin ich Mitte dreißig, ziemlich sehr groß, vollschlank....Ich arbeite in der Zentrale einer Mobiltelefongesellschaft und teile Büro mit Lobenmeier...[8, s. 114]

Собственно говоря, сами форумы, которые посещает Мольвитц, уже обрисовывают круг его интересов:

Meinen Usernamen mollwitt kennt ihr aus andren Foren. Ich poste viel bei Supermovies, auch bei den Abendnachrichten, bei literature4you und auf Diskussionsseiten, und auch wenn ich Blogger sehe, die Bullshit verzapfen, halt ich mich nicht zurück [8, s. 114].

Иногда в форумах содержится информация об окружающих персонажа реалиях, которые дают представление об интересах целого поколения:

Stehe ich also vorm Boss, und er sieht mich an. Durchdringender Blick. Wie Saruman. Oder Vorlone Kosh aus Babylon 5 [8, s. 117].

Данные примеры характеризуют персонажа как человека, интересующегося фантастикой и кино: Вавилон-5 – научно-фантастический телевизионный сериал; Саруман – герой легендарного Дж. Толкиена.

Но в романе представлена, кроме информационной, эмоциональная функция текстов форумов. Автор блога, в данном случае персонаж, делится своими внутренними переживаниями, мыслями, чувствами:

Kam viel zusammen: Der Streit mit Mutter und dass ich so blöd gewesen war, meine IP rauszugeben. Und die Angst wegen morgen...[8, s. 123]

Ich meine, ich weiß, dass sie erfunden ist...Egal, was er dann tun würde, dem könnte er nicht widerstehen, das war doch eine Geschichte. Mein Eintritt in die Story [8, s. 133].

Muss dazu sagen, so richtig lucky war ich nie beim andren Geschlecht, immer so rum und blabla...[8, s. 116]

Читатель узнает о ссоре с мамой, о страхе перед предстоящим выступлением с докладом и мечтах Мольвитца однажды стать героем

произведения известного писателя не из диалога персонажей или из авторской речи, а непосредственно из инсталлированного в текст фрагмента из компьютерной коммуникации. На наш взгляд, по своей функции данный прием изобразительности сближается с несобственно-прямой речью.

Важной для раскрытия содержания является также коммуникативная функция, а именно фатическая. Блогер побуждает читателя к разговору, вступает с ним в своеобразный диалог:

Okay. Ich frag euch jetzt: Was hättet ihr gemacht? [8, s. 121]

Na ja. Klingt das crazy? ... [8, s. 122]

Würde denn je wer anderer mit mir sein wollen? ... [8, s. 135]

Посты часто создаются автором для того, чтобы лучше познать себя и в этом случае представляют собой форму общения с самим собой. Это позволяет нам выделить еще одну функцию – автокоммуникативную. В конце своего поста, который в произведении является целой главой, герой делает выводы, прежде всего, для самого себя:

Ich hab für immer nur mich. Immer bloß hier, auf dieser Seite, auf der andren: never. Keine andre Welt. Morgen früh wider zur Arbeit...Alles geht weiter wie immerschon immer [8, s. 135].

Особый колорит придает роману Кельмана наличие такого стилистического приема, как нарративный металеписис. Впервые этот термин использовал Жерар Жаннетт для обозначения перехода между различными повествовательными уровнями. Для применения металеписиса нужны как минимум два уровня, представляющих реальную и вымышленную действительность. В романе «Слава» реальный мир – это мир героя Лео Рихтера, вымышленный – его истории.

Металеписисом считается также прием, при котором автор вмешивается в действие или герои выходят за пределы произведения и посредством этого получают возможность коммуницировать.

Характерный пример для такого рода металеписиса диалог в главе «Rosalie geht sterben». Рассказчик этой истории – писатель Лео Рихтер – представляет одну из своих героинь Розали, что эксплицитно выражается в начале повествования.

Von all meinen Figuren ist sie die klügste [8, s. 44].

Далее мы находим новые эксплицитные указания на то, что Лео перенимает у Кельмана роль рассказчика.

Ich sollte wohl erwähnen, dass ich Herrn Freytag erfunden habe. Dazu kommt, dass ich eigentlich nicht die Art von Schriftsteller bin, bei dem die Fakten stimmen [8, s. 46].

Лео выступает в качестве всеведущего писателя и рассказывает историю Розали. При этом героиня вступает в диалог с писателем и просит его сжалиться над ним.

Und trotzdem kann sie sich nicht ganz in ihr Schicksal ergeben. Deshalb, zur frühen Morgenstunde, wendet sie sich an mich und bittet um Gnade.

Rosalie, das liegt nicht in meiner Macht. Das kann ich nicht.

Natürlich kannst du! Das ist deine Geschichte.

Aber sie handelt von deinem letzten Weg. Täte sie es nicht, hätte ich nichts über dich zu erzählen. Die Geschichte – Könnte eine andere Wendung nehmen!

Ich weiß nichts anderes. Nichtfürdich [8, s. 47].

Еще один пример металеписа появляется в тексте, когда писатель вмешивается в действие и изменяет жизнь Розали.

Geschichte endgültig verlasse, Rosalies Dasein erlischt. Von einem Moment zum nächsten. Ohne Todeskampf, Schmerz oder Übergang. Eben noch ein seltsam angezogenes Mädchen, wirr vor Staunen, jetzt nur mehr eine Kräuselung in der Luft, ein noch Sekunden sich haltender Ton, eine verblassende Erinnerung in meinem Gedächtnis und in Ihrem, während Sie diesen Absatz lesen [8, s. 66].

Таким образом, в настоящее время мы можем наблюдать использование языка интернета как средства изобразительности, главным предназначением которого является описание процесса виртуализации общества в художественном произведении.

Библиографический список

1. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М., 1959. С. 169.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / АН СССР. Отд. лит. и яз. М.: Наука, 1987.
3. Леденева В.В. Идиостиль (к уточнению понятия). М., 2001. С. 36-41.
4. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под редакцией М.Н. Кожинной. М: Флинта: Наука, 2003.
5. Ступина Т.Н., Кулакова Е.С. Гендерный аспект интерпретации немецких текстов блогов. Дайджест-2014: Дипломные работы студентов ин. яз. и лингводидактики СГУ им. Н.Г. Чернышевского. Саратов: Изд-во ИЦ Наука, 2014. С. 167-176.
6. Ступина Т.Н., Бондаренко Е.И. Чат-дискурс в социолингвистическом аспекте. Прикладная лингвистика сегодня и завтра: актуальные проблемы. Материалы 4 Межвузовского студенческого форума по прикладной лингвистике, 20 февраля 2013 г.: Вып. 3. Жуковский: МИМ ЛИНК, 2013. С. 94-99.
7. Buhl A. Die virtuelle Gesellschaft. Ökonomie, Politik und Kultur im Zeichen des Cyberspace. Opladen, 1997; Becker B., Paetau M. (Hrsg.). Virtualisierung des Sozialen. Die Informationsgesellschaft zwischen Fragmentierung und Globalisierung. Frankfurt a. M., 1997.
8. Kehlmann D. Ruhm. Reinbek, 2009.
9. Kroker A., Weinstein M. Data trash. The theory of the virtual class. Montreal, 1994.
10. Иванов Д.В. Виртуализация общества // Социология и социальная антропология. СПб., 1997.
11. Иванов Д.В. Виртуализация общества. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2000.
12. Интернет-коммуникация как новая речевая формация: коллективная монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. М: ФЛИНТА: Наука, 2012.

К ВОПРОСУ КАТЕГОРИЗАЦИИ И ТИПОЛОГИИ МОДУСНЫХ КАТЕГОРИЙ

С.Е. Тупикова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: tupikovase@mail.ru

В данной статье излагаются основные методы и подходы, используемые в когнитивной лингвистике. Рассматриваются проблемы концептуализации и категоризации. Описываются типы модусных категорий, обеспечивающих возможность различной интерпретации того или иного концептуального содержания.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, категоризация, модусные категории.

CATEGORIZATION AND CLASSIFICATION OF MODUS CATEGORIES

S.E. Tupikova

The article focuses on the basic methods and approaches used in cognitive linguistics, as well as key issues related to the study of language in the cognitive aspect, such as problems of conceptualization and categorization. It outlines types of categories namely modus categories.

Key words: categorization, modus categories, cognitive linguistics.

Бесспорно, категоризация – одно из ключевых понятий когнитивной науки, оно тесно связано со всеми когнитивными способностями человека, всеми компонентами самой когнитивной системы. Дж. Лакофф утверждает, что «поскольку мы способны размышлять не только об отдельных вещах или людях, но и о категориях вещей и людей, категоризация является важнейшим аспектом для любого подхода к мышлению. Любая теория мышления должна опираться на соответствующие представления о категоризации» [1, с. 145].

Ученые отмечают, что процессы категоризации в сознании человека не обязательно связаны с языком. Об этом свидетельствуют эксперименты, проведенные с детьми: несмотря на незнание названия категории (например: фрукты, инструменты) они складывают вместе яблоко и грушу или ножницы и нож [2, с. 97]. Животные также могут различать разные или одинаковые стимулы и соответственно реагировать на них, проявляя таким образом способность к категоризации [3]. Тем не менее, у взрослого человека «членение мира опосредовано языком, из чего следует, что эта операция имеет как категоризационный, так и лингвистический характер»

[2, с. 97]. Причем, как подчеркивает О.Н. Лагута «хотя способность к категоризации... проявляется у человека очень рано, несомненно, что она изменяется с возрастом и приобретает более совершенный характер с накоплением опыта, а, главное, с усвоением языка» [4, с. 57].

Существует несколько подходов к пониманию процесса категоризации и его связи с языком. Е.С. Кубрякова выделяет *номиналистический, реалистический, концептуальный и прототипический* подходы [2]. Так, сторонники *номиналистической* теории полагают, что человек классифицирует предметы и явления, называя их тем или иным словом, согласно уже существующим определениям и пользуясь имеющимися в языке терминами, принимая т.н. лингвистическую конвенцию [см. 6].

Представители *реалистического* подхода доказывают, что предметы и явления могут быть объединены в группы по своим качествам, не связанным с номинацией, а слова только отражают существующую «в природе» общность.

С точки зрения *концептуального* подхода, одно имя для серии объектов применяется в том случае, если все они имеют некоторое общее концептуальное основание, т.е. каждый объект можно представить одной и той же ментальной репрезентацией, одним концептом.

Н.Н. Болдырев разграничивает *структурный* (по принципу оппозиций), *функциональный* (полевой) и *когнитивный* (прототипический) подходы к пониманию процесса категоризации [7]. Важным тезисом, выдвигаемым исследователем, представляется следующий: «Преодоление индивидуальных различий и достижение понимания в процессе общения достигается не только за счет базовых... категорий, в равной мере известных собеседникам, но и за счет различных... категорий переходных зон» [7, с. 8-9]. Отметим, что ученый говорит о данных трех системах категоризации как *базе для осуществления процесса понимания*. Переход от аналоговой (лексической) к собственно языковой (грамматической) и далее к интерпретирующей (модусной) категоризации представляет собой переход от когнитивно-номинативной к когнитивно-дискурсивной функции языковых единиц и языка в целом [8, с. 41].

Настоящий момент развития лингвистики характеризуется большим интересом исследователей к изучению модусных категорий. На наш взгляд, этот интерес связан с актуальностью дискурсивного подхода и собственно антропоцентрической парадигмы знаний.

Ш. Балли использовал термин *модусные категории* для обозначения вторичных субъективных авторских смысловых наложений на референтно ориентированное содержание высказывания. Это наложение он ассоциировал с главными концептами, выделяя модусный субъект и модусный предикат, хотя сам автор не дал четкого определения модуса, считая, что модус следует рассматривать как саму суть высказывания,

которая «также как и мысль, образуется в основном в результате активной операции мыслящего субъекта» [цит. по 9, с. 320]).

Как отмечает в своей работе О.А. Кобрина [см. 98] средства выражения модусных значений, которые представляют собой аппарат выражения различных авторских характеристик, мнений, отношений или более общих значений, сопровождающих сам процесс речевой деятельности, является малоизученным. О.А. Кобрина отмечает, что модус, как философский термин, обозначает свойство предмета, присущее ему не постоянно, а лишь в некоторых состояниях. Ученый закрепляет за модусными категориями статус коммуникативных, связывая исследование модуса с теорией речевых актов и коммуникативным модусом Н.К. Рябцевой. Лингвист подчеркивает, что «растущее количество и упорядоченность модусных средств свидетельствует об их коммуникативной значимости и формировании своеобразной категории» [9, с. 321].

Так же, как и Н.Н. Болдырев, О.А. Кобрина указывает на сложность определения структуры модусных коммуникативных категорий. Согласно мнению ученого, они не имеют единой системы форм для их репрезентации, поскольку они выражают размытые, часто субъективные сущности, а именно, отношение говорящего к сказанному. *В отличие от всех других существующих категорий, модусные структуры располагаются, условно говоря, над морфологическими и синтаксическими категориями и служат исключительно коммуникативным задачам, так они существуют как формы выражения субъективности человека.* Поскольку сама онтология этих категорий предопределяет размытость их границ, то их многочисленные функциональные роли и значения могут реализовываться разными средствами языковой системы. Как отмечает исследователь, это могут быть словообразовательные средства, создание речевых и модифицированных моделей предложения и отдельных его членов, создание специальной лексики, т.е. подкласса слов, фразеологизмов и др., они могут выражаться и интонацией, мимикой, так как основное функциональное значение этих категорий состоит в выражении субъективного начала при выражении объективной реальности [9, с. 321].

О.А. Кобрина в своей работе подвергает анализу такие модусные категории, как *оценочность, приблизительность, предпочтение, эмотивность, отрицание и персуазивность*. Автор относит эти феномены к категориям сентенционального уровня и на их примере доказывает, что модусные категории вообще относятся к категориям открытого типа, поскольку они обладают способностью видоизменяться и приобретать новые значения и формы в зависимости от речевой ситуации. Лингвист особенно подчеркивает, что благодаря функциональной предназначенности модуса и широты его значений, а также размытости

границ, он приобретает глобальный характер в смысле присутствия в высказывании.

Как указывает исследователь, категория оценочности представляется наиболее антропонимичной, поскольку она является неотъемлемым компонентом структуры отражательной деятельности человеческого сознания в модусном плане. Оценочность актуализируется оценочной лексикой (слова, словосочетания, целые выражения), а также интонацией, жестами и мимикой.

Категория модальности, как подчеркивает О.А. Кобрин, представляется наиболее яркой и широко употребляемой модусной категорией. Она имеет разные формы выражения – от модальных слов (а также частиц, междометий, наречий) до глагольных категорий сослагательного наклонения. В рамках грамматической категории модальности сформировалось наибольшее количество частных модусных значений: оценочности с точки зрения реальности, желательности, возможности, необходимости, предположительности, информированности, достоверности, вероятности, побуждения, отрицания, намерения и др. Автор исследования приводит целый список лексических единиц, отражающих данную категорию, утверждая, что лексика хорошо демонстрирует отношение говорящего к происходящему, позитивное или негативное, ироничное, сомнительное, уверенное и др.

Категория эмотивности обладает размытыми границами, трудно подвергается систематизации, высоко субъективна и антропонимична. Она проявляется на всех уровнях языковой системы: фонетическом (интонация и просодика), лексическом (определенно окрашенные слова, словосочетания и выражения в зависимости от типа эмоции), синтаксическом (построения различных типов, особенно восклицательные и эллиптические предложения, изменение порядка слов).

Категория эвиденциальности указывает на авторство высказывания или источник исходящей информации, содержит дополнительные сведения о мотивации и цели высказывания. Так же, как и эмотивность, имеет размытые границы, характеризуется разнообразием форм выражения, вариабельностью в плане облигаторности/факультативности.

Категория приблизительности выражает субъективное отношение к фактам реальности, отражая нежелание автора высказывания точно определить свое отношение. Данная категория выражается, в основном, лексическими средствами; она универсальна, типична и естественна для многих языков, что позволяет предполагать наличие общей ментальной и коммуникативной основ.

Категория персуазивности обнаруживается в коммуникативных ситуациях, основанных на коммуникативно-прагматической стратегии убеждения, манипулирования сознанием речевого партнера и его поведением. Категория актуализируется разнообразными лексическими

(часто – глаголами соответствующей семантики) и синтаксическими средствами (в том числе побудительными предложениями), а также просодикой, поскольку интонация или даже акцент могут оказать существенное влияние на все высказывание.

Категория отрицания – многоаспектное и многоуровневое явление, также используется как выражение модуса. Реализуется через использование в речи отрицательных частиц, местоимений, прилагательных, наречий, словосочетаний, отрицательных устойчивых выражений. Подробнее о модусных категориях [см. 9].

В общем, исследователь делает вывод, что категории модусного плана можно разделить на два класса: *системные и несистемные*. К первому типу относят те категории, которые закреплены в системе языка и имеют фиксированные способы выражения и четкие значения. *Несистемными* или *окказиональными* следует считать категории, у которых область значения является расплывчатой, а способы выражения имеют неоднородный характер [9, с. 332].

Т.В. Захарова изучает категорию сравнения как относящуюся к категориям модусного типа. По ее мнению, категория сравнения включает в себя преимущественно морфологические средства, а именно степени сравнения прилагательных, объединенные инвариантной функцией выражения значения сходства / различия. Исследуемый феномен находит актуализацию и в лексических средствах, объединенных инвариантной функцией сходства/различия. Семантика лексических единиц ориентирована не на отражение реалий окружающего мира, а на их оценку или интерпретацию говорящим субъектом. При этом прототипическое ядро категории сравнения составляют степени сравнения прилагательных, периферийными же средствами, выражающими инвариантную функцию сходства – различия, являются синтаксические средства, лексические, словообразовательные [см. 10].

А.В. Левкович рассматривает категорию эмотивности на материале английского языка. Исследователь, в частности, отмечает, что данная категория реализуется через ряд концептов, в том числе, концепт «гнев», имеющий обширную лексическую актуализацию в речи и связанный с рядом метафорических «блоков» [11].

Е.Ю. Дубовицкая в своей работе «Категория аппроксимации в современном английском языке» указывает, что в основе формирования данной категории лежит концепт «приблизительность», прототипом в современном английском языке является глагол approximate. Прототипическое ядро формируют существительное approximation, прилагательное approximate, наречие approximately, а также некоторые синонимы этих единиц. Периферия языковой категории «аппроксимация» представлена различными средствами, с помощью которых осуществляется приблизительное описание предмета мысли и которые, в

свою очередь, являются средствами выражения других категорий: неопределенности, количественности, модальности. На пересечении данных категорий образуются переходные зоны: «неопределенное качество», «неопределенное количество», «приблизительное количество», «вероятное количество», «вероятное качество» [12].

М.В. Артамонова исследует категорию парности, понимая под ней систему бинарных языковых единиц, объединенных концептуальным значением «два в одном». Средствами языкового воплощения категории парности выступают парные сочетания, представляющие собой сочинительные соединения семантически и структурно связанных и уравновешенных компонентов (города и веси, друзья-товарищи, небо и земля, отец и мать, совет да любовь, честь и хвала и др.). Определяя место категории парности в концептуальной системе русского человека, М.В. Артамонова делает вывод о том, что парность является способом интерпретации как неотъемлемого свойства человеческого сознания и, следовательно, относится к категориям, имеющим концептуальную основу и в то же время собственно языковую реализацию в парных сочетаниях, которые можно определить как ментально-лингвальные комплексы, актуальные в когнитивном плане и имеющие возможность использоваться в вербальном общении для интерпретации и оценки передаваемой информации [13, с. 62-73].

Т.И. Семенова рассматривает феномен «кажимости» на материале английского языка, указывая, что данная категория относится к модусному типу и вводит квалификативно-оценочное видение мира. Модус кажимости носит метауровневый (эпистемный) характер как способ концептуальной организации знаний в процессе построения языковых сообщений. Исследователь доказывает, что с помощью категории кажимости внутренняя сфера человека репрезентируется двумя принципиально разными способами: с точки зрения самого чувствующего субъекта («изнутри») и с позиции стороннего наблюдателя («извне»). Языковым воплощением двух способов репрезентации внутренней сферы являются «Я»-модусная рамка кажимости и «не-Я» модусная рамка кажимости. Методологической основой двух типов модусных рамок является разведение фигур (ипостасей) Говорящего и Наблюдателя. Модус кажимости является лингвистическим инструментом создания полифонии в высказывании. Когнитивным механизмом порождения многоголосия в дискурсе являются разные типы знания, категоризованные в языковых формах. Модус кажимости включает в себя специфический способ выражения истинностной оценки, суть которого состоит в разрыве между знанием субъекта восприятия и знанием говорящего. Языковой реализацией полифонии в дискурсе являются диагностирующие контексты: кажимость vs действительность; кажимость vs гипотетичность. Т.е. Т.И. Семенова подчеркивает такие специфические свойства модусной

категории, как принадлежность к сфере оценивания, способность лингвистическими средствами отражать когнитивные механизмы. Кажимость как лингвистический феномен исследуется в работе как иерархически организованная когнитивная структура, которая вербализуется совокупностью языковых единиц разных уровней. Т.И. Семенова, обращаясь к дискурсной актуализации категории кажимости, рассматривает, в первую очередь, синтаксические структуры и систему употребления глаголов. Различие значений модуса кажимости выражается различием в синтаксических возможностях. В частности, смена форм инфинитива свидетельствует о взаимопроникновении перцептивной и эпистемической сфер в семантике модуса кажимости [14].

С.Е. Тупикова относит к модусным категориям тональность, которая понимается как «когнитивный, прагматически, культурно и ситуативно обусловленный, эмоционально-стилевой и жанровый формат общения, основная категория выражения эмоций, возникающая в процессе взаимодействия коммуникантов как языковых личностей и определяющая их установки и выбор всех средств общения» [15]. Напомним, что модусные категории обеспечивают возможность различной интерпретации говорящим того или иного концептуального содержания и формирования на основе этого отдельных смыслов. Соотнесение тональности с модусными категориями определяется, прежде всего, ее интерпретирующим значением в процессе коммуникации. Действительно «коммуникативная тональность передается некоторыми языковыми средствами, которые интерпретируются адресатом соответственно интенции, заложенной адресантом. Именно адресант задает коммуникативную тональность высказывания» [15]. Считаем нужным подчеркнуть, что «языковая личность реализует и воспринимает когнитивно-прагматические, культурные знания и ценности, а также коммуникативные способности в дискурсе, облекая их в соответствующую тональность, выбранную в соответствии с конкретной оценкой и интерпретацией адресантом и соответственно воспринятой адресатом» [16].

Т.О. Багдасарян также подчеркивает интерпретационный, оценочный характер тональности, закрепляя за данным феноменом определение «способа представления текста автором, при котором он выражает свое отношение к тексту, реципиенту, действительности и к себе самому в дополнительных характеристиках, окрашивающих пропозицию в соответствующие тона с учетом сферы общения и личностных качеств коммуникантов. Тональность характеризует способ передачи пропозиции и описывает ее в различных регистрах *шутливо, иронично, официально, презрительно, враждебно* и т.д.» [17].

Отметим, что категория тональности реализуется только в процессе коммуникации, актуализируясь в дискурсе. Так, В.В. Дементьев говорит о

тональности дискурса, понимая под ней «такие параметры, как серьезность либо несерьезность, обиходность либо ритуальность, стремление к унисону либо конфликту, сокращение либо увеличение дистанции общения, открытое (прямое) либо завуалированное (косвенное) выражение интенций, направленность на информативное либо фатическое общение» [6, с. 55].

Таким образом, модусные категории антропоцентричны по своей природе, поскольку представляют собой аппарат выражения мнений и оценок. Данный тип категорий определяется как коммуникативный, они актуализируются в процессе дискурсивного общения. Модусные категории не имеют единой системы форм для репрезентации, они могут быть вербализованы различными средствами языковой системы, в связи с чем относятся к открытому типу, т.е. могут приобретать новые значения и формы в зависимости от речевой ситуации.

Библиографический список

1. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М. : Языки славян. культуры, 2004. 792 с.
2. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
3. Jackendoff R. Sense and reference in a psychologically based semantics // Talking Minds: The study of language in Cognitive Science. Cambridge, 1984. P. 49-72.
4. Лагута О.Н. Логика и лингвистика. Новосибирск, 2000. 116 с.
5. Taylor J.R. Linguistic categorization: Prototypes in Linguistic theory Oxford: Clarendon Press, 1989. 312 p.
6. Дементьев В.В. Жанры фатического общения // Дом бытия. Альманах по антропологической лингвистике. Вып. 2. Саратов: Изд-во Саратов. пед. ин-та, 1995. С. 50-63.
7. Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания// Вопросы когнитивной лингвистики. Вып. 2. Москва: 2006. С. 5-22.
8. Болдырев Н.Н. Процессы концептуализации и категоризации в языке и роль в них имен абстрактной семантики // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е.С. Кубряковой. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 38- 50.
9. Кобрина О.А. Модусные коммуникативные категории и их реализация в современном английском языке // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство. М.: Языки славянских культур. 2009. С. 319-337.
10. Захарова Т.В. Словообразовательные средства вербализации концепта сравнения в немецком языке // Вестник Башкирского университета. Т.14. №1. Уфа: БГУ, 2009. С. 140-144.
11. Левкович А.В. Особенности когнитивного подхода к изучению категории эмотивности (на примере частичного структурирования концепта «гнев») // Studia Linguistica XVI. Язык. Текст. Культура: Сборник. СПб.: Борея Арт, 2007. С. 159-166.
12. Дубовицкая Е.Ю. Категория аппроксимации в современном английском языке: дисс... канд. филол. наук. Тамбов, 2006. 182 с.

13. Артамонова М.В. О месте категории парности в концептуальной системе русского человека // Филология и человек. №3. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2009. С. 62-73.
14. Семенова Т.И. Лингвистический феномен кажимости (на материале современного английского языка): автореф. дисс... докт. филол. наук. Иркутск, 2007. 35 с.
15. Тупикова С.Е. Коммуникативная тональность в системе модусных категорий// Когнитивные исследования языка. Гл. ред. серии Н.Н. Болдырев. М.: Инт-т Языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. Вып. XII: Теоретические аспекты языковой репрезентации: сб. науч. тр. 2012. С. 121-134.
16. Тупикова С.Е. Модусная категория тональности и языковые способы ее реализации в публицистическом дискурсе // Известия Саратовского университета. Нов. Серия. Филология. Журналистика. 2014. Т. 14. Вып. 1. С. 20-25.
17. Багдарасян Т.О. Тональность как компонент модели речевого жанра (на материале речевого жанра «угроза») // Жанры речи. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2002. Вып. 3 С. 240-245.

УДК 811.111 (072,8)

СПОСОБЫ ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ К ИЗУЧЕНИЮ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА У СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

С.А. Шилова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: sa_shilova@mail.ru

Статья посвящена проблеме повышения уровня мотивации к изучению иностранного языка в высшей школе. В статье рассматриваются виды учебной мотивации, а также указываются условия, способствующие формированию внутренней мотивации. Анализируются особенности современного поколения студентов (поколения Y), способные повлиять на формирование и поддержание внутренней мотивации к изучению иностранного языка. Предлагаются методические рекомендации, направленные на повышение эффективности процесса обучения.

Ключевые слова: мотивация, внутренняя мотивация, поколение Y, смешанное обучение.

WAYS OF ENHANCING UNIVERSITY STUDENTS' MOTIVATION FOR LEARNING FOREIGN LANGUAGES

S.A. Shilova

The article addresses the problem of the improvement of students' motivation for learning English. It discusses various types of motivation. Special attention is given to the strengthening of intrinsic motivation. Different characteristics of modern students, who

belong to generation Y, and their possible influence on the increase of intrinsic motivation are analyzed. The article suggests different ways of enhancing the effectiveness of the learning process.

Key words: motivation, intrinsic motivation, generation Y, blended learning.

На современном этапе развития общества в условиях постоянно расширяющегося научного, экономического, профессионального сотрудничества между представителями различных стран актуальность и важность изучения иностранного языка не вызывает сомнений. Современный выпускник высшего учебного заведения должен обладать не только профессиональными знаниями, но и достаточно высоким уровнем владения иностранным языком, позволяющим ему успешно интегрироваться в международном сообществе. Современным специалистам необходимо решать профессиональные задачи на родном и иностранном языках, используя надпрофессиональные умения и навыки (работа в команде, знание информационного контекста, критическое мышление и т.д.). Значительное количество востребованных на рынке труда профессий связано с использованием иностранного языка. Таким образом, конкурентоспособность выпускника во многом зависит от уровня сформированности иноязычной компетенции.

Тем не менее, несмотря на необходимость знания иностранного языка специалистами различных сфер деятельности и понимание его значимости, уровень владения иностранным языком выпускников неязыковых вузов не всегда позволяет им без затруднений использовать его в профессиональных целях. Причин, объясняющих это явление, много, но одной из основных является низкая мотивация к изучению этого предмета [1]. Следовательно, одной из главных педагогических задач преподавания иностранного языка в высшей профессиональной школе является развитие и поддержание мотивации студентов к изучению иностранного языка.

В психолого-педагогическом контексте существуют различные варианты трактовки мотивации, но многие исследователи под мотивацией понимают побудительный процесс, реализацию в действии и поведении тех или иных потребностей, влечений [2, с. 280]. Учебная мотивация зачастую рассматривается как частный вид мотивации, включенный в учебную деятельность.

Существует несколько классификаций учебной мотивации. Согласно одной из них учебная мотивация может быть внутренней и внешней. Как отмечает Г.Н. Хамедова, в отечественной психолого-педагогической науке существуют два подхода к определению вышеуказанных типов мотивации. Первый подход основан на характере связи между учебным мотивом и другими компонентами учения. Если мотив реализует познавательную потребность, связан с усваиваемыми знаниями и выполняемой деятельностью (совпадает с конечной целью учения), то он является

«внутренним». Если же мотив реализует непознавательную (социальную по классификации) потребность и непосредственно не связан с получением знаний (не совпадает с целью учения), то он называется «внешним». В основе второго подхода – наряду с указанным ранее критерием – выделяется и другой – характер личностного смысла (утилитарно прагматический и/или ценностный) [2, с. 281].

В зарубежной методике преподавания иностранного языка также выделяют внутреннюю и внешнюю мотивацию. При этом внутренняя мотивация направлена на процесс и достижение результата, тогда как внешняя мотивация основана на получении некоего вознаграждения. Внутренне мотивированный студент выполняет задания, не только из-за возможности получить высокую оценку или зачет, ему нравится сам процесс освоения иностранного языка.

Безусловно, внутренняя мотивация является более сильным и действенным инструментом достижения цели, но необходимо признать, что далеко не все студенты обладают данным типом мотивации. Что, в свою очередь, заставляет преподавателей использовать различные способы воздействия на внешнюю мотивацию (дополнительные баллы, автоматическое получение зачета). В ряде случаев, внешняя мотивация может перейти во внутреннюю. Формирование и поддержание внутренней мотивации возможно при соблюдении следующих условий:

- создание психологически комфортной атмосферы для изучения языка;
- использование личностно-ориентированного подхода, направленного на развитие самостоятельности;
- методически грамотный подбор материала, предполагающий наличие сложных, но вполне посильных заданий, выполнение которых позволяет студентам убедиться в собственных силах;
- практическая ориентация используемых материалов и заданий (студенты должны хорошо осознавать практическую ценность получаемых знаний).

Для формирования психологически комфортной атмосферы в группе очень важно как можно лучше знать своих студентов: их интересы, увлечения, цели и планы на будущее. Низкий уровень эмоциональной комфортности межличностных отношений с коллективом или с преподавателем может стать препятствием на пути формирования положительной внутренней мотивации к изучению иностранного языка.

Наряду с личностными особенностями современные студенты обладают рядом характеристик, типичных для всех представителей их поколения. Современному педагогу необходимо принимать их во внимание, так как с их помощью возможно эффективно работать над формированием внутренней мотивации к изучению иностранного языка.

Исходя из классификации, предложенной Н. Хоувом и У. Штрауссом в 1991 году, современные студенты являются представителями поколений Y (данное поколение также называют поколением «игрек»), поколением Миллениум, поколением «некст», сетевым поколением или эхо-бумерами. В США поколение «игрек» связывают с подъёмом рождаемости, который начался в 1982 году, так называемый «эхо-бум». В основном это дети поколения «беби-бума», отсюда и название – «эхо-бумеры») [3, с. 154]. К упомянутому поколению исследователи отнесли людей, рожденных в период с 1980 по 1999 год. Однако, в России к поколению Y социологи традиционно относят людей, родившихся в новых социально-политических условиях (начало горбачевской Перестройки, развал СССР – 1984-2000 годы). Ряд культурологов и демографов считают людей, рожденных после 1991 года представителями поколения Z. В некоторых источниках данное поколение называют поколение I (the Internet) или поколение M (многозадачность). Это дети родителей из поколения «икс» или иногда даже поколения «игрек». Однако, данная градация скорее характерна для США и стран западной Европы. В России к поколению Z относят людей, рожденных после 2000. Мы не рассматриваем особенности данного поколения в нашей статье, так как основная часть его еще не достигла студенческого возраста. Поколение Y обладает рядом характеристик, которые могут быть использованы для формирования и поддержания высокого уровня их внутренней мотивации.

«Игреки» в значительной степени заинтересованы в изучении иностранных языков, так как большинство из них хотели бы связать свою профессиональную деятельность с той или иной формой международных командировок. Таким образом, для преподавателя иностранного языка очень важной задачей является поддержание данного аспекта мотивации, предоставляя студентам задания, направленные на формирование навыков использования языка в ситуациях, максимально приближенным к реальным условиям общения.

Поколение Y характеризуется глубокой вовлеченностью в цифровые технологии. У данного поколения хорошо развиты социальные навыки. Они коммуникабельны и открыты для общения. Но зачастую они предпочитают общаться посредством социальных сетей и мобильных телефонов. Одной из причин развитой коммуникабельности «игреков» считают тот факт, что они с раннего детства имели доступ к информационным технологиям и хорошо в них разбираются [3, с. 155].

Наши студенты, будучи яркими представителями «игреков», не только виртуозно используют такие современные технологии как вики, блоги, социальные сети и форумы, но и ожидают, что они будут применяться в процессе обучения. «Игреки» представляют собой потребителей цифровой информации, которые не представляют свою жизнь без интернет технологий и, следовательно, не могут существовать в

отрыве от новомедийных визуальных коммуникаций. Как отмечает Полянская Е.В., «образование, лишенное информационных технологий, не является для них личностно-ценностным» [4]. Учитывая данную особенность представителей поколения Y, следует уделять внимание использованию современных информационных технологий в обучении иностранному языку. Но необходимо принимать во внимание, что информационные технологии для «игреков» это не самоцель, а лишь привычный инструмент.

Эффективным способом повышения мотивации в данном контексте выступает использование смешанного обучения (Blended learning) и создание виртуальной образовательной среды иноязычного общения, представляющей собой совокупный информационно технологический ресурс дистанционного образования [5, с. 91], и способствующей личностно смысловой актуализации образовательного знания как такового. Для реализации данной задачи могут быть использованы такие системы управления курсами и платформами, как Moodle, Ipsilon, Google Classroom, а так же социальные сети, позволяющие общаться группе пользователей, объединенных общим интересом.

Представители поколения Y ориентированы на немедленное вознаграждение и постоянную обратную связь. Преподаватель должен учитывать данную особенность современных студентов и с готовностью предоставлять оценочную реакцию на действия студентов. Согласно современной зарубежной теории овладения иностранным языком в процессе формирования иноязычных речевых навыков и умений учащиеся постоянно выдвигают и проверяют гипотезы (hypothesis testing) об использовании того или иного языкового явления в речи. При этом обратная связь должна стимулировать этот процесс и предоставлять ученику информацию, которая позволит ему проанализировать собственные действия, сделать выводы, провести самокоррекцию ошибок, исправить и модифицировать свое речевое поведение [6, с. 341].

Доминирующая часть современных студентов являются визуалами и кинестетиками [7, с. 5]. Для них очень важную роль в обучении играют визуальные опоры и наглядный материал. Использование видеофрагментов, Power Point презентаций и технологии Digital Strytelling способно поддержать мотивацию и обеспечить успешность процесса обучения. Студенты-кинестетики с большой готовностью участвуют в подвижных формах работы (role-plays, mingling activities). Одной из основных характеристик поколения Y также считается многозадачность и неспособность долго заниматься одним и тем же. Следовательно, смена видов работы на занятии является обязательным условием эффективности обучения.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что мотивация к изучению иностранного языка для современных студентов, как и для всех

предшествующих и последующих поколений, является основой и залогом успешности достижения поставленной цели. Каждое поколение расставляет свои приоритеты. Смена поколений и характера мотивации подразумевает корректировку методов и форм обучения. Преподаватели современной высшей школы могут повысить мотивацию студентов к изучению иностранного языка, обратив внимание на их интересы и стремления. Согласно результатам ряда исследований, представители поколения Y очень хотят, чтобы их выслушали. Ключ к пониманию этого поколения – слушать их, как в виртуальном, так и в реальном мирах.

Библиографический список

1. Лазарева М.В. Развитие языковой личности студента средствами мотивации в неязыковом вузе. Москва: ИД «Первое сентября», 2011. URL: <http://festival.1september.ru/articles/312200> (дата обращения: 01.04.2015).
2. Хамедова Г.Н. К проблеме формирования мотивации изучения иностранного языка у студентов неязыковых специальностей // Вестник ОГУ. Гуманитарные науки. 2012. Т. 138. №2. С. 280-285.
3. Хомякова Е.И. «Поколение Y» в контексте социального взаимодействия в современном обществе // Известия Томского политехнического университета. 2011. Т. 319. №6. С. 153-156.
4. Полянская Е.В. Новомедийные визуальные коммуникации как компонент реализации проектной деятельности студентов // По материалам конференции Conect-universum 2014. 19.05.2014. URL: http://connect-universum.tsu.ru/blog/connectuniversum2014_ru/516.html (дата обращения: 01.04.2015).
5. Седова Д.В. Виртуальный университет: предпосылки возникновения и перспективы развития // Материалы 15-й научной конференции студентов, аспирантов и молодых специалистов. Дубна, 2008. С. 91-93.
6. Колесникова И.Л., Долгина О.А. Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков: справочное пособие. М. : Дрофа, 2008. 431 с.
7. Reilly P. Understanding and Teaching Generation Y // English Teaching Forum. 2012. Vol. 50. №1. P. 2-11.

РАЗДЕЛ 21. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

УДК 811.161.1'276.11

РАЗНОВИДНОСТИ НЕОФИЦИАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ И ИХ КОНСТИТУИРУЮЩИЕ ПАРАМЕТРЫ

А.Н. Байкулова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: allabay15@mail.ru

Статья посвящена исследованию широкого поля неофициального общения в его ядерной и периферийной зоне. Разновидности неофициальной коммуникации характеризуются на основе выделенных автором конституирующих параметров.

Ключевые слова: русский язык, неофициальное общение, разговорная речь, семейное и дружеское общение, общение знакомых и незнакомых.

VARIETIES OF INFORMAL COMMUNICATION AND THEIR CONSTITUTIVE PARAMETERS

A.N. Baykulova

The article is devoted to the study of a wide field of informal communication in its nuclear and peripheral area. Varieties of informal communication are characterized on the basis highlighted by the author constitutive parameters.

Key words: Russian language, informal communication, conversation, family and companionship, fellowship, friends and strangers.

Изучение повседневности – актуальная задача многих наук. Для лингвистики особое значение имеет исследование неофициального общения (далее НО) и разговорной речи. Под неофициальным общением мы понимаем частное социально-статусное речевое взаимодействие коммуникантов, в наибольшей степени соответствующее их волеизъявлению и отражающее особенности их языковых личностей; НО не регламентировано жёсткими рамками коммуникативных, этических и речевых норм [1; 2, с. 7].

Однако изучение неофициальной коммуникации нуждается в выработке подхода, позволяющего исследовать её во всём многообразии проявлений. Такой подход предложен в [1, 2]: устное неофициальное общение представлено в виде поля, которое структурировано на основе

фактора *степень близости социальных статусов коммуникантов* и включает ядерную (затемнённая область на рисунке 1) и периферийную зоны.

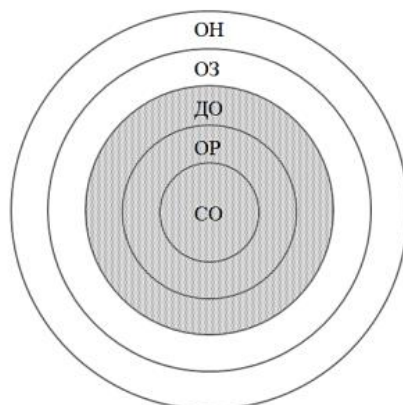

Рис. 1. Разновидности устного неофициального общения

Ядро поля – семейное общение (**СО**); в ядерной зоне реализуются общение родственников (**ОР**) и дружеское общение (**ДО**). В этих разновидностях общения неофициальность проявляется как обязательный и объединяющий параметр.

В периферийную зону входят общение знакомых (**ОЗ**) и незнакомых (**ОН**). **ОЗ** представлено рабочим общением (**РО**), межличностным деловым общением, близким к рабочему (**МДО**) и общением соседей (**ОС**). В этой зоне коммуникация может осуществляться в разных регистрах (понятие регистра по [3]): регистре официального, неофициального и смешанного типа общения. Между всеми разновидностями НО нет чётких границ (более подробно о выделяемых разновидностях общения и используемых терминах [см. 1, 2]).

Разновидности НО выделены на основе следующих конституирующих параметров: *сфера и среда общения; характеристики коммуникантов, их апперцепционная база, коммуникативные роли; общая характеристика общения, отражающая возможность реализации разных видов общения в рамках исследуемого; локально-темпоральные признаки; цели, тематика, доминанта общения, особенности речи.*

НО может осуществляться на разговорной речи, жаргоне, просторечии и диалекте.

Специфика поля НО и каждой из выделенных в нём разновидностей коммуникации представлена в [1, 2]. В данной статье обобщим результаты наблюдений.

Ядерная зона: семейное общение, в нашем понимании, – повседневное общение совместно проживающих людей, связанных кровнородственными связями или вступивших в брачно-родственные отношения, а также общение в семейной сфере с животными, растениями, предметами вещного мира; **общение родственников** – разновидность

неофициального обыденного общения, основанная на взаимных контактах людей, связанных родственными узами, проживающих раздельно и являющихся членами разных семей (иногда родственники вынужденно проживают совместно на территории одного дома или квартиры, но хозяйство ведут раздельно). При совместном ведении хозяйства или частых контактах общение определяется как семейное или приближенное к семейному; **дружеское общение** – разновидность НО, возникающая на основе дружбы между людьми, обоюдно воспринимающими себя друзьями.

Периферийная зона: общение знакомых – разновидность общения, возникающая среди людей, которые лично знакомы и вступают или когда-либо вступали в коммуникативные контакты. В рамках **ОЗ** выделены: **рабочее общение** – разновидность общения в деловой сфере, отражающая взаимодействие сотрудников во время выполнения рабочих заданий и направленная на решение деловых задач без излишней формализованности, то есть при возможном ослаблении статусно-ролевых позиций коммуникантов и усилении фактора их личных взаимоотношений; **межличностное деловое общение** – разновидность общения в деловой сфере, отражающая межличностное речевое взаимодействие сотрудников в периоды незанятости и направленная на укрепление личных связей коммуникантов; **общение соседей** – разновидность повседневного общения знакомых, возникающая среди людей, основной статус которых – *соседи*.

Общение незнакомых – общение людей, не состоящих в знакомстве, основанное на существующих в обществе стереотипах в условиях минимальной апперцепционной базы (АБ) коммуникантов или полного её отсутствия.

Табл. 1. Разновидности неофициального общения

Сфера общения	Ядерная зона. СО – повседневно-бытовая (семейные отношения); ОР – повседневно-бытовая (родственные отношения); ДО – повседневно-бытовая (дружеские отношения). Периферийная зона. РО и МДО – деловая, связанная с работой; ОС – повседневная (соседские отношения); ОН возможно в любой сфере.
Коммуниканты общения	Ядерная зона. СО: члены семьи, проживающие совместно или имеющие регулярные продолжительные контакты, а также животные, которые нередко воспринимаются как привилегированные члены семьи. В СО, кроме того, возможно общение с домашними растениями и предметами вещного мира. ОР: близкие и дальние, кровные и некровные родственники, проживающие раздельно; ДО: друзья / подруги; приятели / приятельницы. СО, ОР и ДО основаны на разных апперцепционных базах коммуникантов, лишь частично совпадающих. Периферийная зона. ОЗ – знакомые по основному статусу <i>лично знакомого</i>, РО – <i>коллеги</i> (по месту работы), ОС – <i>соседи</i> (по месту

	жительства), члены различных профессиональных корпораций или малых социальных групп; ОН – незнакомые.
Место общения	Ядерная зона. СО: дом, дача и др. места совместного пребывания (проживания) семьи; ОР: преимущественно территория проживания кого-либо из родственников, но возможны и другие места; ДО: дом, дача, места отдыха и проведения досуга. Периферийная зона. РО и МДО осуществляются в рабочей зоне или за её пределами (возможно и общение дома, в ресторане, в местах отдыха); ОС – преимущественно дом, территория дома; ОН: в основном пространство города, хотя возможны ситуации, когда ОН реализуется в пределах дома или квартиры (приход работников различных служб и просто случайных людей).
Время общения	Ядерная зона. СО осуществляется в период пребывания членов семьи дома, на даче или в других местах совместного проживания, во время отдыха, прогулок (в праздники и в будни) характеризуется регулярностью, но возможно вынужденно нерегулярное общение; ОР – в свободное от работы время (обычно по праздникам); ДО – в свободное от работы время (обычно в выходные и праздничные дни). ОР и ДО могут быть регулярными и нерегулярными. Периферийная зона. РО осуществляется в период работы, оно преимущественно регулярное. МДО реализуется в основном во время перерывов на обед, перекуров; ОС – преимущественно в будни (соседи-друзья общаются и во время праздников), оно может быть регулярным и нерегулярным; ОН – в период любого выхода человека из дома в пространство города.
Цели общения	Ядерная зона. СО: совместное ведение хозяйства, воспитание детей, психологическая поддержка, сохранение семейных отношений; ОР: сохранение и развитие родственных связей; ДО: удовлетворение потребности в искреннем, интимном, доверительном общении, основанном на полном взаимопонимании и единомыслии; сохранение и развитие дружеских связей; взаимопомощь; совместное проведение досуга. Периферийная зона. РО – выполнение производственных задач; МДО: установление и поддержание контактов, укрепление слабых связей (конкретные цели зависят от потребностей коммуникантов и ситуации общения), ОС: целеориентированная коммуникация связана с решением бытовых проблем, фатическая – с укреплением соседских отношений, удовлетворением потребности в общении; цель ОН соответствует исполняемому в той или иной повседневной практике ролям.
Доминанта общения	Ядерная зона. СО: обусловленность СО семейным «хронотопом», удовлетворение всех потребностей (коммуникативных и прагматических), связанных с существованием семьи, обслуживание повседневных семейных ситуаций; ОР: социальная и психологическая поддержка: информирование родственников о состоянии дел, доверительность, ритуализованность (традиционное участие в семейных мероприятиях); ДО: общность взглядов и интересов коммуникантов, удовлетворение их потребностей в доверительном общении, в духовной и социальной опоре. Периферийная зона. РО: проявление признаков общения смешанного типа в деловой коммуникации, возможная редукция статусно-ролевых

	отношений при установке на межличностный характер общения в условиях решения производственных задач; МДО: доверительно-межличностный характер коммуникации в деловой сфере; ОС: фокусированное взаимодействие с соседями (выделение адресата из круга других людей), установка на совместное решение бытовых проблем; ОН: коммуникативное взаимодействие адресата и адресанта на основе стереотипных представлений в условиях ограниченных знаний друг о друге (минимальная общность АБ или её полное отсутствие).
Характеристика общения	Ядерная зона. СО: неофициальное, преимущественно неформальное; инициативное / вынужденное; иерархически организованное, ролевое (основные семейные роли: муж / жена, мать / отец, сын / дочь, брат / сестра); межличностное / индифферентное (безразличное) Я; персонально адресованное / групповое; гомогенное / полигlossное (наличие «подъязыков»: муж – жена, родители – дети, дети – дети), основанное на широкой общей АБ говорящих, интимное. Возможно существование семейного «языка». В СО преобладает целеориентированная коммуникация, обеспечивающая функционирование семьи и определяющая ритм жизни, но велика и роль фатки, при этом нередко наблюдается взаимопроникновение фатки и не-фатки [4]. ОР: неофициальное, формальное / неформальное в зависимости от отношений коммуникантов, свободное, ролевое (роль гостя / хозяина, матери / отца, сына / дочери, брата / сестры, бабушки / деда, внука / внучки, свекрови и невестки, тестя / тёщи и зятя и др.), полигlossное, с ослабленными иерархическими отношениями между родственниками, объём АБ разных групп родственников не совпадает. ДО: неофициальное, неформальное, свободное, инициативное, индивидуально-избирательное, межличностное и групповое, ролевое (роль друга), паритетное по основному статусу – <i>друг / приятель</i> (не исключается, однако, социальное, ситуативное неравенство, неравенство в уровне компетенции по какому-либо вопросу); ритуализованное (возможны различные традиции). Характеризуется единством фатического и целеориентированного общения. В ДО формируется своя АБ коммуникантов, не в полной мере совпадающая с АБ членов семьи и родственников. Периферийная зона. РО и МДО рассматриваются как разновидности неофициального общения и общения смешанного типа. РО преимущественно вынужденное; межличностное, персонально адресованное, групповое; ролевое (роль коллеги / сотрудника); паритетное / непаритетное; формальное / неформальное. АБ коммуникантов в основном связана с профессией и местом работы; МДО – неформальное индивидуально-избирательное общение, которое носит частный, добровольный, более непринуждённый и эмоциональный характер, чем рабочее общение. ОС: (в рамках НО) неофициальное / смешанное; индивидуально-избирательное / вынужденное; межличностное / групповое, ролевое (роль соседа), паритетное / непаритетное; регулярное / нерегулярное; целеориентированное / фатическое. Общая АБ коммуникантов отражает факт их знакомства, бытовых контактов. ОН (в рамках НО) неофициальное / смешанное; ролевое; инициативное / вынужденное; конвенционально принятое / свободное; фокусированное /

	нефокусированное (скользящее); персонально адресованное / групповое / публичное / массовое; межличностное / деперсонализированное. Опосредованное общение (по Интернету, телефону, домофону) возможно практически во всех разновидностях общения.
Тематика общения	Ядерная зона. Во всех разновидностях общения тематика не ограничена, но можно выделить характерные темы: в СО – разговоры в процессе выполнения повседневных домашних дел и в периоды отдыха (дом, хозяйство, дети, другие люди, события и т. п.), обычно за развитием темы следят все коммуниканты; в ОР – информирование родственников о жизни и делах друг друга (для ситуаций застолья с большим количеством участников характерен тематический разнотоп); в ДО – важные события, семейные и рабочие отношения, увлечения. Периферийная зона. РО: тематика обусловлена кругом профессиональных обязанностей; МДО: деловые и личные разговоры, связанные с профессиональной деятельностью коммуникантов; ОС: в основном разговоры о хозяйстве, но в рамках фатического общения реализуются различные темы; ОН: город и происходящие в нём события (нередко актуальные политические события), транспорт, сфера обслуживания, погода и др.
Особенность и речи	Ядерная зона. Для СО характерны эллиптичность, спаянность с ситуацией, ритуализованность (соблюдают семейные устои), полигlossenность («языки» взрослых и детей), политематичность, полисубъектность, многожанровость, проявление стереотипного и индивидуально-творческого одновременно. СО свойственна речевая гомогенность, в нём реализуется специфическая система номинаций, характеризующаяся множественностью используемых лексических единиц. В каждой семье формируются свои семейные устои (семейный этикет). В ОР формируются этикетные традиции, которые не в полной мере совпадают с традициями в семьях разных групп родственников. По сравнению с СО, в ОР заметна повышенная степень этикетности. ДО свойственна речевая свобода, что предполагает возможность использования разностилевых пластов языка, речевой игры. Системы личных номинаций в ДО и ОР в полной мере не совпадают, хотя представлены несколькими (обычно от 1-го до 3-х) постоянными именованиями. Речевая гомогенность проявляется в ОР и ДО в зависимости от регулярности родственных / дружеских контактов. Периферийная зона. РО и МДО: в речи проявляются корпоративные нормы общения, широко используются разностилевые лексические пласты, в том числе пласт профессионализмов и терминов. В РО реализуется особая система номинаций лица, основанная на нескольких постоянных именованиях обычно от 1-го до 3-х). В МДО говорящие наделены большей речевой свободой, в ней в большей мере проявляется доверительность общения. ОС: речь обусловлена социально-статусными характеристиками коммуникантов, типом общения и ситуацией. Формальное ОС основано на использовании повседневных стереотипов, предполагающих формальное проявление вежливости. В неформальной коммуникации наблюдается отказ от стереотипов, расширение и углубление личной тематики, использование неформальных номинаций лица. ОН: речь преимущественно стереотипная, но в разных ситуациях

	возможны отступления от стереотипов, проявления экспрессии. Нередко наблюдается коммуникативное неравенство адресата и адресанта (адресат пассивен). Речь строится на соблюдении правил общего этикета, однако во многих ситуациях современного ОН наблюдается отступление от этих правил. В ОН реализуется специфическая система именований и обращений (как узуальная, так и индивидуальная) [1, 2].
--	--

Разговорная речь, как показали наблюдения, в представленных разновидностях неофициального общения имеет свои варианты.

Исследование поля НО с позиций функционального, антропоцентрического, социо-и психолингвистического направлений лингвистики существенно дополняет знания о русском языке и расширяет представления о повседневной жизни человека.

Библиографический список

1. Байкулова А.Н. Неофициальное общение и его разновидности: критерии выделения и реальное функционирование. Саратов : ИЦ «Наука», 2012. 196 с.
2. Байкулова А.Н. Устное неофициальное общение и его разновидности: повседневная речь горожан. Саратов: ИЦ «Наука», 2014. 216 с.
3. Макаров М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь : Изд-во Тверского ун-та, 1998. 200 с.
4. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М.: Русские словари, 1999. 396 с.

УДК 808.51

ОТВЕТНЫЕ РЕАКЦИИ НА КРИТИЧЕСКИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Т.С. Боц

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: tatyana.bots@mail.ru

В статье рассматриваются особенности вербального поведения президента России В.В. Путина при ответе на негативные оценочные суждения, содержащиеся в вопросе представителя СМИ в рамках ежегодной пресс-конференции. Часто в ответной реплике президента содержится оценка самого критического суждения, что позволяет использовать термин «мета-оценивание». Критерии, разработанные при создании методологии мета-оценивания позволяют проанализировать исследуемый материал.

Ключевые слова: политический дискурс, публичный диалог, вербальная реакция на критику, мета-оценивание.

RESPONSES TO CRITICAL STATEMENTS IN POLITICAL DISCOURSE

T.S. Bots

The article deals with the features of verbal behavior of Russian president V.V. Putin in response to the negative value judgments represented in the journalists' questions at the annual press conference. Often in his response the president assesses the critical judgment itself, that allows to use the term "meta-evaluation". Criteria developed at the creation of meta-evaluation methodology allow to analyze the material under study.

Key words: political discourse, public dialogue, verbal reaction to criticism, meta-evaluation.

Публичный человек часто становится объектом критики со стороны общества. Особенно актуальным это утверждение является для главы государства, которого считают ответственным за все общественно-политические события, не зависимо от их масштаба. Президент России В.В. Путин не является исключением. На ежегодной пресс-конференции ему приходится отвечать на вопросы журналистов, в которых передаются неодобрительные высказывания группы людей или отдельного человека. Е.Ю. Джандалиева выделяет четыре семантических типа неодобрения, одним из которых является осуждение. Говорящий считает себя носителем определенных норм и убежден, что собеседник сознательно нарушает их. Он рассчитывает на осознание собеседником своей ошибки, признание им неправоты или вины за совершенное действие [1, с. 14].

Ответная реплика президента может быть рассмотрена с точки зрения традиционного подхода к изучению коммуникативных стратегий и полемических приёмов. В этом случае можно сказать, что к наиболее частотным тактикам относятся тактика признания существования проблемы, тактика акцентирования положительной информации, тактика оспаривания, тактика переключения внимания, тактика нейтрализации [2].

Однако особый интерес представляет тип вербальных реакций, когда в ответной реплике президент оценивает саму критику, звучащую в вопросе. Поскольку критика понимается нами как оценка деятельности президента и правительства, то здесь будет уместно употребить термин «*мета-оценивание*». Впервые он был предложен Майклом Скривеном в 1969 году относительно оценки системы оценивания образовательных продуктов. Под этим термином М. Стивенсон подразумевает оценку самой оценки или лиц, производящих оценку [3, с. 228].

Набор критериев, разработанный при создании методологии мета-оценивания представлен одиннадцатью критериями, такими как: внутренняя валидность, внешняя валидность, достоверность, объективность, релевантность, важность, определённый диапазон изучения, надёжность и своевременность, распространение результатов,

эффективность. Основные критерии могут использоваться для анализа ответных реплик В.В. Путина. На их основе президент дает оценку высказывания с негативной оценочной семантикой, прозвучавшей в вопросе журналиста.

Рассматривая особенности эффективного поведения в споре, А.В. Стешов описывает похожий полемический приём, называя его «авторским комментарием». Суть это приема, по словам А.В. Стешова, состоит в «раскручивании» подтасовок, фальсификаций, ложных аналогий, софизмов и других уловок и злоупотреблений оппонента [4, с. 142].

Основными критериями, лежащими в основе ответной критики президента, являются:

I. Эффективность. Оценивая критические суждения по степени их эффективности, В.В. Путин оценивает гипотетическую способность этих высказываний влиять на принятие политических решений.

В целом, президент оценивает критику как положительное явление, свидетельствующее о существовании демократии. Он спокойно реагирует на негативные замечания, демонстрируя абсолютную уверенность. Уверенность в себе в совокупности с уважением к мнению народа способствуют укреплению положительного образа главы государства. В.В. Путин отмечает, что критика может приносить пользу, если воспринимать её как «*возможность оценить результаты своей работы*», а иногда даже имеет смысл «*прислушаться*». Рассмотрим следующие примеры:

Журналист:... При обсуждении вотума недоверия в парламенте правые упрекали Вас в том, что, в принципе, за Правительство отвечаете Вы, а не Премьер Касьянов.

Не могли бы Вы подробнее сказать, что Вы имели в виду: будет ли у нас Правительство, как на Западе, которое будет формироваться какими-то партийными коалициями? Кто возглавит это Правительство?

В.В. Путин: Мне всегда предъявляют какие-то упреки - то левые, то правые. И центристы, кстати, тоже. И это неплохо. Всегда есть возможность лишний раз оценить результаты своей работы (Пресс-конференция президента РФ В.В. Путина, 20 июня 2003 года).

II. Важность. В оценочном суждении, основанном на критерии важности, президент подчеркивает незначительность высказанного замечания. В первом из приведенных ниже примеров отрицательная оценка проявляется на лексическом уровне с помощью фразеологической единицы («*наводит тень на плетень*») со значением «вводит в заблуждение». Во втором примере слова «*текущий*» и «*сиюминутный*», не обладающие оценочной семантикой в своем словарном значении, приобретают его благодаря контексту. Слово «*полускандалный*» само по себе содержит оценочную сему.

Так что там, где **критика конструктивная**, мы к ней **прислушиваемся**, но если просто, как у нас в народе говорят, **тень на плетень наводят – пропускаем мимо ушей** (Пресс-конференция президента РФ В.В. Путина, 23 декабря 2004 года).

Журналист: ...И еще хочу спросить: критика, поступающая из Вашингтона, относительно Вашей приверженности демократии – играет ли она роль в плане предстоящей встречи с Президентом Бушем в следующем году?

В.В. Путин: За всеми **текущими, сиюминутными, полускандальными** либо просто привлекающими внимание общественности вещами тактического характера я бы просил вас не забывать эти основополагающие вещи, лежащие в основе наших отношений с Соединенными Штатами (Пресс-конференция президента РФ В.В. Путина, 23 декабря 2004 года).

III. Объективность. Критерий объективности служит для оценки непредвзятости высказываемых критических замечаний. Трудно быть объективным, оценивая политику другого государства. Сказывается и искаженность фактов, и внешнеполитическая конкуренция. Причиной необъективности может быть и пресловутое желание показать своё превосходство на политической арене. Президент резко негативно относится к такой стратегии поведения. Обнаруживая в оценочном высказывании подобную необъективность, В.В. Путин выражает свое отрицательное отношение, указывая на противоречие международным соглашениям и порядочности, при помощи насмешки и иронии («нравится только последнее словечко *«imperium»*, «себя, любимых»).

Журналист: Возвращаясь к вопросу в начале пресс-конференции по поводу продажи «Юганскнефтегаза». Много критики слышно в последнее время, причем не только в прессе, со стороны экспертов на Западе, но и со стороны официальных представителей американской администрации, госдепа. Как Вы это воспринимаете? Беспокоит ли Вас это?

В.В. Путин: ...Вы знаете, юристы знают такое замечательное, основополагающее для гражданского судопроизводства правило: *Par in parem non habet imperium*. Для людей другой профессии поясню: это означает, что равный над равным права не имеет. Это абсолютно с **международно-правовой точки зрения неприемлемо**, это несоблюдение так называемой международной вежливости, и это не моральная категория, а правовая категория в международном частном праве.

Если нашим коллегам вот в этой известной, приведенной мною фразе, в этой «латинской ерунде» **нравится только последнее словечко «imperium»**, причем они распространяют его прежде всего на **себя, любимых**, то тогда должен сказать, что нас такой порядок строительства международных отношений, конечно, не устраивает (Пресс-конференция президента РФ В.В. Путина, 23 декабря 2004 года).

IV. Надежность и своевременность. Президент оценивает высказывание, основываясь на критерии своевременности, когда идеи критикующих лиц отличаются от современных тенденций развития государства. Например, когда ставится под сомнение необходимость интеграции России в мировое сообщество. В ответной реплике В.В. Путин использует определенную лексику, чтобы вызвать у аудитории ассоциации с устаревшими реалиями. Например:

Журналист: Владимир Владимирович, скажите, пожалуйста, чем руководствовалась Россия при выборе приоритетных направлений для вступления в «восьмерку»? Что это за направления? Что бы Вы ответили скептикам, которые считают, что России не место в «восьмерке»?

В.В. Путин:...Что касается недоброжелателей, о которых Вы упомянули, которые говорят о том, что России не место в «восьмерке», – я знаю, что такие записные недоброжелатели нашей страны есть. Они все еще остались в прошлом веке, все это специалисты в области советологии. Несмотря на то, что Советский Союз прекратил свое существование, они все еще там, потому что другой специальности у них нет (Пресс-конференция президента РФ В.В. Путина, 31 января 2006 года).

V. Достоверность. Критерий достоверности лежит в основе критики высказываний, основанных на несостоятельных аргументах, т.е. непроверенных фактах о реальных событиях внутренней и внешней политики России.

Особенно эмоционально В.В. Путин реагирует на неодобрительные высказывания со стороны западных журналистов. Первичная часть ответной реплики президента стоит на оппозиции «свой-чужой». Л.В. Балашова отмечает, что одним из компонентов, входящих в ядро концепта «свой» в политическом дискурсе, являются местоименные варианты лексемы-репрезентанта – *мы, наши* и т.п., которые за счет грамматической категории числа актуализируют признаки «многочисленность» и «единство» [5, с. 41]. В ответной реплике президента на вопрос представителя западных СМИ противопоставлены лексемы «*мы*» и «*вы*» с целью подчеркнуть превосходство во владении достоверной информацией относительно обсуждаемого вопроса и убедить в этом аудиторию.

Журналист (Ассошиэйтед пресс, США): Во время Вашего президентства Вы говорили о том, что Россия – европейская страна с европейской культурой и ценностями. Но иногда Россия поддерживает такие мнения, такой режим в бывшем Советском Союзе, которые, видимо, не разделяют этих ценностей. Я имею в виду, например, события в Андижане, российскую поддержку узбекской позиции по этим событиям. Вы не считаете, что эти подходы несовместимы?

В. Путин: Я не считаю, что эти подходы несовместимы, тем более что мы лучшие, чем вы, знаем, что произошло в Андижане, и мы знаем, кто, где, в каком объеме готовил тех людей, которые подожгли ситуацию в Узбекистане и, в частности, в этом городе (Пресс-конференция президента РФ В.В. Путина, 31 января 2006 года).

Предъявляемые обвинения выглядят надуманными и недостоверными, если они не подкрепляются конкретными фактами и цифрами, а также отсутствует ссылка на авторитетные источники. В рассматриваемом примере недостаток конкретных фактов в высказывании компенсируется такими словами как «ряда лет», «много», «складывается впечатление». Поэтому президенту легко нейтрализовать подобное оценочное суждения. Например:

*Журналист: В прошлый раз, Владимир Владимирович, мы собирались на такую же большую пресс-конференцию в Сколково, потому что Сколково на протяжении **ряда лет** был приоритетом, это считалось точкой роста для всей страны. Им очень **много** обещали, и денег туда **очень много** было выделено, а сейчас **складывается впечатление, что процесс затормозился**. Какой Вы видите судьбу Сколково, этого молодого наукограда?*

*В.ПУТИН: У Вас так вопрос прозвучал – там может быть скрытый смысл, что от меня исходят какие-то импульсы, связанные с торможением развития Сколково. Уверяю Вас, что **это к действительности не имеет никакого отношения**... (Пресс-конференция президента РФ В.В. Путина, 20 декабря 2012 года).*

Следует отметить, что в ряде случаев метаоценочные высказывания в ответных репликах президента строятся на основе сразу нескольких критериев. Обнаружение несостоятельного аргумента по нескольким параметрам позволяет наиболее эффективно нейтрализовать критическое высказывание.

В результате анализа ответных реплик президента, построенных на основе критериев методологии мета-оценивания, были обнаружены различные лексико-семантические средства, целью которых является нейтрализация отрицательной оценки. Как показало исследование, основным условием успешного использования метаоценочных высказываний является способность внимательно слушать своего оппонента и использовать его критику против него самого.

Библиографический список

1. Джандалиева Е.Ю. Вербальные реакции адресата на неодобрительные высказывания (на материале немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008. 26 с.
2. Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России. Астрахань: Изд-во Астрахан. гос. техн. ун-та, 2004. 196 с.

3. Scriven M. Evaluation Thesaurus. Newbury Park, CA: SAGE Publications, 1991. 408 p.
4. Стешов А.В. Как победить в споре. О культуре полемики. Ленинград: Лениздат, 1991. 191 с.
5. Балашова Л.В. Реализация концептов «свой-чужой» в российском политическом дискурсе начала XXI века // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2014. №1. (47). С. 40-50.

УДК 811.161.1'42

РОЛЬ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ЕДИНИЦ КОММУНИКАЦИИ В РЕАЛИЗАЦИИ ФАКТОРОВ АВТОРА И АДРЕСАТА В РАДИОРЕЧИ

Е.Ю. Викторова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: helena_v@inbox.ru

Статья посвящена изучению функционирования вспомогательных коммуникативных единиц, выполняющих регулятивные функции в англоязычных радиопередачах. Исследуется роль этих единиц в реализации фактора автора и фактора адресата.

Ключевые слова: вспомогательные коммуникативные единицы, дискурсивы, фактор автора, фактор адресата, радио, коммуникация.

THE ROLE OF SATELLITIC SPEECH UNITS IN REALIZING THE AUTHOR AND THE ADDRESSEE FACTORS IN RADIO COMMUNICATION

E.Yu. Viktorova

The article studies functional potentials of satellitic speech units performing regulative functions in radio communication. The research is focused on the role of these units as a means of realizing the author and the addressee factors.

Key words: satellitic speech units, discourse markers, author factor, addressee factor, radio, communication.

Вспомогательные коммуникативные единицы (далее ВКЕ) рассматриваются нами как особая система транскатегориальных единиц, основное предназначение которых состоит в помощи адресанту в оформлении речи на стадии создания и реализации дискурса и в помощи адресату в восприятии дискурса. ВКЕ – единицы второго, вспомогательного уровня коммуникации, передают информацию коммуникативно-прагматического характера. Эти единицы отражают взаимодействие между автором речи и ее адресатом, передают

информацию в оценочно-интерпретационном, контакто-регулирующем плане межличностных отношений. Кроме того, ВКЕ направлены на организацию дискурса, его связность и цельность, на ориентацию в нем адресата для оптимального восприятия информации [1-5]. В русистике единицы такого рода известны как дискурсивы или дискурсивные слова [1, 2, 4], в англистике более популярен термин «дискурсивные маркеры» [6, 7]. Данная статья посвящена функционированию дискурсивов в устной разновидности публицистического дискурса, а именно в англоязычной радиоречи.

Материалом для данного исследования послужили монологические и диалогические радиопередачи на английском языке 2012-2014 годов. Монологические передачи представлены авторскими передачами американских радиожурналистов и политиков «Программа Гленна Бека», «Радиошоу Тома Хартманна» и др., диалогические – интервью с известными политиками и журналистами, прозвучавшие на британских, канадских, австралийских, американских радиостанциях. Общий объем исследованных материалов составил около 27000 словоупотреблений.

Одна из целей публицистического дискурса – оказать воздействие на аудиторию, изменить (или сохранить) картину мира и ее оценку адресатом, его эмоциональное состояние, убедить, побудить к действиям. Одним из факторов, повышающих эффективность воздействия, является участие в общении адресата, вовлечение его в размышления и рассуждения автора. В радиокоммуникации фактор адресата обладает первостепенным значением: здесь особенно важно установить и поддержать контакт между говорящим и слушателем на этой основе делиться своими размышлениями, убеждать, воздействовать на его сознание и эмоции. Важен в радиовещании и фактор автора – его авторитет, его журналистское мастерство, уровень коммуникативной и языковой компетенции, выраженная авторская позиция, умение расположить к себе и гостей, и слушателей передачи. Все это формирует необходимое для достижения конечного результата доверие, что и обеспечивает эффективное взаимодействие с непосредственными участниками радиопередачи и, что важно, с радиослушателями [8-10].

Важную роль в реализации воздействующей функции речи, фактора автора и адресата играют ВКЕ. Они помогают актуализировать позицию автора, создают впечатление непосредственного общения со слушателем, облегчают восприятие им услышанного и управляют его вниманием, а также представляют свою позицию и свое лицо в наиболее привлекательном виде. Грамотное использование ВКЕ, несомненно, способствует тому, что в современной радиокоммуникации появились субъективизация и даже интимизация общения, доверительная и сопереживательная тональность изложения. Диалогичность и личностная

ориентация общения стали конструктивными, фундаментальными свойствами радиовещания [8, 10].

Те ВКЕ, которые специализируются на реализации фактора автора и адресата, мы называем дискурсивами-регулятивами, которые в нашем материале представлены следующими разновидностями: авторизирующими конструкциями; дискурсивами-перформативами; сигналами, повышающими и понижающими категоричность суждения; оценки содержания и своей речи; этикетными дискурсами; дискурсивы, выражающие дополнительные смыслы; дискурсивы-акцентивы; дискурсивы-эмотивы и дискурсивы-адресации.

И в изученных нами монологах, и в диалогах регулятивы составляют большинство всех зарегистрированных ВКЕ: на них приходится 74% от всех ВКЕ в монологах и 72% в диалогах. При этом в монологах один регулятив приходится на 16 словоупотреблений, в диалогах – один на 13, что означает, что в английских диалогических радиопередачах дискурсивы-регулятивы используются немного чаще, чем в монологических. Количественное доминирование регулятивных дискурсивов объясняется необычайной важностью для радиокommunikации тех задач, которые они решают. Регулятивные функции направлены на обе стороны общения – авторов (ведущих) радиопередачи и слушателей. В диалогах регулятивные дискурсивы предназначены участниками беседы и друг для друга. Дискурсивы-регулятивы отражают авторский взгляд на проблемы, рассуждения, выражают отношение и оценки автора, расставляют акценты, выделяют главное, устанавливают связь со слушателем, обращаются к нему напрямую. Связующие и структурирующие функции дискурсивов-организаторов (которые остались за рамками данной статьи) тоже очень важны, однако в устной речи связи между высказываниями или частями дискурса часто не выражены эксплицитно.

В данной статье мы рассмотрим те разновидности регулятивов, которые имеют наибольшую частоту употребления в исследованных нами радиопередачах. Самым частотным подтипом дискурсивов-регулятивов и в диалогах, и в монологах оказались авторизирующие дискурсивы, представленные конструкциями с местоимениями 1-го лица (всего 673 употребления): дискурсивы мнения и знания (*I/we know, I/we believe, I think*), а также указания на действия говорящего по ходу беседы (*I'll try and give you the condensed version ...; I'll give you just one example*) или на его различные действия в прошлом (*I'd been a Consulate officer in Jeddah, Saudi Arabia*). Представители англосаксонской культуры – это высоко ценящие отдельную личность индивидуалисты, и говорить о себе у них не считается невежливым. Напротив, считается, что такие конструкции придают речи четкость, ясность, искренность, уверенность. Причем в монологах *we*-конструкции с инклюзивным значением встречаются в два

раза чаще конструкций с *I*. Преобладание *we*-конструкций объясняется политической направленностью изученных текстов, а именно их пропагандистско-агитирующей, пафосной риторикой, активными призывами к национальному сплочению, олицетворением говорящего со своей аудиторией (*We generally have the same fears. We are all afraid of being alone. We are afraid of failing. We are all afraid that we are not as good as we should be* (Glenn Beck Program)). Большинство таких конструкций весьма эмоциональны, входят в состав параллельных оборотов и оказывают сильное воздействующее влияние на аудиторию: *We are a nation that is being torn apart at the seams <...> because we are not looking for the things that bring us together; We need to plant our flag in some places where we know we are on the right side* (Glenn Beck Program). *I really want to talk to you about this compass I have been working on* (Glenn Beck Program). Многие авторизующие дискурсивы, состоящие из местоимения и глагола относятся нами к синкретичным, так как одновременно сочетают в себе фактуальную и регулятивную информацию. Эти дискурсивы, с одной стороны, сообщают о совершенных или совершаемых действиях говорящего, т.е. передают факты, а с другой стороны, усиливают личностную направленность, субъективизм изложения, подчеркивают ответственность говорящего за предоставляемые сведения, создают особую атмосферу коммуникации, в которой говорящий может и хочет выражать свое мнение, говорить о своих впечатлениях, предпочтениях, своем опыте и т.п.

В диалогах конструкции с местоимениями 1-го лица еще более частотны, чем в монологах: ср. 286 употреблений в монологах и 387 в интервью. Однако здесь преобладают *I*-конструкции, на их долю приходится 80% всех авторизующих регулятивов: *I think, I believe, I imagine, I (don't) know, I mean, I gather*. Например: *I think a very large number of your listeners identify in the abstract with an underdog; I don't think anyone knows the extent to what he's done bad things; I haven't the faintest idea, I had nothing to do with that; Now perhaps I'm just being a benign optimist, but I know that I've been roundly assused in the sorts of places you would imagine I might be, for not leaping to the defence of the Toronto Star reporter* (interview with C. Black).

Другие разновидности регулятивов – перформативные конструкции, оценки содержания, оценки речи, сигналы снижения категоричности, дополнительных смыслов, акцентивы в англоязычных радиодиалогах и монологах встречаются приблизительно с одинаковой частотой. Авторизующие ВКЕ, сигналы повышения категоричности, этикетные единицы встречаются чаще в диалогах, а регулятивы-адресации и эмотивные дискурсивы – в монологах. Регулятивы-адресации, казалось бы, более типичные для диалогического общения, тем не менее, чаще употребляются в монологе, потому что монологическая радиоречь

напрямую обращена к слушателю. Преобладание этикетных сигналов в диалоге можно объяснить необходимостью соблюдать нормы вежливости в межличностном общении, которое происходит в радиостудии. Возможно, отсюда вытекает и меньшая частотность в диалоге эмотивных дискурсивов, так как эмоции могут сдерживаться именно присутствием в студии собеседника.

Дискурсивы-акцентивы являются вторыми в списке самых частотных разновидностей регулятивов и в монологах, и в диалогах (всего 322 употребления). Самыми популярными английскими акцентивами стали наречия *really* и *very*, относительно частотны *right*, *actually*, *exactly*, *only*, *truly*: *If you don't have millions, you can't buy that kind of security in this country, which is **really** tragic when you think about it. I mean, it's **profoundly** tragic* (Thom Hartmann); *It's time to wake up to the fact that there are **very** real human values that are part of a successful experience of life* (Thom Hartmann).

Третьими по количеству употреблений регулятивами оказались дискурсивы-адресации (191 употребление) и дискурсивы снижающие (174) и повышающие (184) категоричность высказывания. В радиоинтервью адресации, представлены в основном обращениями (*dear friends, believer sin peace, patriots*), «хвостиками» разделительного вопроса (*isn't it?*) и императивами (*think of this, guess, look, remember, consider it for a minute*). В монологах эти средства намного более разнообразны и частотны. Помимо императивов похожих на приведенные выше, здесь встречаются клише *you know*, призывы к совместным действиям (*let's look at ...*), актуализаторы (*right?, okay?*), косвенные вопросы (*let me ask you*), риторические вопросы (*do you see any solutions?*) и т. д. Приведем примеры адресаций из монологов: *And this is, **you know**, Reaganomics 101, **right?** This is how it was designed. **Remember David Stockman?**; Now the bottom 9% of us make 4% of all income in the United States. **Excuse me**, these are income gains. **Let me** include the word gains* (Thom Hartmann). Примеры из диалогов: ***Michael**, thank you so much for joining us this evening; That's an important point. **Folks**, I want you to wake up right now, **can you repeat that**, one more time, for them, please, **sir?*** (interview with M. Springman); *And you didn't ask questions during the course of the week because questions began to be raised very early on in the week, **as you know**; Therefore it leads to the obvious question, you should go, **shouldn't you?*** (interview with G. Entwistle).

Что касается дискурсивов повышающих и понижающих категоричность, то их соотношение в изученных монологах и диалогах разное. Так, интервью с политиками и журналистами содержат больше средств категоричности, чем некатегоричности. Самым часто употребляемым дискурсивом категоричности является модальный глагол *should*, довольно частотны также *of course*, *need*, *obvious(ly)*, *have to*, *certainly*. Например: ***Of course** accuracy is important. I didn't say anything inaccurate* (interview with C. Black); *We **need** to have very, very clear facts;*

*But you'd **obviously** be thinking it will cost a lot more that Labor said it would cost; – They knew this was a dog from the get-go. – Well, they **certainly should** have. They **certainly** had plenty of warnings about it* (interview with M. Turnbull); *We now **have to** be clear and we **have to** find out what exactly happened* (interview with G. Entwistle). В трех последних примерах мы видим, что дискурсивы категоричности *certainly* и *haveto* употребляются по два раза в одном предложении, иногда в параллельных конструкциях. Эти повторы являются не следствием спонтанности речи или неумения подобрать синонимы, но расцениваются нами как намеренные, целенаправленные стилистические приёмы повышения категоричности высказывания и усиления его воздействия на слушателя. В этих повторах слышится напор говорящего, его огромное желание быть услышанным и донести до аудитории свои мысли и убеждения.

Среди менее стандартных единиц категоричности можно выделить *sure(ly)*, *(I've) no doubt*, *we have to be clear*, *I'm certain*, *I'm determined*. Например: ***Surely**, the national broadcaster would have said that is an issue of public interest* (interview with M. Turnbull); ***I don't doubt** the Star would not be hesitant to sue him if it really is a slander* (interview with C. Black).

Среди дискурсивов, понижающих категоричность, лидирует модальный глагол *can*, например: *The whole purpose of making some board changes and some management changes is so that we **can** get the plain, unvarnished facts* (interview with M. Turnbull). Большой частотностью отмечен и глагол *would*, выражающий нереальную модальность: *And other people **would** simply say, you **can** change your mind now or wait until the Consul General reverses you* (interview with M. Springman). Изредка для снижения категоричности используются сигналы неопределенности *a kind (sort) of*, *in a way*, приблизительности *around*, *about*, модальные слова *probably*, *perhaps*, *maybe*, *possibly*, а также прямые указания на сомнения говорящего – *I doubt*. Например: *It will cost a lot more that Labor said it would cost – **about** \$40 billion **or thereabouts*** (interview with M. Turnbull); *When people ask questions about – this is **perhaps** where we should get to your own future* (interview with G. Entwistle); ***I doubt** if anyone wants to waste time chatting with me; All over the world people believe the BBC to be one, or **possibly** the only, honest voice; Events **sort of** pre-empted the thing and, er, I had hoped not to need to issue a statement* (interview with L. McAlpine).

В отличие от диалогических передач в радиомонологих средства категоричности представлены в меньшем количестве употреблений и в меньшем разнообразии, чем средства некатегоричности. Чаше других здесь встретилась отрицательная форма *can't*, которая в интервью в качестве частотной не отмечена. Например: *Now why **can't** people govern themselves?; If you don't have millions, you **can't** buy that kind of security in this country; You're not free if you're sick and you **can't** pay for it* (T. Hartmann). Остальные частотные сигналы категоричности

представлены глаголами *have to*, *need*, *should*: We **need** to be seriously *looking at the way they've done it in other countries that actually works* (T. Hartmann); *You're the group of people that will actually end up in the end saving the country from profound darknes, but we **have to** follow a pattern* (G. Beck); *Yes, I just said Chris Christie **should** resign. I laid out the reasons, I don't think there **should** be even a question left about that at this point* (S. Leser). Другие средства повышения категоричности представлены единичными употреблением дискурсивов *frankly*, *quitehonestly*, *apparently*, *oughtto*, *clearly*. Например: *Austerity isn't for the good of the economy – or **frankly** even for the good of the people*; *Well, the press is reporting that there was an incident at the Occupy DC movement – a brick thrown at a cop – **apparently** in court they said it was just a plactic bottle* (T. Hartmann).

Как и в интервью, в монологах средства категоричности часто используются в параллельных конструкциях: *And the path is becoming much more clear to me, but we **have to** take off the mask. We **have to** start seeing each other. We **have to** start being real. We **have to** be authentic. We **have to** love each other, even though we don't like each other. We **have to** say the hard thing because if you really, truly love someone else, you will tell them the tough truth* (G. Beck). В этом отрывке мы видим шестикратное использование модального глагола *have to* с местоимением *we*. Такие многократные повторы свидетельствуют о действительно большой роли, которую играют в устной массмедийной речи модальные глаголы долженствования как средства убеждения и воздействия на аудиторию. В состав параллельных конструкций могут входить и дискурсивы некатегоричности: *When that one happens, it's trouble, because this, why am I doing that when I **could just** steal it, when I **could just** take it, when I **can just** play the party game, and I'll **just** take it?; **Maybe** it's not the stuff that we're doing. **Maybe** it's not all of that. It's the stuff that we are not doing* (G. Beck).

Самыми частотными сигналами некатегоричности в монологах оказались *can*, *would*, *could*, *maybe*, *might*, *may*. Например: *I think we **can** safely say a couple of things about bridge-gate at this point* (S. Leser); *Now it's much worse now, but that's the place we **could** start*; *The Iraqis <...>**may** be too immersed in their own belief of Sharia Law to embrace liberty*; *And there's a couple of ways that people **would** go. You **would** either become an egomaniac, which, quite honestly, I was afraid **would** happen to me.* (G. Beck). Изредка встречаются менее стандартные дискурсивы с значением неопределенности, приблизительности, выражающие сомнение или допущение: *arguably*, *I have doubts*, *more or less*, *no promises*, *assuming*, *on average*, *in a way*, *or so*, *about*, *in some ways*. Например: *You know this is the, **arguably** the most expensive way to house the homeless, instead of putting them in giant warehouse buildings*; *In fact restaurant servers, **on average**, make \$2.13 an hour*; *If you look at the era from 1917, you know **more or less** the end of World*

War I, until 1981, the beginning, the year that Ronald Reagan was sworn into office (Т. Hartmann). Таким образом, в англоязычных радиомонологх средства категоричности количественно преобладают над средствами категоричности, а в диалогах больше дискурсивов категоричности.

Итак, многие дискурсивы-регулятивы реализуют важные для радиокommunikации факторы автора и адресата, они связаны как с выражением своего мнения, самопрезентацией, так и с ориентацией на слушателя, установлением диалога, а именно эти задачи являются приоритетными в радиообщении. Безусловно, частота употребления практически всех дискурсивов вообще и авторизирующих в частности во многом диктуется индивидуальными предпочтениями, речевыми привычками, темпераментом, уровнем культуры речи говорящего.

Библиографический список

1. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. М.: Метатекст, 1998. 446 с.
2. Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство: сб. ст. / Сост. К. Киселева, Д. Пайар. М.: «Азбуковник», 2003. 206 с.
3. Сиротинина О.Б. Дискурсивные слова и их отношение к пунктуационной системе русского языка // Исследования по семантике. Вып. 24. Уфа, 2008 (6). С. 476-480.
4. Андреева С.В. Конструктивно-синтаксические единицы устной русской речи. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2005. 192 с.
5. Викторова Е.Ю. Дискурсивные слова: единство в многообразии // Известия Саратовск. ун-та. 2014. Т. 14. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 1. С. 10-15.
6. Schiffrin D. Discourse Markers. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987. 364 p.
7. Lenk U. Discourse Markers // Handbook of Pragmatics. Amsterdam: John Benjamins Publ. Co., 2005. P. 1-17.
8. Прозоров В.В. Власть и свобода журналистики. М.: Флинта: Наука, 2005. 272 с.
9. Стернин И.А. Социальные факторы и публицистический дискурс // Массовая культура на рубеже XX-XXI веков: Человек и его дискурс. М.: Азбуковник, 2003. С. 91-108.
10. Кормилицына М.А. Некоторые итоги исследования процессов, происходящих в языке современных газет // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 8. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2008. С. 13-34.

НАУЧНАЯ И НАИВНАЯ ЯЗЫКОВАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ В ЗОНЕ НАИМЕНОВАНИЙ ПЛОДОВ РАСТЕНИЙ

А.В. Воздвиженская

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: annanorova@yandex.ru

В статье на примере отношений гипонимии исследуется соотношение научной и наивной категоризации в ассоциативных полях стимулов плод, овощи, фрукты, ягоды.

Ключевые слова: категоризация, картина мира, гипонимия, родовидовые отношения.

SCIENTIFIC AND NAÏVE LANGUAGE CATEGORIZATION IN SPHERE OF FRUIT NAMES

A.V. Vozdvizhenskaya

The article studies relations between scientific and naïve categorization based on hyponymy in associative fields for the following stimuli: fruit (=плод), vegetables, fruit (=фрукты), berries.

Key words: categorization, world image, hyponymy, genus-species relations.

Анализ научной и наивной категоризации осуществляется в данной работе на материале ассоциативных данных Русского ассоциативного словаря (РАС) и Ассоциативного словаря школьников Саратова и Саратовской области (АСШС), а также результатов эксперимента, который проводился автором в сентябре-октябре 2014 года среди студентов гуманитарных и технических вузов. Всего в эксперименте приняло участие 160 испытуемых. Предметом исследования является соотношение научной и наивной категоризации на примере отношений гипонимии (рода и вида в репрезентации в языке) в ассоциативных полях стимулов плод, овощи, фрукты, ягоды.

Рассмотрим стимулы, представляющие базовый уровень сознания, т.е. срединный по отношению к более высокому – суперординатному – и более низкому – субординатному, благодаря которым структурируется информация об окружающем мире [1, с. 83]. Уточним словарное толкование слов «фрукт», «овощ», «ягода» (нас интересуют только прямые, переносные значения).

1. МАС:

ФРУКТ – съедобный сочный плод некоторых деревьев и кустарниковых растений;

ОВОЩИ – огородные плоды и зелень, употребляемые в пищу (огурцы, морковь, помидоры, свекла и др.);

ЯГОДА – небольшой сочный плод кустарниковых и травянистых растений.

2. Толковый словарь русского языка под ред. С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой:

ФРУКТ – сочный съедобный плод каких-н. деревьев (обычно садовых);

ОВОЩИ – выращиваемые на грядках корнеплоды, луковичные, листовые и некоторые другие растения, а также сами их плоды;

ЯГОДА – небольшой сочный плод кустарников, полукустарников, кустарничков и травянистых растений.

Все приведенные толкования являются системными, так как толкуют слово, противопоставляя его другим словам и выделяя родовой и дифференциальный признаки. Родовой признак, общий для рассматриваемых номинаций, – это понятие «плод», являющееся элементом научной картины мира. Дифференциальные признаки определяют размер («небольшой» – у ягод), тип растения, от которого получают продукт (деревья, кустарники, полукустарники), место произрастания (сад, огород, грядка). Толкование слова «фрукт» включает также сему «съедобный». По мнению Е.В. Дзюбы, применительно к фруктам в наивной картине мира субкатегория «съедобность/несъедобность» не актуальна для носителей русского языка, так как при обыденном понимании фрукты «априорно являются съедобными». [2, с. 38]. Однако существуют фрукты, использующиеся только для декоративного садоводства и не пригодные в пищу, что прямо противоречит словарному толкованию. Как мы видим, словарные толкования представляют собой комбинацию знаний наивной и научной картины мира, что, впрочем, объясняется их функциональной заданностью.

Обратимся к собственно научной классификации. В ее рамках выделяются следующие виды плодов: зерновка, стручок, костянка, ягода, яблоко, тыква, соплодие. Как видно, «фрукты» и «овощи» – не входят в данную классификацию, эти слова не являются терминами научной картины мира, воплощенной в системе ботанических понятий. «Ягода» является видом плода, яблоко – вид плода и род по отношению к названиям плода таких деревьев как айва, груша, яблоня, рябина, боярышник. В научной классификации ягода определяется как плод диаметром от 0,3-0,4 см. до 22 см., или длиной до 30 см. С точки зрения научной классификации «ягода» определена в толковом словаре не вполне корректно, так как плод таких размеров нельзя назвать «небольшим».

В статьях РАС сфера референции, отображающая родо-видовые отношения, представлена широко: 35% от общего количества реакций на стимул фрукт относятся к гипонимии, на стимул овощ – 46%, а на стимул ягода – 59%. Однако родовой признак для респондентов оказывается неактуальным: реакция *плод* присутствует только в ассоциативном поле стимула овощ и является единичной. В ассоциативном поле стимула ягода гиперонимы отсутствуют, единственный гипероним, полученный на стимул фрукт, – это *сладкое* (им актуализируется сема «еда»).

Гораздо полнее и разнообразнее в ассоциативных полях РАС представлены гипонимы. Реакции-гипонимы на стимул фрукт образуют собой группу с явно выделенной ядерной зоной, куда входят *апельсин* (7% от общего количества реакций) и *яблоко, яблоки* (7% от общего количества реакций). Остальные реакции (*банан, вишня, киви, манго, персик, персики, слива*) единичны. Реакции-гипонимы на стимул овощ составляют 15% от общего количества ответов, но ядерную группу выделить среди них невозможно, так как ни одна реакция не имеет значительного количественного превосходства. Все реакции гипонимической сферы на стимул ягода приходятся именно на гипонимы. В данном случае реакция *малина* является прототипом или «лучшим примером» (по терминологии Э. Рош) категории, так как на ее долю приходится 40% реакций из 59%, относящимся к гипонимии.

Итак, вертикальная категоризация в рассматриваемых ассоциативных полях стремится к конкретизации, так как поля имеют большое количество гипонимов, среди которых часто можно выделить ядерную и периферийную зоны. В отличие от этого толковые словари, опираясь на научную категоризацию, представляют интересующие нас номинации через родовой признак «плод». Появление среди гипонимов, например, реакции *вишня* на стимул фрукт, реакции *чернослив* на стимул ягода свидетельствуют о пересечении границ ассоциативных полей.

Эксперимент, проведенный нами с группами студентов, был направлен на выявление лучших примеров категорий «фрукты» и «овощи». Респонденты должны были дать письменно 5 реакций на заданный устно стимул.

В полученной в результате матрице в соответствие стимулу фрукт из возможных 800 позиций были заполнены 798, в соответствие стимулу овощи – 796, что говорит хорошей разработанности поля у участников эксперимента. Это подтверждается и наличием в ответах номинаций экзотических плодов, не распространенных в России, например *папайя, фейхоа, дуриан, кумкват*.

Материал эксперимента также подтверждает отсутствие четкого разграничения между интересующими нас группами слов. Так, например, *арбуз* причислен респондентами и к овощам, и к фруктам, в то же время

анкеты с примерами фруктов изобилуют названиями ягод (*вишня, смородина, ежевика, клубника, малина, черника* и др.).

Горизонтальная ось категоризации в ассоциативных полях РАС интересующих нас стимулов выглядит следующим образом (табл. 1):

Табл. 1. Доли реакций-согипонимов в ассоциативных полях слов-стимулов
фрукт, овощ, ягода

Реакции-согипонимы		
на стимул <u>фрукт</u>	на стимул <u>овощ</u>	на стимул <u>ягода</u>
<i>овощ, овощи, и овощи – 12% ягода – 1%</i>	<i>фрукт, фрукты – 32% ягода – 1%</i>	–

Слова «фрукты» и «овощи» в русском языке образуют пару, которая интуитивно выделяется из общего множества названий еды, однако не имеет однословного наименования как категория. Фрукты и овощи, вероятно, образуют в наивном сознании особую категорию, так как являются обобщенными названиями плодов или частей растения, употребляемых в пищу. Фрукты не требуют дополнительной обработки и употребляются в пищу в качестве отдельного блюда: «сладкого», десерта, как это было представлено в ассоциативном поле статьи РАС. Овощи чаще требуют приготовления и подаются в качестве гарнира. В магазинах по правилам товарного соседства они могут храниться вместе в отделе, называемом «фрукты-овощи». Вероятно, отсюда берет свое начало устоявшееся название данной пары. Высокая частотность реакции *овощ, овощи* на стимул фрукт свидетельствует об устойчивости связи членов пары в сознании респондентов. Обратная связь также наблюдается: *фрукт, фрукты* – это самая частотная реакция на стимул овощ в статье РАС, составляющая 32% от общего количества ответов.

Перейдем к анализу обобщающего слова «плод». Оно является компонентом научной категоризации, а как лексическая единица общего языка имеет несколько значений. Словарь под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой выделяет три основных значения:

ПЛОД – 1. часть растения, развивающаяся из завязи цветка и содержащая семена; 2. организм человека (животного) в утробе матери (самки); 3. (перен.) порождение, результат чего-н.

В статье АСШС на стимул плод представлено 552 реакции. Наиболее полно в ассоциативном поле стимула плод заполнены следующие группы:

- родо-видовые отношения;
- характеристики;
- прецедентные тексты;
- компоненты ситуации.

Каждое из значений слова, данное в толковом словаре, подробно представлено реакциями одной из групп ассоциативного поля. Группа «характеристики» соотносится со всеми тремя значениями. Нас интересует родо-видовая группа.

Группа реакций, характеризующая родо-видовые отношения по данным АСШС, отражает только вертикальную категоризацию: согипонимов в ассоциативном поле не находим. Все реакции этой группы актуализируют первое значение толкового словаря (плод как часть растения). На стимул плод находим только одну реакцию-гипероним: *продукт*. Она актуализирует сему «еда», но на нее приходится только 0,2% общего количества реакций, что нельзя считать показательным.

Реакции-гипонимы представлены в поле стимула плод (АСШС) разнообразно и включают несколько групп слов. Это, во-первых, реакции *ягода, ягоды, фрукт, фрукты, овощ, овощи*, они составляют 5% от общего количества реакций и являются гипонимами по отношению к стимулу, но в то же время и обобщающими словами по отношению к другим гипонимам. Во-вторых, наибольшее количество слов относится к группе «съедобные плоды»: *яблоко, груша, манго, персик, ананас, арбуз, вишня, огурец, капуста* и др. Как видим, здесь представлены фрукты, овощи и ягода. Группа «несъедобный плод» представлена единичной реакцией *желудь*.

Анализ данных толковых и ассоциативных словарей на примере групп «фрукт», «овощ», «ягода», «плод» позволяет увидеть, насколько сложны и многогранны взаимоотношения научной и наивной картин мира и, конкретнее, – научной и наивной категоризации. Толковые словари не всегда четко разграничивают наивные и научные представления, так как они не имеют строгих границ в сознании носителей языка. Ассоциативные поля актуализируют наиболее важные для сознания носителей языка зоны референции. Это позволяет утверждать, что родо-видовая категоризация играет в рассмотренной группе слов важную роль. Однако сами поля часто пересекаются, их компоненты не всегда соответствуют словарным значениям и редко – научной классификации.

Библиографический список

1. Cruse D.A. Prototype theory and lexical semantics // Meanings and prototypes: studies in linguistic categorization. L., 1990. P. 382-402.
2. Дзюба Е.В. Субкатегоризация как когнитивный феномен: овощи, фрукты, ягоды, орехи в русском когнитивном сознании // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. №2. Т.7. С. 33-42.
3. Ассоциативный словарь школьников Саратова и Саратовской области: электронная версия / Сост. В.Е. Гольдин, А.П. Сдобнова, А.О. Мартыанов. Саратов: Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, 1998–2008.
4. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд. М.: Русский язык, 1981-1984. Т. 1, 4.

5. Русский ассоциативный словарь: электронная версия URL: <http://www.tesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения: 20.03.14).
6. Толковый словарь русского языка под ред. С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой: электронная версия, 1992. URL: <http://www.ozhegov.org> (дата обращения: 20.03.2015).

УДК 821.161.1.09-31+929 Гоголь

ПРОБЛЕМА ХРОНОЛОГИИ В ИСТОРИЧЕСКИХ ФРАГМЕНТАХ СБОРНИКА Н.В. ГОГОЛЯ «АРАБЕСКИ»

Т.А. Волоконская

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: tatianavolokonskaia@gmail.com

Статья посвящена анализу проблемы хронологии в исторических фрагментах сборника Н.В. Гоголя «Арабески»: «Главе из исторического романа» и «Пленнике». Отмечается, что при несомненной тематической близости исторические фрагменты «Арабесок» не имеют хронологического единства. Точная датировка событий лишается какого-либо значения; время истории, условными эпизодами которой оказываются «Глава...» и «Пленник», замкнуто в неразрываемый цикл. Такое разрушение хронологии позволяет автору актуализировать в исторических событиях вечные смыслы, необходимые современной ему эпохе.

Ключевые слова: Гоголь, время, хронология, история, предыстория.

CHRONOLOGICAL PROBLEM IN HISTORICAL FRAGMENTS FROM N.V. GOGOL'S "ARABESQUES"

T.A. Volokonskaya

This article is devoted to analysis of chronological problem in historical fragments from N. V. Gogol's "Arabesques": "A Chapter from a Historical Novel" and "The Prisoner". It is marked that the historical fragments do have an undoubted subject proximity, but no chronological unity. The precise dating of events is occurred to be meaningless. "A Chapter" and "The Prisoner" are found to be the suppositional episodes of the story whose time is closed as an insurmountable loop. Such a chronological transgression allows the author to emphasize in historical events the everlasting senses, necessary for his contemporaries.

Key words: Gogol, time, chronology, history, background.

Специфическое течение времени в произведениях Гоголя неоднократно становилось объектом исследовательского внимания. М.Я. Вайскопф говорит об «обратной временной перспективе» в организации годового цикла «Вечеров на хуторе близ Диканьки»: «...календарные сроки действия повестей располагаются в обратном

порядке по отношению к их последовательности в пределах сборника, то есть слов но в обратном времени» [1, с. 241]. Хронологические сбои в «Старосветских помещиках» Ю.М. Лотман объясняет тем, что изображаемый в них мир – «ахронный. Он замкнут со всех сторон, не имеет направления, и в нем ничего не происходит. Все действия отнесены не к прошедшему и не к настоящему времени, а представляют собой многократное повторение одного и того же <...> любое, в том числе и однократное, событие в принципе ничего нового не вносит и может еще много раз повториться» [2, с. 270]. Но и переход от циклического представления времени к линейному, образно говоря, «не выпрямляет» хронологию гоголевских текстов. Даже в «Мертвых душах», как отмечает В.Ш. Кривonos, «странные метаморфозы и алогичные деформации изображенного Гоголем времени делают невозможной его правдоподобную конкретизацию и усиливают "неопределенность", так что время года действительно "неизвестно"» [3, с. 75].

Для сборника «Арабески», с его повышенным интересом к историческому развитию человечества, эта проблема приобретает особую важность. Конечная цель «Арабесок» – преодоление разрушительного действия времени с помощью актуализации вечных смыслов в сиюминутном. В так называемых «фрагментах исторического романа» – отрывках «Глава из исторического романа» и «Пленник» – эта тенденция, однако, ведет к тому, что точная датировка изображаемых событий теряет свое значение и становится максимально затруднительной для исследователей.

Специальное гоголевское примечание к «Главе из исторического романа», объявлявшее ее и фрагмент «Пленник» сохранившимися эпизодами романа «Гетьман», отмечает Л.В. Дерюгина в комментарии к третьему тому нового полного собрания сочинений и писем Гоголя в 23 томах, «не привлекло внимания критики при выходе Ар., зато вызвало повышенный интерес библиографов и историков литературы после смерти автора» [4, с. 560]. Исследовательница лаконично обобщает наблюдения В.П. Гаевского, В.И. Шенрока, И.М. Каманина, Ю.Г. Оксмана, И.Я. Айзенштока и В.П. Казарина [см.: 4, с. 560-563], сводя их к двум вариантам интерпретации «исторического романа» в «Арабесках». Ученые либо вовсе отрицают отношение «Главы...» и «Пленника» к составу «Гетьмана», либо полностью доверяют гоголевскому объяснению, исторической убедительности произведений предпочитая литературную. Первую группу можно дополнить рассуждениями В.Д. Денисова, считающего единство фрагментов «проблематичным»: «...несмотря на одну и ту же дату создания и одно место действия – под Лубнами на Полтавщине, между ними нет никаких сюжетных и вообще смысловых связей. И если действие в "Главе..." относится ко временам Хмельницкого (1650-м годам), то дата «1543 год» в «Пленнике» указывает на время, когда

ни реестровых войск, ни украинских гетманов еще не могло быть» [5, с. 458]. Общими для двух текстов исследователь признает только «мотивы готического романа, позволяющие отнести время действия к мифологически-средневековому периоду на Украине» [6, с. 21]. Вторая традиция истолкования еще в 1924 г. получила авторитетную поддержку со стороны В. В. Гиппиуса, отказавшегося от рассмотрения хронологических ошибок во фрагментах как несущественных с точки зрения сюжета: «Гоголь легко сбивался в хронологии даже на целое столетие (то же в «Тарасе Бульбе»; где то 15-й, то 16-й, то 17-й век) <...>. Поэтому все дошедшие отрывки можно считать отрывками «Гетьмана» и говорить только о двух замыслах Гоголя – о «Гетьмане» и "Тарасе Бульбе"» [7, с. 61]. В конце концов, как полагает Андрей Белый, «Гоголя не интересует точность; с него довольно: в некоторое время, в некотором пространстве» [8, с. 84].

Как бы то ни было, определенная связь между «Главой...» и «Пленником» наблюдается с точки зрения функционирования в этих фрагментах мотива заколдованного места – особого «порогового» пространства, в котором осуществляется переход от жизни к смерти и наоборот [см.: 9; 10, с. 145-150; 11, с. 45-48; 12, с. 15-18]. В «Пленнике» наемники-головорезы определяются емкой характеристикой – «кромешники» [4, с. 179], то есть пришедшие «с крома» (кромка, граница) – извне, с необитаемых территорий, где водится только нечисть, в определенном смысле – из ада [см.: 13, т. 2, с. 198]. Их вторжение в нормальное, обитаемое людьми пространство разрушает оберегающую его границу. В «Главе...» «нечистый польский пан» и шайка его хлопцев, которые после смерти будут «плясать в пекле, только не по своей воле, а подгоняемые горячими вилами чертей», относятся к тому же «кромешному» типу, и их незаконные действия напрямую приводят к возникновению «окаянного места» [4, с. 28, 29], где кровоточит сосна и раздается в лесу зауспокойное пение. Однако если бы проявления мотива заколдованного места было достаточно для объединения «Главы...» и «Пленника», то к обрывкам «Гетьмана» стоило бы отнести и произведения обоих малороссийских циклов Гоголя.

Проблема хронологии в исторических фрагментах «Арабесок», впрочем, никак не разрешается простым включением их в состав предполагаемого романа или исключением из него. И в том, и в другом случае загадочной остается последовательность, в которой тексты публикуются в составе сборника: более поздняя по времени действия «Глава...» занимает третье место в первой части, тогда как опережающий ее на столетие «Пленник» ставится Гоголем на третью же от конца позицию во второй части. Тем самым, безусловно, достигается определенная симметрия в композиции цикла, но временной вектор при этом в прямом смысле слова поворачивается вспять.

Значимым для нас моментом становится наблюдение В.Д. Денисова о финале предания, которое Глечик в «Главе...» сообщает Лапчинскому: «Куда же делся после того схимник, этого никто не скажет вам. <...> Теща рассказывала года за четыре, когда была еще при памяти, что встретила однажды в лесу дьявола в красном жупане, в каком ходил и покойный пан» [4, с. 30]. «Появление пана-дьявола в красном жупане предваряет легенду о красной свитке в повести "Сорочинская ярмарка"» [5, с. 382], – отмечает комментатор «Арабесок» в издании сборника в серии «Литературные памятники». А в вышедшей за год до этого статье он пишет о необъяснимом раздвоении предания: «...есть пан, который раскаялся, принял Православие, стал схимником, и он же – нераскаянный пан-дьявол "в красном жупане"» [14, с. 17]. Эпизод «Сорочинской ярмарки» о красной свитке становится замыкающим звеном в хронологической цепи, публикуемой, таким образом, в обратном порядке, от конца к началу: «Сорочинская ярмарка» – «Глава из исторического романа» – «Пленник». Выход в свет «Миргорода» добавляет еще один текст в эту последовательность. Странный облик церкви в «Пленнике» («Нижняя половина церкви была каменная и, можно сказать, вся состояла из трещин; обожжена, закурена порохом, почерневшая, позеленевшая, покрытая крапивою, хмелем и дикими колокольчиками, носившая на себе всю летопись страны, терпевшей кровавые жатвы» [4, с. 178]) неожиданно отзывается в трагическом конце Хомы Брута: «Испуганные духи бросились, кто как попало, в окна и двери, чтобы поскорее вылететь, но не тут-то было: так и остались они там, завязнувши в дверях и окнах. <...> Так навеки и осталась церковь, с завязнувшими в дверях и окнах чудовищами, обросла лесом, корнями, бурьяном, диким терновником, и никто не найдет теперь к ней дороги» [15, с. 217].

Сюжетное время истории (тот порядок, в котором она предъявляется читателю) оказывается противоположным времени фабульному. М.Я. Вайскопф пишет о подобной ситуации с хронологией «Носа», где «простое сложение линейного времени фантасмагорической фабулы с "обратным", зеркальным временем самого фантасмагорического сюжета» дает в итоге «идею фикции, соединяющую в нуль все логические "плюсы" и "минусы" построенного мира» [1, с. 69, 70-71]. Уточним важный момент: исторические фрагменты «Арабесок» буквально создают вокруг себя «нуль» – замкнувшуюся в круг дурной бесконечности историю. Действительно, «Вий», выступающий в качестве «начального» звена цепи, публикуется Гоголем в составе «Повестей, служащих продолжением "Вечеров на хуторе близ Диканьки"», где была помещена «Сорочинская ярмарка» – «конечное» звено. Функцию времени в этом подчеркнуто условном литературном тексте, по выражению М.Я. Вайскопфа, «выполняет темпорально окрашенная последовательность идейно-образных связей, организующих сюжет» [1, с. 53].

Вариативный финал легенды о замученном дьяконе наглядно демонстрирует то распадение истории, к которому приводят авторские игры со временем. Прошлое здесь предстает в качестве безграничного хранилища мнимых или подлинных истоков настоящего, поэтому история становится важна не сама по себе, а как предыстория конкретного происшествия. Судьба «нечистого пана» наделяется двумя развязками: он одновременно и раскаявшийся схимник, и «дьявол в красном жупане» – противоречие между этими версиями разрешается взаимной аннигиляцией их смыслов.

Получается, что время у Гоголя сохраняет свою важность только в том случае, если оно наполняется сюжетно значимыми действиями. Невнимание (как персонажа, так и автора) к течению времени приводит к его принципиальной отмене. В образующемся в результате таких трансфигураций «мифологическом пространстве», считает Ю.М. Лотман, «перемещение из одного locus'a в другой может протекать вне времени» [16, с. 63] вовсе. То есть мгновенные превращения видимой действительности у Гоголя – это переключение из одного пространственного плана в другой, сопровождаемое остановкой сюжетного времени. Так, Лапчинский, увлеченный своим новым знакомым и его историей, не замечает, как таинственный спутник с «лицом какого-нибудь упыря, выдававшимся по временам из непробудного болотного тумана и сеявшим искры чудного огня», заводит его в какое-то странное место, возникшее едва ли не только что: «"...видишь ли сосну, вон далеко, далеко чернеет перед нами?" – и путник, к удивлению своему, точно увидел сосну. Каким образом зашла она сюда, когда во всей почти этой стороне Малороссии, на расстоянии, может быть, по сту верст во все стороны, взор не отыскивал этой суровой жилицы Севера?» [4, с. 27] Обратная хронология здесь выражается в том, что не предыстория определяет суть происходящего явления, а наоборот, явление (а точнее – акт рассказывания о нем) необходимо требует возникновения предыстории, главным свойством которой становится не логичность, не внутренняя непротиворечивость, но убедительное объяснение нужного рассказчику и современного ему факта. Фиктивное (литературно оформленное, а порой даже выдуманное) прошлое используется для изменения настоящего. М.Я. Вайскопф приводит подобные примеры из «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и «Миргорода»: «В "Вечере накануне Ивана Купала" творческим словом преобразается минувшая жизнь: дед тут рассказывает не то, что было, а "что, бывало, ни скажет, то именно так и было". И напротив, можно отменить прошлое, объявив его литературной фантазией, – так поступает Гоголь в ироническом предисловии к повести о двух Иванах» [1, с. 241]. История, таким образом, подменяется человеческой памятью – зыбкой и податливой для внешних влияний.

Авторский произвол в обращении с хронотопом исторических фрагментов безыскусно обнажается в первой же фразе «Главы...»: «Между тем посланник наш переехал границу, отделяющую ныне Пирятинский повет от Лубенского» [4, с. 24]. Путь Лапчинского оценивается с позиций современной Гоголю географии, то есть странные превращения, в сферу влияния которых герой попадает в результате встречи с Глечиком, возникают вследствие того, что он пересекает не существующую для него границу! Пространственное перемещение Лапчинского совершается разом в двух временных периодах: с точки зрения самого персонажа и фабулы фрагмента – в XVII в., а с точки зрения автора и сюжета «Главы...» – в XIX в. «Время повествования» в поэтике Гоголя оказывается важнее и могущественней «времени события» [см.: 17]. Н.А. Платонова описывает целую «концепцию времени» в текстах писателя, «согласно которой прошлое и будущее «опрокидываются» в настоящее и максимально сближаются. Это сближение позволяет сопрягать противоположные и линейно развивающиеся временные модели, далеко отстоящие друг от друга» [18, с. 458]. Таким образом, историческое прошлое в «Главе...» и «Пленнике» привлекается не столько ради своей самостоятельной ценности, сколько для объяснения современной автору эпохи, переживающей итоги многолетнего развития человечества.

Библиографический список

1. Вайскопф М. Птица тройка и колесница души: работы 1978-2003 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 576 с.
2. Лотман Ю.М. Художественное пространство в прозе Гоголя // В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь: кн. для учителя. М.: Просвещение, 1988. С. 251-293.
3. Кривонос В.Ш. «Мертвые души» Гоголя: пространство смысла. Самара: ПГСГА, 2012. 311 с.
4. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем. В 23 т. Т. 3. Арабески / тексты и коммент. подготовили С.Г. Бочаров, Л.В. Дерюгина. М.: Наука, 2009. 1017 с.
5. Гоголь Н.В. Арабески. СПб.: Наука, 2009. 510 с.
6. Денисов В.Д. Ранняя гоголевская проза (1829–1834): пути развития, жанровое своеобразие, типология героев: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2012. 45 с.
7. Гиппиус В. Гоголь // Гоголь / В. Гиппиус. Н.В. Гоголь / В. Зеньковский; [к сб. в целом] предисл., сост. Л. Аллена. СПб.: Logos, 1994. С. 9-188.
8. Белый А. Мастерство Гоголя: исследование. М.; Л.: ОГИЗ, 1934. 353 с.
9. Ищук-Фадеева Н.И. Мир Гоголя как «заколдованное место» // Н.В. Гоголь и народная культура: сб. докладов VII Гоголевских чтений. URL: http://old.domgogolya.ru/storage/documents/readings/07/ishchuk-fadeeva_n_i_-_mir_gogolya_kak_zakoldovannoe_mesto.pdf (дата обращения: 06.03.2015).
10. Кривонос В.Ш. Гоголь: проблемы творчества и интерпретации. Самара: СГПУ, 2009. 420 с.
11. Кривонос В.Ш. Фольклорно-мифологические мотивы в «Петербургских повестях» Гоголя // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1996. Т. 55. №1. С. 45-48.

12. Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. 2-е изд., доп. М.: Худож. лит., 1988. 413 с.
13. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз.: Медиа, 2003. Т. 4.
14. Денисов В.Д. Фрагменты исторического романа Н.В. Гоголя как арабески // Вестник Томского государственного университета. 2008. №316. С. 15-20.
15. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. В 14 т. Т. 2. Миргород / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); гл. ред. Н.Л. Мещеряков; ред. В.В. Гippiус [и др.]. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 764 с.
16. Лотман Ю.М. Избранные статьи. В 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. 480 с.
17. Валгина Н.С. Теория текста: учеб. пособие. М.: Логос, 2003. URL: <http://evartist.narod.ru/text14/01.htm> (дата обращения: 06.03.2015).
18. Платонова Н.А. Роль повести «Портрет» Н.В. Гоголя в становлении теории художественного пространства и времени // Материалы докладов XV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» / отв. ред. И.А. Алешковский, П.Н. Костылев, А.И. Андреев. М.: Изд-во МГУ: СП МЫСЛЬ, 2008. С. 458-460. URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2008/22_14.pdf (дата обращения: 06.03.2015).

УДК 821.161.1.09-31+929 Гоголь

МОЛВА КАК ТЕМПОРАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОВЕСТЕЙ Н.В. ГОГОЛЯ)

Л.А. Ефремычева

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: larisa_efr@mail.ru

В статье рассматривается молва с точки зрения ее темпоральных характеристик. В качестве иллюстрирующих примеров используются тексты повестей Н.В. Гоголя и русские пословицы. Обращение к феномену молвы как к филологической проблеме позволяет подчеркнуть особую природу толков: их связь с категориями прошедшего, настоящего и будущего времени.

Ключевые слова: молва, Гоголь, коммуникация, пословицы, слава.

RUMOUR AS A TEMPORAL PHENOMENON (ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN PROVERBS AND THE STORIES BY N.V. GOGOL)

L.A. Efremycheva

This article is devoted to analysis of the rumour from the point of their temporal characteristics. The Material of the Russian Proverbs and the Stories by N.V. Gogol helps to cite examples. Working on the phenomenon of the rumour as a philological issue we can emphasize the specific nature of the rumours: their close ties with category of past, present and future tenses.

Key words: rumour, Gogol, communication, proverbs, fame.

В области гуманитарных наук отдельное место занимают смежные категории, лексические множества, которые становятся объектом комплексного исследования, требуют междисциплинарного подхода к их изучению. Одной из таких смысловых доминант можно назвать понятие «молва».

Молва рассматривается учёными как архетипическое явление (К. Юнг), социально-культурный код, присущий человечеству и являющийся неотъемлемой частью его речевого поведения. Всепроницающее действие явлений молвы, особенности их структуры, широкое хождение, высокая функциональная и смысловая нагрузка определяют внимание к ним исследователей различных дисциплин: от коммуникативистики до социальной психологии и социологии. Обширная база теоретических работ отражает многоаспектность того устно-речевого пласта, которое находится в центре нашего внимания.

Вездесущая, молниеносная, затихающая, безапелляционная, молва обладает таким зарядом действия и притяжения, что может влиять на информационные потоки, а также общественное мнение, составлять неотъемлемую часть межличностной коммуникации, переходить в категорию исторического анекдота или мифа, а также затейливо менять движение сюжета в художественном пространстве литературных произведений.

При изучении молвы мы прежде всего старались подойти к ней как к филологической проблеме, признавая ее в качестве нечеткого речевого множества [1, с. 153]. Постановка этой проблемы отражена в статье В. В. Прозорова «Молва как филологическая проблема» [1, с. 153-159]. Опираясь на работы Г.Г. Почепцова и Ю.В. Рождественского, учёный описывает специфику «огромного и вечного пласта текучей культуры человеческого общения» [1, с. 159], подчеркивая, что этот феномен «вызывает к сосредоточенному исследовательскому вниманию» [1, с. 159].

По определению Даля, молва – это «общий говор, громкая, шумная беседа» [2, с. 341]. Похожие значения мы встречаем в Словаре русского языка XVIII века: молва – это шум, ропот, выражение неудовольствия; то, что передают от одного к другому; весть, слух [3]. Ряд современных словарей также используют схожий синонимический ряд для определения термина.

Мы занимаемся изучением мотивов молвы в малой прозе Николая Васильевича Гоголя. В его повестях на место привычной, упорядочивающей логики зачастую приходит хаотическое, сбивающее с толку всезнание и уводящая из царства здравого смысла случайность, чрезвычайность. Художественное пространство смысла произведений

Гоголя обнаруживает особую природу молвы с точки зрения её темпоральных свойств.

«Мышление Гоголя как бы трехмерно, оно все время включает в себя модус: “А если бы произошло иначе”» [4, с. 694], – отмечает Ю.М. Лотман. Это свойство поддерживается в том числе и за счет действия слухов, которые создают потенциальные варианты развития событий, предлагают версии, объясняющие даже невероятные происшествия, подсказывают возможные ситуации. Неслучайно сферу молвы В.Ш. Кривонос называет «вероятной реальностью» [5, с. 186]. «Неисчерпаемый запас возможностей жизни» [4, с. 696], который, по мысли Ю.М. Лотмана, и определяет «реализм» Гоголя, на наш взгляд, включает в себя разнообразные речевые проекции (событий и характеристик героев), которые создаются за счет толков. Природа молвы двойственна: «В семантике “промежуточности”, “соединения несоединимого” здесь как бы свернута функция слуха как синтетического, переходного, адаптивного культурного устройства» [6, с. 75], – отмечает Б.В. Дубин. Двойственность толков выражается, в том числе, в их особенностях развития во времени. Сочетание различных хронологических планов делают молву эффективной речевой схемой (зачастую осознанно или невольно переходящую в манипуляцию), в которой уверенность настоящего поддерживается отсылками к прошлому и приближает будущее.

Чтобы подробнее оценить коммуникативный потенциал молвы и её риски, мы обратимся к текстам малой прозы Гоголя. Мы убеждены, что попытка приблизиться к пониманию универсального для всей сферы человеческих взаимодействий и взаимовлияний речевого феномена, должна включать в себя обращение к столь же универсальным формам выражения смысла, поэтому будем также прибегать к материалам русского пословично-поговорочного наследия, опираясь на авторитетный сборник русских пословиц В.И. Даля. Это позволит нам выделить ряд характеристик, которые и укажут на специфику молвы как темпорального феномена, а также проиллюстрировать их примерами. Сразу отметим, что понятие молвы чаще всего описывают как раз через комплекс специфических, только ей присущих особенностей, связанных как с процессом распространения информации, так и с особым статусом ретрансляторов.

1. Ускоренное течение коммуникации, суетливый характер молвы. Быстродействие толков связано с их диалогической природой, направленностью на развитие сюжета слухов через их уточнение и дополнение. «Худые вести всякого вестовщика опереживают» [7, с. 430]: мгновенное распространение молвы и способность включать в коммуникацию неограниченное число участников позволяет её сообщениям разрастаться в геометрической прогрессии за короткое время.

В произведениях Гоголя среди обыденных, непримечательных пересудов нет-нет и мелькнёт что-то будоражащее персонажей, вносящее новые повороты в развитие сюжета. Молве в повестях писателя может сопутствовать состояние открытия. Именно его Ю.В. Манн назвал «ключом к гоголевским произведениям» [8, с. 181]. «Тут важно, в частности, само понятие «открытия» – на самом деле ложного открытия, – превратно меняющего направление действия» [8, с. 181], – уточняет исследователь. Состояние неустойчивого мира передано в том числе через нечеткие возгласы-окрики молвы.

К примеру, в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» в момент возможного разрешения конфликта – встречи взглядом двух главных героев на собрании у Городничего – «дамы, которые до того времени были заняты довольно интересным разговором о том, каким образом делаются каплуны, вдруг прервали разговор» [9, с. 271]. Ключевая для ситуации слухообразования характеристика «вдруг» очень точно отражает непредсказуемое, подсознательно желанное стремление отвлечься на общеинтересное событие. В потоке будничных пересудов выделяется тот слух, который обладает зарядом сенсационности, способно вызвать открытие.

Течение молвы протекает в области «быстрого» времени: «В городе (В Питере) рубят, по деревням (по городам) щепки летят» [7, с. 430]; «Иван был в Орде, а Марья вести сказывает» [7, с. 431]. Ускоренное развитие коммуникационного процесса, сосредоточенное ожидание развития и углубления сообщений, торопливое включение в коммуникативную цепочку новых передатчиков – все это характеризует молву как катализатора общения: и межличностного, и группового. В этой связи можно говорить о таких определяющих свойствах толков, как настроенность адресатов и адресантов на получение новой информации и повышенное внимание к теме. Молва меняет само восприятие времени, переводя его в сферу любопытствующего интереса и рефлекторно возникающего ожидания новых слухов.

2. Циркуляция молвы как механизм возрождения тем в новых контекстах. Толки обладают способностью возбуждать всеобщее внимание бесконечное число раз, формируя представление об актуальности. По определению Т. Шибутани, слухи – это «циркулирующая форма коммуникации, с помощью которой люди, находясь в неоднозначной ситуации, объединяются, создавая разумную ее интерпретацию, сообщая используя при этом свои интеллектуальные потенции» [10, с. 394]. Такая атрибуция позволяет соотнести толки с циклическим типом времени.

Молва сиюминутна. И одновременно с этим самоуверенна в своем желании продлить время циркуляции информационного повода. Заряд актуальности, который несет в себе молва, выражается в ее стремлении

оказаться «к месту», мгновенно отозваться уместными деталями и развернутыми версиями. При этом толки ищут опору в универсальности рассказанного. Важность сообщения подчеркивается отсылками к «вневременному», «абсолютному», «всемерному». Неслучайно, в отрывке «Рим» вечное и гармоничное характеризуется отсутствием шума – безмолвием, которое особенно выразительно после сцен бесконечных пересудов римлянок, населявших отдаленную улицу. «Гоголевский Рим, как он является в финале повести, – это идеальный и абсолютный Зрительный Образ: неподвластный лживому Слову, неподвластный времени, он существует только в пространстве, а потому вечен» [11, с. 115], – уточняет В. Паперный.

В гоголевских повестях, начиная с цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки», рассказы интересны в момент их актуализации, то есть тогда, когда мы следим за ситуацией в настоящем и имеем возможность сопоставить события разных временных и пространственных плоскостей. Вспомним, когда Вакула из повести «Ночь перед Рождеством» находится в Петербурге, слух о его смерти уже разносился по хутору.

М. Виролайнен отмечает, что в мире Гоголя действует принцип «одновременности и сосуществования»: слово не «фиксирует предмет в его однозначности» [12, с. 315]. Преображающая сила молвы в данном случае соотносится с вариативностью версий и их параллельной генерацией. Хаотическую природу общего говора, в который, как в воронку, попадают разнородные разговоры, подчёркивает авторское описание в «Сорочинской ярмарке»: «Разноголосные речи потопляют друг друга, и ни одно слово не выхватится, не спасется от этого потопа; ни один крик не выговорится ясно» [13, с. 115]. Метафорическое сопоставление с потоком, потоком закладывает в понятие «толков» признак постоянного движения, неожиданного развития. Текучесть и временная рассогласованность рассказов дают им дополнительный импульс к тому, чтобы циклически возрождаться: с прибавлениями или усечениями в содержании.

Всплески интереса к молве неравномерны. Мгновенная реакция на сообщение может обернуться столь же стремительным спадом внимания к нему. Молва актуализирует какую-либо информацию на время стороннего внимания к ней и дает возможность «*продлить*» жизнь вести.

Атмосфера динамической изменчивости благотворна для слухов. Она их стимулирует, ей же они и характеризуются. В «Петербургских повестях» слухи эхом вторят происходящему, травестируют фантастичность случившегося. В этих сюжетах уже нет того таинственного флера, которым окутаны доносящиеся в «Вечерах» рассказы. Нет и обостренно-внимательного к ним отношения. Мимолетные известия на время занимают скучающих горожан.

3. Опора на предзнание [1, с. 159], **обращение к «факту» прошлого как отправной точке для развития сюжета слуха.** Зачастую используя в качестве неопровержимого доказательства житейский опыт, молва основывается на безапелляционном авторитете свершившегося, того, что уже принято на веру. К примеру, в повестях цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки» толки получают дополнительный импульс для развития, черпая сюжеты в фольклорных формах. «Молва зачастую апеллирует к мифам, и молве случается как бы нечаянно, ненароком порождать, производить на свет мифы разной временной прочности», – отмечает В.В. Прозоров [1, с. 154].

Андрей Белый видит в произведениях Гоголя «смещение перспективы культом старины, преданий, легенд Украины» [14]. И если легенды сдвигают эту перспективу в сторону прошлого, то молва возвращает её к настоящему. Чутко реагируя на всплывающие подробности и изменяясь под действием реакции слушателей, она обновляет фольклорные сюжеты, пропуская их сквозь кривые зеркала. Толки наполняют «дивное» живым движением и обеспечивают циркуляцию старинных преданий. Ловко приспособившись к меняющимся коммуникативным условиям, слухи охотно подхватываются персонажами повестей и даже выходят из-под их контроля.

Время причудливо меняет свой ход, закручивая в одну воронку додуманное, услышанное, представляемое и помянутое. Такое прихотливое сближение обнаруживается не только в разговорах о фантастическом и необъяснимом, но и в бытовых сценах: «В старину у нас, бывало, я помню, гречиха была по пояс; теперь Бог знает что. Хотя, впрочем, и говорят, что теперь всё лучше» [13, с. 304], – вспоминает матушка Григория Григорьевича Сторченко из повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка». Похожий эффект достигается и в «Сорочинской ярмарке»: припоминаемая красная свитка «сталкивает» в течение сюжета время, к которому относится предание, и время, в котором разворачиваются главные действия.

4. Приближение будущего. Несмотря на то, что молва правит в царстве настоящего времени, её любопытствующее ожидание, стремление к открытию актуализирует категорию будущего времени. Например, в повести «Майская ночь, или Утопленница» художественное время принимает фазу «незавершенности»: Ганна сначала внимательно слушает Левко, а после продолжает размышлять об этом. Именно она добивается от возлюбленного рассказа о страшном доме. «Теперь-то не засну, если не расскажешь. Я стану мучиться да думать...» [13, с. 156].

В повести «Тарас Бульба» категория будущего времени позволяет не только усилить нарастание конфликта и ускорить художественное время, удерживая читательское внимание, но и акцентировать особенности ратной риторики. Создавая сценарии развития событий, ораторы

ссылаются на возможную молву. «Сколько ни живу я на веку, не слышал я, паны братья, чтобы козак покинул где или продал как-нибудь своего товарища» [9, с. 125], – убеждает растерянных запорожцев Касьян Бовдюг. Речь Мазепы войску, которую приводит Д.Н. Бантыш-Каменский в «Истории малой России», также заканчивается предостережением, обращенным к чувству долга: «Позаботимся о пользах своих, предупредим опасность. Сего требует от нас потомство. Страшимся его проклятий» [15, с. 101].

Со страхом перед посрамлением и с признанием казацкой общности связано аккумулирующее свойство славы. Поэтизированное запорожское товарищество накладывает на его членов ряд негласных обязательств: любая провинность может незамедлительно обесчестить воина, стать грязным пятном на репутации всего братства.

Именно с категорией будущего времени связано предусмотрительное отношение к чужим наговорам, страх перед судом людским. Молва связывается в представлении говорящего со сторонней оценкой, неизбежной и непредсказуемой реакцией окружения. Другими словами, толки могут выступать в качестве незримого, властного контролера. Потенциальное распространение слухов вселяет ощущение страха или, по крайней мере, заставляет заранее подумать о последствиях: «Грех не беда, молва нехороша. Что-то скажут на улице!» [7, с. 430].

Появление «чужого» активного мнения приводят к появлению информационного «воздуха», пространства, в которое можно вовлечь другого независимо от его желания: «От языка (молвы) не уйдешь» [7, с. 432]; «Говоря про чужих, услышишь и про своих» [7, с. 433]. Ощущение неизбежности пересудов рождает тревожное бессилие перед властной молвой.

Материалы русского пословично-поговорочного корпуса и повестей Гоголя доказывают, что Слово Произнесенное наделено особыми свойствами: действенной мощью, риторической магией, но и двуличием, пустяковостью, проворностью. Подобное соединение приводит к шаткому балансу между вечным и сиюминутным, оттеняя молву временным безмолвием.

Аллегорическое описание жилища Молвы, предложенное Овидием в двенадцатой книге «Метаморфоз», рисует место, которое расположено посреди неба, суши и моря. Оно названо «пограничьем трехчастного мира». Мы считаем, что толки как речевая и социальная универсалия разворачиваются еще и на «пограничье трехчастного времени». «Звук всепроницаем и потому способен соединять разомкнутые пространства и времена» [16, с. 46], – подчеркивает медиативную роль звука Т.А. Агапкина. Соединение прошедшего, настоящего и будущего рождает

особую силу молвы. Предчувствие, предзнание способны выкристаллизироваться в факт, который мгновенно подхватится и разнесётся по цепочке коммуникантов. Условность молвы способна переходить в уверенность, а возможность предположения – в свершившееся событие.

Библиографический список

1. Прозоров В.В. Молва как филологическая проблема / До востребования...: избранные статьи о литературе и журналистике. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2010.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1989. Т. 2.
3. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Ю.С. Сорокин. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–1991. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 19.03.2015).
4. Лотман Ю.М. О «реализме» Гоголя // О русской литературе. СПб.: Искусство-СПБ, 1997.
5. Кривonos В.Ш. Городской фольклор в повестях гоголя // Новый филологический вестник. 2007. №2. Т. 5. С. 178-188.
6. Дубин Б.В. Речь, слух, рассказ: трансформации устного в современной культуре / Слово – письмо – литература: Очерки по социологии современной культуры. М.: НЛЮ, 2001.
7. Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Классическая и современная проза, 2008.
8. Манн Ю.В. Заметки о «неевклидовой геометрии» Гоголя, или «Сильные кризисы, чувствуемые целою массою» // Вопросы литературы. 2002. №4. С. 170-200.
9. Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки. / Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 2. М., 1937.
10. Цит. по: Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2001.
11. Паперный В. Повесть «Рим», город Рим и мессианизм позднего Гоголя // Гоголь и Италия: материалы Междунар. конф. «Н.В. Гоголь: между Италией и Россией». М., 2004.
12. Виролайнен М. Замкнутый мир / Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности. СПб., 2003. С. 315.
13. Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки. / Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 1. М., 1940.
14. Белый А. Мастерство Гоголя. М.;Л.: ОГИЗ, 1934. С. 13. Цит. по: Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» [Электронный источник]. URL: feb-web.ru. Дата обращения: 19.03.15.
15. Бантыш-Каменский Д.Н. История малой России. М.: Тип. Семена Селивановского, 1830. Ч. III.
16. Агапкина Т.А. Звуковой образ времени и ритуала. / Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М.: Издательство «Индрик», 1999.

ОСОБЕННОСТИ ОСВЕЩЕНИЯ СОБЫТИЙ НА ЮГО-ВОСТОКЕ УКРАИНЫ РОССИЙСКИМИ И ЗАРУБЕЖНЫМИ СМИ

А.А. Казаков

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: aldr.kazakov@gmail.com

Статья посвящена специфике освещения конфликта на юго-востоке Украины «Российской газетой», «Новой газетой» и «The New York Times». Эмпирическую базу исследования составили 245 статей указанных изданий, опубликованные в период с 12 января по 15 апреля 2015 года. Анализ публикаций осуществлялся в рамках теорий фрейминга и установления повестки дня.

Ключевые слова: Украина, «Российская газета», «Новая газета», «The New York Times», фрейминг, атрибутивная повестка дня.

PECULIARITIES OF THE SOUTH-EAST UKRAINE EVENTS' COVERAGE BY RUSSIAN AND FOREIGN MASS MEDIA

A.A. Kazakov

The article is about specifics of the south-east Ukraine conflict coverage by “Rossiiskaya gazeta”, “Novaya gazeta”, and “The New York Times”. 245 articles of the newspapers mentioned above have formed the empirical basis of the research. The stories were published from January 12 through April 15. An analysis was carried out within the framework of theories of framing and agenda setting.

Key words: Ukraine, “Rossiiskaya gazeta”, “Novaya gazeta”, “The New York Times”, framing, agenda setting theory.

Обострение внутривосточной ситуации в соседнем государстве стало одной из доминант не только российского, но и зарубежного информационного пространства. Сообщения о происходящих на Донбассе событиях уже целый год регулярно появляются в средствах массовой коммуникации. При этом оценки и интерпретации описываемых журналистами явлений зачастую кардинально отличаются друг от друга.

В данном контексте настоящее исследование является одной из первых попыток сравнительного анализа специфики информационного освещения конфликта на юго-востоке Украины тремя качественными изданиями: двумя российскими и одним американским. Эмпирической базой работы стали статьи «Российской газеты», «Новой газеты» и «The New York Times», опубликованные в период с 12 января по 15 апреля 2015 года. Методом сплошного просмотра печатных вариантов названных

газет для анализа были отобраны только те публикации, в которых хотя бы косвенно упоминались интересующие нас события.

В общей сложности было проработано 245 статей: 68 из «Российской газеты», 137 из «Новой газеты» и 40 из «The New York Times». Для обработки отобранных материалов использовались отдельные методики контент- и дискурс-анализа. При этом предметное осмысление содержания публикаций осуществлялось в рамках теорий установления повестки дня и фрейминга [1, 2]. В предварительно разработанный кодировочный бланк по каждой статье вносились такие данные, как автор, название, дата публикации, номер полосы, объем (в знаках), основная тема материала, его тональность (позитивная, нейтральная или негативная), содержащиеся в материале фреймы, а также информация о том, кто и сколько раз был процитирован.

Проанализировав содержание статей, мы сочли возможным условно разбить их на несколько групп. В зависимости от того, какому аспекту кризиса на Украине была посвящена та или иная публикация, она была отнесена к одному из следующих блоков: дипломатия; боевые действия; жертвы среди мирного населения; Крым; российско-украинские отношения; связанные с кризисом на юго-востоке Украины события и процессы внутри России и самой Украины; история и прочее (сюда вошли статьи, которые сложно было отнести к какому-либо из выделенных сюжетов).

Подсчитав удельные доли каждого из тематических блоков, мы, по сути, артикулировали атрибутивные повестки дня интересующих нас газет в отношении событий в соседней стране. Напомним, что атрибутивными повестками (или повестками дня второго уровня: *attribute / second-level agenda*) принято называть набор конкретных сюжетов или вопросов в рамках одной более общей темы, к которым массмедиа обращаются чаще всего [3, с. 248-249]. Считается, что, выбирая для освещения отдельные аспекты какой-либо темы, издание формирует вполне определенный образ действительности и тем самым воздействует на свою аудиторию [4, с. 65-66].

Какие же идеи пытались донести до своих читателей «Российская газета», «Новая газета» и «The New York Times»? Для ответа на этот вопрос обратим внимание сначала на те блоки, объем представленности которых в газетах был различным. Так, практически в три раза чаще, чем их визави, журналисты «Новой» освещали ход боевых действий. Во многом это объяснялось тем, что сразу несколько корреспондентов издания (П. Каныгин, Ю. Полухина, Е. Костюченко, С. Соколов и др.) находились в то время в зоне конфликта и потому имели возможность писать репортажи с места событий (в общей сложности таковых оказалось 14).

Еще большая разница наблюдается в соотношении «весов» блока «В России»: в «Новой газете» на его долю пришлось 21,2% всех публикаций, а в «Российской» – только 6,4. Что характерно, в этих статьях оппозиционное издание, так же, как и «The New York Times», чаще всего предлагало вниманию своих читателей материалы не самого приятного для действующей власти свойства: о возможном присутствии в зоне конфликта российских военных, о снижении кредитных рейтингов нашей страны, «деле» С. Давыдовой, ситуации вокруг Н. Савченко и пр. Правительственная же газета в таких случаях вполне ожидаемо фокусировала внимание аудитории на принципиально иных сюжетах: «миротворческих» инициативах отечественных парламентариев, мнениях патриотически настроенных деятелей культуры, посылаемой на Донбасс гуманитарной помощи и т.п.

Когда же речь заходила об Украине, издания будто бы менялись местами. Теперь уже «Российская газета» охотно (21,2% всех публикаций) рассказывала о проблемах и сложностях жизни в соседней стране: изношенности коммунальной и транспортной инфраструктуры, обострении криминогенной обстановки, активизации нацизма, изъянах системы образования, нарастающей русофобии, срыве планов мобилизации и т.д. «Новая газета», в свою очередь, к внутриукраинским процессам обращалась значительно реже (5%), да и «направленность» таких заметок была куда более «нейтральной».

Более чем двукратное (по числу обращений) превосходство «Российской газеты» наблюдалось также применительно к блоку «Российско-украинские отношения». Речь здесь в основном шла об агрессивных выпадах украинских политиков в адрес Москвы, различных нюансах «газового вопроса» и о специфике межличностных контактов россиян и украинцев после начала конфликта (в том смысле, что жителям соседнего государства настолько сильно «промыли мозги», что теперь они даже своих родственников, проживающих в России, считают чуть ли не врагами).

Весьма любопытно сравнить также и то, что писалось на темы, сопоставимые по своей популярности в анализируемых изданиях. Блок «Крым» – один из таковых. В «Новой газете» и в «The New York Times» акцент делался исключительно на негативных последствиях «аннексии» полуострова Россией: трудностях с энергетическим обеспечением, транспортной блокаде, сокращении присутствия в регионе международных бизнес-структур, проблемах тамошних спортсменов и т.п. Совершенно иная картина писалась правительственным изданием: на переднем плане здесь было улучшение материального благосостояния крымчан после присоединения к России, переоснащение отдельных технических служб, планы по строительству моста через Керченский пролив и прочий позитив.

Очевидно, что атрибутивные повестки дня анализируемых массмедиа между собой не совпадают. Те сюжеты, что являются приоритетными для одного, могут находиться на периферии внимания другого, и наоборот. Разумеется, тщательное изучение подобных соотношений уже само по себе может натолкнуть исследователя на целый ряд достаточно важных умозаключений. О том, скажем, насколько лояльно то или иное СМИ действующей власти. Или, например, об общей редакционной политике конкретного издания, его «тематической специализации».

Вместе с тем, нам представляется, что сама по себе (в отрыве от других методологических конструкций) теория установления атрибутивной повестки дня не может считаться функциональной настолько, чтобы давать ученому возможность получать исчерпывающее знание об объекте и предмете его исследования. Взять хотя бы разобранный чуть выше эпизод с блоком «Крым»: процент статей практически одинаков, зато насколько разное содержание! Иными словами, без обращения к сути атрибутов медийных повесток выявить специфику редакционных политик конкретных изданий было бы очень сложно.

В подобных случаях, по нашему мнению, оперирование концептом «повестка дня» лучше всего сопровождать применением теории фрейминга. В западной коммуникативистике этому подходу в последние годы уделяется даже больше внимания, чем повестке дня [5]. В отечественной науке интерес к фреймингу в контексте материалов массмедиа, по нашим наблюдениям, только формируется [6, 7, 8]. Определений данной категории достаточно много, однако большинство ученых сходятся во мнении, что фрейминг представляет собой процесс отбора отдельных аспектов отображаемой журналистами действительности, усиление характера представленности этих аспектов в целях формулирования определенных причинно-следственных связей, морально-нравственных интерпретаций и рекомендаций по тому, как нужно поступать в отношении той или иной ситуации [9, с. 53-54].

Так какие же фреймы предлагали вниманию своих аудиторий «Российская газета», «Новая газета» и «The New York Times»? В своих предыдущих рассуждениях мы отчасти уже касались этого вопроса. Сейчас же попробуем свести все это воедино. Итак, стержневые идеи публикаций правительственного издания в целом дублируют позиции официальной власти России. Военные действия на Донбассе были инициированы Киевом, с обеих сторон гибнет достаточно много людей, при этом особенно сильно страдает ни в чем не повинное мирное население. Российских военных на территории соседнего государства нет, ополченцы воюют за правду и отстаивают собственные интересы оружием, отобранным у бойцов украинских подразделений. Единственно возможный выход из данной ситуации – прекращение огня и учет

интересов жителей юго-востока Украины на самом высшем политическом уровне. Против России развязаны информационная и санкционная войны, руководство нашей страны пытается этому противостоять, а также стремится не допустить распространения неонацистских идей.

Принципиально отличные фреймы транслировались авторскими коллективами «Новой» и «The New York Times». Конфликт был во многом развязан по инициативе Кремля, и до сих пор на стороне сепаратистов воюют российские кадровые военные. Потери среди командированных на Донбасс военнотружущих весьма внушительны, но пока информацию об этом удается скрывать. Симпатии проживающего в зоне конфликта населения разделены между властями непризнанных республик и официального Киева примерно поровну. Однако при этом все очень устали от войны и мечтают о скорейшем ее прекращении. По городам и объектам инфраструктуры стреляют, в том числе и сепаратисты, в рядах которых то и дело вспыхивают внутренние разборки и процветает бандитизм. Наконец, аннексировав Крым, Россия однозначно нарушила нормы международного права, сознательно обрекла себя на серьезные экономические проблемы и понесла невосполнимые имиджевые потери.

Таковы основные особенности освещения событий на Украине российскими и американской газетами. В заключение хотелось бы сделать некоторые выводы. Прежде всего, очевидно, что для получения более достоверного знания целесообразно использовать теории фрейминга и установления повестки дня не по отдельности, а параллельно. Только в этом случае у исследователя появляется возможность не только выявить разницу в наборе конкретных атрибутов формируемых изданиями повесток, но и учесть различия в интерпретациях и оценках конкретных сюжетов.

Кроме этого, нельзя не заметить схожесть содержания и характера атрибутивных повесток «Новой газеты» и «The New York Times». На наш взгляд, это вполне может свидетельствовать о том, что редакционная политика российского оппозиционного издания во многом совпадает с установками одной из ведущих газет США.

Библиография

1. McCombs M.E., Shaw D.L. The Agenda-Setting Function of Mass Media // *Public Opinion Quarterly*. 1972. Vol. 36. Pp. 176-187.
2. Scheufele D.A. Agenda-Setting, Priming, and Framing Revisited: Another Look at Cognitive Effects of Political Communication// *Mass Communication & Society*. 2000. Vol 3. Pp. 297-316.
3. Golan G., Wanta W. Second-Level Agenda Setting in the New Hampshire Primary: A Comparison of Coverage in Three Newspapers and Public Perceptions of Candidates // *Journalism and Mass Communication Quarterly*. 2001. Vol. 78. Pp. 247-259.
4. Kazakov A. Setting the Agenda: a View of Western Communication Scholars // *World of Media: Yearbook of Russian Media and Journalism Studies*. Moscow, 2014. Pp. 60-74.

5. Weaver D.H. Thoughts on Agenda Setting, Framing, and Priming // Journal of Communication. 2007. Vol. 57. №2. Pp. 142-147.
6. Вахштайн В.С. Анализ фреймов голосования. Эссе об организации электорального опыта // Социологическое обозрение. 2011. №1-2. С. 114-136.
7. Вахштайн В.С. «Практика» vs. «фрейм»: альтернативные проекты исследования повседневного мира // Социологическое обозрение. 2008. №1. С. 65-95.
8. Казаков А. Фрейминг медиа-текстов как инструмент воздействия на аудиторию: обзор распространенных трактовок // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2014. №4. С. 85-90.
9. Entman R.M. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm // Journal of Communication. 1993. Vol. 43. № 4. Pp. 51-58.

УДК 81.282.2

СПОСОБЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В ДИАЛЕКТНОМ ДИСКУРСЕ

Ю.В. Каменская

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: kamenskayajv@list.ru

Статья посвящена особенностям актуализации фрагмента диалектной концептосферы – концептуализации места человека в социуме. Данный феномен рассматривается на примере способов идентификации и самоидентификации человека в конфессионально неоднородном говоре.

Ключевые слова: диалектная концептосфера, концептуальные оппозиции, номинации лиц.

METHODS IDENTITY IN DIALECT DISCOURSE

Y.V. Kamenskaya

The article is devoted to the peculiarities of the fragment updating dialect conceptosphere - conceptualization of man's place in society. This phenomenon is seen in the example of a method of identification and self-identification of the person in the religious heterogeneous say.

Key words: dialect conceptosphere, conceptual opposition, the nomination of persons.

В центре диалектной картины мира находится человек и все, что с ним связано, это обусловлено такими свойствами диалекта как антропоцентричность и эгоцентричность [1]. В говорах фиксируются разнообразные типы номинаций человека, базирующиеся на определенных параметрах и несущие разнообразную функциональную нагрузку. Самыми частотными функциями номинаций человека в диалектном дискурсе, по

мнению многих исследователей, являются собственно номинативная и характеризующая. Как показывает наш анализ, номинации лица в говоре могут иметь и другие функции. Например, номинации лица выступают как средство идентификации и самоидентификации человека, могут указывать место человека в социуме, что так важно для традиционной диалектной культуры.

Номинации лица, актуализирующие социальную сферу и представляющие человека как часть социума, нередко участвуют в репрезентации базовой концептуальной оппозиции «свой-чужой». К таким номинациям можно отнести, например, оппозитивные пары «городской/деревенский», «мама/свекровь» и т.д. Кроме того, выделяются и специфические номинации, свойственные не всему диалектному дискурсу, но являющиеся особой чертой определенных говоров. Таковы, по нашим наблюдениям, номинации человека, обусловленные его конфессиональной принадлежностью. Появление этого типа номинаций, а тем более их системный характер обусловлены ситуацией конфессиональной неоднородности носителей говора. В исследуемом нами говоре села Белогорное Саратовской области сложилась своеобразная конфессиональная ситуация [2].

Село Белогорное (старое название – Самодуровка) было основано старообрядцами в XVIII веке, в начале XX века было одним из центров старообрядчества в Среднем Поволжье. По историческим данным, в селе было несколько старообрядческих толков или согласий, в конце XIX века историки указывают на существование трех согласий: «поморцы» или «брачные» (признавали безсвященнословные браки), феодосеевцы, отрицавшие безсвященнословные браки, и так называемые «тропарщики» - поморцы, признающие моление за царя и отвергающие безсвященнословные браки. Позднее в селе появляются поселенцы, исповедующие официальное православие. Вероятно, именно в этот период и закрепляется в концептосфере данного говора основной концептуальный признак идентификации и самоидентификации – принадлежность к той или иной конфессиональной общности. Соответственно, номинации человека по конфессиональному признаку становятся в текстах села Белогорное значимыми и частотными, активно используются в настоящее время. В беседах с диалектологами информанты, как правило, по собственной инициативе сообщают, что они принадлежат к православным или к старообрядцам:

- *А старообрядцы живут в Верховом или Низовом конце?*

- *Да и там и там живут// Я сама старообрядка/ в Низовом живу//*

В современный период в говоре существуют оппозитивные номинации *церковные, мирские* и *старообрядцы, староверы, кулугуры*. Номинации, используемые по отношению к православным – «церковные», «мирские». Старообрядцев именуют «кулугурами»,

«старообрядцами», «староверами». Как показывает наш материал, лексемы «мирские», «церковные», «православные» в речи приверженцев официального православия используются в функции идентификации и образуют синонимический ряд:

- *а мы ж тоже вот **мирские**/ и у нас этот вот поп/ Павел Иваныч/ он у нас **православный**/ **мирской**//*
- *- **большие**/ **большие** было кулугур/ **большие**/ вообще... не разрешали **мирских** брать/ **церковных** да*
 - Замуж что ли?*
 - да [смеется]/*

В функции номинации людей другой конфессии старообрядцами используются лексемы «мирские» и «церковные», но никогда не используется лексема «православные», вероятно, вследствие яркой, хорошо осознаваемой внутренней формы:

- *ну/ молятся/ конечно/ когда покойника приносят/ так могилы готовы/ ну там/ поют/ «Святый боже»/ там/ ещё какие молитвы/ и зарывать/ «вечная память/ вечная память/ вечная память»// и зарывают// ну а как же/ это не только у нас/ это и у **церковных** всё эдак полагается// всё поют//*

Как показывают данные словарей, лексема «мирские» возникла первоначально в дискурсе старообрядцев для номинации людей, не состоящих в старообрядческой общине. Безусловно, данная лексема имела негативную коннотацию, поскольку служила для именованья члена чужого социума. Вероятно, так было и в говоре села Белогорное. Но в настоящее время лексема «мирские» утратила отрицательную коннотацию и используется как нейтральная, в том числе и в функции самоидентификации. Тем не менее, частотность употребления этой лексемы в речи диалектносителей-старообрядцев значительно выше, что косвенно свидетельствует о существовавшем ранее негативном компоненте значения.

Номинация «церковные» в значении, актуальном для говора села Белогорное, не фиксируется диалектными словарями в значении «люди, исповедующие официальное православие». Вероятно, это связано с тем, что доступные нам диалектные словари не были ориентированы на говоры, использующиеся старообрядцами, соответственно, не возникала оппозиция «верующие, посещающие/ не посещающие церковь». В речи старообрядцев данная номинация, несомненно, первоначально также имела яркий отрицательный компонент значения, поскольку официальная церковь оценивалась ими негативно. В настоящее время лексема «церковные» активно используется и в функции идентификации, но в функции самоидентификации частотность данной лексемы гораздо выше.

Номинация «кулугуры» еще в недавнем прошлом осознавалась как оценочная, использовалась как средство идентификации православными

по отношению к старообрядцам и не выступала в функции самоидентификации. Это хорошо можно проследить по текстам, записанным от людей старше восьмидесяти лет:

*у них отдельно чашечка/ отдельно котлы/ отдельно это самое.../ служение свои/ дома сейчас вот// а вот у таких старообрядцев/ у них там или видели крестик/ это вот эти вот// мы их зовем **кулугуры**/ а они говорят/ мы не **кулугуры**/ мы **старообрядцы**//*

Для современных носителей говора номинация «кулугуры» является, по-видимому, нейтральной. Это предположение подтверждается наблюдением над речью и старообрядцев, и православных. Например, при ответе на вопрос диалектолога номинация «кулугуры» часто выступает в функции самоидентификации:

– А вы церковная или старообрядка?

– Кулугурка я/ и родители были кулугуры/ и замуж за кулугурина вышла//

Номинации «старообрядцы», «кулугуры», «староверы» в современном бытовании говора являются нейтральными и употребляются представителями обеих конфессий как синонимы:

- и мы/ ведь предки-то наши **староверы**/ раньше когда раскол был/ при... царе... при каком-то при царе... при Алексее что ли/ ну/ эдак вот/ на две веры/ раскололись/ **староверы** / и нова вера... при Никоне это всё было//*
- мы купили вот на том конце тот порядок/ там был молеальный дом тоже// Вот **старообрядцы**// и нам подешевле его продали//*

В говоре существует номинация приверженцев официального православия с яркой негативной коннотацией – «еретики». Эта номинация встречается в речи и старообрядцев и православных:

- если только вы приняли крещение/ святое/ оно святое называется/ то вы после этого крещения называетесь **христиане**/ а оне после своого этого причастия/ у них причастие оно называется/ а не крещения/ называются **еретиками**// а с еретиком/ тоже есть написано/ с еретиком/ вот не пить/ и не есть/ и не вкупе богу молиться*
- вот кулугуры/ эти старообрядцы/ они не ...вот так/ у них специально отдельный ковшик/ и вот сейчас/ пришёл если/ и у них/ Боже упаси/ на образ на наш церковный они не будут креститься/ нет!/ нет/ нет/ не будут// он/ Миша/ считает нас/ говорит/ **вы вот еретики**/ а я ещё вот сама не знаю/ что это еретики?/ еретики//*

Как правило, информантам, исповедующим православие, не известно значение этого слова, но ими хорошо осознаётся негативная оценка, которая заложена в данной номинации, поэтому нередко появляются комментарии метаязыкового характера:

- *знаете как нас называют нас?// **еретики**// **еретики**/ я говорю/ а ты знаешь/ что такое слово означает?/ **еретики**/ это которые не верят ни в чего/ атеисты/ а мы-то всё-таки верим/ я говорю/ мы дали.../ исповедовались причащаемся/ а вы вот кто?/ вы чуть – чуть от еретиков отстали-то/ говорю/ вы же ничего не причащаетесь/ не исповедуетесь// [смеется]*

Набор номинаций, использующихся для именования старообрядцев, расширен в говоре благодаря номинациям членов различных старообрядческих общин, согласий. В сознании современных диалектоносителей сохраняются воспоминания о существовании разных старообрядческих согласий, в нашем материале эта информация часто содержится не только в речи старообрядцев, но и в рассказах православных:

*- да ну это они тоже не кулугуры/ как по книжке-те/ они **поморцы**/ а эти/ **феодосцы**/ они энти вроде **монашки**/ а эт как нижние считаются **кулугуры**/ ну они-т чё/ как батюшка ни скажет/ чего они это.../ не хотят с нами/ оне отреклись от Христа-т/ оне не взя... не взяли священников/ сразу/ если б они взяли священников.../ молення у них тоже такой же был/ как и у нас/ вон/ в Вольском-то есть/ да вон/ в Вольском-то есть кулугурская церковь/ но они не пойдут//*

Как показывают наши наблюдения, сейчас в селе Белогорное остались старообрядцы федосеевского толка и поморцы (брачные), но такие номинации современные носители говора в функции средства идентификации и самоидентификации практически не используют. Отсутствие этих номинаций обусловлено многими факторами, прежде всего, слабым осознанием большинства современных старообрядцев противопоставления разных старообрядческих толков или согласий, принадлежности к разным общинам. В нашем материале зафиксированы номинация «брачники» в функции самоидентификации в текстах, записанных от Михаила Акимова – главы старообрядческой общины:

*вот наша вера какая/ мы не **монашки**/ мы не какие **поповцы**/ и не это... вот оне эти вот/ монашки-ти / оне... как сказать... оне... тоже **беспоповцы**/ но... у них брак/ и считается за грех/ оне называются **безбрачные**// оне вот доживают/ до шестьдесят лет/ женищина/ если с мужчиной живёт/ это было раньше/ и у них закон такой/ доживают до шестьдесят лет/ она сносит кануны/ и говорит/ вот/ Ваня там или Вася/ всё/ я больше прекращаю с тобой жизнь жить/ ну как прекращаю/ в общем спать я уже с тобой не буду/ я иду в моленну/ монашка/ а ты как хочешь/ вот такая у них ерунда// а мы **брачники** называемся/ у нас законный брак мы считаем за брак// вот // у нас и венчание/ у нас и бракосочетание знашь вот по требнику*

Интересно, что номинация «брачники» появляется в контексте противопоставления номинации «монашки», которая в говоре достаточно

устойчива, частотна, ее используют и старообрядцы, и православные в рассказе об односельчанах. К сожалению, в ходе работы диалектологических экспедиций в село Белогорное не удалось записать тексты и даже просто побеседовать с диалектоносителями, которые причисляют себя к «монашкам», неизвестно, используется ли данная номинация в функции самоидентификации или существует какая-либо другая лексема.

При рассказе о старообрядцах могут использоваться и окказиональные, не общепринятые номинации:

*я говорю/ ты мирский сам/ ты как глава семьи/ ты у меня самый последний сын»// вот ему всё и внушаю// ну// а она слышит всё/ знаешь это/ вот по народу там всё/ она ему знаешь переговаривает// он меня пойдёт и валяет/ «а какая разница?»// «ты крест носишь/ сынок// видишь/ и цепочка у тебя и крест// я ж тебя крестила/ и в алтарь носила в церковь в Вольскую возила/ ну/ а ты/ они вообще/ **биссурмане**/ ну/ биссурманы/ ну»// это самое последнее/ монашки/ оне не принадлежат/ их/ вон оне умрут/ их на меже хоронят/ как татар вон// понимаешь?*

Номинация «биссурмане», которую использует информант при рассказе о девушке сына, принадлежащей к старообрядческой семье федосеевского толка, не встретилась пока больше в нашем корпусе текстов. Можно предположить, что эта номинация является идиолектной, не характерной для говора в целом. Использование номинации «биссурмане» обусловлено желанием информанта выразить крайнюю степень негативной оценки представителей другой конфессии, поскольку общеупотребительные номинации (*старообрядцы, староверы, кулугуры*) утратили в говоре негативную коннотацию.

Таким образом, можно отметить, что одни и те же номинации лица по конфессиональному признаку, имеющие в говоре долгую традицию использования, могут выступать как в функции идентификации, так и в функции самоидентификации. Номинации, в которых сохраняется негативный оценочный компонент, используются только в функции идентификации. Номинации с негативным оценочным компонентом, использующиеся в функции идентификации, вероятно, необходимы в конфессионально неоднородном говоре. Благодаря использованию таких номинаций сохраняется базовая концептуальная оппозиция «свой-чужой», структурирующая диалектную картину мира.

Библиографический список

1. Гольдин В.Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии. Саратов, 1997.
2. Крючкова О.Ю. Репрезентации оппозиции "свой - чужой" в диалектной коммуникации на материале говора с. Белогорное Вольского района Саратовской области //Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Филология. Журналистика. 2010. Вып. 2. С. 6-9.

ПРОБЛЕМА АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ В ЖУРНАЛИСТИКЕ

М.А. Кормилицына

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: margarita-kormil@mail.ru

В статье анализируется одна из важнейших проблем современной журналистики – проблема авторской позиции. Подчеркивается, что субъективные смыслы в журналистском тексте, в том числе и авторская позиция, являются ведущими и текстообразующими. Рассматриваются возможности и способы актуализации авторского мнения, а также средства выражения авторской позиции: «я»- и «мы»-высказывания, метатекстовые (дискурсивные) средства, средства диалогизации монологического текста и разговорность.

Ключевые слова: идеологический текст, авторская позиция, «я»- и «мы»-высказывания, метаязыковые (дискурсивные) средства, диалогизация, разговорность.

НАЗВАНИЕ НА АНГЛ.

ФИО НА АНГЛ.

The article deals with one of the most important problems of modern journalism – author's opinion. It is emphasized that subjective meaning expressed in the text, including the author's opinion, is dominant and text generating. Different ways of author's opinion actualization as well as the means of its expression such as 'I'- and 'we'-sentences, metatextual (discursive) units, means of dialogization of the monologue and colloquialization are considered.

Key words: ideological text, author's opinion, 'I'- and 'we'-sentences, metatextual (discursive) units, dialogization, colloquialization.

Материалом исследования послужили тексты аналитических статей современной прессы на общественно-политические темы. Возможна ли реализация авторской позиции в идеологических текстах? Если возможна, то какие языковые средства и речевые приемы может использовать журналист для её осуществления?

Как известно, в самом общем случае любой текст складывается из собственно текста (объективной информации, предметно-логической линии) и метатекста (субъективной составляющей, «авторского узора»). Объективные смыслы соотносятся со структурой денотативной ситуации, фрагментом окружающего мира; субъективные («упаковка» сообщения) формируют прагматическую направленность текста: актуализируют фигуру автора, реализуют авторскую позицию, то есть передают

отношение автора к сообщаемому (А. Вежбицкая, М.В. Ляпон, Т.В. Шмелева, Е.А. Баженова, Т.В. Харламова и мн. др.).

Особенностью текстов самых разных жанров СМИ является то, что в них (даже в новостных передачах, репортажах, не говоря уж об аналитических статьях и авторских колонках) именно субъективные смыслы организуют структуру и содержание всего текста. Объективные же, информирующие о событиях реальной действительности, часто подчиняются субъективным смыслам и, в конечном счете, служат лишь для эмоциональной оценки, аргументации справедливости выражаемой журналистом позиции. Недаром многие исследователи медиатекстов подчеркивают, что функцией современных СМИ является не столько информация читателей, сколько интерпретация происходящего в обществе. СМИ часто упрекают за то, что они формируют медиакартину действительности. При этом такая картина действительности взамен реальной, нужное миропонимание и мировоззрение не просто предлагаются, а навязываются. Появился даже термин «медиакратия». Такое навязываемое миропонимание может приводить к рискам во взаимодействии СМИ с потребителями информации – массовой аудиторией, вызывать недоверие к сообщаемому и увеличивать пропасть между властью и обществом.

Одной из важных составляющих субъективных смыслов является реализуемая в текстах СМИ авторская позиция, то есть выражение авторского мнения по поводу тех или иных событий и фактов, оценка автором сообщаемой информации. Однако в газетах последних лет само понятие авторская позиция претерпело изменения. Это уже, как правило, не «личное мнение» журналиста, не личностная позиция. Автор чаще всего реализует идеологическую позицию своего издания, его владельца, власти или просто присоединяется к преобладающей в данный момент в обществе. Сейчас, по мнению многих исследователей, вообще трудно говорить об авторской позиции журналиста. «Его собственная нравственная и этическая позиция может зачастую не совпадать с корпоративной позицией издания или канала СМИ, с нравственной и этической позицией частного владельца издания или канала, его позиция может не совпадать даже с устройством государственной системы» [1, с. 104]. Открытая личностная позиция журналиста редко реализуется даже в таких жанрах, как авторская колонка или проблемная аналитическая статья (это позволяют себе только независимые газеты и наиболее авторитетные журналисты). Недаром часто после колонки помещается замечание о том, что мнение автора может не совпадать с мнением редакции. Каковы же речевые способы и приемы реализации авторской позиции?

Авторская позиция проявляется уже в выборе тем для обсуждения, обычно связанных с актуальными для всего общества проблемами,

активно обсуждаемыми в нем. Журналист стремится заинтересовать адресата обсуждаемой проблемой, убедить в ее значимости, заставить адресата думать, отвечать самому себе на те проблемные вопросы, которые ставятся журналистом.

Реализации авторской позиции способствуют и заголовки, занимающие сильную позицию в тексте: журналист пытается сделать заголовок «ловушкой внимания» читателя. Вот некоторые примеры подобных заголовков: *«Зарплатная пропасть» России; Лес рубят, «пешки» сидят; Как стать хитрым покупателем; Певец «нелиберальной демократии»* (МК 16.02.2015); *Капуста «позеленеет»; Плавный сплав* (РГ 10.02.2015), *Вузкое место* (РГ 03.03.2015) и др.

Как правило, в начале статьи журналист пытается удержать возникший у читателя интерес неожиданной, необычной формулировкой темы с использованием экспрессивных средств, намеков на важность правильного понимания содержания статьи. См., например, начало статьи А. Углanova *«Центробанк как загадочный зверь»: Уже после сомнительных ночных распродаж Центробанком миллиардов долларов в декабре минувшего года даже у неискушенных граждан появились подозрения, что в этом учреждении работают либо злобные пришельцы, либо чья-то агентура* (АН 12-18.03.2015). Такое начало задаёт интригу и возбуждает любопытство адресата. Субъективная модальность журналистского текста, часто долженствовательная, призвана отбросить все сомнения и признать справедливость авторской позиции как позиции человека, твердо убежденного в своей правоте. Такая модальность демонстрирует читателю желание автора аргументировать возможные варианты решения социально значимой проблемы, а иногда и подсказать выход из тупика. Читателю предлагается определенный, четко обозначенный путь решения проблемы. Авторские рассуждения сопровождаются тщательно выстроенной системой аргументов: *Но реально ли такое объединение, с какими трудностями здесь предстоит столкнуться? Первое. Потребность объединения с «бывшими республиками СССР» в России есть<...>. Второе. Такое же чувство есть у других народов бывшего СССР<...>. Третье. Народ хочет – да элиты стран СНГ против! Вполне понятно <...>* (РГ 25.11.2011). При этом каждый аргумент довольно объемно и доступно для читателя разворачивается в тексте. Уверенность, скорее даже твердая убежденность автора, которая должна передаваться читателю, сохраняется во всем тексте, при этом рассуждения автора часто сопровождаются призывом к соразмышлению вместе с адресатом: *Представим себе картину. Сельская местность. Весна. Мощное половодье* (МК 13.02.2015).

Языковые средства выражения «авторского “я”» весьма многообразны. Эту функцию прежде всего выполняют самостоятельные или в составе сложноподчиненного с придаточными изъяснительными “я-”

и «мы»-предложения. Следует заметить, что «я»-предложения в исследуемых нами материалах встречаются уже довольно редко: *Я не собираюсь утверждать, что в украинском кризисе есть абсолютно «хорошая» Россия и абсолютно «плохой» Запад. Но вот что не вызывает у меня сомнения: самолично заварив «адскую кашу» украинского кризиса, Запад сознательно или бессознательно постоянно перекладывает груз своей вины на нас* (МК 10.10.2014). Их сменили «мы»-высказывания, с помощью которых автор стремится подчеркнуть, что выражает не личное мнение, а мнение большинства членов общества. Использование предложений с инклюзивным *мы* становится одним из распространенных в газете приемов манипуляции читателем. Тенденцию к увеличению доли «мы»-высказываний в прессе, как нам представляется, можно объяснить стремлением журналистов избежать ответственности за передаваемую информацию и особенно её оценку. Кроме того, сейчас усилилось недоверие к высказываемым ими оценкам, все больше утверждается в обществе мнение об ангажированности журналистов.

В «я»- и «мы»-высказываниях употребляются глаголы говорения и сообщения, суждения и мышления, памяти и знаний, эмоционального состояния, оценочного суждения, волеизъявления и побуждения, а также глаголы слухового и зрительного восприятия и др., организующие так называемые авторизирующие конструкции. Наиболее частотными являются глаголы мнения. С помощью таких высказываний автор не просто называет источник того или иного сообщения, но и указывает на способ получения информации, ее оценку, чувства автора сообщения. Обычно такие конструкции располагаются или в препозиции к аргументам, или в заключительных фразах, подводящих итоги сказанному.

Помогают журналисту выразить авторскую позицию и метатекстовые (дискурсивные) средства самого разного характера. С помощью таких конструкций, с одной стороны, выражается авторская позиция, а с другой, дается авторский комментарий, который должен помочь читателю понять эту позицию. Автор сообщает, о чем будет говорить, подчеркивает, дополняет, иллюстрирует, подытоживает, то есть строит текст с учетом реакций, ожиданий читателя [2]. К этой же группе относятся конструкции, помогающие выделить, обратить внимание на наиболее важные суждения автора: *Очень **серьёзный вопрос поднимают** в своих письмах читатели АиФ. «Хорошо ли власть понимает состояние нашей страны?» - спрашивают они* (АиФ №51, 2014); ***Самое важное** в минской встрече – это не то, что зафиксировано на бумаге. **Самое важное** – это новый общий поход Меркель и Олланда к украинскому кризису* (МК 13.02.2015). Нередко автор, чтобы помочь читателю обратить внимание на главную мысль, использует графическое выделение слов (полужирный шрифт, прописные буквы вместо строчных): *Из этих цифр ясно видно – подгнило что-то в нашей экономике СИСТЕМНО.<...>Все*

согласны, даже споров нет – имеющаяся модель ИСЧЕРПАНА (РГ 03.03.2015).

Порой не только для выражения авторской позиции, но и для привлечения читателя к совместному обсуждению проблем журналисты прибегают к воображаемому диалогу: сами себе задают вопросы и дают на них ответы (на самом деле, конечно, не только и не столько самим себе, сколько читателю, прогнозируя его интерес и желание узнать именно такой ответ). Они имитируют живой диалог, используя вопросно-ответные единства: *Как же подгонять» политические институты «по росту» общества? На кого ориентироваться? На самосохранение бюрократии («государственная необходимость»?) На инерцию молчаливого большинства («глас народа»)? Универсальный ответ прост: на выборах разные группы населения выберут своих представителей, и общество определит, какая демократия ему нужна (РГ 21.02.2012); Украина готова воевать и дальше – но ради чего? Ради блокирования идеи федерализации или идеи особого статуса Донбасса? (МК 13.02.2015).* Вопросы в таких единствах обычно проблемные, демонстрирующие авторскую позицию. Порой журналист использует конструкции скрытого диалога: дается только ответная реплика, которая начинается простейшей конструкцией согласия/несогласия: *Да, «мировой жандарм с мессианскими комплексами» раздражает далеко не только Россию. Но мало где в мире есть такая самозабвенная и неадекватная фиксация на США, как у нас (РГ 21.02.2012);* Формируется одна из активных в современной газете конструкция возражения под видом согласия, смягчающая категоричность суждений автора.

В вопросно-ответных единствах часто используются многочисленные средства разговорности, создающие эффект живого диалога и особую экспрессию близости любому читателю, читателю с самым разным уровнем культуры [3, 4]: *Кто же сегодня находится рядом с властью, с президентом? Уж точно не интеллигенция (АиФ №11, 2015); Боюсь, не только журналист, но и психиатр тут бессилён. Увы, такого мусора в нашей интернет-помойке очень много (да и в печатных СМИ пролезло!). Положено говорить: «Жалею их, потому что их Бог уже наказал – отнял разум и совесть». Да, отнял, конечно. Но как-то не жалко этих агрессивных недоумков, которые УПРЕКАЮТ ПОГИБШИХ... (РГ 25.11.2011).* В последнем примере, формулируя свои аргументы, журналист подключает еще одно сильное средство воздействия на читателя, каким является прямая эмоционально-экспрессивная оценка проблемы с помощью «сильной» номинации: *интернет-помойка, недоумки, пролезло.*

Имитируя живую доверительную беседу с читателем, журналист использует большое количество разговорных элементов, характерных прежде всего для дружеской неофициальной беседы. Эффект

доверительной беседы с читателем создают и многочисленные риторические вопросы, демонстрирующие чувства автора: *Но зачем опять нужны героические усилия и аврал, если всё можно сделать спокойно и заблаговременно?* (МК 15.04.2011). Используются и эмоциональные аргументы, как правило, представляющие собой эмоциональную оценку, реакцию автора. При этом журналист апеллирует к чувствам читателя, пытаясь вызвать ответную реакцию, аналогичную своей, призывая его быть солидарным с авторской точкой зрения. Основными средствами выражения таких аргументов служат эмоционально-оценочные лексемы, иногда целые эмотивные предложения, развернутые метафоры: *Общими усилиями забуксовавшую было машину удаётся освободить из плена. Но если «освободители» сочтут на этом свою миссию выполненной, то машина проедет ещё несколько метров и вновь окажется в глиняной ловушке* (МК 13.02.2015) – об украинском кризисе.

В журналистских текстах обычно дается или прямая, открытая, или косвенная оценка положения дел в стране. Оценка активно используется и при формулировке темы и основного тезиса рассуждения, и при его аргументации, и при обобщении в конце текста. Средства выражения оценки многообразны. Это и оценочные лексемы, и целые оценочные высказывания, и такие косвенные способы оценки, как вопросы, в том числе и риторические. Примеры подобных средств мы уже приводили выше. Все они позволяют автору не просто оценить факты и выразить мнение о них, но и привлечь на свою сторону читателя, апеллируя к его мнению. Для скрытой оценки автор использует приёмы не прямой коммуникации: намеки и (особенно часто) иронию. Оценка реализуется и с помощью разнообразных метафор, образных сравнений: *Так мы заковываем себя в «исторические наручники», а ключ от них отдаем очередной власти. Но без конца ходить скованным тоже нельзя – терпение лопнет, и как раз та самая чертова Революция выскочит* (РГ 21.02.2012). Как видно из приведенного примера, оценка почти всегда сопровождается выражением эмоций. Отрицательная – разными оттенками раздражения, возмущения, недовольства; положительная – одобрения, похвалы.

Таким образом, русский язык предоставляет журналистам богатейшие возможности для выражения авторской позиции: «я»- и «мы»-высказывания, метатекстовые средства, средства диалогичности, проблемные и риторические вопросы, разговорные конструкции, эмоциональные высказывания, вставные конструкции, метафоры, окказионализмы, прецедентные феномены, разнообразные графические средства. Все эти способы и средства помогают журналисту успешно выполнять важную функцию СМИ – функцию воздействия на общество.

Библиографический список

1. Анненкова И.В. Медиадискурс XXI века. Лингвофилософский аспект языка СМИ. - М.: Изд-во Моск. ун-та; Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2011. 392 с.
2. Кормилицына М.А., Харламова Т.В. Метатекстовые средства и узуальные стилистические нормы // Русский язык сегодня / РАН. М., 2006. Вып. 4. С. 275-283.
3. Сиротинина О.Б. О терминах «разговорная речь», «разговорность» и «разговорный тип речевой культуры» // Лики языка: к 45-летию науч. деятельности Е.А. Земской. М., 1998. С. 348-353.
4. Кормилицына М.А. Категоричность и способы её смягчения в современной прессе // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр./ под ред. М.А. Кормилицыной. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2007. Вып. 7. С. 62-72.

УДК 811.161.1'271.12+811.161.1'271.16

ПРОБЛЕМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СНИЖЕННОЙ ЛЕКСИКИ В РОССИЙСКИХ И БРИТАНСКИХ ГАЗЕТАХ

А.И. Матяшевская

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: angelinacaribe@gmail.com

Тенденция к демократизации речи в СМИ является общей для российской и британской прессы, и основные функции сниженных лексем и оборотов в обеих лингвокультурах совпадают. Но при этом можно выделить ряд национально-специфических особенностей употребления сниженной лексики в СМИ, которые могут привести к огрублению русского языка.

Ключевые слова: *медиалингвистика, язык СМИ, сниженная лексика, речевая культура.*

THE ISSUE OF SUBSTANDARD VOCABULARY IN RUSSIAN AND BRITISH NEWSPAPERS

A.I. Matyashevskaya

There is a general trend towards conversationalization of media discourse and some basic functions of substandard vocabulary are determined for both languages. At the same time it is possible to single out some national peculiarities of media discourse, which could increase the rudeness of the Russian language.

Key words: *media linguistics, mass media language, informal/spoken and taboo words, speech culture.*

Статья основана на диссертационном исследовании «Сниженная лексика в СМИ: классификация, употребление, этнокультурные различия

(на материале российских и британских газет)», защищенном 12.11.2014 [1], где под сниженной лексикой понимается употребление как собственно разговорных (informal/spoken в английском), так и более грубых обозначений и находящихся за пределами литературного языка просторечных, жаргонных (slang) и обценных (taboo, rude, offensive) лексем и устойчивых оборотов. В основу определения степени сниженности положены данные многочисленных печатных и электронных словарей; при оценке русскоязычного материала использовались и результаты лингвистического эксперимента.

Процесс постепенной неуклонной демократизации речи в СМИ, в том числе, нередкое присутствие на страницах российской и британской прессы сниженных слов и оборотов, отмечается в работах многих лингвистов [2-7]. Несмотря на общность данного процесса, несовпадение состава сниженной лексики можно признать различием, касающимся лингвокультурных особенностей: в британских газетах преобладают разговорные слова, тогда как российские журналисты регулярно используют расширившие сочетаемость бывшие жаргонные элементы и даже иногда крайне грубую лексику.

Сравнив материалы прессы России и Великобритании, можно утверждать, что в них резко различается соотношение допустимого и нежелательного употребления сниженного. При этом одним из значимых факторов, определяющих количество сниженных слов в текстах изданий, становится тип газеты [8] и её прогнозируемый массовый адресат [9]: «жёлтые» газеты и полосы изобилуют сниженной лексикой, в то время как авторы «качественных» изданий, стараясь избежать характерной для сниженной лексики субъективности и повышенной эмоциональности, делают выбор в пользу официальной сдержанности. Кроме того, немалую роль играет степень оппозиционности издания [10] и присущие авторскому идиостилю особенности [11].

Что касается целей использования сниженных слов и оборотов, то одной из наиболее распространенных в обеих лингвокультурах функций сниженного оказывается коммуникативная: в первую очередь, формирование контакта с читательской аудиторией посредством применения риторической категории разговорности [12]: *Лифты и лестничные площадки домов, санатории, детские площадки, больницы, стадионы... С 1 июня закон запрещает курить во всех этих местах, а еще в пятнадцати метрах от входов вокзалов, аэровокзалов, речпортов, в помещениях администраций и других органов власти. Впрочем, и во всех остальных общественных местах некоторые саратовцы стараются сигаретами не сверкать* (разг.) – *просто спокойствия ради* (Комсомольская правда 02.07.2013); *A new range of photocopiers from Xerox, the Mount Olympus of office machinery, turns out to have an occasional*

*predeliction for **screwing around** (inf.) with document numbers and deliberately getting them wrong* (The Independent 07.08.2013).

Кроме того, употребление сниженной лексики в газетном тексте может быть следствием намерения журналиста сделать статью, текст которой насыщен числовыми данными или специальными терминами, более понятной и доступной читателю: *Среди учащихся 7-9 классов в столице сказали, что употребляют алкоголь 81%, в Бузулуке - 66%, в Казани 63%, в Вятских полях 56% и в Можге — 47%. <...> А число школьников, не однажды **напивавшихся вдрызг** (прост.) крепкими напитками, выше в небольших городах* (Российская газета 28.09.2011); *Kellogg Company, the breakfast cereal group, is **gobbling up** (inf.) the Pringles snack brand in a lightning \$2.7 bn deal announced* (The Guardian; 15.02.2012). Аналогично сниженные слова и обороты нередко проникают в состав журналистских рассуждений: *Получается, что нечистый на руку предприниматель запросто может обмануть покупателя, **впаривая** (жарг.) за большие деньги поношенные вещи* (Комсомольская правда 22.10.2012); *If you want to **get high**(slang), it's much easier — and a **damn** (spoken, notpolite) sight cheaper — to **pop in**(spoken) to an off-licence and buy a gallon of cider* (The Sun 04.01.2014).

Говоря о стилистической функции сниженных слов и оборотов, необходимо отметить их использование для формирования определённого социального «колорита» в материалах о жизни криминального мира, азартных играх, полицейских расследованиях, интересах и увлечениях молодых людей и другой подобной тематики: *Парень как раз закончил техникум и мечтал поступить в художественное училище. Но, когда пришла повестка, бежать от военкомата и **«косить»** (жарг.) Денис не стал* (Комсомольская правда 13.02.2013); *She was picked up by police in a raid on the brothel following a **tipoff** (inf.; The Observer 07.09.2013).*

Иногда сниженная лексика используется российскими и британскими журналистами для выполнения ряда внутритекстовых функций. Например, в газетах обеих стран подобные слова оказываются удобны журналисту, когда тот желает избежать повторного употребления слова в одном или соседних предложениях: *Представьте себе человека (мужчину или не обязательно), который интересуется окружающими только своими деньгами. Неумом, необразованием, некрасотой — только **бабками** (разг.; Московский комсомолец 29.11.2013); The saying goes: “A dog is for life, not just for Christmas.” But for a few committed pet lovers, it endures for even longer than that. When Danielle Tarantola’s beloved **pooch** (inf.) Trouble passed away of old age in 2008, she was not willing to let go of her companion of 17 years* (The Sun 29.10.2013).

Сниженные лексемы успешно используются журналистами в номинативной функции. Во-первых, в ряде случаев они становятся диффузами, которые выручают авторов в случае невозможности подобрать

при работе в постоянном цейтноте [13] более подходящее для контекста слово: *Прогресс, действительно, **занятная штука** (разг.): перенаселенность и скученность – следствия прогресса – порождают отчужденность, агрессивность, социопатию — это тоже следствие прогресса, желание избегать личных контактов с себе подобными* (Новая газета 11.12.2013); *Can we please just stop this **stuff** (inf.)? Can we, in conversations about disease, stop relying on the atrocious "If it saves a life" crutch?* (The Independent 06.02.2014). Кроме того, в газетных статьях нередко употребляются сниженные слова и обороты из-за присущей многим из них ёмкости значения: *Вчера в Москве, на Ленинградском проспекте произошло событие, которое можно охарактеризовать единственной фразой – **полный беспредел** (разг.). Неудачный маневр одного водителя вызвал у другого автомобилиста столько злобы и ненависти, что незначительный дорожный инцидент окончился смертью человека* (Российская газета 23.09.2013); *The recovering heroin addict agreed to reveal all about Hollywood's **wild child** (slang) culture as part of an Entertainment Tonight expose into the dark side of fame and fortune, and he tells the U.S. news show that he, like many other famous young stars, was often high throughout his teenage years* (The Daily Star 05.02.2014).

И для российских, и для британских газет сниженные лексемы являются универсальным средством выражения оценочности: *Но мне, как ни странно, нравится эта картина. Несмотря на все ее злоеющие краски. Нравится, потому что обещает движение. Настоящее движение, реальное. А не **высосанную из депутатского пальца** (разг.) возню вокруг геев, усыновлений и духовных скреп* (Московский комсомолец 18.12.2014); *A 75% tax bracket, an asset tax, a 35-hour work week and worker councils — such naive measures would create a massive flight of money and talent out of California and into neighbouring states that would be delighted to benefit from our **bone-headed** (inf.) reforms* (The Guardian 22.05.2012).

При этом в российских изданиях (кроме сдержанной «Российской газеты») оценки журналиста нередко преподносятся в предельно грубой форме: *А теперь – я видел это собственными очами – на стене музея его (Набокова – А.М.) имени в Питере какое-то смердящее **чмо** (груб.) написало слово «Идофил», именно что через «И», там же, ниже, корявый матерный стишок, как сказал бы писатель Быков, «исполненный обценной лексики»* (Аргументы и факты 15.04.2013). Многие материалы российских оппозиционных газет написаны откровенно грубо – видимо, с целью подчеркнуть крайнюю степень возмущения журналиста: *Выведена новая общность людей с оптимистической и ничем не подкрепленной верой в себя, **тупо** (разг.) смотрящая на мир как на бесконечный источник того, что можно **сожрать** (груб. прост.) или **трахнуть** (груб.; Новая газета 11.12.2013).*

Широкое употребление разговорной лексики можно считать интернациональной особенностью современного медийного стиля. Однако, несмотря на то, что сниженные слова и обороты могут выполнять значимые для автора функции, журналистам всё же стоит помнить о том, что подобная «демократизация» неизбежно приводит к серьёзным проблемам. Большинство таких лексем, нисколько не обогащая язык, нередко упрощает само содержание материала, а их бездумное тиражирование способствует постепенному проникновению сниженного в речь читателей, для которых печатный текст выступает в качестве своеобразного эталона. Этот процесс наиболее заметен в отношении модных слов [14], одним из которых можно считать оценку *прикольно*: *А зачем Кудрину все это нужно?<...> Да ни за чем это ему не нужно. Интересно, важно, «прикольно» (разг.) — а как еще объяснить?* (Новая газета 27.11.2013) То же самое касается и ряда бывших криминальных жаргонизмов, как, например, *разборка, откат, распил, беспредел* и др.: *«Наезд» (разг.) пожарных на «Национальный резервный банк» (НРБ), принадлежащий акционеру «Новой газеты» Александру Лебедеву, — отнюдь не разовая акция, осуществить которую пришло в голову мелким клеркам из пожарнадзора по ЮЗАО Москвы* (Новая газета 04.02.2011). Такое проникновение отмечается и самими журналистами, которые, тем не менее, не всегда в полной мере осознают риски и собственную ответственность перед читателем за столь широкое употребление сниженной лексики: *В частности, в речи россиян очень много слов-паразитов, многие слова произносятся неграмотно. К тому же в обиход прочно вошли слова из блатного жаргона: блин, бабки, накрыть поляну и так далее* (Московский комсомолец 12.01.2015).

Нередко жаргонное значение слова вытесняет в читательском сознании его литературное употребление — вот почему в следующем примере журналист считает нужным внести уточнение: *Тихоокеанское побережье страны находится на стыке двух мощных пластов, которые время от времени друг на друга в буквальном смысле наезжают* (Российская газета 09.08.2013).

Рассматривая вопрос использования сниженных слов и оборотов в газетах с точки зрения межкультурной коммуникации, нужно говорить и о трудностях перевода подобной лексики. Нередко такие слова переводятся описательно, а если переводчику всё же удаётся подобрать близкий по смыслу вариант, то часть коннотаций неизбежно утрачивается: *Don't you love the way all those TV **shows bang on** (inf) about festive food for weeks on end – go on, have another 15lb turkey, you know you want to – and then, the moment Christmas and New Year are over, suddenly go: "Ooh, look at the state of you, you big fat **porky** (inf)-faced **lardy** (slang) – **arsed** (vulgar slang) **git** (BrE spoken, not polite). If you don't do this diet and exercise plan, specially devised for you by smug people in lycra, you'll be in coronary care within a week."*(The

Daily Star 08.01.2013). Сравним, например, английский текст и его перевод: Как вам нравятся эти телешоу, надоедливо твердящие о праздничном угощении – продолжай, съешь еще кусочек индейки, ты знаешь, что тебе хочется – а после того, как новогодние праздники закончились, вдруг начинают: «О, посмотри, во что ты превратился, жирный, донельзя разъевшийся урод. Если ты немедленно не сядешь на диету и не станешь делать упражнения, разработанные для тебя людьми, затынутыми в лайкру, ты окажешься в больнице с сердечным приступом уже на этой неделе».

Библиографический список

1. Матяшевская А.И. Сниженная лексика в СМИ: классификация, употребление, этнокультурные различия (на материале российских и британских газет): дис....канд. филол. наук. Саратов, 2014. 213с.
2. Добросклонская Т.Г. Язык средств массовой коммуникации: учеб. Пособие. М.: КДУ, 2008. 116 с.
3. Швейцер А.Д. Контрастивная стилистика: Газетно-публицистический стиль в английском и русском языках. Изд. 2-е. М. : ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.
4. Шаховский В.И., Солодовникова Н.Г. Экологизация современной науки и параметры экологичного общения // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: колл. моногр. Волгоград : Перемена, 2013. С. 23-33.
5. Кормилицына М.А., Сиротинина О.Б. Язык СМИ: учеб. пособие. Саратов, 2011. 92 с.
6. Мустайоки А. Разновидности русского языка: анализ и классификация // Вопросы языкознания. М.: Наука, 2013. С. 3-27.
7. Fairclough N. Media Discourse. London: Hodder Arnold, 1995. 224 p.
8. Клушина Н.И. Трансформация стилистических и типологических характеристик русского медиадискурса новейшего времени // Экология языка и коммуникативная практика, 2013. №1. С. 98-107.
9. Кормилицына М.А. Стратегия партнёрства и способы её реализации в современной газете // Русский язык сегодня. Вып. 5: Проблемы речевого общения : сб. докладов / Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН; отв.ред. Н.Н. Розанова. М.: Флинта, Наука, 2012. С. 222-252.
10. Сиротинина О.Б. Дискурс власти и дискурс оппозиции с точки зрения их роли в судьбе русского языка // III Международная конференция «Современное общество: человек, власть, экономика». Сб. материалов (разделы 10-15). Саратов, 2014. С. 404-409.
11. Кормилицына М.А., Сиротинина О.Б. Идиостиль журналиста // Медиалингвистика. Междунар. электрон. научн. журнал. 2014. №2 (5). С. 40-50; 2015. №1 (6). С. 25-33. URL: <http://medialing.spbu.ru/part10/58.html> (дата обращения: 15.01.2015).
12. Сиротинина О.Б. О терминах «разговорная речь», «разговорность» и «разговорный тип речевой культуры» // Лики языка / Институт русского языка РАН. М.: Наследие, 1998. С. 348–353.
13. Сиротинина О.Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски: моногр. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2013. 116 с.
14. Новиков Вл. Словарь модных слов: языковая картина современности. М.: АСТ-Пресс, 2012. 253 с.

НЕКОТОРЫЕ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ СЮЖЕТОВ БИБЛЕЙСКОГО ИСТОКА

Н.М. Орлова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: nador2006@rambler.ru

В статье рассматриваются вопросы, связанные с библейским текстом как прецедентным феноменом. Выделены и описаны два типа сюжетов библейского истока; особое внимание уделено ситуации «Лия и Рахиль».

Ключевые слова: Библия, прецедентный текст, прецедентные сюжеты, концепт.

SOME STRUCTURAL SEMANTIC PECULIARITIES OF PRECEDENTIAL STORIES OF BIBLE CRADLE

N.M. Orlova

The article discusses the issues concerned with the Bible text as precedential phenomenon; two types of Bible cradle stories are selected and emphasized; special attention is paid to the situation of “Leah and Rachel”.

Key words: Bible, precedentialtext, precedential stories, concept.

Концепты и прецедентные феномены (ПФ) библейского истока чрезвычайно неоднородны; в их круг входят ипостаси исходного общечеловеческого статуса (*свет, тьма*), культурно значимые понятия (концепты), на формирование которых библейский претекст оказал решающее влияние; прецедентные имена, которые обрели статус концептов (*Адам, Ева, Хам*). Последние могут употребляться в составе устойчивых сочетаний (*Аредовы веки, жена Лота, Валаамова ослица, суд Соломона и др.*). Прецедентные имена и прецедентные высказывания всегда содержат внутреннюю отсылку к соответствующей прецедентной ситуации Библии, являясь ее – ситуации – ключевым концептом. Типология библейских концептов и прецедентных феноменов может быть осуществлена также по степени освоенности их общенародным языком. Определенным показателем служит, с одной стороны, вхождение феномена в филологическую традицию, а с другой – в корпус фразеологии общенационального языка. Так, к прецедентным высказываниям (ПВ) *кимвал звенящий, Сарриных лет достигнуть, жезл Аронов расцвел, не пей вина и сикера* обращаются художественные тексты, но в общенародный словарь они не вошли. Другие высказывания полностью фразеологизировались или вошли в состав паремий, однако и в этом

случае их корпус неоднороден. Среди них могут быть выделены прецедентные высказывания, освоенные языком и не вызывающие прямых ассоциаций с библейской ситуацией и текстом Библии в целом (*невзирая на лица*), высказывания, в семантической структуре которых произошли существенные сдвиги (*злачное место*), и т.д. При полном освоении библейской фразеологии общенародным языком она может подвергаться тем же преобразованиям, что и фразеология в целом, например, замена компонента с паронимической аттракцией (*Вавилонская пашня: в России есть село, где живут представители сразу пяти религиозных конфессий*).

Можно согласиться с замечаниями относительно своего рода научной моды на поиск неперенных интертекстуальных связей в художественных текстах, однако эти замечания в наименьшей степени касаются текстов, связанных с претекстом Библии, поскольку последняя оказала неоспоримое и мощное влияние на всю европейскую и мировую культуру. Книга книг, каждое слово которой «истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено ко всевозможным обстоятельствам жизни и происшествиям мира, из коей нельзя повторить ни единого выражения, которого не знали бы все наизусть, которое не было бы уже *пословицею народов...*», обладает такой «вечно-новой прелестью», что если мы, «пресыщенные миром или удрученные унынием, случайно откроем ее, то уже не в силах противиться ее сладостному увлечению» [1, с. 191-192].

К Библии, как ни к какому иному тексту, применимы рассуждения В.Н. Топорова о «сильных» текстах: «сильные» тексты характеризуются, как мифопоэтическое пространство, присутствием в них Эстетического начала, логосных потенций, внутренней свободы.... Внутреннее (текстовое) пространство свободы неизмеримо сложнее, насыщеннее и энергетичнее внешнего пространства. Оно таит в себе разного рода суммации сил, неожиданности, парадоксы <...>. В нем снимается проблема размерности и отделенности пространства и времени. Оно есть чистое творчество как преодоление всего пространственно-временного, как достижение высшей свободы. Именно поэтому с таким пространством «великого» текста связывается бесконечное множество интерпретаций, которыми этот текст живет «вечно» и всюду» [2, с. 284].

Корпус поэтических или прозаических произведений автора может иметь столь неразрывную связь с библейским текстом, что библейские мотивы рассматриваются в парадигме всего творческого наследия (например, в поэзии Анны Ахматовой); с другой стороны, можно говорить о многочисленных текстах, содержащих обращения к сходным библейским прецедентным феноменам.

Библейские текстовые реминисценции могут быть объемными, представляющими собой подробную, в ряде случаев дословную цитацию, пересказ библейских сюжетов и основных мотивов и т.п. В

художественном произведении может ставиться задача описания или написания другого текста, связанного с библейским претекстом; это явление Ю.М. Лотман обозначил как текст в тексте [3, с. 3-18] – причем применительно именно к разворачиванию библейского сюжета в «Мастере и Маргарите» М.Б. Улगाкова. Таким «текстом в тексте» в кругу текстов, рассмотренных нами ранее, является роман Б. Литвинова «Она не узнала о своей смерти» (текст о съемках фильма, т.е. о продуцировании кинотекста «Содом») [4, с. 212-213], можно говорить о многочисленных признаках текста в тексте применительно к метароману А. Кима «Остров Ионы».

Напротив, в рамках небольшого по объему контекста может разворачиваться обращение сразу к нескольким прецедентным ситуациям библейского истока.

Можно предположить, что прецедентно сильными и наиболее плодотворными в отношении генерирования ключевых концептов окажутся те ситуации, которые содержат драматический элемент, историю новеллистического характера. Это предположение оказалось верным лишь отчасти. Действительно, ситуации, где воплощаются мотивы, связанные с семейными или любовными отношениями, часто становятся основой для прозаических произведений, где они могут выполнять не только текстообразующую, но и сюжетообразующую функцию; сам текст обычно содержит переложение библейского сюжета, его рефлексии, варьирование при сохранении общего смыслового наполнения когнитивной матрицы. Такие ситуации особенно продуктивны в порождении смыслов любовной лирики, поскольку их матрицы содержат концепты-репрезентанты «семья», «любовь», «женственность», «ревность», «измена» и т.п. Это ситуации «Сарра и Агарь», «Руфь», последовательный ряд сюжетов Книги Бытие, включающих всю историю рода Израилева («Иосиф и его братья» Томас Манна), в особенности «Рахиль и Лия», и др. Нетрудно заметить, что необходимое условие для реализации прецедентного потенциала ситуаций этого типа – наличие в библейском нарративе женских образов.

Так, упоминание о сходстве героини повести Людмилы Улицкой «Сонечка» с библейской праматерью Лией, а, следовательно, о том, что жизненная ситуация, нашедшая художественное воплощение, коррелирует с прецедентной ситуацией «Рахиль и Лия», позволяет читателю и интерпретатору текста осуществить когнитивную ретроспекцию, в результате которой по-новому перечитывается упоминание о близорукости Сонечки («Лия была слаба глазами»), о 17 годах, которые прожил с ней муж, о лишенной ревности «сестринской» привязанности к молодой сопернице. В ахматовской «Рахили» когнитивная матрица библейского текста деформируется в соответствии с законами античной трагедии, т.е. «заблуждения» Иакова. Заметим, что «слабые глаза» Лии, которые в Библии прочитываются либо как «некрасивые» (вероятно, на некрасивом лице), либо как символ «слабости» духовной жизни, в ряде

художественных текстов трансформируются в «близорукие», «подслеповатые» (А. Ахматова: «И Лиюнезрячую твердой рукой...»), – т.е. остаются характеристикой физических качеств. Между тем, уже в Средние века Лия становится символом деятельной (земной) жизни – в полном соответствии с ее слабым <духовным> зрением, что не сказывается на ее внешней привлекательности. Эту мысль донесла до нас «Божественная комедия» Данте:

*Мне снилось – на лугу цветы сбирала
Прекрасная (bella) и юная (giovane) жена,
И так она, собирая, напевала:
«Чтоб всякий ведал, как я названа,
Я – Лия, и, прекрасными руками (le belle mani)
Плеща венок, я здесь брожу одна.
Для зеркала я уберусь цветами;
Сестра моя Рахиль с его стекла
Не сводит глаз и недвижима днями.
Ей красота ее очей мила,
Как мне – сплетенный мной убор цветочный;
Ей любо созерцанье мне – дела» (leilovedere, emel'ovrareappaga).*

Проявившаяся в русском переводе этимологическая близость корней (Рахиль = со-зерцание; Рахиль смотрится в зеркало, «зерц-ало») позволила переводчику М. Лозинскому придать отрывку неожиданно новую точность и глубину, что, в свою очередь, дало жизнь поэтическим текстам, прецедентно связанным мне только с Библией, но – непосредственно – с «Божественной комедией». В русской поэзии концепты «Лия» и «Рахиль» включают соответствующие смысловые кванты («деятельность» и «созерцательность»). Ср. у Вяч. Иванова в поэме «Сфинкс» и в сонете «Transcende te ipsum»:

*Два жала есть у царственного змия;
У ангела Порывов – два крыла.
К распутию душа твоя пришла:
Вождь сей тропы – Рахиль; и оной – Лия.*

*Как двум вожжам послушны удила,
Так ей – дела, а той – мечты благие.
Ей Отречение имя, – чьи дела;
Той – Отрешенье<...>*

О. Мандельшам, почти дословно воспроизводящий мысль Данте в известном стихотворении «Он дирижировал Кавказскими горами...», также упоминает о «тропах»:

*Он дирижировал кавказскими горами
И машучи ступал на тесных Альп тропы,
И, озираючись, пустынными берегами
Шел, чуя разговор бесчисленной толпы.*

*Толпы умов, влияний, впечатлений
Он перенес, как лишь могущий мог:
Рахиль глядела в зеркало явлений,
А Лия пела и плела венок.*

Космический масштаб любого библейского концепта, их изначальная привязанность к религиозному дискурсу, не препятствует, таким образом, их дальнейшему философскому осмыслению и переосмыслению, однако можно утверждать, что ситуации, сюжет которых содержит любовные линии, чаще осмысляются именно в этой парадигме, и в целом ситуация «Рахиль и Лия» генерировала значительно больше текстов, эксплицирующих концептосферу «любовь»:

Начнем хоть с отца нашего Иакова. Посмотрите, пожалуйста, что это за молодчина был по сердечной части! Вот настоящий месопотамский рыцарь – влюбился в Рахиль и шесть лет за нее, сердеха, прослужил отцу – да ведь как отслужил: не в прохладном магазине за прилавком, а на поле под палящим солнцем. И что же? Его надули, и надули самым подлым образом: ему дурнолиценькую Лию подложили, а он впопыхах не разобрал. Винить нельзя: разговоров, верно, не было, а в потьмах все кошки серы. Но ведь он не унялся: не потянул тестя в суд, а еще на шесть лет себя забатрачил, чтобы добыть-таки свою зазнобу, и добыл. Так вот этот человек – во всем значении слова, значит, любил (Лесков. Русское тайнобрачие).

Ср. у Дилана Томаса для характеристики мучительного любовного разлада душевнобольного: *He had not slept with Rachel and woken with Leah* (Dylan Thomas. The Mouse and the Woman).

Аналогичным образом идет формирование прецедентности на базе ситуаций «Руфь», «Сарра и Агарь».

С другой стороны, огромное количество библейских прецедентных ситуаций, повествующих о знаковых событиях Ветхозаветной истории, о проявлении Божественного промысла, о борьбе человека со страстями, о его «разговорах с Богом», находит смысловые рефлексии в лирике философского характера. Ситуации Книги Бытие, Книги Исход, пророческих Книг и др. породили большое количество концептов, номинанты которых прочно вошли в лексико-фразеологическую систему и в пословичный фонд европейских языков (*запретный плод, фиговый листок, чечевичная похлебка, неопалимая купина, манная небесная, золотой телец, мерзость запустения; чти отца твоего и мать твою,*

не сотвори себе кумира, ничто не ново под луной, возвращается ветер на круги своя и многие другие). Как правило, эти номинанты относятся к разряду книжной, иногда устаревшей лексики и в русской лингвистической традиции именуются библеизмами; они широко употребительны в книжных стилях (в художественной речи, в публицистике). В общенародном языке имена концептов могут утрачивать смысловую связь с породившими их прецедентными ситуациями.

Отметим также, что при всей огромной употребительности и популярности этих сигналов прецедентности они редко выступают в функции сюжетообразующего средства в прозаических произведениях. Как было отмечено выше, необходимым условием для переосмысления когнитивной матрицы библейского текста в романе, повести, рассказе, драме является наличие в структуре сюжета женских персонажей. Именно поэтому ситуация «Гибель Содомы» подвергается переосмыслению в любовной лирике и в прозе (преимущественно с использованием прецедентного потенциала субситуации «Жена Лота»), а для ситуации «Иона пророк» отмечен лишь один такой пример (на наш взгляд, не очень удачный – в философском романе А. Кима «Остров Ионы»), хотя в целом отмечаются бесчисленные обращения к последней в философской и гражданской лирике.

Несомненно, концепты и прецедентные феномены библейского истока содержат много общего в языковом сознании носителей разных языков и в то же время отражают национальный менталитет и творческую индивидуальность авторов.

Библиографический список

1. Пушкин А.С. Об обязанностях человека. Сочинение Сильвио Пеллико // Собрание сочинений в 10 томах. Т. 6. М.: ГИХЛ, 1962. С. 191-193.
2. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 227-284.
3. Лотман Ю.М. Текст в тексте // Учен. записки Тарт. гос. ун-та. 1981. Вып. 567. С. 3-18.
4. Орлова Н.М. Библейский текст как прецедентный феномен. Саратов: СГСЭУ, 2008. 352 с.

**ПРОБЛЕМА ИНТЕРАКТИВНОСТИ
В ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКЕ
(ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ УНИВЕРСИТЕТСКОГО СПЕЦСЕМИНАРА)**

В.В. Прозоров

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: prozorov@sgu.ru

Определяются смысловые объёмы понятия интерактивности, получившего в последние десятилетия широкое распространение в гуманитарных науках. Представлен опыт руководства университетским семинаром «Проблемы интерактивности в филологии и журналистике».

Ключевые слова: интерактивность, информационно-коммуникативная система, текст, специальный семинар.

**THE PROBLEM OF INTERACTIVITY IN LITERARY STUDIES AND
JOURNALISM (BASED ON THE PRACTICE
OF A UNIVERSITY SPECIAL SEMINAR)**

V.V. Prozorov

The article defines the meaning of interactivity which has been attracting close attention of the humanities scholars in the latest decade. The text presents the author's experience in teaching of a university seminar "The problem of interactivity in literary studies and journalism".

Key words: interactivity, systems of information and communication, text, special seminar.

Интерактивность – понятие, широко распространившееся в последние десятилетия и существеннейшим образом определяющее наше поведение и самочувствие в любом процессе коммуникации. Интерактивность – готовность информационно-коммуникативной системы заметно и разнообразно реагировать на действия пользователя. Имеется в виду установление живой, непосредственной обратной связи. Предварительным и непременным условием реализации интерактивности является наличие системы, состоящей из разнородных, разноуровневых элементов, и человека (пользователя, потребителя, читателя, слушателя, зрителя), вступающего во взаимодействие с этой системой.

В широком обиходе понятие это подчас толкуется очень широко. Сама возможность отозваться на журналистскую продукцию, дозвониться, скажем, до ведущих радио- или телепрограммы, отправить им sms во время эфира не есть ещё вполне отчётливый признак интерактивности. Но

если случается так, что по ходу передачи (публичных обсуждений, опросов, голосований и т.п.) ваш звонок принят, ваше мнение услышано, ваш голос каким-то образом прозвучал, и это обстоятельство внесло более или менее заметные коррективы в намеченный ход программы, в её содержательную направленность, если ваше отношение к обсуждаемому вопросу ведущими прилюдно учитывается, служит поводом для новых поворотов в уважительном и честном диалоге со слушателями / зрителями – налицо уже явные признаки интерактивности.

Сошлюсь на опыт популярной саратовской радиопрограммы «Служба русского языка», которая еженедельно на протяжении многих лет выходит на канале «Россия» (ведущая программы журналист и филолог Инна Прозорова, вместе с ней в прямом эфире работают лингвисты – преподаватели и студенты – Саратовского университета). В течение сорока минут многочисленные заинтересованные в этой передаче радиослушатели не только дозваниваются с целью задать свой вопрос специалистам, но и вступают в активный доверительный диалог с ними и даже друг с другом, по ходу радиообсуждений предлагают свои собственные версии ответов на сложные вопросы языковой культуры и т.д.

Интерактивность предполагает бескорыстный отклик системы на запрашивающий интерес пользователя. В этом расширительном, но вполне корректном смысле любой текст (художественный, публицистический, рекламный, газетно-журнальный, радиный, телевизионный, интернет-текст и т.д.) со всеми его характеристиками является величиной интерактивной. И именно текст литературный и журналистский становится для нас в специальном университетском семинаре бакалавров и магистров образовательных направлений «Филология» и «Журналистика» главным объектом пристального внимания и разностороннего изучения...

Подобный подход в современном гуманитарном образовательном пространстве является прежде всего практико-ориентированным, т.к. убедительно и целенаправленно обращает внимание студентов на особую, непреходящую ценность активного и чуткого взаимодействия в процессе коммуникации, в животворном процессе взаимного поиска согласия. Исподволь развиваются такие полезные и профессионально необходимые компетенции, как умение внимательно вслушиваться в систему аргументов собеседника, чутко соотносить с ними собственные знания и представления, умело вступать в плодотворный диалог с оппонентом. Воспитывается уважительное отношение к другому участнику диалога. Усваиваются навыки бережного восприятия текста во всей полноте его внутренних возможностей и готовностей.

* * * * *

Будущему филологу и журналисту надо основательно, не понаслышке, а ценой собственных исследовательских проб и наблюдений над текстами разного достоинства, сознавать, что литература, искусство

слова, журналистский текст обладают универсальным свойством – заражать вероятного читателя – зрителя - слушателя чувствами и мыслями, которые запечатлел и запечатал в тексте автор. Удивителен сам эффект передачи авторской воли – на расстоянии и во времени. На любом расстоянии и во времени любой протяжённости, подчас – времени историческом.

Я открываю книгу и, если я владею языком, на котором эта книга написана, я пробую проникнуть во внутренние смыслы произведения. Что при этом происходит? Что за немеренная сила удерживает в совершенном тексте бездну мыслей и чувств? Как эти мысли и чувства непроизвольно соприкасаются со мной, переливаются в меня, фокусируются и сосредоточиваются во мне, словно бы неумышленно заражая меня собой? Книга (текст) может при этом существовать и на бумажных, и на электронных носителях – всё равно. У электронной книги тоже есть свои несомненные достоинства: она живая, она дышит и светится...

Я убежден в том, что парадоксально равноправны два зеркально явленных суждения: «Я воспринимаю текст» («Я читаю книгу, газету, журнал, смотрю телепередачу, слушаю радио, общаюсь в интернете» и т.п.) и «Текст воспринимает меня» (соответственно: «Книга, газета, журнал читают меня, тексты электронных СМИ вглядываются в меня и ко мне прислушиваются» и т.д.).

В простоте душевной нам порой кажется, что в диалоге с автором мы, читатели, – ведущие, мы полновластные хозяева положения. Придётся по вкусу книга – благодарно дочитаю, не понравится – времени на неё тратить попусту не стану. Книга (фильм, спектакль, живописное полотно, любое произведение искусства, любой журналистский текст) – в полном моём распоряжении.

Однако в той же мере, в какой я, пользователь, выбираю *этот* текст, пробую его осваивать, сам текст не остаётся безразличным ко мне. Он приоткрывается мне навстречу или, напротив, «свёртывается» и «уходит в себя», «обнаружив» мою глухоту и неспособность, неприготовленность (или нерасположенность) к его пониманию.

Если мне, читателю, не нравится, предположим, признанный миром классик, то, стало быть, в первую очередь это я ему, создателю совершенного текста, не пришелся по вкусу, показался скучным, вялым, неинтересным, безразличным собеседником. Это он со мной не пожелал вступить в полноценный диалог, не ввёл, не впустил в свой целостный художественный мир. Или, пристрастно вглядевшись, постарался быстрее распротиться со мной, выставив за порог своего текста, за пределы собственного поэтического дома – книги, спектакля, фильма. Захвачен я, к примеру, чтением рассказов, повестей, пьес Антона Павловича Чехова – совпали до какой-то степени наши с ним нравственно-поэтические координаты, наше самочувствие и настроение. Зеваю за книгой – сама она

отторгает меня. Мила мне какая-нибудь дешёвая бульварная поделка, значит, её автор нашёл во мне близкого человека и готов заключить меня в свои цепкие объятия... Тут нет никаких преувеличений.

Сегодня само представление об интерактивной природе прежде всего словесно-художественного текста широко признано и стало общедоступным добром. Специального исследовательского интереса по-прежнему заслуживает сложный вопрос о взаимоотношениях участников диалога – автора и читателя (пользователя) – в самой текстовой структуре и фактуре.

Реальность текста – реальность ожидания текстом своего «потребителя». Мне, читателю, чтобы быть потрясенным словесно-художественным текстом, надо быть по-настоящему задетым за живое, сочувствующим сюжету и фабуле текстовой данности, в диалог с которой я вступаю. А чтобы быть задетым за живое, совершенно необходимо подключить свой эстетический опыт, своё эстетическое внимание и сопереживание. В структурных глубинах текста заключены интерактивные предпосылки тех превращений, которые могут случиться со мной в процессе восприятия...

Иными словами, нас интересует текст с точки зрения заключённых в нём готовностей к контакту – диалогу с предполагаемым собеседником, с вероятным читателем, с воспринимающей аудиторией. В спецсеминаре «Проблема интерактивности в филологии и журналистике» мы последовательно различаем такие психолого-эстетические уровни интерактивности художественного текста, как ***внимание, соучастие и открытие.***

Под термином «внимание» мы договариваемся понимать текстовую модальность (особенно отчётливо проявляющуюся на начальных периодах текста), побуждающую читателя – зрителя – слушателя как можно экономнее и органичнее «войти в произведение», наладить с ним непосредственный диалог, попасть в его ритм, понять и принять художественные условия данного рода (жанра) художественного высказывания.

Соучастие – свойство текста вызывать более или менее устойчивые и интенсивные сопереживания (созмышления), связанные с отражённой и выраженной в нем художественной реальностью, с системой ключевых, лейтмотивных слов-понятий, сравнений, сопоставлений, распознаваемых мною, более или менее знакомых мне и трогающих за живое жизненных, житейских (в том числе, исторических, этнопсихологических, общекультурных и т.д.) реалий.

Открытие – вызванный (спровоцированный) совершенным текстом, подготовленный всей его (стремительной, напряжённой, торопливой или, напротив, нарочито замедленной, рассредоточено-меланхолической) сюжетной динамикой взрыв очищения, обновления, потрясения.

Истинно художественный текст ненамеренно заключает в себе внутренние готовности к совершенствованию восприятия, приоткрываясь одним читателям на стадии неустойчивого, быстро улетучивающегося внимания, вызывая к соучастию других, подвигая третьих к разного рода эмоционально-интеллектуальным открытиям и пронзительным откровениям. Текст может – на вырост – содержать внутренние стимулы к развитию читателя, словно бы приглашая его к углубленному сопереживанию. В каждом художественном тексте живо запечатлен образ своего читателя-адресата, своего желанного собеседника. Этот образ может быть бережно и осторожно реконструирован, и тогда нам откроется вероятный диапазон воздействия данного текста на реальных читателей разных возрастов и поколений.

* * * * *

Интерактивность в сфере СМИ – способность человека влиять на содержимое и направленность журналистского продукта, возможность общаться с другими пользователями, свободно высказывая свое мнение и отношение к увиденному и услышанному. Интерактивное общение – неизменная составляющая всех электронных и печатных СМИ, желанный и необходимый способ самовыражения для аудитории. Есть сегодня и известная потребность в развитии информационных диет – разумного сокращения потребления пёстрой и разносоставной информации во имя психологической гигиены. Касается это прежде всего конкретных вопросов возрастной психологии, дошкольного и школьного медиаобразования. Речь идёт о разумном предпочтении экологически чистого продукта СМИ конвейерным изделиям бездумной и бесчувственной массовой продукции.

В мире телекоммуникаций к явлениям интерактивности относятся компьютерные игры, электронная почта, общение "он-лайн" в интернете, интернет-чаты, интернет-магазины, платежи, банковские услуги (компьютерные системы банк-клиент) и другие реальные взаимодействия, осуществляемые с помощью привычных уже электронных коммуникаций. Интерактивное киберпространство – место встречи, которое уже изменить невозможно. Для многих юных и молодых виртуальное общество не менее реально, чем «реальный» социум, активные ресурсы интернета являются по-настоящему целительными для тех, кому опостылела окружающая повседневность. Игровое начало в интернете – действительная интерактивность, связанная с возможностью создания мнимой, иллюзорной идентичности.

Смысловой диапазон понятия «интерактивность» предоставляет возможность в спецсеминаре предлагать студентам исследовательские темы широкого диапазона: от анализа словесно-художественных текстов классического, беллетристического и всякого иного достоинства до

изучения разнообразных проектов и программ современных электронных СМИ.

За время занятий (на протяжении пяти учебных семестров) каждому студенту предоставляется право попробовать свои силы в разных интерактивных по своей природе жанрах общения с самостоятельно выбранным объектом собственного пристального внимания (литературным или журналистским) и с сочувственной средой – семинарской аудиторией, в которой на правах активных участников работают преподаватели, аспиранты, студенты – бакалавры и магистры.

Это и «рефераты об исследовательских намерениях», и обзоры существующей научной литературы по теме работы, и курсовое сочинение в электронном формате, заблаговременно представляемой всем участникам семинара, и краткие презентационные выступления на самом заседании семинара, и опыты оппонентских заключений по поводу текстов своих коллег по семинару, и экспертные заключения по обсуждаемым на семинаре научно- и социально значимым проблемам, и итоговые (на каждом занятии) тайные голосования с оценкой работ, обсуждаемых на очередной семинарской встрече, и многое другое.

Есть смысл обратить специальное внимание на «реферат об исследовательских намерениях», т.к. подобный учебный жанр является нашим в течение многих уже лет хорошо испробованным интерактивным семинарским брендом. Реферат этот отличается от обычного аналитического текста тем, что в нём автор знакомит участников семинара с первыми этапами своего погружения в новую тему, делится своими первыми конкретными исследовательскими планами, обосновывает тему своего проекта, определяет его цель и предварительные задачи, в первом приближении обосновывает будущую структуру, обозначает круг основных ключевых слов-понятий и т.д.

Текст реферата, с которым участники семинара предварительно знакомятся по электронной почте, выносится на общее обсуждение. Автор реферата вместе с его научным консультантом из числа преподавателей и аспирантов, работающих в семинаре, внимательно и, как правило, благодарно выслушивает все возможные вопросы, замечания, советы, предостережения, пожелания и потом, вместе со своим консультантом, основательно взвешивает и классифицирует прозвучавшие предложения, особо выделяя те, что могут реально пригодиться в ближней и дальней рабочей перспективе.

Иными словами, реферат об исследовательских намерениях – вариант интерактивного мозгового штурма, перекрёстного экспертного рассмотрения только ещё формирующихся планов научного студенческого исследования, посвящённого самой проблеме интерактивности в филологии и журналистике.

**ОСОБЕННОСТИ ВЕДЕНИЯ МИКРОБЛОГА ГЛАВАМИ
ГОСУДАРСТВ (НА ПРИМЕРЕ МИКРОБЛОГА ТВИТТЕР
В.В. ПУТИНА И Б. ОБАМЫ)**

Е.В. Саунина

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: sauninaev@mail.ru

В статье рассматривается микроблог Твиттер. На примере сообщений В.В. Путина и Б. Обама выявляются характерные черты ведения микроблога главами России и США. Описываются особенности оформления и стиля каждого из них. Сопоставление лингвистических особенностей твитов выявило определенные различия, представленные в статье.

Ключевые слова: микроблог Твиттер, Путин, Обама, глава государства.

**SOME PECULARITIES OF PRESIDENTIAL MICROBLOGGING
(BASED ON PUTIN'S AND OBAMA'S TWITTER)**

E.V. Saunina

The article considers a microblog Twitter. Some features of the head of the state tweets in Russia and the USA (Putin and Obama) are distinguished. The organization and the style peculiarities are described. The comparison of linguistics of the tweets has shown some certain differences which are presented in the article.

Key words: frequency words, Putin, Obama, Russian, American.

В современном мировом сообществе распространение информационных технологий радикально сказывается на множестве процессов, происходящих в разных сферах деятельности. Интегрирование технических средств в коммуникационное пространство трансформирует сам характер коммуникации. Распространение информационных технологий в политической сфере не стало исключением. В политическом дискурсе меняются как средства передачи и получения информации, отношения между его участниками, так и содержательный аспект. В связи с этим, интересно выявить каким образом распространение и внедрение информационных технологий влияет на сущность и характер политической коммуникации.

Очевидна тенденция к тому, что участники политической коммуникации все больше и больше выходят на всеобщее обозрение. В определенной степени более доступной становится информация об их профессиональной деятельности, факты личной жизни. Достаточно иллюстративным примером может служить Твиттер. Твиттер – это

микроблог для обмена короткими (до 140 символов) сообщениями. Подобно любому сервису с блогами и микроблогами Твиттер обладает рядом преимуществ, функций и возможностей. В настоящее время в Твиттере ежедневно публикуется свыше 650 000 твитов, насчитывается около 6 млн. пользователей. Микроблог Твиттер вызывает научный интерес исследователей в разных областях знания. При этом анализу подвергаются как технические, так и социальные, психологические и другие аспекты [1, 2].

Необходимо обозначить наш интерес к этому микроблогу. Зачем же политическому деятелю публиковать свои сообщения посредством данного сервиса? Размещая сообщения в Твиттере глава государства имеет возможность предоставить информацию о своей профессиональной деятельности, а также позиционировать себя как обычного пользователя Интернета. Следует помнить, что одна из ключевых целей политики – борьба за власть и ее удержание, одним из средств реализации этого является воздействие в его различных проявлениях. Любая социальная сеть, блог имеют свою аудиторию (возрастную, гендерную, социальную). Твиттер не является исключением. Все это способствует тому, что глава государства становится информационно ближе к населению, пользуясь Твиттером, оказывается в равных условиях с остальными пользователями. Помимо этого, как показывают наши наблюдения, сообщения отрицательного характера, как правило, не присутствуют. За счет этого популяризуется положительный образ главы государства.

Для исследования микроблога мы обратились к Твиттеру президента России и США. Важно оговорить, что в нашем понимании номинация «Твиттер Путина / Обамы» в силу своей специфики не означает, что они являются единственными авторами сообщений. Существует команда специалистов, которая занимается подобными вопросами. Однако данный факт частично стирает личностные субъективные лингвистические особенности сообщений.

Прежде всего, стоит отметить, что отправной точкой для многих различий в ведении Твиттера служит тот факт, что аккаунт у Б. Обамы подтвержденный (о чем свидетельствует «голубой значок» в его профиле). У В.В. Путина подобного значка нет, однако сообщается, что это официальный аккаунт поддержки президента. Практически после каждого сообщения дается ссылка на официальный сайт президента Российской Федерации *kremlin.ru*. Таким образом, перейдя на официальный сайт правительства у читателей есть возможность убедиться в достоверности предлагаемой информации. Твиттер В.В. Путина выступает как дублирование официального сайта.

Следующее различие связано с количественными и временными показателями. Микроблог Твиттер был создан в 2006 году. Известно, что Б. Обама является активным пользователем сети Интернет и одним из

первых активно проводил предвыборную кампанию в мировой паутине. Кроме того, Б. Обама является одним из первых активных пользователей самого Твиттера. Первая запись Б. Обамы в Твиттере появилась в 2007 году, В.В. Путина – в конце 2011 года. В тот период в нашей стране начиналась подготовка к предвыборной президентской кампании. Разным оказывается и количество подписчиков у российского и американского президента («фолловеров» в терминологии Твиттера). По состоянию на начало 2015 года у В.В. Путина чуть больше миллиона подписчиков. По этому случаю в феврале 2015 года в Твиттере В.В. Путина появляется следующая запись: *«Миллион читателей. Спасибо!»*. Данный твит обращает внимание лаконичностью. У Б. Обамы свыше (на тот же период) 50 миллионов подписчиков. Однако, аналитики утверждают, что большой процент подписчиков Обамы – боты, то есть пользователи с вымышленными именами.

У американского главы государства по сравнению с российским значительно больше опубликованных сообщений. На тот же период времени (март 2015 года) у В.В. Путина 1,5 тыс. твитов, у Обамы – 13 тыс. Нельзя не признать тот факт, что количество твитов, подписчиков и время регистрации на микроблоге взаимосвязаны.

Интересной особенностью микроблога В.В. Путина является то, что существует его англоязычная версия. Информация, представленная в Твиттере В.В. Путина направлена не только на жителей России и аккаунт приобретает статус международного.

Вышеперечисленные характеристики, сочетаясь со спецификой лингвокультуры, менталитета, традиций политической коммуникации сказываются и на особенностях самих сообщений. Методом случайной выборки мы рассмотрели твиты президентов за 2014-2015 гг. Первая яркая отличительная особенность – структура текстового сообщения. В сообщениях российского главы государства лаконично описано происходящее в профессиональной деятельности президента. Они носят информационный характер.

Исследуя более подробно твиты В.В. Путина можно охарактеризовать их как сообщения о событиях. При этом сообщается либо о прошедших событиях, либо о предстоящих. Все описанные события – это события связанные с речевыми актами (поздравление, вступительное слово, переговоры), либо с действиями (назначение на должность, вручение премии, посещение мероприятия). Как правило, твиты В.В. Путина лаконичны, в краткой форме передают основную мысль.

Следующие примеры демонстрируют характерный стиль твитов Путина, связанных с собственно речевыми актами: *«Поздравление летчику-космонавту Валентине Терешковой с днем рождения»*, *«Поздравление участниками съезда Федерации еврейских общин России»*. Аналогичным образом организованы сообщения о (телефонных)

переговорах с главами государств и с политическими деятелями: «Российско-венгерские переговоры», «Переговоры в «нормандском формате», «Телефонный разговор с Премьер-министром Греции Алексисом Ципрасом». Употребляются как соответствующие антропони́мы (венгерский), так и фамилии политических деятелей. Среди остальных твитов можно выделить следующие традиционные для политического дискурса жанры: выступления на форумах, интервью журналистам и т.д. Достаточно частотными оказываются сообщения о совещаниях президента: «Совещание по вопросам доступности банковских кредитов для предприятий реального сектора», «Совещание по экономическим вопросам».

Среди твитов В.В. Путина можно выделить и несобственно речевые акты: назначение на должность, подписание закона («Подписан закон о ратификации Договора о прекращении деятельности ЕврАзЭС»), указ («Указ «О генеральном конструкторе по созданию вооружения. Военной и специальной техники»), кадровые изменения, торжественный вечер др. Как видно из приведенных примеров структура сообщения – номинативные конструкции, пассивные, без указателя на исполнителя действия.

Стиль твитов Б. Обамы более разнородный. Его твиты представлены высказываниями в прямой речи (тот факт, что аккаунт подтвержден способствует этому): «*I believe America is not just a place where higher education is a privilege reserved for the few*», «***I'm not pushing** these ideas for my sake. **I'm pushing** them because I think this is where America needs to go*». В данном сообщении применяется частотный и излюбленный прием – параллельные конструкции. На первый план выходит личность автора – заботливого, уверенного деятеля, но лично причастного к сообщениям в Твиттере. Частотны и призывы к действиям: «*Let's roll up our sleeves, work together, and try to get something done*». Присутствуют сообщения от третьего лица: «*President Obama sits down with @BET tonight at 6 p.m. ET. Watch a preview here*». Таким образом, с одной стороны фигура президента предстает как официальное лицо институционального дискурса, с другой стороны у читателей есть возможность прочитать не его личные твиты, а сообщения, представленные как объективные.

За счет глагольных конструкций в грамматической форме Continuous создается ощущение сиюминутности, читатели ощущают свою причастность к событиям в жизни главы государства: «*Happening now: President Obama speaks about investing in precision medicine to improve health and disease treatment*». Подписчики и пользователи Твиттера имеют возможность незамедлительно узнавать о важных политических, социальных, экономических и других событиях. Это важно для создания успешного и грамотного образа политика.

Ярким примером различного оформления твитов может служить следующий пример. В тех случаях, где у В.В. Путина представлено

лаконичное высказывание, у Б. Обамы – мы читаем красивое изречение. Ср. поздравление с международным женским днем: «*Поздравление с 8 Марта*» и «*Women make immeasurable contributions to our world*».

За счет большего общего количества твитов Б. Обамы (в том числе и по одной тематике), его сообщения в общей канве микроблога образуют небольшое выступление, представленное в виде несколько кратких сообщений. В Твиттере Б. Обамы встречается много мультимедийных материалов (фотографии, видео, аудио), ссылок на другие сайты и источники, ретвиты.

Несмотря на то, что английский язык не допускает неполных предложений, письменное общение в подобной форме возможно. Однако, в сообщениях Б. Обамы присутствуют только полные конструкции «*We've already tripled wind energy in America, but there's more we can do*», «*We're making big strides in combating climate change – but more can be done*». Звучат призывы: «*Inspire us. Lead us. Be the Americans that we need you to be*».

Можно предположить, что Твиттер В.В. Путина частично дублирует официальный сайт правительства *kremlin.ru*. У Б. Обамы Твиттер используется в полном объеме, с использованием всех доступных функций и возможностей.

Таким образом, Твиттер В.В. Путина отличается информативностью и лаконичностью стиля. У Б. Обамы – большее разнообразие (вопросительные предложения, прямая речь, метафорические конструкции, большее количество символов, ретвиты и т.д.). За счет нескольких твитов, объединенных одной темой, создается континуальность микроблога. Твиттер Б. Обамы более эмоционален. У В.В. Путина за счет того, что каждый твит посвящен отдельной теме или событию создается динамичность и событийность.

Библиографический список

1. Walker L. Twitter Research: Social Scientist Mine Tweetstream for Patterns. URL: <http://personalweb.about.com/od/socialmediaresearch/a/Twitter-Research.htm> (дата обращения: 25.02.2015).
2. Chen J., Nairn R., Nelson L., Bernstein M., Chi Ed.H. Shortand Tweet: Experiments on Recommending Content from Information Streams. URL: www.users.cs.umn.edu/~echi/papers/2010-CHI/Zerozero88-tweet-recommender-ASC-PARC.pdf (дата обращения 03.03.2015).
3. Твиттер Б. Обамы. URL: <https://twitter.com/BarackObama> (дата обращения 03.03.2015).
4. Твиттер В.В. Путина. URL: <https://twitter.com/PutinRF> (дата обращения 03.03.2015).

МЕДИАЛИНГВИСТИКА – ОСНОВА ЖУРНАЛИСТИКИ

О.Б. Сиротинина

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: rusyazsgu@mail.ru

В статье рассматривается роль медиалингвистики как проблемы научного исследования разных аспектов СМИ и её место в подготовке журналистов.

Ключевые слова: медиалингвистика, журналистика, публицистика, язык, наука, образование.

MEDIALINGUISTICS IS THE BASIS OF JOURNALISM

O.B. Sirotinina

The article deals with the role of medialogistics as a problem of research of different issues of mass media and the place it occupies in journalists' training.

Key words: medialogistics, journalism, opinion journalism, language, science, education.

Медиалингвистика – наука о СМИ, использовании в ней языка с учётом её массового адресата и возникающих в связи с этим проблемах свободы слова, выражения своей позиции. В её рамках рассматриваются жанры СМИ, роль каналов передачи и восприятия информации, выявляются идиостили журналистов и т. д. [1, с. 44] (см., например, статьи в любом номере международного электронного журнала «Медиалингвистика» [2]. Получается, что именно эта наука охватывает и социальные конфликты, возникающие в стране, и форму их выражения в разных видах СМИ, и проблемы использования в СМИ иностранных заимствований и нелитературной лексики, т.е. именно медиалингвистика, сосредоточенная на исследовании СМИ в любых аспектах, составляет основу журналистики. И это неслучайно, потому что именно язык – главный инструмент журналистской деятельности. Никакой анализ любых СМИ (их работы и их текстов) без обращения к проблемам, рассматриваемым в медиалингвистике, и использования в СМИ языка (лексики, словотворчества, соблюдения или несоблюдения не только языковых, но и этических норм), практически невозможен.

Меня всегда смущала возможность защиты диссертаций на материале СМИ в системе политических наук (23.00.00) и даже в системе филологических, но по специальности не 10.02.10, а 10.01.10, поскольку обращение к языку в любом исследовании СМИ гораздо необходимее, чем

при исследовании художественных и даже публицистических произведений, но не СМИ.

Конечно, такое исследование возможно в рамках публицистики, объединяющей собственно СМИ (газеты, радио, телевидение, а теперь и Интернет во многих своих «отделах») и журналы, в отличие от СМИ, рассчитанных скорее на публичного, чем массового читателя. Однако, даже в таких диссертациях, монографиях и статьях без обращения к языку не обойтись, что подтверждает и ознакомление с диссертациями, защищенными в нашем совете по двум специальностям 10.01.01 и 10.01.10 [3] и диссертациями, защищёнными по специальности 10.01.01 [4]. Без анализа языковых и речевых фактов и факторов, вызвавших то или иное употребление (проблем медиалингвистики), ни публицистика, ни журналистика как наука с более широким охватом фактов (музыкального сопровождения или включения наглядных иллюстраций, телевизионной картинки, интернет-изображений и т.д.) существовать просто не могут.

Отсюда вывод, что, хотя, медиалингвистика – это часть публицистики и журналистики в целом, именно медиалингвистика является основной составляющей как публицистики, так и журналистики.

Но это касается не только научных исследований, даже если речь в них идёт, прежде всего, о контенте СМИ, а не языкового его выражения (без которого контент просто не существует), но и образовательной подготовки журналистов.

Конечно, без элементов социологической, политологической и собственно журналистской (в значительной мере технологической) подготовки будущих журналистов и повышения их профессиональной компетентности в рамках повышения квалификации не обойтись, но нельзя забывать о том, что основной инструмент журналистов – язык. Поэтому в образовании по направлению «Журналистика» как в бакалавриате, так и в магистратуре и аспирантуре должно быть уделено основное внимание лингвистике: система языка, её уровни, связь с отражением окружающего нас мира – когнитивная, языковая и информационная картина мира (то, что имеет прямую связь с контентом СМИ) и проблемы функционирования языка – речь и проблемы её культуры, ответственности СМИ за судьбу языка, арсенал выразительных средств речи журналиста (этически и законодательно допустимое и недопустимое), прогнозирование адресата и его роль в формировании текстов СМИ, их риторической организации. В применении к СМИ всё это находится в ведении медиалингвистики и её составляющей – медиастилистики.

Один из основных недостатков наших СМИ – недостаточная коммуникативная компетентность журналистов. Отсюда и неумение эффективно пользоваться возможностями богатейшего литературного

русского языка (то вытеснение из употребления литературных синонимов, их замена модными просторечными и жаргонными, то не нужное системе иностранное заимствование при наличии фактически равнозначного своего), то пренебрежение возможностями адресата воспринимать в звучащей речи что-то ему ранее не известное (фамилии, названия городов и т.д.), понимать неизвестный массовому адресату термин или иностранное слово, что вызывает неизбежный риск коммуникативных неудач, а нередко и негативных социальных последствий.

О своей ответственности за запрещённое законом журналисты научились помнить (угроза закрытия сайта, лишения лицензии, судебный иск), а об ответственности перед обществом (возбуждение агрессии, примеры нарушения элементарных норм речевого общения – их фактически санкционируют в сознании населения) и судьбой языка (его жаргонизация, варваризация, огрубление и обеднение) часто просто и не подозревают. Отсюда и различия в употреблении сниженной лексики российскими и английскими газетами [5] и речевого поведения в политических ток-шоу [6]. К сожалению, наши СМИ переполнены негативными примерами и злоупотребления грубой лексикой, и неумения выслушать оппонента, не перебивать его и не кричать одновременно с ним, что не даёт возможности воспринять доводы каждого из спорящих.

Воспитание у будущих журналистов ответственности за последствия каждого их слова [7] едва ли не основная задача всей образовательной подготовки будущих журналистов. И это тоже осуществляет медиалингвистика во всех своих составляющих (медиастилистика, культура речи, прагматика, риторика, имиджелогия).

Несомненно, медиалингвистикой подготовка журналистов не исчерпывается. Кроме собственно журналистской компетентности (жанры СМИ, технологии редактирования, вёрстки и т.д.) и медиалингвистической компетентности, важны общекультурная и частично входящая в неё – литературоведческая компетентность, знания российских законов и прежде всего тех, которые касаются СМИ. Без хотя бы элементарных знаний географии, истории, о Вселенной, биологических и физических законах эффективность работы журналиста тоже невозможна. Увы, но у журналистов школьные знания часто прочно забыты (кислота со щёлочью образуют, по их словам, раствор; сам русский язык придумали болгары, *И дым отечества нам сладок и приятен* – слова не Чацкого из «Горя от ума» А.С. Грибоедова, а неведомого Федора, автор «Резизора – Грибоедов и т.д. – это реальные факты их деятельности!»). К счастью, не всегда это звучало из уст телеведущего, но было (и не в прямом эфире!) и было даже напечатано в газете.

Сейчас в год литературы, очень много говорят о том, что молодёжь фактически перестала читать художественную литературу. Увы, но это заметно даже по тем, кто приходит в Институт филологии и журналистики:

не знают, кто автор «Ревизора», кроме того, что Отелло – главный герой пьесы Шекспира и он убил жену, ничего об Отелло тоже не знают.

Отсутствие таких общекультурных, а не собственно литературоведческих знаний, для журналиста не просто отсутствие должных компетенций, а позор. При этом, с одной стороны, тем самым журналист лишает себя возможности использовать одно из самых ярких и действительно воздействующих на адресата выразительных средств – прецедентных феноменов. Ими может быть и прецедентное имя (персонажа или реально существовавшего человека), отсылка к известному событию (аллюзия) или высказыванию. Без использования этого выразительного средства текст обедняется, становится менее выразительным, снижается его действенность и значимость. С другой стороны, если журналист употребил прецедентный феномен, а адресат его не знает, поэтому мысли адресанта не понял, текст тоже обедняется, теряет свою выразительность и силу. Именно поэтому сейчас в СМИ в качестве прецедентных феноменов часто используется что-то из современной (нередко псевдохудожественной) литературы, из модных песен, имена современных молодёжных кумиров. Характерно, что даже сейчас, когда в СМИ много вспоминали о Ялтинской встрече Сталина, Рузвельта и Черчилля, демонстрировали фотокадры, говорили о её значимости для судеб не только войны, но и наступившего после её завершения мира, далеко не все студенты I курса журналистского отделения соотнесли с ней заголовок статьи в «Российской газете» – *Дух Ялты* (говорили просто о *Крыме, курорте* и только, когда прочитали саму эту статью, поняли, о чём идёт речь). А в транслируемом по TV конкурсном экзамене журфака МГУ абитуриентка, следившая, по её словам, за олимпиадой в Сочи, не смогла назвать ни одного нашего чемпиона.

Однако журналист должен таких адресатов учитывать, но не должен идти у них на поводу, обязан расширять кругозор масс, заинтересовывать их упоминаниями о прецедентном в надежде, что заинтересуются и прочтут об этом не только в статье. Но для этого тоже надо использовать что-то в помощь адресату. Это также изучает медиалингвистика.

Без знаний классической (истинно художественной) литературы, авторов произведений, самих текстов, как и имён великих художников, скульпторов, их произведений, имён и деяний государственных деятелей, политиков, учёных, фактов, тем более событий истории хорошим журналистом стать невозможно, как невозможно им быть и будучи этически безграмотным.

Профессия журналиста – очень трудная профессия, и очень многое в его работе и судьбе зависит от уровня его подготовки. Боюсь, что замена специалитета на бакалавриат при необязательности магистратуры вряд ли пойдёт на пользу СМИ. Но жизнь есть жизнь, и в тех условиях, в которых мы работаем, надо сделать всё, что от нас зависит, чтобы образовательную

подготовку углубить и, главное, выработать у будущих журналистов понимание необходимости постоянного расширения своих знаний и роли умения пользоваться возможностями русского языка для передачи массовому адресату того, что журналист должен / может сообщить.

В первом варианте Совета по русскому языку при президенте, потом правительстве РФ (1995-2003) им было принято решение (и оно было воплощено в жизнь) о включении в федеральный компонент высшего образования по любой специальности дисциплины «Русский язык и культура речи», призванный не только улучшить знания о нем образованных масс, но, прежде всего, привить выпускникам вузов уважение к русскому языку и понимание того, что в разных ситуациях он должен использоваться тоже по-разному. С перестройкой высшего образования на западные лекала, из федерального компонента эта дисциплина исчезла, а зря. Во-первых, несмотря на всё возрастающую роль английского языка, забывать о своём языке нельзя. Во-вторых, и система высшего образования, и наука в России и не должны, и не могут отрываться от родного языка, который к тому же является государственным. И в эффективности как образования, так и науки огромную, явно недооцененную роль, играет **умелое** использование языка. Оно важно не только для создания великих художественных произведений, таких СМИ, которые не просто информируют население и при этом воздействуют на него, но и поднимают его до истинного патриотизма, стремления помогать, а не убивать и грабить, воспитывают умение эффективно и правильно пользоваться языком, а не тиражируют ошибки. Язык нужен всем профессиям (от медика, физика до продавца, дворника) и просто каждому везде: дома, на улице, в семье и на работе, в разговоре с друзьями и с недругами, с подчиненными и с начальством. Без языка нет человека. Об этом нельзя забывать ни в образовании, ни в науке. Благодаря языку мы многое знаем о прошлом человечества, а без рассказа о дошедших до нас примитивных орудиях труда, сохранившихся скелетах вымерших животных не могли бы готовить ни археологов, ни палеонтологов, как и астрономов, ядерщиков и т.д. Внимание к языку должно быть всегда и везде. Школа перестраивается на новые стандарты, но не всегда удачно, и не всякий пока учитель – образец для подражания в использовании языка. Поэтому я уверена, что факультеты, сохранившие в своих учебных планах дисциплины, повышающие знания студентов о языке (и «Русский язык и культура речи» и «Риторика» или «Деонтология») поступили правильно.

Библиографический список

1. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь). Уч. пособие. М.: Флинта; Наука, 2008. 264 с.

2. Медиалингвистика. Междун. электрон. научн. журнал. 2014-2015. URL: <http://medialing.spbu.ru/part10> (дата обращения: 01.02.2015).
3. Тишков А.А. Читательский интернет-отклики на произведения художественной литературы и публицистики (2009–2014 гг.): автореф. дис... канд. филол. н. Саратов, 2014. 19 с.
4. Соловьёва М.М. Динамика литературно-общественной жизни 1930-х годов в осмыслении «Литературной газеты»: автореф. дис... канд. филол. н. Саратов, 2014. 22 с.
5. Матяшевская А.И. Сниженная лексика в СМИ: классификация, употребление, этнокультурные различия (на материале российских и британских газет): автореф. дис... канд. филол. н. Саратов, 2014. 23 с.
6. Рисинзон С.А. Общее и этнокультурное в русском и английском этикете. Монография. Саратов: Изд. центр «Наука», 2010. 419 с. (глава 3).
7. Fairclough N. Media discourse. London, 1995. 214 p.

УДК 821.161.1.09-2+929 Вампилов

СКРЫТЫЕ СМЫСЛЫ В ДИАЛОГЕ СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДРАМЫ 20 ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ПЬЕСЫ ВАМПИЛОВА «ПРОШЛЫМ ЛЕТОМ В ЧУЛИМСКЕ»)

Е.В. Тиден

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: elenatiden@yandex.ru

Материал статьи основан на анализе скрытых смыслов. На основании анализа устанавливается, что в плане функционирования скрытых смыслов разные типы диалогов имеют как черты сходства так и различия.

Ключевые слова: имплицитность, подтекст, импликация, пресуппозиция, эллипсис, неполное предложение, повтор, косвенно-побудительный тип предложений, фоновые знания, идиосредства.

IMPLICIT SENSE PRODUCTION FORMS IN THE DIALOGUE OF SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL DRAMA LATE XX CENTURY (BASED ON ALEXANDER VAMPILOV'S PLAY “LAST SUMMER IN CHULIMSK”)

E.V. Tiden

The results presented in the article are based on analysis of implicitness. Based on the analysis established that in terms of the functioning of implicit meanings the different types of dialogues have both similarities and differences.

Key words: implicitness, subtext, implication, presupposition, ellipsis, incomplete sentence, repetition, indirect type of incentive proposals, background knowledge, idiosyncrasies.

Объектом исследования является пьеса Вампилова «Прошлым летом в Чулимске». Вампилов писал в жанре социально-психологической драмы, для которой характер, но внимание к психологии человека, с одной стороны; стремление объяснить социальные проблемы, с другой.

В художественной манере Вампилова ощутимо влияние драматургии Чехова. В чеховских произведениях «нарисованы» картины повседневной, обыденной жизни, показаны обычные люди с их ежедневными проблемами, делами и интересами. Но при этом представлена огромная философская глубина.

Так и в драматургии Вампилова не показаны крупномасштабные события. Все герои – жители глубинки, занятые своими обязанностями и заботами. Например, сельский учитель Третьяков, следователь Шаманов и другие. Несмотря на то, что все люди изображены в их повседневной жизни, драматург раскрывает читателю душевные переживания, развитие своих героев.

Цель работы – на фоне диалога–унисон и диалога–диссонанс определить формы и функционирование скрытых смыслов в диалоге драмы.

Диалог-диссонанс позволяет противопоставить разные точки зрения на социальные и философские вопросы. При объединяющей собеседников атмосфере диалог имеет унисонный характер.

Для формирования скрытых смыслов служат языковые средства всех уровней – от фонетического до синтаксического.

В качестве примера фонографических средств образования скрытых смыслов на звукобуквенном уровне приведем звуковые повторы.

ВАЛЕНТИНА (поднимается на крыльцо). Как же вы здесь спали?.. Холодно же. Да и жестко, наверно... Постучались бы. (Консонантный повтор)

Ритмомелодический рисунок создают сочетание контрастных по длине синтагм («...Так он сейчас придет. // Сюда. //»); ритмический стык («Почему? Зачем кричать?»)

Звуковая картина может разворачиваться за счет подчеркнутой равномерности чередования ударных слогов. Например, в следующей реплике Еремеева ударение падает на второй слог.

ЕРЕМЕЕВ.

... Почему? Зачем кричать?

Особое место среди графических средств принадлежит пунктуации. Паузы, отмеченные тире или многоточием могут передавать состояние нерешительности или нервозности персонажа. Реплика обрывается под наплывом чувств [1, с. 18].

ЕРЕМЕЕВ. Сейчас придет – тут его подожду.

ВАЛЕНТИНА. Как хотите...

На морфологическом уровне образование скрытых смыслов реализуется через повтор: имени собственного, вопросительных слов, глаголов совершенного времени, инфинитива, наречия.

ЕРЕМЕЕВ. Зачем стучаться? Зимой надо стучаться... Ты **Афанасия** знаешь?

ВАЛЕНТИНА. **Афанасия?**.. А вы к нему?(Повтор имени собственного)

ЕРЕМЕЕВ. Ты почему?

Почему? Зачем кричать?

ВАЛЕНТИНА. Ой, как вы меня напугали...(Повтор вопросительных слов)

ВАЛЕНТИНА. Ой, как вы меня **напугали**...

ЕРЕМЕЕВ. **Напугал?**.. Почему **напугал?** Я не страшный.(Повтор глаголов совершенного времени)

ЕРЕМЕЕВ. Зачем стучаться? Зимой надо стучаться... Ты Афанасия знаешь? (Повтор инфинитива)

Так он сейчас придет. **Сюда**.

ЕРЕМЕЕВ. **Сюда?** (Повтор наречия)

Иногда с помощью повтора передается нежелание говорящего продолжать разговор. Приведем пример взаимодействия реплик по типу «ответа вопросом на вопрос».

ЕРЕМЕЕВ. Зачем стучаться? Зимой надо стучаться... Ты **Афанасия** знаешь?

ВАЛЕНТИНА. **Афанасия?**.. А вы к нему?

Такой уход от ответа (в форме переспроса) может означать не только истинное непонимание собеседника, но и страх .

Повтор может также эксплицировать неодобрение и иронию [1, с. 17].

Наряду с повтором к таким средствам следует отнести антитезу. С помощью « антитезы, выражаются межличностные отношения (антипатия, скрытая ложь, неодобрение, самооценка, лесть, уход от ответа), оценочное отношение к ситуации и эмоциональное состояние личности » [1, с. 16].

ЕРЕМЕЕВ. (улыбается). Зачем бояться? Зверя **надо бояться**, человека **не надо** бояться.

ВАЛЕНТИНА. Как хотите... (Ключом открывает дверь чайной.) Да вы **садитесь**, чего зря **стоять**.

Все большую актуальность приобретает проблема смыслообразующего потенциала синтаксических средств. В социально-психологической драме коммуникативная направленность структурных типов диалога имеет конкретного адресата. Это находит выражение в форме обращений и вопросно-ответной структуры, которые создают впечатление живого разговора.

ЕРЕМЕЕВ. **Напугал?.. Почему напугал? Я не страшный.**

ВАЛЕНТИНА. **Нет, вы страшный**, если неожиданно...

Чеховский метод создания подтекста с использованием пауз, молчания, недоговоренностей, незавершенности речи получил оригинальное и достойное воплощение в творчестве Вампилова. На синтаксическом уровне это сказывается обилием эллиптических конструкций, наблюдается частотность односоставных и неполных предложений.

ВАЛЕНТИНА. Уже не боюсь... (Снова возится с калиткой.) (Односоставное определено личные)

«Драматургический текст состоит из речи персонажей и авторской речи в виде ремарок, которые составляют единое художественное целое. Ремарки автора играют большую роль в создании подтекстовых структур. Они помогают за прямым содержанием речей персонажей или их поступков увидеть «глубинное» подтекстовое содержание, связанное со скрытыми мотивами их поведения. С помощью авторских ремарок выражаются межличностные отношения и эмоциональное состояние» [1, с. 18].

ВАЛЕНТИНА. Нет, вы страшный, если неожиданно... **(Улыбается.)** Извините, конечно...

ЕРЕМЕЕВ **(улыбается)**. Зачем бояться?

Имплицитность как лингвокультурологическая категория находит свое воплощение в виде определенных устойчивых этикетных клишированных формул.

ВАЛЕНТИНА. Уже не боюсь... (Снова возится с калиткой.) Помогите, **пожалуйста**.

Принципом вежливости продиктовано использование косвенных речевых актов, что весьма важно для диалогического общения. Использование речевых актов в косвенной форме предоставляет коммуниканту большие возможности при выборе ответной реакции.

Примером косвенных речевых актов могут служить косвенно-побудительные структуры. К косвенно-побудительному типу предложений относятся структуры, передающие несвойственное им значение побуждения. Возможность трансформации в прямой императив доказывает правомерность рассмотрения этих структур как косвенно-побудительных.

Косвенно-побудительные структуры в нашем материале представлены повествовательными и вопросительными предложениями.

Наличие этих структур необходимо, поскольку в зависимости от обстоятельств употребляется либо более категоричная структура (повествовательная), либо менее категоричная (вопросительная).

1) ЕРЕМЕЕВ. Ты почему?

Валентина молчит. Испуг еще не прошел, и она смотрит на Еремеева широко раскрытыми глазами.

Почему? **Зачем кричать?** → Не кричи.

В данном предложении вопрос трансформируется в императив.

2) ВАЛЕНТИНА. Да вы садитесь, **чего зря стоять.** → Не стой.

Здесь повествовательная структура трансформируется в императив.

Лексико-фразеологические средства языка взаимодействуют с другими средствами смыслопорождения и играют важную роль в формировании имплицитных смыслов. В лексической структуре этого диалога акценты расставлены с помощью ключевых слов и словообразов. В качестве ключа выступает слово *страх*. Слова-союжники создают психологическую напряженность, передающуюся читателю: *испуг – страшно – страшный – напугал – бояться*.

По-настоящему серьезный шаг к постижению поэтики Чехова-драматурга Вампилов сделал в своей последней законченной пьесе «Прошлым летом в Чулимске». Интересна находка Вампилова, образ-символ, его «вишневый сад» – забор палисадника, который на протяжении всей пьесы пытается сохранить Валентина, и который то и дело вытаптывали равнодушные люди. Палисадник становится «символом любви-исцеления, верности, гармонии в доме и мире, символ терпения и мужества главной героини, кроме того, своеобразной «лакмусовой бумажкой» для проверки нравственной состоятельности персонажей пьесы» [2, с. 190].

В качестве словообразов реализуют себя: *дом и дорога, лестница, крыльцо*. Слова-союжники – *спускается, поднимается*.

В тексте драмы преобладают диалоги, отражающие конфликтные отношения персонажей (диалоги-споры, ссоры, перебранки и др.), и

диалоги директивного характера (таков, например, диалог Валентины с отцом).

ПОМИГАЛОВ (всем). Доброе утро.

С ним здороваются.

(Закрывает ворота. Громко, на ходу, не глядя в сторону чайной.)
Валентина! В обед подметешь двор, натаскаешь воды. Борова покорми да выпустить его не забудь.

ВАЛЕНТИНА (возится с калиткой). Папа! Иди-ка сюда.

ПОМИГАЛОВ. Чего тебе?

ВАЛЕНТИНА. Иди помоги.

ПОМИГАЛОВ (разглядел, чем занимается Валентина, махнул рукой.).
А! Некогда мне.

ВАЛЕНТИНА. Да на секунду! Тут только придержать надо.

ПОМИГАЛОВ. Кому это надо? (Ведет мотоцикл в сторону.) Брось. Детством занимаешься... (Отдает Валентине распоряжения.) За бором присмотри. Да про баню не забудь. Будешь воду носить, смотри, чтобы куры в огород не попали. (Исчезает.) [5, с. 6].

В этом диалоге паузы отмечены многоточием.

Детством занимаешься... (Отдает Валентине распоряжения.)

Для усиления воздействия используются междометия.

ПОМИГАЛОВ (разглядел, чем занимается Валентина, махнул рукой.).
А! Некогда мне.

ПОМИГАЛОВ За бором присмотри. **Да** про баню не забудь.

На синтаксическом уровне наблюдается частотность односоставных предложений.

ВАЛЕНТИНА. Иди помоги. (определенно личные)

Короткие простые предложения превалируют над сложными.

Будешь **воду** носить, смотри, чтобы куры в огород не попали.
(сложные) Побудительные и восклицательные усиливают воздействие на адресата.

1) ПОМИГАЛОВ. Кому это надо? (Ведет мотоцикл в сторону.) **Брось.**
(Повелительное предложение)

2) ВАЛЕНТИНА(возится с калиткой). Папа! (восклицательные)

3) ПОМИГАЛОВ (разглядел, чем занимается Валентина, махнул рукой.) А! Некогда мне (восклицательные)

Образование скрытых смыслов реализуется через повтор и инверсию.

1) **Борова** покорми да выпустить его не забудь...**За боровом** присмотри (повтор и инверсия)

2) ВАЛЕНТИНА. Да на секунду! Тут только придержать **надо**.

ПОМИГАЛОВ. Кому это **надо?** (повтор)

Детством занимаешься... (Отдает Валентине распоряжения.) (инверсия)

Будешь **воду** носить, смотри, чтобы куры в огород не попали. (Исчезает.) (инверсия)

Косвенно-побудительные структуры в нашем материале представлены здесь повествовательными предложениями.

ВАЛЕНТИНА. Да на секунду! Тут только придержать **надо**.

К контекстуально-ситуативным косвенно-побудительным предложениям относятся сентенсоиды-волитивы, поскольку они содержат сему воздействия на слушающего [3, с. 74].

Волитивы классифицируются нами вслед за И.И. Прибыток как квестивы, или вопросы и императивы, или побуждения. [3, с. 74]. Императивы-директивы в нашем материале представлены существительными. ВАЛЕНТИНА. Да на секунду!

1) **Валентина!** В обед подметешь двор, натаскаешь воды.

2) ВАЛЕНТИНА (возится с калиткой). **Папа!** Иди-ка сюда.

Эти два предложения иллюстрируют употребление вокативного предложения в качестве косвенно-побудительного. Под вокативными мы понимаем такие предложения, где главным и единственным членом предложения является обращение (т.е. имя лица, к которому обращена речь, или его эквивалент) [4, с. 8]. Однако следует различать эти два понятия: обращение и вокативное предложение. Вокативное предложение от обращения отличает, во-первых, интонационная самостоятельность и, во-вторых, наличие предикации благодаря интонационному выражению побуждения. Вокативные предложения, в отличие от обращений, выполняют все функции побудительного предложения, т.е. 1) побуждают к действию; 2) выражают стремление остановить или предотвратить действие, а также 3) побуждают к подаче информации [4, с. 16].

В заключении можно сделать вывод, что диалог–унисон и диалог–диссонанс отличаются в плане функционирования скрытых смыслов. В диалог–унисон чаще употребляются тире и многоточие. Паузы, отмеченные тире или многоточием могут передавать состояние нерешительности или нервозности персонажа. В речи участников диалог–диссонанс преобладают побудительные, восклицательные предложения и междометия, т.к. герои стараются повлиять друг на друга. Для выражения иллокутивной силы побуждения чаще используется прямой императив, а не косвенный как в случае с диалогом–унисон. Косвенно-побудительные структуры в диалог–диссонанс представлены повествовательными

предложениями, как более категоричными. В диалоге–унисон используется менее категоричная вопросительная структура. В диалоге–диссонанс замечено употребление сентенсоидов. Это объясняется тем, что сентенсоидная форма как еще более резкая, чем собственно побудительные предложения, пригодна в основном для актуализации команд, не подлежащих обсуждению. В диалоге–диссонанс реже встречаются этикетные клишированные формулы вежливости, в отличие от диалога–унисон.

Но эти типы диалога имеют не только различие, но и сходство. Оба передают черты разговорной речи, для которой характерна экономия речевых средств. С этой особенностью разговорной речи связано обилие коротких простых предложений, эллиптических конструкций, односоставных и неполных предложений.

Библиографический список

1. Козьма М.П. Подтекст как вторичная моделирующая система (на материале художественных произведений английских и американских писателей). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 2008. С. 21.
2. Канунникова И.А. Александр Валентинович Вампилов (1937-1972) // Русская драматургия XX века. М., 2003. С. 180-192.
3. Прибыток И.И. Английские сентенсоиды. Саратов, 1992. С. 180.
4. Ветрова О.Г. К вопросу о структуре и некоторых коммуникативных функциях вокативных предложений // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. 1977. №8. С. 8-18.
5. Вампилов А.В. Утиная охота: Пьесы. М., 2003. С. 272.

УДК 811.161.1'271.16

СПОРНЫЕ СЛУЧАИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТАТЕКСТОВЫХ КОНСТРУКЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ГАЗЕТНОЙ РЕЧИ

Е.В. Уздинская

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: levitzky@mail.ru

В статье рассмотрены метатекстовые конструкции в современном газетном тексте, показаны возможности их применения и различные отклонения от стандартных принципов использования; выявлены наиболее типичные отклонения.

Ключевые слова: метатекстовые конструкции, дискурсивы, правила речевого поведения, нестандартное употребление.

DISPUTABLE USES OF METATEXTUAL CONSTRUCTIONS IN THE MODERN NEWSPAPER'S SPEECH

E.V. Uzdinskaya

The article presents a research of metatextual constructions in the texts of modern newspapers showing the ways of their usage and different deviations from standart usage principles; the most typical deviations are singled out.

Key words: metatextual constructions, discourse markers, speech etiquette, non-standard usage.

Одной из особенностей современной коммуникации в СМИ является заметное увеличение личностного начала, стремление «материализовать» фигуру говорящего в тексте, создать впечатление диалога с читателем [1, с. 465-475]. Это впечатление достигается, например, использованием обращений, вопросоответных единств, разговорных слов и конструкций и т.п. К средствам подобного рода относятся и всевозможные метатекстовые выражения, заметное увеличение которых отмечают современные исследователи [1, с. 465; 2, с. 275].

К метатекстовым элементам в тексте относят «высказывания о самом высказывании» [3, с. 404], которые осуществляют «вербализацию контроля за вербализацией» [4, с. 54]. М.А. Кормилицына и И.Т. Вепрева называют подобные единицы рефлексивами, убедительно показывая их роль в речевой коммуникации [5, с. 20-25; 6]. Часть метатекстовых конструкций, осуществляя контроль за речью, выполняет при этом текстообразующие функции (*к слову, иными словами, иначе говоря, таким образом* и т.п.). О роли подобных единиц в устной публицистической и научной речи см. в исследовании Т.В. Харламовой [7]. Другие метатекстовые выражения позволяют, по выражению Т.В. Шмелевой, осмыслить высказывание с точки зрения условий и условностей общения. Среди указанных конструкций выделяется достаточно большая группа единиц, представляющих из себя клишированные операторы, или дискурсивы (*так сказать, честно, говоря, грубо говоря* и т.п.). Выражения подобного рода позволяют, по мнению Т.В. Шмелевой, составить наиболее точный «кодекс речевого поведения», т.е. некоторый набор правил, которыми должен руководствоваться говорящий [8, с. 73]. К таким правилам относятся, например, требования не сообщать общеизвестной, банальной информации, не сообщать неприятного для собеседника, придерживаться одного способа ведения беседы, говорить точно, подбирая единственно верные слова, быть искренним, не быть излишне откровенным, не преувеличивать, говорить согласно норме и как принято, избегать штампов и др. [8, с. 76]. Метатекстовые выражения служат именно для оправдания того или иного нарушения, объяснения по его поводу. При этом они характеризуют соответствующий фрагмент высказывания как

«ненормативную речевую зону» (выражение И.П. Вепревой [6, с. 109]). Использование указанных единиц свидетельствует о способности говорящего прогнозировать результаты своей речевой деятельности и предупреждать ее негативные последствия [6, с. 104]. Таким образом, метатекстовые конструкции позволяют говорящему в максимальной степени избежать какого-либо непонимания его адресатом и, по выражению Т.В. Шмелевой, способствуют поддержанию коммуникативного престижа говорящего [7, с. 75].

Однако дискурсивы указанного типа не всегда используются оправданно. В устной речи, в силу ее неподготовленности, это вполне объяснимо и допустимо. Но в письменном тексте подобные явления заметны и нежелательны. Какие метатекстовые выражения наиболее часто обращают на себя внимание читателя именно нестандартным, неточным употреблением? С чем связаны подобные употребления и как они влияют на восприятие текста? Это мы и попытались выяснить в данной работе (См. также [9, с. 54-76.]) Материалом для исследования послужили тексты центральных газет.

Достаточно часто в газетных текстах используются слова и выражения с оборотами *так сказать, если можно так сказать, что называется, как говорится* и т.п. По мнению Т.В. Шмелевой, первые два выражения служат своеобразными «извинительными пометами за языковые вольности», т.е. за использование каких-либо нестандартных, необычных выражений [10, с. 130-131], а такие обороты, как *что называется и как говорится* – это, напротив, «извинение за безынициативное поведение», использование слишком употребительного выражения, иногда близкого к штампу» [10, с. 130-131]. Все указанные единицы характеризуют выражение как необычное для речевого обихода самого автора или чуждое ему: *Теперь русская раздольная песня в загоне, редкая гостья отечественного эфира. Как говорится, «неформат»* (ЛГ №17, 2013). *Я, как тогдашний начальник Контрольного управления президента и тоже вынужденный конфликтовать с Гайдаром, наверное, что называется, в теме* (ЛГ №43, 2011). Во всех случаях использование метатекстовых слов указанного типа готовит читателя к встрече с каким-то нетипичным для автора (а значит, необычным, нестандартным или «одиозным», по выражению Т.В. Шмелевой) выражением. Но иногда ожидания адресата не оправдываются. Ср.: *Уже здесь проявляется пропагандистский талант будущего доктора... Книга, что называется, заинтересует и историков, и психологов, и просто рядовых читателей.* (Завтра №41, 2013). Читатель, настроенный выражением **что называется** на какое-то нестандартное или «одиозное» выражение, разочарован.

В газетах можно встретить, кроме того, нестандартное использование слов и словосочетаний, выражающих метасмысл «преувеличение». Этот смысл регулируется правилом речевого поведения, предписывающим

говорящему «воздерживаться от преувеличений, быть умеренным в оценках и суждениях» [11, с. 83]. К словам, выражающим указанный метасмысл, Т.В. Шмелева относит, например, *буквально, прямо, прямо-таки, поистине, едва ли* и т.п., а также конструкции типа *не будет преувеличением сказать* и т.п. [11, с. 82]. Выражения подобного рода появляются в тексте тогда, когда для говорящего есть риск быть заподозренным в преувеличении, чрезмерном выражении каких-либо оценок. Использование слов с указанным смыслом – это либо извинительная помета, оправдывающая такое преувеличение как необходимое, либо указание, что преувеличения в данном случае нет вообще [11, с. 82]. Ср.: *Ты **буквально** кожей ощущал эту жизнь низов, с их жаждой революционной романтики* (АиФ №35, 2013). ... ***Буквально** на днях мы принимали участие в двух «домашних» специализированных выставках...* (МК 28.08-04.09.2013). Во всех случаях подобного рода слова типа *буквально, просто, прямо* и т.п. предваряют номинации, употребленные в переносном, экспрессивном значении либо в значении количественной оценки, указывающие на высокую степень проявления признака [12, с. 66-68]. Однако иногда в газетах встречаются примеры следующего типа: *Несколько часов шесть пожарных **буквально** смывали клей с бетона и почвы, после чего откачивали грязную жидкость* (МК 23.09.2013). В приведенных примерах выражения, следующие после слова *буквально*, не содержат необходимых в подобном случае элементов образности, интенсивности, количественной оценки и поэтому не могут, на наш взгляд, выражать метасмысл «преувеличение». Подобного же рода несоответствие ожидаемому можно обнаружить в примерах с оборотами *можно сказать, я бы даже сказали* под.: *Недавно в Подольском выставочном зале прошла выставка, посвященная бабенской игрушке. Это, **можно сказать**, стало началом празднования 100-летия Бабенской артели* (ЛГ №20, 2011).

Нарушение ожиданий адресата можно отметить и в примерах с оборотами, содержащими метасмысл «категоричность». Таковы, например, выражения *если угодно, если хотите*, которые свидетельствуют, что предполагаемое обозначение может шокировать адресата своей резкостью, категоричностью, неожиданностью [6, с. 52-53]. Ср.: *Как мне кажется, чтобы объявить о возрождении журнала «Новый мир», основанного литератором и меценатом Е.В. Аладьиным в 1825 году, нужно было, **если угодно**, набраться по-хорошему литературной дерзости* (ЛГ №20, 2011). *Это была попытка «из-под глыб идеологии» вычленивать, высвободить правду о великой и трагической русской истории и поднять, **если угодно**, «русский вопрос»* (ЛГ №49, 2011). Выражения, следующие в подобных примерах после оборота *если угодно*, на наш взгляд, трудно оценить как резкие, категоричные, шокирующие своей неожиданностью.

Еще более часто обращает на себя внимание не вполне стандартное использование выражений *извините, простите* и т.п.. Обычно подобные дискурсивы показывают, что автор считает свои слова неприятными для собеседника в связи либо с их формой (грубой, сниженной и т.п.), либо с содержанием (если они указывают на какие-либо неприятные для адресата факты, которые могут его как-то обидеть, задеть и т.п.): *И словесной, простите, брехней о всеобщей заботе о детях и о необходимости чуть ли не каждого отказного ребенка помещать в приемные семьи мы не можем прикрыть равнодушие и цинизм, которые буквально на глазах сжирают общество ...*(МК 28.08-04.09.2013). По словам И.Т. Вепревой, парадокс использования подобных слов состоит в том, что, «извиняясь, говорящий тем не менее употребляет ненормативную лексику. Рефлексив при этом сигнализирует о выборе эмоционально-экспрессивного варианта как предпочтительного, прямо выражающего отношение автора речи к обозначаемому» [6, с. 154]. Таким образом, дискурсив свидетельствует о намерении автора не только смягчить резкость выражения, но и сказать правду, какой бы неприятной она ни была, назвать вещи своими именами. Следует заметить, что в последние годы распространенным стало извинение не только за грубые и резкие, но и за высокие слова: *Хотелось, извините, малость осчастливить человечество, убавить мировую агрессию, возродить престиж Русской армии ...*(МК 28.08-04.09.2013). По-видимому, высокие, книжные слова оцениваются как лишаящие общение искренности и непринужденности и, следовательно, создающие некоторое напряжение, дискомфорт для адресата. Но во всех случаях использование слов типа *извините, простите* характеризует автора как человека прямого и искреннего, не боящегося сказать правду.

Однако, как уже отмечалось, в газете нередко можно встретить такие употребления указанных слов, которые не укладываются в рамки стандартного: *А на основных каналах столько пошлости, цинизма, столько, простите меня, насилия!* (АиФ №16, 2013). *Нас, работников музея, беспокоит не столько неконтролируемый туризм, сколько, извините, отсутствие очистных сооружений для поселка* (ЛГ №41, 2009). Конечно, в приведенных примерах речь идет о негативных фактах, относящихся к сфере «низкого», но они не относятся к неприятным лично для адресата, не касаются табуированных сфер и не выражены в резкой форме. В некоторых же случаях при использовании слов *извините* и *простите* в тексте не говорится вообще ни о чем негативном: *Но никто до сих пор не мог сказать, что видел следы снежного человека или его пещеру. Извините, он же должен где-то жить, что-то есть, размножаться* (МК 11.10.2011).

Иногда дискурсивы указанного типа, вместо того чтобы смягчать резкость выражения, на наш взгляд, только подчеркивают его: *Последние сто лет у нас этничность не приговор и не гетто. Все знают, что поэт*

Осип Мандельштам – еврей, писатель Фазиль Искандер наполовину перс, наполовину абхаз, режиссер Георгий Данелия – грузин. И никто из них от своих этносов не отрекался, но, как ни верти, они и в жизни проявляют черты русского человека. Говорят по-русски, создают на русском языке свои произведения, любят Россию, чувствуют ее, переживают за нее. Эти люди, **извините за намек на грубое выражение**, не цветы в проруби (ЛГ №6, 2012). Выражение *цветы в проруби* – это эвфемизм, замещающий грубое выражение. Извинительные пометы в подобных случаях, на наш взгляд, не очень уместны, поскольку эвфемизмы указанного типа обычно используют как раз для того, чтобы избежать выражений, требующих извинений. Но автор извиняется не столько за эвфемизм, сколько за *намек*, т.е. как раз направляет внимание читателя на выражение, вместо которого этот эвфемизм употреблен. В результате грубость высказывания, на наш взгляд, только усиливается.

Но наибольшее количество спорных случаев использования метатекстовых выражений составляют примеры со словами и словосочетаниями типа *честно говоря*, *прямо скажем*, *откровенно говоря*, *признаться*, *признаемся* и т.п. Их использование связано прежде всего с такими требованиями к речи говорящего, как искренность и правдивость. При этом, как отмечает Т.В. Шмелева, говорящий нарушает другое требование – не говорить неприятного для собеседника. Быть искренним для успешной коммуникации представляется более важным [8, с. 75]. Правда, на наш взгляд, выражения данной группы свидетельствуют о нарушении не только требования «не говорить неприятного для собеседника» (это свойственно в большей степени словам типа *простите*, *извините*), но и требования «не говорить о том, что может быть неприятно для самого говорящего» (о его промахах, недостатках, слабостях, несбывшихся надеждах и ожиданиях, переживаниях (в соответствии с правилом не переходить некоего общепринятого предела откровенности [8, с. 75])). В подобных случаях благодаря указанным дискурсивам упоминание о собственных недостатках (слабостях, промахах и т.п.) оправдывается стремлением к искренности и доверительности общения. С другой стороны, читатель, видя подобные метатекстовые конструкции, настраивается на восприятие чего-то необычного, сокровенного и т.п.: **Честно признаться**, немного злоупотреблял я в Донецке зеленым змием. (Советский спорт 08.18.2009]. **Признаться**, первые километры на BMW 123d дались нелегко. (РБК Daily 08.13.2009)]. **Я, честно говоря**, не помню, кто придумал аббревиатуру БРИКС (РБК Daily 18.04.2011). Иногда дискурсивы указанного типа не только служат показателем искренности, откровенности и т.п., но и позволяют судить о некоторых установках, взглядах автора, о его отношении к своим политическим единомышленникам и т.п.: **По правде говоря**, не являюсь, в отличие от многих моих же политических единомышленников, сторонником

идеологического отношения к искусству. (Завтра №41, 2013). Выражение *по правде говоря* свидетельствует о том, что автор, хотя и отмежевывается от своих соратников во взглядах на искусство, но склонен считать их позицию более правильной, а свою – более спорной, уязвимой.

Однако в ряде случаев использование выражений подобного рода, на наш взгляд, не улучшает коммуникативный эффект высказывания: ***Честно говоря***, – отвечает Наиль Балаутдинова, дендролог Главботсада РАН, – *вторичное (осеннее) цветение – вещь весьма обычная* (АиФ 2009, №37). ***Если честно***, я только после просмотра очередного творения Эдварда Радзинского «Гитлер. Путь к власти» полез в Интернет и с удивлением узнал, что он по образованию историк (ЛГ №25, 2011). На заводе работает медпункт, который, ***если честно***, больше напоминает мини-поликлинику (МК 22.09-29.09.2004). ***Скажу честно***: инвалидов, вставших на ноги после молитвы, я наблюдал неоднократно (ЛГ №31, 2011). Во всех примерах подобного рода метатекстовые выражения использованы, на наш взгляд, без всякой необходимости: в высказываниях нет указаний на сокровенные чувства говорящего, на факты неприятные, неожиданные для кого-либо из собеседников. Более того, в последних примерах речь идет о безусловно положительных, отрадных явлениях (мини-поликлиника – это еще лучше, чем медпункт; очень хорошо, что инвалиды встали на ноги и т.п.).

Иногда текст такими заверениями в честности и искренности просто перенасыщен: *Это потом случится с нами, со всей страной нашей такая беда, что юноши в сочинениях на тему: «Кем бы ты хотел стать» – напишут, что барменом. А мы, **признаться**, и слова-то такого не знали. **Честно** (ЛГ №10, 2011). **Если рассуждать по-честному**, на нашем ТВ существует множество программ о культуре, но существуют ли культурные программы? Есть ведь разница между тем, чтобы быть влюбленным и рассуждать о любви. Быть сытым и говорить о еде. Мечтать и просто иметь мечты в виду. **Если продолжать рассуждать по-честному**, то на нашем телевидении существует даже немало передач, посвященных литературе* (ЛГ №23, 2011). Обильные, настойчивые уверения в честности и искренности заставляют читателя ожидать каких-то особенно важных откровений, тогда как в высказываниях речь идет о самых обычных фактах.

Иногда выражения с подобным смыслом используются и для передачи речи того или иного лица: *Поддержка аграрного сектора для нас – безусловный приоритет, – **признается** губернатор Ростовской области Василий Голубев. – Селян мы не бросим никогда* (АиФ Сар. 2014, №28). *Прав Вячеслав Володин, который **прямо сказал**: «Считаю, что за последние два месяца ситуация в Саратове в вопросах благоустройства стала меняться к лучшему»* (МК Сар. 30.06-07.06.2010). В подобных случаях герои публикаций предстают как честные, искренние люди, не

боящиеся открыть правду. Однако содержание их высказываний совершенно обычно, стандартно и, как правило, далеко от каких-либо разоблачений.

Во всех обсуждавшихся выше случаях ошибки в использовании дискурсивных слов, на наш взгляд, связаны с тем, что автор, планируя свою речь, предполагал ее такой, которая требовала бы извинительных помет, но создал нечто ординарное, не требующее никаких комментариев. Метатекстовые дискурсивы в подобных случаях выступают как маркеры желательной для говорящего речи при отсутствии способности (возможности, необходимости) создать такую речь. Состав дискурсивов, обсуждавшихся в статье, позволяет предполагать, что автор, как правило, хочет представить свою речь как нестандартную, необычную, экспрессивную, не всегда приятную как для него самого, так и для адресата, но главное – правдивую и искреннюю. Иногда это приводит к неосознаваемой потребности повторять соответствующие слова постоянно, в результате чего они превращаются в слова-паразиты (*простите, честно говоря* и т.п.). В устной речи указанные явления могут не замечаться и прощаться, поскольку устную речь трудно планировать. В письменном же тексте подобные случаи обращают на себя внимание и снижают качество публикации.

Библиографический список

1. Кормилицына М.А. Усиление личностного начала в русской речи последних лет // Русский язык сегодня – 2. Активные языковые процессы конца XX века. М., 2003. С. 465-476.
2. Кормилицына М.А. Метатекстовые конструкции и узуальные стилистические нормы современных газет // Русский язык сегодня – 4. Проблемы языковой нормы / Ин-т рус. яз. РАН. М., 2006. С. 275-283.
3. Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике- М.: Прогресс, 1978. С. 402-421.
4. Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст. М. / Институт русского языка, 1986. 199 с.
5. Кормилицына М.А. Рефлексивы в речевой коммуникации // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. С. 20-25.
6. Вепрева И.П. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: Олма-пресс, 2005. 384 с.
7. Харламова Т.В. Textoобразующие средства в устной речи (на материале русского и английского языков). Дисс.... канд. филол. наук. Саратов, 2000. 241 с.
8. Шмелева Т.В. Кодекс речевого поведения // Русский язык за рубежом. 1983. №1. С. 72-77.
9. Уздинская Е.В. Метатекстовые конструкции и особенности их использования в современных газетных текстах// Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2014. Вып. 12. С. 54-76.
10. Шмелева Т.В. «Так сказать» и «как говорится» // Служебные слова. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1987. С. 125-132.

11. Шмелева Т.В. Средства выражения метасмысла «преувеличение» // Системный анализ значимых единиц русского языка. Синтаксические структуры. Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1987. С. 82-92.
12. Словарь служебных слов русского языка / Дальневост. гос. ун-т. Владивосток, 2001. 363 с.

УДК 811.111'42

ДИНАМИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Т.В. Харламова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: kharlamovtv@yandex.ru

Данная статья посвящена изучению ключевых слов и понятий политического дискурса, которые воссоздают картину изменений политического мышления российской власти в начале 21 века. В ходе исследования также рассматривается положение о том, учитывают ли лидеры страны особенности восприятия власти гражданами, и получают ли эти особенности воплощение в политическом дискурсе, продуцируемом ими.

Ключевые слова: политический дискурс, ключевые слова, политическое мышление, концепты.

DEVELOPMENT OF POLITICAL MENTALITY: LINGUISTIC ASPECT

T.V. Kharlamova

The article deals with the key words and notions of political discourse, which depict alterations in political mentality of Russian politicians at the beginning of the 21st century. It is also analyzed whether the political leaders of the country take into account people's perception of the authority and whether these characteristics are realized in the produced political discourse.

Key words: political discourse, key words, political mentality, concepts.

Основными целями и задачами политической лингвистики является анализ ключевых слов и концептов политического дискурса, а также описание семантических процессов, отражающих динамику политического мышления и общественного сознания.

Данное исследование посвящено изучению ключевых слов текущего момента, которые воссоздают картину изменений политического мышления российской власти в начале 21 века. Материалом для проведения исследования послужили тексты посланий Президента РФ

Федеральному собранию в 2000-2014 гг., анализ которых позволяет проследить семантические изменения российского политического дискурса в последние десятилетия.

Сравнительный анализ тематической структуры посланий президента в 2000-2014 гг. показал, что во всех текстах функционирует определенный набор ключевых слов, в котором присутствуют постоянные (*Россия, народ, власть, развитие, сила* и др.) и переменные (*демократия, терроризм, коррупция, справедливость* и др.) составляющие.

Рассмотрим ключевые слова, которые являются основополагающими для восприятия российской власти.

Идея национального единства активно использовалась в российском политическом дискурсе в качестве ключевой идеи. Анализ сочетаемостных характеристик слова «единство» показал, что в посланиях президентов единство было связано, прежде всего, с территориальной целостностью и унитарным характером государства. Единство употребляется как с неодушевленными, так и с одушевленными существительными: *единство народа, единство страны, единство разнообразных культур, единство исторической судьбы* и др.

Наряду со словом «единство» в 2003 году используется заимствованное слово «консолидация»: *консолидация политических сил, общества, властей, цивилизованных государств, интеллектуальных, властных и нравственных ресурсов* и др.

Следует отметить, что наполнение слова единство не совпадает в выступлениях В.В. Путина и Д.А. Медведева. В 2000-2007 гг. в посланиях В.В. Путина единство страны понималось как укрепление государственной власти и наличие на всей территории России единого правового, экономического и политического пространства: *единая исполнительная вертикаль, единая стратегия внутренней и внешней политики, единые права и свободы, единое экономическое пространство*. В посланиях 2008-2011 гг. Д.А. Медведев размышляет о единстве народа, общества, нации и рассматривает его как обязательное условие развития страны: *единство разнообразных культур, единый народ, единство многонационального народа, единство российской нации, единое культурное пространство*. В 2012-2014 гг. В.В. Путин возвращается к идее территориального единства страны и говорит о единении народа в контексте территориального воссоединения с Крымом: *единство всей российской территории, государства, России, политических партий, общественных сил, единая история, национальные объединительные идеи, историческое воссоединение Крыма и Севастополя с Россией, единая русская нация, единый народ*.

По мнению М.В. Гавриловой, «сопоставление контекстов употребления ключевого слова единство позволяет представить цепочку семантических изменений: единство (страны), включенное в ментальную

схему «государство», «право», «территория» (В.В. Путин) и единство (общества), связанное с духовностью и культурой (Д.А. Медведев)» [1, с. 16]. Данная цепочка в дальнейшем приобретает рекурсивный характер, а именно сочетает в себе единство (страны и общества), имеющее отношение к территориальной целостности России и объединяющей национальной идее.

В.В. Путин обращает особое внимание на единство внутреннее (*единое экономическое пространство, единое правовое пространство, общенациональное единство*), тогда как Д.А. Медведев говорит и о единении с внешним миром (*единое пространство мира и безопасности в Евроатлантике, присоединение к ВТО*).

Интересно, что идея единства является ключевой и достигает пика своего употребления в посланиях В.В. Путина (см. рис. 1). Максимальный показатель приходится на 2014 год (16), когда речь идет о территориальном и духовном единстве с Крымом. В посланиях Д.А. Медведева наблюдается снижение количественных показателей употребления данного понятия, так как на первый план выходят другие идеи, в частности идея модернизации общества, развития системы образования и коррупция.

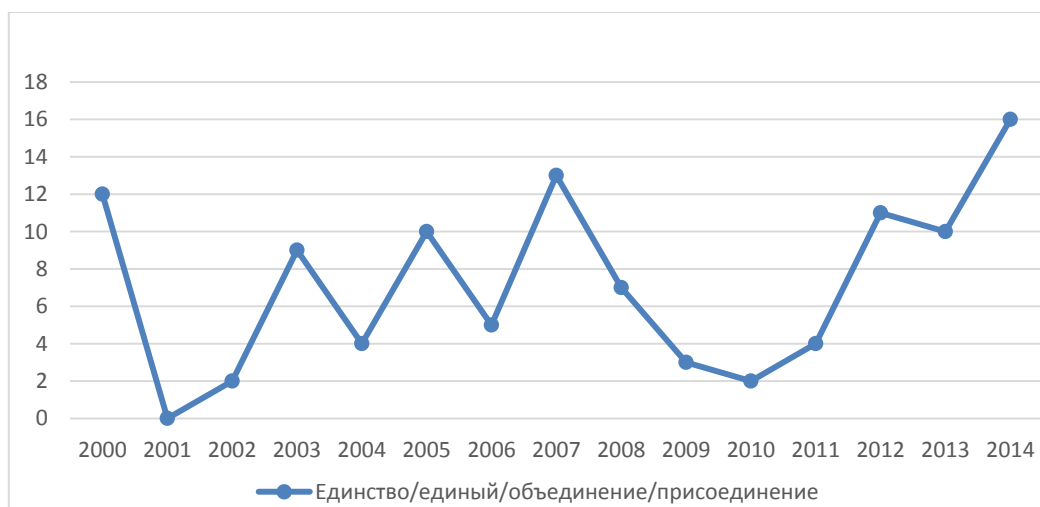

Рис. 1. Использование номинаций «единство/единый/объединение/присоединение» в посланиях президентов РФ Федеральному собранию РФ

Проведенное исследование подтвердило выводы М.В. Гавриловой о том, что «единство, являясь ключевым концептом русского политического дискурса начала XXI века, находится в состоянии «лексической эластичности», объем понятия то расширяется, то сужается, и все эти лексические процессы находятся в постоянном движении. Поскольку концепт «единство» отвечает задачам внутренней и внешней политики России, наблюдаются попытки распространить его значение на различные семантические области» [1, с. 18].

По мнению Д.А. Медведева, единство общества является условием проведения модернизации в стране. Особое значение эта идея приобретает в 2009-2010 году в связи с рассмотрением перспектив дальнейшего развития страны (см. рис. 2): модернизация воспринимается как залог развития нации, будущее России.

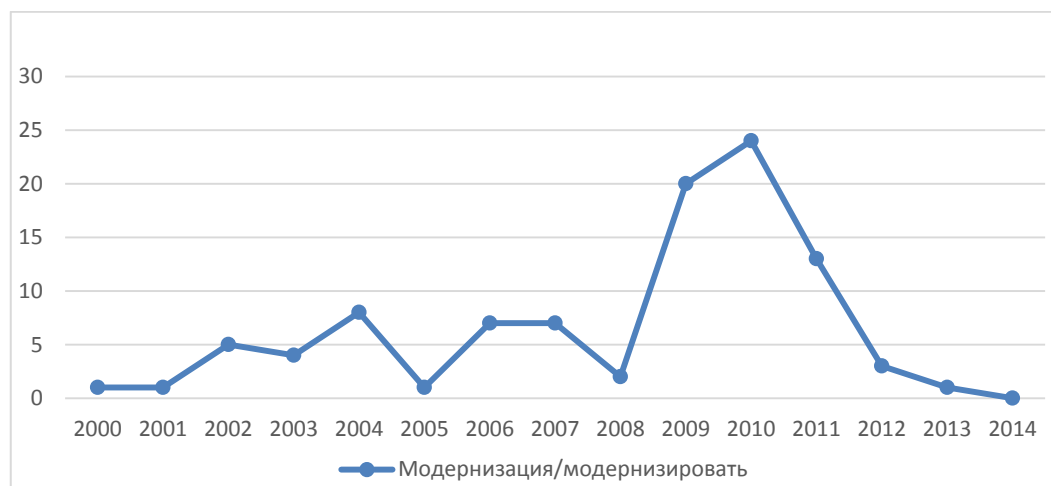

Рис. 2. Использование номинации «модернизация/модернизировать» в посланиях президентов РФ Федеральному собранию РФ

В понятие модернизации вкладывается, как правило, экономическая сторона вопроса, а также более узкая и частная идея технологических инноваций. «Политические вопросы в повестке дня президента занимают явно не главное место, уступая первенство экономическим и даже чисто технологическим вопросам» [2, с. 11]. Модернизация проецируется на различные сферы общества, содержание данного понятия расширяется за счет обращения к проблемным точкам развития страны: *модернизация экономики, здравоохранения, системы образования, армии, Вооруженных Сил, правительства, государственного сектора, технологическая модернизация.*

Данное слово получает новые сочетаемостьные возможности: *модернизационное партнерство, приоритеты модернизации, всесторонняя модернизация, системная модернизация, стратегические направления модернизации, технологическая модернизация.*

В последние годы большое значение придается модернизации школы и реформам образования (см. рис. 3).

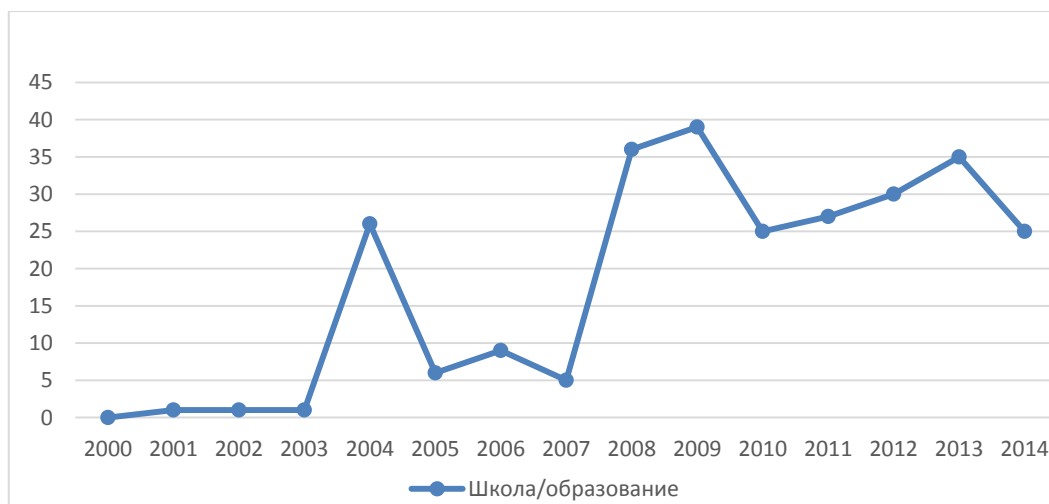

Рис. 3. Использование номинации «школа/образование» в посланиях президентов РФ Федеральному собранию РФ

Модернизация у В.В. Путина получает несколько иное наполнение и соотносится, как правило, с политической, судебно-правовой и экономической системой, а также реформированием Вооруженных Сил страны. Другие аспекты, в частности технологическая модернизация, получают минимальное освещение: *модернизация исполнительной власти, судебно-правовой системы, монопольного сектора экономики (2002), работы международных организаций, ядерных сил сдерживания (2004), дорог (2005), научной отрасли (2006).*

Следует также отметить влияние политических событий на динамику политического мышления. Так, обращение к понятию демократии находится в прямо пропорциональной зависимости от проведения выборов президента (рис. 4). После проведения выборов в 2004 году, В.В. Путин в своем послании 2005 года обращается к идеям демократии как основополагающим ценностям современного российского общества и главной политико-идеологической задаче России. Такой же всплеск наблюдается с приходом к власти Д.А. Медведева в 2008 году, когда Россия воспринимается как государство, которое, по словам президента, «освоило навыки, практики и процедуры демократии», а на повестке дня стоит вопрос о том, «как должна развиваться дальше российская демократия» (Послание, 2008).

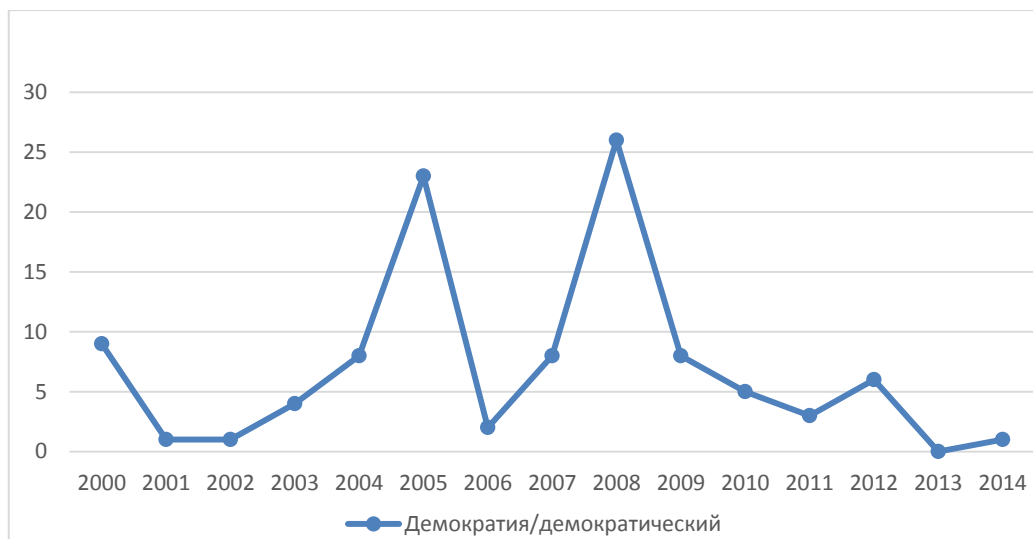

Рис. 4. Использование номинации «демократия/демократический» в посланиях президентов РФ Федеральному собранию РФ

При проведении исследования мы задались вопросом, учитывает ли власть особенности восприятия власти гражданами и получают ли эти особенности воплощение в политическом дискурсе, продуцируемом лидерами страны.

По результатам исследования, проводившегося сотрудниками кафедры политической психологии МГУ с 1993 года, основные параметры содержания образов власти проходят по трем осям. Первая ось – моральная (ответственность, справедливость, честность либо, напротив, лицемерие, безответственность, эгоизм и т.д.). Вторая ось – это ее силовое измерение. Власть все чаще оценивается под углом зрения ее силы и слабости, это некая линза, сквозь которую смотрят на власть. Третье измерение образов власти связано с восприятием ее стабильности [3].

В ходе исследования тексты посланий президентов были проанализированы нами с точки зрения употребления в них ключевых единиц, отражающих измерения образов власти (*сила/сильный; стабильность/стабильный; ответственность/ответственный/справедливость/справедливый/честность/честный*). В результате проведенного анализа было выявлено, что все три измерения присутствуют в выступлениях лидеров страны. Основное внимание уделяется моральной стороне и силе государства, тогда как критерий стабильности используется лидерами страны в меньшей степени (см. рис. 5).

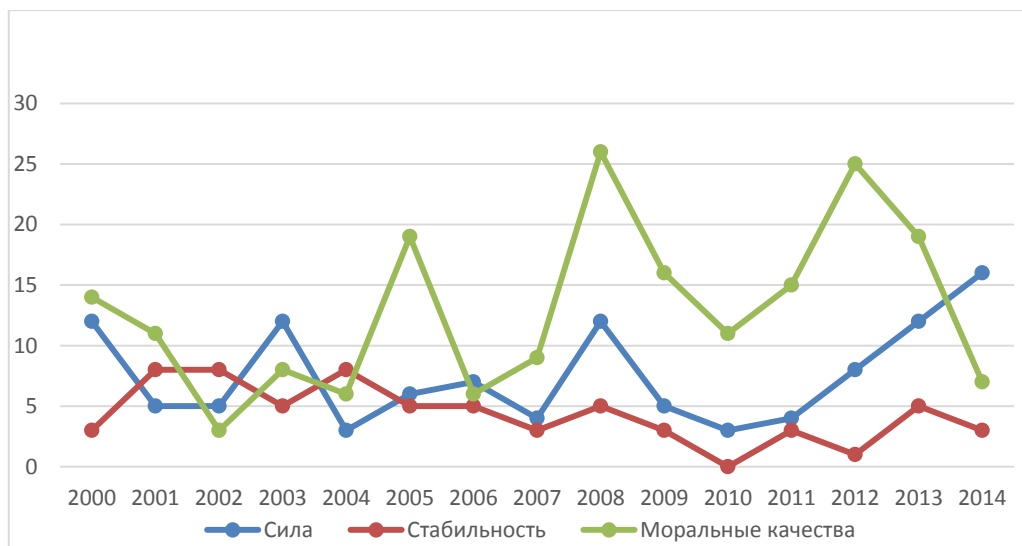

Рис. 5. Использование номинаций «сила/стабильность/моральные качества» в посланиях президентов РФ Федеральному собранию РФ

Идея силы, сильной власти и сильного государства, которая активно используется в начале 2000-х годов, а затем отходит на второй план с приходом Д.А. Медведева, обретает второе дыхание с возвращением В.В. Путина в должность Президента РФ в 2012 году. В послании 2000 года президент Путин прибегает к таким номинациям, как: *сильная страна, сильная и уверенная страна, сильное государство, сильное и уважаемое государство, сильное и эффективное государство, сильная власть*. В 2003 году данная идея пополняется новыми номинациями: *сильная держава, сильные позиции страны в мире, сильные политические партии, сильная экономика, сильная армия, сильная и ответственная власть, сильные и умные*. В 2012 и 2013 году идея силы вновь выходит на лидерские позиции. Послание 2013 года соединило в себе два базовых приоритета - высокий статус прав, свобод граждан и сильное государство. Идея силы реализуется с помощью таких словосочетаний, как: *сильная Россия, сильные профессионалы, сильные выпускники вузов, сильный учитель, традиция сильного государства* (2012), *сильное государство, сильная власть на местах, сильное местное самоуправление, торжество права силы* (2013) [4], *сильная Россия* (2014).

Идея силы претерпевала различные изменения в последние десятилетия: если в 2000 году Россия воспринималась как слабая страна с ослабленной политической и экономической системой (выражение «сильная страна» использовалось как ориентир на перспективу, как цель, достижимая в ближайшем будущем), то в 2014 году Россия позиционируется президентом как сильное, уверенное в себе и самостоятельное государство, которое должно восприниматься как равный сильный партнер на международной арене. Ср. примеры:

Если Россия останется слабой, то нам действительно придется делать такой выбор. И это будет выбор слабого государства. Это будет выбор слабого. Единственным же для России реальным выбором может быть выбор сильной страны. Сильной и уверенной в себе. Сильной – не вопреки мировому сообществу, не против других сильных государств, а вместе с ними (Послание, 2000).

Политика сдерживания придумана не вчера. Она проводится в отношении нашей страны многие-многие годы – всегда, можно сказать, десятилетиями, если не столетиями. Словом, всякий раз, когда кто-то считает, что Россия стала слишком сильной, самостоятельной, эти инструменты включаются немедленно (Послание, 2014).

Мы сами никогда не пойдём по пути самоизоляции, ксенофобии, подозрительности, поиска врагов. Это всё проявления слабости, а мы сильны и уверены в себе (Послание, 2014).

Интересно отметить зависимость обращения к моральным качествам от президентских выборов (см. рис. 6). Нравственно-этические ориентиры приобретают особую значимость после вступления президентов в должность: после прихода В.В. Путина к власти в 2000 году, после выборов в 2005 году и в 2012 году; после прихода к власти Д.А. Медведева в 2008 году.

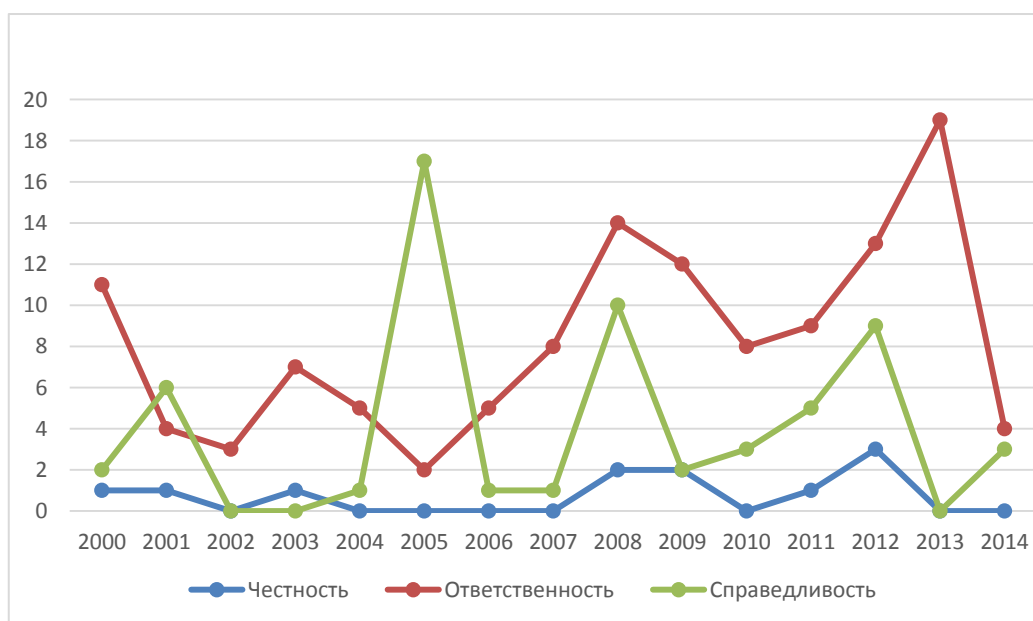

Рис. 6. Использование номинаций «честность/ответственность/справедливость» в посланиях президентов РФ Федеральному собранию РФ

При апеллировании к концепту «ответственность», как правило, речь идет об ответственности власти и ответственности граждан, причем первая является основополагающей в выступлениях президентов. В.В. Путин привносит новый вид ответственности и говорит о

«персонифицированности ответственности», персональной ответственности каждого управленца и руководителя на региональном и местном уровнях власти, т.е. прослеживается идея децентрализации власти (2012, 2013). Понятие ответственности претерпевает некоторые изменения, например, в 2013 году возникает понятие «взаимной ответственности государства, общества, бизнеса и каждого гражданина». По словам В.В. Путина, *«Чувство ответственности за страну – это лейтмотив, это нерв и стержень Конституции России, это призыв к каждому из нас»* (Послание, 2013). Идея ответственности приобретает глобальный характер: появляется выражение «историческая ответственность России» (2013), а также реализуются новые сочетаемостьные возможности слова «ответственный» (*ответственная держава*).

Важное значение в выступлениях президентов имеет концепт справедливости. В послании В.В. Путина 2005 года справедливость употребляется в ряду таких понятий, как свобода, демократия и равенство. Для Д.А. Медведева справедливость выступает первым номером в ряду ценностных ориентиров дальнейшего развития страны (2008) и является объемным понятием, включающим в себя такие понятия, как равноправие, честность и ответственность: *Справедливость, понимаемая как политическое равноправие, как честность судов, ответственность руководителей. Реализуемая как социальные гарантии, требующая преодоления бедности и коррупции. Добиваемая достойного места для каждого человека в обществе и для всей российской нации – в системе международных отношений* (Послание, 2008). В 2013 году к идее справедливости политической системы добавляется справедливость налоговой системы.

Итак, рассмотрев особенности функционирования ключевых слов и понятий на протяжении полутора десятилетий, можно сделать вывод о том, что они приобретают в политическом дискурсе дополнительные коннотативные признаки и отражают как общественно-политические изменения, так и потребности общества и власти. Моральное измерение власти играет доминантную роль в формировании образа власти и ориентиров дальнейшего развития страны.

Библиографический список

1. Гаврилова М.В. Развитие содержательных форм концепта «единство» в русском политическом дискурсе XX-XXI веков // Политическая лингвистика. №4(34). 2010. С. 13-18.
2. Шестопад Е.Б. Политическая повестка дня российской власти и ее восприятие гражданами // Полис. Научные школы. Политическая психология. №2. 2011. URL: http://www.politstudies.ru/index.php?page_id=461&id=4390 (дата обращения: 07.03.2015).
3. Шестопад Е.Б. Психология восприятия власти. М, 2002. (Серия «Научные доклады», Выпуск 1).

4. Харламова Т.В. Цикличность политического дискурса // Личность – Язык – Культура: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции 26-28 ноября 2014 г. Саратов, 2015. С. 33-40.

РАЗДЕЛ 22. СОЦИОЛОГИЯ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

УДК 316.25

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ И КОНЦЕПЦИИ ПРОГРЕССА В СОЦИОЛОГИИ

О.Г. Антонова

Институт социального образования (филиал) РГСУ в г. Саратове, Россия

E-mail: ogantanova@rambler.ru

Статья посвящена анализу проблемы социальных преобразований, нашедшей отражение в различных концепциях социального прогресса. Раскрывается история развития идеи прогресса в социологии, а также основные научные понятия, характеризующие современные тенденции социального развития. Отмечается, что в условиях глобальной трансформации социология призвана способствовать научному обоснованию объективных критериев прогрессивного развития.

Ключевые слова: социальные преобразования, концепции социального развития, социальный прогресс, глобализация.

THE PROBLEM OF SOCIAL TRANSFORMATIONS AND CONCEPTS OF PROGRESS IN SOCIOLOGY

O.G. Antonova

The article analyzes the problem of social transformations, as reflected in the different concepts of social progress. Reveals the history of the idea of progress in sociology, as well as basic scientific concepts that characterize modern trends of social development. Noted that sociology in the global transformation is designed to facilitate the scientific substantiation of objective criteria of progressive development.

Key words: social transformations, the concept of social development, social progress, globalization.

Проблема социальных преобразований – одна из главных проблем мировой социологии с момента её возникновения. Она занимает особое, приоритетное место на всех этапах развития социологии. Но именно в кризисные периоды в обществе возникает повышенный спрос на социологические знания, особенно на те концепции, которые способствуют пониманию сущности и направленности общественного развития. В условиях глобальной трансформации общества, всей системы социальных отношений возрастает научный и практический интерес к теории и практике прогрессивных преобразований как зарубежного, так и особенно отечественного опыта.

Выявляя закономерности и специфику общественного развития,

социология ставит и обосновывает конкретные задачи практической деятельности. Сложность и неоднозначность происходящих процессов находят свое отражение в научной терминологии. В частности, термин «переходный период» имеет универсальный характер и применим для анализа различных социальных систем в различные периоды их развития. Термин «трансформация» – это не просто синоним терминов «развитие», «перемены», «преобразование», а самостоятельная социологическая категория теории социального развития, которая описывает особое состояние общества, при котором происходят качественные изменения форм социальных связей, типа и способов развития. Трансформация – это процесс приобретения обществом новых черт, которые отвечают требованиям времени. Происходят изменения в жизненных стандартах, образцах поведения и потребностях, частично они сопровождаются отрицательными явлениями, страданиями многих людей. Трансформироваться – значит, менять форму. Трансформация затрагивает сущностные компоненты социума, термин «системная трансформация» подчеркивает, что превращению подвергаются все стороны общественной жизни. В рамках преобразования общественных структур могут сосуществовать параллельно как старые, так и новые элементы. Процесс социальной трансформации связан с наличием противоречивых явлений кризиса и прогресса, всплеска традиционализма и модернизации, социального протеста и поддержки [1, с. 12]. Теория трансформации объясняет динамику общества, тесно связана с другими концепциями социальных изменений, в частности, теорией социального прогресса.

Среди концепций социальных изменений в мировой социальной мысли выделим, в первую очередь, эволюционные теории циклических изменений (О. Шпенглер, А. Тойнби); функциональные теории (Т. Парсонс, У.Ф. Огборн); теории конфликта (К. Маркс, Р. Дарендорф); концепции «столкновения цивилизаций» (С. Хантингтон, Дж.М. Олин); теории модернизации, трансформации обществ (А. Турен, Ш. Эйзенштадт). Примечательно, что тема социального развития, прогресса присутствует практически у каждого представителя классической отечественной социологии (П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, Н.А. Кареев, М.М. Ковалевский, П.Н. Миллюков, П.А. Сорокин, В.М. Хвостов и др.).

Конец XIX – начало XX вв. можно назвать триумфом идеи прогресса. В это время царит дух оптимизма, веры в то, что успехи научного и технологического знания приведут к благосостоянию людей, улучшению всей общественной жизни. При этом классическая концепция прогресса опиралась на теорию однолинейного развития. Критерием социального прогресса в различных теориях выступают такие факторы, как уровень технологического развития, степень модернизации, превращение науки в производительную силу общества и т.д. В результате известных историче-

ских событий XX столетия (фашизм, мировые войны, ядерная угроза, терроризм, конфликты на религиозной почве, отрицательные последствия человеческой деятельности для окружающей среды и т.д.), на смену классическим теориям однолинейного прогресса приходит утверждение многолинейной концепции развития, которая обосновывает вариативный и вероятностный характер общественного прогресса [2, с. 47-53].

История развития идеи прогресса прошла сложный, противоречивый путь от формирования теорий, принимающих данное понятие (эволюционные теории) до теорий, отвергающих идею прогресса вообще. Известные концепции можно условно разделить на классические (V-XIX вв.) и модернистские (конец XIX-XX вв.). Первые, в свою очередь, можно подразделить на три группы: концепции божественного проявления (Августин и др.), исторического круговорота (Дж. Вико и др.) и глобального прогресса (Ж.А. Кондорсэ, И. Гердер, Гегель, Конт, Маркс и др.). Вторые образуют две группы: концепции локальных цивилизаций (Н. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, П. Сорокин и др.) и абсолютного хаоса (философский деконструктивизм последней трети XX века) – их обычно называют «постмодернистскими». Кроме синергетического подхода (И. Пригожин, Б. Мандельброт, П. Бак, А.А. Самарский, С.П. Курдюмов), сюда относят идеи кибернетики (Н. Винер, У. Эшби) и системного анализа (К.Л. фон Берталанфи). Постмодернистские концепции отходят от классических традиций еще дальше модернизма. Их новизна – не учет роли хаоса в истории, а отрицание роли порядка.

Тем не менее, каким бы ни было отношение к направленности социального прогресса, авторы различных концепций неизбежно затрагивают вопрос о его отношении к социальному изменению. Социальное изменение – широкое понятие, которое означает просто перемену движения социального бытия в социальном времени и социальном пространстве. Понятие «социальный прогресс» означает результат социального развития, предполагающий повышение научного и технологического знания, экономической производительности и сложности социальной организации. Эти достижения включаются в понимание прогресса как его составные элементы и основания, способствующие установлению более совершенных форм общественной жизни и развитию личности.

При характеристике современных процессов используют понятие модернизации. Целая совокупность концепций трактуют социальную модернизацию как всеобщее явление истории XVII-XX вв., целостный и сложный процесс, затрагивающий основные сферы жизнедеятельности [3, 4, 5]. Изначально под модернизацией принято понимать революционный переход от доиндустриального общества к индустриальному путем целого комплекса реформ, подразумевающих

кардинальное изменение социальных институтов и образа жизни людей, прежде всего, становление и развитие рыночных отношений и рациональных ценностей. Теории социальной модернизации оформляются на рубеже 40-50-х гг. XX в., когда послевоенный мир переживал кардинальные изменения. Сегодня социальная модернизация понимается в трех аспектах: 1) универсальное явление современной истории, глобальный процесс, протекающий во всех сферах жизнедеятельности на базе индустриализации общества; 2) взаимообусловленные процессы в обществе, которые характеризуются формированием институтов современного типа, ослаблением традиционных ценностей (семьи, религии, морали), ростом индивидуализма; 3) процесс превращения в развитые индустриальные государства аграрных, традиционных обществ при помощи научно-технической революции, технологического прогресса и экономического роста. В новейшей социологической литературе акцент ставится на необходимости учета специфики модернизации, ее обусловленности конкретно-историческими особенностями стран, регионов, цивилизаций. С этой точки зрения, вопреки пониманию модернизации как тотальной трансформации традиционного общества по типу стран западного мира, модернизация рассматривается как определенный аспект изменения, этап развития общества, характеризующийся его обновлением [6, с. 583].

Фундаментальные изменения XX в., перевернувшие основы прежней модели жизнеустройства, ученые связывают с феноменом глобализации [7, с.212-213]. Термин «глобализация» (от лат. «globus» – шар, франц. «global» – всеобщий) означает общепланетарный характер тех или иных процессов. Под влиянием крупномасштабных процессов, касающихся всего человечества в целом, общество испытывает грандиозные трансформации. Глобализация – сложный, противоречивый процесс социальных преобразований, всеобщность изменений, пронизывающий все уровни социальной структуры и проникающий во все социальные слои, которые перестают быть замкнутыми в себе. В связи с этим образуются новые ценности, связанные с изменчивостью реальности. Охватив все социальные структуры, глобализация приобретает статус высшей нормативной ценности – все старое отбрасывается, а все новое осознанно считается лучшим. Значимость вертикальной иерархии снижается, а, наоборот, усиливается горизонтальная мобильность, что способствует культурной глобализации. Глобализация предусматривает интенсификацию производственно-экономических, социальных, политических и культурных интеракций во всемирном масштабе и несет гомогенизацию мирового сообщества, жизнь согласно единых принципов, единые ценностные предпочтения, желание все универсализировать. Объективность глобализации характеризуется вовлечением всех людей, независимо от их воли, в этот процесс.

Среди основных причин явления глобализации можно назвать ускорение темпов общественного развития современного мира и его тенденцию к целостности, что требует особого напряжения, поиска внутренних резервов поступательного развития, нового уровня концентрации усилий и координации всех составляющих явления. Как отмечают Е. Гидденс, М. Кастельс, Ф. Феррароти, И. Валлерстайн, глобализация предполагает совершенно новое отношение к пространству и времени. По мнению Маргарет Арчер, глобализация приводит к всеохватывающему весь мир сочетанию структур, культур и институтов; по ее мнению, глобализация означает, что на сегодняшний день общества не являются больше первичными единицами анализа. М. Олброу доказывает, что общества нужно рассматривать лишь как систему в окружении других систем и, таким образом, как субсистему мирового сообщества. Особую значимость при анализе глобальных проблем современной цивилизации имеет «мир-системная» модель Эммануила Валлерстайна, которая указывает на фактор глобализации – борьбу сверхдержав за мировое господство. Глобализация приводит к униформизации мира во всех областях и проявляется в появлении социальных связей, солидарности и идентичности в наднациональном и надколониальном масштабах [8].

Рассматривая глобализацию как объективное и закономерное явление в истории человечества, движение в направлении усиления его целостности, в то же время следует признать, что глобализация как противоречивая и мощная тенденция мирового развития породила цепь «глобальных проблем человечества»: экологических, демографических, политических. Сущность глобальной проблемы «выживание человечества» состоит в том, что он оказался неспособным полностью приспособиться к тем изменениям, которые сам внес в этот мир. Отсутствие согласия между членами мирового сообщества относительно идеалов и механизмов утверждающегося на планете строя чревато нарастанием все более открытого соперничества новых исторических проектов, международных систем и социальных мотиваций.

Итак, несмотря на множество концепций социального развития, до сих пор ряд фундаментальных вопросов, связанных с объективными критериями прогрессивного преобразования, с определением социальных групп, заинтересованных в различных проявлениях прогресса, с ценой допустимых в процессе преобразований издержек и др., остаются без ответов. Классическое понимание идеи прогресса говорит об ориентированном к лучшему изменении, т.е. качественно превосходящему предыдущие стадии, одновременно необходимом и необратимом. Трансформация же не предусматривает вектора изменений: они могут быть как прогрессивными, так и регрессивными. Главное в трансформации – преобразования форм и содержания общественной жизни, ее

институциональной сферы, норм, ценностей, менталитета и других социокультурных сторон социума.

Особо следует подчеркнуть высокую степень политизированности проблемы преобразований и прогресса в современных условиях, ибо она затрагивает интересы всего без исключения населения. Сегодня, в условиях глобальной трансформации, анализ объективных тенденций развития неизбежно ведет к постановке вопроса о пути в будущее. Что могут и должны сделать люди для того, чтобы превратить возможность исторического прогресса в действительность? Особая роль, в этой связи, отводится общественным наукам и, в первую очередь, социологии.

Библиографический список

1. Россия: трансформирующееся общество / Под редакцией В.А. Ядова. М.: «КАНОН-пресс-Ц», 2001. 640 с.
2. Василенко И.А. Классическая концепция прогресса и ее альтернативы // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. 1997. №4. С. 47-53.
3. См.: Голенкова З.Т. Теории модернизации // Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. Г.В. Осипова. М., 1998.
4. Федотова В.Г. Глобальный мир и модернизация // Философские науки. 2000. №1. С. 64-69.
5. Манченко А.П. Социальная модернизация в современной России. М., 2000, и др.
6. Модернизация // Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. Мн.: Книжный Дом, 2003. С. 583-584.
7. Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 1 / Национальный общественно-научный фонд / Руководитель научного проекта Г.Ю. Семигин; Главный редактор В.Н. Иванов. М.: Мысль, 2003. 694 с.
8. Каковы причины и основные черты глобальной трансформации? URL: http://bulgarlar.ru/kakovy_prichiny_i_osnovnye_cherty-2.html (дата обращения: 08.04.2014).

УДК 316.2

ВКЛАД П.И. НОВГОРОДЦЕВА В РАЗРАБОТКУ ТЕОРИИ ПРАВОВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

М.Б. Аракчеева

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: arakcheevamb@gmail.com

В статье проанализированы идеи П.И. Новгородцева о государстве и праве, о правовом государстве и его сущности. Рассмотрены его взгляды на соотношение государства и права, государства и личности.

Ключевые слова: государство, право, правовое государство, гражданское общество.

THE CONTRIBUTION OF P.I.NOVGORODTSEV IN THE DEVELOPMENT OF A LEGAL THEORY OF STATEHOOD

M.B. Arakcheeva

The article analyzes P.I. Novgorodtsev's ideas of the state and the right, of the legal State and its essence. His views of correlation of the state and the right, the state and the personality are examined.

Key words: the state, the right, the legal state, the civil society.

При рассмотрении проблем становления и развития учения о правовом государстве следует отметить важную роль отечественных мыслителей конца XIX – начала XX вв. В связи с этим актуализируется изучение творческого наследия Павла Ивановича Новгородцева. Предметом его научного интереса были вопросы сущности правового государства, соотношения государства и права, государства и личности, проблемы демократии.

Являясь сторонником идеи правового государства, он боролся с позитивистскими трактовками права, обосновывал подчиненность государства праву. Новгородцев отмечал, что правовое государство обязано защищать не абстрактные «права человека», а «право человека на достойное существование». Теория правового государства выражает идеи естественного права через восприятие общечеловеческой справедливости.

По мнению Новгородцева, государство осуществляет правовое регулирование общественной и частной жизни [1, с. 206]. Теорию правового государства он связывает, во-первых, с тем, что в несовершенном состоянии человечества необходимы нормы морали и права, обязательные для всех и связанные с идеей справедливости и, во-вторых, общечеловеческие правовые представления одинаково стоят как над богатыми, так и над бедными, как над сильными, так и над слабыми. Государственная власть в этом случае реализуется через публично-правовое регулирование общественных отношений, участники которых подчиняются интересам общества [1, с. 190].

Государство вне права немыслимо, если, конечно, оно не обратится в нравственное общение, но в таком случае оно перестает быть и государством. Идеал правового государства постоянно находится в состоянии эволюции. Суверенное и единое государство в идеальной основе предполагает устранение неравенства и развитие права. В этом заключается основная задача правового государства: подчинение разрозненных стихий общественной жизни общему правовому порядку.

Также Новгородцев раскрыл расширенное понимание права, выходящее за рамки понимания формальных юридических норм. Суть идеи права Новгородцева заключается в том, что право представляет собой историческое, общественное явление и что право следует рассматривать как явление, как закон личной жизни, как внутреннюю абсолютную ценность человека. [2, с. 279-281].

Новгородцев отвергает отождествление права с понятием справедливости и рассматривает право, как результат сложного процесса борьбы и взаимодействия различных общественных сил. Будучи сторонником правового государственного устройства, Новгородцев настаивает на формальном принципе юридического закона, необходимости безусловного следования нормативным требованиям права.

По его мнению, формальное право свободы, провозглашенное либерализмом, должно быть дополнено правом на обеспечение достойного существования человека. В этой связи он определил задачу и сущность права с точки зрения задачи охраны личной свободы. Во имя права государство вынуждено исключить из границ своего господства свободную человеческую личность, область личного самоопределения, сделать их недоступными для вмешательства государства. Основная идея права Новгородцева базируется на принципе законности, который предполагает нравственное «господство» знающих, а отсюда и естественное подчинение им остальных во имя достижения идеалов высшего совершенства.

Изучение научного наследия П.И. Новгородцева несомненно даст новый импульс для дальнейшего развития теории правовой государственности.

Библиографический список

1. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: Издательство «Пресса», 1991. 40 с.
2. Новгородцев П.И. Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. Сборник статей (1902). М., 2002.

ГЕОРГ ЗИММЕЛЬ О ПРЕДМЕТЕ СОЦИОЛОГИИ

М.Б. Аракчеева, Н.Д. Иосилевская

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: arakcheevamb@gmail.com

Статья посвящена анализу творчества Георга Зиммеля. Рассмотрены его взгляды о месте социологии среди гуманитарных дисциплин, о ее предмете. Особое внимание уделено центральному для социологии Зиммеля понятию «взаимодействие», его концепции общества.

Ключевые слова: социология, предмет социологии, общество, социальное взаимодействие.

GEORG SIMMEL ABOUT THE SUBJECT OF SOCIOLOGY

M.B. Arakcheeva, N.D. Iosilevskaya

The article is devoted to analysis of the work of Georg Simmel. Discussed his views about the place of sociology among the humanities, about its subject. Special attention is paid to central to sociology Simmel the concept of "interaction", his concept of society.

Key words: sociology, the subject of sociology, society, social interaction.

В последние десятилетия возрос интерес к социологическому творчеству Георга Зиммеля, говорят даже о «зиммелевском ренессансе». Из всех теоретиков рубежа XIX-XX вв., которые считаются классиками буржуазной социологии, он – самый непоследовательный и противоречивый. Его творчество подвергается многочисленным, иногда взаимоисключающим друг друга интерпретациям. Исследователи по-разному оценивают социологию Зиммеля: от полного отрицания ценности его идей до признания их этапными, в значительной мере определившими содержание и направление последующего социологического развития [1, с. 118].

После окончания школы Г. Зиммель начал обучение в Берлинском университете. Он посещал лекции знаменитых профессоров того времени. Сначала слушал лекции по истории, затем обратился к этнопсихологии и, наконец, к философии. Став штатным профессором университета Страсбурга, Зиммель читал логику, историю философии, метафизику, этику, философию религии, философию искусства, социальную психологию, социологию, а также специальные курсы по Канту, Шопенгауэру и Дарвину [1, с. 118]. Он был очень популярен и собирал полные залы. В 1911 году университет города Фрайбурга присвоил

Зиммелю звание почетного профессора в области наук о государстве за заслуги в деле расширения знаний по национальной экономике и как основателю науки «социология».

Георг Зиммель – представитель ранней немецкой социологии, как и многих современников, его отличало внимание к вопросам чистой теории и методологии. Он пытался узаконить социологию как самостоятельную дисциплину, не считая нужным представлять социологию как новую дисциплину в структуре наук, намеревался сохранить ее в существующей классификации гуманитарных дисциплин. Так, Зиммель понимал социологию как методологию исторической науки и других гуманитарных наук, занимающихся проблемами человека. В своей «Социологии», вышедшей в 1908 году, он пишет и повторяет это еще раз в книге «Основные вопросы социологии» (1917): «Социология это не только некая наука со своим объектом, который отличается от объектов всех других наук, она также стала вообще методом исторических и гуманитарных наук» [2, р. 18]. Конечной целью социологического метода, практикуемого в различных науках, считал Зиммель, является вычленение в их совокупном предмете особенного ряда факторов, становящихся собственным предметом социологии, «чистых форм социации» (*Formen der Vergesellschaftung*) [1, с. 120].

Намеченная Зиммелем программа оказалась для своего времени весьма прогрессивной. Период ее возникновения был периодом ускоренной институционализации и профессионализации западной социологии. В это время вопрос о выяснении собственной предметной области социологии был особенно актуальным. Определение предмета социологии и тем самым утверждение ее как самостоятельной науки тесно связано с понятием социального взаимодействия и концепцией общества Г. Зиммеля.

Чтобы утвердиться в качестве самостоятельной дисциплины в существующей университетской системе, социологии нужен собственный предмет, который нужно найти путем абстракций, причем Зиммель подчеркивает, что это отнюдь не новый, ранее неизвестный предмет, он обнаруживается благодаря появившемуся новому ракурсу при рассмотрении общества. «Любая наука основывается на абстракции, рассматривая целостность какой-либо вещи – и эту целостность мы не можем осознать, используя какую-нибудь науку – по одной из ее сторон, с точки зрения какого-либо понятия» [3, р. 3].

Центральным для социологии Зиммеля является понятие «взаимодействие». Это исходная точка всех его социологических размышлений. Это в первую очередь концепт теории познания и поэтому не ограничен описанием социального действия. Исходной точкой в размышлениях Зиммеля является то, что любая социальная реальность – это взаимодействие ряда ее частей.

Зиммель определяет общество как результат взаимодействия между составляющими его индивидами, группами и другими социальными образованиями. Понятие взаимодействия предполагает, по меньшей мере, два полюса, которые воздействуют друг на друга, причем действующими лицами могут быть не только отдельные индивиды, но также группы и другие надличностные социальные структуры. Последние могут противостоять индивидам как единые действующие лица, хотя они, в конце концов, также состоят из взаимодействий между ними.

Для Зиммеля уже некая случайная интеракция между отдельными индивидами – это «общество». Эта «элементарная форма социального взаимодействия» и другие социальные структуры обнаруживают различную интенсивность, частоту и регулярность социальных взаимодействий, и поэтому он пытается сузить понятие «общество».

Зиммель исследует случайные интеракции также как и независимо существующие социальные структуры. Однако он подчеркивает, что короткие неформальные взаимодействия, в которых мы ежедневно участвуем, например, покупая проездной билет и т.д., также формируют общество, как и более крупные и длительные социальные образования (например, семья, государство, класс). Определяющим для общества является совокупность взаимодействий.

Общество как сумма взаимодействий это длительный процесс, который никогда не прекращается. То, что общества сегодня не являются статичными структурами, и то, что происходит постоянная смена желаний, интересов и целей индивидов и социальных структур, это важная и абсолютно новая точка зрения в социологии. На основе сети взаимодействий, которые, в конце концов, и составляют общество, и чтобы выразить динамику и изменение, на место статичного понятия «общество» Зиммель ставит понятие, связанное с процессом, «взаимодействие». Общество понимается не как субстанция, а как процесс.

Зиммель всегда сохраняет мнение, что социология является также формой философии. То, что Зиммель сохраняет это представление, делает его типичным представителем ранней немецкой социологии. С одной стороны он пытается утвердиться за счет собственного метода, одновременно не хочет и не может выйти за пределы существующей структуры философии.

В трудах Зиммеля обнаруживаются также классические образцы исследований в области ролевой теории, динамики социальных групп, социологии власти, социологии конфликта и т.д. Распространенным остается мнение о «мелкотемности» его работ, об отсутствии сколько-нибудь целостной концепции общества и социального развития. Сам Зиммель так писал в своем дневнике: «Наследство, которое я оставляю, похоже на разменный чек; деньги распределены, и каждый вкладывает

свою часть в то дело, которое соответствует его натуре, забывая, чем он обязан этому наследству» [1, с. 138].

Библиографический список

1. Осипов Г. История социологии в Западной Европе и США. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Osipov/06.php (дата обращения: 20.03.2015).
2. Simmel G. Grundfragen der Soziologie. Berlin / Leipzig. 1920 (1917) (Individuum und Gesellschaft).
3. Simmel G. Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. Berlin. 1983 (1908).

УДК 316

СПЕЦИФИКА ИЗУЧЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ В РАМКАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Е.О. Арефьева

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: arefevaeo@mail.ru

Проблема молодежного экстремизма в современном российском обществе представляет особую актуальность и практическую значимость. Статья посвящена анализу экстремизма как специфической формы девиантного поведения в условиях современного общества. Рассматриваются особенности изучения экстремизма в рамках социологической науки.

Ключевые слова: молодежный экстремизм, девиантное поведение, социологический подход.

SPECIFICITY STUDY OF YOUTH EXTREMISM WITHIN SOCIOLOGY

E.O. Arefeva

The problem of youth extremism in Russian society today is of particular theoretical and practical significance. This article analyzes the extremism as a specific form of deviant behavior in modern society. The features of the study of extremism within sociology.

Key words: youth extremism, deviant behavior, sociological approach.

Формирование молодого поколения новой России происходило в условиях нестабильной и негативной социальной, экономической и политической ситуации 90-х гг. XX в., что создало предпосылки маргинализации значительной части населения, ухода ее поведения в крайние девиантные формы, включая экстремизм. Общество оказалось

неспособным справиться с теми жесткими реалиями меняющегося государства и вступило на путь решения большинства социальных проблем радикальными методами.

В современном обществе настал момент, когда к списку ранее исследуемых и изученных социальных девиаций добавились новые. Анализируя, политические, экономические и социальные реалии современной России, можно сделать вывод о том, что к основным «традиционным» формам девиантного поведения, в условиях XXI века добавляется экстремизм во всех его формах и видах проявления.

Экстремизм представляет собой один из наиболее интересных и перспективных, для последующей научной разработки, объектов изучения социологии отклоняющегося поведения. Причем экстремизм как форму девиантного поведения наиболее эффективно рассматривать именно в ракурсе социологии, так как экстремизм есть следствие конкретно социальных конфликтов, а не каких-либо медицинских отклонений. Это социальная «болезнь» и значит искать панацею и методы ее применения следует именно социологическими методами и в пространстве социума.

Специфика социологического подхода к исследованию экстремизма состоит в применении исследовательского инструментария дисциплины для изучения, описания и объяснения этого феномена. Под инструментарием здесь понимается существующий понятийный и категориальный аппарат социологии, разработанные в рамках дисциплины теоретические и концептуальные подходы к изучению социальных явлений. Отправной точкой социологического изучения феномена экстремизма является его понимание как типа девиантного поведения, направленного против существующих в обществе норм, правил, принципов, обычаев, традиций. В отличие от юриспруденции, социология рассматривает в качестве девиантного поведения не только нарушение правовых норм, но и отступление от общепринятых и разделяемых большей частью общества ценностью и норм [1, с. 71].

Для того чтобы более эффективно противодействовать такого рода социальной «болезни» необходимо иметь четкое представление о содержании понятий отклоняющегося поведения (девиации) и экстремизма, их сущности и составляющих.

Условно можно выделить два основных направления социологического научного поиска при исследовании экстремизма. Первое направление заключается в изучении генезиса явления: причин, факторов и механизма возникновения и развития экстремизма. Второе направление состоит в исследовании особенностей проявления экстремизма в социальной действительности: специфика проявления в различных сферах общественной жизни; социальные и социально-психологические особенности субъектов экстремизма; идеологический и социально-психологический компоненты экстремизма [2, с. 284-289].

При этом необходимо учитывать, что «экстремизм» как явление, как термин имеет множество разнообразных трактовок и определений, значительно различающихся по своей структуре, содержанию и выделяемым характерным признакам в зависимости от сферы научных изысканий исследователя. Также нельзя забывать и о достаточно разнообразных трактовках девиантного поведения и характерных признаках, влияющих на личную и, что нам наиболее интересно, социальную жизнь субъекта экстремистского поведения. Поэтому целесообразным видится выделение и сопоставление признаков экстремистского и девиантного поведения.

➤ Отклоняющееся поведение личности – это поведение, которое не соответствует общепринятым или официально установленным социальным нормам. Определяя девиантное поведение как поведение, отклоняющееся от норм, следует помнить, что социальные нормы изменяются. Это, в свою очередь, придает отклоняющемуся поведению исторически приходящий характер. Следовательно, девиантное поведение – это нарушение не любых, а лишь наиболее важных для данного общества в данное время социальных норм [3, с. 12]. В современных условиях одной из наиболее значимых социальных потребностей общества является социальный комфорт и безопасность. Экстремизм, как социальное явление, имеет деструктивный характер, представляя тем самым угрозу существующему общественному порядку.

➤ Девиантное поведение и личность, проявляющая его, вызывают негативную оценку со стороны других людей. Негативная оценка может иметь форму общественного осуждения или социальных санкций, в том числе уголовного наказания. Прежде всего, санкции выполняют функцию предотвращения нежелательного поведения. Но, с другой стороны, они могут приводить к такому негативному явлению, как стигматизация личности – навешивание на нее ярлыка. Попытка человека начать новую жизнь зачастую разбиваются о недоверие и отвержение окружающих людей. Постепенно ярлык девианта (наркоман, преступник, экстремист) формирует девиантную идентичность (самоощущение). Таким образом, репутация усиливает опасную изоляцию, препятствует позитивным переменам и вызывает рецидивы девиантного поведения.. Человеку, раз вступившему на путь проявления своей общественной позиции радикальными методами трудно переориентироваться на не экстремистское сознание и поведение.

➤ Особенностью отклоняющегося поведения является то, что оно наносит реальный ущерб самой личности или окружающим людям, существенно снижая качество жизни. В крайних своих проявлениях девиантное поведение представляет непосредственную угрозу для жизни. Данный признак означает, что отклоняющееся поведение является разрушительным. Этот признак достаточно четко относит экстремистское

поведение в ряд девиаций, так как экстремизм имеет четко выраженный деструктивный характер и ведет к социальной дезадаптации личности.

➤ Девиантное поведение сопровождается различными проявлениями социальной дезадаптации. Данное поведение совсем не обязательно приводит к болезни или смерти, но закономерно вызывает или усиливает состояние социальной дезадаптации. Состояние дезадаптации, в свою очередь, может быть причиной отклоняющегося поведения личности и проявления протестных форм поведения.

➤ Признаком отклоняющегося поведения является его выраженное индивидуальное и возрастно-половое своеобразие. Отклоняющееся поведение, прежде всего, отражает внешнее бытие личности в социуме. Одни и те же виды девиантного поведения по-разному проявляются у различных людей в разном возрасте. Индивидуальные различия людей затрагивают мотивы поведения, формы проявления, динамику, частоту и степень выраженности. Примером служат случаи проявления молодежного экстремизма, когда юношеский максимализм и низкий социальный статус приводят к формированию крайних форм выражения гражданской позиции.

Рассмотрение основных признаков проявления отклоняющегося поведения достаточно аргументировано позволило доказать, что отнесение экстремизма к списку социальных девиаций современного общества является правомерным.

При этом, стоит отметить, что во многом распространение различных поведения девиантного характера в различных формах предопределяется самим обществом. В подобной ситуации специфические проблемы становления сознания и поведения молодого поколения значительно расширяются. В свою очередь, подобные условия провоцируют причины вступления молодежи в маргинальные слои, и при определенных идеологических предпосылках в экстремистские организации и группы.

Исследователь Афанасьева Р.М. говорит о том, что существуют негативные тенденции и проявления в среде современной молодежи России. Сказанное особенно касается того поколения российской молодежи, которое сформировалось в сложных и противоречивых условиях социальной модернизации общества с начала 1990-х годов. К нынешнему времени в России уже сложилось или формируется совершенно новое поколение, в среде которого изначально наличествуют проявления нравственной распушенности и правовой безответственности, нетерпимости и агрессивности, максимализма и невежества, прагматизма и эгоцентризма, неуважения к старшему поколению, склонности к крайним методам и формам деятельности. Хотим мы того или нет, но в современных социальных условиях молодежь России выступает потенциальным резервом экстремизма и терроризма, а не только высоких порывов души и благородных поступков [4, с. 180].

Среди главных факторов, решающим образом влияющих на существование экстремизма, его распространение можно назвать историко-культурные, этнические, национальные и ментальные факторы, как в условиях России в целом, так и на региональном уровне, в частности, которые значительно влияют на рост и формы проявления экстремизма в молодежной среде.. Сформировавшееся психологическое и социальное отчуждение приводит молодежь к включению в маргинальные слои, дистанцированных не только, от всей массовой культуры, но и от позитивных молодежных культур и субкультур, провоцирует враждебность по отношению к традиционной культуре, всей окружающей социальной среде, что формирует наиболее восприимчивую базу для экстремизма. И поэтому очень важно помнить о том, что молодежь, при всем своем более высоком уровне адаптации к новым условиям, очень проблематично расстается с деструктивными установками, формируемыми в ходе первичной социализации, поэтому они имеют тенденцию сохранения в сознании и поведении молодого человека достаточно долго.

Поэтому задача социологии, с ее достаточно обширным полем научных изысканий, не только анализировать и выявлять причины и констатировать последствия проявления экстремизма в молодежной среде, но и искать пути снижения социальной напряженности и проявлений девиантного характера в рамках общественных взаимоотношений.

Библиографический список

1. Кубякин Е.В. Причины молодежного экстремизма в современной России: социологический анализ // Общество: социология, психология, педагогика. 2011. № 1-2. С. 71-75.
2. Вехов И.В. Экстремизм как объект социологического исследования // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2009. №111. С. 284-289
3. Змановская Е.В. Девиантология. М., 2003.
4. Афанасьева Р.М. Молодежь и проблема экстремизма в современной России // Труды МГУУ Правительства Москвы. Вып №10. М. 2007. С. 179-193.

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ В МЕНЕДЖМЕНТЕ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Е.Н. Барябина

Саратовский государственный технический университет

имени Гагарина Ю.А., Россия

E-mail: bariabina@mail.ru

В статье обосновывается необходимость обеспечения аналитической составляющей программ профилактики правонарушений несовершеннолетних социальными и психологическими исследованиями. Определены цели, задачи, предметная область исследований, актуальных с точки зрения развития и совершенствования системы профилактики детских и подростковых правонарушений.

Ключевые слова: правонарушения несовершеннолетних, профилактика, социальные исследования, психологические исследования.

THE RELEVANCE OF THE RESEARCH COMPONENT IN THE MANAGEMENT OF THE JUVENILE DELINQUENCY PREVENTION SYSTEM

E.N. Baryabina

The article substantiates the need for the analytical component of the juvenile delinquency prevention programmes for the social and psychological research. The author defines the goals, objectives, subject area research relevant to the development and improvement of the system for prevention of child and teenage delinquency.

Key words: a juvenile delinquency, prevention, social research and psychological research.

В соответствии с законодательством [1] выявление и устранение причин и условий, способствующих правонарушениям детей и подростков, призваны осуществлять организации и ведомства системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, учреждения социальной защиты, образования, здравоохранения, службы занятости, органы внутренних дел, опеки и попечительства, органы по делам молодежи. Опыт многолетнего сотрудничества автора с различными учреждениями региональной системы профилактики, работы в составе межведомственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав позволяет отметить ряд позитивных изменений – открытие новых учреждений социального обслуживания для семьи и детей, внедрение новых реабилитационных технологий в работе их специалистов. Вместе с тем все

более очевидным становится, что эффективность функционирования и планомерность развития данной системы трудно обеспечить без оценки соответствия ресурсов системы потребностям детей и семей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации или социально опасном положении. Практически отсутствующая сегодня аналитическая составляющая менеджмента системы может быть обеспечена в значительной степени социологическими и психологическими исследованиями в данной проблемной области.

Социально-психологическое сопровождение данной системы необходимо, прежде всего, на уровне целеполагания, концептуального обеспечения эффективной работы всех субъектов профилактики научно обоснованным пониманием генезиса проблемы. История социальных и психологических исследований проблемы молодежной девиантности насчитывает уже более века, и обобщение результатов этих исследований позволяет сегодня достаточно ясно представить системупричин и условий, способствующих безнадзорности и правонарушениям детей и подростков как индивидуального, так микро-, мезо- и макросоциального уровня.

Однако нельзя не учесть и то, что социальные проблемы имеют и временной и пространственный контекст. Каждый регион и даже муниципальное образование имеет свою экономическую, демографическую и социальную специфику. Для того чтобы грамотно планировать развитие системы профилактики и оценивать эффективность ее работы, необходимо, прежде всего, проанализировать имеющиеся ресурсы и их адекватность потребностям детей и семей и на уровне региона в целом и на уровне каждого муниципального образования.

Необходима аналитическая составляющая муниципальных и региональных профилактических программ, позволяющая оценить в качественных и количественных показателях основные потребности детей и семей группы риска, на которые и должна быть сориентирована профилактическая работа. Только зная основные особенности и потребности детей, мы сможем оценить и необходимые ресурсы для создания реабилитационного пространства, определить: какие формы экономической, социальной, педагогической и психологической поддержки необходимы и какое материальное, правовое, кадровое и методическое обеспечение для этого потребуется. Пока и на этот вопрос мы не можем ответить точно. К примеру, мы знаем сегодня: какие именно программы личностного роста для подростков используют социозащитные учреждения, но не знаем: сколько подростков мы в состоянии включить в эти программы. Достаточно ли у нас для этого специалистов? Мы знаем: сколько в том или ином районе подростковых клубов и учреждений дополнительного образования, но точно не знаем: какую именно занятость, для какого количества детей, какого пола и возраста, они сегодня предлагают. Без мониторинга ресурсов, осуществляемого в рамках

специальных социальных и психологических исследований мы не можем рассчитывать на планомерное развитие профилактических ресурсов районов и регионов.

Востребованность исследовательского сопровождения системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних определяется также тем, что отработанный в ходе подобных исследований методический инструментарий оценки значимых характеристик детей и семей различных групп риска может быть использован в дальнейшем специалистами различных субъектов системы профилактики в реабилитационной работе, а также для мониторинга изменений, происходящих в проблемном поле детского и семейного неблагополучия.

Особую актуальность для обеспечения эффективного функционирования системы, ориентированной на позитивные изменения приобретает и соответствующий исследовательский подход – акционистский. Термин «акционистские исследования» появился благодаря работам социального психолога Курта Левина, утверждавшего, что лучший способ изучения социальных систем предполагает их изменение. Сегодня акционистские исследования относят к разновидности прикладных исследований, ставящих перед собой задачи не просто понимания социальных проблем, но и стимулирования позитивных социальных изменений, пересмотр подходов к их решению [2].

Вопрос оппозиции исследователя по отношению к проблемам и целевым группам, которые являются предметом и объектом его изучения, о социальной ответственности исследователя активно обсуждается в академическом сообществе в ответ на публикации Майкла Бурового об общественной роли социологии [3]. Подчеркивая роль социологии в защите гражданского общества от растущего давления рынка, бесчисленных форм неравенства как глобальной проблемы в эпоху неконтролируемого капитализма, М. Буровой условно делит социологию на «профессиональную», «критическую», «прикладную» и «публичную». Последней он и приписывает «страсть к общественной справедливости, экономическому равенству, правам человека, устойчивой окружающей среде, политической свободе или просто к лучшему миропорядку» [4, с. 10].

Публичная социология призвана преодолеть «пропасть» между социологическим сообществом и изучаемым миром, вовлекая исследователей в диалог с группами общественности, провоцируя дебаты внутри или между группами общественности, создавая такие группы и участвуя в их трансформации, изменении их самосознания.

Определяя активистскую социологию в качестве мейнстрима социологии социальных изменений, Яницкий О. указывает на значимость исследований с позиции образа жизни, интересов и потребностей человека, живущего в определенных социокультурных условиях, т.е. исходя из

принципа активистской социологии – «следуй за актором» [5]. К сожалению, ведущие отечественные социологи достаточно пессимистично оценивают перспективы «публичного» поворота в развитии отечественной социологии. Признавая, что публичная социология возможна и необходима по отношению ко всем социально значимым проблемам, тем не менее, считают, что у современной отечественной социологии нет публичного лица, социологи мало общаются с людьми, которых они изучают.

В качестве предмета акционистских исследований может выступать, на наш взгляд не только позитивный, но и негативный опыт внедрения инновационных практик в деятельность социальных служб, анализ барьеров и препятствий для позитивных структурных изменений. Личный опыт подобного исследования [6] показал, что уже сам процесс исследования, поиск ответов на вопрос о причинах неудач проекта вместе с представителями всех заинтересованных сторон, позволяет вернуть интерес к инновационным практикам со стороны участников проекта, выработать совместно с руководителями заинтересованных ведомств решения, необходимые для сохранения и развития инновационных практик. Одна из задач акционистского исследования – внедрение результатов исследования в действия, возможно коллективные обращения, стимулирующие позитивные социальные изменения.

Особенность акционистских исследований заключается в преодолении дистанции между теми, кто исследует, и теми, кого исследуют. Однако в связи с включением в исследование возникает проблема общего языка, и соответственно задача преодоления отдаленности профессиональных понятий от возможностей и потребностей практики. Настоящим пособием по активистскому подходу в целом и использованию понятного и простого языка для обсуждения сложных социальных проблем являются, на мой взгляд, получившие мировое признание работы выдающегося Норвежского криминолога Нильса Кристи. Особенно Н. Кристи предостерегает от использования «монополизированных», профессиональных слов, разъединяющих «профессионалов» и «непосвященных», а также слов «монополизирующих», т.е. ярлыков, используемых профессионалами по отношению к тем, чьи проблемы они изучают [7].

Специальные исследования необходимы также и для того, чтобы понять – каковы на сегодняшний момент профилактические ресурсы той или иной территории. Другими словами, нам необходимы специальные исследования, которые бы показали: какие направления, формы, методы, технологии востребованы, и соответствуют ли имеющиеся у нас ресурсы этим потребностям. Такого рода информация сможет стать той аналитической основой программ профилактики детской безнадзорности и

правонарушений, которая обеспечит планомерное и эффективное развитие системы профилактики.

В ряду таких исследований окажутся необходимыми и количественные исследования, позволяющие собрать необходимые статистические данные о социально значимых параметрах групп риска, и качественные, ориентированные на получение более глубокого и достоверного знания об интересах, нуждах, ценностях, жизненных смыслах тех, для кого функционирует система.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 24.06.1999 №120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» URL: http://base.garant.ru/12116087/1/#block_100#ixzz3URp2Mn3N (дата обращения: 03.03.2015).
2. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Методы прикладных социальных исследований. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, при участии ООО «Норд-медиа», 2008. 215 с.
3. Общественная роль социологии/ Под ред. П. Романова и Е. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008. 176 с.
4. Буровой М. За публичную социологию // Общественная роль социологии / Под ред. П. Романова и Е. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008. С. 8-52.
5. Яницкий О.М. Проблемы активистской социологии в России // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. М.: РОС, 2012. С. 294-301. URL: <http://www.ssa-rss.ru/files/File/congress2012/part1.pdf> (дата обращения: 03.03.2015).
6. Барябина Е. Социальная работа в российских судах для несовершеннолетних: история и перспектива регионального проекта // Социальные работники как проводники перемен. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2012. С. 89-108.
7. Кристи Н. Простые слова для сложных вопросов. СПб.: Алетейя, 2011. 68 с.

УДК 316.454.54

ПОЛОВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ САРАТОВСКОЙ МОЛОДЕЖИ

И.А. Бегинина

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: begininaia@info.sgu.ru

Статья посвящена анализу влияния социально-демографических характеристик молодежи на особенности ее самоопределения и степени интегрированности в социальные взаимоотношения с окружающими.

Ключевые слова: социальные взаимоотношения, социальное самоопределение молодежи, социальная интеграция, возраст молодежи, пол.

SEX-AGE CHARACTERISTICS OF THE SOCIAL DETERMINATION OF THE SARATOV YOUTH

I.A. Beginina

This article analyzes the influence of socio-demographic characteristics of youth on its self-determination and the degree of integration in social relationships with others.

Key words: social relationship, social self-determination of youth, social inclusion, age of youth, gender.

Социальное самоопределение молодежи – это определение своего положения в мире, оно направлено не столько внутрь личности, сколько вовне и предполагает оценку взаимоотношения с окружающими людьми, кого они любят и отвечают ли им взаимностью. Именно это лежит в основе удовлетворенности жизнью. Исходя из этого, в 2014 году в Саратове был проведен социологический опрос молодежи методом формализованного интервью по репрезентативной квотно-территориальной выборке. Было опрошено 533 человека (49% юношей, 51% девушек). Социологический опрос показал, что среди молодежи большинство (62%), особенно девушки (66%) абсолютно не чувствуют одиночества и 23% более осторожно это подтверждают. Однако 6% молодежи постоянно испытывают одиночество в той или иной мере и 8% – испытывают это чувство эпизодически. Особенно на этом настаивают юноши.

В исследовательских целях саратовская молодежь была разделена по возрастным индикаторам на 4 группы: «подростки» (до 17 лет включительно) – 11%, «юные (18-21 год) – 48%, «молодые» (22-25 лет) – 19% и «зрелые» (25 лет и старше) – 22%. Большинство всех категорий молодежи, особенно зрелая ее часть, считают, что они не одиноки в этом мире. В 3 раза чаще других полное или относительное одиночество испытывают подростки. Для них и для молодых саратовцев больше других характерно ситуативное восприятие одиночества. Возможно, это связано с подростковым кризисом идентичности, когда вместе с осознанием своей неповторимости, непохожести на других приходит чувство одиночества. Отсюда рост потребности в общении и одновременно повышение его избирательности, потребность в уединении, отстранении от повседневности. В целом, чем моложе саратовец, тем чаще он испытывает чувство одиночества, меньше интегрирован в социальное пространство взаимодействия.

Подавляющее большинство молодежи (65%) уверено, что их любят окружающие. Особенно в этом уверены девушки (72%). Юноши – менее

категоричны в этом утверждении. Среди них почти в 2 раза больше сомневающих в этом. Они чаще девушек полагают, что их совсем или почти совсем никто не любит. Можно предположить, что это – защитная реакция на значительные ожидания как собственные, так и со стороны окружающих.

Больше всех уверенность в чувстве любви к ним окружающих выказали самая старшая категория молодежи (71%) и подростки (66%). Можно предположить, что у них более тесная связь с семьей родителей или своей собственной, которая существенно повышает их самооценку и степень тесноты социальных взаимосвязей. Самая низкая самооценка любви окружающих выявлена среди молодых саратовцев (22-25 лет) – 2%, против одного – по выборке. У них же – самая значительная доля сомневающих в отношении к себе окружающих (13% против 8% – по выборке). К ним примыкают и юные саратовцы (18-21 год), среди которых 3% высказали осторожную уверенность в нелюбви окружающих и 11% сомневаются в отношении к себе со стороны близких.

Осознавая свои отличия от других, молодой человек вынужден более или менее самостоятельно выбрать референтную группу, на которую он должен, может или хочет ориентироваться, и начинает сравнивать себя с другими не только по оси «сходство – различие», но и по принципам «высший – низший», «хороший – плохой», «правильный – неправильный», что непосредственно затрагивает его самоуважение. Но процесс социального сравнения является двусторонним. Индивид воспринимает и оценивает себя в сравнении с другими, а других – по себе. Но то, что кажется «непосредственным знанием себя», в действительности есть итог сложного процесса атрибуции (приписывания себе определенных свойств). Для более высоких уровней идентичности молодого поколения характерно более высокое самоуважение, которое фиксируется через уважительное отношение окружающих.

Безоговорочно уважаемой личностью считают себя большинства (58%) молодежи, особенно – девушки. Среди юношей чаще встречаются менее категоричные утверждения о том, что их уважают окружающие (30% против 28 – в среднем по выборке). Они чаще девушек полагают, что к ним часто относятся неуважительно (3% против 1% у девушек), и чаще рассматривают это ситуативно (14% против 10% – у девушек). Иными словами, юноши больше девушек испытывают дефицит уважения со стороны окружающих. Возможно, это связано с большей требовательностью к себе, ожиданиями близких людей, или мнением, что окружающие их недооценивают. Контекстуальный диссонанс активизирует социальное сравнение и делает «образ Я» молодых людей более проблематичным, селективным и внутренне противоречивым.

Чаще других абсолютно уверены в уважении к себе окружающих представители самой зрелой части молодежи – 62% (против 58 в среднем

по выборке). Среди молодой категории молодежи чаще встречаются более осторожные оценки уважительного отношения близких людей (30% против 28% по выборке) и чаще это оценивается ситуативно (12% против 11% по выборке). Больше других последняя характеристика относится к юным саратовцам (14%). Подростки отличаются самым высоким уровнем абсолютной уверенности в неуважительно отношении к себе (3% против 1% по выборке) и ситуативностью мнения о себе (13% против 11% по выборке). Таким образом, чем старше молодежь, тем больше она уверена в уважительном отношении к себе окружающих.

Важным критерием степени социальной интегрированности молодежи выступает самооценка доверительного к себе отношения (таблица 16). В данном случае речь идет о так называемом обобщенном доверии, понимаемом как социальная установка, выражающая готовность индивида рассматривать себя с точки зрения окружающих его людей. И через призму этого оценивать свое поведение. В основе последнего лежит собственный позитивный образ как реальное или вымышленное отражение себя в глазах окружающих (социальной группы, личности, института). В этом образе отражается не только рациональная составляющая, основанная на рефлексивном знании себя, но и чувственно-эмоциональная, способная существенно повлиять на его восприятие и оценки, регулируя готовность к взаимодействиям. Более того, характеризуя отношение доверия к себе, по сути молодые люди раскрывают и степень своего доверия к окружающим.

62% опрошенных считают, что окружающие им полностью доверяют. Каждый четвертый молодой саратовец полагает, что в основном ему доверяют близкие люди. 8% оценивают доверие к себе с позиций ситуативности. 4% полагают, что окружающие им полностью или частично не доверяют. Девушки (67%) чаще юношей (56%) полагают, что окружающие им полностью доверяют. Среди юношей чаще встречается более осторожная (27%) и ситуативная (10%) оценка доверительного к себе отношения. Более того, 5% юношей полагают, что им полностью или частично не доверяют окружающие их люди.

В наибольшей степени уверены в абсолютном к ним доверии подростки (69%). На втором месте по абсолютной уверенности – юные саратовцы (62%), на третьем – молодые категории молодежи (56%). Из этого следует, что чем моложе саратовцы, тем чаще они считают, что пользуются абсолютным доверием окружающих. Исключение составляет самая зрелая часть молодежи, у которой вера в доверительные отношения несколько повышается (63%). Вместе с тем, молодая категория саратовцев в 2 раза чаще других указывала на полное или частичное отсутствие доверия к себе (8% против 4 по выборке). Чуть меньше это проявляла зрелая часть молодежи (7%).

Взрослость – не столько субъективное состояние, сколько свидетельство, что личность является полноправным членом

соответствующего общества, который может и должен выполнять связанные с этим социальные роли и обязанности, реализуя таким образом свои индивидуальные человеческие возможности. Наиболее полноправной личностью ощущает себя 59% молодежи. Более осторожны в своих оценках полноправия – 22%, ситуативно – 15%. Полностью или частично бесправными ощущают себя 4% опрошенных. Самые высокие оценки своего полноправия чаще встречаются среди юных саратовцев (62%). Юность укрепляет их общие интегральные связи, повышая степень уравниновешенности и самоконтроля индивида. Самыми бесправными себя ощущает зрелая часть молодежи (4%) и подростки (5%). При этом девушки выше оценивают уровень своего полноправия (61%), чем юноши (57%). Последние чаще оценивают это более осторожно (22%) или ситуативно (15%).

Представление молодого человека о самом себе во многом зависит от того, как оценивают его окружающие, особенно если это коллективная, групповая оценка. Под влиянием благоприятных мнений самооценка повышается, неблагоприятных – снижается. Хорошие доброжелательные отношения с окружающими одновременно свидетельствуют об интегрированности молодежи в социальное окружение и ориентации на его мнение. Больше других это свойственно подросткам (59%). Вместе с тем именно среди них и среди юных саратовцев чаще других указывается на проблемные отношения с окружающими (по 8%). С возрастом уровень ориентации на социальное окружение и проблемный фон снижается.

Девушки более коммуникабельны, общительны, среди них выше доля тех, у кого с большей частью окружающих хорошие отношения (57%). Одновременно среди них в 2 раза чаще юношей встречаются проблемные отношения. Среди юношей чаще встречаются более осторожные позитивные оценки своих взаимоотношений, они несколько чаще указывали на их ситуативный характер.

В жизнедеятельности молодого поколения многое зависит от внутри коллективных взаимоотношений. Коллектив – не простая совокупность индивидов, а определенная система взаимоотношений, которая накладывает свой отпечаток на все виды самооценок молодежи. Интериоризация чужих мнений предполагает социальное сравнение, отбор информации в соответствии с существующим «Я-образом» и ценностными критериями, а также – атрибутивные процессы. Молодые люди сначала приписывают другим то или иное отношение к себе, а затем уже принимают или отвергают его в качестве критерия оценки. Символом хороших взаимоотношений в коллективе можно рассматривать тезис «ссоры не выносятся за пределы нашего коллектива». С ним чаще полностью согласны девушки (46%), чем юноши (39%). Вместе с тем именно девушки чаще полностью (3%) или частично (4%) отрицают это, что выступает показателем плохих отношений в коллективе. Иными словами, девушкам

более свойственна максималистская категоричность оценок, что, видимо, связано с большей ориентированностью на мнение коллектива, большими ожиданиями, которые связаны с социальным окружением. Юношам более свойственно осторожное одобрение взаимоотношений в коллективе (30% – против 27% у девушек), или ситуативный характер этих оценок (25% против 20% – у девушек).

Молодые саратовцы чаще других склонны полностью или частично положительно оценивать свои взаимоотношения в коллективе (73% против 72% по выборке). Юные саратовцы реже других категорий выражали абсолютную уверенность в хороших взаимоотношениях в коллективе (41%), но чаще давали осторожно позитивную (30%) или осторожно негативную оценку (5% против 4% по выборке). Подростки чуть меньше других возрастных категорий полагают, что ссоры не выносятся за пределы их коллектива (69%). Они чаще склонны оценивать взаимоотношения в коллективе ситуативно (23% против 22% по выборке) или негативно (8% против 6% по выборке). Зрелая часть молодежи выше других оценивает отношения в коллективе как очень хорошие (44%), или ситуативно (24%). Таким образом, чем моложе саровец, тем больше в его оценках присутствуют максималистские противоречия и чаще – негативные оценки взаимоотношений в коллективе.

Наличие или отсутствие провокаторов в семье определяет степень доверительных отношений. Большинство (63%) молодежи полагают, что в их семье нет или почти нет провокаторов. Причем подростки чаще других проявляли осторожность в согласии с этим (29% против 25% по выборке). Среди них чаще встречаются категоричные утверждения о наличии провокаторов в семье (9% против 7% – по выборке) и в 2 раза чаще других они более осторожно заявляют об этом (16% против 8% по выборке). Иными словами, каждый четвертый подросток сталкивается с провокациями в своей семье.

Среди юных саратовцев выявлен самый высокий уровень доверия своей семье. 68% их них никогда или почти никогда не сталкивались дома с провокациями. Среди молодой категории таких – 57%, среди самой старшей – 55%. Если среди подростков ситуационно оценивают провокации в семье 10%, то среди юных саратовцев – 19%, среди молодых – 27%, среди зрелых – 30%. Таким образом, чем старше молодой человек, тем меньше уровень его доверия к членам своей семьи, и выше – уровень ситуационных оценок.

Важным проявлением степени социальной интегрированности выступают взаимоотношения с учителями и наставниками. Девушки особенно часто настаивали, что у них с учителями абсолютно вежливые и уважительные отношения (48%). Однако у 8% девушек эти отношения далеко не безоблачны (среди юношей таких – 6%). Юноши чаще девушек настаивали на более осторожно позитивных (31% против 28% – у девушек)

или ситуативных (23% против 16% – у девушек) оценках отношений с учителями. Иными словами, у юношей – более неровные (осторожные и ситуативные) отношения с педагогами и наставниками, чем у девушек, но они реже переходят к крайностям.

Самые высокие абсолютно позитивные оценки взаимоотношениям с учителями выявлены среди самой зрелой части молодежи (50% против 44% по выборке). Еще каждый четвертый представитель этой части молодежи отметил, что в основном у него вежливые и уважительные отношения с учителями. Каждый пятый из них отмечал ситуативный характер этих взаимоотношений. Среди молодых саратовцев чуть меньше (47%) тех, кто абсолютно уверен в вежливых и уважительных отношениях с учителями, но чуть больше тех, кто оценивает эти отношения ситуативно (22% против 20% по выборке). Меньше всех абсолютно уверены в хороших взаимоотношениях с учителями юные саратовцы (40% против 44% по выборке). Они чаще других высказывали осторожное одобрение этих отношений (35% против 29% по выборке), или осторожное неодобрение (5% против 3% по выборке). Таким образом, чем старше молодежь, тем лучше их взаимоотношения с учителями. Исключение – подростки, которым свойственны более постоянные контакты с преподавателями. Возможно поэтому 66% из них отметили полностью или в основном – хорошие взаимоотношения с учителями. Однако почти каждый четвертый отмечал их ситуативный характер. Среди подростков особенно часто встречались негативные оценки взаимоотношений с учителями (10% против 7% по выборке).

Взаимоотношения с лидерами являются важным показателем степени социальной интегрированности молодежи. Большинство девушек (51%) абсолютно уверены, что поддерживают хорошие отношения с группой лидеров. Среди юношей таковых меньше – 41%. Они более осторожны в оценке позитивных отношений с группой лидеров (33% против 28% у девушек), чаще оценивают это ситуативно (21% против 16% у девушек).

Зрелая часть молодежи чаще других (50% против 46% – по выборке) полностью уверена в своих хороших отношениях с группой лидеров. Каждый четвертый среди них также в основном фиксировал хорошие отношения (26%), а каждый пятый проявил склонность к их ситуативной оценке. Среди молодых саратовцев чаще других встречаются ситуативные оценки взаимоотношений с группой лидеров (23% против 19% по выборке). Среди юных саратовцев чаще других встречаются абсолютно негативные отношения с группой лидеров (4% против 3% по выборке). Среди подростков чаще других встречается осторожно одобрение отношений с лидерами (36% против 30% по выборке) и осторожно негативное отношение к ним (3% против 2% по выборке). В целом, чем старше саратовцы тем меньше осторожного позитивного или негативного отношения к лидерам.

Важным показателем социальной интегрированности молодежи выступают ее отношения с руководством. Девушки чуть чаще юношей подчеркивают очень хорошие взаимоотношения с ним (41% против 40% у юношей), отмечают ситуационный характер (22% против 21% у юношей), или заявляют, что всегда испытывают давление со стороны руководства (9% против 5% у юношей). Юноши выказали большую склонность к осторожным позитивным (27% против 23% у девушек) или негативным оценкам (8% против 6% у девушек) взаимоотношений с руководством.

В ходе оценке своих взаимоотношений с руководством подростки в 1,5 раза чаще других говорили о том, что постоянно или периодически испытывают с его стороны давление (21% против 14% по выборке). Юные саратовцы чаще других говорили о прекрасных взаимоотношениях с руководством (42% против 40% по выборке), но осторожно отмечали периодическое давление с его стороны (9% против 7% по выборке). Молодые саратовцы чаще других настаивали на ситуационных отношениях с руководством и 8% отмечали постоянное его давление. Зрелая часть молодежи чаще других указывала на осторожно позитивный характер взаимоотношений с руководством (34% против 25% по выборке). Таким образом, чем старше молодежь, тем меньше абсолютно позитивных отношений с руководством, но и меньше негативного отношения к нему.

Таким образом, среди молодежи большинство (62%), особенно девушки (66%) абсолютно не чувствуют одиночества и 23% более осторожно это подтверждают. Юноши больше девушек испытывают дефицит уважения со стороны окружающих. Чем моложе саратовец, тем чаще он испытывает чувство одиночества, меньше интегрирован в социальное пространство взаимодействия, но тем чаще они считают, что пользуются абсолютным доверием окружающих. Чем моложе саратовец, тем больше в его оценках присутствуют максималистские противоречия и чаще – негативные оценки взаимоотношений в коллективе. Каждый четвертый подросток сталкивается с провокациями в своей семье. С возрастом уровень ориентации на социальное окружение и проблемный фон снижается. Чем старше молодежь, тем больше она уверена в уважительном отношении к себе окружающих, но тем меньше уровень его доверия к членам своей семьи, и выше – уровень ситуационных оценок. Чем старше саратовцы тем меньше осторожного позитивного или негативного отношения к лидерам и меньше абсолютно позитивных отношений с руководством, но и меньше негативного отношения к нему.

ИЗМЕНЕНИЯ В ТРУДОВОЙ СФЕРЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

М.А. Герасимова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: gerasimova.mary@gmail.com

В статье автор анализирует системные изменения наемного труда в условиях общества риска. Приводит факторы, способствующие данным изменениям, и, как следствие, отмечает возникновение прекариата. Автор приходит к выводу, что внутренний потенциал новой группы может быть крайне опасен.

Ключевые слова: общества рисков, наемный труд, неполная трудовая занятость, безработица, прекариат.

EMPLOYMENT CHANGES IN THE CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY

M.A. Gerasimova

In article the author analyzes systematic employment changes in the conditions of risk society. Gives the factors which influenced to these changes, and as a result, notes the emergence precariat. The author comes to the conclusion that the internal capacity of the new group can be extremely dangerous.

Key words: risk society, wage labour, part-time employment, unemployment, precariat.

В последнее время социологи все чаще обращаются к проблеме глобального кризиса в сфере занятости. Масштабный кризис занятости, выражающийся в неравных шансах на достойный труд, пронизывает все сферы жизни общества, оказывает серьезное влияние на рынки и доходы, на экономику страны в целом. Кризис труда наполняют такие понятия и явления как рост безработицы, неполная занятость, прекаризация. В данной статье нам бы хотелось рассмотреть эти явления и их проявления в условиях российской действительности.

В нашей стране кризис занятости усугубляется начавшимся экономическим кризисом. Рекрутинговое агентство «Antal Russia» выяснило, как изменились настроения и планы на 2015 год в среде работодателей в условиях нестабильной экономической ситуации в стране. Опрос показал, что «74% компаний не планируют увеличивать бюджет на зарплаты новых сотрудников», некоторые работодатели считают, что «зарплатные ожидания кандидатов могут стать скромнее в связи с трудной экономической ситуацией» [1]. Основанием для таких ответов послужил тот факт, что 38% опрошенных компаний планируют провести

оптимизацию трудовых коллективов или уже провели сокращения сотрудников. На этом фоне естественным выглядит ответ 49% компаний о приостановке поиска новых кадров или о планировании сделать это в ближайшее время. Присовокупив к серьезному числу сокращений то обстоятельство, что в связи с введением новых технологий на производстве ежегодно освобождается огромное количество рабочих мест, то, по нашему мнению, нас ожидает в скором времени колоссальный уровень безработицы.

Нарастающее расслоение общества на богатых и бедных, занятых в трудовой деятельности и безработных неизбежно приводит к усилению социальной напряженности. Россиянам в независимости от возраста, социального положения, строкам-должностям в трудовой книжке приходится приспосабливаться к жизни в условиях нестабильности, неопределенности, двойственности, отсутствия четких критериев поведения, то есть к жизни в обществе риска.

Представляется необходимым более детальное и глубокое понимание процессов, происходящих в обществе риска. Для чего рассмотрим, какие системные изменения претерпевает наемный труд при переходе от индустриального общества к постиндустриальному, или от общества модерна к высокому модерну, когда процесс производства материальных и социальных благ сопровождается систематическим воспроизводством угроз, опасностей и риска.

По мнению У. Бека, в индустриальном обществе труд наряду с профессией являлся стержневым элементом образа жизни. Начиная с раннего детства, ребенок приучался к труду, видел, как работает его отец. Подрастающий человек понимал, что профессия может стать ключом к миру и открыть для него множество возможностей. Как правило, обучение было направлено на получение определенной профессии. Зрелость определялась выходом на работу и началом трудовой деятельности. Старость же наступала вместе с уходом на пенсию, увольнением, то есть в связи с окончанием профессиональной деятельности.

Профессия и трудовая занятость придавала человеку внутреннюю стабильность. Наличие профессии гарантировало получение социального опыта и давало возможность для индивидуализированного образа жизни.

В настоящее время можно говорить о том, что профессия утратила свои защитные функции и перестала быть гарантом стабильности в обществе. В самом деле, сейчас наличие диплома о высшем образовании не гарантирует не только благополучное трудоустройство, но и зачастую обретение профессии или ремесла. «Вместе с профессией люди теряют возникший в индустриальную эпоху внутренний каркас образа жизни» [2, с. 196], что неизбежно ведет к росту нестабильности в обществе.

В последние годы на российском рынке труда возникла парадоксальная ситуация: высокая безработица и острая нехватка кадров

одновременно, что объясняется структурной диспропорцией. Сейчас к трудовой деятельности приступают люди, рожденные в конце 80-х – начале 90-х годов, в период социальных потрясений, приведший к резкому снижению рождаемости. Подавляющее большинство этих «детей» успешно поступило в вузы и пополнило ряды юристов, маркетологов, менеджеров. То есть наблюдается переизбыток молодых специалистов с квалификацией, не востребованной обществом. В результате 16% молодых людей в возрасте от 25 до 30 лет с высшим образованием не имеют работы [3]. В то время как естественная убыль трудовых кадров на производствах продолжается, не получая притока новых молодых специалистов.

Еще одно изменение в трудовой сфере, с которым общество столкнулось в последнее время можно обозначить как переход от стандартизированной полной занятости к системе гибкой неполной занятости. «На место зримой формы предприятия, сосредоточенной в высотных офисах и фабричных цехах, приходит незримая организация предприятия» [2, с. 204]. Если в индустриальном обществе речь шла о пожизненной полнодневной занятости всего трудоспособного населения страны, что могло обеспечить «четкое разграничение работы и не работы, которое можно зафиксировать в пространстве и времени» [2, с. 205], то сейчас, в условиях неполной или частичной занятости, границы между работой и не работой становятся текучими.

Все большее распространение приобретают гибкие, плюральные формы частичной занятости, например работа на удалении, работа фриланс и т.д. Но временная или пространственная флексибилизация наемного труда, несмотря на видимые преимущества, таит в себе и латентные риски в сфере здоровья и психики. Заметим, что превращение рабочих мест с полной занятостью в различные рабочие места с неполной занятостью неизбежно влечет за собой изменения в уровне доходов. Справедливости ради стоит отметить, что не всякий переход к частичной занятости в противовес полной занятости в офисе (или другом учреждении) неизбежно ведет к снижению доходов.

Может показаться, что распространение рабочих мест с неполной занятостью (неполным рабочим днем) сможет существенным образом сократить уровень безработицы. По мнению У. Бека, нельзя делать столь однозначный прогноз. До недавнего времени было невозможно сочетать работу с учебой, декретным отпуском, инвалидностью и т.д. Сейчас молодые мамы, учащая молодежь, люди с ограниченными возможностями, находящиеся раньше «в резерве», имеют возможность выйти на рынок гибкой неполной занятости, что объективно приведет не к уменьшению уровня безработицы, а многократному её увеличению.

Как мы видим флексибилизация труда, рост безработицы, дестандартизация наемного труда, увеличение числа рабочих мест с неполной занятостью увеличивают нестабильность в обществе, ведут к

увеличению рисков, а также к появлению и распространению такого явления как прекариат.

В научной среде в настоящее время существует несколько значений термина прекариат. По мнению французских социологов, под прекариатом следует понимать сезонных рабочих, «в Италии считалось, что прекариат – это нормальное положение рабочих на рынке труда» [4, с. 9].

В свободной энциклопедии «Википедия» встречаем близкий термин «прекаризация» (от англ. «precarious» и лат. «precarium» – сомнительный, опасный, рискованный, негарантированный, нестабильный, стоящий на песке). Данный термин описывает новый вид трудовых отношений, которые «могут быть расторгнуты работодателем в любое время, также дерегуляция трудовых отношений и неполноценная, ущемлённая правовая и социальная гарантия занятости» [5].

По мнению британского профессора Гая Стэндинга, прекариат представляет собой новый опасный класс бесправных рабочих, пришедший на смену пролетариату [6, с. 4].

Книга «Прекариат – новый опасный класс» Гая Стэндинга вызвала живые дискуссии среди социологов. Так в Казанском госуниверситете в марте 2014 года был проведен круглый стол под названием «Прекариат – модный термин или реально нарождающийся класс общества?». Участники круглого стола поставили под сомнение, тот факт, что прекариат является новым классом: «Ознакомившись с работой Стэндинга, я не увидел ни одной материалистической причины происхождения класса» [7]. К сожалению, формат настоящей статьи не позволяет более детально остановиться на данном вопросе и развить дискуссию дальше.

Заметим, что мы определяем прекариат как особую социальную группу, которая формируется в условиях нарастающих рисков. Хотелось бы подчеркнуть, что до тех пор, пока общество риска не функционирует, прекариат может описывать и сезонные работы, и обычное положение рабочих. Но такие характеристики общества риска как «ненадежность», «неопределенность» могут служить основанием для формирования новой социальной группы, которая вынуждена принимать те или иные решения в условиях непредсказуемости.

По мнению Гая Стэндинга в прекариат входят следующие «бесправные и крайне уязвленные группы»: «старый пролетариат», женщины, меньшинства, мигранты; образованная молодежь [8]. Можно продолжить предложенный список. Прекариями одновременно могут быть и выпускник высшего учебного заведения, который в силу ряда причин не может найти работу, и фрилансер, имеющий достаточно высокий уровень доходов. Мужское трудоспособное население российских деревень, мигрирующее в поисках заработка, а также преподаватели ВУЗов, которые могут попасть под сокращение, и не защищены профсоюзными организациями, также могут пополнить ряды прекариатов. Говоря об

обществе риска, не стоит забывать о том, что риск вездесущ и в это новое социальное образование могут попадать совершенно разные социальные категории.

Что касается возможной численности новой социальной группы, приведем цитату из выступления вице-премьера Ольги Голодец на четвертой международной конференции по экономическому и социальному развитию: «К сожалению, наш рынок труда практически сегодня не легитимизирован. В секторах, которые нам видны и понятны, занято всего 48 млн. человек. Все остальные (т.е. 38 млн.) – непонятно, где заняты, чем заняты, как заняты» [9]. Масштабы проблемы по истине колоссальны. И дело не только в том, что значительная часть населения не платит налоги. Гораздо серьезнее тот факт, что проблема прекариата широко не озвучивается, не обсуждается.

В настоящее время в силу не достаточной разработанности проблематики, мы не можем в полной мере оценить внутренний потенциал, заложенный в прекариате. Но есть основания полагать, что дальнейшее бесконтрольное развитие новой социальной группы может привести к серьезным последствиям, таким как: кардинальное изменение рынка труда (все большее увеличение неполной формы занятости), рост числа трудоспособных граждан без стабильной работы, увеличение неопределенности и напряженности в обществе, а также усиление недоверия к власти и государству.

Библиографический список

1. Горелова Е., Авшалумова Р., Малыхин М.. Рынок труда 2015 – три подушки безопасности. // URL: <http://www.vedomosti.ru/management/articles/2014/12/26/> (дата обращения: 27.02.2015).
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. Москва: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
3. Бондырев В. Кризис на рынке труда России. // URL: <http://www.osvic.ru/job-career/labour-market-31/article7342.html> (дата обращения: 07.03.2015).
4. Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В. Новые социальные группы в современных стратификационных системах глобального общества // Социологическая наука и социальная практика. 2013. №3. С.???
5. Свободная энциклопедия «Википедия» // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%CF%E0%E5%EA%E0%E8%E7%E0%E6%E8%FF> (дата обращения: 15.03.2015).
6. Стэндинг Г. The Precariat: The New Dangerous Class / Прекариат – новый опасный класс: Ад Маргинем. Город: изд-во, 2014. 328 с.
7. Круглый стол «Прекариат – модный термин или реально нарождающийся класс общества?» // URL: <http://kpfu.ru/prekariat-ndash-modnyj-termin-ili-realno-74495.html> (дата обращения: 10.03.2015).
8. Асташенков А. ««Прекариат начинает организовываться» // Русская планета. 13.10.2013. // URL: <http://rusplt.ru/policy/prekariat.html> (дата обращения: 12.02.2015).

9. Интерфакс. Москва 03.04.2013 «Вице-премьер Голодец: 40 млн. россиян заняты “непонятно где и чем”» // URL: <http://www.interfax.ru/russia/299143> (дата обращения: 12.11.2014).

УДК 304.4

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Б.А. Головин, М.В. Калининкова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: kalinnikova1@rambler.ru

Статья посвящена анализу роли минеральных ресурсов в создании оптимального уровня жизни россиян. Авторами освещены вопросы использования топливно-энергетического комплекса страны под влиянием процессов глобализации, атак же в контексте возникновения экономического, политического, социального кризиса. Сделаны выводы о необходимости оптимизации системы использования и развития минерально-сырьевой базы в рамках повышения благосостояния российского народа и развития экономики.

Ключевые слова: национальная безопасность, минерально-сырьевой комплекс, экономический кризис.

SOCIAL ASPECTS OF FUEL AND ENERGY COMPLEX DEVELOPING IN MODERN CONDITIONS

B.A. Golovin, M.V. Kalinnikova

In this article we was analyzed the role of mineral resources in creation of optimal standards of living for Russians. We had shown some questions of using fuel and energy complex of country under influence of globalization processes in context of economic, political and social crisis. We concluded that it was necessary to optimize system of using and developing mineral and raw materials base in context of upgrade Russians welfare and developing of economy.

Key words: national security, mineral and raw materials complex, economic crisis.

Социально-экономическое развитие России в мировом сообществе в настоящее время и перспективе определяется ее топливно-энергетическим комплексом и государственной стратегией его использования. В условиях глобализации мировой экономики социальные аспекты разработки природных ресурсов нашей страны имеют три важнейших свойства.

Во-первых, функционирование предприятий минерально-сырьевого комплекса не может обеспечить работой значительное количество населения.

Только сырьевая экономика не может обеспечить достойный уровень жизни странам с большим населением. Считается, что эксплуатация российского природно-ресурсного комплекса могла бы поддерживать уровень жизни, соответствующий, например, Канаде только для 40 млн. человек.

Во-вторых, резкие изменения спроса на многие виды сырья в ходе интегративной глобализации приводят к частым экономическим кризисам.

Национальная экономика России сегодня ориентируется на международные стандарты. Правила деятельности транснациональных корпораций доминируют над законами нашей страны и, таким образом, ее экономика начинает подчиняться узкому кругу частных владельцев акций транснациональных компаний. Неподчинение же транснациональным компаниям ведет к санкциям политическим, экономическим, социальным в области внешней торговли страны. Примером могут быть санкции предпринятые США и рядом стран Европы против России, вызванные обострением взаимоотношений между Россией и Украиной. В результате применения санкций был спровоцирован финансовый кризис 2014 года, который в настоящее время вошел не только в каждую российскую компанию, но и в каждую семью. Он однозначно носит системный характер: разрушает хозяйственные связи, перечеркивает начавшуюся формироваться перспективу развития страны, девальвирует национальные ценности, разрушает устои российского общества.

К сожалению, кризисы последних лет прошли в России без глубокой проработки перспектив развития общества и государства. Учитывая, что мы два десятилетия топчемся на месте, мы и сейчас не сделали выводов из прошлого. В России ВВП за 2009 год сократился на 8%, промышленное производство – на 9%. Значительно уменьшились объемы инвестиций в экономику, возникла дефицитность государственного бюджета. Острота кризиса в России объясняется, в частности, тем, что в течение относительно благополучного периода российской экономики в период 2000-2015 гг., практически не было сделано ничего, что бы подстраховаться от возможных неблагоприятных ситуаций. По данным социологов 97% населения нашей страны считают, что они никоим образом не могут повлиять на решения, принимаемые правительством России. Таким образом, социальный аспект в обновлении и развитии России не менее важен, чем технологические и экономические нововведения [1].

Третьим свойством можно считать чрезмерное увлечение экспортом минерально-сырьевой продукции приводящее к частичной потере суверенитета и превращению страны в минерально-сырьевой придаток

Запада. Указанное свойство ведет к быстрому истощению ранее разведанных запасов полезных ископаемых. Так в настоящее время за рубежом России вывозится 41-45% добываемой в стране нефти и 30-35% из производимых нефтепродуктов, 30-33% газа, а по алюминию, никелю, меди, металлам платиновой группы и алмазам Россия занимает ведущее место среди стран-экспортеров, оказывая значительное влияние на конъюнктуру мирового рынка. С другой стороны в России отсутствует социально направленная экономическая политика.

Следует иметь в виду, что в мире доходы фирм, получивших концессию на разработку национального месторождения, облагаются немалым налогом из прибыли: в Аргентине налоговая ставка равна 55% валовой выручки, Великобритании – 52%, Норвегии – 82%, ОПЕК – 50-85%, США – 47-58%, и только в России – 34%. Сложившаяся система налогообложения в России стимулирует экспорт углеводородов, а не продукты их переработки. Россия вышла на первое место в мире по экспорту углеводородного сырья, но это не обогатило ее. Большую часть нефтепродуктов РФ якобы продает развитым странам, США, ЕС. Однако деньги, якобы уплаченные за нефтепродукты, остаются в банках США, ЕС. По оценке ООН, ЮНКТАД «... невозвращение в Россию номинальных российских экспортных доходов в 1996 г. исчисляется в 46-52 млрд. долл.» [2]. Эта оценка совпадает с отечественной: из экспорта РФ 80,2 млрд. долл. более 50 млрд. долл., т.е. около 70%, остались вне России. Невозврат экспортных доходов, «отложенный спрос» населения, нарастает, он превысил уже 2 трлн. долл. и инвестирован в экономику США, ЕС. Невероятно, но факт - США, ЕС сегодня вывозят уже не только большую часть ресурсов РФ, но и оставляют у себя почти весь экспортный доход. Последнее не приводит к повышению жизненного уровня населения страны.

Козловский Е.А. в своем докладе о национальной безопасности в свете минерально-сырьевых проблем обращает внимание, что обвинения в адрес бывшего руководства страны в том, что оно создало минерально-сырьевую экономику, которая тянет страну назад беспочвенны [3]. 40 лет назад доля топливно-энергетических товаров в структуре экспорта из СССР составила 15,7%; машин и оборудования – 21,5%; продовольствия и сельскохозяйственного сырья – 8,4%. В 2008 г. в общем объеме экспорта топливно-энергетические товары составили 67,8%, машины и оборудование – 4,9%; продовольствие и сельскохозяйственное сырье – 2%. Цифры говорят о том, что с 1970 по 2008 г. зависимость нашей страны от экспорта топливно-энергетических товаров в пересчете на душу населения возросла в 280 раз! Причина этого явления в развале промышленного, сельскохозяйственного и других секторов экономики.

Как было отмечено ранее [3] в ближайшие как минимум два-три года экспортные потоки обусловленные продажей углеводородного сырья

будут сокращаться, что приведет к уменьшению валютных поступлений в бюджет страны. Несмотря на это, во время выступления на своей пресс-конференции 16 апреля 2015 г. Президент страны В.В. Путин подтвердил, что страна выйдет из кризиса не позже, чем через 2 года.

Таким образом, в этой ситуации исключительно важна государственная поддержка тех отраслей, которые являются основой экономики страны.

Весьма показательными являются данные Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), касающиеся патентования. В соответствии с ними в 2009 г. в мире было зарегистрировано 155900 патентов, из которых на долю России приходится 569, то есть 0,36%... Впору говорить об инновационном разгроме России, об отторжении экономической и социальной системами новшеств, изобретений, творческой активности [3].

По нашему мнению, главным должен стать приоритет высокотехнологичных производств и отраслей, в том числе в добывающей и перерабатывающей промышленности при поддержке социальной сферы.

Однако, освобождение общества за годы перестройки от «чрезмерной милитаризации», не дало ожидаемого эффекта, и более того, не последовало резкого повышения благосостояния народа и развития экономики. Пространство, ранее занимаемое Варшавским Договором, не стало нейтральным, а превратилось в арену военно-политического шантажа, а бывшие противники получили новых союзников и обосновались у российских рубежей. Соединенные Штаты Америки провоцируют дальнейшее перемещение НАТО к границам России, выводят гонку вооружений теперь уже на качественно новый уровень.

Именно социальный аутизм позволяет забывать утверждение М. Тетчер о том, что в условиях глобализации на территории России экономически оправданно проживание 15 миллионов человек, слова А. Меркель о том, что богатства России за Уралом являются достоянием всего мира, предложение Китая заняться обустройством и эксплуатацией Северного морского пути, дискуссию в американских газетах о желательности покупки Восточной Сибири. В этом же ряду находится афоризм, приписываемый З. Бжезинскому: «В XXI веке Америка будет развиваться против России, за счет России и на обломках России».

Библиографический список

1. Атаманова Е.А. Экономические аспекты пространственного недропользования URL: www.cyberleninka.ru (дата обращения: 15.03.2015).
2. Распоряжение Правительства РФ от 13.11.2009 N1715-р. «Об Энергетической стратегии России на период до 2030 года». Консультант Плюс. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 15.03.2015).
3. Козловский Е.А. Национальная безопасность в свете минерально-сырьевых проблем // Российские недра. №18 (129) от 14.12.2011. С. 4-5.

ИСТОКИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВУ

З.М. Дыльнова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: dylnovazoya@gmail.com

Статья посвящена рассмотрению научных взглядов авторов ряда классических теорий, которые внесли особый вклад в развитие социологического анализа предпринимательства. Раскрываются основные положения этих теорий, послуживших истоками формирования социологического подхода к предпринимательству.

Ключевые слова: предприниматель, социально-экономические отношения, социологический подход, теории предпринимательства.

THE ORIGINS SOCIOLOGICAL APPROACH TO ENTREPRENEURSHIP

Z.M. Dylnova

The article considers the scientific views of the authors of a number of classical theories that have made a special contribution to the development of sociological analysis of entrepreneurship. Reveals the basic provisions of these theories, which served as the origins of the sociological approach to entrepreneurship.

Key words: entrepreneur, social and economic relations, sociological approach, the theory of entrepreneurship.

Предпринимательство как особый вид деятельности, как сложный социально-экономический феномен, неизбежно находится под воздействием многих факторов. Исследования предпринимательства опираются, прежде всего, на достижения мировой экономической мысли, но, вместе с тем, предпринимательство как элемент социальной структуры вызывает особый интерес с точки зрения социологической науки.

Социологический подход к пониманию предпринимательства берет свое начало от работ Макса Вебера и Вернера Зомбарта. Как известно, М. Вебер рассматривает проблему возникновения капитализма под углом зрения соответствия религиозной этики протестантизма «капиталистическому духу». Это также связано с разработкой Вебером проблем предпринимательской деятельности, в которой он видел воплощение рациональности. Рациональность у М. Вебера представляет собой всемирно-исторический процесс. С одной стороны, Вебер рассматривает возрастание рациональности как процесс, имеющий место в реальной истории; с другой – подчеркивает, что рассмотрение

исторического развития с точки зрения рационализации всех сфер человеческой жизнедеятельности есть методологический прием исследователя, точка зрения на реальность. Согласно Веберу, происходит возрастание роли целерационального действия с точки зрения структуры общества в целом. Рационализируется способ ведения хозяйства; рационализируется управление во всех сферах социальной жизни; рационализируется образ мышления людей также, как и способ их чувствования и образ жизни в целом.

По Веберу, протестантизм создал мировоззренческие предпосылки для рационального способа хозяйствования. Экономический успех был возведен протестантской этикой в религиозное призвание. «Мирская аскеза протестантизма, – пишет Вебер, – ратовала как против недобросовестности, так и против инстинктивной жадности... Дело заключалось не только в том, чтобы в полном соответствии с ветхим заветом и с этической оценкой «добрых дел» эта сила видела в стремлении к богатству как самоцели вершину прочности, а в богатстве как результате профессиональной деятельности – Божье благословие; еще важнее было другое: религиозная оценка неутомимого, постоянного, систематического мирского профессионального труда как наиболее эффективного аскетического средства и наиболее верного и очевидного способа утверждения возрожденного человека и истинности его веры неминуемо должна была служить могущественным фактором в распространении того мироощущения, которое мы здесь определили как «дух» капитализма» [1, с. 90]. Стремление к предпринимательству, к наживе характерно для людей во все времена, но только «дух» капитализма создает идеальный капиталистический тип «предпринимателя». «Ему чужды показная роскошь и расточительство, а также упоение властью и внешнее выражение того почета, которым он пользуется в обществе... в характере капиталистического предпринимателя часто обнаруживаются известная сдержанность и скромность... Самому предпринимателю такого типа богатство «ничего не дает», разве что иррациональное ощущение хорошо «исполненного долга в рамках своего призвания»» [1, с. 198].

Особенно важной для предпринимательства является поставленная Вебером проблема рациональности управления. Основу этого явления он видел в профессионализме, компетентности, наличии специальных знаний и навыков по их применению. Профессиональная компетентность рассматривалась им как основа подбора всех управленческих кадров, распределения постов и продвижения внутри организации. Решающее значение, по его мнению, имеет высокая степень организованности управления, наличие четкой, детализированной структуры, что предполагает всестороннюю и безусловную формализацию. Формализация деловых связей – основной принцип рационального управления. Формализм он принимал как основу эффективности и рациональности.

Формализованное управление предполагает стандартизацию дисциплинарных правил, процедур и типов деятельности, способов отбора и передачи информации. В такой системе управления господствует «дух формализованной безличности». Субъект управления выполняет доверенные ему дела, следуя идеальному смыслу рациональных правил, действуя чисто деловым образом, беспристрастно. При «формализованной безличности» все осуществляется не по чьей-то прихоти, а по установленным и известным правилам, М. Вебер видел в этом не только предпосылку рациональности и эффективности, но и инструмент защиты личности, в том числе и предпринимателя, от произвола общества. Особую опасность, по его мнению, представляет вторжение «массы» в сферу управления, – он выступал против «демократизации» управления.

Взгляды Вебера на предпринимателя-капиталиста как носителя рациональности оказали большое влияние на общественное мнение. В то же время его положения об «обезличенности» предпринимателей и менеджеров не были поддержаны многими, т.к. объективное развитие экономики в XX веке требовало от предпринимателей личной активности, мобильности и развития творческой инициативы. Исследование «Протестантская этика и дух капитализма» было опубликовано в 1905 году в немецком социологическом журнале «Архив социальной науки и социальной политики», редактором которого совместно с Вернером Зомбартом с 1904 года стал М. Вебер, – они выступали коллегами-оппонентами по отношению друг к другу.

Представления В. Зомбарта о предпринимательстве опираются на анализ роли биологических источников. В монографии В. Зомбарта «Буржуа», один из разделов которой называется «Биологические основы», утверждается, что все формы капиталистического строя покоятся на унаследованных предрасположениях. Второй основополагающей идеей немецкого ученого в его теории предпринимательства является мысль о том, что «в каждом законченном буржуа обитают... две души: душа предпринимателя и душа мещанина, которые только в соединении образуют капиталистический дух» [2, с. 131]. Существо предпринимательского духа, согласно В. Зомбарту, воплощается в двух человеческих типах: в типе завоевателя-организатора и типе торговца [2, с. 153]. Шесть основных типов капиталистического предпринимателя – это разбойники, феодалы, государственные чиновники, спекулянты, купцы, ремесленники, ибо каждый из них «предприимчив» по-своему, на свой особый манер. Разбойники, феодалы и спекулянты олицетворяют «героическое» начало капитализма; государственные чиновники, купцы и ремесленники склоняются к «мещанскому духу». «Героическое» (авантюрное) начало восходит, по Зомбарту, к расово-биологической природе народов-героев: это, прежде всего, римляне, германские племена, в современный отрезок времени – англичане и немцы. К «народам-

торговцам» В. Зомбарт относит флорентийцев, шотландцев и евреев, которые представляют собой с самого начала специально воспитанный народ торговцев.

«Мещанское» начало капитализма (добродетельно-моральное) уходит своими корнями в расовую природу народов, изначально предназначенных для того, чтобы их завоевывали и покоряли. Однако весь драматизм, каким была отмечена историческая эволюция капитализма, заключался в том, что оба «начала капитализма» – героически-предпринимательское и прозаически-мещанское, – антагонистические не только на мировоззренческо-ценностном и психологическом, но и на расово-антропологическом уровне [3]. «Типичный предприниматель» у Зомбарта совмещает в себе противоположные начала – воинственное и мирное, насильственное и соглашательское, героически-порывистое и расчетливо-осмотрительное, эротическое и аскетическое.

Затрагивая вопрос об истоках капитализма, В. Зомбарт подчеркивает стимулирующее влияние на становление предпринимательской деятельности не только протестантизма, но и католицизма, а, главное, иудаизма. По мнению ученого, великие предприниматели – это люди, соединяющие в себе различные предпринимательские типы, которые одновременно являются разбойниками и ловкими калькуляторами, феодалами и спекулянтами. Тенденция капиталистического мира состоит в том, что предприниматели стремятся к процветанию дела и должны осуществлять наживу, даже если они сознательно не поставили ее своей целью, – смысл предпринимательства, таким образом, сводится к получению прибыли. Для наживы, как считает Зомбарт, нет никаких границ, отсюда стремление предпринимателя не только к экспансии одного дела, но столь же сильное стремление к основанию других дел. «Расширение дела» – цель предпринимательства, дешевизна и доброкачественность производства – средства к этой цели. Более того, В. Зомбарт уверен, что современный предприниматель оценивается по своему успеху, а иметь успех – это значит опередить других, стать больше, чем другие. Предпринимателя характеризует постоянное стремление к новому и стремление показать свое превосходство.

Итак, анализируя предпринимательство, В. Зомбарт делает вывод, что современный экономический человек, «втягивается в водоворот хозяйственных сил и уносится им. Он не культивирует более добродетель, а находится под влиянием принуждения. Темп дела определяет собою его собственный темп» [2, с. 143]. Заложник у времени и у дела, – так можно представить портрет современного Зомбарту предпринимателя. Труды В. Зомбарта неоднократно издавались до революции, исследование «Буржуа» впервые было опубликовано в России в 1924 году, 3-х томный труд «Современный капитализм» издан в 1930 году.

Ряд важных положений в развитие социологического анализа

предпринимательства внес Йозеф Шумпетер – австрийский и американский экономист, политолог, социолог и историк экономической мысли. В своем сочинении «Теория экономического развития» ученый изложил важнейшие проблемы теории и практики предпринимательства, среди которых отметим учение о сущности феномена предпринимательства. Во II главе исследования «Основной феномен экономического развития» Шумпетер дает такое определение понятию предприниматель: «революционер в экономике и невольный зачинатель социальной и политической революции», «быть предпринимателем – значит делать не то, что делают другие... значит делать не так, как делают другие» [4, с. 187].

Предприниматели представляют собой особый тип людей, функция и привилегия которых – «осуществление новых комбинаций» [4, с. 199]. При этом социальная среда оказывает противодействие попыткам каждого, кто намерен внести новое, в частности, сопротивление активной предпринимательской деятельности оказывает инерция мышления людей и, как ни странно, основательная подготовка и знание дела, глубина ума и способность к анализу: они, в известных обстоятельствах, лишают предпринимателя «чутья» и могут стать причиной неудач. Таким образом, для предпринимателя главную роль играет не столько интеллект, сколько воля и способность идти в одиночку и воздействовать на других людей, которую Шумпетер определяет понятиями «иметь вес», «обладать авторитетом», «уметь заставлять повиноваться». Предпринимательская функция, по Шумпетеру, свойственна людям различного рода занятий и живущим в разные времена и при разных политических системах, он находит ее и у вождя первобытного племени, и у центрального органа коммунистического общества.

Особое значение для предпринимательства, считает И. Шумпетер, имеет состояние хозяйственно-политической среды. Он исследовал проблемы предпринимательства в условиях рыночно-конкурентной и административно-командной экономических систем и выявил, что среда определяет не только способы использования возможностей «новых комбинаций», но и основные типы мотиваций предпринимательской деятельности. Само понятие «осуществление новых комбинаций» включает в себя изготовление нового блага, внедрение нового метода (способа производства), освоение нового рынка сбыта или нового источника сырья и, наконец, проведение реорганизации.

Таким образом, для развития предпринимательства необходимы два основных фактора: организационно-хозяйственное новаторство и экономическая свобода. Шумпетер был противником вмешательства государства в предпринимательскую деятельность, в работе «Теория экономической динамики» (1911) он отмечал, что нормой здоровой экономики является не равновесие и оптимизация, а динамическое

неравновесие, вызванное деятельностью предпринимателя, задачей которого является так называемое созидательное разрушение. Предпринимательство не может ограничиваться только экономической сферой, хотя там оно зарождается, но соотносится со всеми видами человеческой деятельности, связанной с новаторством, риском, свободой в выборе и принятии решений. Главную цель предпринимательства – сохранение капитала – И. Шумпетер считал концом любых усовершенствований и обращал внимание на такой результат предпринимательства, как самопроизвольный перевод системы в еще более неравновесное состояние при попытках развития адаптации, а также полагал, что предпринимательство основано не только на праве собственности, но и на праве на самоуправление [4, с. 191-192].

Исследования предпринимательства в современной России опираются на основные достижения мировой социологической и экономической мысли, но необходимо учитывать также национальную специфику социально-экономических отношений и особенности российской «кризисной» экономики. В связи с этим, акцент в изучении современного российского предпринимательства во многом переносится в область социально-философских и социологических исследований.

Библиографический список

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 347 с.
2. Зомбарт В. Буржуа: Пер. с нем./ Ин-т социологии. М.: Наука, 1994. 443 с.
3. См.: Зомбарт В. Евреи и их участие в образовании современного хозяйства / Пер. с нем. В. Зомбарт; Под ред. П.С. Юшкевича. Санкт-Петербург: Э.О. Левинсон, 1910; Зомбарт В. Евреи и хозяйственная жизнь / Авториз. пер. под ред. Г. Гроссмана. Ч. 1. СПб.: Разумь, 1912. 179 с.
4. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982.

УДК 316.2

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИОЛОГИИ Э. ДЮРКГЕЙМА

Р.И. Жидков

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: romancroft@mail.ru

Статья посвящена жизненному пути Э. Дюркгейма, становление его как учёного-социолога. В статье указываются имена учёных, оказавших решающее значение на его взгляды. Определяются его интеллектуальные истоки.

Ключевые слова: социология, социальная эволюция, общество, теоретический и эмпирический анализ.

DURKHEIM'S INTELLECTUAL FOUNDATIONS OF SOCIAL SCIENCE

R.I. Zhydkov

The article focuses on Durkheim's life, his formation as a sociologist. The article points out the names of scientists influenced Durkheim's views. The article states his intellectual foundations.

Key words: sociology, social evolution, society, theoretical and empirical analysis.

Эмиля Дюркгейма называют «отцом основателем» практической социологии. Именно он разработал теорию функционального анализа, в которой объясняется поведение человека в тех, или иных условиях, только с помощью социальных фактов и воздействия на индивида окружающей социальной средой. Дюркгейм в своей работе провёл глубокий анализ проблем самоубийства, который и сегодня служит примером того, как должно быть правильно составлено социологическое исследование [1, с. 34]. Заложил основы теории аномии, учения о разделении общественного труда, механической и органической солидарности, природе социального факта, коллективного сознания, эволюции религии. Данные его работы и сегодня используются в научной литературе и считаются эталоном социологического исследования.

На протяжении всей своей научной деятельности Эмиль Дюркгейм стремился воплотить в жизнь три основные идеи. Во-первых, он желал видеть социологию полноценной научной дисциплиной, которая развивается отдельно от философии. Вторая идея касалась прикладных форм научного знания, которые можно и нужно применять в социологии. И последняя идея заключалась в анализе различных процессов и явлений, в которых общество поддерживает свою сплочённость в современных условиях.

Эмиль Дюркгейм родился 15.04.1858 в Эпинале на северо-востоке Франции (Лотарингия). Всю свою жизнь Дюркгейм оставался агностиком. Но при этом постоянно подчёркивал социальную и нравственную роль религии, в жизни общества. Но предметом своей науки он сделал именно социологию.

В 1882 году он окончил высшую нормальную школу в Париже и преподавал философию в лицеях. А в 1887 году Дюркгейм был назначен преподавателем «социальной науки и педагогике» на филологическом факультете Бордоского университета, где в 1896 году возглавил кафедру «социальной науки». Это была первая самостоятельная кафедра социологии во Франции [2, с. 797].

С 1898 по 1913 годы Дюркгейм руководил изданием «Социологический ежегодник». Сотрудники журнала, приверженцы его идей, образовали научную школу, получившую название Французской социологической школы. С 1902 года Эмиль Дюркгейм преподавал в Сорбонне, где возглавлял кафедру «науки и воспитания», а позже «науки воспитания и социологии». Эмиль Дюркгейм скончался 15.11.1917 [3, с. 7].

Таким образом, Дюркгейм всю свою жизнь посвятил изучению социологии и становлению её как науки. Но как преподаватель философии в лицей стал выдающимся социологом? Как и под чьим влиянием проходило становление учёного?

По своей природе Эмиль Дюркгейм был убеждённым рационалистом, а черта рационализма это французская национальная традиция, начало которой было заложено основателем рационализма – Рене Декартом. Стоит отметить, что «Правила социологического метода» Дюркгейма тесно пересекается с «Рассуждением о методе» Рене Декарта. Две данные работы объединяет одна цель – найти рациональные принципы, приемы, которые позволяют исследователю познать истину и природу вещей. При этом стоит отметить, что Дюркгейм отходит от общепринятых мнений и общественных предрассудков [4, с. 154].

Ещё одним учёным, которого Дюркгейм считал одним из основоположников будущей науки социологии, стал Шарль Монтескье. Именно у Монтескье Дюркгейм обнаружил идеи обосновывающие возможность существования социальной науки. А именно во внутренней связанности и внутренней законосообразности в развитии социальных явлений и процессов. Из более поздних предшественников стоит выделить Сен-Симона и Огюста Конта. Дюркгейм подчёркивал, что именно Сен-Симон первым сформулировал идею социальной науки, а Конт продолжил его разработки и разработал программу создания социальной науки. Но стоит отметить, что Э. Дюркгейм критиковал многие работы Конта, но при этом подчёркивал преемственную связь своих и Контовских идей. Он вслед за О. Контом рассматривал естественные науки как образец для построения социальной науки. В то же самое время он отрицал закон стадий интеллектуальной и социальной эволюции (теологический, метафизический, позитивный). В своих работах Дюркгейм сочетал теоретический и эмпирический анализ.

Необходимо отметить влияние И. Канта. Речь, прежде всего, идёт о концепции морали и нравственного долга, которые пронизывают все работы учёного. Важную роль в формировании воззрений Дюркгейма сыграли идеи Г. Спенсера и его биоорганическое направление в социологии. В частности это относится к структурно – функциональной стороне социологии Э. Дюркгейма. Он анализировал общества как органическое целое, в котором каждый институт играет определённую

роль. Сложные общества Дюркгейм рассматривал как комбинацию простых обществ [3, с. 9].

Э. Дюркгейм признавал плодотворной работу К. Маркса о том, что социальная жизнь должна объясняться не представлениями и догадками её участников, а более глубокими причинами, а именно способом которым группируются индивиды.

Следует указать и на огромное влияние, которое оказали учителя Э. Дюркгейма – философа Эмиля Бутру и историка Фюстеля де Куланжа. Э. Бутру внушал своему ученику методологическую идею, согласно которой при сочетании элементов их взаимодействие не может быть объяснено только данным условием. Сложное нельзя выводить из простого, оно должно объясняться на основе собственных принципов. Данная идея послужила одним из пунктов концепции Э. Дюркгейма для построения социологии как самостоятельной науки.

Куланж прививал Дюркгейму внимание к тщательному и систематическому анализу всех существующих фактов и явлений [2, с. 815].

Таким образом, формирование будущего учёного происходило под влиянием крупнейших учёных, которые внесли огромный вклад в мировую научную деятельность.

Библиографический список

1. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. М., 1994.
2. Дюркгейм Э. Социология. Её предмет. Метод. Назначение. М., Канон, 1995.
3. Кравченко А.И., Добренков В.И. История зарубежной социологии. М., Академический проспект, 2005.
4. Кравченко А.И., Анурин В.Ф. Социология. Учебник для вузов. М., Питер, 2003.

УДК [3+7/9](082)

СПЕЦИФИКА ОБЩЕСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А.И. Завгородный

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: kurganovasv@gmail.com

В статье анализируется принципиальная возможность исследования общественных изменений с учетом объективно действующих векторов динамики. В качестве этих векторов автор рассматривает процессы архаизации и модернизации. Российская ситуация экзистенциональной напряженности актуализирует использование архаических практик как адекватных, что ставит под вопрос саму возможность модернизационных изменений.

Ключевые слова: векторы изменений, архаизация, традиция, конструктивность архаики.

SPECIFICS OF SOCIAL CHANGES IN CONTEMPORARY RUSSIA

A.I. Zavgorodny

In article principle possibility of research of public changes taking into account objectively operating dynamics vectors is analyzed. As these vectors the author considers processes of an archaization and modernization. The Russian situation of existential intensity actualize the use of archaic praces as adequate. It is open to question the very possibility of modernization changes.

Key words: vectors of changes, archaization, tradition, constructibility of antiquity.

Внимание исследователей к истории общественных изменений последней четверти века в России не только не ослабевает, но разворачивается все более широким фронтом и по всем направлениям. Направленность организованных изменений официально декларирована как модернизация и реализуется путем широкого спектра реформ, всего и вся. Но как это обычно случается, изменения вызвали и актуализировали совокупность разнонаправленных процессов, которые вызывают неоднозначную интерпретацию не только в научном сообществе. Социум отреагировал на социальные изменения веером разнообразно направленных практик. Одним из этих направлений можно назвать архаизацию. Возвращение архаики, или, точнее, обращение к архаике в современной России, когда все говорят о модернизации и инновации, требует особого рассмотрения.

Архаика, архаичное в переводе с греческого – древнее, относящееся к древнему. Определяя архаику, В.Г. Федотова подчеркивает, что это «нечто укорененное, что оживает при всех социальных турбулентностях и представляет собой проявление исторически сложившегося социокода, который глубоко впитался в психику и культуру народа» [1].

Под традицией имеются в виду устойчивые культурные и социальные структуры, которые обеспечивают преемственность социальной жизни и задают определенные рамки мотивам и формам социальной деятельности. Традиции многослойны и многообразны, но, в отличие от архаики, достаточно хорошо структурированы.

Специалисты считают, что архаика не обладает рациональной структурой, не выполняет конструктивную функцию регулирования человеческого поведения, не характеризуется определенностью и устойчивостью. Архаика не кристаллизуется в социальных формах – это свойство традиции, но оседает на психологическом уровне, прежде всего – на уровне подсознания [2]. В целом, соглашаясь с подобной трактовкой, можно поставить под сомнение заявления об отсутствии в архаике

конструктивности. Сам факт сохранения архаики в этом ключе знаменателен. Не случайно, наиболее выражена она в пограничных ситуациях, в иррациональной мотивации, в спонтанных, внекультурных движениях человеческого духа. Если традиция является транслируемым культурным текстом, то архаика – культурным подтекстом, не формализуемым и не вербализуемым [3]. На наш взгляд, любой текст без соответствующего подтекста утрачивает культурную составляющую.

Любое общество, развернутое в историческом плане, характеризуется наличием прошлого, настоящего и потенциально наличествующего будущего. Следовательно, сам факт наличия прошлого несомненен. В то же время прошлое представлено в обществах специфично. Так, если в архаике прошлое и настоящее синкретичны и практически не различимы, и, образно говоря, у архаики нет прошлого как такового, то уже традиционные общества за своей спиной имеют солидный груз архаики. В этом контексте современные общества в своем историческом багаже имеют и архаику, и традицию.

В структурном плане можно говорить о структурной триадности современных обществ. Другое дело, как соотносены архаика, традиция и современность в современных обществах. В общем плане, можно предполагать, что архаика представлена латентно и если проявляет себя, то, как минимум, различным образом на различных уровнях и срезах. Традиция развернута более широко, она не столько латентна, сколько находится в тени, как бы сопряжена с современностью [4]. По-иному презентует себя современность – она явлена и освещена.

О роли и значении традиции для общества сказано достаточно. В этом плане архаике повезло меньше. Архаичность, архаика, архаизация чаще всего оперируются через негативные коннотации. Но сам факт наличия и сохранения архаики вряд ли случаен. Общественный субъект на любом уровне своей организации, всегда и постоянно в процессе жизнедеятельности сталкивается с Новым, которое выступает как вызов, как проблема, требующая решения. Преодоление создавшейся ситуации осуществляется в двух возможных режимах: либо через механизм инноваций, либо путем уже проверенных и оправдавших себя практик прошлого [5, с. 89]. Инновации любого типа, их внедрение, проверка эффективности, доводка до нужных кондиций – дело трудоемкое и обычно наталкивается на ограниченность ресурсов, в том числе и такого важного, как ресурс времени, которого всегда не хватает. Тем более, что сам субъект обладает только прошлым опытом, опытом уже преодоленных и, следовательно, более простых условий. В условиях подобных ограничений социальный субъект значительно чаще как на уровне индивидуальной повседневности, так и на уровне общественной жизни в целом, обращается к наработанному опыту. Если в обычном течении жизни достаточно обращения к опыту традиции, то в экстремальных, экзистенциально

значимых ситуациях требуется напряжения всех жизненных сил. В нашем случае – обращения к архаике.

Следовательно, обращение и использование наработанного опыта прошлого, в данном случае архаического, вполне укладывается в понятие особого социального механизма, включение которого определяется предельными состояниями в жизни социума. Можно предполагать, что этот механизм является достаточно универсальным, и к нему обращались все исторически известные общества. Но подобное обращение к архаическим пластам, являясь вынужденным, может быть спровоцировано как объективными условиями и факторами, так и, в не меньшей степени, обуславливаться действиями социальных субъектов, ориентированных на те или иные социальные изменения. Архаизация как процесс, набирающий силу в современной России, несомненно, был запущен системой социально-политических, экономических и культурных практик в конце восьмидесятых – начале девяностых годов прошлого века.

Можно согласиться, что это не столько какие-то особые процессы, сколько проявляющиеся во всех общественных процессах «архаизационные тенденции», понимаемые как направленность, склонность, стремление индивидов, социальных групп, социума к архаическому социокультурному опыту, что проявляется в разных по формам ориентациях на архаические социальные практики и культурные смыслы, возникающие в условиях социальных изменений [6].

Архаизация проявляется как процесс выхода архаики из латентного состояния на поверхность, все большего высвобождения эмоционально-ценностного из оков рационального и утилитарного. Поведение и действия социальных субъектов определяются не столько рационально осмысленными интересами, сколько системой архаических ценностей. Архаизация – это поиск решения проблем, связанных с усложнением реальности, неадекватными средствами. Но неадекватность средств – это не результат нежелания субъекта применять адекватные средства, это результат их отсутствия или невозможности их использования. Следовательно, сама эта неадекватность вполне адекватна.

Библиографический список

1. Федотова В.Г. Российская история в зеркале модернизации // Вопросы философии. №12. С 3-19.
2. Костюк К.Н. Архаика и модернизм в российской культуре. URL: <http://www.nir.ru/sj/sj/sj3-4-99kost.html> (дата обращения: 17.03.2015).
3. Костюк К.Н. Архаика и модернизм в российской культуре. URL: <http://www.nir.ru/sj/sj/sj3-4-99kost.html> (дата обращения: 17.03.2015).
4. см.: Рябов А. О проявлении традиционной архаики. Возрождение «феодальной» архаики в современной России: практика и идеи // Рабочие материалы. 2008. №4. С. 4-15.
5. Ахиезер А.С. Архаизация как категория общественных наук (на опыте России) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Том IV. №1. С. 85-93.

6. Ламажаа Ч.К. Проблема архаизации общества // Знание. Понимание. Умение. 2009. №4. С. 44-48.

УДК 316.454.54

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ИНТЕГРИРОВАННОСТИ САРАТОВСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ПРОСТРАНСТВО СОЦИАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

С.Г. Ивченков

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: ivchenkovsg@mail.ru

В статье по результатам социологического исследования выявляется влияние рода деятельности, размера заработной платы, доходной категории саратовской молодежи на процесс ее интегрированности в социальное пространство. Делается вывод об успешности социальных взаимодействий большинства молодежи и выявляется противоречивое воздействие социально-экономических характеристик.

Ключевые слова: молодежь, социальное пространство, социальные взаимодействия, род деятельности, доход, размер заработной платы.

SOCIO-ECONOMIC FACTORS INTEGRATION OF YOUNG PEOPLE IN SARATOV THE SPACE OF SOCIAL INTERACTIONS

S.G. Ivchenkov

In the article the results of sociological research revealed the impact of occupation, wage, income categories Saratov youth on the process of integration into the social space. The conclusion about the success of social interactions of the majority of youth and reveals the contradictory influence of socio-economic characteristics.

Key words: youth, social space, social interaction, occupation, income, wage.

В последние годы целый ряд исследователей [1, 2] указали на факт, что социальные причины обуславливают бедность, этническую нетерпимость, так же как и неравный доступ к ресурсам и иным возможностям. Окружение интенсифицирует или уменьшает композиционные эффекты недостаточного развития. Городской образ жизни – результат взаимодействия социально-экономических факторов и пространственной организации. Субстанциальная теория представляет социальное пространство, состоящее из индивидов, их групп, организаций, соединенных социальными отношениями [3, 4], и понимает его как размещение тел участников взаимодействия, место, вместилище мест, порядок социальных диспозиций, основание структуры для рефлексии,

освоения, конструирования и моделирования. Это позволяет в ходе социального исследования рефлексировать структурные характеристики, положение молодых людей в обществе, их социальные связи, привычки, стереотипы поведения. Критериями степени социальной интегрированности молодежи выступают степень согласия с утверждениями, что «в нашей семье нет провокаторов – агрессоров», «я не испытываю давления со стороны руководства», «ссоры не выносятся за пределы нашего коллектива», «у меня вежливые и уважительные отношения с учителями», «я поддерживаю хорошие отношения с группой лидеров», «с большей частью окружающих я в хороших отношениях», «я – уважаемая личность», «я полноправный член своего класса», «я не одинок в этом мире», «я пользуюсь доверием близких», «меня любят».

В 2014 году в Саратове был проведен социологический опрос молодежи методом формализованного интервью по репрезентативной квотно-территориальной выборке. Было опрошено 533 человека (49% юношей, 51% девушек). Проведенное социологическое исследование показало, что ядром социального и нравственного самоопределения молодежи является выбор сферы трудовой деятельности, профессии. Однако, меньше всего одиночество, как ни странно, испытывают безработные (100%). С ними практически солидарны те, кто временно не работает и женщины, находящиеся в декретном отпуске (по 83%). На третьем месте – домохозяйки (69%), которые никогда не испытывают одиночества. Рабочие и домохозяйки чаще высказывались осторожнее других. Видимо, начало трудовой деятельности ускоряет взросление, способствует преодолению юношеского эгоцентризма, формированию чувства личной идентичности и социальной ответственности, что благотворно сказывается и на взвешенности самосознания молодых людей, их интегрированности во «взрослую» жизнь. Полностью одинокими себя считают чаще других – учащиеся и студенты. Очень единодушно высказались молодые пенсионеры. Они все (100%) осторожно заявили о своем почти полном одиночестве. Видимо они все испытывают крайний дефицит общения. В целом можно сказать, что, чем неустойчивее занятость, тем больше уверенности молодежи в своей социальной интегрированности в сетевое сообщество, что, видимо, связано с ориентацией на социальные ресурсы окружающих.

Ощущение связи с окружающими не дает молодым саратовцам почувствовать себя одинокими почти независимо от критических оценок своей зарплаты. Только те, кто полагает, что у него маленькая зарплата, более чем в 2 раза чаще других считают себя одинокими. Более того, среди тех, у кого мизерная зарплата – самый высокий уровень удовлетворенности своими социальными взаимосвязями. Возможно, их самооценка связана не с уровнем благосостояния, а с чувством своей необходимости, полезности для окружающих. Вместе с тем, видимо,

именно сетевое взаимодействие с окружающими является для этой категории молодежи важным ресурсом выживания.

Для определения объективной оценки материального статуса молодежи применялась шкала соотнесения с доходными группами. В целях выявления влияния уровня дохода молодежи на ее оценки родственных отношений в своей семье была проведена группировка доходных категорий молодежи по критерию совокупного семейного средне месячного дохода на одного человека. Группа с доходом менее 3000 рублей была отнесена к категории «нищих» (74%), с доходом от 3001 до 5000 рублей – была отнесена к категории бедных (5%). Группа с доходом от 5001 до 8000 рублей была отнесена к срединной категории около бедных – «малоимущих» (5%). Группа с доходом от 8001 до 11000 рублей была отнесена к категории «обеспеченных» (7%). Группа с доходом свыше 11000 рублей была отнесена к категории «состоятельных» (9%). Анализ подтвердил, что свою социальную интегрированность молодежь ощущает практически почти независимо от уровня своего дохода. Лишь обеспеченных молодых людей немного чаще других посещает чувство полного одиночества, они чаще других испытывают его ситуативно. Среди них в 2 раза чаще встречается осторожная оценка своей погруженности в социальную интеграцию.

В ходе анализа выяснилось, что самой большой уверенностью в любви к себе окружающих отличаются временно не работающие (87% против 65% в среднем по выборке), безработные (86%) и домохозяйки (81%). Эта установка, видимо, отражает ту социальную и материальную помощь, которую они получают от близких им людей. Все молодые пенсионеры (100%), а также учащиеся, студенты и беременные девушки чаще других сомневаются в отношении к себе со стороны окружающих, что вероятно связано с нестабильностью их жизненных ситуаций и слабой интегрированностью в социальное взаимодействие. Проблема собственной идентичности особенно актуальна для тех, кто еще не определился профессионально. Работающая молодежь чаще других осторожна с высказыванием о любви к себе окружающих (28% против 23% по выборке).

Среди тех, кто оценивает свою заработную плату как мизерную – самая большая доля тех, кто абсолютно уверен в любви окружающих (66% против 65% – в среднем по выборке). Среди тех, кто более осторожен в оценке любви окружающих доминируют молодые люди с низкой зарплатой (29% против 23% по выборке). Чуть меньше доля таковых среди молодежи со средней и малой зарплатой (соответственно 27% и 26%). Последняя категория молодежи чаще других заявляла об абсолютной нелюбви окружающих (5% против 1% по выборке). Именно среди этой категории молодежи чаще всего встречается сомнение в отношении к себе окружающих. 11% из них не смогли с этим определиться (против 9% по

выборке). Таким образом, чем выше самооценка своей зарплаты, тем меньше уверенность в любви к себе окружающих. Исключение составляют лишь молодежь со средней зарплатой, где уровень самооценки - выше.

Данные, полученные в ходе опроса, свидетельствуют, что ощущение молодежи любви к себе со стороны окружающих мало связано с ее доходом. Самую большую любовь к себе окружающих испытывают малоимущие (74% против 65% по выборке). Обеспеченные и состоятельные молодые люди менее категоричны в оценках этой любви (соответственно 39% и 25%). Более того, именно обеспеченная категория молодежи чаще других абсолютно уверена в нелюбви окружающих. Среди бедных почти в 3 раза чаще других проявляется неуверенность в отношении к ним со стороны своего окружения (22% затруднившихся, против 8% по выборке).

Род занятий неоднозначно влияет на самооценку молодежи как личности, которую уважают окружающие. Больше всего считают себя уважаемой личностью временно не работающая категория молодых саратовцев (61%, против 58% по выборке), и учащаяся молодежь (60%). Самый низкий уровень уважаемости показали женщины в декретном отпуске (33%). Среди них каждая третья предпочла более осторожные утверждения и у них самый высокий уровень ситуативности в оценке себя как уважаемой личности (34%). Все инвалиды, 44% домохозяйки и 35% работающих также предпочли осторожную оценку своей уважаемости в глазах окружающих. Абсолютно не уважаемой личностью не признал себя почти никто, однако среди безработных – самый высокий уровень осторожного признания себя малоуважаемыми (14% против 2% по выборке). Иными словами, они в 7 раз чаще встречаются с неуважительным к себе отношением.

Размер заработной платы также неоднозначно влияет на оценку своей уважаемости в глазах окружающих. Больше других себя уважаемыми считают молодые саратовцы с малой заработной платой (63%). Однако именно эта категория в 2,5 раза чаще других встречается с мало уважительным отношением к себе (5% против 2% по выборке). Среди тех, у кого зарплата низкая – чаще других встречается более осторожная оценка своей уважаемости. Среди молодежи с мизерной зарплатой чаще других уважение носит ситуативный характер (13%). Таким образом, чем меньше зарплата, тем чаще молодежь сталкивается с менее уважительным отношением к себе. Исключение составляет молодежь со средней зарплатой, которая более осторожна в оценках степени своей уважаемости в глазах окружающих.

Размер заработной платы также неоднозначно влияет на оценку доверительности в социальных взаимодействиях. Больше всего с полным доверием относятся к молодежи с малой (68%) и мизерной (65%) зарплатой. Можно предположить, что они больше полагаются на помощь

окружающих, рассматривая эти отношения как кредит доверия. Вместе с тем, именно молодежь с мизерной зарплатой (10%) чаще других указывала на ситуативный характер доверия к себе. Более осторожны в оценках доверительности взаимоотношений молодые саратовцы с низкой (36%) и средней (35%) зарплатой. Чаще других с полным или частичным недоверием сталкивалась молодежь с малой зарплатой (16%), на втором месте – со средней, на третьем – с низкой зарплатой. Таким образом, чем выше уровень оценки своей зарплаты, тем чаще молодежь сталкивается с недоверительным отношением к себе и чаще полагает, что ей ситуативно, частично или полностью доверяют окружающие.

Сходные тенденции выявлены и при анализе влияния дохода на уровень доверительности взаимоотношений молодежи. Самый большой уровень доверия испытывают представители нищей молодежи (65%). Чаще других более осторожны в оценках доверительности взаимоотношений обеспеченные молодые люди (39%) и бедные (33%). С ситуативным доверием чаще других сталкивается нищая молодежь (10%). С полным или частичным недоверием почти в 3 раз чаще других имеет дело бедная и состоятельная молодежь (по 11%), малоимущая (7%) и состоятельная (6%) категории молодежи. Поэтому можно утверждать, что чем выше уровень дохода, тем чаще молодежь сталкивается с недоверием к себе.

Оценка величины зарплаты молодежи своеобразно коррелирует с оценкой ее полноправия. Самый высокий уровень оценки полноправия выказала молодежь с малой зарплатой (74%). Однако именно эта категория в 2,5 раза чаще других заявляла о полном или частичном своем бесправии. В целом, чем выше уровень дохода, тем критичнее и осторожнее молодежь оценивает свое полноправие. Аналогичная ситуация и с разными доходными категориями молодежи. Чем выше уровень дохода, тем меньше молодежь ощущает свое полноправие. Исключение составляет состоятельная молодежь, которая выше других оценила уровень своего полноправия (65%).

Малоимущие представители молодого поколения больше других полностью или частично довольны своими взаимоотношениями с окружающими (89% против 80% в среднем по выборке). На втором месте по удовлетворенности – обеспеченные молодые саратовцы (84%), на третьем – состоятельные (82%). Таким образом, чем выше доходная категория, тем меньше молодежь удовлетворена хорошими отношениями с окружающими.

Исключение составляют низкодходные категории молодых саратовцев (нищие и бедные), где уровень этой удовлетворенности ниже (соответственно 79% и 74%). Именно здесь чаще других встречаются полностью или частично негативные оценки взаимоотношений с окружающими (соответственно 7% и 4%). Среди бедной молодежи чаще

других встречается ситуативная оценка этих отношений (22% против 14% по выборке). Можно предположить, что, чем выше доход, тем больше взаимоотношения оцениваются через призму выгоды или искренности. Чем меньше доход, тем чаще хорошие взаимоотношения оцениваются как социальный ресурс выживания или компенсация низкого уровня благополучия.

Среди учащихся 44% полагают, что ссоры никогда не выносятся за пределы их коллектива и еще 39% с этим согласились более осторожно. Однако 7% считают, что это происходит периодически или постоянно. Каждый пятый среди них отмечает ситуативность хороших отношений в коллективе. Среди работающей молодежи такое мнение встречается чаще (22%). Среди них только 43% полагают, что ссоры никогда не выносятся за пределы их коллектива и еще 31% с этим согласились более осторожно. 5% считают, в их коллективе ссоры периодически или постоянно выносятся на всеобщее обозрение. Особенно на этом настаивают молодые пенсионеры (100%), а также – беременные женщины (17%). Последние чаще других оценивают взаимоотношения в коллективе ситуационно (49% против 22% по выборке). Среди временно не работающих или безработных по 43% полагают свои взаимоотношения в коллективе очень хорошими. Однако они чаще других категорий молодежи склонны оценивать это ситуативно (соответственно 35% и 43% против 22% по выборке). Таким образом, стабильная занятость и учеба, предполагающие четко очерченные коллективы, способствуют более высоким позитивным оценкам взаимоотношений с социальным окружением.

Доходные категории молодежи также различаются по степени доверительных отношений в семье. Так самый высокий уровень абсолютного доверия членам своей семьи показала состоятельная молодежь (42% против 38% – по выборке). Они реже других говорили о наличии в их семье провокаторов (10% против 15% – по выборке). Обеспеченная молодежь была менее категоричной. Среди ее высказываний доминировали более осторожные оценки доверительности в семье (32% против 25% по выборке). Они в 1,5 раза чаще других осторожно указывали на то, что в семье вывали провокации (11% против 8% по выборке). Однако особенно часто (почти в 2 раза) на этом настаивали малоимущие молодые саратовцы (15% против 8% по выборке). Среди бедной части молодежи самый низкий уровень полного или частичного доверия своей семье (56% против 63% по выборке) и самый высокий уровень ситуативных оценок (33% против 22% по выборке). В нищих семьях также уровень доверия составляет 64%. Из которых 26% – это осторожное утверждение, что в семье почти не бывает провокаций. В целом, чем выше имущественное положение молодежи, тем выше уровень доверительности семейных отношений, но, применительно к нищим, бедным и малоимущим – больше ситуативности и осторожного недоверия.

Среди нищей категории молодежи 44% абсолютно уверены и 31% в основном полагают, что у них вежливые и уважительные отношения с учителями. 17% – оценивают их ситуативно, и 8% – негативно. Среди бедной части молодежи абсолютная уверенность в хороших отношениях с преподавателями выше – 52%, среди малоимущих – еще выше – 59%. Таким образом, чем выше доходная категория, тем лучше взаимоотношения с учителями. Однако эта тенденция не так однозначно проявляется применительно к обеспеченной и состоятельной молодежи. Среди обеспеченной молодежи доминирует осторожная позитивная оценка взаимоотношений с учителями (39% против 29% по выборке). Они чаще других склонны к ситуативной оценке этих отношений (29% против 20% по выборке), но реже высказывают негативные оценки (3%) этих отношений. 44% состоятельных молодых людей абсолютно уверены в вежливых и уважительных отношениях с учителями, 31% высказали это более осторожно. 23% оценивают свои отношения с учителями ситуационно.

Молодежь с низкой заработной платой проявила самую высокую ориентированность на хорошие отношения с лидерами (64% против 46% по выборке). Молодежь с малой зарплатой чаще других ориентирована на осторожно позитивные отношения с группой лидеров (42% против 30% по выборке). Среди этой категории молодежи в 3 раза чаще других встречается полное или частичное неприятие этих отношений (16% против 5% по выборке). Молодежь с мизерной зарплатой показала наиболее типичный характер взаимоотношений с группой лидеров. Молодежь со средней зарплатой чаще других склонна оценивать отношения с лидерами ситуативно (24% против 19% по выборке). Иными словами, чем выше уровень зарплаты, тем осторожнее отношения с лидерами, вплоть до ситуативности.

Состоятельная молодежь показала самый высокий уровень хороших взаимоотношений с лидерами (63% против 46% по выборке). Однако почти каждый четвертый из этой категории молодежи склонен к ситуативной оценке этих отношений. Среди обеспеченной молодежи – самый низкий уровень хороших отношений с лидерами (26%). Они чаще склонны оценивать их осторожно позитивно (37%) или ситуационно (29%). Более того, 8% из них относятся к лидерам с той или иной степенью негатива (8% против 5 по выборке). 48% малоимущей молодежи очень хорошо относится к лидерам, однако чаще других дает осторожно позитивные оценки этим отношениям (41% против 30% по выборке). Данная категория молодежи более чем в 2 раза реже других оценивает отношения с лидерами ситуационно (8% против 19% по выборке), но чаще других – абсолютно негативно (4% против 3 по выборке). 63% бедной молодежи в той или иной степени положительно оценивают свои отношения с лидерами, однако 29% – оценивают их ситуационно и 8% –

негативно. Нищая категория молодежи чуть больше ориентирована на хорошие отношения с лидерами (78%), меньше оценивает их ситуационно или негативно. В целом можно сказать, что чем выше уровень дохода молодежи, тем меньше она ориентирована на лидеров, за исключением состоятельной молодежи, для которой отличные взаимоотношения с лидерами представляются особенно важными.

Среди молодежи с мизерной зарплатой – самый высокий уровень уверенности в том, что руководство никогда не оказывает на них давления (43% против 40% по выборке). Однако они чаще других говорили о периодическом давлении со стороны руководства (8% против 7% по выборке). Молодежь с низкой зарплатой чаще других отмечали ситуационный характер взаимоотношений с руководством (29% против 21% по выборке) и в 2 раз чаще других сетовали на постоянное давление на их (14% против 7% по выборке). Каждый третий молодой человек с малой или средней зарплатой выразил осторожно позитивную оценку взаимоотношений с руководством и каждый четвертый склонен оценивать это ситуативно. В целом, аналогичная ситуация и с влиянием дохода на взаимоотношения с руководством. Чаще всего о своих замечательных отношениях с руководством заявляет нищая молодежь (43% против 40% по выборке). Обеспеченная молодежь чаще других давала осторожно позитивные оценки своих взаимоотношений с руководством (39% против 25% по выборке). Бедная и состоятельная категории молодежи чаще других склонны оценивать эти взаимоотношения ситуационно (30% против 21% по выборке). Малоимущая молодежь чаще других постоянно или эпизодически испытывала давление со стороны руководства (22% против 14% по выборке).

Итак, проведенный анализ показал наличие связи между степенью интегрированности молодежи в пространство социального взаимодействия и рода деятельности, оценки собственной заработной платы и дохода. При этом выявилось состояние ситуативной неопределенности, связанное с оценкой собственных ресурсов и степенью зависимости от социального окружения. Эти оценки, являются важными характеристиками состояния молодых людей как субъектов социальных взаимодействий. Чем неустойчивее занятость, тем больше уверенности молодежи в своей социальной интегрированности в сетевое сообщество, что, видимо, связано с ориентацией на социальные ресурсы окружающих. Среди безработных – самый высокий уровень осторожного признания себя мало уважаемыми (14% против 2% по выборке). Иными словами, они в 7 раз чаще встречаются с неуважительным к себе отношением. Стабильная занятость и учеба, предполагающие четко очерченные коллективы, способствуют более высоким позитивным оценкам взаимоотношений с социальным окружением.

Чем выше самооценка своей зарплаты, тем меньше уверенность в любви к себе окружающих, тем меньше молодых людей полностью или частично удовлетворенных хорошими взаимоотношениями со своей социальной средой, тем чаще молодежь сталкивается с не доверительным отношением к себе и чаще полагает, что ей ситуативно, частично или полностью доверяют окружающие. Исключение составляют лишь молодежь со средней зарплатой, где уровень самооценки – выше. Среди низко доходных категорий молодежи, чем выше оценивается размер заработной платы, тем хуже взаимоотношения с окружающими, тем меньше абсолютно довольных взаимоотношениями в коллективе, но и меньше категорично-отрицательных мнений об этом, больше ситуативных оценок. Чем выше зарплата молодежи, тем лучше взаимоотношения с учителями, осторожнее отношения с лидерами, вплоть до ситуативности. Чем меньше заработная плата, тем реже молодые люди испытывают давление со стороны руководства.

Анализ показал, что самооценка связана не с уровнем благосостояния, а с чувством своей необходимости, полезности для окружающих. Социальную интегрированность молодежь ощущает практически почти независимо от уровня своего дохода. Лишь обеспеченных молодых людей немного чаще других посещает чувство полного одиночества, они чаще других испытывают его ситуативно. Чем ниже доход, тем чаще молодежь испытывает дефицит уважительного отношения к себе. Чем меньше доход, тем чаще хорошие взаимоотношения оцениваются как социальный ресурс выживания или компенсация низкого уровня благополучия. Вместе с тем, видимо, именно сетевое взаимодействие с окружающими является для бедной категории молодежи важным ресурсом выживания. Чем выше уровень дохода, тем чаще молодежь сталкивается с недоверием к себе, тем критичнее и осторожнее молодежь оценивает свое полноправие. Исключение составляет состоятельная молодежь, которая выше других оценила уровень своего полноправия (65%). Чем выше доходная категория, тем лучше взаимоотношения с учителями, но, тем меньше, молодежь удовлетворена хорошими отношениями с окружающими, тем больше взаимоотношения оцениваются через призму выгоды или искренности, меньше максимализма в позитивных и негативных оценках взаимоотношений в коллективе, выше уровень доверительности семейных отношений, но молодые люди больше испытывают давление со стороны руководства.

Библиографический список

1. Правоторова А.А. Образование и городская культура // «Мастер-класс». 1996. №1.
2. Правоторова А.А. Городская культура и возраст города // «Мастер-класс». 1997. №2-3.
3. Ильин В.И. Социальное неравенство. М.: Институт социологии РАН, 2000.

4. Ярская В.Н., Яковлев Л.С., Печенкин В.В., Ежов О.П. Пространство и время социальных изменений. Саратов: ООО Изд-во «Научная книга» . 2004. С. 51-53.

УДК 304.42

ПРОЦЕСС СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ ЖИЗНЕННОЙ СРЕДЫ КРУПНОГО ГОРОДА

М.В. Калининкова, А.А. Головина

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: kalinnikova1@rambler.ru

Статья посвящена изучению перспектив развития жизненной среды крупного города с точки зрения престижности проживания. Авторами приведены результаты социологического исследования выявляющего престижность жилья, атак же основные социально-экономические характеристики, оказывающие определенное влияние на формирование образа престижного места жительства.

Ключевые слова: место жительства, окружающая среда, город, престиж.

PROCESS OF SOCIAL DESIGNING OF BIG CITY LIFE ENVIRONMENT

M.V. Kalinnikova, A.A. Golovina

This article is devoted to learn of perspectives of development of big city in point of view prestigiousness live. We had presented the results of sociology research which reveals prestigiousness and basic social and economy features of youths which had some influence to image of prestigiousness place of living.

Key words: place of living, environment, city, prestigiousness.

В современном мире главным условием, от которого зависит выживание человечества, является жизненная среда. Физические условия нашего существования представляют совокупность трех элементов: воды, воздуха, земли и составляют естественное природное богатство. Они дают человеку три вида нематериальных богатств: биологические услуги; эстетические услуги; научные услуги [1]. Все три категории услуг могут наблюдаться одновременно и в отдельности, но в целом они определяют качество социального пространства. Согласно П. Бурдьё [2], любое социальное пространство стремится выразиться в физическом пространстве. Выраженное физически социальное пространство представляет собой, с одной стороны, распределение благ и услуг, с другой, распределение индивидуальных агентов и групп. Физическое распределение благ и услуг, как правило, стремится сконцентрироваться в

одном месте физического пространства. Соответственно в этих же местах концентрируются и их пользователи, что приводит к появлению различных мест, заселенных преимущественно однородными в социальном плане субъектами.

В настоящее время общество развивается в сторону поляризации социально господствующих и подчиненных слоев, следовательно, актуализируется и проблема социальной сегрегации (городской в том числе), появляется все больше исследований, так или иначе, касающихся данной тематики и различных ее сторон: исследования тенденций и закономерностей расселения в городах в зависимости от размера города, его культурной и природной среды; исследования специфики различных частей города с точки зрения их престижности в физическом пространстве города.

В городской среде происходит конфликт между великолепием и запущенностью, богатством и нищетой, порядком и хаосом, т.е. противоречие между жизненной средой, уровнем жизни и условиями жизни. Конкуренция за городское пространство велика, и существует множество различных факторов жизненной среды, определяющих, как будут развиваться те или иные районы города в качестве мест проживания для различных групп населения. Одним из таких факторов, представляющих интерес для исследования, является престижность.

В российском обществе природная среда всегда рассматривалась как фактор внешний по отношению к экономике и не учитывалась в экономических расчетах. В современном обществе выбор места жительства во многом определяется возможностями и ограничениями, причем не культурными и социальными, а в подавляющем большинстве случаев экономическими. Несмотря на то, что престижными остаются старые кварталы в историческом центре, все больше внимания, уделяется новым районам, которые могут находиться за административной чертой города [3] и являются более экологически чистыми или экономически выгодными.

Для выявления перспектив развития крупного города с точки зрения престижности проживания в нем было проведено социологическое исследование среди молодежи города Саратова в 2014 году. Было опрошено 100 человек, жителей города Саратова, в возрасте от 18 до 30 лет. Наибольший процент опрошенных составили молодые люди и девушки в возрасте от 18 до 22 лет – 40%. По месту проживания респонденты распределились следующим образом: проживали в Ленинском районе 31.8% от общего числа респондентов, в Заводском районе – 22.7%, в Кировском районе – 15.9%, в Октябрьском – 14.8%, в Волжском районе – 8% и во Фрунзенском районе – 6,8%.

В ходе исследования было установлено, что территориальные предпочтения молодежи по критерию престижности – не зависят от места

непосредственного проживания последних. При этом под престижным районом 47,7% молодежи понимают район, который они выбрали бы при неограниченных материальных возможностях. 35,2% молодежи понимают престижный район как район, где проживает «верхушка общества». В представлении основной массы (82,7%) престижность вызывает, прежде всего, позитивные ассоциации, такие как: материальное благосостояние и высокий социальный статус жителей. В целом, престижное место жительства можно охарактеризовать как желаемое и предпочтительное в представлении основной части изучаемой нами социальной группы.

Средние тенденции в целом показали, что по степени важности большинство респондентов оценили как «очень важные» следующие характеристики района: криминогенная обстановка (59% оценили данное качество как «очень важное»), экологическая ситуация (57%), развитость системы общественного транспорта (45%), качество квартир в районе (38%).

В результате данного исследования были сделаны следующие выводы. Волжский район, безусловно, лидирует в рейтинге престижности. Далее в порядке убывания рейтинга престижности: Кировский, Фрунзенский, Ленинский, Заводской и Октябрьский районы. 55,7% молодежи охарактеризовали Волжский район как наиболее престижный. Как самые престижные были особо выделены следующие территории в Волжском районе – район, обозначенный Набережной Космонавтов, улицами Московская, Лермонтова и Волжская, район улицы Чернышевского от пересечения с ул. Радищева вплоть до въезда в Заводской район, а также отдельно был отмечен район городского парка им. М. Горького.

На втором месте по престижности в представлении молодежи находится Кировский район – 21,6%, а именно: район проспекта Кирова, парка «Липки», а также территория, очерченная улицами Рахова, Радищева, Зарубина и Вавилова. Достаточно высокий процент предпочтений также получил район Соколовой горы, поселок Юбилейный.

На третьем месте по престижности оказался Фрунзенский район – только 18,2% назвали его «наиболее престижным».

Отдельно отметим, что улица Московская в целом была выделена как престижное место жительства, что не удивительно, так как она является центральной улицей города. Менее часто, но также были выделены как престижные следующие районы: район 1-ой Дачной, ул. Вишневой, Студгородка, театра Оперы и Балета, улицы Советской, улицы Рабочей, улицы Радищева.

В категории «наименее престижных» районов оказались два района – это Заводской район (82,9%) и Ленинский район (14,7%). Октябрьский район, не попал в разряд «наименее престижных», однако получил только 1,1% выборов в категории «наиболее престижных» районов.

Следовательно, данный район можно скорее отнести к непрестижным районам, чем к престижным.

Среди качеств, свойственных престижному району, наиболее распространенными оказались следующие качества: удаленность от промышленных объектов (93,2%); близость к центру (84,1%); близость к месту работы/учебы (80,7%); новая застройка района (80,7%); близость парков (78,4%); близость театров/музеев (77,3%); высокая концентрация мест развлечений (61,4%); многоэтажные дома (53,4%); низкая плотность заселения района (50%).

Для большей части саратовской молодежи проживание в престижном районе характеризуется как желаемое и позитивное (55,7% молодежи хотели бы жить в престижном районе). Однако существенным является тот факт, что более трети молодежи (35,2%) высказали либо равнодушное отношение к проблеме престижности места жительства либо вовсе не задумывались о данном вопросе.

Подобное отношение столь значительной части молодежи к изучаемой проблематике связано с одной стороны с тем, что для значительной части молодежи при выборе места жительства на первый план выходят иные факторы, нежели престижность. С другой стороны, для относительно большей части современной молодежи проблема престижного адреса не является актуальной по причине отсутствия самой возможности выбора места жительства.

Также на выбор места жительства оказывает влияние фактор образования. Более высокий процент молодежи, рассматривающей проживание в престижном районе как желаемое, наблюдается среди тех, кто имеет лишь незаконченное высшее образование. Молодежь с высшим образованием больше стремится к проживанию в районах с низкой концентрацией мест развлечения, подальше от очагов культурной жизни, чем молодежь с более низким уровнем образования, что может объясняться возрастом, семейным положением, занятостью, интересами, другими факторами.

Молодежь с более высоким уровнем дохода склонна определять престижный район как «элитарный». Молодежь с более низким уровнем дохода склонна определять престижный район через категорию «материальные возможности». Абсолютное большинство молодежи с самым низким уровнем дохода предпочли «близость к центру» и «высокую концентрацию развлечений» как качества престижного района, что может объясняться многими причинами, в том числе и фактором чисто экономическим – близость к центру, как сосредоточению городской культурной, общественной и деловой жизни, предполагает сокращение расходов на транспорт. Не было выявлено какой-либо зависимости между уровнем дохода и отношением к таким качествам престижного района как расстояние до места работы/учебы, расстояния до театров/музеев,

давностью застройки, удаленностью от парков/природных объектов, расстоянием до промышленных объектов, плотностью заселения района и типом домов.

В целом, по результатам исследования, можно сказать, что качества престижного района, связанные с близостью каких-либо объектов деловой и культурной жизни, представляют больший интерес для групп с более низким уровнем дохода.

Работающая молодежь отдает предпочтение районам, удаленным от культурных объектов, с меньшим количеством мест развлечений, что может объясняться самим фактом занятости. Факт занятости не влияет на предпочтения относительно удаленности престижного района от места работы/учебы, что подтвердили результаты исследования. Предпочтения по таким характеристикам, как давность застройки района, расстояние до парков/лесополос и тип домов также не зависят от факта занятости молодежи. Существует тенденция – чем ниже должность, тем меньше претензий человек предъявляет к престижному жилью.

Холостая молодежь характеризуется относительно более высоким уровнем социальной активности, чем молодежь, состоящая в браке. Семейная молодежь склонна более высоко оценивать важность таких качеств престижного района, как: криминогенная обстановка, близость парков и других природных объектов, экологическую ситуацию. Эта связь объясняется тем, что человек, состоящий в браке и/или имеющий детей, осознанно несет большую ответственность не только за себя, но и за здоровье и благополучие членов своей семьи. К тому же семейные люди – это, чаще всего, уже обустроенные, более-менее обеспеченные люди, склонные к ведению стабильного образа жизни, что делает менее актуальными другие качества престижного района. В целом, семейное положение придает человеку более высокий социальный статус, что отражается на его представлениях. Выявленные зависимости между семейным положением и отношением молодежи к расстоянию до природных и культурных объектов, а также к плотности заселения района – объясняются более высоким уровнем социальной активности холостой молодежи, по сравнению с семейной.

Таким образом, средние тенденции показывают, что в представлении саратовской молодежи престижным является район, расположенный близко к центру города, отличающийся высокой концентрацией различных мест развлечения, наличием театров, музеев, а также обилием зеленых насаждений, близостью парков, лесопосадок, реки и чистотой. Кроме того, престижному району присущи такие качества как удаленность от промышленных объектов и преобладание новых многоэтажных домов в застройке. Причем, такое представление о престижном районе характерно для молодежи в целом, независимо от пола и возраста, образования и других статусных характеристик.

Тем не менее, основные социально-экономические характеристики молодежи (возраст, уровень образования, уровень дохода, занятость), а точнее ценностные ориентации и потребности, детерминированные ими, оказывают определенное влияние на формирование образа престижного места жительства. Следует заметить, что характер воздействия перечисленных факторов является качественным, в том смысле, что при повышении социального статуса интересы по отношению к месту жительства смещаются от одних качеств района к другим, определяясь изменением набора актуальных потребностей индивида.

В целом же, проблематика исследования городской жизненной среды представляет собой широкий спектр незатронутых аспектов, требующих внимательного изучения.

Библиографический список

1. Калининкова М.В. Повышение ценности жизненной среды в современном массовом сознании // Проблемы современной социальной политики на региональном уровне (материалы для обсуждения на дискуссионной экспертной панели «Системность социальной политики региона: условия и факторы реализации») / Под ред. Г.В. Дыльнова. Саратов: Изд-во "Научная книга", 2006. С. 28-35.
2. Бурдые П. Социология социального пространства. Пер. с франц. Отв. ред. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб., 2007. 288 с.
3. Сен-Марк. Социализация природы. М.: Изд-во «Прогресс», 1977. 435 с.

УДК 316.72

СОВРЕМЕННЫЙ КИНЕМАТОГРАФ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

И.А. Карелина

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: karelinaia2008@rambler.ru

В статье анализируется взаимосвязь кинематографа и общества, представлен взгляд на кинематограф как социальный институт, его особенности, функции.

Ключевые слова: социология культуры, социология кино, кинематограф, социальный институт.

MODERN CINEMATOGRAPHY: A SOCIOLOGICAL VIEW

I.A. Karelina

This article is devoted to analysis of correlation cinematography and society. Presented views on cinema as a social institution, its features and functions.

Key words: sociology of culture, sociology of cinematography, cinematography, social institute.

Современный кинематограф является мощным регулятором общественных отношений, в нем как в зеркале отражается современная действительность. При создании фильмов (документальных, художественных) всегда присутствует определенная идея, замысел авторов и особое видение существующей реальности. Тем не менее, возможности современного кинематографа многогранны и позволяют не просто документировать определенные события природы и общества, но и транслировать определенные идеи, образ жизни, ценности, и порой навязывать некий взгляд на происходящие события. Кинематограф в наше время – важный социальный институт, способный воздействовать на общественное мнение, распространять определенную идеологию, специфику восприятия событий, явлений, процессов.

Кинематограф многоплановое явление, которое представляет кинокартины как продукт творчества, кинопроизводство, кинопрокат; историю, теорию кино и кинокритику. Специфичность кино состоит в том, что это синтетический вид искусства, который возникает в рамках массовой культуры XX века, быстро завоевывает внимание широкой публики и становится мощным каналом трансляции информации. Естественно кино специфично, отражает особенности менталитета и национальных идей страны, является проводником ценностей, отражает национальную культуру, быт, национальный колорит конкретной страны.

Творческий процесс создания кино уникальное явление, результат творческой деятельности кинокоманды. Производство кино является специфичным процессом, в результате которого авторский замысел режиссера, сценариста реализуется целой командой операторов, декораторов, художников, актеров. Данный процесс представляет собой временное производство с многочисленным персоналом, обеспечивающим кинопроцесс. Современное кино – это еще и сложный процесс спецэффектов, соединения реальной жизни и вымышленной действительности, компьютерного моделирования необходимых исторических эпох, специфического звука и т.д. Детализация реальности в кино играет огромную роль. Успех кинопроизводства отчасти прогнозируемый, но в большей степени зависит от актуальности тематики фильма, его качества, способности заинтересовать кинозрителей. В процессе создания фильма реализуется авторский замысел режиссера, его

видение данного сюжета, социальных проблем, умения через частности выразить глобальную идею, создать ощущение достоверности событий, реализовать сюжет с драматургическим накалом и развязкой, послесловием и т.д. Любое кино воздействует на чувства зрителей, привлекает внимание к определенным событиям сегодняшней жизни, минувших дней или фантазиям о будущем времени, заставляет думать, переживать, осмысливать происходящее. Художественный замысел фильма реализуется командой творцов кинопроизводства, и заслуга каждого участника данного кинопроцесса очевидна. Еще не менее сложный процесс – монтирование отснятого материала, озвучание, компьютерная обработка, создание фильма для проката в кинотеатрах, на телевидении, тиражирование на различные носители и т.д.

Кинопрокат является не менее важным звеном кинематографа. Существует множество примеров, когда уникальные творческие кинофильмы режиссеров лишь спустя несколько лет или десятилетий становились известными широкому зрителю. Запрет на прокат фильмов связывали с множеством факторов: негативной оценкой критиков или государственных деятелей, несоответствие идеологическим требованиям. Кинопрокат в XX веке проходил в рамках государственной сети кинопрокатов, с 90-х годов данный процесс не находится в компетенции государства.

Начиная с 90-х годов, по всей России наблюдается тенденция закрытия кинотеатров, остаются единицы – хорошо оборудованные кинотеатры, с современным звуком, хорошим качеством изображения, удобным кинозалом. Данная тенденция закономерна, в конце XX века кинотеатры сталкиваются с мощной конкуренцией телевидения, Интернета, которые значительно привлекательнее для зрителей (в любое время доступны, не требуют затрат). Кинопрокат эпохи СССР – система проката художественного и документального кино, находилась в ведении государства, централизованно планировался прокат того или иного фильма, были фиксированные цены на билеты, осуществлялся отбор фильмов для проката (некая цензура), для зрителей были строгие возрастные критерии для просмотра того или иного фильма. Современный прокат подвержен рыночным стратегиям: рынок диктует свои цены на прокат фильма, его трансляцию, стоимость билетов; зрителей привлекают спецэффектами, 3D эффектами современных кинофильмов. В прокате кинотеатров больше иностранных фильмов, чем отечественных. Хотя, в последнее время широко используется реклама премьер отечественных фильмов в различных средствах массовой информации.

Если анализировать развитие киноиндустрии за последние несколько десятилетий, то необходимо отметить, что изменились зрители, их предпочтения, возможности, желания. В то же самое время изменился кинопроцесс (условия, продюсирование, сроки съемок), изменились

кинотеатры и кинопрокат. Уже нет постоянной поддержки государства в системе кинопроизводства и кинопроката, изменился кинорынок в России и зарубежом. Рыночные условия диктуют свои правила. Империя Голливуда – многогранная система, с отработанной стратегией успешности кинофильма на стадии кинопроизводства, окупаемости в кинопрокате, сложившимся рынком потребления в США и за пределами. Голливудские фильмы постоянно конкурируют и вытесняют с рынка кинопроката российские фильмы, т.к. их прокат значительно дешевле и более выгоден кинотеатрам.

История, теория кино и кинокритика – постоянно развивающиеся отрасли научного знания. По-прежнему сохраняется интерес к обучению в вузах, творческих мастерских у современной молодежи, стремящейся получить творческие профессии в театре и кино. Интерес к профессии существует, а вот дальнейшее трудоустройство не всегда успешно и гарантировано. Тем не менее, выпускники российских театральных вузов востребованы как киноактеры, режиссеры и являются продолжателями традиций предшествующих поколений.

Современный кинематограф значительно изменился, он стал мощным каналом трансляции социально значимой информации. Современный кинематограф способен сделать доступной свою продукцию для широких слоев населения, кинопоказы теперь могут быть не только в кинотеатрах, но и транслироваться на телевидении, в сети Интернет, распространяться на дисках и т.д.

Современный кинематограф обладает основными признаками социального института: имеет свои символические культурные признаки, является участником процесса социализации индивидов в обществе: транслирует ценности, стандарты поведения, стратегии жизненного успеха, иногда идеологию.

Кинематограф является замечательным способом документирования истории: национальных традиций, ремесел, обычаев, художественного творчества, культурного наследия; исторических событий или их реконструкций, что позволяет транслировать национальные приоритеты.

Особую роль в данном процессе играет документальное кино – как способ запечатлеть происходящее для потомков, которые будут изучать историю через судьбы и деяния своих знаменитых предков. Документальное кино является способом фиксирования происходящей жизни.

Так, документальный цикл «Рожденные в СССР» режиссера С. Мирошниченко запечатлел социологический эксперимент. Герои фильма, начиная с семи, рассказывают о своей жизни, подводят итоги происходящих событий каждые семь лет (в четырнадцать лет, в двадцать один год, в двадцать восемь лет). Всех героев данного документального цикла объединяет время их рождения – они сверстники, родились в разных

республиках Советского Союза, в разных семьях, с разными социальными статусами. Что с ними происходит? Жизнь расставляет свои приоритеты, герои выбирают разные жизненные пути, спокойно проживают или активно преодолевают определенные периоды, положительно или не совсем оценивают свои возможности, активно стремятся к намеченной цели или спокойно плывут по течению. Герои проходят разные этапы социализации: детство, подростковый возраст, период взросления. У некоторых из них уже свои семьи, дети, они получили профессию, работают и иначе оценивают события реальные и уже прошедшие. Все они сохранили базовые ценности, они – патриоты своих стран. Последний фильм, где героям двадцать восемь лет, фрагментарно знакомит зрителей с жизнью героев в семь, четырнадцать и двадцать один год, тем самым, анализируя планирование жизненного пути и реализацию жизненных стратегий каждого героя.

Кинематограф, обладая признаками социального института, имеет свои символические культурные признаки, свойственные различным историческим эпохам; транслирует базовые ценности и социально значимую информацию молодому поколению. Современный кинематограф имеет постоянную связь с обществом, реализует социальный запрос в рамках существующих представлений, идей, отражает творческую идею создателей, удовлетворяет потребности различных социальных групп зрителей.

Кинематограф как социальный институт выполняет в современном обществе ряд социально значимых функций: эстетическую, коммуникативную, познавательную, регулирующую, интегрирующую, функцию управления общественными взаимоотношениями, социального контроля и социализации.

Таким образом, современный кинематограф является важным элементом общественных взаимодействий, способен влиять на общественное сознание, транслировать социально значимую информацию, документировать происходящие события и заставлять зрителей размышлять о произошедшем, воспитывать, отражать национальные особенности страны.

Библиографический список

1. Жабский М.И. Социокультурная драма кинематографа. Аналитическая летопись (1969-2005 гг.). М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 116-137.
2. Жабский М.И. Вестернизация кинематографа: опыт и уроки истории // Социологические исследования. 1996. №2. С. 25-35.
3. Важенина О.А. Кинематограф как социальный институт и канал трансляции национальной идеи // Международный научно-исследовательский журнал. 2012. №10. URL: <http://www.research-journal.org/featured/culture/%20kinematograf-kak-socialnyj-institut-i-kanal-translyacii-obraz> (дата обращения: 20.03.2015).

УДК 339 (470+571)

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ РОССИИ В МИРОВОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Е.С. Коротковская

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: korotkovskaya@yandex.ru

В статье представлена экспортная структура РФ. Показана география внешнеэкономических связей РФ. Проанализирована структура импорта современной России.

Ключевые слова: экспорт; импорт; внешнеэкономические связи; ВВП; конкурентоспособность.

ANALYSIS OF THE CURRENT SITUATION IN RUSSIA IN THE WORLD ECONOMY

E.S. Korotkovskaya

The article presents the export structure of the Russian Federation. Shows the geography of foreign economic relations of the Russian Federation. The structure of imports of modern Russia.

Key words: export; imports; foreign economic relations; GDP; competitiveness.

Прежде всего отметим, что структура произведенного ВВП у России существенно иная, чем в мире в целом и у развитых стран в особенности (рис. 1). В промышленности создается почти половина российского ВВП. Однако при таком высоком уровне индустриализации Россия слабо включена в международную торговлю готовой продукцией. Дело в том, что российское и мировое производство сильно разнятся по своей структуре [1]. В мировом промышленном производстве 81,9% приходится на обрабатывающие отрасли, 10,4% – на добывающие. Большая часть международного обмена – готовые изделия, и около половины его – продукция машиностроительного комплекса.

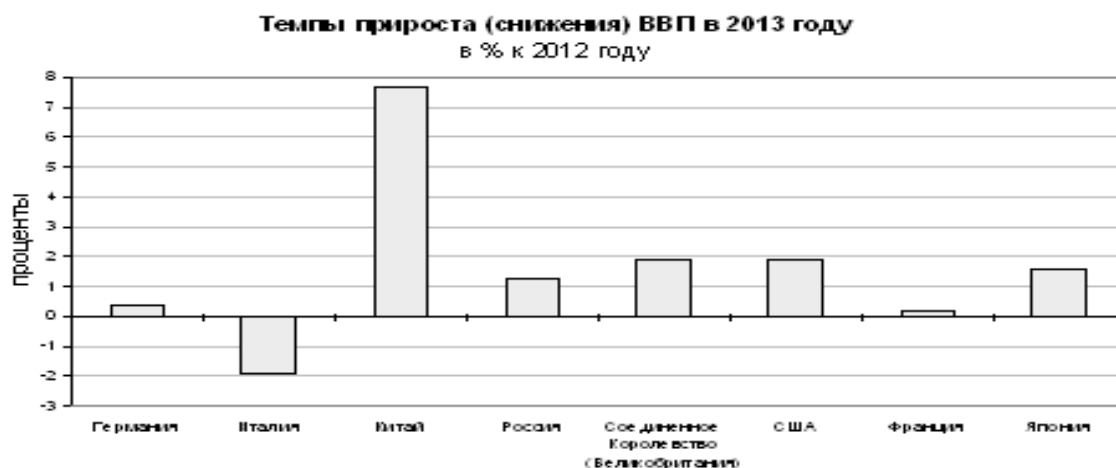

Рис. 1. Соотношение прироста ВВП России и стран мира [2]

В российской промышленности вклад добывающих отраслей в объем производства составляет 24,4%. Примерно половину промышленного производства (46%) дают отрасли первичной переработки сырья – металлургия, химия и нефтехимия, лесопереработка. Доля машиностроения и металлообработки – чуть более 20%. К тому же многие российские машиностроительные предприятия не в силах выпускать конкурентоспособную продукцию. При такой структуре промышленности экспортный потенциал страны складывается в основном из минеральных сырьевых ресурсов и полуфабрикатов.

Экспортная структура РФ за последние несколько лет, к сожалению, не сильно изменилась. Россия занимает 1-е место в мире по экспорту никеля и природного газа, 2-4-е места по экспорту нефти, нефтепродуктов, железной руды, алюминия, древесины. Она остается крупным поставщиком мирового рынка по меди, алмазам, круглому лесу. Приведенные товары являются основой российского экспорта и составляют 80% его стоимостного объема.

На Россию приходится около 1% мировой торговли, и по этому показателю она занимает 10-12 место в мире.

Рис. 2. Динамика роста экспорта и импорта товаров и услуг Российской Федерации (в текущих ценах) [2]

Объем внешней торговли в 2012 году составил 900,6 млрд. долл. США при положительном сальдо в размере 184,4 млрд. долл. Объем экспорта – 542,5 млрд.долл., импорта – 358,1 млрд. долл. (соответственно 9-е и 16-е место в мире).

Основными статьями экспорта являются нефть и нефтепродукты, природный газ, металлы, древесина и продукты из дерева, химикаты и широкий спектр гражданской и военной промышленной продукции.

В настоящее время общую ситуацию в мировой экономике и место страны в системе международного разделения труда все в большей степени определяет потенциал наукоемких отраслей промышленности, связанных с использованием высоких технологий, и именно в этой сфере отмечается все большее отставание России от ведущих зарубежных государств. Общий объем мирового рынка продукции наукоемких отраслей оценивается сегодня примерно в 2,5-3 трлн. долл., однако присутствие России на нем заметно лишь в таких сегментах, как ядерные технологии, оружие и военная техника, коммерческие запуски спутников, производство ракетных двигателей, создание телекоммуникационной и навигационной инфраструктуры. Актуальность интеграции России в мировой рынок высоких технологий повышается в связи с отсутствием в стране платежеспособного спроса на часть наукоемкой продукции, что приводит к застою и старению наиболее передовой технологической базы (авиация, космонавтика, радиоэлектроника, биотехнология, информатика и т.п.).

В итоге современные структура и основные качественные параметры национального экспорта все более отрываются от магистрального направления развития международной торговли. Так, доля

высокотехнологичного экспорта в общей стоимости поставок обработанных изделий из России находилась на уровне 16% по сравнению с 20% в среднем для развивающихся стран и 31% для государств Восточной и Юго-Восточной Азии. Необходимо подчеркнуть, что значительное и растущее отставание России в развитии экспорта готовой продукции, в первую очередь, наукоемких изделий, означает реальные и существенные потери для страны в процессе глобализации мировой экономики, создающем наиболее выгодные условия и дополнительные, в том числе ценовые, преимущества для поставщиков современных, инкорпорирующих новейшие научно-технические достижения товаров и услуг.

В настоящее время Россия имеет наиболее высокие коэффициенты международной специализации (отношение доли той или иной товарной группы в российском экспорте к удельному весу соответствующих товаров в мировом экспорте) в топливно-сырьевой нише (5-6 по минеральному топливу, около 3 по металлам), тогда как в торговле химической продукцией соответствующий показатель значительно ниже (порядка 0,9) [3, с. 16].

В экспорте машин и оборудования коэффициент международной специализации России 0,25-0,3. Удельный вес машин и оборудования в мировом экспорте составляет более 40%, в то время как в России он не превышает 10%. Опережающий рост топливно-сырьевого экспорта в последние десятилетия основывался на значительном росте мировых цен и устойчивом внешнем спросе и в целом предопределил гипертрофированное развитие добывающих отраслей и отраслей первичного передела, занявших господствующее положение в экономике страны. В первое десятилетие нынешнего века на ключевые экспортные отрасли – топливную и металлургическую – приходилось почти 40% промышленного производства и около 2/3 всех промышленных инвестиций. Таким образом, Россия столкнулась с известным в мире феноменом «голландской болезни деиндустриализации», когда интенсивная эксплуатация сырьевого экспортного ресурса ведет к переливу капитала и рабочей силы из отраслей глубокой переработки в более прибыльное производство сырья и материалов [4, с. 54].

При этом важно понимать, что успешное развитие добывающей промышленности не является, как в случае с большинством обрабатывающих производств, достаточно эффективным стимулом для подъема экономики (в силу ограниченного числа смежников и субпоставщиков, особенностей добычи и освоения полезных ископаемых и т.д.), а потому ключевую роль в перераспределении доходов в пользу всего народного хозяйства должно играть государство. Пока же высокие экспортные доходы сырьевых отраслей используются преимущественно на

неинвестиционные цели, что усугубляет последствия переживаемой страной «голландской болезни» [4, с. 54].

В ряде добывающих отраслей и отраслей первичного передела зависимости от поставок на внешний рынок достигла критических значений. Подобная зависимость в условиях низкого платежеспособного спроса внутри страны породила феномен так называемого разоряющего роста экспорта, когда каждое новое увеличение поставок в реальном выражении вело к еще более значительному падению цен и общих стоимостных объемов экспорта. В качестве примера можно привести неблагоприятный для России 1998 г., когда физические объемы поставок нефти увеличились на 11%, но средние контрактные цены упали на 36% и общие экспортные доходы сократились на 29%. В современных условиях потери, как правило, не столь значительные, но это малоутешительно. Также имели место случаи возникновения дефицита и усиления инфляционных процессов на внутреннем рынке.

Другим мотивом значительного увеличения экспорта продукции металлургии, бытовой химии и целлюлозно-бумажной промышленности, то есть отраслей, оказывающих повышенное отрицательное воздействие на состояние окружающей среды, явился экологический фактор. Если специализация на вывозе энергоносителей и иных видов минерального сырья является отражением естественных конкурентных преимуществ России, то высокая экспортная ориентация вышеперечисленных отраслей продиктована соображениями экологического характера и желанием западных стран вывести «грязные» производства за пределы своей территории. Обладая значительной экологической «прочностью» благодаря огромным размерам территории, Россия все более специализируется на экспорте своей экологии, овеященной в продукции наиболее вредных с природоохранной позиции отраслей. Подобная специализация может иметь место на ограниченном отрезке времени и при условии жесткого общественного контроля, однако в долгосрочной перспективе она несостоятельна и опасна для страны [3, с. 20].

Импортируются, главным образом, техника, транспортные средства, фармацевтическая продукция, пластмассы, металлические полуфабрикаты, мясо, фрукты и орехи, оптические и медицинские инструменты, железо, сталь.

Отдельно следует упомянуть снижение или довольно умеренный рост средних импортных цен для России, что обеспечивало нашей стране устойчиво благоприятные условия обмена с внешним миром и получение чистого выигрыша в торговле. Главная причина этой ситуации – слабая конъюнктура на рынках продовольствия, товаров народного потребления, массовой продукции информационно-коммуникационных технологий, ряда других промышленных изделий, составляющих большую часть

отечественного импорта, в силу превышения предложения над спросом и острой международной конкуренции.

География внешнеэкономических связей РФ: доля развитых государств Запада в торговом балансе России составляет около 60%, доля стран СНГ – около 25%, существенно снизилась доля стран Восточной Европы, в то же время возросло значение торговых связей с азиатскими странами, в первую очередь с Китаем и странами Ближнего Востока. Ведущими торговыми партнерами России являются Германия, Италия, Япония, США, Великобритания, Китай.

Основными потребителями российского экспорта являются Нидерланды (12,2% от общего объёма), Китай (6,4%), Италия (5,6%), Германия (4,6%), Польша (4,2%). Бóльшая часть импорта поступает из Китая (15,5%), Германии (10%), Украины (6,6%), Италии (4,3%) [3, с. 20].

Проблема структуры внешней торговли – одна из самых острых для России, особенно в торговле с дальним зарубежьем. По своей структуре она характерна для развивающейся страны: обменивается в основном топливо, другое сырье и продукты неглубокой степени переработки на продовольствие и потребительские товары.

Вторая крупная статья российского импорта – продовольствие. Россия является одним из крупнейших мировых импортеров продовольствия. Однако государственные программы поддержки развития АПК приводят к постепенному сокращению этой статьи и развитию как производства, так и переработки продукции сельскохозяйственного производства.

При благоприятном ходе экономического развития России ее международная специализация должна принимать все более наукоемкий характер, что уже сегодня выражается в увеличении доли машин и оборудования. Россия имеет возможность продвинуться вперед в экспорте авиакосмической техники и услуг, лазерной техники, оборудования для АЭС, современного оружия и др. Восстанавливаются и традиционные направления российского экспорта, такие как энергетическое и дорожно-строительное оборудование, тракторы, бытовые приборы, кузнечно-прессовое оборудование.

Кроме того, в России развернуты трудоемкие экспортоориентированные производства, связанные с производством узлов и деталей, сборкой автомобилей, различных видов бытовой техники.

Следующим направлением внешнеэкономических отношений Российской Федерации является трансграничное движение капитала. Современный этап развития отечественной экономики характеризуется либерализацией движения капитала. Ограничения на его перемещение сняты с 1 июля 2006 г. Это означает некоторую возросшую зависимость страны от трансграничных инвестиций. Увеличивается возможность мобилизации капитала для целей развития, но одновременно усиливается уязвимость экономики по отношению к колебаниям международных финансовых рынков.

РОСТ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ НА МИРОВЫХ РЫНКАХ К 2020 ГОДУ		
Гражданская авиация – третье место по производству гражданской продукции; достижение 10-15% уровня мирового рынка продаж на рубеже 2020-2025 годов.		
Ракетно-космическая промышленность - доля присутствия продукции на сегментах мирового космического рынка увеличится с 8 до 15 процентов.		
Рынок космических пусков - удержание лидирующих позиций; до 30% рынка коммерческих пусков.		
Судостроительная промышленность – экспорт гражданской продукции увеличится более чем в 5 раз, военной продукции в 1,5-2 раза (20% на рынке).		
Атомный энергопромышленный комплекс – экспорт не менее 8-14 млрд. долларов в год.		
	2007	2020
Доля России в мировой экономике, %	3,2	4,3
Экспорт, млрд. долл.	354	> 900
Экспорт машин и оборудования, млрд. долл.	20	110-130
Вклад отечественной продукции в покрытие внутреннего спроса, %	50	80
удельный вес российского экспорта в мировом объеме экспорта высокотехнологичных товаров, %	0,3	2

Рис. 3. Рост конкурентоспособности России на мировых рынках к 2020 году [5]

Объем прямых иностранных инвестиций в российской экономике на 2012 год составляет около 596,2 млрд. долл. (13 место в мире). Российскими инвесторами за рубежом размещено более 487 млрд. долл. (14 место в мире) [6].

По состоянию на конец 2011 г. накопленный иностранный капитал в экономике России составил 347,2 млрд. долл., что на 15,7% больше по сравнению с предыдущим годом. Наибольший удельный вес в накопленном иностранном капитале приходился на прочие инвестиции, осуществляемые на возвратной основе, – 57,1% (на конец 2010 г. – 58,3%), доля прямых инвестиций составила 40,1% (38,7%), портфельных – 2,8% (3,0%) [7].

К сожалению, Россия крайне незначительно участвует в транснациональных воспроизводственных отношениях и почти не

интегрирована в транснациональную воспроизводственную структуру. Модель внешнеэкономических связей РФ – торговая, а не производственно-инвестиционная, специализация – сырьевая, что свидетельствует о ее периферийном положении. Для достижения интеграции необходима географическая диверсификация внешнеэкономических связей, развитие международной производственной кооперации, особенно на восточноазиатском направлении. В кооперации со странами Восточной Азии Россия могла бы осуществлять опережающее технологическое развитие [4, с. 47].

Говоря о таком направлении внешнеэкономической деятельности России, как международный обмен, важно отметить, что Правительство РФ поддерживает усилия отечественных компаний по приобретению за рубежом акций высокотехнологичных предприятий в целях расширения доступа к современным технологиям. Но следует иметь в виду, что главной движущей силой внешней экспансии предприятий является их собственная бизнес-стратегия.

В невнимании к проблеме технологически прогрессивной экспансии предприятий правительство нельзя упрекнуть. Обсуждение внешних инвестиций российского бизнеса в технологически передовые предприятия порой начинается на правительственном уровне раньше, чем на уровне бизнеса. Разрабатываемые проекты будут органичными для экономики Российской Федерации только в том случае, если они впишутся в общий процесс создания производственно-технологических цепочек, важные звенья которых будут расположены на территории РФ. Выход на зарубежных партнеров должен представлять собой либо объективно назревший этап роста современного предприятия, либо часть нового проработанного инвестиционного проекта. В этом отношении содействие формированию инновационной среды, развитие научно-технических разработок, создание конкурентоспособных производств в России способствуют внешней инвестиционной экспансии в большей степени, чем совершенствование механизмов ее стимулирования.

Библиографический список

1. Основные тенденции и проблемы развития внешнеэкономических связей России в условиях глобализации мировой экономики. URL: www.rosinvest.com (дата обращения: 20.03.2015).
2. Федеральная служба государственной статистики. Внешняя торговля. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 20.03.2015).
3. Буглай В.Б. Россия в системе международного разделения труда // Российский внешнеэкономический вестник. 2012. №9. С.15-23.
4. Дюмулен И.И. Международная торговля. Экономика, политика, практика. М.: ВАБТ, 2010. С. 54.
5. Внешнеэкономическая стратегия Российской Федерации. М., 2008. С. 26.
6. Россия в цифрах. 2012. Федеральная служба государственной статистики URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 20.03.2015).

7. Российский статистический ежегодник. 2012. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 20.03.2015).

УДК 316.013

КОНСТРУИРОВАНИЕ БРЕНДА ТЕРРИТОРИИ В ПРОЦЕССЕ ПОСТРОЕНИЯ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ: СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

А.А. Кошелев

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия

E-mail: koshelev76@mail.ru

В статье затрагиваются вопросы теоретического обоснования понятия «брендинг территорий», анализируются основные аспекты данного социального феномена в России, приводятся культурологические примеры трансформации обычного территориального образования в «бренд», формируются соответствующие выводы.

Ключевые слова: бренд, территория, брендинг, общество, регионы.

DESIGN BRAND TERRITORY IN PROCESS CONSTRUCTION MARKET RELATIONS: SOCIAL ASPECT

A.A. Koshelev

The paper addresses the issues of theoretical justification concept of "branding territories", analyzes the main aspects of the social phenomenon in Russia, are examples of cultural transformation in the usual territorial "brand", formed conclusions.

Key words: brand, territory, branding, society, regions.

Современное реформирование социально-экономической системы российского общества, создает все более необходимые условия для конкуренции не только для корпораций, но и для территориальных образований, при этом ключевое значение принимают такие понятия как имидж и бренд. Особенно, следует акцентировать внимание на понятии «брендинг территорий», так данный инструмент является ключевым в развитии туристического бизнеса, особенно в условиях санкций и прочих способов давления на суверенитет Российской Федерации.

Следует отметить, что при сравнительном анализе географических зон почти с одинаковыми условиями хозяйствования большой приоритет получают те территории, которые обладают устойчивым общественным восприятием, что способствуют конкурентной борьбе регионов за долю потребителей, туристов, инвесторов, повышая тем самым экономическое и социальное благополучие региона.

В этой связи в науке и практике все более актуализируется вопрос комплекса мероприятий, направленных на повышение уровня узнаваемости территории как на региональном и федеральном, так и на международном уровне. Одним из таких инструментариев является - «территориальный брендинг», интегрирующий в себе все то положительное, что способствует узнаваемости регионов России и вовлечение его в систему внутреннего и внешнего туризма.

Прежде, всего «брендинг территории» – это процесс, связанный с конструированием и менеджментом социально-экономических, эмоционально-психологических и ценностных характеристик региона выгодно отличающих его от других и создающий привлекательный образ в глазах инвесторов, туристов и просто жителей данного муниципального образования. В условиях политического кризиса и санкционных мер, данное направление становится, ключевым направлением региональной политики, которая призвана обеспечить благополучие и стабильность регионов Российской Федерации. Теоретико-методологической основой определения понятия «брендинг территории» выступают концепции в области социологии города, теории и практики государственного муниципального управления, маркетинга, теории связей с общественностью.

В классическом понимании, согласно мнению Д. Акера, «бренд» – это «набор активов (и пассивов), связанных с названием или символом, который увеличивает (или уменьшает) потребительскую ценность товара или услуги» [1, с. 12]. Регион также как и торговые марки способны конструировать свой уникальный образ, который воспринимается в сознании людей, даже не посещавших регион, в виде эмоционального ассоциативного ряда.

Например, Краснодарский регион за относительно короткое время за счет проведения в 2014 году зимних Олимпийских игр, стал одним из самых узнаваемых и дорогостоящих курортом черноморского побережья. Критериями оценки бренда региона являются такие динамические показатели, как образ, имидж, репутация, и бренд-капитал.

Определение бренда территории вытекает из мысли, что он формируется на основе исключительно положительного имиджа совместно с определенными критериями репутаций. Бренд территории – это совокупность уникальных качеств, вечных социальных ценностей, характеризующих своеобразие, неповторимые оригинальные потребительские характеристики данной территории и сообщества, широко известные, получившие общественное признание и пользующиеся стабильным спросом потребителей как внешних, так и внутренних.

Бренд складывается на базе ярко выраженного позитивного имиджа территории, в основе которого лежат уникальные возможности удовлетворения тех или иных запросов ее потребителей; бренд территории

является высшим проявлением эмоциональных потребительских предпочтений.

Встречаются также редуccionистские попытки в отношении характеристики понятия «бренда территории», определяющие его как совокупность коммерческих и некоммерческих брендов, существующих в ее пределах.

На наш взгляд, прежде всего, «бренд территории» – это системное понятие, характеризующееся следующими элементами:

- особенный эмоциональный и социально-психологический образ, сформированный историческими, географическими, производственными, социально-культурными и другими особенностями территории, ставший широко известным общественности;
- соответствие ожиданиям потребителей, как внешних так и внутренних, набору предлагаемых, товаров и услуг, особенно в области экономики и культуры туризма;
- гарантия качественного удовлетворения желаемых нужд и запросов потребителя территории в различных сферах жизни человека и социума.
- повышенный субъективный уровень ценности территории для потребителя и его удовлетворенности, формируемый через позитивные ассоциации, побуждающие к потреблению территории и напоминающие о ней;
- важнейший фактор конкурентных преимуществ и социально-экономического положения региона, как ключевой нематериальный актив, влияющий на позитивное восприятие области.

По мнению Афанасьева О. Е., «брендинг» территорий – это стратегия увеличения потенциальных и региональных возможностей городов, областей, регионов, географических зон и государств с целью захвата внешних рынков, привлечения инвесторов, туристов, новых жителей и квалифицированных мигрантов [2].

Теоретико-методологической основой определения понятия «брендинг территории» выступают концепции в области социологии города, теории и практики государственного муниципального управления, маркетинга, теории связей с общественностью.

К примеру О.Ф. Русакова и В.М. Русаков пишут, что «бренд» и «имидж» – это специально сформированные символические модели презентующих субъектов, предназначенные для управления системой предпочтений и ценностных ориентаций публики с целью формирования социетальной коммуникации» [3].

Данная точка зрения имеет субъективный характер, так как, на наш взгляд, не во всех случаях можно утверждать, что имидж и бренд

территории специально конструируются. Зачастую, базовый имидж чаще образовывается спонтанно, чем создается специально. Если проанализировать исторические аспекты, то можно выявить случаи, когда узнаваемость региона возникает самостоятельно. Еще задолго до появления специальных инструментов конструирования, основанных на принципах маркетинга, PR многие города, регионы и страны уже имели собственный оригинальный имидж, который сформировался стихийно на основе исторических и культурных особенностей (например, Ватикан).

Процесс формирования бренда – это комплекс мероприятий направленных на формирования привлекательных характеристики данной территории, что способствует становлению ее идентичности и дифференцирует от других, конструируя уникальный образ, основанный на имиджевых характеристиках.

Закономерными итогами данного процесса должны стать:

- обеспечение устойчивого и привлекательного имиджа территории;
- привлечение внешних инвестиций;
- наращивание хозяйственного потенциала;
- укрепление интеграционных и кооперационных связей;
- трансляцию региональных достижений и инициатив.

В этой связи вполне закономерно использование следующих инструментов, призванных обеспечить формирование привлекательного образа того либо иного региона.

Во-первых, следует выделить группу инструментов, направленных на долгосрочную (стратегическую) перспективу. В нее входят анализ документов, содержащих информацию о географических, экономических и социокультурных особенностях региона, позволяющий определить план мероприятий на достаточно длительный период времени. Это позволит выявить миссию данного региона в контексте изучаемой проблематики, а также определить девиз, отражающий конкурентные преимущества данного территориального образования.

Во вторых, вполне справедливо отметить, группу, основанную на символах, свойственных, тому или иному региону. Эта группа предполагает использование таких инструментов как создания фирменного стиля и оригинального дизайнерского решения в процессе конструирования ключевых атрибутов территории (флаг, герб и другие значимые символы). Кроме того, данная группа инструментов предполагает реализацию рекламных кампаний, а также выпуск сувенирной продукции и создание официального сайта.

Отдельно следует упомянуть, о группе PR-инструментов, направленных на формирование закрепления и утверждение положительного имиджа руководителя территории, актуализацию публичных фигур или исторических лиц, с которыми территория прочно ассоциируется. Кроме того данный инструментарий призван обеспечить

организацию специальных мероприятий (конкурсы, выставки, фестивали), выход территории на федеральный и международный уровень с представлением его достижений, развитие и продвижение местных брендов товаров и услуг, активное сотрудничество с другими регионами и территориями.

Таким образом, формирование бренда территории предполагает систему мероприятий направленных на продвижение имиджа региона, генерируя привлекательные черты, основанные на конкурентных преимуществах, с целью обеспечения благополучия данного территориального образования. Следовательно, «брендинг территории» – это процесс формирования и управления идентичностью региона. Данный процесс включает в себя его создание, усиление, продвижение, обновление возможное «репозиционирование», «ребрендинг». Брендинг территории предполагает использование технологий формирования особого ее образа и отношения к ней целевой аудитории. Он является предпочтительным способом ее идентификации, выделения среди других регионов, привлечения к ней внимания потенциальных потребителей и, в конечном итоге, – важнейшим способом реализации конкурентных преимуществ территории.

Библиографический список

1. Дэвид А. Аaker. Создание сильных брендов. М., 2008. С. 12.
2. Афанасьев О.Е. Бренд как фактор формирования туристического образа страны // Портал о брендинге территорий URL: <http://www.region-brand.ru> (дата обращения: 10.02.2015).
3. Русакова О.Ф, Русаков В.М. PR-дискурс. Теоретико-методологический анализ // Общая характеристика имиджа и бренда. Сходства и отличия // Международная академия дискурс исследований. URL: http://www.madipi.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=27&limitstart=12 (дата обращения: 29.12.2014).

УДК 316.334.23

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Т.Н. Кошелева

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: tnkosheleva@yandex.ru

Статья посвящена анализу особенностей малого и среднего предпринимательства на территории Саратовской области и основным детерминантам его развития. В работе

описываются результаты эмпирического исследования на основе оценок состояния конкурентной среды населением г. Саратова.

Ключевые слова: конкурентная среда, предпринимательство, население, Саратовская область.

SOCIO-ECONOMIC DETERMINANTS OF ENTERPRISE DEVELOPMENT: A REGIONAL ASPECT

T.N. Kosheleva

The article is devoted to analysis of the characteristics of small and medium enterprises on the territory of the Saratov region and the main determinants of its development. The paper describes the results of empirical research on the basis of the assessment of the competitive environment the population of Saratov.

Key words: competitive environment, entrepreneurship, population, Saratov region.

Развитие региональной конкурентоспособности в России можно рассматривать как один из факторов экономического роста. Любой стране нужны конкурентоспособные регионы. Понимание сущности региональной конкуренции (межрегиональной, а также своеобразного соревнования между городами как местами концентрации экономического и интеллектуального потенциалов регионов) становится все более актуальной задачей в корпоративном взаимодействии регионов любой страны.

По данным проведенного социологического опроса на тему «Конкурентная среда на рынках товаров и услуг Саратовской области» при непосредственном участии автора статьи в октябре – ноябре 2014 года на базе Центра региональных социологических исследований СГУ имени Н.Г. Чернышевского совместно с Министерством экономического развития и инвестиционной политики Саратовской области с целью внедрения Стандарта развития конкуренции.

В ходе социологического исследования [1] выявлены основные векторы работы по развитию конкуренции в регионе. Самым популярным направлением, по мнению респондентов, стало ужесточение контроля над ростом цен (52,8%), 48,7% опрошенных указали на ужесточение контроля над качеством продукции. Также горожане считают, что одним из перспективных направлений развития конкуренции в регионе может стать создание новых рабочих мест и контроль над созданием монополий на региональном рынке (37,1% и 24,8% респондентов). Кроме этого 20,1% горожан указывают на создание возможностей для того чтобы все желающие заняться бизнесом могли получить эту возможность и 20,3% опрошенных указывают на оказание помощи начинающим предпринимателям. Также необходимо обратить внимание на одну из составляющих рыночных отношений – это принцип обратной связи,

который должен присутствовать при развитии конкуренции в регионе, по мнению предпринимателей. Так 14,5% опрошенных указали на необходимость ведение учета обращений граждан, связанных с проблемами в области развития конкуренции. 14,9% жителей города Саратова желают иметь поддержку новых направлений развития экономики города и района (см. табл. 1).

Табл. 1. Основные направления работы по развитию конкуренции в общественном мнении саратовцев

Варианты ответов	Частота	Процент наблюдений
Созданием условий, чтобы компаний, продающих товары или услуги, становилось больше	51	10,6%
Создание системы информирования населения о работе различных компаний, защите прав потребителей и состоянии конкуренции в районе	70	14,5%
Контролем над тем, чтобы одна компания не начинала полностью диктовать условия на рынке	120	24,8%
Контролем над ростом цен	255	52,8%
Контролем над качеством продукции	235	48,7%
Контролем над тем, чтобы фирмы соревновались честно	80	16,6%
Чтобы все желающие заняться бизнесом могли получить эту возможность	97	20,1%
Помощью начинающим предпринимателям	98	20,3%
Привлечением инвесторов	51	10,6%
Созданием новых рабочих мест	179	37,1%
Поддержкой новых направлений развития экономики города и района	72	14,9%
Контролем над работой естественных монополий, таких как водоснабжение, электро- и теплоснабжение, ж\д и авиатранспорт	67	13,9%
Сокращением муниципальных предприятий, оказывающих услуги населению за счет появления новых коммерческих предприятий	34	7,0%
Повышение открытости процедур муниципальных конкурсов и закупок	22	4,6%
Ведение учета обращений граждан, связанных с проблемами в области развития конкуренции	20	4,1%
Юридическая защита предпринимателей	71	14,7%
Итого	1522	315,1%*

* сумма не сводима к 100%, т.к. респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов

Немаловажным фактором развития конкуренции в регионе является участие всех категорий граждан в этом процессе. Так, почти половина опрошенных респондентов не заинтересованы в получении информации о

развитии рыночной конкуренции (44,7% опрошенных). Около 30% населения указывают на важность этой информации и 24% горожан чувствуют необходимость такой информации только в различных ситуациях. Оценивая сегодняшние возможности получения информации о развитии рыночной конкуренции, население г. Саратова отмечает, что ее получить очень трудно (15,6%), 21,1% горожан отметили, что ее можно получить, если приложить усилия, 48,9% опрошенных затруднились ответить.

Табл. 2. Оценка возможности получения информации о развитии рыночной конкуренции в г. Саратове

Варианты ответов	Частота	Процент
Информации о состоянии конкуренции нет совсем	38	7,8
Ее получить очень трудно	76	15,6
Затрудняюсь ответить	238	48,9
Можно получить, если приложить усилия	103	21,1
Информация о состоянии конкуренции общедоступна	32	6,6
Итого	487	100

В качестве источников информации о состоянии конкуренции в городе и защите прав потребителей и предпринимателей саратовцы чаще всего используют традиционные средства массовой информации: местные ТВ-каналы (48,6%) и центральные ТВ-каналы (39,4%). Также для получения этой информации опрошенные используют местные газеты (34,6%), социальные сети Интернет (26,2%). 32,5% узнают ее от друзей и знакомых. Реже всего горожане отмечали, что получать вышеуказанную информацию им помогают "горячие линии" с организациями, регулирующими развитие конкуренции (2,4%), Общественная приемная Президента РФ (3,9%), Общественная приемная Губернатора Саратовской области (5,8%). Невысоки показатели и таких общественных организаций, как «ОПОРА РОССИИ» и «Деловая Россия»: их в качестве источника информации о состоянии конкуренции и защите прав потребителей и предпринимателей используют 7,1% опрошенных, то есть уровень доступности информации для населения о развитии рыночной конкуренции в Саратове является достаточно низким. Среди источников получения таких данных чаще выступает местное и центральное телевидение. По оценкам населения основных параметров обстановки ведения предпринимательской деятельности, большинство из них находятся в зоне неодобрения (см. таблицу 3).

Табл. 3. Основные источники информации о состоянии конкуренции и защите прав потребителей и предпринимателей

Варианты ответов	Частота	Процент
Администрация города, Министерство экономического развития и инвестиционной политики	72	15,5%
Общественная приемная Президента РФ	18	3,9%
Общественная приемная Губернатора Саратовской области	27	5,8%
Учебные заведения города	90	19,4%
Общественная организация защиты прав потребителей	73	15,7%
Саратовское региональное отделение общероссийской общественной организации малого и среднего бизнеса «ОПОРА РОССИИ»	33	7,1%
Саратовское региональное отделение общероссийской общественной организации "Деловая Россия"	33	7,1%
Общественная палата Саратовской области	45	9,7%
Из центральных газет	116	24,9%
Из местных газет	161	34,6%
Из центральных ТВ каналов	183	39,4%
Из местных ТВ каналов	226	48,6%
Из радио	111	23,9%
От друзей и знакомых	151	32,5%
Из официальных сайтов организаций, регулирующих развитие конкуренции	47	10,1%
Из интернет-страниц официальных организаций в социальных сетях	84	18,1%
Из социальных сетей Интернет	122	26,2%
Из «горячих линий» с организациями, регулирующими развитие конкуренции	11	2,4%
Итого	1603	344,7*%

* сумма не сводима к 100%, т.к. респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов

Таким образом, анализируя основные настроения в среде горожан относительно основных направлений работы по развитию конкуренции в Саратовской области, необходимо заключить, что большая часть населения города Саратова видит наиболее оптимальными направлениями контроль над ростом цен, контроль над качеством продукции и создание рабочих мест. Мнение предпринимателей по этому вопросу отличаются. Большая часть опрошенных предпринимателей указывают на такие направления работы по развитию конкуренции в регионе как: создание системы информирования населения о работе различных компаний,

защите прав потребителей и состоянии конкуренции в районе, ужесточение контроля над возникновением монополий, поддержкой новых направлений развития экономики города и района, ужесточением контроля над работой естественных монополий (водоснабжение, электро- и теплоснабжение ж\д и авиатранспорт). Такое противоречие можно объяснить тем, что для предпринимателей развитие конкуренции является жестко экономической категорией. Реализация свободной конкуренции для предпринимателей – это возможность закрепить свои позиции на рынке, на котором функционирует их предприятие. Для горожан конкуренция – это удовлетворение их личных потребностей в качестве и цене на продукцию, возможности трудоустройства в появляющихся предприятиях малого бизнеса.

По результатам проведенного социологического опроса можно констатировать, что основными факторами, сдерживающими развитие малого и среднего предпринимательства на территории Саратовской области, являются: сложные механизмы начала и ведения предпринимательской деятельности (так называемая «бумажная волокита»); ограниченный доступ к кредитным ресурсам из-за многочисленных требований банков и высокой стоимости кредита; наличие административных барьеров и, особенно, семейственность и клановость в органах, регулирующих развитие конкуренции.

Библиографический список

1. В исследовании приняли участие 100 предпринимателей и 487 жителей г. Саратова. Выборочная совокупность проведенного анкетирования репрезентирует предпринимательское сообщество по критерию отраслевой принадлежности и организационно-правовой формы – пропорционально их доле в экономике Саратовской области; трудоспособное население по полу, возрасту и району проживания.

УДК 316.3

СОВЕТСКАЯ КАК ОСТАТОЧНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Н.Ю. Кравченко

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: kravchenko.n@gmail.com

В статье автор анализирует феномен советской идентичности. Приводит факторы, повлиявшие на процесс ее формирования. Отмечает, что успешность конструкта простой советский человек обусловлена его совпадением с российским укладом. Автор приходит к выводу, что дальнейшее сохранение остатков советской идентичности

будет блокировать формирование современных идентичностей, в том числе гражданской европейского типа.

Ключевые слова: советская идентичность, конструкт простой советский человек, российская идентичность, гражданская идентичность.

SOVIET LIKE RESIDUEL IDENTITY

N.Yu. Kravchenko

In article the author analyzes a phenomenon of the Soviet identity. Gives the factors which influenced process of its formation. Notes that success of construct the Simple Soviet Man is caused by his coincidence to the Russian style of life. The author comes to a conclusion that further preservation of the remains of the Soviet identity will block formation of modern identity, including civil one (European type).

Key words: soviet identity, construction the simple soviet man, Russian identity, civil identity.

Процесс идентификации, самоопределения индивида, также как и процесс социализации, продолжается всю сознательную жизнь человека. Россия интегрирована в мировые процессы, и они, безусловно, оказывают влияние на идентичность, которая представляет собой сложный социокультурный феномен. Исследователи выделяют различные пласты менталитета и уклада, на основе которых формируется российская идентичность. Это, в первую очередь, общинность и соборность, затем подданническая идентичность крестьянской страны, которая предопределяет параметры формирования идентичности. За семьдесят лет существования советской власти успела сложиться советская идентичность, в этой статье нам бы хотелось поразмышлять о ее влиянии на формирование идентичности современного этапа.

Советская идентичность целенаправленно конструировалась в СССР на протяжении нескольких десятилетий. Исследователи отмечают, что и советское, и российское государство пыталось и пытается навязать идентичность, что не позволяет говорить «об органичном складывании такой идентичности» [1, с. 39].

По мнению философа М.Е. Попова, «советскость как попытка целенаправленного строительства интернационализма представляла собой идеологизированную модель надэтнической идентичности. Носитель советскости – «советский человек» – являлся субъектом с государственно-политической идентичностью, имплицитно конкурирующей с различными этногрупповыми и культурными идентичностями. Антиконфликтотогенный процесс свободной от репрессивной идеологии гражданской идентификации «замещался» в коллективном самосознании советских людей противоречивой идентичностью «новой исторической общности людей» [2, с. 14].

Важнейшей частью самоидентификации жителей Советского Союза было ощущение себя членами большой державно-народной общности [3, с. 135]. М.Е. Попов отмечает, что эта идентификация не была естественным процессом, что приводило к конфликтному состоянию. Индивид отождествлял свое повседневное «Я» с коллективными целями под постоянным внешним воздействием и давлением, под угрозой насилия со стороны государственных институтов [2, с. 12].

Советская идентичность была обусловлена особенностями политической культуры в стране, которая складывалась под воздействием ряда факторов. Это – геополитическое положение; доминирующий коллективный образ жизни; отстраненность граждан от реальной власти; уничтожение целых социальных слоев (купечество, гуманитарная интеллигенция, офицерство); пренебрежение рыночными механизмами в экономике; насильственное насаждение коммунистической идеологии.

Смена власти в России в 1917 году привела к слому прежней национальной идентичности: в общественном сознании сформировался неизвестный ранее образ советского человека, при этом этническая идентичность уступила место классовой принадлежности. Классовая идеологическая идентичность оказалась жизненно важным компонентом личной рефлексии, поскольку будущее человека, благополучие его родных и близких стало зависеть от того, с кем идентифицируют этого субъекта. Возник и новый образ врага – внутренний классовый враг, который в свою очередь мог иметь этнические признаки. При этом национальная идентичность по гражданскому признаку закрепились за представителями советского народа, социалистическое или коммунистическое сознание которых интернационально, тогда как идентичность по этническому признаку становилась чаще всего характерной для классовых врагов.

Феномен идентичности советского человека (послесталинский период) заключался в том, что люди не подвергали сомнению общественный строй, не только из-за опасности репрессий, но и из-за того, что этот строй был выгоден большинству. Именно в этих условиях и создавалась гражданская макроидентичность – «советский человек», являвшаяся продуктом общества Модерна.

На формирование идентичности современных граждан оказывает большое влияние образ «советского человека». Сила его воздействия заключается, кроме всего прочего, в том, что конструкт Я – «советский человек» – это часть конструкта мы – «советские люди», мы – «граждане СССР», «они» – это другие, не советские.

Конструкт «я простой советский человек», как альтернатива понятию гражданин, появился и развивался в государстве с тоталитарным строем, однако, если опираться на исследования Ю.А. Левады, черты, присущие простому советскому человеку, в большинстве своем, совпадают с чертами русской ментальности. Это совпадение дает повод говорить о «живучести»

образа, так как природа образа естественного и конструируемого совпали.

Появление образа простого советского человека пришлось на 40-50 гг. XX века и за время своего существования образ претерпел значительные изменения. Если в 50-60 гг. «простой советский человек» («homosovetikus») наделялся идеологически выверенными чертами и являлся своеобразным эталоном, на который должны были равняться все граждане СССР, то с началом кризиса веры в социализм данный конструкт приобретал все больше негативных черт, пока окончательно не перешел в разряд советизмов, неся в себе иронически-негативный смысл.

Советский человек, согласно социологу Ю. Леваде, характеризовался набором следующих политических качеств, образующих систему:

- представление о собственной исключительности;
- патернализм в отношении государства;
- государственность;
- потребность в равенстве.

Благодаря социологическим исследованиям в России (Ю. Левада и др., 1989, 1995, 1999 г.) и дискуссиям о советском человеке можно проследить тенденции изменения этого политического типа в новых условиях. Они показывают элиминацию перечисленных черт у молодого поколения, их устойчивость в среднем поколении и некоторое усиление в старших возрастных группах [4].

Используя паретовское понятие резидуи в качестве метафоры, скажем, что, возможно, советская идентичность как «остаток» «постоянства агрегатов», выражающий тенденцию поддерживать и сохранять однажды сформировавшиеся связи, не дает развиваться новым идентичностям. Для того, чтобы новые идентичности начали развиваться, нужен значительный лаг времени, несколько поколений, чтобы советская идентичность смогла окончательно разрушиться. Согласно мысли Парето, «осадок», который он причисляет ко второму классу резидуев, вызывает консервативное чувство, которое лежит в основе неприятия всего нового, враждебного отношения к переменам [5, с. 600]. Напомним, что результаты исследований Левады показывают, что советская идентичность прослеживается во всех поколениях [6].

В постсоветское десятилетие происходила латентная кристаллизация социокультурных элементов советской идентичности, которые способствовали ее актуализации в будущем. И сегодня сохраняются механизмы и условия для активизации факторов патриотической и идеологической идентификации «старого» типа, характерного для советского прошлого (законопослушность, подданническая политическая культура, ностальгия по авторитарным методам управления, имперскому державному характеру государства и др.).

Исследователь А.Б. Багдасарова обращает внимание, что сохранение советской идентичности в настоящее время выгодно: «ностальгия по

«советскости» активно «приватизируется» и политизируется, превращается в политический инструмент для конструирования авторитарной российской идентичности и холистской монокультуры» [7, с. 114].

Н.Е. Тихонова фиксирует, что в современной России наблюдаются самоидентификации с теми общностями, которые для стран Западной Европы были характерны почти сто лет назад, в период жесткой вертикальной стратификации и острой классовой борьбы. Речь идет, прежде всего, об имущественной идентификации и идентификации по социальному статусу [3, с. 142]. На смену утерянной советской макроидентичности приходят идентичности микроуровня, присущие странам, скорее раннеиндустриальным, чем развитым. В результате, Россия как пространство социокультурных трансформаций сегодня находится в процессе преобразования коллективных идентичностей и механизмов социальной интеграции, что обусловлено противоречивым «взаимодействием» ценностей традиционализма и посттрадиционных моделей идентификации[2].

Во время одной из публичных лекций Юрий Левада делится своим печальным открытием, что пока наш человек останется советским, мы хорошо жить не будем. Непритязательность желаний; отсутствие стремления преобразовать и улучшить условия своей жизни; вектор, направленный в сторону наблюдательности, а не действий – это состояние идентичности, которое не способно привести к прогрессу. Мы можем фиксировать, что остатки латентно кристаллизованной советской идентичности еще долго будут проявляться в идентичности россиян, блокируя многие современные процессы.

Советская идентичность была не органично сложившимся феноменом, а успешно реализованным идеологическим конструктом, живучесть которого была обусловлена совпадением природы конструкта «простого советского человека» и природы русского уклада или ментальности. В настоящее время советская идентичность оказывается востребованной, превращаясь в политический инструмент конструирования авторитарной государственной идентичности.

Библиографический список

1. Большаков А.Г., Зазнаев О.И. Обзор круглого стола «Формирование гражданской идентичности: проблемы, современное состояние, перспективы». // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. №12. (26): в 3-х ч. Ч. II. С. 38-41.
2. Попов М.Е. Конфликты идентичностей в посттрадиционной России: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ставрополь, 2011. 17 с.
3. Тихонова Н.Е. Становление новой российской идентичности: опыт эмпирического анализа / Идентичность как предмет политического анализа. Сб. ст. по итогам Всероссийского научно-теоретич. конференции (ИМЭМО РАН,

- 21-22 октября 2010 г.) // Отв. ред. И.С. Семененко, Л.А. Фатеева. М.: ИМЭМО РАН, 2011.
4. Левада Ю.А. «Человек советский» // Публичные лекции на «Полит.ру». 15 апреля 2004. URL: <http://www.polit.ru/article/2004/04/15/levada/> (дата обращения: 01.03.2015).
 5. Pareto V. Trattate di sociologia generale. Milano, 1964. Vol. 1-2. 11. V. 1. P. 600.
 6. Гудков Л.Д. Перерождения «советского человека» (об одном исследовательском проекте Левада-Центра) // Одиссей: человек в истории. 2007. <http://www.odysseus.msk.ru/numbers/?year=2007&id=18> (дата обращения: 01.03.2015).
 7. Багдасарова А.Б., Попов М.Е. Гражданская и этнокультурная идентичность в образовательном пространстве современной России // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. 2007. №5. С. 111-114.

УДК 316.3

**К ВОПРОСУ О РОЛИ СОЦИОЛОГИИ В РАЗВИТИИ
СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА И ОТРАЖЕНИИ
СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ
В СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНЕННОЙ ПРАКТИКЕ**

Д.В. Мазаев, Т.А. Калугина

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: mazaev64@gmail.com

Статья посвящена вопросу роли социологии в динамично развивающемся и изменяющемся мире. Подчеркивается, что, несмотря на трудности в изучении современной динамично развивающейся социокультурной реальности, социология играет важную роль в развитии общества. Рассматривается факт отражения одной из классических теорий социологии – структурный функционализм – в современной жизненной практике российского общества, а именно в программе интеграции и адаптации людей с ограниченными возможностями «Доступная среда».

Ключевые слова: роль социологии, структурный функционализм, люди с ограниченными возможностями.

**THE QUESTION OF THE ROLE OF SOCIOLOGY IN THE
DEVELOPMENT OF MODERN SOCIETY AND THE REFLECTION
OF SOCIOLOGICAL THEORIES IN MODERN LIFE PRACTICE**

D.V. Mazaev, T.A. Kalugina

This article is devoted to the role of sociology in the rapidly developing and changing world. It is emphasized that, despite the difficulties in studying modern and dynamic socio-cultural reality, sociology plays an important role in the development of society. Discusses the fact that reflection is one of the classical theories of sociology - structural functionalism in

modern life practice of Russian society, namely in the program integration and adaptation of people with disabilities Accessible environment.

Key words: the role of sociology, structural functionalism, people with disabilities.

Мир также как и время, никогда не стоит на месте. Современному миру, по мнению английского социолога и философа Э. Гидденса, присущи высокая скорость перемен и крайний динамизм. При этом из-за немыслимо возросшей скорости изменений процессов и явлений в мире, социальная реальность не просто быстро меняется, а становится как бы «ускользающей» от глаз исследователя. Приобретает принципиально новую для изучения социокультурную динамику.

По мнению российского социолога С.А. Кравченко сегодня ни одна из социологических парадигм не позволяет в полной мере вести продуктивный диалог с социальной реальностью. Но, несмотря на это мнение, которое можно счесть ошибочным или истинным, следует отметить, что общества Европы и США, в которых социология развивалась на протяжении двадцатого столетия успешнее, чем в России, совершили большой скачок в своем развитии, нежели наша страна. Ну а социологических школ, направлений, парадигм действительно много.

В настоящее время только в США социологию преподают более чем в двух с половиной сотнях университетах и колледжах, а в Европе это количество еще больше. С того времени как в 1892 г. в университете Чикаго был открыт первый в мире Социологический факультет, четыре полных поколения американцев и европейцев, а это десятки миллионов человек, прошли школу социологического мышления. Уже в 60-е годы социологов в США было больше, чем во всех других странах вместе взятых. И немногим меньше было в Европе. Кроме того, социологию читают в 600 школах бизнеса, а это значит, что весь административный корпус США имеет социологическую подготовку. На поддержку всего этого тратятся миллиарды долларов и евро.

Конечно, возникает вопрос – зачем это нужно и окупаются ли расходы? Все знают, что социология – это наука об обществе и взаимоотношениях людей. А ее практическая направленность – создание стабильного, процветающего и постоянно развивающегося общества. И США данным направлением преуспели, как ни одна другая страна мира. Это единственное государство, в котором на протяжении XX века не было серьезных социальных потрясений и масштабных революций. И дело не только в экономическом развитии. В США одна из самых прогрессивных систем социальной поддержки населения, состоящая из десятков программ помощи семье, малообеспеченным слоям населения, безработным, пенсионерам и другим категориям «социальных аутсайдеров» [1, с. 243].

Дорогой, которую проложили США, сегодня, движутся и другие развитые страны, постепенно достигая неизменного успеха. Например, в

Японии до 70% времени тратится на обучение студентов гуманитарным дисциплинам, в числе которых и социология. Тысячи китайских студентов получили прекрасное социологическое образование в университетах США и Западной Европы. И сегодня они, став чиновниками, предпринимателями, менеджерами определяют будущее своих стран.

В России же только в начале 90-х гг. XX века начали открываться социологические факультеты. Цена за то, что Россия упорно двигалась своим путем, была высока. К началу 90-х гг. Россия превратилась в крайне нестабильное общество, в результате чего произошел распад СССР, за которым последовали экономический кризис и шоковая терапия, безработица, высокая преступность, деградация подрастающего поколения, межнациональные конфликты, которые вылились в две Чеченские войны, нагорно-карабахский конфликт, войны в Абхазии и Южной Осетии. Все это, в конечном счете, в какой-то степени имеет отношение и к современному конфликту на Украине. Невозможно отрицать тот факт, что все происходящее сегодня произошло не за год или два. Фундамент ко всему происходящему закладывался десятки лет. Непонимание законов и механизмов развития общества, культурного своеобразия России привело к произошедшим событиям и к тому, что просто началось естественное вымирание социума, когда смертность стала превышать рождаемость.

К счастью сегодня социологическая школа в России встала на ноги и развивается. Во всех вузах страны ведется преподавание социологии и предметов, связанных с ней. На уровне РАН действует Институт социологии. Ежегодно Институтом публикуются более 100 сборников и монографий и свыше 800 научных статей. Научную работу в Институте ведет уникальный коллектив ученых: академик РАН, член-корреспондент РАН, более 60 докторов и свыше 100 кандидатов наук. Постоянно ведутся научно-исследовательские работы по направлениям, затрагивающим теорию и методологию социологии, динамику трансформаций российского общества и его ценностей, российской семьи, вопросы социальной, политической, культурной модернизации российского общества. Ведется сотрудничество с образовательными учреждениями Европы и Азии по более чем 10 международным проектам.

Следует отметить, что в Саратове на базе СГУ имени Н.Г. Чернышевского действует саратовский филиал Института Социологии РАН, работает Региональный центр социологических исследований. Целями и задачами РЦСИ являются: профессиональная подготовка социологов в области прикладной социологии, помощь в разработке и проведении социологических исследований, профессиональная исследовательская работа по изучению общественного мнения населения региона, разработка и проведение научных конференций по актуальным проблемам общественной жизни.

Одной из современных теорий в социологии является теория структурного функционализма. Основы структурно-функционального подхода к изучению общества заложили американские социологи Толкотт Парсонс (1902-1979) и Роберт Мертон (1910-2003). Они предложили рассматривать общество как целостную систему, элементы которой (индивиды, группы и др.) находятся в функциональных связях и отношениях друг с другом. Характер этих связей позволял построить относительно полную картину общества.

Толкотт Парсонс в своих исследованиях опирался на классические концепции Огюста Конта, который провозгласил главной задачей социологии поиск объективных, не зависящих от конкретного человека законов общественного развития. Также свою роль сыграло и мировоззрение Герберта Спенсера, который также рассматривал общество на уровне институтов и функций. Социология, по Спенсеру, – «наука об изучении структурных и функциональных изменений, которые проходят в обществе». Г. Спенсер в частности предложил оригинальную теорию эволюции, которая предполагает прогрессивные перемены в обществе, развивающиеся по трем направлениям: от разъединенности к интеграции, от однородности к дифференциации и от неопределенности к определенности, упорядоченности. Эволюция приводит к одновременным изменениям в структуре и функциях. Помимо О. Конта и Г. Спенсера влияние на учение Т. Парсонса оказали идеи еще одного выдающегося социолога – Эмиля Дюркгейма. Согласно учению Э. Дюркгейма, хоть социум и рождается как результат взаимодействия отдельных индивидов, тем не менее он обретает самостоятельную реальность, которая автономна по отношению к другим видам реальности, развивается по своим собственным законам, и имеет по своей структуре и функциям первичное место по отношению к индивиду и его индивидуальной реальности. Еще ряд идей в отношении культуры были позаимствованы у Бронислава Малиновского, польского антрополога и социолога. Как говорил Б. Малиновский: «Пережитков» (введенных Э. Тайлором) нет, все обычаи имеют важное значение и в настоящем». Культура у Малиновского была нечто целыми органичным в обществе, имеющим свою четкую функцию.

Главной идеей структурного функционализма является идея «социального порядка», то есть естественного стремления любой общественной системы поддержать собственное равновесие, добиться согласованности между своими структурными элементами. Ученик Т. Парсонса – Роберт Мертон – сделал огромный вклад в развитие данного учения и его адаптации и применения на практике.

Т. Парсонс сформулировал универсальные принципы функционирования социальных систем, которые должна выполнять социальная система для сохранения «социального порядка» и поддержания равновесия: адаптация (приспособление к окружающей среде),

целедостижение (формулировка целей и мобилизация ресурсов для их реализации), интеграция (координация действий структурных элементов системы и поддержание внутреннего порядка), латентность (воспроизводство культурно-ценностных образцов, норм и стандартов).

Роберт Мертон выделил три основных постулата «функциональной теории»: функциональное единство (согласованность всех частей общества), функциональная универсальность (все социальные явления и процессы функциональны), функциональная необходимость (в социуме существуют только необходимые социальные факты).

Из этих постулатов следует, что все происходящее в обществе функционально, способствует его выживанию и адаптации к окружающей среде. А то, что не дает функционального результата является дисфункцией и потому оказывается бесполезным и со временем умирает.

Отражение данных классических идей можно увидеть в современном развитии российского общества в плоскости отношения общества к людям с ограниченными возможностями. Согласно учению Парсонса-Мертон все структурные элементы общества выполняют определенные функции для развития и поддержания социальной системы. Как уже упоминалось выше, если элемент не несет функциональной нагрузки, то он является дисфункцией, которая дестабилизирует и разрушает систему. Является лишним грузом и балластом на пути развития общества. Естественно, что вычеркнуть целый слой, группу населения не возможно. И, исходя из гуманистических идей естественно, необходимо найти данной группе – людям с ограниченными возможностями- определенную роль, функцию в целостной системе. Помимо отведения определенной функции в социальной системе, прежде всего, встает вопрос об интеграции и адаптации данной структурной единицы в целостное полотно социальной системы. Как раз с целью интеграции людей с ограниченными возможностями в повседневную жизнь общества в настоящее время реализуется государственная программа «Доступная среда», рассчитанная на период 2011-2015 гг.

Главная цель данной программы – формирование к 2016 году условий беспрепятственного доступа к приоритетным объектам и услугам в приоритетных сферах жизнедеятельности инвалидов и других маломобильных групп населения. Под доступной средой в данной программе понимается физическое окружение, объекты транспорта, информации и связи, дооборудованные с целью устранения препятствий и барьеров, возникающих у людей с ограниченными возможностями. Основой для данной программы стала Конвенция ООН о правах инвалидов от 13 декабря 2006 года, которую Россия ратифицировала в 2012 году. Подписание данной Конвенции утвердило принципы, на которых должна строиться политика государства в отношении инвалидов [2, с. 1].

Согласно Конвенции Россия обязана принимать надлежащие меры для обеспечения инвалидам наравне с другими гражданами доступа к физическому окружению (здания и сооружения, окружающие человека в повседневной жизни), транспорту, информации и связи, а также другим объектам и услугам, открытым или предоставляемым населению. Эти меры, которые включают выявление и устранение препятствий и барьеров, мешающих доступности, распространяются на здания, дороги, транспорт и другие объекты, включая школы, жилые дома, медицинские учреждения, и рабочие места, на информационные, коммуникационные и другие службы, включая электронные и экстренные службы. Главная цель – полная интеграция людей с ограниченными возможностями в жизнь общества. Создание доступной среды для людей с ограниченными возможностями позволит им реализовывать свои права и основные свободы, что будет способствовать их полноценному участию в жизни общества и страны, а соответственно они станут полностью функциональным звеном в системе общества. Помимо равного доступа к окружающему миру программа предполагает равный доступ детям-инвалидам к системе образования. Планируется увеличить к 2016 г. количество доступных для детей-инвалидов образовательных учреждений с 1,2 тыс. до 9 тыс. в рамках страны, что составит 20% от общего числа образовательных учреждений. Также планируется увеличить количество доступных объектов социальной, транспортной и инженерной инфраструктуры с 12% до 45% и соответственно до 100% к 2020 г. [3, с. 15].

Была принята и соответствующая областная программа в Саратовском регионе. И работа в данном направлении ведется. Следует отметить, что по состоянию на март 2015 года из 7288 объектов социальной, транспортной и инженерной инфраструктуры только 838 доступно абсолютно всем категориям людей с ограниченными возможностями, еще 1906 доступно частично. Количество низкопольного городского транспорта и машин социального такси на данный момент также закуплено мало и его не хватает. Но, тем не менее, и это уже прогресс.

В качестве направлений по дальнейшему развитию данной сферы жизни общества представляется возможным постепенное закрепление на законодательном уровне правил и стандартов, согласно которым просто будет запрещено строительство сооружений с барьерами для людей с ограниченными возможностями, запрещено закупать городской транспорт, не предназначенный для перевозки людей-колясочников. Также видится логичным полномасштабное развитие инклюзивного образования и введение специальных занятий в учебных заведениях, направленных на воспитание толерантности и уважения людей друг к другу независимо от того какие мы, воспитания осознания, что все мы части одного мира. И одной из задач современной социологии в изменяющемся мире видится задача отсеивания таких дисфункций, как узкие коридоры в подъездах,

барьеры в магазинах, высокие бордюры подъездов, неудобный городской транспорт и прочее. Необходимо научное и идеологическое обоснование данных перемен, и социология может сыграть в этом процессе не последнюю роль.

Библиографический список

1. Кравченко А.И. Основы социологии: Учебное пособие для студентов средних специальных учебных заведений. Екатеринбург: Деловая книга, М.: Логос. 1998. 384 с.
2. Паспорт государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» на 2011-2015 годы. URL: <http://www.zakonprost.ru/content/base/part/956043> (дата обращения: 23.03.2015).
3. Постановление Правительства РФ от 17 марта 2011 г. N175 «О государственной программе Российской Федерации "Доступная среда" на 2011-2015 годы» (с изменениями и дополнениями). URL: <http://base.garant.ru/70270504/> (дата обращения: 23.03.2015).

ВИРТУАЛЬНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК НОВЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

А.А. Калинин, Б.Р. Могилевич

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: mogilevich@sgu.ru

Виртуальное социальное пространство способствует интеракции и приращению знаний. Социальные связи пользователей Интернета обеспечивают развитие их идентичности, а многоязычие представляет собой основной механизм социализации индивидов.

Ключевые слова: виртуальное социальное пространство, конструирование идентичностей, многоязычие.

VIRTUAL SOCIAL SPACE AS A NEW SOCIAL PHENOMENON

A.A. Kalinkin. B.R. Mogilevich

Virtual social space provides interaction and growth of knowledge. Social connections, that unite Internet users, develop their identities, and multilingualism serves as the primary mechanism of socialization.

Key words: virtual social space, construction of identities, multilingualism.

Виртуальное социальное пространство представляет собой коммуникативную структуру обмена социокультурными смыслами между виртуальными сообществами и индивидами. Оно характеризуется разного типа коммуникативными процессами, связанными с взаимодействием и

социализаций. Постоянно возникающие форумы и блоги изменили представления людей о социальной интеракции и накоплении знаний. Более того, они стали основными механизмами управления как социальными отношениями так и образованием. Виртуальное социальное пространство изменило и расширило роль Интернета – не только как источника информации и её обработки, но и как посредника в установлении социального взаимодействия в глобальном контексте [1].

К 2020 г. по прогнозам Национального Научного Фонда (США) количество пользователей Интернета увеличится до 5 млрд. Интернет станет более распространён на планете. Наиболее значительный приток пользователей в ближайшие 10 лет будет осуществляться за счет населения развивающихся стран Африки (сейчас используют интернет не более 7%), Азии (около 19%) и Ближнего Востока (около 28%). Для сравнения, в данный момент свыше 72% населения Северной Америки пользуются Интернетом. Это значит, что Интернет к 2020 году не только распространится до самых дальних уголков по всему миру, но и будет поддерживать гораздо больше языков, а не только стандартную кодировку ASCII.

В России Интернетом пользовались, по статистике Минкомсвязи РФ, на начало 2012 года 70 млн. чел. По этому показателю Россия занимает первое место в Европе и шестое место в мире. По результатам исследования агентства РБК. Research, степень распространения Интернета в России в 2018 году будет больше 80% [2].

В основе феномена виртуального социального пространства можно выделить следующие функции:

- обеспечение благоприятной атмосферы для пользователей;
- соответствие общим и индивидуальным целям;
- установление доверия;
- представление информационного контекста в синхронии и диахронии;
- создание возможностей развития идентичностей пользователей как формирование их репутаций.

Установившиеся социальные связи, несмотря на их виртуальный характер, поддерживаются в течение длительного времени и могут приводить к конкретным совместным социальным действиям (благотворительность, акции протеста или поддержки). Вместе с тем, возникает множество проблем, связанных с разглашением личной и секретной информации и клеветой.

Виртуальное социальное пространство (электронная почта, электронные энциклопедии, ресурсы, системы поддержки социальных сетей) характеризуется совокупностью множества амбивалентных характеристик:

- лёгкость передачи информации;

- увеличение количества людей, взаимодействующих друг с другом;
- возрастание объёма информации, получаемой пользователями;
- возрастание кибер-терроризма;
- использование виртуального социального пространства как механизма политического контроля;
- сложности сохранения личного пространства.

По мнению Х. Вэриана, главного экономиста Google, «наибольшее влияние на мир окажет всеобщий доступ к человеческим знаниям. Самый умный человек в мире может сейчас пашет поля Китая или Индии. Но вовлечение этого человека и миллионов других будет иметь огромное значение в развитии человечества» [3]. Недорогие мобильные устройства будут доступны везде, как и учебно-методические пособия из Khan Academy (некоммерческая образовательная организация, в архиве которой хранится свыше 4000 бесплатных микролекций по математике, истории, медицине, физике, финансам, химии, биологии и многим другим предметам). Всё это окажет огромное влияние на образованность индивидов, на их осознанность о том что происходит в мире [4].

Существуют целые справочники и Интернет-энциклопедии. Одним из самых популярных является Википедия, свободная энциклопедия. Здесь можно найти статьи по интересующим темам на многих языках мира, даже таких, которые сейчас почти не используются – латынь и старо-английский. Есть Википедия написанная на том что называют Simple English – упрощённый вариант английского языка, предназначенный помочь людям, которые хотят изучить английский, но испытывают определённые трудности в понимании.

Многие критикуют Википедию за открытую природу проекта, приводящую к ненадёжности и неавторитетности информации, незащищённости от явного или «скрытого» вандализма, попыткам некоторых участников использовать Интернет для продвижения крайне субъективной точки зрения, проблемам с обоснованием спорных утверждений, помещаемых в статьях, отсутствие ссылок на источники или предоставление недостоверных или неверных ссылок [5]. Тем не менее, согласно исследованиям, проведённым в 2005 году, англоязычный раздел Википедии сравнялся по достоверности и по соотношению «ошибок» с Британской Энциклопедией. Исследователи IBM, изучавшие Википедию ранее, в 2003 году, заметили, что «случаи вандализма обычно исправляются так оперативно, что обычный пользователь даже не заметит их» [6].

Скорость современного мобильного Интернета позволяет не только просматривать текстовый контент, но и мультимедийные ресурсы, такие как YouTube – громадный ресурс в котором содержатся видео-ролики на любые темы и их количество растёт с поразительной скоростью. Каждую минуту на YouTube загружается 100 часов видео, и он уже превосходит

телевидение по объёму вещания. Здесь можно найти всё, и сайт оказывает большое влияние на общество, как в культурном, так и в политическом плане – например, с его помощью Барак Обама набрал больше голосов в президентских выборах 2012-го года. Более того, многие считают, что, если бы не его Интернет-кампания, то он проиграл бы выборы [7].

К тому же, не стоит забывать и о других сервисах которые представляет Интернет, таких как социальные сети. Социальные сети стали частью нашей жизни – мы обмениваемся с друзьями последними новостями через статусы, выкладываем новые фотографии или просто общаемся.

Самые известные социальные сети в России – это «ВКонтакте», «Одноклассники» и «Facebook», причем для каждой из сетей характерны свои группы пользователей. Если сеть «ВКонтакте» популярна больше среди подростков и студентов, но в последнее время активно развивается и среди других возрастных групп, то сеть «Одноклассники», когда-то бывшая лидером у взрослой аудитории, заметно уступает свои позиции. Социальная сеть «Facebook» используется для того, чтобы общаться с друзьями из стран вне СНГ. Сложно представить себе социальные сети и без такого функционала как новости, группы по интересам, возможность добавления фото, видео и аудио материалов, оповещения о днях рождения друзей, бесчисленные приложения и многого другого [8].

Виртуальное социальное пространство развивается, как количественно, так и качественно. В этом контексте можно выделить следующие характеристики:

1. Глобальное, незаметное погружение в сеть через гаджеты, камеры, интеллектуальные датчики, приложения и базы данных, которые будут связывать пользователей с техникой, улучшая пользовательские интерфейсы, делая их более интуитивными.

2. Дополненная реальность – портативные технологии, такие как различные нейрошлемы, шлемы виртуальной реальности и очки дополненной реальности, а так же технологии, которые встроены в человека, как в научно фантастических фильмах.

3. Привычные бизнес-модели, появившиеся в XX веке, подвергнутся серьёзным изменениям: в первую очередь речь идёт о финансах (биткойны), сфере развлечений, СМИ и образовании.

4. Изменения в языках программирования, базах данных, анализаторах, связанных с обработкой информации как отдельно взятых людей, так и общества [8].

Нужно говорить и о новом статусе человека в мире интернет-технологий. Доступ в сеть станет гражданским правом каждого человека, будет свято охраняться и контролироваться законом наряду с прочими гражданскими свободами. Это недалекое будущее. Таким образом, понятие демократии в обществе меняется [9].

Но всё это будет возможно только при многоязычном Интернете. Не у всех есть возможность выучить доминирующие языки Интернета, и для многих людей языковой барьер является главным препятствием к знаниям и возможностям которые обеспечивает Интернет. Безусловно, язык не должен препятствовать доступу пользователей к знаниям, иначе развитие информационно-коммуникационных технологий может привести к еще большему углублению «цифрового» разрыва между теми, кто имеет доступ к информации, и теми, кто его не имеет.

Один из авторов и инициаторов рекомендации ЮНЕСКО о развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству Виктор Монтвиллов заметил, что сейчас «к сожалению, языки часто используют как инструмент доминирования или разделения между народами. Их будущее часто зависит от способности сопротивляться натиску более агрессивных языков, или языков, используемых в экономически доминирующих державах. Сегодня одна из главных задач - добиться с помощью новых видов технологий, чтобы языки не использовались для еще большей маргинализации громадной части населения планеты, находящейся в неблагоприятных условиях. Например, люди, не говорящие на языках, используемых в Интернете (а в Интернете используется лишь около 400 языков из 6700 существующих), не могут адекватно участвовать в информационном обмене и живут как бы в тени «господствующих» наций, которые, «навязывая» свой язык, конструируют свою социальную реальность» (Монтвиллов).

Кроме этого, стоит заметить, что развитие языкового многообразия в Интернете имеет не только важное культурное, но и политическое значение. Распространение многоязычной информации об истории, языках и культурах различных народов способствует укреплению толерантности и взаимопонимания и является одним из важнейших факторов обеспечения стабильного и мирного развития современной цивилизации [10].

Неоспорим тот факт, что языки – это основной механизм социализации в глобальной социальной реальности в виде обеспечения качественного образования, распространения знаний, улучшения социальной интеграции и экономического развития. Именно поэтому, невозможно переоценить значимость и важность языковых проблем как для всего мира, так и для России, являющейся многонациональным и многоязычным государством (в нашей стране говорят на 180 языках, около 40 признаны официальными). Поэтому, будущее человечества и Интернета взаимосвязаны, а правильная языковая политика способствует прогрессу цивилизации, а неправильная ведёт к застою, регрессу и конфликтам.

Библиографический список

1. Набет Т., Рода К. Виртуальные социальные пространства: подходы, практики, перспективы. Социальные и гуманитарные науки Москва, РАН 2009-4. Серия 11. С. 134.

2. Тенденции развития компьютерных сетей и Интернета. URL: <http://arccn.ru/media/572> (дата обращения: 10.03.2015).
3. Hal Varian URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Hal_Varian (дата обращения: 10.03.2015).
4. Как интересно объяснить школьную математику. URL: <http://snob.ru/selected/entry/28007> (дата обращения: 10.03.2015).
5. Wikipedia: Criticisms. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Wikipedia:Criticisms> (дата обращения: 12.03.2015).
6. Reliability of Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Reliability_of_Wikipedia (дата обращения: 12.03.2015).
7. Obama for America Persuades Voters on YouTube. URL: <https://www.thinkwithgoogle.com/case-studies/obama-case-study.html> (дата обращения: 12.03.2015).
8. Плюсы и минусы социальных сетей. URL: <http://www.mir4you.ru/node/36209> (дата обращения: 12.03.2015).
9. 15 предсказаний об интернете в 2025 году. URL: <http://9net.ru/104-future-internet.html> (дата обращения: 17.03.2015).
10. Зачем развивать многоязычие в киберпространстве. URL: <http://www.ifapcom.ru/projects/multiling1/575> (дата обращения: 17.03.2015).

УДК 316. 344. 24

ОСОБЕННОСТИ ТРУДОВОЙ МОБИЛЬНОСТИ ВЫПУСКНИКОВ РОССИИ И КАЗАХСТАНА

А.Б. Монтаев

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: elim_menim@mail.ru

В статье рассматриваются особенности территориально-трудовой мобильности выпускников вузов России и Казахстана в контексте сравнительного анализа. Определяются факторы, обуславливающие направленность процесса трудовой мобильности выпускников, выявляются мотивы, детерминирующие готовность выпускников России и Казахстана работать на селе.

Ключевые слова: трудоустройство, мобильность, выпускник, миграция.

PECULIARITIES OF LABOR MOBILITY GRADUATES OF RUSSIA AND KAZAKHSTAN

A.B. Montaev

The paper discusses the features of territorial labor mobility of graduates of Russia and Kazakhstan in the context of comparative analysis. Determined by factors that contribute to the process of labor mobility orientation graduates identified motifs that determine the readiness of graduates of Russia and Kazakhstan to work in village.

Key words: employment, mobility, graduate, migration.

Молодежь является одной из наиболее динамичных социальных групп современного общества. Современные молодые люди через 5-15 лет объективно становятся основными носителями и проводниками любых инициатив, людьми, принимающими решения во всех сферах общественной жизни. При этом молодежь, в силу отсутствия сложившихся социальных стереотипов, является и той социальной группой, на характеристики которой можно влиять, корректировать модели ее поведения, задавать желаемый тип общественного поведения. Так, по Э. Дюркгейму общество доминирует над индивидом и создает его [1, 2]. Недостаточное внимание к молодежи в настоящее время ставит под вопрос осуществление плана преобразований страны и ее благосостояние в среднесрочной перспективе. Современная инновационная экономика требует и нового подхода к решению проблемы кадрового обеспечения, подразумевающего комплексное развитие человеческого капитала. Государственным приоритетом должно стать развитие человека и формирование условий для его самореализации. Основным адресатом такого подхода оказывается молодежь, чей потенциал (ресурс) развития способен совершить экономические преобразования, обеспечить бурный экономический рост, качественно изменить уровень жизни в стране.

Известный отечественный социолог Т.И. Заславская, рассматривая трансформационные процессы, происходящие в российском обществе, утверждает, что стратегии способны демонстрировать только наиболее социально продвинутые и обеспеченные необходимыми ресурсами слои общества. Она считает, что реформирование общества интенсифицирует изменение социальных практик [3, с. 508]. В условиях, когда большинство населения оказывается перед проблемой выживания, традиционные способы поведения часто становятся неэффективными. Это побуждает социальных акторов искать новые формы поведения. Наиболее эффективные из них закрепляются в практике, менее же удачные не приживаются и исчезают. В полной мере это относится и к социально-экономическим мотивам и потребностям молодого поколения, которое только заканчивает высшие учебные заведения России и Казахстана.

С декабря 2013 года и до марта 2014 года было проведено социологическое исследование методом анкетирования, нацеленное на изучение стратегий вузовских выпускников Казахстана и России в сфере занятости (целевая выборочная совокупность составила 500 человек – выпускников всех факультетов Западно-Казахстанского аграрно-технического университета имени Жангир хана, Западно-Казахстанского гуманитарного университета имени М. Утемисова и Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского). Опрос, проведенный в вузах России и Казахстана, позволил выяснить

миграционные стратегии вузовских выпускников России и Казахстана. Миграционные намерения городских выпускников, переселяющихся в сельскую местность, во многом связаны с определенными факторами и составляющими: возможностями сельских доплат, предоставлением жилья, карьерным ростом и т.д. Анализ в рамках сравнительного подхода показал, что значительная доля российских выпускников хотели бы переехать в другой город – 48,6%, тогда как солидарных с ними казахстанских выпускников составляет – 44,7%. Российские выпускники демонстрируют чуть более высокий уровень территориально-трудовой мобильности.

В ходе опроса особое внимание уделялось готовности выпускников работать на сельской местности. 47,2% выпускников Казахстана готовы сразу после окончания ВУЗа поехать и работать в сельской местности. Показатель готовности российских выпускников работать на селе местности несколько иной: 24,4% выпускников готовы работать в сельской местности, тогда как 75,7% выпускников выбрали вариант «нет». Таким образом, казахстанские выпускники больше ориентированы работать в сельской местности, чем российские.

При выявлении знания выпускников о программах поддержки молодых специалистов, работающих на селе, было обнаружено, что казахстанские выпускники больше, чем российские знают о молодежных программах: соответственно 88,1% и 52,1%. Это говорит о том, что казахстанские выпускники больше информированы государственными службами по трудоустройству, чем российские.

При выявлении аргументов работы на селе молодого специалиста было обнаружено, что для российских выпускников преобладающими причинами является предоставление жилья (26,6%), доплаты к заработной плате (23,6%), выплата подъемных (19,2%). У казахстанских выпускников рейтинг причин несколько иной: для них тоже очень важно предоставления жилья (29,9%), возможность карьерного роста (22,4%). На третьем месте стоит возможность работать по специальности (15,4%). Тот факт, что возможность предоставления жилья оказалась значимым как для российских, так и для казахстанских выпускников, свидетельствует о том, что выпускники адекватно понимают важность наличия собственного жилья как стратегического ресурса. Кроме того, это свидетельствует о том, что профориентированность казахстанских выпускников в 2 раза выше, чем у российских. Таким образом, для российских выпускников работа на селе интересна высоким доходом, а для казахстанских- важнее карьерный рост и возможность работать по специальности.

Рейтинг необходимых составляющих инфраструктуры в сельской местности для молодых специалистов также имеет специфические особенности. Лидирующие позиции для российских выпускников имеет сам факт наличия ряда учреждений, прежде всего, здравоохранения

(22,8%). Это свидетельствует о том, что выпускники адекватно понимают важность здоровья как стратегического ресурса. Вторую лидирующую позицию занимает в рейтинге среди российских выпускников возможность подключения в сети Интернет (20,3%). Возможно, это связано с сохранением и поддержанием имеющихся социальных связей и для расширения круга друзей, для информированности. Одним из важных условий в сельской местности для молодого специалиста является посещение магазина (61,3%). Возможно, это связано с необходимостью воспроизводства жизненных условий своей деятельности. Детский сад (школа) в рейтинге занимает четвертое место 14,3%. Это свидетельствует о том, что выпускники адекватно понимают степень важности развития своих детей. На пятом месте (7,7%) находятся комфортность сельской жизни (газоснабжение, водоснабжение, электричество). Почта (6,3%), библиотека (5%), кинотеатр (3%), клуб (1,3%) – не столь значимы для российских выпускников вузов.

У казахстанских выпускников вузов рейтинг минимальных социальных нужд несколько иной: для них главенствующей необходимостью (27,8%) является возможность подключения в сети Интернет. Наличие больницы и детского сада (школа) в рейтинге занимает второе и третье место соответственно 16,5% и 12,5%. Посещение магазина (11,6%) тоже важно казахстанским выпускникам. Особую важность в условиях сельской местности имеет (9,3%) комфортность сельской жизни (наличие газоснабжения, электричества, водопровода). Для казахстанских выпускников посещение кинотеатра (6,7%) и клуба (5,8%) больше значимы, чем библиотеки (5,2%). Другим аспектом, определяющим важность посещений клуба и кинотеатра, является потребность в интеграции в местное сообщество, расширение круга друзей для активизации своих сетевых взаимодействий. В сельской местности Казахстана менее значимыми оказываются наличие больницы (на треть), распространенность обращения к народным целителям или народной медицине.

При выявлении желания выпускников работать по специальности, выяснилось, что 65,4% выпускников вузов Казахстана желают работать по специальности, тогда как солидарных с ними российских выпускников – 60,4%. Согласно проведенному исследованию не определившиеся с выбором работы по специальности среди российских выпускников составили 13,2% респондентов, соответственно казахстанские выпускники – 5,7%. Таким образом, это еще раз доказывает более высокий уровень профориентированности казахстанских выпускников.

Среди причин, обуславливающих нежелание выпускников работать по специальности, на первом месте для российских выпускников стоит низкая оплата работы по специальности (39,5%). На втором месте – отсутствие интереса к своей специальности (18,4%). На третьем месте –

низкая востребованность специалистов данного профиля (15,8%). Далее идут проблемы с трудоустройством (10,5%), дефицитом практических знаний, опытом работы по специальности (7,9%), низким статусом профессии (7,9%). У казахстанских выпускников составляющие, детерминирующие их отказ от работы по специальности несколько иные: не хватает практических знаний, нет опыта работы (30,4%), трудности трудоустройства (23,9%), работа по специальности является низкооплачиваемой (19,6%), отсутствие интереса к своей специальности (19,6%). Тот факт, что для российских выпускников материальный доход более важен, чем для казахстанских, позволяет говорить о том, что российские выпускники более адаптированы к рыночным отношениям.

В ходе проведенного опроса внимание акцентировалось также на желаемую зарплату молодого специалиста недавно закончившего вуз. 34,0% российских выпускников сразу после окончания ВУЗа ориентированы на определенный размер заработной платы (21-30 тысяч рублей), тогда как казахстанских выпускников, ориентированных на подобный уровень заработной платы, насчитывалось только 6,7%. При этом значительная доля казахстанских выпускников (36,2%) указывают желаемый размер заработной платы – 11-15 тысяч рублей. Таким образом, российские выпускники ориентированы на более высокий уровень заработной платы, чем казахстанские.

В целом, проведенный сравнительный анализ особенностей территориально – трудовой мобильности вузовских выпускников России и Казахстана показал, что российские выпускники демонстрируют чуть более высокий уровень территориально-трудовой мобильности. Работа в условиях сельской местности интересна высоким доходом, они более адаптированы к рыночным отношениям. Казахстанские выпускники больше ориентированы работать в условиях сельской местности, больше информированы государственными службами по трудоустройству. Профориентированность казахстанских выпускников в 2 раза выше. Работа в условиях сельской местности интересна карьерным ростом и возможностью работать по специальности. Для казахстанских выпускников больше, чем для российских, актуализирована проблема изменения своего семейного статуса и расширение круга друзей для активизаций своих сетевых взаимодействий.

Анализ результатов исследования позволяет утверждать, что направленность территориально-трудовой мобильности большинства вузовских выпускников России имеет вектор, более ориентированный на переезд в большие города, в то время, как большинство казахстанских выпускников привлекает работа в условиях сельской местности.

Библиографический список

1. См.: Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. СПб., 1994.

2. См.: Дюркгейм Э. Ценностные и реальные суждения // Социологические исследования. 1991. С. 76-77.
3. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2003. С. 508-509.

УДК 342

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ УСТРОЙСТВА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Я.А. Никифоров

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: nikiforovy@mail.ru

Статья посвящена анализу модель самоуправления, выработанной во второй половине XIX в. русскими учеными-обществоведами. Подчеркивается, что она была результатом деятельности многих ученых, ни у одного в отдельности нет ее полного и стройного выражения, эта концепция явилась выражением общей тенденции общественной мысли того времени.

Ключевые слова: местное самоуправление, русская общественная мысль, местность, государство, управление.

THEORETICAL MODEL OF THE LOCAL GOVERNMENT STRUCTURE IN RUSSIAN SOCIAL THOUGHT OF XIX CENTURY

A.Y. Nikiforov

Article is devoted to the analysis of self-government model, developed in the second half of the XIX century by the Russian social scientists. It is emphasized that it was result of activity of many scientists, one separately has no its full expression, this concept was expression of the general tendency of social thought of that time.

Key words: local government, Russian social thought, district, state, management.

Смысл самоуправления, исходя из воззрений на него отечественных обществоведов, проявляется только в сочетании с понятием местности. В местности легко различить целый ряд общественных объединений, сложившихся прежде всего под влиянием общности местожительства, рода занятий, отношений к собственности, других различных общих прав и интересов. Такие проблемы как организация общих путей сообщения, антиэпидемиологические меры требуют совместных усилий различных единиц самоуправления. Также, усилий и материальных средств одной отдельной единицы местности может не хватать на организацию крупных

учреждений образования, здравоохранения, охраны порядка. В силу указанных причин, мелкие единицы самоуправления объединяются в единицы высшего порядка. Каждая местность, подчеркивает Градовский, складывается из единиц различных порядков [1, с. 11]. Следовательно, заключает он, если система самоуправления предполагает деятельность представителей различных местных сообществ, нельзя говорить о самоуправлении городском и сельском, других видах различных самоуправлений; они дополняют друг друга и не мыслимы один без другого. Отсюда необходима универсализация всей системы самоуправления.

Свешников подчеркивает важность, которую имеет соединение более или менее однородных единиц в одно целое. Он говорит, что государственный организм требует внутри себя таких союзов, которые бы могли брать на себя не только исполнение ряда задач управления на местах, но и брать на себя функции надзора за местным управлением [2, с. 283]. Действительно, если государство само заинтересовано в создании и укреплении наиболее прочных территориальных союзов, то в этом отношении ему должно быть предоставлено право и вменено в обязанность заботиться о поддержке таких территориальных объединений самоуправляющихся единиц, которые, с точки зрения государственной власти, являются наиболее способствующими как политическому, так и общественному развитию страны. Провинции должны быть таким соединением, где как можно более существует различных связей, национальных, религиозных и т.д., но главным образом экономических и социальных, являющимися предпосылками для того, чтобы государство могло с уверенностью объединить данную часть населения в территориальный союз. Государство только тогда может рассчитывать на правильную и четкую деятельность органов самоуправления, если существует надежная система связей населения данного территориального округа. Эта прочная связь возможна лишь тогда, когда население не столько в административных вопросах осознает свою солидарность, но когда у него есть общие материальные, духовные и другие интересы. Самоуправление как форма участия населения в управлении государством требует правильной постановки вопроса о местности. Он должен быть разрешен в двух отношениях: во-первых, государство не должно рассматривать местность как орудие достижения своих целей, а, наоборот, должно считать себя существующим для интересов местности, а, во-вторых, эта местность должна быть организована на основании учета реальных материальных и культурных запросов и ресурсов данной местности. Первое придает местному самоуправлению связь с общенациональными, государственными интересами, второе должно сделать из местности нечто цельное и жизнеспособное.

Васильчиков, анализируя практическую организацию самоуправления в современных ему западных государствах, пишет, что местное самоуправление в них делится на две инстанции. Первые, общественные союзы составляют первое звено самоуправления; они пользуются у всех народов некоторой внутренней, хозяйственной самостоятельностью, потому, собственно, что правительство, не имея возможности вникать в мелочные дела отдельных общественных союзов и индивидов, слагает на ответственность органов самоуправления ту часть хозяйственных забот и денежных расходов, которая обременяет администрацию. Территориальные округа составляют вторую инстанцию местного управления, в их организации и проявляется главное различие систем внутреннего управления, в государствах централизованных на этой второй ступени местные жители уже теряют все свои права, участие их в делах и совещаниях отвергается и власть и делопроизводство всецело переходят к агентам правительства, чиновникам. Там же, где начало самоуправления принято, территориальные округа служат продолжением общественной организации мелких союзов, средой их взаимного согласия. Эта связь между мелкими единицами самоуправления и округами выражается тем, что представители первичных органов самоуправления созываются в округа на общие собрания для разбора хозяйственных и других общих дел. Следовательно, заключает Васильчиков, главное значение самоуправления зависит от соотношения между этими двумя его частями, их естественной связи [3, с. 66].

Свешников говорит о необходимости установления таких соединений, которые бы разрешали удовлетворительно все те требования, которые предъявлены к местному самоуправлению. Они, по его мнению, должны удовлетворять следующим главным требованиям: во-первых, они должны быть такими объединениями людей, которые бы могли свободно и сознательно понимать свои интересы и, благодаря этому, сознательно относится к возложенным на него обязанностям по управлению местности, что и составляет сущность самоуправления. Второе требование заключается в том, чтобы они были чужды всяких социальных преобладаний одной группы населения над другими. В этом смысле ячейками местной жизни должны явиться самые мелкие единицы самоуправления. Далее они должны объединяться в более крупные, но необходимо, чтобы это соединение носило на себе характер одного общего социального интереса. Подобная однородная организация крайне необходима для целей административного управления. Образование таких всесословных территориальных округов, таким образом, представляется необходимым с двух сторон. Во-первых, они служат органами объединения, соотнесения различных интересов мелких самоуправляющихся единиц, во-вторых, выступает своеобразной

инстанцией взаимопроникновения общегосударственных интересов и нужд отдельных местностей.

Относительно системы территориальной организации органов местного самоуправления у Свешникова мы находим замечание, что этим критерием можно считать способность данной единицы к обозначенной деятельности. Развивая эту мысль, можно так определить принципы формирования мелких единиц самоуправления. Если на территории местности не существует исторически сложившихся или как-то обозначенных единиц местного самоуправления, то принципом формирования их должна являться способность какого-то складывающегося объединения людей к деятельности по самоуправлению, т.е. решению задач, которые это объединение само на себя возлагает. Следовательно, самое начало самоуправления надо искать в желании и способности людей самоуправляться. Самоуправление, таким образом, начинается не там, где оно официально введено, а там, где люди одного дома, двора, района, поселка понимают свои совместные интересы и желают вместе стремиться к их достижению. Впоследствии это стремление приобретает организованные формы и перерастает в ту сложную структуру самоуправления, о которой идет речь. Характерно, что и критерием определения территориальных границ единицы самоуправления, то есть ее размеров, может служить та же способность ее самоуправляться. Если население района города способно создать такой орган самоуправления, который удовлетворял бы их представлениям о функциях органа самоуправления – например, он может организовать уборку улиц, стоянки для автомобилей, уход за зелеными насаждениями – значит этот орган состоятелен. Критерием же проверки такой состоятельности является только практическая деятельность. Способность органа самоуправления должна также являться критерием оценки деятельности существующих единиц самоуправления. Интересна в этом плане мысль теоретика анархизма П.А. Кропоткина о том, что коммунизм появится только там, где каждую минуту, на каждой улице, в каждом квартале самоуправляющиеся общины пекутся об удовлетворении всевозможных потребностей человека [4, с. 20]. Следующий вопрос, обсуждению которого русские ученые уделили большое внимание, вопрос о внутреннем строении органов самоуправления, конкретно крупных самоуправляющихся единиц, территориальных округов. Определив самоуправление как самое широкое участие местного населения в делах местного административного управления, отечественные обществоведы задались вопросом о соотношении распорядительного и исполнительного начала в органах самоуправления. Лазаревский, определив органы самоуправления как органы участия народа в делах государственного управления, сделал такой вывод: органы государственного управления не мыслимы без исполнительных органов [5, с. 54]. Автор приходит к выводу,

что теоретически правильной может быть признана постановка только тех систем самоуправления, где, во-первых, органам его сообщается не только право составлять постановления, но и власть принудительно проводить их в исполнение, а, во-вторых, где сколько-нибудь крупные самоуправляющиеся единицы имеют собственные местные исполнительные органы. Что касается самого устройства этих местных органов крупных самоуправляющихся единиц, оно может иметь двоякую форму: во-первых, это могут быть органы, выбранные или назначенные самим органом самоуправления; во-вторых, это могут быть органы, выбранные какой-либо меньшей самоуправляющейся единицей. Лазаревский считает, что исполнительные органы, выбранные или назначенные самими крупными округами, страдали бы всеми уже оговоренными выше недостатками. Естественным исполнительным органом крупных самоуправляющихся единиц он называет более мелкие, начальные. В силу однородности их происхождения между ними не только не может существовать какого-либо антагонизма, но между ними естественно существует определенное единство взглядов, необходимое для продуктивной работы. Распорядительный орган должен быть облечен всеми правами по отношению к органу исполнения, заключает Свешников обсуждение этого вопроса, но исполнительный орган, подобно любому органу исполнительной власти должен иметь право предпринимать определенные действия по своему усмотрению с доведением информации о них до сведения распорядительного собрания [2, с. 217].

Модель самоуправления (рис. 1), выработанная во второй половине XIX в. русскими учеными-обществоведами была результатом деятельности многих ученых, ни у одного в отдельности нет ее полного и стройного выражения. Эта концепция явилась выражением общей тенденции общественной мысли того времени. Ее положения, как нам кажется, сохранили актуальность и по сей день.

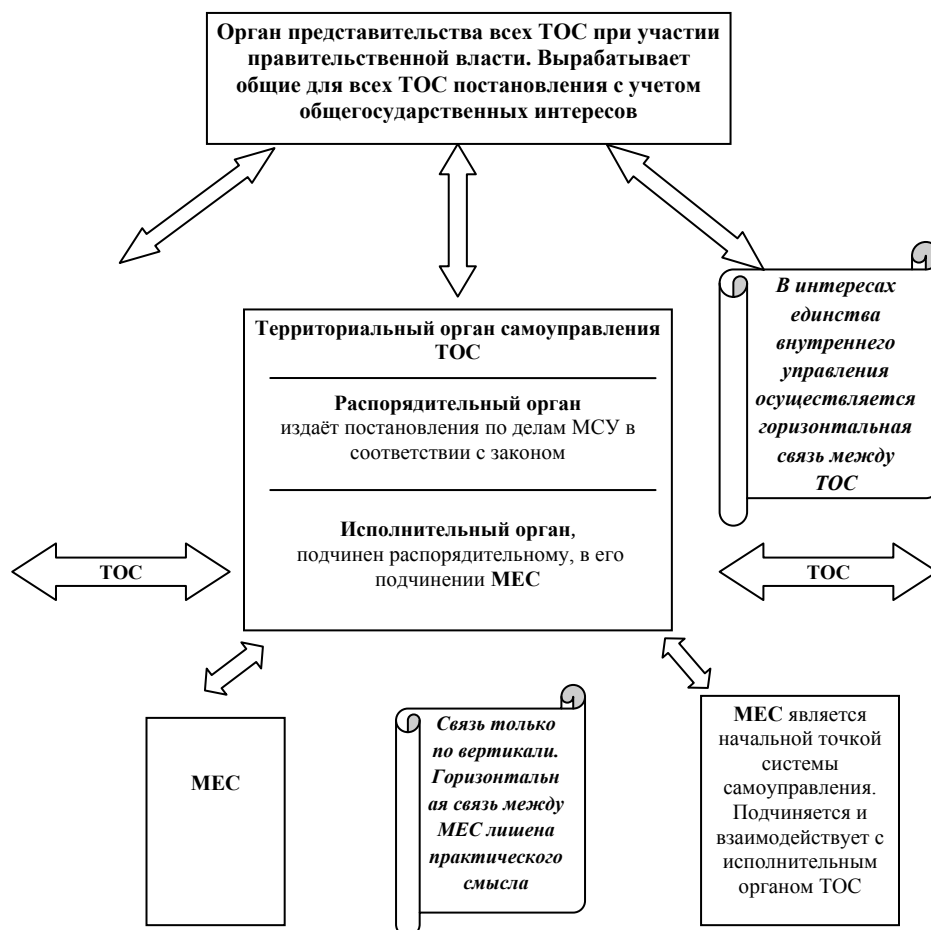

Рис. 1. Модель самоуправления (вторая половина XIX в.)

Библиографический список

1. Градовский А. Начала русского государственного права. СПб., 1883. Т. 3.
2. Свешников М.И. Основы и пределы самоуправления. СПб., 1892.
3. Васильчиков А. О самоуправлении. СПб., 1869. Т. 1.
4. Кропоткин П.А. Анархия, ее идеалы, ее философия. Лейпциг – СПб., 1906.
5. Лазаревский Н.И. Самоуправление // Мелкая земская единица. СПб., 1903.

УДК 316.334.3 (470+571)

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ И ДЕТЕРМИНАНТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Д.В. Покатов

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: dvpokatov@gmail.com

В статье рассматриваются имеющиеся в современных исследованиях подходы к анализу процесса трансформации российской политической элиты. Выявляются

особенности трансформационных изменений, происходящих сегодня в элитных слоях. Особое внимание уделяется анализу социальных факторов, обуславливающих направленность процесса трансформации политической элиты современной России.

Ключевые слова: элита, политическая элита, трансформация, механизмы рекрутирования, социализация.

SOCIAL FACTORS AND TRANSFORMATION DETERMINANTS OF THE POLITICAL ELITE IN MODERN RUSSIA

D.V. Pokatov

The article deals with the approaches, which exist in modern research, to the analysis of the transformation process of the Russian political elite. Some peculiarities of transformational changes, which take place in the elite layers today, are being revealed. Special attention is being paid to the analysis of social factors, which stipulate the transformation process direction of the political elite of modern Russia.

Key words: elite, political elite, transformation, recruitment mechanisms, socialization.

Политическая элита России достаточно давно стала объектом научного анализа, что является вполне обоснованным, в первую очередь, вследствие сохраняющегося в российском обществе особого мобилизационного типа развития с характерным для него доминированием политических институтов и субъектов власти и управления, слабостью сегментов гражданского общества.

Продолжающийся сегодня процесс трансформации различных сторон общественной жизни, несомненно, оказал влияние и на многие социальные страты общества, в том числе, и элитные слои. Как думается, трудно отрицать отсутствие трансформационных процессов, происходящих в различных элитных группах, в том числе, и политической элите. Однако среди современных исследователей нет единства мнений относительно как самой направленности трансформационных изменений, так и их содержательных характеристик.

Все многообразие авторских оценок трансформационных процессов, происходящих в современной политической элите, воплощается, как в негативных, так и позитивных характеристиках. При этом ряд исследователей, представляющих первое направление, склонны либо полностью отрицать происходящие в политической элите изменения, либо признавать частичную трансформацию, осуществляющуюся под контролем старой номенклатурной элиты. Представители второго направления, наоборот, доказывают, что произошла полная, либо весьма значительная трансформация отечественного элитного слоя.

При сохраняющемся значительном антагонизме в оценках процесса элитной трансформации, следует отметить и некоторые общие позиции, которые объединяют представителей названных выше подходов. Как правило, рассматривая процесс трансформации политической элиты, ими

анализируются, прежде всего, изменения, происходящие в социальном составе и ценностных ориентациях политических деятелей, входящих в состав политической элиты. Вместе с тем, сам процесс трансформации политической элиты представляется более глубинным, включающим различные составляющие (демографические, статусные, поведенческие, организационно-политические, профессиональные и иные).

В настоящее время можно с уверенностью говорить о том, что, как и многие институты и иные страты российского общества, политическая элита, в ходе продолжающегося процесса трансформации, приобретает ряд новых признаков, которые причудливо интегрируются с чертами, доставшимися ей в наследство от старой номенклатурной элиты. При этом сходство двух элитных групп можно обнаружить сразу по целому ряду параметров: во-первых, по некоторым демографическим показателям, во-вторых, по характеру образования, в-третьих, по сохраняющейся направленности процесса социализации и, наконец, по некоторым социально-профессиональным характеристикам.

Проведенные в последние годы исследования показали, что по своим демографическим показателям и советская номенклатура, и современная российская политическая элита, достаточно близки. Они представляют собой преимущественно мужские группы. В номенклатурной элите женщин было 7%, в современной политической элите России – 6,5 % [1, 2].

Достаточно велика в составе и прежней, и современной элиты доля выходцев из сельской местности. При этом в составе советской номенклатуры 60-80-х годов XX века в высшем руководстве выходцы из села составляли 57,7%, в правительстве – 45,6%, в составе региональной элиты – 66,7%. В начале 90-х годов доля сельчан в окружении первого Президента России Б. Ельцина падает практически в 5 раз, достигнув показателя в высшем руководстве – 12,5%. Даже среди региональных руководителей она снижается приблизительно в 2 раза, достигнув 33,8% [2, с. 303-304]. В настоящее время доля выходцев из села составляет в федеральной политической элите – 29% , на региональном уровне – 26,6% (подсчитано автором на основании биографий, опубликованных в: [3, 4, 5, 6]). В целом, можно говорить о том, что особенности процесса социализации, проходившего у многих как бывших, так и современных политических деятелей в условиях сельской местности, оказали значительное влияние на мировоззренческие установки современной элиты. В этом плане нельзя не согласиться с известным итальянским социологом и экономистом конца XIX – начала XX века В. Парето, писавшем в «Компендиуме по общей социологии»: «тот, кто из одной группы переходит в другую, приносит с собой, как правило, определенные склонности, чувства, предрасположенности, приобретенные в той группе, из которой он происходит; и с этим обстоятельством следует считаться» [7, с. 86].

Имеется определенное сходство между номенклатурной и современной элитами и по образовательным и профессиональным показателям. Известно, что в прошлом многие как западные, так и отечественные социологи, философы и юристы подчеркивали необходимость специального образования у представителей политической элиты. Крупный отечественный философ и социолог конца XIX века Б.Н. Чичерин отмечал, что только «серьезное политическое образование может подготовить политических деятелей, стоящих на высоте своего призвания» [8, с. 5]. Известный американский социолог Ч.Р. Миллс в своем фундаментальном исследовании «Властвующая элита» считал необходимым для профессионального политика получение юридического образования, так как, по его мнению, именно профессиональные задатки юриста, в том числе, его «искусство словесного воздействия», имеющиеся склонности к заключению сделок и выполнению посреднических функций, более близки профессиональной политической деятельности [9, с. 340].

Вместе с тем, как показывает западный и отечественный опыт, наличие такого профессионального образования не стало пока типичным для представителей политической элиты. В политической элите США только 6 % политиков имеют гуманитарное образование, в Германии – 2%, в Нидерландах – ни одного государственного служащего с гуманитарным образованием. Только 51% политиков среди законодателей США являются юристами [10, с. 229].

Как показывает отечественный опыт, количество политиков, имеющих профессиональное образование, также не очень велико. В советской номенклатурной элите 60-80-х гг. прошлого века большинство руководителей имели технократическое (военное, инженерное или сельскохозяйственное образование) [11, с. 62]. В политической элите современной России к гуманитариям можно отнести 18,7% политиков. Экономисты составляют в ней 13% от общего состава таких деятелей, юристы – 11,7%, в то время, как политики-технократы – более 50% [9, с. 88]. Достаточно близкой была и ситуация на региональном уровне. В частности, в Саратовской области удельный вес политических деятелей, имеющих юридическое образование, составлял 10,6%, с гуманитарным образованием – 16%, а с экономическим – 17,3% (подсчитано автором на основании биографий, опубликованных в: [3, 4]). В тоже время количество политических деятелей, имеющих техническое образование, равнялось 45,3% (подсчитано автором на основании биографий, опубликованных в: [3, 4, 5, 6]).

Характер имеющегося у представителей политической элиты образования не являлся случайным, так как по-прежнему преобладающим в её составе слоем (если воспользоваться терминологией американского социолога Ч.Р. Миллса) были профессионалы-практики. Большинство из них составляли политические деятели, выдвинувшиеся из чиновно-

бюрократической среды, т.н. «хозяйственников» (бывших руководителей государственных предприятий ВПК и АПК, менеджеров фирм, работников федерального и регионального госаппарата). Их доля составляет сегодня более 36% (подсчитано автором на основании биографий, опубликованных в: [3, 4]).

В целом, несмотря на сохранение целого ряда признаков, характерных для прежней, номенклатурной элиты, нельзя не признать и происходящие в современной элите существенные трансформационные изменения.

Значительно меняются некоторые демографические показатели, в частности, возраст. Так, если средний возраст советской номенклатуры составлял 68 лет, то в настоящее время у современной политической элиты – 49 лет [11].

Также значительные изменения произошли и в составе групп, составляющих основу современной политической элиты. Наряду с прослойкой «хозяйственников» значительно выросло с 1% в 1999 г. до 13% в 2014 г. представительство «силовиков», включающих когорты армейских офицеров, офицеров ФСБ, правоохранительных органов и руководителей ВПК. Несколько сократились до 6,2% и 2,6% соответственно прослойки выходцев из бывшей партийной и комсомольской номенклатурных элитных групп. Состоявшиеся в 2011 году парламентские выборы привели к некоторому увеличению до 10,6% доли научной, педагогической и творческой интеллигенции (подсчитано автором на основании биографий, опубликованных в: [3, 4, 5, 6]). Все отмеченные выше изменения во многом стали возможны благодаря произошедшим в последние годы трансформациям механизмов рекрутирования элитных групп. Постепенно уходит в прошлое действовавший в советском правящем классе жесткий номенклатурный принцип отбора представителей элиты, когда практически невозможно было войти в правящий класс, минуя или пропуская отдельные уровни номенклатурной лестницы, как это нередко происходит сейчас.

Изменения затронули также и индивидуально-личностные показатели политических деятелей, входящих в состав современной элиты. Все больше в элитной среде получают распространение индивиды с предпринимательской (но не индивидуально-нравственной) основой, культурным и политическим провинциализмом, далекие от реального творчества, но способные выживать в обстановке усиливающейся политической и социальной конкуренций, во многом благодаря присущей им жесткости, отсутствию сострадания и понимания других. Все чаще демонстрируемый ранее аскетизм и эгалитаризм заменяется прямо противоположными ориентирами, далекими от формальных уравнилельных лозунгов прежней политической элиты.

Все сказанное выше позволяет говорить о том, что происходящие в современной политической элите трансформационные процессы имеют

глубинные социальные основы и детерминированы целым рядом факторов.

Так среди факторов, оказывающих существенное влияние на трансформацию современной элиты, следует отметить факторы, связанные с личностно-идентификационным габитусом, прежде всего, особенностями социализации и детерминируемыми ими личностными установками и предпочтениями. Выше уже отмечалось, что социализация многих политических деятелей прошлого и настоящего проходила, как правило, в условиях сельской местности, для которой были более характерны традиционализм, пристрастие к сохранению господствовавших ранее обычаев, значительно больший, чем в условиях городской среды, консерватизм. Все это, конечно, не могло не отразиться и на представителях элиты, которые во многом восприняли тот тип культуры, который был детерминирован социализацией с присущими ему нормами чиновничества, настороженным восприятием оппозиции, большим доверием к выходцам из своей среды, что во многом создавало препятствия для вхождения в элиту представителям других социальных прослоек и групп [13, с. 70].

Достаточно важным является и процесс рекрутирования современной политической элиты. Существовавшая в советский период легально-номенклатурная модель рекрутинга элитных слоев, являясь, по сути, промежуточной между традиционалистской, присущей восточным обществам, и инновационной, характерной для западных стран, отличалась ярко выраженным закрытым, недемократичным характером формирования, узким кругом селектората, из которого отбирались претенденты на высшие руководящие посты. Отличительной её особенностью было наличие многочисленных формальных требований (в том числе, учет социального происхождения, партийности и стажа административно-политической деятельности), предъявляемых к кандидатам. В настоящее время произошел ряд существенных изменений в самом механизме отбора кандидатов элиту. В частности, появились возможности для рекрутирования в политическую элиту лиц, принадлежащих к различным социальным слоям и группам. Несколько уменьшилось (хотя и не исчезло совсем) количество формальных требований к претендентам, а некоторые из них (в том числе, социальное происхождение, значительный опыт административно-политической деятельности и другие) перестали быть доминирующими. Не является сегодня обязательным и прохождение всех номенклатурных ступеней для попадания в элитную группу, что приводит к существенному её «омоложению». Также в составе современной политической элиты наблюдаются частые персональные мобилизационные переходы как внутри элиты, так и между элитными группами, существенно меняющие её облик [14, с. 114]. Во многом отмеченные выше изменения в процессе

рекрутирования элит стали возможны благодаря переходу от таких господствовавших ранее механизмов, как кооптация и отбор к использованию выборных процедур. Однако переоценивать данные механизмы, вследствие использования т.н. административного ресурса, не стоит.

Наряду с отмеченными выше объективными социальными факторами, детерминирующими трансформационные процессы в современной политической элите, отметим и факторы, связанные с аскриптивными показателями элитных личностей (их возрастом, полом, здоровьем, менталитетом). Несомненно, что современное поколение политических деятелей по многим аскриптивным показателям, в том числе возрастным, мировоззренческим, более способно к социальной адаптации и определенной мимикрии, а также деятельности в перманентно изменяющихся внешних условиях, чем представители прежней номенклатурной элиты.

Подводя итог сказанному выше, ещё раз отметим, что трансформация политической элиты представляет собой достаточно сложный и многогранный процесс, детерминируемый как объективными, так и субъективными факторами, существенно изменяющими не только облик самой элиты и составляющих её групп, но и общества в целом, в котором она функционирует.

Библиографический список

1. Крыштановская О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // *Общественные науки и современность*. 1995. №1. С. 51-65.
2. Ашин Г.К., Понеделков А.В., Старостин А.М., Кислицын С.А. Основы политической элитологии. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 504 с.
3. Коммерсант-власть. 2012. № 1-2. С. 47-78.
4. Правительство Российской Федерации // *Российская газета*. 2012. 22 мая. С. 2-4.
5. Правительство Саратовской области // URL: <http://saratov.gov.ru> (дата обращения: 15.12.2014).
6. Саратовская областная Дума // URL: <http://www.srd.ru> (дата обращения: 15.12.2014).
7. Осипова Е.В. Социология Вильфредо Парето: политический аспект. СПб.: «АЛЕТЕЙЯ», 2004. 160 с.
8. Чичерин Б.Н. Курс государственной науки: В 3 ч. М.: Типолитография т-ва Кушнерев и К, 1898. Ч. III. 555 с.
9. Миллс Ч.Р. Властвующая элита. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. 544 с.
10. Елисеев С.М. Политическая социология. СПб.: Изд-во «Нестор-История», 2007. 350 с.
11. Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров-М, 2005.
12. Покатов Д.В. Профессионализм политической элиты: понятие, критерии, формы проявления // *Социально-гуманитарные знания*. 2014. №6. С. 84-92.
13. Фарукшин М.Х. Политическая элита в Татарстане: вызовы времени и трудности адаптации // *Политические исследования*. 1994. №6. С. 70.
14. Покатов Д.В. Трансформация форм и механизмов рекрутирования региональных политических элит в современной России // *Политическая субъектность*

региональных социумов и элит: динамика, проблемы и перспективы. Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции (Саратов, Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 30 мая 2014 г.) Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2014. 199 с.

УДК 316

**ПРОЦЕССЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ,
ОБЩЕСТВЕННЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ МОЛОДЕЖНЫХ
ОБЪЕДИНЕНИЙ В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖНОЙ
ПОЛИТИКИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ**

Е.В. Сайганова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: saiganovaev@yandex.ru

В статье рассматриваются основные факторы, влияющие на молодое поколение, понятия молодежь, молодежная политика. Участие молодежи в федеральных и региональных программах, которые направлены на формирование и развитие гражданского общества в нашей стране.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, молодежные объединения.

**THE PROCESSES OF INTERACTION BETWEEN GOVERNMENT
BODIES, PUBLIC AND POLITICAL YOUTH ORGANIZATIONS IN
THE IMPLEMENTATION OF YOUTH POLICY
AT THE REGIONAL LEVEL**

E.V. Saiganova

The article examines the main factors influencing the younger generation, the concept of youth, youth policy. Youth participation in Federal and regional programs, which focus on the formation and development of civil society in our country.

Key words: youth, youth policy, youth associations.

От того, в какой степени активно молодое поколение и на что направлена его деятельность, зависит характер и направление общественного развития нашей страны. Молодые люди, участвующие в общественно-политической жизни страны, интересны как со стороны своего собственного развития, так и со стороны развития всего общества.

Необходимо изучать молодежные организации и движения, чтобы понимать процессы, протекающие внутри самой молодежи, и, как следствие, перспективы развития целого общества.

В свете этой проблемы интерес представляет соотношение различных форм (молодежные организации и движения, молодежные парламенты, молодежные отделения политических партий, протестные движения молодежи, в том числе и его радикальные формы) участия молодежи России в общественной и политической жизни страны с направлениями молодежной политики в российских регионах.

Изменения в отношениях между властью и молодежью, в настоящее время происходящие в политической практике России, дали толчок возникновению интереса к данной проблеме. В настоящее время стоит проблема изучения и осмысления всех факторов, которые влияют на формирование современной молодежной политики российского государства, направлений и субъектов данной политики, разработки механизмов и способов реализации молодежной политики, а также критериев ее эффективности.

Одним из важных направлений государственной политики является исследование проблем формирования и развития гражданского общества в нашей стране, механизмов участия политических институтов и различных слоев гражданского общества в формировании молодежной политики. Актуален и вопрос взаимодействия между органами власти, молодежными общественными и политическими объединениями в процессе разработки и реализации российской молодежной политики, формирования целей и нахождения способов их достижения, определение форм работы с молодым поколением, что непосредственно и определяет характер публичной молодежной политики. Наличие у государства эффективных форм и систем взаимодействия между молодежью и властью способствует развитию и реализации публичной молодежной политики, достижению высоких результатов в управлении государством, углублению демократии, а также расширению форм участия молодых людей в политике, формированию у молодого поколения новых традиций и ценностных ориентиров.

Структурные преобразования, происходящие в общественно-политической жизни и отвечающие социально-экономическим условиям развития, а так же наличие духовно-нравственного кризиса в обществе и неоднозначные проявления в молодежной структуре, связаны с ухудшением объективных параметров, которые характеризуют показатели жизни подрастающего поколения. Резкое обострение демографической ситуации, снижение психического и физического здоровья молодежи, ее образовательного и профессионального потенциала, продолжающийся процесс криминализации молодежи, вызывают множество противоречий и конфликтов как внутригрупповых, внутрисемейных так и межпоколенческих. Наличие и интеграция программ для решения многоаспектных проблем у молодого поколения, не может проводиться без поддержки государственной политики на различных уровнях власти, будь

то федеральная или региональная, и должна быть направлена на поддержку и защиту молодежи, которая на данном этапе является приоритетом государственных интересов. Проведение в России и на региональном уровне сбалансированной и эффективной государственной молодежной политики – это залог прочного фундамента для любого развивающегося общества. Молодежная политика сегодня, как никогда должна быть одной из самых главных и важных аспектов государственной молодежной политике, как на федеральном, так и на региональном уровне. Молодежная политика включает в себя систему идей, теоретических положений о месте и роли молодого поколения в обществе, а также деятельность субъектов молодежной политики по воплощению этих теоретических положений в реальность. Ряд ученых рассматривают молодежную политику как совокупность действий всех государственных и общественных институтов с целью социализации и интеграции молодого поколения в общественные процессы. Она имеет сложную секторальную структуру и охватывает все сферы жизнедеятельности молодежи [1, с. 57]. А.В. Шаронов, определяет государственную молодежную политику, как систему мер по «завоеванию», удержанию и поддержанию определенного социального, экономического, правового, политического, этнического, культурологического статуса группы молодежи, которая в силу тех или иных причин оказывалась или может оказаться в перспективе в трудном, ущемленном положении по сравнению с другими группами населения и при этом собственными силами не в состоянии улучшить свое положение [2, с.427].

Молодежная политика – это комплексное явление, которое является результатом научно-теоретической, идеологической, практической и иной деятельности всех общественных институтов в отношении молодежи. Ее можно рассматривать как интегральную функцию многих переменных: деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления, политических партий, общественных, религиозных организаций, непосредственно молодежи и т.д. Процесс дальнейшего реформирования и регулирования механизма молодежной политики невозможно представить без рассмотрения её реализации, как на федеральном, так и на региональном уровне, выявления условий для дальнейшего осуществления взаимодействия всех государственных и социально-политических институтов, которые, в последствии, формируют социальное поле для реализации молодежной политики. Поэтому при определении приоритетов ГМП особо следует учитывать федеративное устройство России. Многие направления государственной политики в отношении молодых граждан полностью или частично находятся в ведении субъектов РФ, а также муниципальных образований. На современном этапе молодежное законодательство, наиболее продуктивно развивается на уровне субъектов РФ. Многие из регионов РФ уже

значительно расширили законодательную базу по молодежной политике с учетом особенностей развития и зависимости от культурной, политической и экономической специфики функционирования регионального социума. Особый интерес представляют трансформации в деятельности государственных структур на региональном уровне, молодежных и общественно-политических объединений и организаций, в рамках реализации государственной молодежной политики. На территории Саратовской области существует закон «О молодежной политике в Саратовской области» [3], молодые граждане (молодежь) – лица в возрасте от 14 до 30 лет; молодая семья – семья в первые три года после заключения брака (в случае рождения детей – без ограничения продолжительности брака) при условии, если один из супругов не достиг 30-летнего возраста, а также неполные семьи с детьми, в которых мать или отец не достигли 30-летнего возраста. Молодежная политика в Законе «О молодежной политике в Саратовской области» понимается как деятельность органов государственной власти области, направленная на создание необходимых условий для самореализации молодых людей, выбора ими жизненного пути, ответственного участия их во всех сферах общественной жизни области. Практически каждый регион имеет свою нормативно-правовую базу и документы на различных уровнях государственной власти, которые впоследствии определяют основные моменты содержания работы с молодежью и процесса реализации тех или иных мероприятий в рамках государственной молодежной политики. Формирование и реализация государственной молодежной политики в РФ осуществляется органами власти посредством правового, организационного и финансово-экономического механизмов государственного управления.

Правовой механизм предусматривает установление и применение государственными органами норм права в сфере молодежной политики, как для обеспечения функционирования организационных структур, так и для определения, закрепления и обеспечения реализации прав и свобод молодых граждан. Это находит свое выражение главным образом в правовых актах и решениях органов региональной власти, направленных на реализацию молодежной политики, утверждении государственных стандартов социальной работы с молодежью, создания нормативных документов в области молодежной политики. По различным критериям молодежная политика на территории региона очень разнородна – здесь рассмотрение вопросов о социальной защите, проблемах трудоустройства, обеспечения педагогических процессов образования и воспитания, вопросов о мероприятиях, проводимых для молодежи на региональном уровне из так называемых групп риска и многое другое. Актуален сейчас и вопрос о взаимодействии между органами власти, молодежными общественными и политическими объединениями в процессе разработки и реализации молодежной политики, формирования целей и нахождения

способов их достижения, определение форм работы с молодым поколением, что непосредственно и определяет характер молодежной политики. Наличие у государства эффективных форм, системы взаимодействия между молодежью и властными структурами способствует развитию и реализации молодежной политики на территории региона, достижению высоких результатов в управлении государством, расширению форм участия молодежи в политике, формированию у молодого поколения новых традиций и ценностных ориентиров.

Огромное количество молодежи на территории области участвует через свои молодежные организации и объединения в принятии решений на процессы, происходящие в обществе, реализовывает свои творческие инициативы и потенциал. Участвуя в этих организациях, молодые люди могут реализовать свои интересы и потребности, принимать активное участие в жизни области и общества, на территории региона существуют как общероссийские, так и региональные организации и объединения для молодежи. Во многих муниципальных районах Саратовской области действует более 300 общественных молодежных организаций и объединений. В Саратовской области, как и в других регионах нашей страны, молодежные общественные объединения осуществляют огромную работу в сфере реализации региональной молодежной политики, вовлекая молодежь в общественную и политическую жизнь области и всей страны в целом.

Библиографический список

1. Хайдаров Р.Р., Овчинина Т.Б. Социология молодежи и молодежная политика: учебное пособие. Казань: Изд-во Казанского государственного технического университета, 2009. С. 64.
2. Шаронов А.В. Пути реализации государственной молодежной политики И Социология молодежи / Под ред. В.Т. Лисовского. СПб., 1996. С. 427-428.
3. Закон Саратовской области от 9 октября г. №94-ЗСО «О молодежной политике в Саратовской области» (с изменениями и дополнениями) // URL: <http://base.garant.ru/9545410> (дата обращения: 02.04.2015).

**ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО КАК УСТОЙЧИВЫЙ ФАКТОР
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
(НА ПРИМЕРЕ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Ю.А. Семенова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: semenofa@gmail.com

Статья посвящена рассмотрению такого сложного социально-экономического феномена, как предпринимательство. Главное внимание обращается на особенности и перспективы развития предпринимательства в современном российском обществе. Широко использован фактический материал по Саратовской области.

Ключевые слова: рыночная экономика, предпринимательство, малый и средний бизнес, социальное предпринимательство, социальная структура общества.

**ENTREPRENEURSHIP AS A STABLE FACTOR OF ECONOMIC
MODERNIZATION IN MODERN RUSSIA
(SARATOV REGION BEING EXAMPLE)**

Yu.A. Semenova

The article is devoted to the studying of such a complicated social and economic phenomenon as entrepreneurship. Special attention is paid to the peculiarities and perspectives of entrepreneurship in the modern Russian society with widely used facts Saratov region.

Key words: entrepreneurship, entrepreneurship, small and middle-sized business, social structure of a society.

Одним из стратегических факторов устойчивого экономического развития общества и достижения нормального уровня жизнеобеспечения населения является формирование современного предпринимательства в России.

Последний год в мировой экономике произошли серьезные потрясения, что наложило свой отпечаток на отдельные страны. В результате этих событий в России были реализованы изменения в экономической, политической и информационно-культурной сферах общества, что привело к трансформации стиля жизни практически всех социальных групп и слоев.

Стиль жизни как выразительная характеристика повседневных форм жизнедеятельности социальной группы приобретает дополнительное внимание со стороны государства в дестабилизационные периоды, в связи с тем, что он может оказывать как стимулирующее, так и сдерживающее влияние

на развитие общества. В данных обстоятельствах не случайна поддержка малого предпринимательства, стиль жизни которого значительно влияет на обеспечение социальной и политической стабильности. Люди, имеющие свое небольшое дело, заинтересованы в стабильности политической, социальной обстановки в стране и постоянном экономическом росте. Известно, что в периоды экономического спада в первую очередь страдают малые предприятия. Только в условиях стабильного экономического роста малый бизнес имеет шансы на успех, а риск потерпеть крах минимален. Отсюда можно сделать вывод, что чем больше людей вовлечено в малое предпринимательство, тем стабильнее социально-политическая обстановка в стране.

Ведение западными странами экономических санкций против России и последующие ответные ее антисанкционные действия, с одной стороны создают проблемы для экономики, но в то же время, открывают новые горизонты развития бизнеса.

Малый и средний бизнес в рыночной экономике – ведущий сектор, определяющий темпы экономического роста, структуру и качество валового национального продукта (ВНП). Во всех развитых странах на долю малого бизнеса приходится 60-70% ВНП. В большинстве стран, таких как США, Япония, Германия, Франция, Великобритания, подавляющую долю – 99,3-99,7% от количества предприятий составляют так называемые малые и средние предприятия (МСП). Они выделяются среди прочих по численности занятых (например, не более 500 человек) или размеру основного капитала. На них производится почти половина объема выпускаемой продукции. Как правило, такие предприятия дают 75-80% новых рабочих мест в отличие от крупных производств, где наблюдается сокращение занятости. Но дело не только в количественных показателях. Этот сектор по своей сути является типично рыночным и составляет основу современной рыночной инфраструктуры.

В России становление и развитие предпринимательства имеет свои особенности. В самом деле если в развитых странах запада идут по пути развития предпринимательства прежде всего в сфере производства, то российские «предприниматели» заняты в основном в посреднической сфере – торговле, банковском деле и т.д.

В настоящее время положение малого и среднего предпринимательства особенно остро зависит от политических решений. Согласно проведенным исследованиям Global Entrepreneurship Report проведенным в 2014 году, 70% граждан положительно воспринимают индивидуальное предпринимательство, но лишь 33% готовы к тому, чтобы начать свое дело. Молодым людям в возрасте от 20 до 29 лет, способным открыть свое дело, не хватает опыта и необходимых знаний, умений и навыков для реализации своих идей в сфере предпринимательства [1, с. 425].

Одним из самых важных и обязательных условий успеха в развитии малого бизнеса является всесторонняя и стабильная государственная поддержка. Указанная поддержка может быть представлена в форме целевых программ в поддержку предпринимательства в России. Это способствует формированию и укреплению среднего класса. Из этого следует, что предпринимательство выполняет не только экономические функции, но и взаимодействует со всеми сферами жизнедеятельности общества. Наряду с этим, многие области нашей страны, самостоятельно разрабатывают программы поддержки участникам малого и среднего бизнеса. Так областным правительством Саратовской области в 2015 году будет реализована программа по поддержке малого и среднего бизнеса в регионе. Основным направлением является повышение доступности финансовых средств, как для индивидуальных предпринимателей, так и для среднего бизнеса. Так в прошлом году, было предоставлено 565 грантов начинающим субъектам малого предпринимательства, что позволило создать 1600 рабочих мест. Планируется, что за счет государственной поддержки начинающим предпринимателям будут представлены гранты на сумму до 300 000 рублей. Это позволит создать новые рабочие места. Помимо грантов, существует система субсидирования, которая включает в себя финансирование части затрат субъектов малого и среднего предпринимательства по уплате процентов по кредитам, привлеченным в российских кредитных организациях для строительства производственных зданий, строений, сооружений и (или) приобретения оборудования, производственных зданий в целях создания и (или) развития и (или) модернизации производства товаров (работ, услуг). Следует заметить, что в современных условиях предпринимательство имеет место как в городе, так и на селе, в последнем случае речь идет о сельском (аграрном) предпринимательстве. В нашем регионе 2015 году предоставление субсидий на возмещение части процентной ставки по привлеченным кредитам (займам) будет осуществляться в соответствии с постановлением Правительства Саратовской области от 06 марта 2015 года №111-П «Об утверждении Положения о предоставлении субсидий из областного бюджета на государственную поддержку сельского хозяйства». По краткосрочным кредитам из федерального бюджета ставку субсидирования 14,675, из областного бюджета – 20% ставки рефинансирования ЦБ РФ; по инвестиционным кредитам (займам): из федерального бюджета – в размере 100% ставки рефинансирования ЦБ по всем кредитным договорам, в том числе заключённым до 2015 года, из областного бюджета – 20% ставки рефинансирования ЦБ РФ; по кредитам (займам), привлечённым малыми формами хозяйствования: из федерального бюджета – в размере 100% ставки рефинансирования ЦБ по всем кредитным договорам, в том числе заключённым до 2015 года, из областного бюджета 5% ставки рефинансирования ЦБ РФ [2].

Таким образом, в России создаются условия для ведения собственного бизнеса. Предстоит длительная совместная работа государственных, властных и участвующих в бизнесе структур, чтобы предпринимательство стало импульсом подъема отечественной экономики. Нужно усовершенствовать законодательство и усилить контроль за его выполнением, развить формы сотрудничества в деловом мире, установить льготное кредитование и налогообложение приоритетных сфер экономики, разработать муниципальные программы по развитию предпринимательства.

Развитие малого и среднего предпринимательства имеет ряд преимуществ в сравнении с крупным производством, а именно: активизирует структурную перестройку экономики, предоставляет широкую свободу рыночного выбора и дополнительные рабочие места, обеспечивает быструю окупаемость затрат, оперативно реагирует на изменение потребительского спроса. Малый бизнес помогает насытить рынок товарами и услугами, преодолевать отраслевой и территориальный монополизм, расширить конкуренцию. Он обладает значительным потенциалом в сфере трудоустройства населения, вовлечения в производство резервов рабочей силы, которые не могут быть использованы в крупном производстве из-за его технологических и иных особенностей. Это пенсионеры, учащиеся, домохозяйки, инвалиды, а также лица, желающие трудиться после основного рабочего времени ради получения дополнительных легальных доходов.

В условиях модернизации современной России, феномен социального предпринимательства получил широкое распространение в отечественном бизнесе. Сегодня во время экономического кризиса, когда государство не всегда способно решить те или иные проблемы социального характера, приходят на помощь социальные предприниматели. Присутствие таких предпринимателей, готовых направлять свои активы на решение острых социальных вопросов, выступает свидетельством формирования цивилизованного общества и способствует развитию человеческого потенциала, росту уровня благосостояния населения, повышает стабильность социальной поддержки и т.д.

Социальное предпринимательство берет все лучшее из бизнеса и госсектора. И поэтому, является лучшей альтернативой исключительно коммерческому или государственному подходу в решении общественных проблем. Иногда только лишь социальные проекты могут справиться с трудной задачей, которая не под силу ни правительству, ни коммерческим организациям. В настоящее время по инициативе Минэкономразвития в регионах создаются центры инноваций социальной сферы. Реализуется много образовательных программ, в т.ч. адаптированных для людей с инвалидностью. Разрабатываются программы поддержки молодых и активных желающих принять участие в решении наиболее важных

социальных проблем. В частности, Фонд региональных социальных программ «Наше Будущее», первый и основной на сегодняшний момент фонд поддержки социальных предпринимателей в России. При поддержке Фонда проводятся всевозможные конкурсы проектов данного направления, выдаются беспроцентные займы начинающим, оказывается бухгалтерская и юридическая поддержка и т.д. За все время существования конкурса «Социальный предприниматель» фонд поддержал 124 проекта из 47 регионов России [3]. В нашем регионе, в частности в Саратове прошлым летом открылся детский сад «Цветик-семицветик» построенный усилиями администрации города и Фонда «Наше будущее». Также в Саратовской области запланировано открытие пяти центров молодежного инновационного творчества и групп дневного содержания детей. В поддержку курса Правительства РФ на укрепление социальной политики создана программа «Лучшие социальные проекты России». Например, в рамках партии «Единая Россия» реализуются социальные проекты «Русское село», «Народный контроль» «Качество жизни» «Знак качества» и другие проекты, призванные решать проблемы здравоохранения, сельского хозяйства, доступности медицинских учреждений и т.д.

Государственные структуры не решат в одиночку острые социальные проблемы и необходим поиск новых, инновационных решений для успешных преобразований в социальной сфере. И поэтому важной перспективной задачей социального предпринимательства является создание высококачественного социального обслуживания и реабилитации, которое позволит учитывать запросы самых социально незащищенных групп населения. Главное, чтобы те предприниматели, кто решился посвятить себя подобной деятельности, был готов добросовестно и честно трудиться на благо обществу.

Наконец, создание этого сектора экономики – позитивная альтернатива подпольному бизнесу, устраняющая его монопольное положение на рынке путем совершенствования юридических условий деятельности легально работающих малых предприятий.

Библиографический список

1. Степашова А.Ю. Исакова Т.Е., Калущая Н.А. Влияние санкций на малый бизнес // Молодой ученый. 2014. №21. С. 425-428.
2. Правительство Саратовской области. URL: <http://ex.saratov.gov.ru> (дата обращения: 15.03.2015).
3. Фонд региональных социальных программ «Наше будущее». URL: <http://www.nb-fund.ru/> (дата обращения: 03.02.2015).

ФАКТЫ И ФАКТОРЫ НАРУШЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В САРАТОВСКОМ РЕГИОНЕ

С.В. Ситникова, Н.В. Шахматова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: nadezhdashakhmatova@yandex.ru

В статье представлены результаты социологического исследования оценок населением саратовского региона качества правозащитной работы. В результате получен социально – демографический портрет саратовца, права и свободы которого чаще всего нарушаются.

Ключевые слова: права и свободы человека, правозащитная работа.

THE FACTS AND FACTORS OF HUMAN RIGHTS VIOLATIONS IN THE SARATOV REGION

S.V. Sitnikova, N.V. Schahmatova

The article presents the results of sociological research estimates the population of Saratov region the quality of human rights work. The result is a socio-demographic profile of Saratov, rights and freedoms which most often violated.

Key words: human rights and freedoms, humas rights work.

Изучение качества правозащитной работы в регионах России актуально как никогда. Высокие темпы информатизации российского общества стимулируют рост интереса населения не только к примерам повседневных практик (значительное число письменных и видео обращений россиян в социальных сетях носят рекомендательный характер; Предложенные алгоритмы поведения чаще касаются сфер ЖКХ, ПДД, здравоохранения, потребительского поведения и т.д. [1, 2, 3]) россиян в правовом пространстве, но и доступной профессиональной юридической литературе. Кроме того, мониторинги качества правозащитной работы в регионах чаще проводятся в рамках ежегодной отчетности о работе государственных структур, осуществляющих подобную деятельность. Изучение мнений населения саратовского региона о качестве защиты гражданских прав и свобод в саратовском регионе осуществлялось Центром региональных социологических исследований СГУ имени Н.Г. Чернышевского по инициативе уполномоченного по правам человека в саратовской области Т.В. Журик (мониторинг «Восприятие жителями Саратова качества соблюдения и защиты прав и свобод граждан» проведен методом формализованного интервью в октябре-декабре 2014 г. В

территориальной квотной выборке учтены все параметры и характеристики генеральной совокупности, что позволяет говорить о ее репрезентативности. В опросе приняли участие 429 жителей г. Саратова).

Как показал опрос, менее четверти опрошенных саратовцев не сталкивались с ситуациями нарушения прав человека на территории саратовской области. Четверть указали на то, что были нарушены их личные права и свободы. 34% упоминают опыт своих близких или родственников, 23,4% знают о подобных ситуациях из СМИ (табл.1).

Табл. 1. Статистически показатели ответов на вопрос «Сталкивались ли Вы с ситуациями нарушений прав человека в Саратовской области?»

Варианты ответа	Статистические показатели	
	Частота	Процент наблюдений
нет	98	23,2
со мной лично	108	25,5
с моими близкими родственниками	47	11,1
с моими знакомыми	97	22,9
с незнакомыми людьми (по данным СМИ)	99	23,4
Итого	449	106,1

* общий процент упоминаний превышает 100, поскольку каждый респондент мог выбрать несколько вариантов ответа

Мужчины, как показал дальнейший анализ данных опроса, сталкивались с ситуациями нарушения прав и свобод человека чаще, чем женщины. Так, около трети (27,5%) женщин указали на отсутствие подобного опыта, мужчин – лишь 17,8%. Мужчины также чаще указывали на то, что нарушались их личные права и свободы (рис. 1).

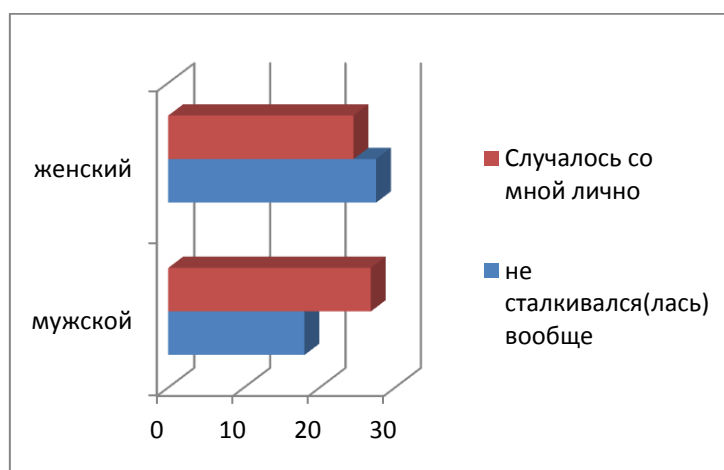

Рис. 1. Нарушение прав и свобод человека в саратовской области (гендерный аспект, % по полу)

Кроме того, выявлен и поколенческий аспект (по нашей выборке респонденты в возрасте от 18 до 29 лет были отнесены к младшему поколению, 30-55 лет – среднему и 56 -80 лет – старшему). Статистика показывает, что чем старше респондент, тем чаще он не имеет опыта ситуаций, когда нарушаются права и свободы человека (таблица 2). При этом, о нарушении прав и свобод личных или знакомых чаще говорят представители среднего поколения, с нарушением прав близких родственников знакомы чаще респонденты старшего поколения, а о знакомстве с подобными ситуациями из СМИ чаще упоминают представители младшей когорты.

Табл. 2. Нарушение прав и свобод человека в саратовской области
(поколенческий аспект)

Сталкивались ли Вы с ситуациями нарушения прав и свобод человека в саратовской области?	Поколение		
	Младшее	Среднее	Старшее
нет	22,2%	20,9%	30,9%
со мной лично	21,6%	28,4%	26,5%
с моими близкими родственниками	11,1%	8,5%	19,1%
с моими знакомыми	22,9%	24,9%	17,6%
с незнакомыми людьми (по данным СМИ)	25,5%	23,4%	19,1%

* общий процент упоминаний превышает 100, поскольку каждый респондент мог выбрать несколько вариантов ответа

Уровень образования также оказался существенным фактором в контексте данного вопроса. Выявлена тенденция – чем выше уровень образования, тем больше доля тех, чьи права и свободы нарушались. Вполне логично, на наш взгляд, поскольку граждане с низким уровнем образования зачастую даже не способны распознать ситуацию, в которой нарушаются их права и свободы (рис. 2).

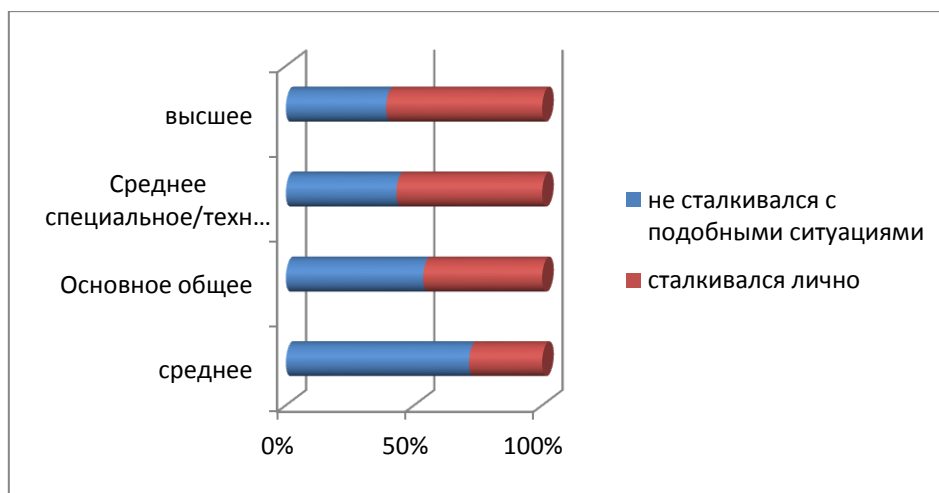

Рис. 2. Нарушение прав и свобод человека в саратовской области (образовательный аспект, % по уровню образования)

Как показал дальнейший анализ, общая оценка правозащитной ситуации в саратовском регионе напрямую зависит от наличия ситуаций, при которых права и свободы респондента были нарушены. Так, среди тех, кто оценил ситуацию как критическую, доля тех, чьи права нарушались составила 40%, респонденты, оценившие правозащитную ситуацию как плохую в 29,7% случаев также имеют подобный опыт, по группе с удовлетворительными оценками, лично сталкивались с нарушением прав и свобод 23,3%, те, кто оценили ситуацию, как хорошую – лишь 8,1% по группе. Таким образом, чем выше оценка правозащитной ситуации в регионе, тем реже респондент сталкивался с ситуациями, при которых были нарушены его личные права и свободы (рис. 3).

Общий уровень удовлетворенности жизнью саратовцев также тесно связан с ситуациями, при которых нарушались личные права и свободы. Большая часть опрошенных, как показали результаты нашего исследования, скорее удовлетворены, чем не удовлетворены своей жизнью в целом. Их по выборке оказалось чуть более 35%, удовлетворенных настолько, насколько и неудовлетворенных – 27%, скорее неудовлетворенных – 15%, абсолютно удовлетворенных – 13%, абсолютно неудовлетворенных – 5%. При этом, выявлена тенденция – с ростом удовлетворенности жизнью снижается число упоминаний о наличии ситуаций, при которых были нарушены личные права и свободы граждан (рис. 4). Исключение составили совершенно не удовлетворенные жизнью саратовцы. Вероятно, их низкий уровень удовлетворенности жизнью находится в зависимости от более «сильных факторов». Кроме того, по выборке данная группа оказалась слишком малочисленной, что затрудняет точность математического прогноза.

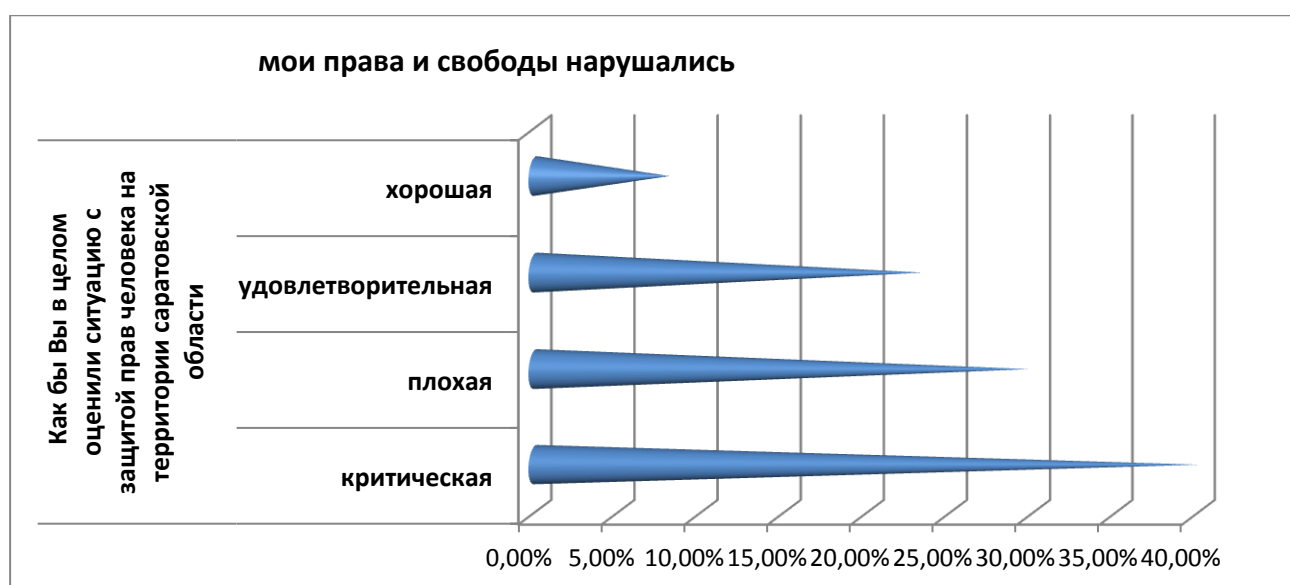

Рис. 3. Связь оценки правозащитной ситуации с личным опытом, когда были нарушены права человека

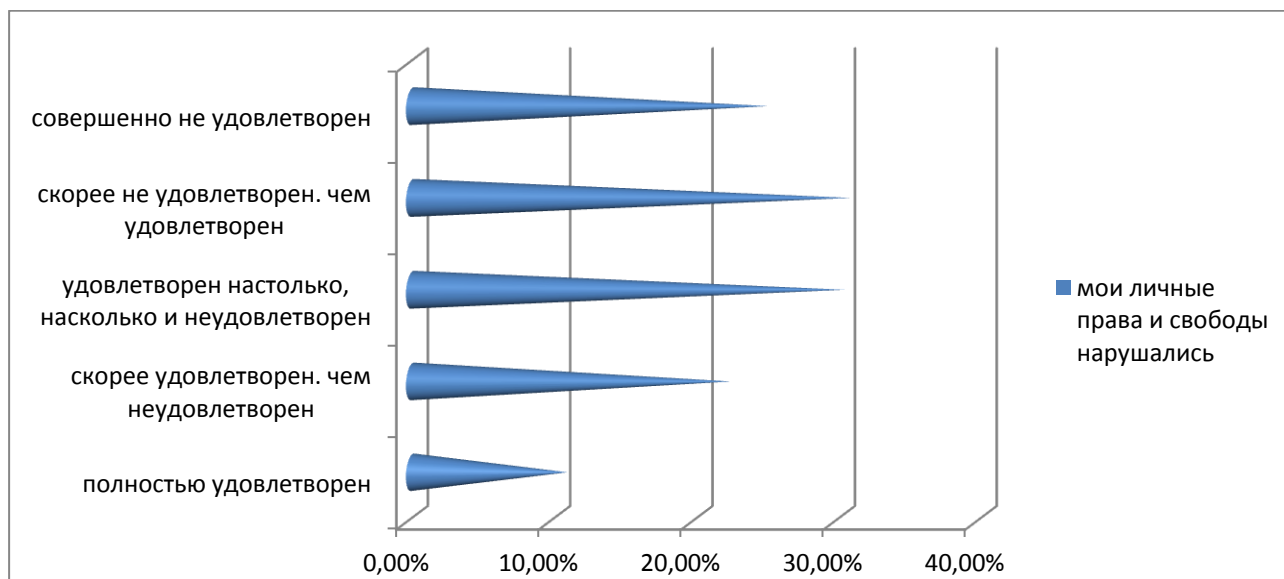

Рис. 4. Связь общего уровня удовлетворенности своей жизнью с личным опытом, когда были нарушены права человека

Уровень материального благосостояния семей опрошенных саратовцев также оказался фактором риска попасть в ситуацию нарушения прав и свобод человека. Наши данные показали: чем выше материальный уровень жизни человека, тем реже он упоминает о ситуациях, в которых были нарушены его личные права (табл. 3). Вероятно, уровень жизни человека изначально влияет не только на вероятность оказаться в ситуации нарушения права гражданина, но и уверенность в отстаивании своих прав и решении проблемных ситуаций.

Табл. 3. Уровень материального благосостояния семьи как фактор риска оказаться в ситуации нарушения прав и свобод человека, % по уровню материального благосостояния

Уровень материального благосостояния семьи респондента	Мои права нарушались
едва сводим концы с концами	36,4
доходов хватает только на питание	36,1
доходов хватает на питание и одежду	28,1
можем без труда покупать вещи длительного пользования	17,3
затруднительна только покупка действительно дорогих вещей	18,6
Можем позволить себе все, что пожелаем	12,5

* общий процент упоминаний превышает 100, поскольку каждый респондент мог выбрать несколько вариантов ответа

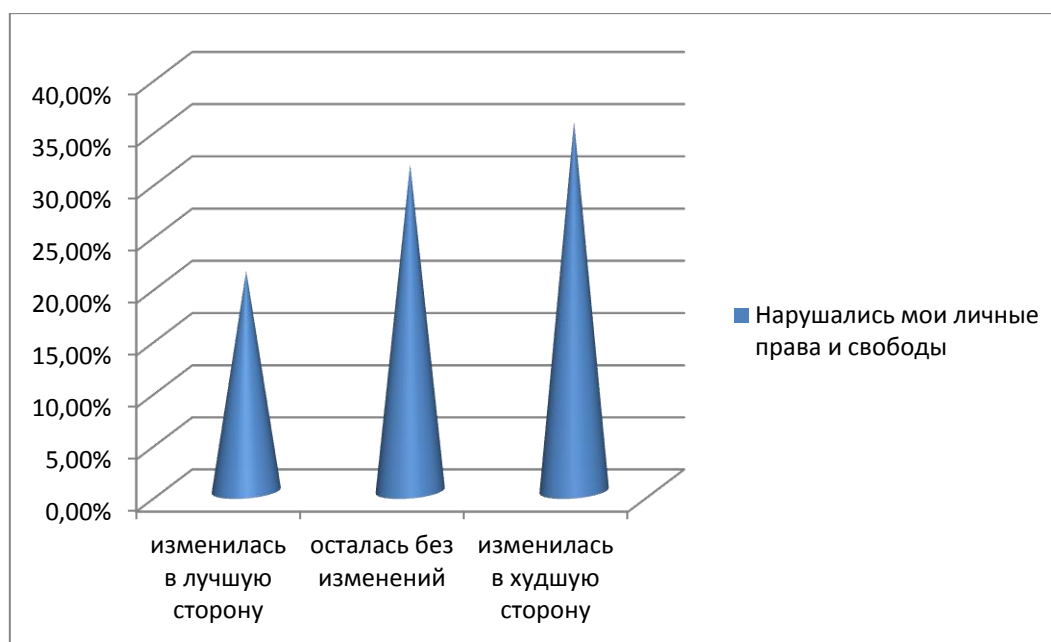

Рис. 5. Связь оценки изменения качества правозащитной работы в регионе с личным опытом, когда были нарушены права человека

Более 50% опрошенных саратовцев считают, что качество правозащитной работы в регионе за последний год никак не изменилось. Более 11% считают, что изменения произошли, но в худшую сторону, лишь 8,9% говорят о положительной динамике. В рамках данного аспекта также выявлена корреляционная статистическая связь. Пятая часть респондентов, оценивших изменения в лучшую сторону сказали, что их личные права и свободы нарушались. Среди тех, кто констатировал отсутствие каких – либо изменений таких оказалось более 30%. Среди оценивших изменения в худшую сторону 35,5% попадали в ситуации, когда их права и свободы были нарушены (рис. 5). Таким образом, чем выше оценка изменений качества правозащитной работы, тем реже респонденты сталкивались с ситуациями, в которых были нарушены их права и свободы.

Таким образом, Большая часть опрошенных саратовцев напрямую или косвенно сталкивались с ситуациями нарушения прав и свобод граждан на территории саратовского региона. При этом, корреляционные модели в контексте социально – демографических показателей позволяют составить портрет саратовца, права и свободы которого чаще всего нарушаются. Это чаще мужчина с высшим образованием средней возрастной когорты, с уровнем дохода ниже среднего или низким, при этом не высоким уровнем удовлетворенности своей жизнью в целом.

Библиографический список

1. См.: Как вести себя правильно при встрече с сотрудниками ДПС? URL: <http://news.mnogonado.net/content/news/kak-vesti-sebya-pravilno-pri-vstreche-s-sotrudnikami-dps.htm?id=3293> (дата посещения: 16.03.2015).
2. Что делать, если нарушены права потребителя. URL: http://fedrep.ru/investigation/chto_delat_esli_narusheny_prava_potrebatelya (дата посещения: 16.03.2015).
3. Что делать если права есть подозрения что нарушаются потребительские права? Нарушение прав в сфере ЖКХ: как их распознать. URL: http://studopedia.net/11_114583_chto-delat-esli-prava-est-podozreniya-chto-narushayutsya-potrebitelskie-prava.html (дата посещения: 16.03.2015).

УДК 316.32

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

О.В. Храмова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: khramova_1959@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению вопросов, связанных с модернизацией образования РФ, реструктуризацией вузов. Уделено внимание исследованию инноваций, как необходимого условия дальнейшего функционирования высшей школы, а также возможности адаптации к новым реалиям развития в условиях серьезной конкуренции между вузами. В статье рассмотрены цели и задачи внедрения стратегии развития инновационного ВУЗа, образовательные критерии, по которым возможна оценка эффективности инновационной деятельности.

Ключевые слова: инновации, инновационный потенциал, стратегия инновационного развития.

INNOVATIVE DEVELOPMENT OF HIGHER EDUCATION: PROBLEMS AND PERSPECTIVE

O.V. Khramova

The article is devoted to consideration of issues related to the modernization of education of the Russian Federation, the restructuring of universities. Attention is paid to the study of innovation as an essential prerequisite for the further functioning of the higher school, as well as the possibility of adapting to the new realities of development in conditions of severe competition between universities. The article describes the goals and objectives of the strategy implementation of innovative University, educational criteria by which it is possible to evaluate the effectiveness of innovation.

Key words: innovation, innovation, innovation strategy development.

Сегодняшнее состояние экономики, социальной и других сфер общества требует от управления большей слаженности и динамичности. В лексикон политиков, промышленников, ученых прочно вошло слово «инновации». Государственная Дума Российской Федерации еще 1 декабря 1999 года приняла Федеральный закон «Об инновационной деятельности и о государственной инновационной политике».

Россия продолжает оставаться мировым лидером в ряде фундаментальных направлений в физике, математике, химии, физиологии, медицине, в прикладных разработках в области лазерной и криогенной технике, новых материалов аэрокосмической техники, средств связи и коммуникаций и т.д. В стране накоплен значительный запас нереализованных изобретений (зарубежные специалисты называют 200 тыс. неиспользованных патентов, в том числе 120 тыс. технологий для продажи [1, с. 19].

Утверждение инноваций в качестве доминирующего фактора развития высшей школы является одной из значимых характеристик нашего времени. Это обусловлено тем, что способность к восприятию инноваций и выбор инновационного пути развития позволяет выживать и развиваться высшей школе в условиях нарастающей динамики социальных изменений и все более ожесточающейся конкуренции. Такие вузы, преодолевая собственное кризисное состояние, преобразуя содержание научно-педагогической деятельности, могут ответить на вызов времени. Потребность вуза в своем инновационном развитии все более заявляет о себе как явно прослеживаемая тенденция, связанная с выработкой устойчивой реакции на динамизм развития общества [2].

Инновации – это вовсе не все новое, что реально появляется, а лишь то, что имеет дальнейшее развитие, что способствует прогрессу. Инновации являются движущей силой как развития, так и саморазвития.

Стоит понимать, что не все организации могут одинаково и достаточно активно продвигаться по инновационному пути, так как имеют разный потенциал.

В сфере образования наибольший интерес представляет инновационный потенциал вузов. Это своего рода совокупность взаимодействующих ресурсов сектора высшей школы, которые необходимы для осуществления инновационной деятельности. Причем необходимо учитывать, что эти ресурсы носят ограниченный характер, а также понимать возможное (положительное или отрицательное) влияние на конечный результат деятельности. Кроме того на конечные результаты также оказывают влияние фактор реализации конкурентных преимуществ высшей школы и ее инвестиционно-инновационной привлекательности.

К инновационным ресурсам могут относиться интеллектуальные, материальные, финансовые, информационные и другие ресурсы,

необходимые для организации инновационного процесса в высшей школе в настоящее время или в будущем.

Инновационную деятельность высших учебных заведений можно представить как учебно-научно-инновационную деятельность, с проведением научно-исследовательских работ, организационной подготовки производства, внедрения и другими работами по организации инновационного процесса. Важнейшим же фактором развития экономики, ориентированной на инновации, является такое стратегическое направление как формирования человеческого капитала.

К субъектам инновационной деятельности высшей школы относятся структурные подразделения университетов, юридические лица (новые организационные формы инновационных процессов, органы государственной власти и местного самоуправления), а также физические лица, занимающиеся инновационной деятельностью в процессе реализации стратегий инновационного развития вузов. Объектами инновационной деятельности являются новые способы организации деятельности, новые технологии, новые продукты, интеллектуальная собственность, инновационные проекты, инновационные программы, по поводу которых возникают экономические и правовые отношения между субъектами инновационной деятельности высших учебных заведений.

Таким образом, инновационная система высшей школы есть организация субъектов и объектов инновационной деятельности, взаимодействующих в процессе создания инноваций на единых организационных принципах, определяемых стратегией инновационного развития высшей школы (вуза) [3, с. 186].

Инновационные ресурсы вуза – это: профессорско-преподавательский состав вуза (квалификация, профессиональная подготовка, обучаемость, инновационность), магистранты и аспиранты, участвующие в инновационной деятельности; достигнутый уровень реализации различных инновационных программ; соответствие организационных структур и систем управления задачам развития инновационного процесса; кодифицированное знание, в части нематериальных активов представленное патентами, ноу-хау, прототипами, лицензиями, компьютерными программами и др.; научно-технический задел в виде незавершенных инновационных проектов; основные фонды, участвующие в инновационном процессе; финансовое обеспечение инновационной деятельности [4, с. 61].

Однако инновационная полезность высшей школы на сегодняшний день остается низкой, что является следствием недостаточной эффективности реализации инновационного потенциала по развитию научной и инновационной деятельности в стране и обеспечения конкурентоспособности России на мировом рынке.

Место России в мировых инновационных процессах, сущность понятий в инновационной сфере приведены в «Основных направлениях политики Российской Федерации в области развития инновационной системы на период до 2010 года» (утверждены Председателем Правительства Российской Федерации М. Фрадковым 5 августа 2005 года). Прошел 2014 год, но пока это место так и не стало адекватным тому интеллектуальному и образовательному потенциалу, имеющимся в нашей стране. Если сложившаяся ситуация не изменится, то вполне возможны такие негативные моменты как потеря перспектив роста национальной конкурентоспособности на мировых рынках наукоемкой продукции. А это в свою очередь неминуемо приведет к необратимым отставаниям от ведущих постиндустриальных мировых держав.

Целью разработки и внедрения стратегии инновационного развития вуза является модернизация высшего профессионального образования, повышение конкурентоспособности ведущих отраслей российской экономики, подготовка высококвалифицированных специалистов, укрепление научно-образовательных и производственно-технологических связей с зарубежными странами.

Для достижения целей разработки и внедрения стратегии развития инновационного вуза необходимы модернизация образовательного и научно-исследовательского процессов, укрепление материально-технической базы, реструктуризация системы вуза и его управления, а также развитие кадрового потенциала.

Инновационная стратегия вуза предполагает руководство процессом формирования компетенций студентов, позволяющих им достичь успеха в конкретной сфере деятельности. Модернизация научной деятельности вуза должна начинаться с тех областей, в которых вуз имеет преимущества перед другими. Инновационные технологии коллективного обучения учитывают различия в моделях экономики (хозяйства), лежащие в основе парадигмы образования различных стран. Инновационный анализ формирует микромодель учебного процесса, и как следствие изменяет общую структуру экономического вуза.

Стратегия инновационного развития определяет генеральный курс видения, перспективных целей инновационной политики вуза исходя из философии его развития и потребностей потребителей образовательных услуг, опирается на его интеллектуальный потенциал как основу жизнедеятельности. На наш взгляд, инновационная стратегия высшей школы должна опираться на философию гармонии и гуманизма. Именно в этой философии мы видим залог развития и процветания нашего Отечества [5, с. 76].

Основной целью разработки инновационной стратегии является экономия средств вуза за счет ориентации на модернизацию технологий по заранее определенным направлениям. В данной связи, серьезный научный

и практический интерес представляет собой анализ объективных и субъективных предпосылок разработки инновационной стратегии.

К объективным предпосылкам относятся вопросы экономической эффективности инноваций. Действительно, в практике многих российских вузов возникают ситуации, когда, несмотря на высокую степень инновационности создаваемого образовательного продукта, успешная его реализация, включая этап коммерциализации, не происходит.

Субъективные предпосылки определяются желанием, амбициями и целями в отношении развития именно инновационных продуктов и представляют собой личностную актуальность инновационного развития со стороны менеджмента вуза.

Для анализа объективных предпосылок представляется интересной возможность определения экономической эффективности образовательных инноваций с помощью теории инновационного анализа С.Б. Переслегина, основывающейся на знании трех независимых параметров: внутренней десинхронизации системы d_{in} , ее внешней десинхронизации d_{out} , и времени жизни системы T . Применительно к ВУЗу, физическое (определяемое через число повторений циклических процессов) и историческое (понимаемое, как мера изменений) времена, в которых существует вуз и его образовательная деятельность, не могут быть определены одновременно. «Погрешность синхронизации» приводит к тому, что образовательная программа как бы «расплывается во времени» – в ней сосуществуют элементы, относящиеся к разным временам [6]. Например, в образовательной программе наряду с существующим содержанием, может измениться образовательная технология, требуемое материально-техническое обеспечение, квалификация преподавателей и т.д.

Кроме того, в вузе всегда существуют более востребованные и менее востребованные специальности, что также связано с неравномерностью временного пространства в деятельности вуза.

Первоначальный этап инновационного анализа деятельности вуза связан с выбором набора параметров, характеризующих эффективность образовательной деятельности вуза. К таким показателям для определения объективных предпосылок инновационного развития вуза необходимо отнести образовательные, научно-исследовательские и международные критерии. Объем данной статьи не позволяет нам подробно остановиться на этих критериях, но в данном подходе существуют определенные проблемы, которые сложно разрешить.

Говоря об особенностях объективных предпосылок инновационного развития вуза, стоит отметить, что в основе инновационной стратегии лежит руководство процессом формирования успешных образовательных программ, а правильно определенные и выбранные критерии эффективности образовательных инноваций позволят реформировать те сферы деятельности вуза, в которых он имеет преимущества перед

другими. Отказ от неэффективных продуктов позволит оптимизировать затраты вуза позволит и занять достойную позицию во внешней среде.

Большинство вузов на рынке преследуют одну и ту же цель – догнать или перегнать конкурентов, поэтому стратегии инновационной деятельности во многом схожи. В результате на рынке нет явного лидера, а борьба за долю в нем сводится к постепенному снижению издержек и повышению качества образовательных программ.

Инновационное развитие вуза предполагает реструктуризацию образовательных программ в соответствии с новыми стандартами в образовании, а также необходимость в таком профессорско-преподавательском составе (ППС), который бы отвечал требуемым компетенциям. Вузы, преодолевая сложности, усиливающуюся конкуренцию среди учебных заведений, смогут ответить на новые вызовы, связанные с кризисным состоянием современной высшей школы.

Вместе с тем нельзя не отметить и существенный недостаток всех инновационных программ в сфере развития высшей школы.

Современные ВУЗы хотя и являются неотъемлемым институтом общества, вместе с тем не достаточно ориентированы на становление духовного облика молодого поколения. Система образования призвана создавать условия для становления личности нового типа. Существующая ранее в ВУЗах общественно-государственная система воспитания, в основном была разрушена, как не отвечающая духу времени. В настоящее время все еще не сложилась модель личности человека нового типа, которая бы не только соответствовала мировой информационной цивилизации, но и успешно развивалась бы в новых условиях российской действительности. Но реформы продолжается, и хочется верить, что данные пробелы будут восполнены.

Библиографический список

1. Перевалов Ю.В. и др. Инновационные программные территории: методология создания и перспективы развития. Екатеринбург: УрО РАН, 1998.
2. Инновационная политика высшей школы России. Концепция и программа действий. М., 2000. Ч. 1, 2.
3. Емельянов С.Г. Экономический механизм стратегического управления развитием вуза: монография. М., 2007.
4. Кортон С.В. Инновационный потенциал и инновационная активность вузов. Университетское управление. 2004. №1(29). С. 61-68.
5. Ворошилова Л.Л. Инновации и конкурентоспособность вуза на рынке образовательных услуг // Российское предпринимательство. 2002. №11. С. 76-81.
6. Переслегин С.Б. Основные положения инновационного анализа. Группа конструирования будущего. URL: http://www.igstab.ru/materials/Pereslegin/Per_InovAnalys.htm (дата обращения: 13.03.2015).

САРАТОВСКАЯ МОЛОДЕЖЬ В ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

М.А. Шедловская

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: shedlonskaya.margo.ru

В статье по результатам социологического исследования анализируется степень успешности социальной интеграции молодежи в пространство социальных взаимодействий, выделяются проблемные зоны конструктивного социального взаимодействия и социальной дезинтеграции.

Ключевые слова: молодежь, социальное взаимодействие, социальное пространство, степень социальной интеграции.

THE SARATOV YOUNG PEOPLE IN THE SOCIAL SPACE INTERACTIONS

M.A. Shedlovskaya

In the article the results of sociological research analyzes the degree of success of social integration of young people in the space of social interactions, problem areas stand out for constructive social interaction and social disintegration.

Key words: youth, social interaction, social space, the degree of social integration.

Молодость – это период становления зрелой личности, когда наиболее интенсивно осуществляется ее интеграция в социальную канву повседневности. Именно в этот период поиск собственной идентичности, профессионального и идеологического самоопределения молодого человека сопрягается с мнением окружающих. В работах Э. Эриксона [1], И. Кона [2] раскрыты типология и механизмы самоидентификации личности, особенности ее стиля общения и межличностных отношений (интимные, стереотипные отношения и состояние изоляции). Омельченко предлагает новый термин «солидарности», как принципа обобщения молодежных групп на основе особого типа коммуникации, для которого характерно наличие общих идей, «интуитивного доверия» между участникам [3].

Современный молодой человек конструирует свою идентичность в среде, насыщенной символами различных стилей. Его выбор формально не ограничивается какими-либо субкультурными рамками и определяется индивидуальными предпочтениями и интериоризированными ценностными установками, воспринятыми от ближайшего окружения.

Социальные сети, электронная почта, видеочаты и другие средства интернет открыли уникальные возможности установления и поддержания социальных отношений [4]. Поскольку социально-исторический контекст каждого молодежного поколения свой, то создается особенное, специфичное именно для этого поколения культурное пространство.

В. Ядов [5] впервые в отечественной социологии применил понятие социальной идентификации. Исходя из его положений под социальной идентификацией молодежи понимается сознательное признание принадлежности к конкретной группе со стороны внешнего окружения, отождествление себя по общим проблемам, жизненным интересам и социальным симпатиям с определенной социальной группой. Социальная идентификация обусловлена глубинной потребностью в признании, групповой защите, самореализации, ожидании позитивной оценки референтных групп и общностей. Иными словами социальная идентификация во многом определяется степенью интеграции с окружающими людьми в процессе социального взаимодействия. Результатом процесса социальных идентификаций индивида становится его социальная идентичность [6]. Идентичность становится призмой, через которую рассматриваются, оцениваются и изучаются многие важные черты современной жизни [7] и включает социально одобряемые личностные качества [4].

Социальное взаимодействие, лежащее в основе социальной идентичности, согласно сложившемуся в классической социологии подходу, предполагает взаимность, некоторую сопряженность действий молодежи, ее нацеленность на реакцию окружающих. Вступая во взаимодействие, молодые люди ориентируются на собственные представления о реальности, которые отражаются на их состоянии и ожиданиях, проявляющихся как устойчивый интерес к ответным действиям партнеров [8]. Оценка эти ответных реакций окружающих определяется знаниями, представлениями и образом окружающих, степенью соответствия ожиданий реальным характеристикам и действиям. От этого зависит самооценка молодежи, ее реакция на других субъектов социального взаимодействия, а, следовательно, – сам процесс регулирования этого взаимодействия и его результирующая составляющая – степень интеграции молодежи в социальную канву повседневной жизни социума.

Проведенный в 2014 году социологический опрос молодежи города Саратова методом формализованного интервью по репрезентативной квотно-территориальной выборке (опрошено 533 человека: 49% юношей, 51% девушек) показал, что критериями степени социальной интегрированности молодежи выступают степень согласия с утверждениями, что «в нашей семье нет провокаторов – агрессоров», «я не испытываю давления со стороны руководства», «ссоры не выносятся за

пределы нашего коллектива», «у меня вежливые и уважительные отношения с учителями», «я поддерживаю хорошие отношения с группой лидеров», «с большей частью окружающих я в хороших отношениях», «я – уважаемая личность», «я – полноправный член своего класса», «я не одинок в этом мире», «я пользуюсь доверием близких», «меня любят». Обобщенные результаты социальной интегрированности молодежи представлены в таблице 1.

Табл. 1. Критерии степени социальной интегрированности молодежи
(% по каждому критерию)

Критерии степени социальной интегрированности	Степень согласия					Итого
	абсолютно не согласен	скорее не согласен, чем согласен	по ситуации	скорее согласен, чем не согласен	полностью согласен	
в нашей семье нет провокаторов-агрессоров	7%	8%	22%	25%	38%	100%
я не испытываю давления со стороны руководства	7%	7%	21%	25%	40%	100%
ссоры не выносятся за пределы нашего коллектива	2%	4%	22%	29%	43%	100%
у меня вежливые и уважительные отношения с учителями	4%	3%	20%	29%	44%	100%
я поддерживаю хорошие отношения с группой лидеров	3%	2%	19%	30%	46%	100%
с большей частью окружающих я в хороших отношениях	3%	3%	14%	26%	54%	100%
я – уважаемая личность	1%	2%	11%	28%	58%	100%
я – полноправный член своего класса	2%	2%	15%	22%	59%	100%
я не одинок в этом мире	2%	4%	9%	23%	62%	100%
я пользуюсь доверием	2%	2%	9%	25%	62%	100%
меня любят	1%	2%	9%	23%	65%	100%

К наиболее общим критериям социальной интеграции молодежи отнесены такие характеристики, которые предполагают определенные стабильные состояния социального взаимодействия. Их отличает наибольшая распространенность максимально позитивных ответов. Так 65% молодежи абсолютно уверены, что их любят и еще 23% высказали более осторожную уверенность в этом. 62% полностью и 25% частично уверены, что пользуются доверием окружающих. Не чувствуют себя одинокими абсолютно – также 62%. Частично в этом уверены – 23%. Ситуативно эти три характеристики оценили по 9% саратовской молодежи. Видимо, их интеграция в социальное сообщество еще не завершена. И

только от 3% до 6% молодежи полагают, что их не любят, им не доверяют и они одиноки в этом мире. Можно предположить, что их воображаемая или реальная изоляция от окружающих связана с наличием значительных проблем в социальном взаимодействии с близкими людьми.

Следующие три характеристики раскрывают характер взаимоотношений молодежи с окружающими. Большинство опрошенных (59%) считают себя полноправной личностью. Еще 22% с этим согласны, но менее категорично. 15% – оценили это ситуативно. Почти такая же доля молодежи полностью (58%) или частично (28%) уверены в том, что их уважают окружающие. 11% – ситуативно оценивают уважительное отношение к себе. Чуть меньше доля тех, кто утверждает, что у них всегда (54%) или почти всегда (26%) хорошие отношения с большей частью окружения. 14% оценивает это ситуативно. И только от 3% до 6% молодежи полагают, что их не уважают, у них нет полноправия и у них плохие отношения со своим социальным окружением.

Следующая группа критериев степени социальной интегрированности молодежи предполагает более конкретизированную характеристику отдельных жизненных аспектов и отличается менее позитивными, более ситуативными оценками. Так, только 46% молодых людей полностью и 30% частично уверены в своих хороших отношениях с группой лидеров. 19% оценивает это ситуативно. 5% молодежи уверены, что это – не так. Еще меньше доля тех, кто уверен полностью (44%) или частично (29%) в своих вежливых и уважительных отношениях с учителями. 22% оценивают эти отношения ситуативно. 7% полагают, что их отношения с учителями далеки от совершенства.

Только 43% молодежи полностью и 29% – частично уверены, что ссоры не выносятся из их коллектива. 22% полагают, что это зависит от ситуации. 6% опрошенных уверены в обратном. Еще меньше доля тех, кто не испытывает давления со стороны руководства (40%). Каждый четвертый более осторожно согласен с этим. Каждый пятый считает, что это зависит от ситуации. 14% уверены, что руководитель всегда или почти всегда оказывает на них давление. И, наконец, 15% полагают, что провокаторы-агрессоры имеются в их семье. Каждый пятый полагает, что они в семье проявляются эпизодически. Только 38% уверены, что в их семье никогда или почти никогда (25%) никто не ведет себя агрессивно. Таким образом, при достаточном благополучии большинства молодежи в плане социальной интегрированности, чем конкретнее описываемые зоны, тем больше обнаруживается социальных проблем взаимодействия с окружающими. И самым проблемным полем оказалась семья молодых людей и рабочая обстановка.

Таким образом, подавляющее большинство молодежи (54-65%) активно и беспроблемно интегрируются в социальное пространство взаимодействия с окружающими людьми. Однако каждый четвертый

молодой саратовец осторожно сохраняет небольшую дистанцию между собой и социальным окружением. Каждый пятый – ситуативно реагирует на ожидания окружающих, не всегда стремясь им соответствовать. Это составляет проблемные зоны социального взаимодействия, чреватые нарастанием социального отчуждения. Но самый проблемный характер социальное взаимодействие носит у 4-7% молодежи. По сути, здесь речь идет о дезинтеграции и высоком уровне социального отчуждения молодежи.

Библиографический список

1. Эриксон Э.Г. Детство и общество / Пер. и науч. ред. А.А. Алексеева. СПб., 1996.
2. Кон И.С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. М.: Политиздат. 1984.
3. Омельченко Е.Л. Субкультуры, поколения, солидарности? К вопросу концептуализации новых форм коммуникации в молодёжной среде // XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. В четырех книгах. Книга 3. / отв. ред. Е. Ясин. М., 2012. С. 478-488.
4. Дженкинс Р. Глобализация и идентичность: теоретический обзор // Человек, сообщество, управление. 2007. №4. С. 81-94.
5. Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. №1. С. 35-52.
6. Давыдов Д.А. Социальная идентичность: теория рационального выбора как альтернативный подход к концептуализации // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. №2. С. 132.
7. Бауман З. Идеализированное общество / пер. с англ. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. С. 176.
8. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Михеева В.В., Доверие и недоверие в саморегуляции эмоционального состояния субъектов социальных взаимодействий (на примере украинского общества) // Вестник Института социологии. 2014. №10. С. 111-129.

УДК 334.021

ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС КАК СТЕРЖЕНЬ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

И.Н. Юренков

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: igor1992@gmail.com

Статья посвящена анализу оборонно-промышленного комплекса России в роли основы инновационного развития социально-экономической системы. Подчеркивается, что ОПК должен рассматриваться как важнейший фактор инновационного прогресса.

Ключевые слова: инновации, инновационное развитие, оборонно-промышленный комплекс, национальная экономика, потенциал.

MILITARY-INDUSTRIAL COMPLEX AS THE CORE OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF SOCIO-ECONOMIC SYSTEM OF RUSSIA

I.N. Yurenkov

This article analyzes the military-industrial complex of Russia as a basis of innovative development of the socio-economic system. It is emphasized that the defense industry should be seen as a major factor of innovation progress.

Key words: innovation, innovative development, military-industrial complex, the national economy, the potential.

Современная экономика Российской Федерации находится на переломном этапе развития. Это связано с рядом трансформаций, которые обуславливают смену приоритетов и вектора ее развития. Эти общесистемные изменения определяют направленность отраслевых и секторальных преобразований, осуществляемых как в режиме рыночного саморегулирования, так и вследствие реализации дискреционной макроэкономической политики. Затрагивают они, безусловно, и ОПК.

Во-первых, это продолжающийся поиск соотношения плановых и рыночных методов в управлении социально-экономическими процессами. Во-вторых, это переход к информационному обществу. В-третьих, это смена парадигмы национального экономического развития, отказ от топливно-сырьевой специализации России в мире и формирование предпосылок, а затем – и переход, к инновационной экономике. Ключевая роль ОПК в развитии российской экономики в этих условиях обусловлена рядом факторов; среди наиболее значимых – следующие:

- высокий уровень технологичности большей части производимой им продукции, что создает предпосылки для инновационного обновления всей российской экономики;
- значительная часть производств ОПК относится к машиностроению, которое, в свою очередь, обуславливает техническую возможность диффузии технологических инноваций во все сферы хозяйства и социальной деятельности; несмотря на проведенную приватизацию, ОПК в целом сохранил свое технологическое и организационное единство, здесь имеется высокая концентрация капитала и других ресурсов, что обеспечивает управляемость процессов развития;
- производства в ОПК, как правило, отличаются значительной технологической и организационной сложностью [1].

Анализ позволил автору выделить следующие основные современные тенденции развития ОПК России:

- дальнейший незначительный рост объемов экспорта российской продукции военного назначения, что определяет увеличение

загрузки производственных мощностей предприятий и соответственно улучшение их финансово-экономических показателей, которые на некоторых предприятиях, из-за недозагруженности, неудовлетворительны;

- завершение разработки и принятие на вооружение, а также развертывание широкомасштабного производства российским ОПК модернизированных образцов вооружений 5-го поколения, реализующих технологии интеграции разведки, связи и управления, комплексирования применения в различных средах, миниатюризации компонентов и систем (в том числе расширение применения микророботов военного назначения и других новых образцов); рост объемов производства и поставок в рамках реализации Государственной программы вооружений (ГПВ) на 2011-2020 годы и аналогичных последующих перспективных программ;
- обновление технологической базы российских предприятий ОПК; физический износ станков и оборудования составляет до 80%, что снижает возможности организаций производить новую, конкурентоспособную технику. На решение этой проблемы направлена реализация Федеральной целевой программы Развитие оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации на 2011-2020 годы [2];
- углубление институциональных изменений в ОПК. Это вызвано проведением реструктуризации оборонно-промышленного комплекса, для приведения его в соответствие решаемым стратегическим задачам, обеспечения высоких темпов развития поддерживающих его функционирование науки и образования, смежных отраслей производства.

В целом, указанные тенденции будут определять облик и основные системные свойства российского ОПК в среднесрочной перспективе. Однако их реализация требует активной роли государства. Лишь в этом случае они проявятся наиболее отчетливо, а риски и неопределенности будущего развития будут преодолены, что создаст предпосылки для формирования в российской экономике системно значимого полюса инновационно-технологического развития, базирующегося на ресурсах и возможностях оборонно-промышленного комплекса.

Предприятия ОПК на инновационное развитие национальной экономики могут влиять двояко: во-первых, через специфически-отраслевой инновационный процесс, связанный с разработкой и производством новых товаров и услуг военного назначения; во-вторых, через трансфер технологий, изначально разработанных для военного применения, в гражданские сферы. Активизации инновационных процессов и трансфера технологий именно на предприятиях ОПК

способствует и то, что они обладают доступом к уникальным ресурсам, пользуются поддержкой государства, зачастую более управляемы в рамках созданных государственных и полугосударственных компаний и объединений (Объединенная судостроительная корпорация, Концерн Алмаз-Антей и др.).

Согласно имеющимся оценкам, на предприятиях ОПК сегодня производится около 5% промышленной продукции РФ. Несмотря на незначительность данного показателя, ОПК представляет собой наиболее наукоемкий сектор промышленности, при этом он сохраняет и наращивает имеющийся научно-производственный потенциал. В целом инновационная активность предприятий ОПК в 1,5-2 раза выше, чем их гражданских «аналогов». Наибольший объем производства инноваций в ОПК приходится на авиационную промышленность (до 50%), наименьший – на промышленность боеприпасов и спецхимии (около 15%). Основными видами инноваций в ОПК являются продуктовые (готовая продукция: образцы вооружения и военной техники, а также комплектующие и ремонтные материалы) – около 40% – и процессные (новые технологии обработки материалов, проектирования, автоматизированные и механизированные процессы производства и т.д.) – около 25% [3].

Как показало наше исследование, для дальнейшей активизации инновационной деятельности оборонных предприятий необходимо технологическое обновление и модернизация производства, совершенствование кадрового обеспечения научно-технической и инновационной деятельности в ОПК; создание внутрироссийского (а также в рамках Таможенного союза и иных интеграционных объединений) рынка инноваций; формирование механизмов привлечения инновационно ориентированных инвестиций в ОПК; повышение эффективности использования бюджетных ассигнований, выделяемых на развитие инноваций в ОПК, в т.ч. через механизмы бюджетирования, ориентированного на результат; совершенствование внутрикорпоративных механизмов управления инновационной активностью в ОПК; поддержка трансфера технологий от военного к гражданскому сектору; привлечение при содействии государства новых заказчиков на инновационную продукцию ОПК.

ОПК, с позиций анализа инновационности, играет в экономике России двоякую роль. Во-первых, от технического уровня производимой им продукции зависит обороноспособность страны, ее уровень национальной безопасности. Во-вторых, ОПК и в российской, и в мировой практике является мощным источником трансфера новых технологий в гражданские отрасли экономики, в социально-экономическую сферу. Помимо рассмотренных двух обстоятельств, связанных с производством, ОПК оказывает инновационное влияние на экономику и через предъявление спроса на высокотехнологичную продукцию.

ОПК может и должен рассматриваться в качестве фактора инновационного развития. Учет этих результатов в государственной экономической политике, направленной на развитие ОПК, а также на уровне управления его предприятиями и корпорациями, позволит более полно использовать потенциал ОПК для стимулирования инновационного развития российской экономики.

Библиографический список

1. Инновационный потенциал Военно-промышленного комплекса России. URL: <http://www.webeconomy.ru/index.php?page=cat&newsid=844&type=news> (дата обращения: 12.12.2014).
2. Князьнеделин Р.А., Курбанов А.Х., Плотников В.А. Государственный заказ как инструмент промышленной политики в оборонно-промышленном комплексе: теория и практика. СПб.: ВАМТО, 2013. С. 3.
3. Кудрявцева С.С. Инновационные процессы в ОПК // Научный эксперт. 2010. №4. С. 42-48.

РАЗДЕЛ 23. ЧЕЛОВЕК, ВЛАСТЬ, СОЦИУМ В ИСТОРИЧЕСКОМ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

УДК 94(47).083

«ДЕЛО ИМПЕРАТОРА»: ВОПРОС О ЦАРСКОЙ ИЗМЕНЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАССЛЕДОВАНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА)

Ю.В. Варфоломеев

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: ybartho@mail.ru

В статье рассматривается проблема инсинуаций по поводу царской измены в годы Первой мировой войны и ход расследования Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства этого делу. На основе анализа различных источников автор приходит к выводу о том, что следственной комиссией не обнаружено фактов, свидетельствовавших о признаках измены в действиях императорской четы – Николая II и Александры Федоровны.

Ключевые слова: царская измена, Николай II, Александра Федоровна, расследование, Чрезвычайная следственная комиссия.

"CASE OF THE EMPEROR": QUESTION OF THE TSAR CHANGED IN THE FIRST WORLD WAR (BASED ON INVESTIGATIONS SPECIAL COMMISSION OF INQUIRY PROVISIONAL GOVERNMENT)

Y.V. Varfolomeev

This paper studies the problem of insinuations about the royal treason during World War I and the investigation of the Extraordinary Commission of Inquiry of the Provisional Government in this case. Based on the analysis of different sources, the author concludes that the Commission of Inquiry found no evidence that established the signs of treason in the actions of the imperial couple of Nicholas II and Alexandra Feodorovna.

Key words: royal betrayal, Nicholas II, Alexandra, investigation, Extraordinary commission of inquiry.

В своей знаменитой думской речи 1 ноября 1916 г., послужившей, фактически, сигналом к решающему штурму царизма, лидер кадетов П.Н. Милюков, недвусмысленно обвинил власти в «глупости или измене». Сделать выбор он предоставил коллегам. В итоге, большинство депутатов поверили в последнее – «измену» Верховной власти, причем «даже там,

где сам я не был в нем вполне уверен» [1, с. 194], – признался спустя несколько лет автор сенсационных «разоблачений».

В марте 1917 г., общество взбудоражила публикация в газете «Российская республика» с интригующим и говорящим названием «Загадочная переписка Алисы Гессенской с ее друзьями». В сенсационной статье приводились якобы тексты телеграмм бывшей императрицы и некоего Арнольда Розенталя с мая по октябрь 1916 г. Эта переписка, по мнению газеты, давала основание обвинить царицу «в шпионстве в пользу Германии». «Аляповатость подделки, – свидетельствует Завадский, – бросалась в глаза...» [2, с. 50]. Между тем Временное правительство не могло проигнорировать скандальное газетное сообщение и Чрезвычайной следственной комиссии (Далее. – ЧСК) было поручено провести по этому вопросу «особое предварительное следствие». После тщательно проведенной следователем ЧСК Г.П. Гирчичем проверки действительно обнаружилась «аляповатость подделки». Выяснилось, что все тексты сочиняла и передала сенсационный материал репортеру служащая петроградской цензуры за обещание газетчика подарить ей торт.

Однако в годы Первой мировой войны общественное мнение и расхожие слухи об императрице Александре Федоровне, формировались и были представлены в крайне негативном ракурсе, хотя и до этого она никогда не была популярна в народе. «Как только она приехала в Россию, ее стали называть “гессенской мухой”, – поясняет Б.И. Колоницкий. – Она – дочь герцога гессенского, а гессенская муха – это насекомое-вредитель, уничтожающее посевы злаков. Она не смогла стать популярной, и если до Первой мировой войны это еще было в каких-то рамках, то после возникло множество слухов. Один из слухов – политические обвинения в том, что она предательница» [3]. Яркой иллюстрацией этого является анекдот, записанный в дневнике Р.Б. Локкарта, британского дипломата и разведчика. «Ходит несколько хороших анекдотов, – записал он весной 1915 года. – Вот один из них. Дворец. Маленький царевич плачет. Няня спрашивает его: “Мальчик, ну что ты плачешь все время?” Он отвечает: “Знаешь, няня, когда бьют русских – плачет папа, когда бьют немцев – плачет мама”. То есть, выражая некоторую солидарность с родителями, мальчик вынужден плакать все время, потому что в любой ситуации бьют своих» [4, с. 278].

Однако, наряду с этим, в обществе упорно курсировали слухи, утверждавшие, что императрица не просто симпатизирует немцам, а на самом деле – она «шпионка» и даже «диверсантка». В подтверждение этого из уст в уста передавалась нелепая информация о том, что в Царскосельском дворце находится тайная радиотрансляционная станция. Ходили также слухи о том, что царица является покровительницей спекулянтов, которые осуществляют торговлю с Германией через Швецию. В Германию царица продает хлеб, и это единственная причина

того, почему Германия еще держится, несмотря на сложное продовольственное положение. С другой стороны это, якобы, объясняет проблемы с продовольствием в России. Парадоксально, но факт – большое количество людей, и даже из высших сфер общества верили в эти небывлицы. По данным Б.И. Колоницкого существует запись в дневнике фронтового генерала, который оценивает эту информацию как сенсацию. «Нельзя сказать, что он полностью в это верит, но и не отбрасывает как полную чепуху, – отмечает автор. – То есть множество современников верило в такую тайную радиотрансляционную станцию для передачи секретной информации» [3].

В годы войны и её супруг – император Николай II стал все чаще подвергаться вызывающе грубым оскорблениям и едким насмешкам. Несмотря на ура-патриотическую карикатуризацию Вильгельма II, рейтинг российского императора, по сравнению с ним, был крайне невысок. На фоне воинственного и победоносного кайзера враждебной державы Николай II изображался как «царь-дурак», «царь-пробка» и «царь-баба». Немецкая пропаганда намеренно и нагло противопоставляла русскому императору Вильгельму II: «Наш царь умный, а вы – дураки, и царь ваш дурак». «Но, как ни странно, – отмечает Колоницкий, – и у русских крестьян и казаков был точно такой же аргумент: царь не выполняет свои профессиональные обязанности» [3]. Русскому царю противопоставлялся деловитый и удачливый Вильгельм II: «Немецкий-то царь 40 лет к войне готовился, снаряды делал да пушки отливал, а наш-то дурак только водку продавал и театры открывал» (совершенно бесполезное дело). Или: «а наш-то пробочник только водку гнал да школы открывал» [4, с. 280]. Другими словами, в глазах народа Николай II выглядел предателем интересов страны, так как не подготовил её к войне.

Были и политические обвинения другого рода. Говорили, что царь царствует, а правит царица, что царица является фактическим руководителем русского правительства. Действительно, в годы Первой мировой войны влияние царицы возросло, однако, общественное мнение фантастически преувеличило это влияние. Ей вменялось в вину то, что она готовит переворот, хочет сместить венценосного супруга с помощью немецких агентов. Например, когда императрица приезжала в Могилев в Ставку Главнокомандующего, начиналась паника – прятали секретные документы, боялись, что если документ попадет ей на глаза, то станет известен Германии. «Ходили слухи, – пишет Колоницкий, – что якобы Морской министр специально дезинформировал царицу, и в тот момент, когда должны были прийти русские корабли, их уже ждали немецкие подводные лодки» [4, с. 281].

Разговоры о германофильстве Императрицы-немки и её измене упорно циркулировали в российском обществе с самого начала войны. Но ответа на вопрос, – так ли это, на самом деле, – ждали от ЧСК. Поэтому

расследование этого сюжета стало одной из первоочередных и приоритетных задач в деятельности Комиссии, а не прихотью министра юстиции А.Ф. Керенского или председателя ЧСК Н.К. Муравьева. Рассуждая об особом их отношении к бывшему императору А.Я. Аврех утверждал, что «Муравьев не посмел даже настоять на производстве обыска у царя...» [5, с. 80]. Напротив, факты свидетельствуют как раз об ином.

Следователь В.М. Руднев, которому было поручено дознание по этому вопросу, провел глубокое и беспристрастное расследование в этом направлении. Им были произведены тщательные осмотры помещений членов Императорской Фамилии и Царских покоев на предмет существования в прямого провода в Берлин. В итоге следователь пришел к выводу: «никаких указаний на сношение Императорского Дома с немецким, во время войны, установлено не было. При проверке же мною слухов об исключительно благожелательном отношении Императрицы к раненым военнопленным-немцам выяснилось, что отношение Ее к раненым немцам было таким же одинаково теплым, как и к раненым русским воинам, причем такое свое отношение к раненым Императрица объясняла выполнением лишь Завета Спасителя, говорившего, что кто посетит больного, тот посетит Его Самого» [6, с. 39].

Подозрения в измене Императрицы не подтвердили и показания близкому к царской чете И.Ф. Манасевича-Мануйлова, который, ссылаясь на Г.Е. Распутина, заявил на допросе, что царица «стоит страшно за продолжение войны и что про нее говорят неправду, что она стоит за мир. Это он мне много раз говорил искренно, потому что была такая обстановка, что он не врал, – я глубоко убежден в этом. На царя, наоборот, он смотрел так, что царь ненадежный и царь скорее может уступить, чем она» [7, с. 54].

В поисках ответа на этот вопрос ЧСК обратилась и к переписке царя и царицы. По свидетельству члена Комиссии А.Ф. Романова, Муравьев через коменданта Царскосельского дворца «намекнул» Николаю II о том, «чтобы бывший император сам отдал свою переписку, что тот и сделал, самолично рассортировав и разложив ее по конвертам со свойственной ему аккуратностью» [8, с. 20]. Понимая особую важность и ценность эпистолярных материалов, Муравьев обратил на это внимание и Временного правительства. Об этом свидетельствует его переписка в течение нескольких месяцев (с 11 апреля по 20 октября 1917 г.) с канцелярией Управляющим делами Временного правительства и председателем Петроградской военной цензуры о сохранении корреспонденции бывшего Императора, членов его семьи и бывших министров [7, с. 347].

После исследования переписки стало ясно, что она полностью подтверждает слова «старца» и показания Манасевича-Мануйлова. Теперь

стало очевидно, что царь и царица отвергали даже самую возможность постановки вопроса о сепаратном мире. В их переписке находим также и объяснение этому факту: все свои надежды на упрочение власти и преодоление революционного кризиса в стране царская чета полностью связывала с военной победой [7].

На основе материалов допросов к аналогичным выводам пришел и секретарь Комиссии Блок: «Я читал показания С.Д. Сазонова, которые он дал следователю. Царь быстро схватывал вопросы внешней политики. Во внутренней был просто не осведомлен. Он и Александра Федоровна относились отрицательно к Вильгельму (случаи свиданий, фразы по этому поводу). Александра Федоровна получила английское воспитание и никаких немецких симпатий не выражала, как и царь <...>. Германофильство выражалось, разве, у Маклакова. <...> Николай II унаследовал нелюбовь к немцам от Александра III» [9, с. 341-342].

Между тем вопрос о следствии и суде над бывшим императором не раз обсуждался в ЧСК, но тогда «трагедия еще не началась...» [9, с. 346], – пророчески заметил Блок. Члены Комиссии только обменивались мнениями, так как Временное правительство оставило окончательное разрешение наиболее важных вопросов, включая и этот, до созыва Учредительного собрания. Сенатор Завадский упоминал позднее в своих воспоминаниях, что председатель ЧСК, хотя и не прямо, но все же пытался поставить вопрос о привлечении царя к суду. «Мне тогда же говорили, со ссылкой на известного присяжного поверенного Н.П. Карабчевского, – писал он, – что А.Ф. Керенский думал о предании суду даже отрекшегося императора. От Керенского я того ни разу не слышал, но в нашей комиссии Н.К. Муравьев бродил вокруг да около этого вопроса, не поднимая, а, так сказать, шевеля его по разным поводам» [2, с. 49]. Другой член Президиума Комиссии А.Ф. Романов, напротив, категорично утверждал, что «обвинять царя в каком-либо преступлении не решались даже Муравьев и Соколов» [8, с. 20].

Вместе с тем имеется лишь одно документально засвидетельствованное высказывание председателя ЧСК по вопросу о привлечении к суду бывшего Императора. Присутствовавший вместе с Муравьевым на Первом Всероссийском съезде Советов секретарь Комиссии Блок отметил, что там «спрашивали, между прочим, занимаемся ли мы делом Николая Романова» [9, с. 263]. На что председатель ЧСК ответил следующим образом: «По нашему заданию мы не призваны для того, чтобы обследовать преступления самой верховной власти. <...> Мы останемся в пределах наших заданий – мы считаем, что дело Учредительного собрания разобрать часть материалов, которые вышли за пределы нашей непосредственной задачи...». На вопрос, «так ребром поставленный», ответ один: он «не относится к кругу ведения нашей комиссии» [7, с. 27]. Другими словами, Муравьев еще раз подтвердил

намерение Комиссии оставаться в пределах расследования преступлений только высших сановников царского режима: «Николая Романова комиссия решила не допрашивать (Учредительное собрание; а мы остаемся в пределах своих “трех классов”» [9, с. 289], – изложил позицию председателя секретарь Комиссии Блок.

Таким образом, Чрезвычайная следственная комиссия в ходе расследования так и не обнаружила фактов измены со стороны императорской четы. «Царь и Царица оказались чистыми...» [10, с. 89], – констатировал К.Д. Кафафов. Однако вопреки выводам комиссии, различные слухи, не подкрепленные неопровержимыми документами и доказательствами, все-таки привели к падению престижа царской власти, её десакрализации, и в конечном итоге – крушению монархии.

Библиографический список

1. Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. 398 с.
2. Завадский С.В. На великом изломе. (Отчет гражданина о пережитом в 1916-годах) // Архив русской революции в 22 т. М., 1991. Т. 11. 309 с.
3. Колоницкий Б.И. Политическая порнография: случай России (1914-1917) // URL: <http://www.leontief.ru/inc2/articles/237/307/basket/colonizkii.pdf> (дата обращения: 19.12.2015).
4. Колоницкий Б.И. Политические функции англофобии в годы Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война: материалы междунар. науч. коллоквиума. СПб., 1999. С. 271-287.
5. Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989. 256 с.
6. Руднев В.М. Правда о царской семье // Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 2. С. 16-38.
7. Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 году в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. В 7 т. М.-Л., 1924-1927. Т. 2. 1925. 440 с.
8. Романов А.Ф. Император Николай II и Его правительство (По данным Чрезвычайной следственной комиссии) // Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 2. С. 39-58.
9. Блок А.А. Записные книжки. 1901-1920. М., 1965. 663 с.
10. Кафафов К. Д. Воспоминания о внутренних делах Российской империи // Вопросы истории. 2005. №6. С. 69-92.
11. Локкарт Р.Б. История изнутри. Мемуары британского агента. М., 1991. 318 с.
12. Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Пг., 1923. Т. 3. 392 с.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ И РЕАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ (НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИИ РЕСПУБЛИКИ НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ)

А.А. Герман

*Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: a.a.german@mail.ru

Автор показывает, как использование лидерами немецкого общественного движения в политической борьбе сформированного к концу 1980-х гг. искаженного исторического образа Республики немцев Поволжья привело к дезориентации немецкого населения и стало причиной массовой эмиграции российских немцев в Германию.

Ключевые слова: исторический образ, историческая память, российские немцы, Республика немцев Поволжья, эмиграция в Германию.

HISTORICAL IMAGES AND REAL HISTORY (ON THE EXAMPLE OF HISTORY OF THE VOLGAGERMAN'S REPUBLIC)

A.A. German

The author shows how the use of the leaders of the German social movement in the political struggle formed by the end of the 1980s. distorted historical image of the Volga German's republic led to the disorientation of the German population and was the cause of the mass Russian Germans emigration in Germany.

Key words: historical image, historical memory, Russian Germans, Republic of the Volga Germans, emigration to Germany.

Хорошо известно, что понятие «образ» как философская категория – это результат отражения объекта в сознании человека [1]. «Исторический образ» более конкретная категория и представляет собой отражение в человеческом сознании конкретных исторических фактов, событий, явлений или личностей, сыгравших определённую историческую роль.

Казалось бы, исторический образ может и должен быть объективен, поскольку отражает определённую историческую реальность в пространстве и времени. Однако это не так в силу ряда причин.

В-первых, историческая реальность может быть настолько сложной и многообразной в своих проявлениях, что выявить все её особенности порой просто невозможно. Мы знаем, что один и тот же предмет с разных точек обзора может выглядеть по-разному. И каждый образ предмета будет объективно отражать лишь отдельную сторону, грань предмета. Такой образ будет объективен по отношению к видимой стороне, грани, но

не ко всему предмету. Так и в истории: мы видим только ту часть события или явления, которая отражается в обнаруженных нами источниках. Чем больше разносторонних источников, тем точнее, а, следовательно, и объективнее мы можем реконструировать событие, т.е. создать его образ.

Во вторых, исторический образ есть нечто субъективное, идеальное, возникающее в голове субъекта и отображаемое им в определённой форме (устная речь, текст, рисунок и т.п.). Он не имеет самостоятельного бытия вне отношения к своему материальному субстрату – мозгу и к объекту отражения. Формирование образа проходит через ряд уровней и стадий. На чувственной ступени познания возникают первичные образы: ощущения, восприятия и представления. Следующий уровень – уровень мышления на нём образами становятся понятия, суждения и умозаключения. Большую роль в формировании исторического образа играют внимание, память, воображение субъекта. У каждого человека отмеченные психические процессы и свойства индивидуальны и своеобразны. И это тоже усиливает субъективность формируемого исторического образа.

Наконец, в-третьих, каждый субъект обладает индивидуальным мировоззрением, основанным на той или иной идеологии – системе взглядов на развитие природы и общества. Он вооружён определённым уровнем и объёмом исторических знаний, методологическим инструментарием, определяющим своеобразие пути исследования. Все эти факторы также существенно влияют на формирование исторического образа.

Таким образом, формируемый образ является функцией действия множества определённых факторов, связанных как с объектом, так и субъектом исследования. Следовательно, правомерно говорить о том, что исторический образ объективен по своему содержанию в той мере, в какой он верно отражает объект. Отсюда объективность можно сравнить с математической бесконечностью. Её никогда невозможно достигнуть, но необходимо стремиться к максимальной объективности при создании исторического образа.

Кроме того, предыдущий вывод позволяет перейти к следующему: раз полной объективности достигнуть невозможно, значит, образ исторической реальности никогда не исчерпывает всего богатства её свойств и отношений. Оригинал, т.е. реальное историческое событие или явление, всегда богаче своего образа-копии, созданного исследователем. Следует оговориться, что этот вывод верен именно для субъекта, проводящего научное исследование.

Специфической формой исторического образа является художественный исторический образ. При его создании, как правило, автор, сохраняя объективным общий фон, контекст исторического события допускает художественный вымысел в деталях и частностях. В результате формируемый художественный образ описываемой исторической

реальности является в определённой степени искажённым. Великий мастер пера настолько искусно вплетает вымысел в документальную канву, что не только не искажает цельного образа исторических событий, но помогает ещё лучше их понять и осмыслить. Ярким примером такого исторического художественного произведения, как представляется, может служить роман Л.Н. Толстого «Война и мир».

Однако следует отметить ещё и такую особую искажённую форму исторического образа как историческая фальсификация. Представляются три пути создания исторических фальсификаций:

- ненамеренная, вызванная неопытностью исследователя, недостаточным владением историческим материалом;
- намеренная, вызванная личными целями автора, далёкими от научных интересов, когда источники пытаются подогнать под заранее выстроенную схему;
- намеренная, вызванная выполнением автором определённого политического, социального или иного заказа.

Однажды возникнув, исторический образ приобретает относительно самостоятельный характер и, внедрившись в общественное сознание, может играть активно-действенную роль в поведении как отдельных индивидуумов, так и различных групп людей, человеческих сообществ. Исторический образ, внедрившийся в сознание масс, может регулировать их поведение, осуществлять функции управления их действиями, влияет на формирование и принятие управленческих решений. Нетрудно понять, что ложный исторический образ будет стимулировать ошибочные решения и ошибочное поведение.

Наконец, надо вспомнить ещё одну категорию – историческую память и такие её свойства как бинарность (белое/чёрное, хорошее/плохое), избирательность (забывается то что неприятно, остается в памяти то, о чем приятно вспоминать), символичность и мифологизированность (вместо точной передачи фактов и событий – предельная обобщённость образов, формирование позитивных символов) [2-4].

Опираясь на высказанные теоретические положения, попробуем проиллюстрировать их на конкретном историческом примере – истории Республики немцев Поволжья.

По иронии судьбы, период, когда поволжские немцы имели свою государственность (1918-1941 гг.), стал заключительным и наиболее драматичным в 177-летней истории их проживания на берегах великой российской реки. Депортация 1941 года положила конец существованию поволжских немцев как самобытной этнической группы [5].

В автономии немцев Поволжья имели место те же самые явления и процессы, вызывавшиеся политикой центрального большевистского руководства, те же основные негативные проявления господства тоталитарной системы, что были присущи всей многострадальной

советской стране на различных этапах её существования и развития. Вместе с другими народами России и Советского Союза немцы пережили военно-коммунистический эксперимент, продразвёрстку и голод, коллективизацию и раскулачивание, колхозно-крепостническую систему 1930-х гг. и порождённый ею новый голод, «большой террор» и тяготы войны.

Немцы долго и сложно адаптировались к большевистской власти, не воспринимая идеи классовой борьбы и коллективизма. Европейская специфика их ментальности вызывала, как правило, более негативную реакцию немцев на большевистские эксперименты и действия, более упорное сопротивление попыткам взломать традиционный образ жизни. А это, естественно, приводило к более жестоким карательным мерам со стороны режима [6, с. 284-293].

Жестоко пострадала национальная культура, тесно связанная с религией. Все ее дореволюционные достижения и традиции оказались под запретом и расценивались как проявление «буржуазного национализма». Тем самым (несмотря на сохранение определенных условий для существования и развития языка и общеобразовательного уровня) были подрублены традиционные устои жизни этноса. Часть немцев, особенно молодежь, дети, в условиях строжайшей цензуры на прошлое и беспрецедентного промывания мозгов большевистской пропагандой оказались отрезанными от своей национальной истории (она беззастенчиво фальсифицировалась), стали разделять новые «социалистические» ценности [7, с. 19-20, 218-220].

Таким образом, идеологическая цензура и мифологизация дореволюционной и советской истории российских немцев в 1918-1941 гг. положили начало амнезии исторической памяти у немецкого этноса.

После депортации 1941 г. и вплоть до конца 1980-х гг. под запретом находились не только изучение истории российских немцев, но даже упоминания о существовавшей когда-то АССР НП. Минимально и в силу крайней необходимости можно было говорить о немцах как одном из советских народов. Общественному забвению немцев и их истории способствовало тотальное уничтожение немецкой топонимики в Поволжье. В течение почти пяти десятилетий история немцев Поволжья, их республики могла сохраняться лишь в исторической памяти этноса.

Старшее поколение немцев, хорошо помнившее дореволюционную жизнь и негативы довоенной советской действительности, было серьезно выбито в 1930-е годы (речь идет о тысячах уничтоженных и погибших в процессе коллективизации, голода, массовых репрессий 1930-х гг., в частности – «Немецкой операции» НКВД 1937-1938 гг.) [8, с. 35-54], многие навечно остались в годы войны в «трудармии» или больные и увечные умерли в первые послевоенные годы. Те же немногие, кто пережил депортацию и пребывание в «трудармии», когда речь шла об

элементарном выживании, просто боялись ворошить прошлое и вести с молодежью «антисоветские разговоры».

Предвоенные дети, «внучата Ильича», повзрослев, в послевоенные годы стали основными распространителями мифа о «счастливой и зажиточной жизни в цветущей социалистической республике немцев Поволжья». В этом нет их вины. Они искренне говорили о том, что отложилось в их детской памяти, у которой, как известно, преобладающим является розовый цвет.

Позитивные оценки существования АССР НП поддерживали и распространяли бывшие партийные и государственные функционеры. В 1965 г. ими была сформирована делегация и предпринято несколько неудачных поездок в Москву. С позиций полной лояльности режиму они пытались уговорить руководство СССР восстановить немецкую автономию на Волге, но получили твердый и недвусмысленный отказ [9, с. 40-64].

В целом же в послевоенные годы долговременная историческая память российских немцев претерпела существенную трансформацию. Страшные события недавнего прошлого: депортация, трудармия, спецпоселение, когда речь шла о самом выживании российских немцев, заслонили собой все предыдущие события, сделав их малоактуальными, размытыми.

На фоне колоссальных потрясений военных и первых послевоенных лет исторический образ АССР НП стал выглядеть все более положительно, многие конкретные события и факты, особенно неприятные, стали забываться. Республика стала своеобразным символом, мечтой. В ее реставрации многие стали видеть панацею от всех бед и проблем жизни немцев.

Автору неоднократно доводилось брать интервью у пожилых немцев.

Особенно ценны интервью тех, кто в 1920-е – 1930-е гг. были взрослыми людьми. К сожалению таких интервью, взятых ещё в 1980-е – 1990-е гг. очень мало, тем они ценнее, поскольку наиболее объективны и достоверны.

Совсем по-другому проходили интервью с людьми рождения 1910-х – 1920-х, начала 1930-х гг. Как правило, вначале они говорили о прекрасной жизни в Республике немцев Поволжья до войны. Но когда задавались конкретные вопросы об их семье, родных, близких, о коллективизации, раскулачивании, голоде, который был не только в 1932-1933 гг., но и в 1936 и даже в 1939 гг., о работе в колхозе и количестве зарабатывавшихся трудодней, о достатке в семье, о многих других конкретных вещах, то, как правило, в поведении интервьюируемых происходили изменения в двух направлениях.

Одна часть с видимым удивлением для самих себя вдруг вспоминали некоторые конкретные факты из своей прошлой жизни, шедшие вразрез с

общей благостной картиной, сформировавшейся в их сознании. «Да, действительно, - говорили они, – Как же мы об этом забыли?» [10]. В данном случае речь идет о тех, кто не потерял способность к объективному мышлению

Другая (меньшая, но далеко не маленькая) часть респондентов тоже вспоминала негативные сюжеты своей жизни (это было заметно по их реакции), однако эти воспоминания вызывали у них резко негативную агрессивную реакцию. Они прерывали интервью, демонстративно заявляя, что лично у них все было хорошо, а об остальном они ничего не слышали, и вообще на эту тему они разговаривать не хотят. Понятно, что у этих людей искажённый позитивный образ АССР НП стал устойчивым стереотипом их внутренней духовной среды, и они не хотели что-либо менять в этом стереотипе.

Под напором перестроечных процессов в СССР стена умолчания о советских немцах начала постепенно разрушаться. Особенно заметным этот процесс стал в конце 1988 г., когда 70-летие образования немецкой автономии отметили пространными статьями сразу несколько центральных газет и журналов. В дальнейшем число таких публикаций в советской прессе стало быстро нарастать. Изложенные в этих статьях в общем-то самые элементарные сведения из истории и современной жизни немецкого населения страны для многих людей стали откровением. Они буквально открыли для себя немцев СССР.

Авторами публикаций были журналисты, писатели, публицисты. Профессиональные исследователи в то время ещё только «пробивали» доступ к архивным материалам, преодолевая многочисленные, порой абсурдные запреты и ограничения, существовавшие в архивах ещё со сталинских времён и потому, естественно, не могли в столь короткий срок подготовить и опубликовать более или менее объективные исследования по истории советских немцев и их автономии.

Выходившие в свет публицистические работы в подавляющем своём большинстве основывались на некритическом восприятии материалов довоенных отечественных официальных изданий (энциклопедий, справочников, брошюр, статей из журналов и газет). Это приводило к тому, что наряду с положительными результатами, информационный прорыв имел и серьёзные негативные последствия: был реанимирован миф сталинской эпохи о социалистической республике немцев Поволжья как о «цветущем уголке» советской страны, где «зажиточно и счастливо» жили её граждане, где немцы могли в полной мере реализовать свои национальные интересы и потребности. Республика стала символом, мечтой немецкого народа [11].

Такое представление о бывшей немецкой автономии сыграло далеко не последнюю роль в том, что в новых условиях перестройки развитие национального самосознания немцев вылилось в широкое движение за

восстановление АССР НП. Оно натолкнулось на сопротивление местного населения, проживавшего с послевоенных лет на территории бывшей АССР НП. Причем и с той стороны отсутствие информации и элементарных знаний о поволжских немцах привело к отождествлению их с нацистами со стороны наиболее радикальных антиавтономистов (Например, оскорбительный лозунг: «Не отдали немцам Волгу в 1942 г., не отдадим и сегодня!») [12, с. 141].

В этих условиях заявление президента Б. Ельцина в январе 1992 г. о том, что немецкой автономии на Волге не будет, стало своеобразной точкой невозврата, поскольку в этих условиях нацеленность на свою республику породила массовое разочарование в среде немцев России, привело их к выводу о бесперспективности в условиях России сохранения своей национальной идентичности. Следствием стала массовая эмиграция немцев из России в Германию. В течение 1990-х гг. туда выехало свыше 2,5 млн. человек (показатель, фигурирующий в официальных документах правительства Федеративной Республики Германии). Эмиграция нанесла большой экономический, политический и нравственный ущерб нашей стране.

Таким образом, на примере описанных событий из истории российских немцев хорошо видно как искажённый исторический образ и его использование в политике может привести к серьёзным негативным последствиям для страны и общества.

Библиографический список

1. Образ // Новая философская энциклопедия. Институт философии РАН URL: <http://iph.ras.ru/elib/2141.html> (дата обращения: 04.04.2015).
2. Полянский В.С. Историческая память в этническом самосознании и народов // Социологические исследования. 1999. №3. С. 11-20.
3. Тощенко Ж.Т. Историческая память и социология // Социологические исследования. 1998. №5. С. 3-6.
4. Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. №4. С. 3-14.
5. Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918-1941. М.: МСНК-пресс, 2007.
6. Герман А.А. Большевизм и российские немцы // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. М.: Готика, 1999. С. 284-293.
7. Герман А.А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М.: Готика, 1996.
8. Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937-1938 гг. // Наказанный народ: Репрессии против советских немцев. М.: Звенья, 1999. С. 35-74.
9. Бауэр В., Иларионова Т. Российские немцы: право на надежду. М.: Республика, 1995. С. 40-64.
10. Интервью, взятое автором у М.А. Клауса 14 июля 1992 г., п. Линево Волгоградской области. Личный архив автора.

11. Автономная Советская Социалистическая Республика немцев Поволжья. Энгельс: Немгосиздат, 1938.
12. Скучаева О.Е. Этносоциальная ситуация в Саратовском Поволжье на рубеже 1980–1990-х гг. Попытка конфликтологического анализа // Клио (Санкт-Петербург). 2002. №4 (19). С. 139-144.
13. Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1986.
14. История и историческое сознание / Под общ. ред. И.М. Клямкина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2012.
15. Зарецкий Ю.П. Стратегии понимания прошлого: Теория, история, историография. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
16. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад: М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2011.

УДК 355.232.6

СЛУЖЕБНО-БОЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД СССР В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ СССР

Д.А. Гузеев

Саратовский военный институт внутренних войск МВД России, Россия

E-mail: doom-64@mail.ru

Статья посвящена участию военно-учебных заведений внутренних войск МВД СССР в пресечении массовых беспорядков в южных республиках СССР в 1987-1991 гг. Проводя анализ архивных документов, периодической печати, статистических материалов и других источников, автор рассматривает причины возникновения очагов этно-социальной напряженности в южных областях СССР и деятельность военных училищ внутренних войск МВД СССР в урегулировании межэтнических конфликтов.

Ключевые слова: высшие военные училища, внутренние войска, Ереван, Баку, Нагорно-Карабахская автономная область, Фергана.

OFFICIAL MILITARY ACTIVITY MILITARY EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE USSR IN THE LAST YEARS OF THE USSR EXISTENCE

D.A. Guzeev

The article is devoted to the participation of military educational institutions of the Ministry of internal Affairs of the USSR in the suppression of riots in the southern republics of the USSR 1987-1991 analyzing archival documents, periodicals, statistics and other sources, the author explores the reasons for the occurrence of ethnic and social tensions in the southern regions of the USSR and the activities of military schools, the Ministry of internal Affairs of the USSR in the settlement of ethnic conflicts.

Key words: higher military schools, internal troops, Yerevan, Baku, Nagorno-Karabakh Autonomous region, Fergana.

Неудачи перестроечных процессов в экономической и социальной сфере СССР в 1985-1987 гг., ослабление диктаторских функций КПСС в условиях отсутствия практики и традиции демократического решения проблем межнациональных отношений привели к актуализации и обострению старых латентных межнациональных противоречий, возникших еще в результате волюнтаристского проведения границ между союзными и автономными республиками СССР в 1920-е-1930-е гг., а также в результате принудительной депортации ряда народов с Кавказа в Среднюю Азию в 1940-е гг. [1, л. 32].

С февраля 1987 г. в Нагорно-Карабахской автономной области (далее НКАО) Азербайджанской ССР нарастают сепаратистские настроения армянского населения [2]. 20 февраля 1988 г. областной Совет НКАО подвел итоги неофициального референдума о присоединении Нагорного Карабаха к Армении, на основании которого, сессия областного совета НКАО направила обращения в Верховный Совет СССР, Азербайджана и Армении с просьбой дать разрешение на передачу Карабаха из состава Азербайджана в состав Армении. В Баку отказались признать решение облсовета НКАО [3, с. 785]. Усиливавшееся напряжение между армянами и азербайджанцами на территории НКАО, 27 февраля 1988 года в районе населенного пункта Аскеран вылилось в открытое столкновение, в результате которого погибли два азербайджанца. Этот факт стал импульсом для возникновения массовых беспорядков по всей линии соприкосновения армянской и азербайджанской общин в области. 28-29 февраля 1988 г. конфликт между армянами и азербайджанцами перекинулся в Сумгаит и его окрестности. Там прошли массовые беспорядки и погромы осуществленные азербайджанской молодежью в отношении местного армянского населения. В ходе беспорядков погибло 32 мирных жителя, было ранено и получили травмы различной степени тяжести более 200 человек [4, с. 550]. Начиная с 29 февраля 1988 г. в Баку по решению советского руководства начинается наращивание войсковой группировки. В этот регион были введены части Вооруженных Сил СССР, части внутренних войск МВД СССР и личный состав Ленинградского, Орджоникидзевского, Саратовского, Пермского, Новосибирского и Харьковского военных училищ МВД СССР. До 15 марта 1988 г. эта группировка в городах Баку и Сумгаите проводила мероприятия по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности [5, с. 81]. Под охрану были взяты правительственные здания и учреждения, государственные объекты, обеспечивалось соблюдение населением комендантского часа, проводились рейды по проверке паспортного режима, сопровождению колонн с беженцами, охранялись семьи армян и азербайджанцев в местах их совместного проживания. Войска оказывали помощь, оперативным подразделениям МВД и КГБ СССР в выполнении

спецзаданий (поиск и арест организаторов беспорядков, выявление схронов с оружием, боеприпасами, взрывчаткой и т.п.). С середины марта, после относительной стабилизации обстановки в этом регионе, военные училища внутренних войск были возвращены в пункты постоянной дислокации. Их задачи были переданы местным органам внутренних дел и частям внутренних войск.

Однако уже 17-18 июня 1988 года резко обострилась обстановка в Ереване и ряде населенных пунктов Армянской республики с совместным проживанием граждан армян и азербайджанцев. Начались избиения, поджоги домов азербайджанских семей, битье стекол, стрельба из огнестрельного оружия. 6 июля того же года после митинга на Театральной площади в Ереване несколько тысяч человек выдвинулись в аэропорт Звартноц с целью не допустить там посадки самолетов с войсками, отправленными в армянскую столицу для нормализации обстановки. Неоднократные обращения к собравшимся, разъяснения им, что своими действиями они срывают работу аэрослужб всей страны, не нашли у них понимания. На взлетную полосу выкатывались грузовые машины. Националисты сменили операторов службы руководства полетами. Все это грозило парализовать работу аэропорта, сорвать прибытие войсковых частей. Для проведения специальной операции по деблокированию аэропорта была создана группировка сил и средств состоящая из военных училищ внутренних войск, личного состава Отдельной мотострелковой дивизии особого назначения МВД СССР (далее – ОМСДОН) и других частей внутренних войск, подразделений Закавказского военного округа и воздушно десантных войск. В группировку также входили сотрудники КГБ и МВД СССР [5, с. 83]. С 5 по 7 июля 1988 г. была проведена специальная операция по освобождению аэропорта. Накануне операции войска блокировали аэропорт. В период проведения операции со стороны нарушителей проявлялись провокационные действия в отношении военнослужащих, которые выражались в словесных оскорблениях, оказании сопротивления при задержании. Во время проведения операции войска активно использовали специальные средства, оружие не применялось. В результате столкновения с обеих сторон были раненые и травмированные [5, с. 84]. Непосредственное участие в деблокировании аэропорта принимало Орджоникидзевское и Пермское высшие военные командные училища внутренних войск. На долю Орджоникидзевского военного училища совместно с учебной ротой специального назначения ОМСДОН выпало взятие под контроль главного здания аэропорта. Пермское военное училище занималось освобождением пассажирского терминала и вышки управления полетами. Другие училища внутренних войск (Саратовское, Новосибирское) привлекались к охране территории аэропорта уже после проведения операции по его освобождению.

В дальнейшем, в сентябре-октябре 1988 г., обстановка в закавказских республиках оставалась сложной. В конце ноября – начале декабря армянские вооруженные формирования осуществили первую крупномасштабную операцию, депортировав при поддержке местных правоохранительных органов и бездействии внутренних войск около 200 тыс. азербайджанцев из районов компактного проживания в Армении на территорию соседней республики. Последствием депортации явилась общая дестабилизация обстановки в Азербайджане. Состоялись массовые акции протеста населения в Баку, Гяндже, Нахичевани и других городах [6]. По мере нарастания напряженности руководство СССР принимало меры по недопущению массовых беспорядков. В соответствии с решением Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР с 00 часов 24 ноября 1988 г. в городе Баку было введено особое положение и комендантский час. Основные силы личного состава Саратовского военного училища были направлены на обеспечение безопасности движения на дорогах, своевременном пресечении столкновений между группами лиц армянской и азербайджанской национальностей. Личный состав резерва охранял водозаборы, нефтебазы, обеспечивал доставку продовольствия и почты, осуществлял охрану правопорядка в закрепленных районах г. Баку [7, л. 10]. На личный состав Новосибирского военного училища были возложены задачи по патрулированию города с целью пресечения массовых беспорядков. На остальные училища возлагались те же задачи по патрулированию города и пресечению массовых беспорядков среди местного населения. Активное участие военные училища внутренних войск приняли в деблокировании площади Ленина (сегодня площадь Свободы) в г. Баку 7 декабря 1988 г. Задачу по вытеснению толпы с площади выполняли специальные моторизированные части милиции. Личный состав военных училищ выполнял задачу по блокированию площади с различных направлений. На Саратовское училище была возложена задача по блокированию набережной, прилегающей к площади. Орджоникидзевское училище выполняло задачу по блокированию улиц прилегающих к площади. На училище возлагалась так же задача по пропуску автотранспорта. Совместно с внутренними войсками в этой операции принимали участие и подразделения Вооруженных Сил СССР. Нужно отметить, что даже с учетом того, что у протестующих на площади была серьезная организация (организован подвоз продовольствия, воды, разбит палаточный лагерь), спецоперация по вытеснению толпы с площади и ее рассеянию длилась всего 1 час 20 минут [8].

Следующим городом, где пришлось использовать для наведения порядка личный состав военных училищ МВД стал Тбилиси. 18 марта 1989 г. в деревне Лыхны Абхазской АССР было выдвинуто предложение о выходе Абхазии из состава Грузинской ССР и восстановлении ее в статусе

союзной республики. 30 тыс. участников схода подписали обращение, опубликованное 24 марта во всех местных газетах [2]. Эта акция вызвала бурную негативную реакцию грузинского населения. В течение пяти дней в центре Тбилиси, перед Домом правительства, круглосуточно проходили многолюдные несанкционированные митинги и демонстрации, на которых открыто, звучали призывы к нарушению общественного порядка, расправам с сотрудниками МВД, лозунги антигосударственного содержания. Это создавало угрозу общественной безопасности. Для оказания помощи местным органам власти в Тбилиси было направлено Орджоникидзевское военное училище [9, с. 217]. Руководство подразделениями внутренних войск возглавлял генерал-майор Ю.Т. Ефимов (выпускник этого училища). Приступив к выполнению задачи по освобождению проспекта Руставели от толпы, военнослужащие встретили активное сопротивление. После приведения демонстрантами в негодность около трети щитов у личного состава училища, было принято решение о применении специальных средств типа «Черемуха». В результате удалось освободить проспект и площадь от митингующих [9, с. 218].

Следующая национальная трагедия, разыгравшаяся в Ферганской долине в начале июня 1989 г. в дни работы Съезда народных депутатов СССР, по своим масштабам и последствиям превзошла все предыдущие. Начавшиеся 16-18 мая 1989 г. в городе Кувасае (восток Ферганской области) отдельные локальные столкновения между турецкой, узбекской и таджикской молодежью, к 23 мая переросли в масштабные столкновения с участием многих тысяч людей. В ходе беспорядков толпа агрессивно настроенных граждан пыталась проникнуть в кварталы, населенные турками и другими национальными меньшинствами и учинить там погромы. Однако после прибытия в город дополнительных сил милиции (около 300 чел.) из других районов и областей массовые беспорядки были подавлены [10, с. 4]. В ходе беспорядков пострадали 58 человек, из них 32 были госпитализированы, один человек умер в больнице [11]. Решающие события в Фергане происходили с 3 по 12 июня 1989 г. Анализ источников позволяет создать следующую картину событий. Утром 3 июня в Ташлаке собралась толпа узбекской молодежи. Наиболее агрессивно настроенная часть молодёжи проникла в кварталы, где компактно проживали турки. После массового избиения турок и сжигания их домов неуправляемая масса двинулась в поселок Комсомольский. Личный состав Ташкентского оперативного полка внутренних войск не смог блокировать толпу и удержать ее от противоправных посягательств на жизнь и здоровье турок и на неприкосновенность их жилищ. Это было связано с тем, что численность военнослужащих внутренних войск была в разы меньше численности напавшей на них толпы. С одной стороны, менее сотни солдат и офицеров с резиновыми палками и щитами, с другой

тысячная толпа пьяных бандитов с самым разнообразным вооружением. В результате дома турок в поселке Комсомольском были разграблены и сожжены. Это было связано с тем, что в полку не было достаточного количества бронетранспортеров, что не позволяло вести активные действия против правонарушителей.

После проведенной акции в Комсомольском, часть погромщиков вернулась в Ташлак, продолжив нападения на турок. Бежавшие от погромщиков турки собирались под охраной милиции в райкоме партии [10, с. 58-59]. К вечеру толпа численностью 300-400 человек учинила погромы и поджоги домов турок в Маргилане [10, с. 4]. Поступили также сообщения о нападениях на турок в Фергане. 4 июня в Ташлаке с утра и до полудня происходил сбор турок и размещение их в здании райкома. К середине дня в здании райкома партии собралось более 500 турок. Чуть ранее, в ночь с 3 на 4 июня, в Фергану стали прибывать подразделения внутренних войск. К утру 4 июня нападения на турок возобновились в Фергане, Маргилане и Ташлаке. Зона беспорядков с каждым часом расширялась. От погромщиков начали поступать требования отпустить своих «собратьев», задержанных ранее. С целью ускорить процесс их освобождения была предпринята попытка нападения на Ташлакский райком и РОВД. После того, как милиции удалось очистить помещение РОВД от погромщиков, толпа в течение четырех часов держала здание в осаде. Получили ранения 15 сотрудников милиции, один из них скончался [12, с. 171]. К 5 июня группировка внутренних войск была доведена до 6 тысяч человек, а к концу дня она составила уже 10 000 военнослужащих и в это число входили так же и курсанты Саратовского, Новосибирского, Орджоникидзевского, Харьковского, Ленинградского военных училищ внутренних войск. С прибытием на место личный состав внутренних войск приступил к наведению общественного порядка на улицах города. Основные усилия войсковой оперативный резерв (далее ВОРез) училища сосредотачивал на обеспечении охраны объектов от возможного нападения экстремистских групп, на прикрытии районов проживания и сосредоточения турок-месхетинцев, охране колонн беженцев при отправке их за пределы республики. Можно без преувеличения сказать, что личный состав, выполнявший задачи по поддержанию общественного порядка, действовал мужественно и с честью выполнял свой долг. Были спасены жизни тысяч людей. С 6 по 12 июня шла активная фаза специальной операции по пресечению массовых беспорядков в Фергане и ее окрестностях.

Еще одним эпизодом в служебно-боевой деятельности военных училищ внутренних войск МВД стало их участие в урегулировании Грузино-Абхазского конфликта. После выполнения служебно-боевых задач в Фергане личный состав военных училищ был приброшен в Сухуми. Нужно отметить, что большинство училищ этот приказ застал уже

на пути к месту постоянной дислокации. Следует отметить, что военные училища в отличие от других эпизодов своей служебно-боевой деятельности в указанный период, вводились в боевую обстановку с ходу. Быстрыми и решительными действиями военно-учебные заведения совместно с подразделениями специального назначения сходу приступили к освобождению автострасы от пикетчиков и заграждений. Благодаря решительным действиям этих подразделений удалось пресечь вооруженное столкновение лиц грузинской и абхазской национальностей в районе населенного пункта Очамчира и не допустить дальнейшего кровопролития. В отличие от действий личного состава в Фергане, под охрану войсками принимались только здания органов внутренних дел, ряд объектов на железной и шоссейных дорогах, а также аэропорт [13, с. 94].

В конце 1989 г. вновь дестабилизировалась обстановка в Нагорном Карабахе. После принятия 1 декабря 1989 г. Верховным советом Армении решения о включении НКАО в состав Армянской ССР произошли стихийные выступления азербайджанцев проживавших на территории области, а начиная с 13 января 1990 г. отдельные вспышки массового гражданского неповиновения в Баку вылились в организованные погромы армянского населения. Как следствие, в январе 1990 года, с целью предотвращения массовых беспорядков, в городе Баку было введено чрезвычайное положение (ЧП), установлен комендантский час и введены войска. Для обеспечения режима ЧП в город были направлены дополнительные силы внутренних войск, в том числе и курсанты Орджоникидзевого высшего военного командного училища им. С.М. Кирова [9, с. 219].

С 6 июня по 21 июля 1990 г. Новосибирское военное училище выполняло аналогичные задачи по охране общественного порядка в НКАО [14, л. 41]. В городах Шуше, Степанакерте и Шаумяновске начались поджоги и пожары, сопровождаемые погромами и стрельбой из охотничьих ружей. Чтобы пресечь начинающиеся массовые беспорядки, 5 июня 1991 года в Шаумяновский район Азербайджанской ССР прибыло Саратовское высшее военное командное Краснознаменное училище. Дороги, ведущие в Гянджу, были перекрыты заслонами, что дало возможность локализовать очаги конфликтов вокруг Степанакерта и в Шаумяновске, сосредоточить внимание на пресечении конфликтных ситуаций, тушении пожаров и предупреждении поджогов в городе.

Постоянное участие личного состава военных училищ в ликвидации массовых беспорядков на территории советского государства в последние годы его существования, с одной стороны, давало будущим офицерам опыт организации служебно-боевой деятельности подразделений при выполнении задач в чрезвычайных ситуациях, с другой стороны, участие военных училищ в непосредственном выполнении служебно-боевых задач по наведению порядка привело к нежеланию части гражданской молодежи

поступать в вузы внутренних войск МВД. Тем не менее, в дальнейшем приобретенный в специальных операциях опыт пригодился выпускникам при выполнении ими служебно-боевых задач, в том числе и в Чеченской республике в 1994-2006 гг. Некоторые офицеры и курсанты, выступавшие в конце 1980-х гг. в качестве миротворцев в межэтнических конфликтах, в последующем занимали и занимают сейчас достаточно высокие должности в системе внутренних войск МВД Российской Федерации..

Библиографический список

1. Центральный архив внутренних войск. Ф. 94. Оп. 1. Д. 1712.
2. Алексей Зверев. Глава 1. Этнические конфликты на Кавказе, 1988-1994. Ч. 3. Этнические конфликты в Грузии, 1989-1994 гг. URL: <http://poli.vub.ac.be/publi/ContBorders/rus/ch0103.htm> (дата обращения: 13.10.2014).
3. Брук С.И. Население мира. Этнодемографический справочник. М.: Наука, 1986.
4. Россия и СССР в войнах и конфликтах XX века / под общей редакцией Кривошеева Г.Ф. М.: Олма-Пресс, 2001.
5. История внутренних войск. Том. 4. Часть. 2. (1966-1991 гг.). Издание 2-е, исправленное и дополненное: Военно-исторический труд. М.: Редакция журнала «На боевом посту» внутренних войск МВД России. 2011.
6. Нагорно-карабахский конфликт как результат притязаний Армении на территорию Азербайджана. URL: <http://karabakh-doc.azerall.info/ru/istoch/is004.htm> (дата обарщения: 13.10.2014).
7. Исторический формуляр Саратовского высшего военного командного училища им. Ф.Э. Дзержинского. Т. 4. Гл. 2. Служебно-боевая деятельность воинской части.
8. Интервью, взятое автором у полковника в отставке К. 12 мая 2014 г. Личный архив автора.
9. Шелудько В.В., Ковалев А.П. Служим Отечеству М.: МОО «Кировцы», 2008.
10. Лурье М., Студеникин П. Запах гари и горя. (Фергана, тревожный июнь 1989 г.). М.: «Книга», 1990.
11. «Дзержинец» №72 от 20.06.1989 г. «Правда о Кувасе».
12. Осипов А.Г. Ферганские события: конструирование этнического конфликта // Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты. М.: «Наука», 2004.
13. 75 лет на страже интересов государства. Исторический очерк. / Под общей редакцией доцента, полковника Мухоед С.Д. Саратов: СВИ ВВ МВД России, 2007.
14. Исторический формуляр Новосибирского высшего командного военного училища МВД СССР Том 2. Глава 2. Служебно-боевая деятельность воинской части.

ПЕТР I – ОБРАТНАЯ СТОРОНА ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ РЕФОРМ

А.Р. Залиев

Башкирский государственный университет, Россия

E-mail: alexander1596@yandex.ru

Статья посвящена краткому анализу реформ Петра I и их последствий. Говорится, что в целом положительные реформы этого императора были либо осуществлены негуманными методами, либо же привели к европеизации России, последствием которой стал раскол общества на тех, кто поддержал этот процесс и тех, кому эти ценности были чуждыми. Подчеркивается, что хоть Петр и сделал большой шаг в развитии страны, не стоит забывать об отрицательных и негативных моментах его реформ.

Ключевые слова: реформы, минусы, последствия, Петр I.

PETER I-BACK OF POSITIVE REFORMS

A.R. Zaliiev

The article is devoted to a brief analysis of the reforms of Peter I and their consequences. It is said that in general, positive reforms of the emperor were either carried out inhumane methods, or else led to the Europeanization of Russia, the consequence of which was the division of society into those who supported this process and those who were strangers to these values. It is emphasized that although Peter and took a big step in the development of the country, do not forget about the negative and negative aspects of his reforms.

Key words: reform, cons, consequences, Peter I.

Петр I – безусловно, один из величайших политиков первой четверти 18 века. Все мы прекрасно знаем его заслуги как во внешней, так и во внутренней политике. Бесспорно, почти каждый ответит, что преобразования и политика Петра носит сугубо положительный характер. И они будут правы. Но, конечно же, в политике этого императора есть и отрицательные стороны, о которых большая часть из нас даже и не знает. Так вот о них и стоит поговорить.

Петр I конечно решил или попытался решить важные вопросы, назревшие в конце 17 века перед Российским государством – это и отставание от ведущих западноевропейских держав, и отсутствие у России выхода к морям, армии, флота, развитой промышленности, и изоляция от западноевропейских государств, и духовный кризис, усугубившийся с расколом церкви и отсутствием преобразований в сфере культуры.

Но как, какими методами ему удалось этого добиться? Во-первых, основным методом проведения его преобразований было насилие, которое

в принципе применялось в отношении всех слоев общества, а опирался император на карательную мощь государства.

Во-вторых, модернизируя страну, Петр I практически уничтожил всю русскую дворянскую культуру допетровских времён, начиная от русского языка, нравов, и внешнего облика, до культуры государственного правления, и насильно стал внедрять чуждую русскому дворянству зарубежную культуру, в частичном, и искажённом русским дворянством, из-за её непонимания, виде. Историк А.Н. Сахаров считал, что появились признаки чрезмерного и порой необдуманного увлечения всем иностранным, чему пример подавал и сам царь. Достаточно сказать, что русский язык в эту эпоху пополнился 4 тысячами новых иностранных слов, началось настоящее засорение русского языка [1, с. 199]. Он догола разорил русское крестьянство чудовищными поборами, (введение в 1724 году подушной подати) и уморил множество крестьян непосильной работой в жутких условиях, и в войнах. Народ, судя по народным лубочным картинкам петровских времён, его люто ненавидел, дворянство тоже едва терпело.

Серьезным минусом в реформах Петра I следует считать переход к абсолютной монархии. Черепнин, например, отмечал, что большинство историков считают возможным говорить о русском абсолютизме не ранее, чем со второй половины 17 века, а его окончательное оформление приурочивают к правлению как раз Петра I [2, с. 177]. Так Голикова, как и многие исследователи, отмечает окончательное утверждение абсолютизма при Петре I, однако умалчивая о его начальном моменте [3, с. 3]. Россия стала самодержавным, военно-бюрократическим государством. Именно, при Петре I это система правления, имеющая много отрицательных сторон, укрепилась и стала популярной. В.О. Ключевский писал о сформировавшемся при Петре «фискально-полицейском государстве с его произволом, его презрением к законности и человеческой личности, с притуплением нравственного чувства» [4, с. 56]. Недостаток этой формы правления очевиден. За все отвечает царь, царь отвечает только перед богом, а бардак на местах (а Россия страна с обширными территориями) можно устранять только, если приезжает столичный чиновник или лично император. С карты империи были стерты древние княжества, естественные организмы, которые делали феодальную Русь единым целым. Губернии, на первых порах, стали искусственным новообразованием. Абсолютизм затормозил развитие страны на многие года по сравнению с теми же европейскими государствами. При Петре I Россия, конечно, совершила значительный шаг в развитии, но полностью преодолеть отсталость не смогла. В то время как в развитых европейских странах (Англия, Нидерланды) развивались буржуазные отношения, в России все еще сохранялось крепостное право.

Еще одним минусом, на наш взгляд, является чрезвычайная увлеченность Петра I европейскими новациями и попытками перенесения их на российскую почву (хотя по этому поводу существует и другая точка зрения, высказанная западниками в 19 в.). Многие меры (монополия государства на самые доходные товары, насильственное сколачивание купеческих компаний, различного рода повинности, накладываемые на купцов), имевшие своим следствием резкое сужение сферы свободной предпринимательской деятельности, не прошли безболезненно для русского купечества. Исторические данные свидетельствуют об оскудении наиболее состоятельных купеческих фамилий из «гостиной сотни», которой в период петровских преобразований был нанесен сокрушительный удар [5, с. 45]. Даже те немногие, что уцелели и, казалось бы, заняли прочное положение в начале XVIII века, к середине этого века неминуемо пришли в упадок. Возможно, основная негативная черта петровских реформ в том, что на целые столетия оказалось деформированным сознание российского предпринимателя. Вмонтированные в государственную экономику, покоящуюся на крепостнических отношениях, купцы и промышленники не могли осознать свой социальный статус и свое классовое своеобразие. У них не возникло и не могло возникнуть классовое корпоративное сознание. Если в государствах Европы буржуазия не только осознавала свое место в системе общественных отношений, но и открыто заявляла о своих претензиях дворянству и королевскому двору, то в России такое было невозможно. В конце концов, это тормозило развитие России в сторону буржуазного строя.

И, наверное, последним отрицательным моментом можно выделить политику в отношении сословий или ухудшение положение крестьянства и дворянства. При Петре I произошли сильные изменения в статусе крестьян. Прежде всего, как указывает А.Г. Маньков, указом 7 апреля 1690 г. была впервые официально разрешена купля-продажа поместных крестьян, что ранее запрещалось: как говорилось в указе, «всякий помещик и вотчинник в поместьях своих и вотчинах и во крестьянах поступиться и сдать и променять волен» [6, с. 217]. Именно с этого момента начинается массовая торговля крепостными крестьянами Миронов даже считает, что крепостные крестьяне при Петре I изменили свой статус с «почти свободных» до «почти рабов» (крестьяне были лишены свободы передвижения, их можно было дарить, приписывать к фабрикам, покупать) [7, с. 82]. Положение дворян при этом императоре тоже было не столь хорошим (если сравнить их положение с положением припослудующих императорах 18-го столетия) По мнению одного из историков, Сахарова А.Н., «Петр жестко требовал службу с дворян, строго капал их за нерадивость и уклонение от своих обязанностей» [1, с. 605].

Таким образом, в целом реформы Петра были направлены на укрепление Российского государства и приобщение правящего слоя к западноевропейской культуре с одновременным усилением абсолютной монархии. К концу правления Петра Великого была создана мощная Российская империя, во главе которой находился император, обладавший абсолютной властью. В ходе реформ было преодолено технико-экономическое отставание России от ряда других европейских государств, завоёван выход к Балтийскому морю, проведены преобразования во всех сферах жизни российского общества. Но, в тоже время, не стоит забывать, что народные силы были крайне истощены, разросся бюрократический аппарат, были созданы предпосылки (Указ о престолонаследии) для кризиса верховной власти, приведшие к эпохе «дворцовых переворотов».

Библиографический список

1. Сахаров А.Н. История России с древнейших времен до наших дней. М., 2012. 768 с.
2. Черепнин Л.В. Отечественные историки: XVIII-XX вв.: Сборник статей. М.: Наука, 1984. 344 с.
3. Голикова Н.Б. Политические процессы при Петре I. М., 1957. 338 с.
4. Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 2010. 544 с.
5. Аксенов А. Генеалогия московского купечества 18 века. М., 1988. 189 с.
6. Маньков А.Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. М., 1962. 403 с.
7. Миронов В.Б. Народы и личности в истории. Том I. М., 2000. 184 с.
8. История отечественного государства и права. Ч. 1: Учебник/ Под ред. О.И. Чистякова. М., 2005. 368 с.

УДК 9. 394.014

ТРАДИЦИИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОГО КУПЕЧЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО БАЛАКОВСКОГО КУПЕЧЕСТВА)

О.Г. Кирякова

Балаковский филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия

E-mail: 1234balakovo@mail.ru

В статье рассматривается проблема меценатства, благотворительности, как характерной традиции конца XIX – начала XX века. Рассмотрен вопрос благотворительности на примере провинциального города.

Ключевые слова: купечество, традиции, благотворительность, меценатство, власть.

TRADITIONS OF CHARITY OF THE RUSSIAN MERCHANTRY (ON THE EXAMPLE OF PROVINCIAL BALAKOVO MERCHANTS)

O.G. Kiryakova

The article deals with the issue of sponsorship, charity as the characteristic of the turn of the XIX-XX centuries. The philanthropy of the provincial town is in the spotlight

Key words: merchantry; traditions, charity, sponsorship, power.

Благотворительность как особая система начинает формироваться в Российской империи в последней четверти XVIII века.

Данная политика, или, иначе сказать, особое социальное движение представлялась правительством как компонент политики «просвещенного абсолютизма».

Известный исследователь российского купечества С. Новикова писал «с купечеством связан самый яркий и важный этап в истории отечественного меценатства, в том числе в сфере образования».

Об активном участии купечества в благотворительности упоминал в своем выступлении в Москве русский историк М.Н. Погодин: «...оно [купечество] служит верно Отечеству своими трудами... Если бы счесть все их пожертвования за нынешнее только столетие, то они составили бы такую цифру, которой должна бы поклониться Европа».

В.О. Ключевский также обращался к проблемам благотворительности в среде купечества «Благотворительность была не столько вспомогательным средством общественного благоустройства, сколько необходимым условием нравственного личного здоровья».

В провинции «помощь сирым и убогим» развивалась по всем направлениям. Религиозная мораль, идея свободы, взаимного уважения и солидарности становились нормой добродетельной жизни.

Благотворительность в среде купечества была обусловлена следующими причинами:

1. В среде в купечестве лучше всего сохранилась религиозность русского народа, качество, которое является моральным стержнем отечественной культуры. Согласно канонам православия, богатство подразумевало под собой ответственность, исходя из которой, меценатство рассматривалось как особая миссия. Путь в меценатство был один – через благотворительность.

2. Купеческое сословие совершало благие дела в сфере образования для собственного «просветления», расширения кругозора, этого непрерывно требовал характер профессиональной деятельности.

3. Среди купцов и промышленников было много выходцев из старообрядческих семей и только благодаря упорству в делах, искренности в благотворительности, верности религиозным убеждениям можно было преодолеть оппозицию центральной власти к ним невыгодное положение относительно официальной веры. Данную недостающую социальную

нишу купечество компенсировало своим меценатством и благотворительностью.

Анализ документов показывает насколько активно благотворительная деятельность купечества связана с идеей служения «общественному благу», рациональностью и общественной целесообразностью.

Благотворительность как форм деятельности была присуща и балаковским купцам. Анализируя документы, находящиеся в Самарских и Саратовских архивах можно проанализировать «благотворительные деяния».

В 1892 году страна была охвачена эпидемией холеры. По данным, которые приводятся в Большой медицинской энциклопедии под редакцией Н.А. Семашко: «В 1892 г. холера проникла в пределы России».

В Государственном архиве Самарской области, в материалах, которые анализирует жизнь губернии конца XIX века – начала XX века есть масса свидетельств.

По Самарской губернии заболели холерой 26535 человек, из них умерли 11106 [1, л. 50]. Врачебно-санитарные отряды завершают работу в уездах губернии [1, л. 51].

Эпидемия холеры в Самарской губернии «Занесенная почти одновременно в три пункта губернии (город Самара; слобода Покровская Новоузенского уезда; с. Хрящевка Ставропольского уезда), эпидемия быстро охватила 977 населенных пунктов из 2431, то есть более 1/3 всех населенных мест губернии, и из 41 тысячи заболевших унесла 18 тысяч жизней».

Эпидемия холеры не обошла стороной и село Балаково, активную помощь в борьбе с эпидемией оказали представители купечества, на средства купцов «устраиваются больницы для холерных больных: в с. Балаково – на 30 человек...» [2].

Одним из мероприятий, проведенным в Балакове и нашедшим отражение в отчете «О борьбе с холерной эпидемией», было «с целью предохранения от появления холеры» открытие дешевой чайной.

В Балаково купеческие свидетельства разрешили выдавать после того, как оно было преобразовано в город (1913 году). Поэтому очень часто при рассмотрении архивных документов обращает на себя внимание тот факт, что в селе проживали купцы, приписанные к другим городам: Вольску, Николаевску, Саратову и др.

Первые балаковские свидетельства были выданы в декабре 1914 и 1916 гг. таким образом, в Балакове появились свои первые купцы гильдии: А.В. Смирнов, И.В. Мамин, Ф.С. Вехов, А.А. Мичурин, М.А. Мичурин, А.А. Кузнецов, Е.Ф. Залогин.

Наибольшая информация о балаковском купечестве связана с фамилией Мальцевых.

Купеческий род Мальцевых становится известным во второй половине XIX – начале XX века. Это крупнейшие землевладельцы, обладатели многомиллионного состояния, по-столичному образованные люди и ревнители древнего благочестия, староверы, приемлющие священство белокриницкой иерархии, попечители старообрядческих монастырей и скитов, благотворители, храмоздатели.

Много доброго и значимого было сделано Анисимом и Паисием Мальцевыми.

Купец первой гильдии Паисий Мальцев учился в Московском университете, состоял в торговом союзе старообрядческой Рогожи, занимался сбытом заволжской пшеницы на зерновых рынках. Он был известным библиографом, коллекционировал древние иконы, рукописные церковные богослужебные дониконовские книги, считался образованнейшим человеком, меценатом и слыл заядлым театралом. Общался и дружил с Чеховым, Гиляровским, был знаком с архитектором Федором Шехтелем и, говорят, даже вложил деньги в строительство МХАТа.

П.М. Мальцев был известным библиофилом, коллекционировал древние книги и рукописи. Коллекция, которую он собирал всю жизнь, пополнила фонд Российской государственной библиотеки и стала основой для отдела редких книг научной библиотеки Саратовского государственного университета.

Совместно с нижегородским купцом балаковские купцы бр. Мальцевы в Ессентуках построили санаторий для бедных прихожан. По воле учредителей он получил особое название «В память 17 апреля 1905 года» в ознаменование Высочайшего манифеста об укреплении начал веротерпимости, изданного в Светлое воскресенье 17 апреля 1905 г.

Как указывается в документах: «По Высочайшему повелению императора Николая II от 1 сентября 1903 г. Николаю Бугрову и братьям Мальцевым под строительство санатория были бесплатно выделены Управлением Вод два казенных участка в новом дачном квартале, на углу тогда еще формировавшихся улиц Пантелеймоновской (ныне – ул. Анджиевского) и Муравьевской (ныне – ул. Разумовского). Архитектурный проект составил известный зодчий Эммануил Ходжаев. К строительству приступили в начале 1904 г.

По ходатайству учредителей санатория Бугрова и Мальцева, 22 октября 1904 г. последовало Высочайшее повеление о предоставлении им еще двух соседних участков для разведения сада при санатории. Старообрядческий санаторий, выстроенный на средства Бугрова и Мальцевых, открылся 15 мая 1906 г.

Анисим Мальцева-младший из братьев, всегда жил рядом с отцом и помогал ему во всех делах. Он занимался общественной благотворительной деятельностью, состоял членом Самарского

губернского попечительства детских приютов при Канцелярии Самарского Губернатора. На его средства было построено несколько богаделен и приютов. Ни один серьезный хозяйственный или финансовый вопрос в Николаевском уезде не решался без участия Анисима Мальцева. В конце XIX века после нескольких лет засухи в Самарской губернии случился страшный голод. «Каждое бедствие Самарской губернии всегда неизменно находило отклик в его душе», и хотя эти слова относятся к деятельности Л.Н. Толстого, их можно также смело отнести к деятельности Анисима Мальцева, он взял на содержание тысячу бедствующих человек из разных мест губернии, приютил их в Балаково, и кормил их до следующего урожая. Выдавал ежедневно по 1 фунту печеного черного хлеба каждому.

Благотворительность его не была показной. «Только уж никому не говорите!» – просил он, делая пожертвования.

Вместе со своим самарским единоверцем Иваном Саниным, Анисим Михайлович был членом Самарского губернского попечительства детских приютов при Канцелярии Самарского Губернатора. На его средства было построено несколько богаделен и приютов. Но особенное внимание Анисим Мальцев уделял образованию. Многие молодые люди благодаря его пожертвованиям окончили курс в провинциальных и столичных университетах. На его средства в Балаково была устроена старообрядческая школа для детей. Закон Божий в ней преподавал белокриницкий иерей Михаил Илларионович Зотов, кроме того, дети изучали арифметику, чтение, письмо, церковно-славянский язык и церковное пение. Для обучения детей церковному пению Анисим Мальцев выписывал учителей из Москвы. Хорошо знавшие его люди утверждали, что богадельням, больницам и школам Анисим не отказывал никогда, и вообще, на его помощь мог рассчитывать любой, кто в ней действительно нуждался, и не только старообрядец.

Делом всей жизни для братьев стало строительство в родном селе, а затем городе Балаково старообрядческого храма Святой Живоначальной Троицы. Для строительства был объявлен конкурс на лучший проект. После тщательного отбора проектов братья остановили свой выбор на проекте академика архитектуры Ф.О. Шехтеля.

В «Краткой истории древлеправославной церкви» Ф.Е. Мельников писал: «... балаковский храм своим внешним величием превосходит и московские церкви: одна постройка его обошлась в миллион рублей. Стиль его особенный, напоминающий готический, кладка его из ценного камня так подогнана, что он кажется вылитым из цельного мрамора. Весьма ценен он и по внутреннему убранству. И колокольный звон его могуч, главный колокол весит 680 пудов».

Известны многочисленные факты денежных и имущественных вложений купечества в сферу образования. В этой сфере у них был свой интерес: ведь без квалифицированных рабочих, инженеров, строителей

невозможно развивать производство. На купеческие деньги строятся ремесленные и коммерческие училища, институты.

Подтверждение этому мы находим и в документах, относящихся к Балакову, так средствами балаковских купцов «с. Балаково Николаевского уезда открыта смешанная церковно-приходская школа. В 1914 г. в ней обучались 63 мальчика и 38 девочек» [4].

В отчёте (за 1904-05 гг.) биржевой комитет с. Балаково, анализировались проблемы, стоящие перед жителями Балаково, приоритетной задачей была указана решение проблемы уровня образования в селе: «Одно из самых насущнейших требований жизни – необходимость образования. Для удовлетворения этой потребности в Балакове имеется второклассное епархиальное училище, Министерское двухклассное училище, 6 церковно-приходских школ, и нет ни одного средне-учебного заведения, каковое при населении в 22 тысяч человек – необходимо (в Аткарске Саратовской губернии при населении в 7 тысяч человек имеются 2 средне-учебных заведений: реальное училище и женская гимназия)».

Активным благотворителем в Балакове был Иван Васильевич Кобзарь. В «Саратовском листке» от ноября 1909 г. было опубликовано, что И.В. Кобзарь 4 февраля 1909 г. нотариальным заявлением комитету хлебной биржи с. Балакова дал обязательство выстроить здание для коммерческого училища с затратой до 55 тыс. р., непременным условием постройки здания он ставил обеспечение ежегодного содержания училища [5].

Первого мая 1911 года в Балаково произошла торжественная закладка первого камня училища. Значимость того проекта показывает то, что на закладке присутствовал весь биржевой комитет Балаково, педагогический коллектив, учащиеся, играл духовой оркестр. В знак этого события был отслужен торжественный молебен.

2 сентября 1912 года состоялось открытие коммерческого училища, которое было построено на средства балаковского мецената И.В. Кобзаря.

В воспитательном отчете приводится полное описание этого торжественного события: «2-го сентября в 11 часов дня в присутствии попечительского совета, педагогического персонала, родителей, учащихся и почетных гостей состоялось освящение нового здания училища и торжественный акт.

Торжество началось молебном, отслуженным собором (т.е. совместно) местным духовенством в зале училища. Перед молебном Владыкин (училищный священник-законоучитель) сказал учащимся слова, в которых выяснил значение для Балакова доброго дела Кобзаря – постройки училища.

После молебна в той же зале состоялось соединенное заседание попечительского совета и педагогического комитета, на котором Кобзарь

официально передал биржевому комитету (главному заказчику) права на владение зданием училища».

В 1911-12 учебном году в училище по спискам числилось 82 мальчика и 52 девочки.

Деятельность Балаковского купечества была служением родному городу, горожане с большим уважением и почитанием относились к ним всему, что было сделано при их участии.

Больницы и учебные заведения, построенные коммерсантами, были оборудованы передовой на тот момент техникой, что не могли позволить себе муниципальные учреждения.

В конце XIX века и первое десятилетие XX века – наиболее яркий период в развитии благотворительности. На этом этапе благотворительность стала приобретать характер частных и общественных добровольных пожертвований. Одновременно изменилась политика государства по отношению к неимущим. Это произошло не только оттого, что репрессиями уже не удавалось удержать низшие слои населения в спокойном состоянии, но и в связи с ускоренным внедрением в общественное сознание гуманистических идей, порожденных эпохой Просвещения, в частности, таких, как природное равенство людей, пробуждение достоинства личности и искоренение грубости нравов через распространение образования и правильного воспитания.

Библиографический список

1. ГАСО. Ф. 5. Оп. 12. Д. 122. Л. 50.
2. ГАСО. Ф. 5. Оп. 12. Д. 121. Л. 10об.
3. ГАСО. Ф. 219. Оп. 1. Д. 101.
4. ГАСО. Ф. 32. Оп. 17. Д. 350. Л. 3об.
5. Саратовский листок. №245. 3 ноября 1909 г.

УДК 94(470):327

ДИСКУССИИ В РКП (Б) ПО ВОПРОСУ ОБ ИНОСТРАННЫХ КОНЦЕССИЯХ: ЗА И ПРОТИВ

Е.С. Косых

*Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета,
Россия*

E-mail: kossES@yandex.ru

В статье исследуются дискуссии в большевистской партии по вопросу о привлечении иностранного капитала в форме концессий для восстановления и модернизации советской экономики. В руководстве партии соперничали течения

сторонников и противников концессий. Существование концессий зависело от общего политического курса руководства страны.

Ключевые слова: привлечение иностранного капитала, концессии, торговля, договоры о технической помощи, Главный концессионный комитет, концессионное соглашение.

DISCUSSION IN THE RCP (B) ON THE ISSUE OF FOREIGN CONCESSIONS: FOR AND AGAINST

E.S. Kosykh

This article examines the debate in the Bolshevik party on the issue of attracting foreign capital in the form of concessions for the rehabilitation and modernization of the Soviet economy. In the party leadership were competing currents of supporters and opponents of concessions. The existence of concessions depended on General political course of the country's leadership.

Key words: attraction of foreign capital, concessions, trade, agreements on technical assistance, the Main Concession Committee, concession agreement.

Иностранные инвестиции служат мощным источником обновления производственного аппарата в промышленности, эффективным средством повышения конкурентоспособности экспорта, расширения технологических позиций страны в мировой экономике. В Российской Федерации использование концессионных механизмов началось после 2005 г., когда был принят Федеральный закон «О концессионных соглашениях» [1]. В условиях глобализации мировой экономики советский опыт привлечения концессий становится весьма актуальным.

До октября 1917 г. иностранный капитал был одной из важных составляющих российской экономики. До революции большая часть инвестиций в российскую экономику была вложена французским (33%), английским (23%) и германским (20%) капиталом, 5% принадлежало США. Концессией называлась передача на исключительную разработку и пользование частным владельцам, в том числе и иностранным, каких-либо объектов, находившихся в государственной собственности, или видов деятельности (торговля, добыча полезных ископаемых, эксплуатация железных дорог и др.).

После революции все иностранные предприятия были национализированы, но уже в первые месяцы существования советской власти вопрос о его привлечении стал актуальным. Коммунистический идеал и иностранные концессии плохо сочетались, однако насущные задачи развития экономики заставляли идти на компромисс с идеологическими принципами. Большевистское правительство стремилось найти свое место в системе мирохозяйственных отношений, тем более что ставка на мировую революцию не оправдалась. В условиях враждебного окружения и экономической блокады единственный выход из положения

виделся в привлечении иностранных капиталов в форме концессий и налаживании активных торгово-экономических отношений. Дело осложнялось тем, что вся иностранная собственность в Советской России была национализирована. Это, а также нерешенная проблема царских долгов, значительно осложнило налаживание экономических и политических отношений с Западом.

Впервые о концессиях в качестве возмещения за национализированное имущество заговорили весной 1918 г. во время заключения Брест-Литовского договора с Германией [2, с. 673-674]. В 1918-1919 гг. оживленную дискуссию в печати вызвал проект Великого Северного железнодорожного пути: строительство железной дороги от Котласа через Северный Урал до Оби с участием иностранного капитала [3, с. 18]. В 1918-1919 гг. Совнарком неоднократно предлагал концессии Англии, США и другим странам. Концессии предлагалось рассматривать как уступку за сепаратный выход из войны, национализацию иностранной собственности и аннулирование дореволюционных долгов. Однако Запад не принял тогда эти предложения.

23 ноября 1920 г. был принят «Декрет об общих экономических и юридических условиях концессий» [4]. Декрет был опубликован без пояснений и вызвал интерес и недоумение у рабочих и в партии. Началось оживленное обсуждение на страницах печати, в партийных и советских кругах [5, с. 3]. В отношении к концессиям присутствовала двойственность: стремление использовать капиталистов сопровождалось боязнью капитализма. В теории была признана необходимость концессий как формы производства. Но когда дело доходило до практики, нужно было оглядываться на «левых», на большевистского «середняка», плохо принимавшего идею использования иностранного капитала. В самой партии также не было единого мнения. Часть большевиков защищала необходимость экономического компромисса с Западом, другие считали концессионную политику «изменой собственному делу», «малодушием», «неверием в творческие силы пролетариата» [6, с. 20].

Противоречивую позицию занимал и Ленин. В 1920 г. он рассматривал концессии как одну из форм революционной борьбы Коминтерна. Вместе с тем он считал, что капиталисты всех стран будут ожесточенно соревноваться за то, чтобы первыми получить концессии. По мере того, как надежды на мировую социалистическую революцию становились все более призрачными, в условиях экономического краха и серьезного политического кризиса Ленину с большим трудом удалось убедить своих сподвижников и всю партию встать на путь нэпа [7, с. 49-50]. В выдаче концессий он видел один из способов ускорения восстановления экономики страны, осуществления плана электрификации и как важнейшее средство связи с мировой экономикой [8, с. 116-117].

Но о политическом деятеле такого масштаба, как Ленин, нельзя судить только по подборке цитат. Его позиция по тому или иному вопросу прежде всего зависела от политических обстоятельств. В подтверждение можно привести эпизод с английским предпринимателем Лесли Урквартом.

Л. Уркварт владел железнорудными и медеплавильными предприятиями на Урале, в Сибири и Казахстане, которые были национализированы после революции. В 1921 г. он сделал попытку договориться с большевиками. Он обратился с предложением сдать в концессию на 99 лет все национализированные предприятия общества. Предварительный договор был подписан Урквартом и полпредом РСФСР в Великобритании Л.Б. Красиным в Берлине 9 сентября 1922 г. Договор носил откровенно реституционный характер. На Западе его встретили с восторгом. Британское правительство придавало большое значение заключению договора. Лондонская «Таймс» писала: «Советское правительство обязуется компенсировать обществу понесенные им убытки, начиная с 1917 г. Против слова «компенсировать» горячо восстал г-н Красин, заявив, что советское правительство не компенсирует, а вносит известную сумму с целью облегчения начала работ, но дело не в словах, а в самом факте – Россия уплачивает более 3 млн. ф. ст.» [9, с. 335].

5 октября 1922 г. Пленум ЦК РКП (б) по настоянию Ленина принял решение отклонить договор. Ленин опасался создать нежелательный прецедент компенсации за бывшую иностранную собственность. При голосовании в СНК вопроса об отклонении договора с Урквартом «за» высказалось 11 членов правительства во главе с Лениным, против – один Л.Б. Красин, и один – П.А. Богданов от ВСНХ РСФСР – воздержался. В 20-х числах октября 1922 года Ленин предлагает поправки к договору с Урквартом для «приблизительной директивы нашим уполномоченным». В печати – в «Правде» и «Торгово-промышленной газете» – начинается обсуждение условий концессии. Авторы статей не возражали против сдачи концессии Уркварту, но настаивали на более приемлемых для советского государства условиях [10, с. 18].

Иностранная и эмигрантская печать главной причиной отклонения договора называла статью, которая лишала профсоюзы права вмешиваться в административные и оперативные распоряжения администрации, в том числе в наем и увольнение рабочих. Уркварт требовал экстерриториальности своих заводов, но на такой шаг, на отступление от «одного из основных завоеваний Октябрьской революции» советское правительство пойти не смогло [11, с. 20].

За месяц до отклонения договора с Урквартом, когда действовали 21 концессия и 4 смешанных общества, Политбюро заслушивает вопрос о порядке досрочного расторжения концессионных соглашений. Было решено иметь в гражданском и уголовном законодательстве такие статьи,

«которые в нужный момент обосновали бы прекращение концессий» [12, с. 169]. По словам Г.Е. Зиновьева, «Владимир Ильич выступил против этой концессии не потому, что условия Уркварта были плохи, а потому, что, в конце концов, он себе сказал, он и мы вместе с ним: лучше безденежная, серенькая Советская Россия, медленно восстанавливающаяся, но своя, чем быстро восстанавливающаяся, но пустившая козла в огород, такого козла, как Уркварт» [12, с. 169].

Ленин хотел крупных политических уступок со стороны Англии в обмен на концессию Уркварта. Если бы она их сделала, договор не стал бы прецедентом, и был бы вполне приемлем. Но этого не произошло, и концессия была отклонена.

Переход к нэпу сопровождался горячими спорами среди политиков, экономистов и хозяйственников по вопросам многоукладности, сущности и границах государственного капитализма, использования его форм. В дискуссиях участвовали лидеры РКП (б), экономисты и политики: В.И. Ленин, Л.Б. Красин, Н.И. Бухарин, Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, И.В. Сталин, Л.Д. Троцкий, А.И. Рыков, Е.А. Преображенский, Г.Я. Сокольников и др.

Л.Б. Красин был уверен, что без широкого привлечения иностранного капитала и займов Россия не сможет сколько-нибудь быстро восстановить хозяйство [13, с. 385]. На Генуэзской конференции 1922 г. он выдвинул условия, предусматривавшие почти полное признание обязательств прежних русских правительств по довоенным долгам, и согласился на единовременную компенсацию потерь бывшим иностранным собственникам в России. Взгляды Л.Б. Красина на сущность компромисса с Западом разделялись Г.В. Чичериным и отчасти М.М. Литвиновым [14, л. 153].

Сторонником и защитником концессионной политики был А.И. Рыков. Именно его практическими усилиями в качестве председателя Совнаркома в концессионном деле поддерживалась жизнь. Он не раз сожалел, что «большие разговоры» о концессиях привели к «маленьким результатам» [15, с. 22].

В годы нэпа существенно изменились взгляды Троцкого на социализм. Он признал, что в условиях спада революционной волны в Европе и введения нэпа необходимо было приспособиться к более длительному периоду подготовки мировой революции. Более того, он считал нэп необходимой стадией перехода от капитализма к социализму. Он полагал, что Россия должна включиться в международную интеграцию путем сотрудничества с западным капиталом, чтобы не потерпеть полный экономический крах [16].

С наибольшей остротой основные проблемы революции воплощал в себе Ф.Э. Дзержинский. С одной стороны, как председатель ВСНХ в отношении концессий Дзержинский придерживался прагматической точки

зрения: допускать их с большой осторожностью, но уж, если сдать концессию, то использовать ее в полной мере. С другой стороны, как руководитель органов ВЧК – ОГПУ, он использовал чекистский аппарат, если находил противоречия в концессионной практике с политикой государства.

Л.Б. Каменев и Г.Е. Зиновьев, сторонники изоляционизма, выступили с резкой критикой Л.Б. Красина, поддерживавшего широкое сотрудничество с иностранным капиталом [17, с. 147]. XIII съезд партии поручил ЦК «проявлять и в дальнейшем максимальную осторожность при сдаче концессий».

Пока продолжался промышленный рост, такая позиция в вопросе об импорте иностранного капитала в глазах многих большевиков имела оправдание [18, с. 4]. Ведь восстановление шло почти исключительно по «социалистическим» рельсам. Но в 1925 г. основные восстановительные ресурсы были исчерпаны. Остро встала проблема дальнейшего экономического развития страны и вопрос об источнике новых капиталов. Концессионный вопрос вновь стал актуальным.

Члены бывшей «рабочей оппозиции» А.Г. Шляпников и С.Н. Медведев считали, что «при современном хозяйственном состоянии нашей страны большие материальные жертвы международному капиталу ... есть меньшее из зол» [15, с. 24]. Е.А. Преображенский утверждал, что «только крайняя нужда в новых капиталах заставляет идти по пути концессий. Когда ... социалистическая форма окрепнет, экономически и технически, концессии не будут уже опасны» [19, с. 114-115].

В 1925 г. Зиновьев и Каменев выступили против Сталина, обвиняя его в игнорировании «правой» угрозы, развернув на XIV съезде РКП (б) дискуссию о государственном капитализме. Оппозиция считала, что производственные отношения в России все больше перестраиваются на капиталистических основаниях. Помочь России построить социализм может только мировая революция.

Но большинство партии пошло за Сталиным и Бухариным, считавшими, что в СССР есть все необходимое для строительства социализма. В отношении концессий ни Сталин, ни Бухарин однозначно не высказывались, хотя ни для кого в высших эшелонах власти не было секретом сдержанное отношение генсека. Верх брала линия Сталина на строительство социализма в одной стране. Но до определенного времени сторонники изоляционизма мирились с концессиями как с неизбежным злом: им было ясно, что первый пятилетний план невозможно осуществить без иностранной помощи. И только по мере того, как внутрипартийные споры завершились полной победой Сталина, стало возможным не только отказаться от концессий, но и «отбросить нэп к черту».

После разгрома «новой оппозиции» Главный Концессионный комитет и внешнеэкономические учреждения все больше становятся местом

ссылки. В 1925 г. председателем ГКК был назначен Троцкий. Сам он это считал уловкой Сталина: «Как будто я преднамеренно пошел на компромисс в глазах молодых коммунистов». В книге «Моя жизнь» он едко пишет: «Всегда можно сказать, что я на службе у Аверелла Гарримана» [20, с. 518]. На должности председателя ГКК в 1929–1931 гг. также работал Л.Б. Каменев.

Прямые вложения иностранного капитала в экономику СССР были невелики. На 1 октября 1928 г. инвестированный концессионерами капитал составил около 60 млн. руб. В общем объеме продукции промышленности СССР доля продукции концессионных предприятий составляла около 1% [21, с. 319]. Но в ряде отраслей значение концессий было велико. К концу 1927 г. они добывали 40% марганца, 35% золота, 62% свинца, производили 22% одежды, 40% всех моторов и 100% шарикоподшипников [21, с. 319]. Важное значение имели договоры о технической помощи, приглашение специалистов, покупка патентов.

Как бы ни были различны взгляды у большевистских лидеров на нэп и концессии, все они были согласны в том, что только крупномасштабная индустриализация позволит Советской России догнать Запад в экономическом и военном отношении. А для этого был необходим мир: и для того, чтобы сконцентрироваться на внутреннем развитии, и для того, чтобы получить займы и западную техническую и технологическую помощь.

Однако в условиях экономических трудностей на Западе, с одной стороны, и неясности перспектив мировой революции, с другой, появилась тенденция к социалистической автаркии, когда многие стали склоняться к тому, что возможным является не только начать строительство социализма, но также и завершить его в рамках Советского Союза без победы пролетариата где-либо. После победы сторонников изоляционизма концессии были принесены в жертву коммунистической идеологии. К концу 1920-х гг. большинство концессий были ликвидированы.

Библиографический список

1. Федеральный закон «О концессионных отношениях» № 115-ФЗ от 21 июля 2005 г. // Российская газета. №3830. 2005. 26 июля (с изменениями от 25.04.2012 №38-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О концессионных отношениях»). URL: <http://base.garant.ru/70166738> (дата обращения: 15.03.2015).
2. Документы внешней политики СССР. М.: Политиздат, 1957. Т. 1.
3. Народное хозяйство. 1919. №9.
4. Декрет об общих экономических и юридических условиях концессий от 23 ноября 1920 г. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_777.htm (дата обращения: 15.03.2015).
5. Степанов И. Об иностранных концессиях. М., 1920.
6. Ларин Ю. У колыбели // Народное хозяйство. 1919. № 11. С. 19.
7. VIII Всероссийский съезд Советов. Стеногр. отчет. М., 1921.

8. Ленин В.И. Доклад о концессиях на фракции РКП (б) VIII съезда Советов // Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Политиздат, 1970. Т. 42. С. 116-117.
9. Шишкин В.А. Советское государство и страны Запада в 1917-1923 гг. Л. Наука, 1969.
10. Свердлов В. К вопросу о концессии Уркарта. М., 1923.
11. Социалистический Вестник. 1924. № 22-23.
12. Наше Отечество: в 2 т. М.: Терра, 1991. Т. 2.
13. Красин Л.Б. Вопросы внешней торговли. М.: Госиздат, 1928.
14. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф.413. Оп. 2. Д. 1802а.
15. Рыков А.И. Статьи и речи: В 3 т. Т. III. М., 1929.
16. Известия. 1926. 14 дек.
17. XII съезд РКП (б). Стеногр. отчет. М., 1923.
18. Дзержинский Ф.Э. Промышленность СССР – основа социалистического строительства. М., 1925.
19. Преображенский Е.А. Новая экономика. Опыт теоретического анализа советского хозяйства. М., 1926. Т. I. Ч. I.
20. Trotsky L. My life. An attempt at an autobiography. New York, 1970.
21. СССР. Год работы правительства (Материалы к отчету за 1928/29 г.). М., 1930. С. 319.
22. Правда. 1925. № 281.
23. Правда. 1926. 10 июля.

УДК 94(47+497) |18|+821.161.1.09+929

МИССИЯ РОССИИ НА БАЛКАНАХ: ВЗГЛЯД РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ (70-Е ГГ. XIX В.)

С.А. Кочуков

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: kochukovsgu1974@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности отношения представителей русской литературы к целям, событиям и участникам Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Анализируются взгляды писателей на причины войны с Османской империей, показано воздействие на литературные произведения критических общественных настроений.

Ключевые слова: общественное движение, Балканский полуостров, русская литература, славянский вопрос, война

THE MISSION OF RUSSIA IN THE BALKANS: A VIEW OF RUSSIAN WRITERS (70S. XIX CENTURY)

S.A. Kochukov

The article discusses the features of relations representatives of Russian literature to the objectives, events and parties Russian-Turkish war of 1877-1878. Analyzes the views of

writers on the causes of the war with the Ottoman Empire, shows the impact on the literary works of critical public sentiment

Key words: social movement, Balkan Peninsula, Russian literature, Slavic question, war.

Российское общество и правящие круги империи были фактически едины в вопросе поддержки борьбы балканских народов за политическую независимость. И дело было не только в филантропических соображениях, огромное значение при решении Балканского вопроса играло желание усилить российские позиции на юге Европейского континента. По существу различные мотивы русских интересов к Балканам (имперские, националистические, религиозные, гуманистические) внешне соприкасались довольно близко. Всеобъемлющий характер интерес образованного общества к балканским проблемам приобрел сразу же по окончании Крымской войны 1853-1856 гг. Вероятнее всего, в этом не последнюю роль играли и реваншистские настроения. Причем общественные силы России формировали свои взгляды совершенно самостоятельно, без всякого давления правительства. Более того, как считали многие представители русской интеллигенции, правительство само нуждалось в поддержке своей внешней политики со стороны общества.

Определенный интерес представляет и позиция писателя В.М. Гаршина. Он не смог поехать на Балканский полуостров в 1875-1876 гг., а с началом Русско-турецкой войны, бросив обучение в Горном институте, ушел в солдаты. В сочинениях Гаршина ярко проявляется отсутствие четкой позиции по Балканскому вопросу. Если в 1875 г. Гаршин был ярким сторонником бескорыстной помощи братьям-славянам, то уже с августа 1877 г. он резко изменил свою позицию.

В его стихотворении «Друзья, мы собрались перед разлукой» были строки:

*«Мы не идем по прихоти владыки
Страдать и умирать;
Свободны наши боевые клики,
Могуча наша рать...» [1, с. 361]*

На первый план выходит идея сближения интеллигенции с народом через войну, и начинаются колебания между стремлением «принести себя в жертву за народ» и страхом перед ненужной и бессмысленной смертью.

Писатель К.М. Станюкович также не остался безучастным к событиям Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Можно согласиться с исследователем Н.И. Цимбаевым, который считал, что Константин Михайлович продолжил обличительную линию в русской литературе [2, с. 187]. При безусловной поддержке России в борьбе против Турции, Станюкович воспринимал войну совершенно по-другому, нежели И.С. Аксаков. Если последний искренне считал, что страна буквально

бурлила и встречала на «ура» открытие боевых действий против Османской империи, то Константин Михайлович был в заявлениях более осторожен. В произведении «В мутной воде» писатель отмечал: «Говорить о степени и характере возбуждения в нашем обществе довольно трудно, так как проявления его у нас не имеют публичного характера, но тем не менее, насколько выражались эти проявления среди петербургского общества, надо сказать правду, что проявления эти были в большинстве радостного характера... Какая-то бедно одетая старушка остановилась у разносчика, прочитала телеграмму и залилась слезами тут же на Невском. На нее прохожие глазели с удивлением. Городовой деликатно попросил ее не плакать на улице, так как она делает беспорядок.

– Этакое известие да не плакать!.. Внучек один был, – и того теперь убьют. Я, сударь, мужа и трех сыновей в Крымскую войну потеряла... Так поневоле заплачешь! – проговорила старушка, уходя с Невского в Троицкий переулок.

Такие сцены бывали, но их не описывали в то время. Описывали более проявление восторгов...» [3, с. 36].

В самом начале войны восторженными настроениями, действительно, было охвачено практически все российское общество. Например, как только до России дошли вести о взятии русскими войсками крепости Плевна, сразу же поэт Н.А. Некрасов ответил стихотворением на это событие:

*Так запой, о поэт! чтобы всем матерям
На Руси на святой, по глухим деревням,
Было слышно, что враг сокрушен, положен,
А твой сын – невредим – и победа за ним,
Не велит унывать, посылает поклон* [4, с. 437].

До сих пор относится к разряду дискуссионных вопрос: «Почему же русское общество оказалась так восприимчиво к Русско-турецкой войне 1877-1878 гг.?». В общественном мнении был сделан акцент на том, что русские и болгары являются братьями по вере и у них общие языковые корни и культура. Как известно, историческая память актуализируется под воздействием конкретных реалий современности. Еще исследователь В. Богучарский называл исторические факторы, которые поддерживали интерес к войне со стороны общественного движения России. К их числу он относил: сочувствие освободительному движению южных славян среди основной массы русского народа; симпатии тому же освободительному движению среди русского образованного общества; желание освободить славян, проявленное верховной властью России – Александром II [5, с. 181].

Не следует сбрасывать со счетов и такой важный в данном отношении фактор как «привычка». Действительно, Русско-турецкой войне 1877-1878 гг., предшествовало девять вооруженных столкновений с

Оттоманской Портой, в результате чего у русского общества выработалась своеобразная реакция на войну с Турцией. Именно с Турцией, потому что ни Русско-японская война 1904-1905 гг., ни Первая мировая война не вызвали той реакции, которая произошла в 1877 г. Такого количества войн, как с Османской империей, Россия не вела ни с одной из стран, и это тоже стало важным фактором актуализации исторической памяти.

Вместе с тем, события 1877-1878 гг. на Балканском полуострове существенным образом отличались от прежних вооруженных столкновений России с Османской империей. Время «Великих реформ» наложило свой отпечаток на сферу внешнеполитических доктрин, выдвинутых властью и обществом. Изменившееся российское общество впервые «пробовало силы» (и именно поэтому столь ярко, открыто, с небывалым энтузиазмом) в вопросах внешней политики, традиционно относившихся исключительно к сфере полномочий государственной власти.

С легкой руки В. Богучарского в отечественной историографии утвердилось мнение, что противников военного столкновения с Османской империей не было. Во всех фундаментальных исследованиях по Русско-турецкой войне 1877-1878 гг. встречаются только ярые поборники исторической миссии России на Балканском полуострове, либо защитники корыстных целей ее внешней политики в этом регионе.

Между тем, противники войны, безусловно, были. Порой к отрицанию войны, как правило, уже после горечи тяжелых военных неудач, приходили отдельные представители низшего и среднего звена русской армии. Что же касается ярких представителей русского образованного общества, то здесь следует упомянуть своеобразие позиций Н.Г. Чернышевского, Л.Н. Толстого и К.Д. Кавелина.

Отношение Н.Г. Чернышевского к Русско-турецкой войне 1877-1878 гг. можно реконструировать по его письмам из Сибири к жене и сыновьям. Значительную роль здесь сыграл личный биографический факт: на войну добровольцем ушел сын Чернышевского (А.Н. Чернышевский). Такой поступок сына Николай Гаврилович не одобрил. К чувствам отца, переживавшего за судьбу сына, присоединялось и общее понимание вопросов внешней политики. Н.Г. Чернышевский собирался объяснить сыну (и не делал этого только из-за боязни огорчить его), что «для родной страны и для родной армии» такие воины, как он, просто не нужны, что страна «не нуждалась в забавляющих себя воинах» [6, с. 115-116]. Видимо, Н.Г. Чернышевский не понимал до конца мотивов, двигавших сыном, отправившимся на войну. Его мнение относительно военной помощи русских добровольцев балканским народам сводилось к следующему: «Эти патриоты вредят своей родине. Никакое европейское государство не нуждается в солдатах. У всякого есть большее число хороших солдат, чем

каким оно в состоянии пользоваться... Один опытный и умный унтер-офицер дороже целой сотни солдат» [6, с. 147-148].

Более четко отношение к войне с Турцией проявилось у Л.Н. Толстого. В академическом издании «Русско-турецкая война 1877-1878 гг.» Лев Николаевич отнесен авторским коллективом в число поборников войны: «В защиту болгарского народа выступили выдающиеся русские ученые, писатели, художники – Д.И. Менделеев, ... Л.Н. Толстой...» [7, с. 18]. Также относили Толстого в разряд сторонников войны В.А. Золотарев [8, с. 184, 333], Ф.Т. Константинов [9, с. 35], Н.И. Цимбаев [10, с. 182]. На чем же основывают свои утверждения исследователи? Вероятнее всего, историки берут за основу высказывания Софьи Андреевны Толстой.

Действительно, в газете «Новое время» в 1910 г. было помещено интервью с вдовой писателя, которая заявила корреспонденту о воинственной позиции Льва Николаевича: «Вы, вероятно, не знаете, ведь Лев Николаевич, хотел идти в ряды армии в турецкую войну. «Вся Россия там, и я должен идти»... Каких только трудов стоило уговорить его, объяснить, что своим пером он может принести большую пользу России» [11]. Подобное заявление Толстой объяснить можно просто. Дело в том, что популярность Льва Николаевича после его смерти была очень высока и, безусловно, Софья Андреевна поддерживала и развивала своеобразный культ мужа. Непогрешимость Льва Толстого, по ее мнению, должна была проявляться во всем, в том числе и по вопросу Русско-турецкой войны 1877-1878 гг.: не мог же Лев Николаевич выбиваться из общего строя культурных деятелей России.

Тем не менее, проблема Русско-турецкой войны Л.Н. Толстым была поставлена чрезвычайно остро. Неприятие войны и насилия как главной ее составляющей заметны у писателя еще в «Севастопольских рассказах». Особенно это проявилось при описании бомбардировки осажденного города. Что же касается Русско-турецкой войны 1877-1878 гг., то она стала новым поводом обращения писателя к теме войны в романе «Анна Каренина». Текст произведения свидетельствует о том, что Толстой хорошо знал о настроении русского общества и его реакции на военные действия на Балканском полуострове. В «Анне Карениной» есть совершенно определенное авторское понимание ситуации в стране в период Балканского кризиса. Толстой писал по этому поводу: «...в это время ни о чем другом не говорили, как о славянском вопросе и сербской войне. Все то, что делает обыкновенно праздная толпа, убивая время, делалось теперь в пользу славян. Балы, концерты, обеды спичи, дамские наряды, пиво, трактиры – все свидетельствовало о сочувствии к славянам» [12, с. 815]. Вероятнее всего, это «сочувствие к славянам» и побудило большинство исследователей отнести Толстого в стан сторонников военной помощи балканским славянам. Писатель, действительно, был не

столько против самой войны, сколько выступал ярким противником своеобразной популистской кампании, которая достигла в России небывалых масштабов, а так же тех проходимцев-авантюристов, которые наводнили театр военных действий. Лев Николаевич отмечал: «...славянский вопрос сделался одним из тех модных увлечений, которые всегда, сменяя одно другое, служат обществу предметом занятий... много было людей, с корыстными, тщеславными целями, занимавшихся этим делом... газеты печатали много ненужного и преувеличенного, с одной целью – обратить на себя внимание и перекричать других... при этом общем подъеме общества выскочили вперед и кричали громче других все неудавшиеся и обиженные: главнокомандующие без армий, министры без министерств, журналисты без журналов, начальники партий без партизан» [12, с. 815].

В письме к Н.Н. Страхову (август 1877 г.) Л.Н. Толстой писал: «И в дурном, и в хорошем расположении духа мысль о войне застилает для меня все. Не война самая, но вопрос о нашей несостоятельности, который вот-вот должен решиться, и о причинах этой несостоятельности, которые мне становятся все яснее и яснее» [13, с. 71]. Писатель развивал тему критики общественной реакции на войну и упоминал о недостойном моральном облике отдельных ее участников (для которых «задушевная мысль... только турчанка, то есть разнузданность животных инстинктов» [13, с. 71]).

Более жесткую позицию, чем Л.Н. Толстой по отношению к Русско-турецкой войне занимал К.Д. Кавелин. Он, в отличие от большинства представителей русского общества, не уделял большого внимания идеям всеславянства и освобождению Балканского полуострова от власти турок. Для Константина Дмитриевича более важны были сугубо внутренние проблемы России, чем чрезвычайно затратная в экономическом и людском плане война с Османской империей. Действительно, экономическое состояние России было не из лучших, и употребление значительного количества средств на борьбу с Портой загоняло Россию в жесткие тиски экономии. В письме к К.К. Гроту, К.Д. Кавелин четко объяснил свою позицию по отношению к Русско-турецкой войне: «Вы меня спрашиваете, что я думаю о турецких делах? Сажу в своей норе и негодую на легкомыслие и безобразие русского общества. В деревнях нищета, анархия, дичь, невежество – невообразимые, а мы делаем сборы в пользу балканских славян! Вместо того, чтобы заняться у себя дома и собирать деньги на пользу своих голодающих голяков, черт нас дергает отдавать свои силы и свои деньги балканским славянам – словно у нас все так благополучно, что дома делать нечего и есть избытки, которые мы можем употребить на пользу страждущего мира» [14, с. 381].

На момент написания данного письма Кавелин находился в деревне и воочию наблюдал за тяжелыми реалиями пореформенного сельского

хозяйства. Безусловно, Константин Дмитриевич был мало знаком с вооруженными силами России, но он мог сравнивать и делать определенные выводы, поскольку именно деревня поставляла ту основную часть пушечного мяса, которому суждено было пасть на фронтах войны с Турцией. По этому поводу Кавелин заявлял: «Жизнь в деревне, которую я веду по летам, занимаясь своим хозяйством, очень поучительна. Тут вы видите русскую жизнь без прикрас, без театральной обстановки, во всей ее печальной, подчас ужасающей правде. Невежество – поголовное, бедность – ужасающая, дичь – невообразимая... Как смешны и жалки кажутся отсюда разглагольствования наших газет и журналов – вы не поверите? Это какое-то самоублажение гордости людей, живущих в свое удовольствие и совершенно незнакомых с действительностью, положением, нуждами и интересами наших масс. Теперь муссируют турецкий вопрос и эффектные события Балканского полуострова, потому что совершенно незнакомы с неэффектной, но крайне печальной русской действительностью и конечно потому еще, что гораздо лучше устроить литературное чтение, спектакль или вечер в пользу герцеговинцев, чем основать и поддерживать в добром порядке одну сельскую школу или один сельский банк» [14, с. 381-382].

Однако критическая позиция в отношении участия России в решении Балканского кризиса, обозначенная высказываниями Л.Н. Толстого и К.Д. Кавелина, буквально терялась из вида в той массе выступлений в поддержку войны с Турцией, которые в целом характеризуют ситуацию 1877 г. В защиту славян и за скорейшее открытие войны выступило большинство деятелей русской культуры. Вероятнее всего, им казалось, что победа над Турцией принесет что-то новое в русскую жизнь. Общественный интерес к балканским событиям, по мнению писателя Г.И. Успенского, заключался в том, чтобы «посмотреть на русского простого человека, одушевленного, наконец, большой, по сердцу пришедшейся ему задачей...» [15, с. 174].

Несмотря на то, что основная масса общественных деятелей России воспринимала Русско-турецкую войну 1877-1878 гг. позитивно, тем не менее, это не означало, что не существовало различных течений при общей поддержке самой цели и идеи вооруженного конфликта с Турцией.

Если славянофильские круги безоговорочно воспринимали прогрессивность войны с Османской империей, то ряд общественных деятелей подходил к этому вопросу более осторожно. Это проявлялось в определении внешнеполитических задач России в период войны, в различных мнениях о разграничении позиций верховной власти и общества в их решении, о соотношении внутренней и внешней политики, в оценке славянских народов Балканского полуострова.

Библиографический список

1. Гаршин В.М. Сочинения. М.: Государственное изд. Художественной Литературы, 1960. 581 с.
2. Цимбаев Н.И. Освобождение Болгарии и русское общество // Русское общество и болгарский вопрос в 1800-1860 гг. София, 1981. 351 с.
3. Станюкович К.М. В мутной воде. Жрецы. М.: Современник, 1966. 461 с.
4. Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений. В 3 т. Л.: Советский писатель, 1967.
5. Богучарский В. Русское освободительное движение и война за освобождение Болгарии // Современник. 1913. №3. С. 172-245.
6. Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. В 15 т. Т. 15. М., Советский писатель 1950.
7. Русско-турецкая война 1877-1878. М., Воениздат. 263 с.
8. Золотарев В.А. Противоборство империй. Война 1877-1878 гг. – апофеоз восточного кризиса. М.: Animi Fortitudo, 2005. 568 с.
9. Константинов Ф.Т., Коренков А.М. Дружба, испытанная временем. М.: Мысль, 1978. 354 с.
10. Цимбаев Н.И. Освобождение Болгарии и русское общество // Русское общество и болгарский вопрос в 1800-1860 гг. София, 1981. 351 с.
11. Новое время. 1910. №12482.
12. Толстой Л.Н. Анна Каренина. Кишинев: Лумина, 1975. 863 с.
13. Толстой Л.Н. Собрание сочинений. В 22 т. М.: Художественная литература, 1978-1985.
14. Кавелин К.Д. Письмо к К.К. Гроту от 18/VIII 1876 г. // Русская старина. 1899. №2. С. 381-382.
15. Успенский Г.И. Из Белграда. (Письма невоенного человека) // Отечественные записки. 1876. №12. С. 162-184.

УДК 94(47).08+929 Константин Николаевич

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ «ВЕЛИКИХ РЕФОРМ»: ВЕРСИЯ А.В. ГОЛОВНИНА

О.В. Кочукова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: kochukovasgu@mail.ru

В статье рассматриваются особенности политического мировоззрения видного представителя либеральной бюрократии в России великого князя Константина Николаевича. Автор анализирует содержание специального труда о Константине Николаевиче, созданного А.В. Головинным.

Ключевые слова: Великие реформы, либеральная бюрократия, великий князь Константин Николаевич, А.В. Головин, славянофильство, западничество, Крымская война.

GRAND DUKE KONSTANTIN NIKOLAEVICH DURING THE PREPARATION OF "GREAT REFORMS": VERSION OF A.V. GOLOVNIN

O.V. Kochukova

The article discusses the features of the political outlook of a prominent representative of the liberal bureaucracy in Russia Grand Duke Konstantin Nikolayevich. The author analyzes the content of a special work of Konstantin Nikolayevich created by A.V. Golovnin.

Key words: Great reforms, the liberal bureaucracy, Grand Duke Konstantin Nikolayevich, A.V. Golovnin, Slavophilism, Westernism, the Crimean War.

Историческая роль либеральных бюрократов в период «Великих реформ», и в частности их покровителя из императорской фамилии великого князя Константина Николаевича, в настоящее время является общепризнанным фактом. Но до сих пор дискуссионным остается вопрос об их политическом мировоззрении. Оценки разнятся до противоположных и взаимоисключающих. Либерально-прогрессивное начало в их взглядах и деятельности отмечают многие исследователи крестьянской и земской реформ [1, с. 652-653; 2, с. 209-211]. Зарубежные исследователи, как правило, не признают либеральной основы мировоззрения «просвещенной бюрократии», полагая, что главным мотивом ее деятельности было сохранение институтов самодержавия и регулирующих, дисциплинарных механизмов государства и общины в отношении жизни общества [3, 4]. Многие современные российские историки склонны к подобной же точке зрения. Так, М.Д. Долбилов говорит о националистическом дискурсе бюрократов-реформаторов, обращая особое внимание на русификаторскую политику Н.А. Милютина, Ю.Ф. Самарина и В.А. Черкасского в Польше после 1863 г. [5, с. 42-43]. С.А. Репинецкий считает нужным в принципе отказаться от термина «либеральные бюрократы», полагая более обоснованным термин «этатисты-реформисты» [6, с. 15]. И.А. Христофоров предлагает компромиссный подход, поскольку приходит к выводу об эклектичности мировоззрения идеологов и авторов крестьянской реформы (либеральные представления скорректированы влиянием романтического национализма, славянофильства, практикой менеджмента самодержавного государства) [7, с. 351-360].

Следует допустить, что «на повестке дня» остается непредвзятый анализ источников и изучение оценок и представлений, идущих непосредственно от современников. «Взгляд изнутри» эпохи и социально-культурной среды, в которой формировалось политическое мировоззрение «либеральных бюрократов» представляет особую ценность именно своей субъективной основой и в наибольшей степени предоставляет возможность изучения реформ как итога и результата дискурсивных

практик и мировоззрения их авторов. При этом сам подбор исторических источников представляет немало трудностей: далеко не все бюрократы-реформаторы вели дневники, писали воспоминания, развернутые публицистические тексты. В связи с этим представляется, что особую ценность представляет в своем роде исключительный источник – созданные А.В. Головниным «Материалы для жизнеописания великого князя Константина Николаевича»

А.В. Головнин, видный представитель «просвещенной бюрократии», выполнял обязанности личного секретаря великого князя Константина Николаевича и в немалой степени формировал и направлял мировоззрение последнего [8, с. 54]. В период подготовки крестьянской и земской реформ А.В. Головнин вел дневниковые записи и составлял специальные ежегодные отчеты, которые преподносил Константину Николаевичу в качестве подарка к дню рождения. Записи Головнина, созданные по горячим следам событий, отражают авторское восприятие разных временных отрезков предреформенного периода, фиксируют процесс изменения взглядов, эмоций и настроений, а погодный характер изложения придает источнику черты летописи. При этом текст Головнина – это не просто поток информации о быстро изменяющейся реальности, но результат его авторского осмысления. «Материалы для жизнеописания великого князя Константина Николаевича» сохранились в различных архивных вариантах и сравнительно недавно (2006 г.) опубликованы Б.Д. Гальпериной и Б.П. Миловидовым.

«Материалы...» содержат информацию, начиная с детских лет великого князя, но исторический интерес представляют с того момента, когда ведущим в них становится политический и идеологический контекст, начиная с 1850-х гг., и особенно – с 1855 г. В 1855 г. А.В. Головнину было 34 года, а Константину Николаевичу – 27 лет (для сравнения: в это же время Н.А. Милютину и К.Д. Кавелину (как и Александру II) – 37 лет). Текст биографических сообщений Головнина вполне четко фиксирует самосознание «молодых реформаторов», ощущавших свою противоположность «старикам-ретроgrадам» [9, с. 124-125]. В исторической литературе не раз указывалось на то, что мировоззрение представителей «партии петербургского прогресса» начало свое становление еще в 1840-х гг., и происходило в обстановке салонов западников и славянофилов и в служебной деятельности в министерствах внутренних дел, просвещения, в морском ведомстве и т.д. Тем не менее, начальный момент политической активности этой новой «генерации» следует, видимо относить, к периоду Крымской войны, к середине 1850-х гг.

Значение Крымской войны как периода деконструкции дискурсивных практик и политического мировоззрения общественной и государственной элиты (шире – «образованного общества»), видимо, еще требует

дальнейшего осмысления в исторической науке. Ситуация Крымской войны выдвигала на первый план вопрос об отношении России к православным славянам («православному Востоку») и к западноевропейским странам (к «Западу»). В связи с этим, в высшей степени примечательна роль славянофилов в предреформенный период. (И особенно в связи с тем, что требует объяснения тот факт, что «западническая» риторика авторов крестьянской и земской реформы на деле сочеталась с включением в их проекты «славянофильских» идей, к примеру, относительно, общины). Здесь следует отметить, что биография Константина Николаевича имела точки пересечения с идеологией и деятельностью славянофилов, что и зафиксировано в тексте, созданном А.В. Головниным.

Многие славянофилы возлагали особые надежды на поддержку и благосклонность великого князя, считая его «русским сердцем и душой. Головнин, в свою очередь, упоминал, что Константин Николаевич «любил все русское, держался во всей строгости правил православной веры, предпочитал русский язык всякому другому, требовал, чтобы в его дворце его говорили по-русски... Лица, которые имели одинаковый образ мысли, которые также хотели быть русскими и православными, естественно, любили его, любили говорить о нем и произносили имя его с уважением» [9, с. 92]. Наблюдение Головнина о сочувствии лиц «русского и православного направления мыслей» подтверждается, к примеру, замечаниями в дневнике представительницы семьи славянофилов В.С. Аксаковой о «сильной народности» великого князя. Внешнеполитический аспект мировоззрения Константина Николаевича так же находил соприкосновение с позициями славянофилов. А.В. Головнин в записях за 1854 год, замечал, что военные события этого года «доказали, что искренних друзей должна искать Россия... на православном Востоке, между племенами единоверными, о которых перед тем она мало заботилась». Головнин сразу же прибавлял, что великий князь Константин «еще прежде начала событий доказывал эту истину неоспоримыми фактами, сознавал оную, сочувствовал православию, чуждался союзов и вообще близких сношений с германскими державами... Западные державы и народы Германии соединились против нас, а мы не приготовили себе заблаговременно союзников, не укрепили их» [9, с. 83].

Подобный ход рассуждений свидетельствует о том, что позиция Константина Николаевича, действительно, совпадала с новым направлением мыслей, разделяемым в тот период не только славянофилами, но и многими другими государственными и общественными деятелями. Это направление означало попытку пересмотра имперских ценностей и переориентацию на националистический дискурс, когда понимание культурных и политических границ русской идентичности, а также

внешнеполитического курса государства, начинало смещаться с исторически сложившихся форм и пределов в сторону «родственных», «единоверных» и «единоплеменных» народностей.

Но политическая реальность оказывала свое влияние на политическое мировоззрение великого князя, о чем красноречиво свидетельствуют головнинские материалы для его жизнеописания. В самом начале царствования Александра II, еще в сентябре 1855 г., Константин Николаевич «предпочитал продолжение войны уничижительному миру» и еще надеялся на славный и выгодный для России исход войны, но уже через полгода, зимой 1856 г., А.В. Головнин счел нужным отметить неосновательность распространенного в России и за рубежом мнения о том, что его патрон является «главой русской партии, партии войны». В новых обстоятельствах Константин Николаевич учитывал прежде всего «вероятные жертвы и тяготы народные» и считал разумным соглашаться на «требуемые от нас уступки, чем упорствовать и продолжать борьбу» [9, с. 101].

Содержание биографических сообщений Головнина начиная с 1856 г. фиксирует весьма существенный перелом в формировании политического мировоззрения Константина Николаевича и самого Головнина. Кризис общественного сознания направлял ход мыслей современников в сторону критики существующего положения дел и инициирования программы реформ. Примечательно, что в текстах А.В. Головнина становится более частой, чем внешняя политика, тема финансового состояния страны. Одновременно славянофильская риторика начинает постепенно вытесняться условно «западническим» образом мыслей. Головнин записывает: «Успехи просвещения, которых достигли народы Западной Европы после долговременной исторической жизни и многочисленных переворотов, стоивших много крови и страданий, привели наконец к тому, что эти народы пользуются более или менее такими благами гражданского устройства, которых мы или вовсе не находим еще в России, или находим изредка и только в зародыше» [9, с. 153]. Головнин высказывает в связи с этим мысль, что подобные настроения получили общее распространение в «молодом поколении» после 1856 г. Приведенный Головниным список преимуществ социально-политического устройства Западной Европы фактически имеет значение предполагаемой программы реформ (лучшее устройство судов, веротерпимость и свобода совести, отсутствие крепостного права, отсутствие сословно-чиновных препятствий для развития способностей граждан, равномерное распределение налогов, местное самоуправление) [9, с. 154]. Способ осуществления программы – «медленные постепенные законодательные и административные преобразования», осуществляемые новой генерацией прогрессивно мыслящих чиновников, в связи с чем в качестве первоочередной виделась

задача продвижения всеми способами «способных людей для действия... в разных частях управления» [9, с. 155].

Тем не менее, предшествующий период становления политического мировоззрения Константина Николаевича и Головнина, который был отмечен влиянием славянофильских настроений, конечно же, не прошел бесследно. Скорее, можно говорить о синтезе славянофильства и западничества, националистического дискурса и либерального видения предполагавшихся реформ. Что же касается внешнеполитических целей, то здесь проявлялся механизм «отложенных ожиданий», планы в отношении участия России в делах «православного Востока» откладывались до более благоприятной ситуации, которую как раз и должны были обеспечить реформы. Интересна информация, сообщенная Головниным, о принадлежавшей Константину Николаевичу идее «мирных крестовых походов» на Афон. С целью «возбудить общее желание в православной России побывать на единомысленном Востоке», великий князь предлагал при пособии от правительства основать пароходное общество, устраивающее туристические рейсы поклонников к святым местам. Но Головнин с горечью констатировал, что «седовласые сановники» не поняли величия замысла [9, с. 105].

Но в первую очередь синтез националистического дискурса с либеральными компонентами мировоззрения осуществлялся в сфере понимания внутреннего развития России и наиболее ярко – применительно к концепции крестьянской реформы, на что и обращают внимание ее современные исследователи, такие как М.Д. Долбилов и И.А. Христофоров. Биографические сообщения Головнина о Константине Николаевиче подтверждают эту научную гипотезу. Общее видение контуров грядущей крестьянской реформы предполагало цель достижения внесословной солидарности нации (русского народа). В текст, созданный Головниным, органично включены рассуждения о «пробуждении русского народа», единстве и согласии нации, ликвидации крепостного права как искусственной стены между двумя сословиями. Славянофильская «народность» проявлялась и в романтическом способе восприятия образа крестьянства. Головнин писал: «В эту замечательную эпоху, когда страсти дворян-помещиков были раскалены и они беспрерывно забывали всякое благоразумие и вредили сами себе, замечательно спокойное положение крестьян, которые продолжали свои обыкновенные работы, свой образ жизни и ждали решения правительства» [9, с. 184].

Вместе с тем, содержание биографических записок Головнина о Константине Николаевиче предоставляет достаточно обширный материал, свидетельствующий о наличии либеральных компонентов в политическом мировоззрении видных представителей «просвещенной бюрократии», которую зарубежные и многие современные авторы, видимо, все-таки несправедливо «лишают права» называться «либеральной». В тексте

Головнина мы встречаем свидетельства приверженности его самого и великого князя принципам свободного рынка, конкуренции и свободы предпринимательства. «От этого отсутствия разных стеснений за границей встречается в государственной службе более способных людей, и более процветают торговля, земледелие и промышленность, которыми каждый может свободно заниматься» [9, с. 154]. Головнин упоминает о либеральных распоряжениях Константина Николаевича по Морскому министерству, направленных на децентрализацию управления, развитие гласного характера обсуждения дел, на предпочтение частной промышленности перед «казенными средствами» [9, с. 95]. Постоянным фоном рассуждений о самого рода государственных вопросах является признание ценностей открытости, гласности, веротерпимости.

Вывод об эклектичности политического мировоззрения видного представителя либеральной бюрократии великого князя Константина Николаевича дополняет сюжет о сложном характере определения его места в расстановке сил и течений в управленческой элите и в общественном движении. Биографические сообщения Головнина построены таким образом, чтобы противодействовать распространявшимся в обществе суждениям о принадлежности великого князя к той или иной «партии». Головнин подчеркивал, что «у нас еще не могло быть особых партий и не было к тому элементов». Стремление изобразить позицию Константина Николаевича в плоскости, лежащей «над схваткой» разных группировок и идейно-политических подходов, в принципе, отвечает пониманию роли императорской власти и, соответственно, императорской фамилии в условиях необходимости балансирования политического курса. Это заставляет с осторожностью относиться к встречающимся в исторической литературе формулировкам о лидерстве Константина Николаевича в рядах либеральной бюрократии, о политических позициях «константиновцев» и т.п. Записи, сделанные А.В Головниным в течение 1858 г., дают в этом отношении любопытный материал. Летом 1858 г. Константин Николаевич с разрешения и по предложению императора отправился в заграничную поездку, находя благоразумным «временно удалиться, чтоб о нем перестали говорить и перестали им заниматься». Константин Николаевич считал нужным не раздражать «врагов прогресса» и, по возможности, реже выходить в своей деятельности за границы непосредственных служебных полномочий по морскому ведомству. При этом Александр II сказал Головнину: «Тебя обвиняют, будто ты вовлек его в дела, посторонние Морскому ведомству. Это несправедливо. Я виноват этому, потому что я назначил его в разные комитеты. Он был слишком пылок в них и говорил лишнее перед людьми, перед которыми не следовало бы говорить, и я часто замечал ему это» [9, с. 162].

Личность Константина Николаевича обретала особое значение в борьбе различных группировок в бюрократической элите, и для самого

великого князя такая ситуация была с житейской точки зрения достаточно тяжелой и неудобной. Головнин заметил, что великая княгиня Елена Павловна, граф П.Д. Киселев и императрица Мария Александровна не поддерживали стремления Константина Николаевича «временно удалиться» от больших государственных вопросов (как и идею с отъездом за границу летом 1858 г.), а супруга Александра Иосифовна, напротив, с наибольшим рвением склоняла его именно к такому сценарию политического поведения. Она смотрела на подобные поездки «как на средство удалить великого князя от нескольких людей, о которых ее высочеству наговорили, что они люди вредного образа мыслей, исполненные либеральных замыслов, одним словом, красные, как их называли, – люди, которые стараются употребить великого князя как орудие для достижения зловредных целей и от которых она, как некий ангел-хранитель, должна всячески стараться защитить великого князя и отдалить его от них» [9, с. 188]. К таким «зловредным людям» она относил прежде всего Н.А. Милютина. Кстати, об этом видном деятеле (можно сказать, авторе) крестьянской реформы 1861 г., которого традиционно вместе и наряду с Константином Николаевичем относят к разряду «либеральных бюрократов», в головнинских «Материалах для жизнеописания...» крайне мало упоминаний. Только осенью 1860 г. и по разрешению императорасостоялась личная встреча Константина Николаевича с Н.А. Милютиным, Ю.Ф. Самариным и В.А. Черкасским, которым уже давно покровительствовала великая княгиня Елена Павловна. На их встрече, между прочим, очень настаивал А.В. Головнин, который «всячески старался приблизить их к великому князю, в то самое время, когда таинственно употреблялись другими лицами всевозможные усилия, чтоб помешать этому сближению» [9, с. 194, 196].

Таким образом, содержание биографических записей А.В. Головнина о великом князе Константине Николаевиче вполне подтверждает вывод, сделанный современным исследователем вопроса об исторической роли «константиновцев» А.П. Шевыревым: парадокс положения Головнина заключался в том, что «он пытался построить бюрократическую партию, объединенную вокруг политической программы, а вынужден был действовать в рамках придворного этикета» [8, с. 69].

Библиографический список

1. Захарова Л.Г. Великие реформы 1860-1870-х годов: поворотный пункт российской истории? // Александр II и отмена крепостного права в России. М., 2011.
2. Морозова Е.Н. У истоков земской реформы. Саратов, 2000.
3. Lincoln W.B. In the Vanguard of Reform: Russian Enlightened Bureaucrats 1825-1861. Illinois, 1982.
4. Уортман Р.С. Властители и судии. Развитие правового сознания в императорской России. М., 2004.

5. Долбилов М.Д. Александр II и отмена крепостного права // Вопросы истории. 1998. №10. С. 32-50.
6. Репинецкий С.А. Формирование идеологии российского либерализма в ходе обсуждения крестьянского вопроса публицистикой 1856-1860 гг. М.; Самара, 2010.
7. Христофоров И.А. Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830-1890-е гг.). М., 2011.
8. Шевырев А.П. Во главе «константиновцев»: великий князь Константин Николаевич и А.В. Головнин // Александр II. Трагедия реформатора: Люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей: Сб. статей. СПб., 2012.
9. Головнин А.В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. СПб., 2006.

УДК 271.2 (470.44+ 470.5) (09) | 18|

СВЯЗИ САРАТОВСКИХ И УРАЛЬСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

А.С. Майорова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: majorova-as@mail.ru

Культурные коммуникации являются важнейшим условием формирования и преобразования культурного пространства. Связи саратовских старообрядцев со старообрядческими общинами в других регионах России и за ее пределами являлись существенным элементом подобных коммуникаций. В статье рассматриваются документы, которые позволяют уточнить особенности их функционирования в Урало-Поволжском регионе.

Ключевые слова: культурные коммуникации, народная культура, старообрядчество, Урало-Поволжский регион, иргизские монастыри.

RELATIONS OF SARATOV AND URAL OLD BELIEVERS IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

A.S. Mayorova

Cultural ties are essential to the formation and transformation of cultural space. Connections of Saratov Old Believers with Old Believer communities in other regions of Russia and abroad is an important element of such communications. The article deals with documents that allow to specify the features of their functioning in the Ural-Volga region.

Key words: cultural communication, folk culture, the Old believers, the Ural-Volga region, Irgiz monasteries.

Культурные коммуникации являются важнейшим условием формирования и преобразования культурного пространства, как в

масштабах страны, так и в масштабах каждого отдельного региона. Изменение культурного пространства, насыщение его новыми явлениями зависит от успехов в области социально-экономического развития. Однако сфера культуры имеет свои собственные источники и катализаторы преобразования. Так же, как и в области экономики, здесь значительная роль принадлежит системам коммуникации. Их развитие зависит от местоположения региона, от наличия путей сообщения. Один из вариантов культурных связей – коммуникации внутри конфессиональных сообществ. Для Саратовской губернии, которая была создана в качестве самостоятельного административно-территориального образования в 1780 г., большое значение имели традиционные культурные связи местного крестьянского населения.

Среди русских крестьян, заселявших Саратовское Поволжье, было много старообрядцев. Л.Н. Юровский писал, что старообрядцы «селились в крае в XVII столетии и продолжали являться в него и в XVIII веке ... Но во второй половине XVIII в. их переселение стало легальным...» [1, с. 21]. Распространение староверия в Поволжье во второй половине XVIII – начале XIX вв. являлось последствием изменений в политике верховной власти по отношению к старообрядцам, по сравнению с предшествовавшей эпохой. Если при Петре I был введен двойной подушный оклад с раскольников [2, с. 9], то после восшествия на престол Екатерины II был издан указ от 14 декабря 1762 г., который предоставлял старообрядцам, бежавшим за границу, право на возвращение. Были отменены запреты в отношении совершения ими богослужения и соблюдения традиций во внешнем облике.

Староверам, которые переселялись из-за границы в Россию, были отведены территории для поселения, в том числе, и в Заволжье, которые позднее вошли в состав Саратовской губернии. Здесь они создали свои села и слободы. [7, с. 82, 83] Ими были основаны монастыри на реках Большой и Малый Иргиз. А.Ф. Леопольдов пишет, что «Иргиз имел в умах раскольников такой же вес, как у православных священный город Киев» [4, с. 56]. Большинство жителей заволжских сел, которые существовали ранее, после появления в этих местах старообрядцев приняли старую веру. Практически все села, которые вошли в Николаевский уезд (после его создания в 1836 г.) были «сворачены в раскол» [5, с. 103]. Сам город Николаевск, носивший первоначально название Мечетная слобода, был основан в 1762 г. старообрядцами, как писал Леопольдов [4, с. 91].

Интенсивные связи староверов Саратовской губернии со старообрядческими общинами, как в других регионах России, так и за ее пределами, неоднократно отмечены исследователями. А.Ф. Леопольдов писал об их связях в пределах губернии, о влиянии Иргизских монастырей на конфессиональную ситуацию в городах – Вольске, Хвалынске, Саратове [4, с. 56-57, 65, 78, 91]. Относительно Кузнецка в заметках А.Н. Минха

определенно сказано, что в этот город приезжали монахи с Иргиза [6, л. 5-5об]. Леопольдов обратил внимание также на связи, существовавшие между Хвалынским уездом и центрами старообрядчества, которые находились далеко от Саратовской губернии – в Поморье. По его сведениям, в 30-е гг. XIX в. в Хвалынском уезде частыми гостями были поморские старцы (т.е. монахи-старообрядцы). Приезжали из Поморья и «разные иконопродавцы». Они, «называя иконы свои истовыми и хуля иконы, принимаемые и одобряемые церковью», «склоняли жителей уезда к расколу» [4, с. 80]. А.Н. Минх отметил наличие связей кузнецких старообрядцев с Рогожским и Преображенским кладбищами (Москва) и Белой Криницей (Украина) [6, л. 5]. Ф.В. Духовников и Н.Ф. Хованский писали о том, откуда поступали «старопечатные» книги (т.е. книги «дониконовского образца») в саратовские лавки в первой половине XIX века, подчеркивая, что наибольшее их количество поступало «из-за границы, где у раскольников были свои типографии». Их ввозили контрабандой, несмотря на запреты [7, с. 327]. Современные исследователи уделяют особое внимание связям, которые поддерживали саратовские старообрядцы с регионами России. И.В. Полозова приводит содержание документа, в котором идет речь об освящении церкви Преображения в иргизском Спасо-Преображенском монастыре в 1804 году. На освящении присутствовало более пяти с половиной тысяч человек. Среди них были старообрядцы из Уральского и Донского казачьего войска, купцы из Сибири, Екатеринбурга, Перми, Иркутска и, конечно, из поволжских городов – Саратова, Вольска, Хвалынска, Казани, Самары, Астрахани, а также крестьяне из разных губерний России [5, с. 104].

Связи саратовских старообрядцев с уральскими заслуживают особого внимания. На основании изучения рукописных книг, которые создавались в среде староверов двух регионов, современные исследователи пришли к выводу о существовании в XIX в. урало-поволжской рукописной традиции. Она возникла в результате участия насельников иргизских монастырей в старообрядческой полемике в последней четверти XVIII века, о чем пишет А.С. Ряжев [8, с. 360]. Постоянные контакты саратовских старообрядцев с Уралом были многообразными. Значительная роль в них принадлежала священникам, которые получали «исправу» в иргизских монастырях, и затем отправлялись на Урал, чтобы окормлять старообрядческую паству.

Некоторые подробности о том, как они совершали свое служение, можно найти в документах государственного архива Саратовской области. Согласно правительственной политике, саратовские чиновники должны были контролировать старообрядцев и сдерживать распространение староверия. Документы соответствующей тематики встречаются в фонде канцелярии губернатора (Ф. 1), губернской казенной палаты (Ф. 28),

духовной семинарии (Ф. 12). Примечательно то, что документация канцелярии губернатора за первую половину XIX в. сохранилась очень плохо, а большинство сохранившихся документов этого периода составляют материалы, относящиеся к «раскольникам». В канцелярии существовало подразделение – секретный стол, чиновники которого должны были осуществлять контроль над старообрядцами и лицами, которые находились в Саратове в ссылке. Причиной гибели документов были пожары, от которых постоянно страдал Саратов. Очевидно, документы секретного стола хранились отдельно, в безопасном от пожара месте, потому они дошли до нашего времени.

В делах секретного стола можно найти сведения о том, каким образом в иргизских монастырях совершалась «исправа» священников, которые переходили в староверие, и увидеть, каким образом священники-старообрядцы окормляли свою паству, в том числе, и на Урале. Очень информативной с этой точки зрения представляется «Переписка с Пермской консисторией об увольнении со службы священника иргизского старообрядческого монастыря Афанасьева М.» [9]. Из содержания этого дела видно, что священники проходили обряд рукоположения, получали от монастыря (в данном случае – Нижневоскресенского) ставленую грамоту на свой сан и «письменное удостоверение для исправления старообрядческих треб» (она называлась в просторечии «исправой») [9, л. 6об-7]. Обряд рукоположения и наличие ставленной грамоты являлись в православной церкви основанием для осуществления служения иерея. Для священников, перешедших в староверие, необходимой была также «исправа». Отправляясь в дальнюю дорогу своей пастве, они считались «уволенными» из монастыря.

В 1818 г. пермская консистория направила в Саратов запрос о священнике иргизского монастыря Матфее Афанасьеве, который в 1815 г. совершил обряд венчания в Осинском уезде Пермской губернии. [9, л. 1-1об.] Священника Афанасьева разыскивали в связи с тем, что он венчал крепостного крестьянина госпожи Голицыной из села Крылова Стефана Рожкова с девкой Агафьей Овчинниковой. Венчание было совершено в старообрядческой часовне на Ревдинском заводе, который принадлежал господину Зеленцову. Запрос пермской консистории мог появиться ввиду конфликтной ситуации. Очевидно, обряд был совершен без согласия владелицы повенчанного крестьянина. В соответствии с действовавшими тогда законодательными нормами, помещики имели полное право распоряжаться судьбами своих крестьян в таком вопросе, как совершение браков.

Можно думать, что священники-старообрядцы далеко не всегда учитывали волю господ, когда сочетали браком их крепостных, поскольку иереи старообрядцев не зависели от помещиков, как это было среди священников новообрядческой церкви. Невнимание к воле господ

вызывало со стороны владельцев крестьян недовольство и попытки использовать власть губернаторов для воздействия на священников-старообрядцев. Заслуживают внимания сведения о том, что староверие было распространено среди крепостных крестьян на заводах Пермской губернии. Несколько иное положение наблюдалось в Саратовской губернии. М.В. Булычев приводит выводы статистика А.И. Артемьева, который произвел подсчет количества старообрядцев среди представителей разных сословий в Саратовской губернии [10]. Артемьев обнаружил, что среди крестьян большинство из них составляли государственные и удельные крестьяне, а крепостные, находившиеся под постоянным надзором своих господ, вынуждены были пребывать в лоне официальной церкви... [10, с. 73]

Документы рассматриваемого дела показывают, что старообрядческие священники отправлялись на Урал по просьбам паствы [9, л. 60б]. Им приходилось передвигаться на очень значительные расстояния, чтобы осуществлять свое служение. Настоятель Нижневоскресенского монастыря по требованию саратовского губернатора сообщил, что Матфей Афанасьев был рукоположен в монастыре в 1815 г., получил ставленую грамоту и «письменное удостоверение для исправления старообрядческих треб». Он «отлучился» из монастыря в Пермскую губернию «по желанию тамошних старообрядцев». [9, л. 60б.]. По сведениям настоятеля, Афанасьев действительно был в Осинском уезде на Ревдинском заводе, а также на Нижнетагильском заводе, в 1818 г. он находился в Красноуфимском уезде на Юговском заводе, который принадлежал помещику Кнауфу [9, л. 60б] Служение на Урале священников, получивших «исправу» в иргизских монастырях, являлось основой тесных связей старообрядцев Саратовской губернии и Уральского региона.

Библиографический список

1. Юровский Л.Н. Саратовские вотчины: Статистико-экономические очерки и материалы по истории крупного землевладения и крепостного хозяйства в конце XVIII и в начале XIX столетия. Саратов, 1923.
2. Мирошниченко Е.А. Купцы-старообрядцы в городах Европейской России в середине XVIII века (Из истории российского предпринимательства) // Отечественная история. 2006. №5. С. 28-39.
3. Мордовцев Д.Л. Последние годы иргизских старообрядческих общин // Собрание сочинений. СПб., 1901. Т. 21. С. 3-92.
4. Леопольдов [А.Ф. – в заглавии статьи инициалы автора указаны с ошибкой]. О расколе в Саратовской епархии, по рукописи А.А. Леопольдова // Труды СУАК. Саратов, 1903. Вып. 23. С. 56.
5. Полозова И.В. Иргизские и Черемшанские монастыри и их роль в жизни саратовского старообрядчества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2013. Т. 13. Вып. 1. С. 102-109.
6. ГАСО Ф. 407. Оп. 2. Д. 783.

7. Духовников Ф.В., Хованский Н.Ф. О развитии книжной торговли в Саратове // Саратовский край: Исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893.
8. Ряжев А.С. Библиотеки и книжность Иргизских монастырей // Православная энциклопедия. М., 2011. Т. 26. С. 360.
9. ГАСО Ф. 1. Оп. 1 Д. 43.
10. Булычев М.В. Состояние раскола в Саратовской губернии середины XIX в. (по рукописи А.И. Артемьева) // Памятные даты отечественной и местной истории и документальное наследие: Материалы научных конференций. Саратовского областного отделения РОИА 28.11.2008 г. и 20.11.2009 г. Саратов, 2009. С. 68-74.

УДК 94(47)084

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛОЖЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ НЕМЦЕВ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В СССР

О.С. Мозговая

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: mozgowaja@mail.ru

В данной работе рассматриваются влияние внутренней политики советского государства и внешнеполитической ситуации на положение этнических немцев СССР. В зависимости от задач, выдвигаемых партией на различных этапах существования СССР, трансформировалась и политика в отношении советских немцев. Достаточно большое влияние на положение немцев СССР оказывали советско-германские отношения.

Ключевые слова: история немцев СССР, внутренняя политика СССР, советско-германские отношения.

THE TRANSFORMATION OF THE SITUATION OF ETHNIC GERMANS IN THE CONDITIONS OF POLITICAL CHANGES IN THE SOVIET UNION

O.S. Mozgovaya

This paper examines the impact of domestic politics of the Soviet state and foreign policy issues on the situation of ethnic Germans of the USSR. Depending on the tasks set by the Party at various stages of the Soviet Union, the policy towards the Soviet Germans also transformed. Sufficiently large impact on the Germans provided the USSR Soviet-German relations.

Key words: history of the Germans of the USSR, the internal policy of the USSR, the Soviet-German relations.

1917 год вынес серьезные изменения в положение этнических немцев России, как и всего населения страны. Впервые на проблему этнических

немцев большевистское правительство обратило внимание в ходе Брест-Литовских переговоров 3 декабря 1917 года [1, с. 75-82]. Именно тогда кайзеровская Германия поставила вопрос о судьбе российских немцев, взяв на себя роль защитника их интересов. Правительство Германии было обеспокоено положением российских немцев, которые в условиях политики проводимой большевиками, оказались на грани разорения и чувствовали сильное политическое давление [2, р. 81]. «Ликвидационная политика» царского правительства в отношении российских немцев сменилась большевистским произволом, сопровождавшимся национализацией, насильственным изъятием «излишков» и установлением диктатуры пролетариата.

Глава советской делегации в Брест-Литовске А.А. Иоффе стремился представить вопрос о колонистах как частное дело России. Кроме того, он указал, что все изложенные немецкой стороной претензии, относительно ущемления прав немецкого населения, касались дореволюционного периода. В условиях советской России колонисты, по словам А.А. Иоффе, получившие те же права, что и русские, не стремились покинуть ее пределы. Поэтому он еще раз предложил «исключить из проекта мирного договора главу о реэмигрантах» [3, ф. 8321, оп. 1, д. 15, л. 48], которая предоставляла немецкому населению возможность эмиграции в Германию.

Германия, используя свое политическое превосходство, сумела добиться уступок со стороны большевиков. Итогом переговоров явилась глава 6 «Забота о реэмигрантах» «Русско-Германского Дополнительного договора к Мирному договору, заключенному между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой стороны» [4, с. 119-124]. Статья 21 главы 6 позволяла российским немцам в течение 10 лет после ратификации договора «выехать на свою историческую родину» [4, с. 333].

Большевики в данной ситуации предпринимали все усилия к предотвращению массовой эмиграции немецкого населения в Германию, которое могло серьезно подорвать авторитет молодого советского государства, стремившегося доказать мировому сообществу приоритет советской модели. Кроме того, вместе с колонистами в Германию «эмигрировали» и их денежные капиталы. За время действия Брест-Литовского договора сумма переводов составила свыше 10 миллионов золотых рублей [5, ф. 849, оп. 10/д, д. 982, л. 48]. Данные средства, по мнению Москвы, могли быть использованы Германией против молодой Советской республики, в частности на вооружение немецких войск, расположенных на Украине, и на закупку хлеба для Германии. Как считало советское правительство, спасение «местной немецкой буржуазии и кулачества» было одной из причин, по которой Германия настаивала на разрешении реэмиграции для советских немцев [5, ф. 849, оп. 10/д, д. 982, л. 48]. В ответ на притеснения со стороны местных органов власти и

вооруженных отрядов большевиков, колонисты непрерывно направляли жалобы графу В. Мирбаху с просьбой защиты и помощи в выезде в Германию [5, ф. 728, оп. 1 о/д, д. 166, л. 16].

В ответ, члены Поволжского комиссариата по немецким делам, направили сообщение в исполком Саратовского Совета рабочих и крестьянских депутатов с пометкой «срочно», где просил «не давать возможности реакционным элементам обращаться в Москву к В. Мирбаху с различными ходатайствами» [6, с. 23].

Тем не менее, в Саратове во второй половине сентября и в Москве в ноябре 1918 г. выписывали «охранные свидетельства [7, ф. 849, оп. 1 о/д, д. 982, л. 48], согласно которым переселенцы попадали «под защиту Германского правительств» в лице «комиссии по реэмиграции» [8, ф. 549, оп. 4, д. 35, л. 122; д. 36, л. 30]. НКВД 3 ноября 1918 г. получил сообщение от Поволжского комиссариата по немецким делам, в котором говорилось о нарушениях Германской комиссией по реэмиграции условий мирного договора, и что она «выдает охранные свидетельства явным контрреволюционерам и спекулянтам», которые прикрываются ими и ускользают от правосудия [7, ф. 728, оп. 1 о/д, д. 164, л. 30].

В целом количество охранных грамот, выданных этническим немцам России, оказалось не очень большим. По данным немецкого исследователя А. Айсфельда оно не превышало 7 тыс. человек [9, с. 193]. 13 ноября 1918 г. ВЦИК РСФСР аннулировал Брест-Литовский договор, в результате была расформирована и комиссия по реэмиграции [1, с. 679-681].

Эмиграционная проблема заставила большевиков по-другому взглянуть на проблему советских немцев. В качестве альтернативы эмиграции советское руководство решило предоставить немцам Поволжья самоуправление «на социалистических началах» [5, ф. 1, оп. 1, д. 96, л. 45].

В апреле-мае 1918 г. в ходе переговоров с Москвой немцы Поволжья получили право на создание федерации. I съезд Советов немецких колоний Поволжья, проходивший с 30 июня по 1 июля 1918 г. в Саратове, провозгласил «Федерацию Среднего Поволжья» [6, с. 39-40], которая в 1924 г. была преобразована в Республику немцев Поволжья [5, ф. 1, оп. 1, д. 499, л. 1-4].

Учреждение немецкой Области служило толчком для развития экономики данного региона и сокращало число желавших эмигрировать. Республика являлась олицетворением самоуправления и братства народов в СССР, демонстрировала Западу преимущества социалистической модели строительства государства. Области предоставлялась возможность выхода на рынки Германии путем учреждения 21 декабря 1922 г. Немецко-Волжского банка, который имел свои представительства в Берлине и Чикаго [5, ф. 1, оп. 1, д. 655, л. 18].

Одной из немаловажных задач советской дипломатии являлась подготовка и развитие социалистической революции в Германии.

Непосредственно этой задачей занималась «немецкая секция» при ЦК РКП(б). Туда входили лица немецкой национальности, в большинстве своем немецкие военнопленные коммунисты. За январь 1919 г. только «в Германию для партийной работы» было направлено примерно 14 человек, в феврале 1919 г. – 29 «вполне надежных» коммунистов, с 22 по 24 марта 1919 г. – 13 человек [8, ф. 549. оп. 4, д. 19, л. 178, 181-184, 188-189, 195-198]. Данная секция проводила работу по советизации и этнических немцев России. Примером может служить письмо направленное рядом коммунистов из села Ровного в ноябре 1919 г. в обком РКП(б) Области немцев Поволжья, в котором говорилось о необходимости усиления «организации борьбы и обострения ее в крупных капиталистических государствах Западной Европы». Коммунисты обратились с просьбой разрешить им выезд в Германию, где они могли бы «поделиться своим опытом в социалистическом строительстве и верой в победу с немецкими рабочими» [5, ф. 1. оп. 1. д. 33. л. 173-174].

Данные планы оказались малореалистичными. В дальнейшем советскому руководству пришлось отойти от политики прямого вмешательства в дела Германии, но от идеи развития мировой социалистической революции РКП(б) окончательно не отказалась. Об этом свидетельствует политика, проводимая Москвой в отношении этнических немцев. Стоит заметить, что все данные мероприятия были напрямую связаны с установлением дружественных отношений с Германией в 1922 году. Согласно постановлению Политбюро ЦК РКП(б) от 27 августа 1925 г. АССР НП предоставлялась определенная свобода деятельности в Германии [10, Deutsche Wolgarepublik, 83864]. От имени республики при Торгпредстве СССР действовал представитель, деятельность которого всецело контролировалась компетентными органами и посольством СССР в Германии [11, ф. 082, оп. 9, д. 21, л. 4-7.].

Республика немцев Поволжья вела активную внешнеэкономическую деятельность, что являлось своеобразной агитацией за коммунизм в Германии. Об этом недвусмысленно говорилось в Постановлении 1-го съезда Советов АССР НП: «Съезд обращает внимание борющегося германского пролетариата на нашу маленькую автономию и этим еще раз подчеркивает различие между демократической свободой Германии, раздираемой, как собственным, так и европейским капиталом, и действительной свободой национальностей, объединенных в Союз Советских Социалистических республик» [5, ф. 1, оп. 1, д. 499, л. 9]. Особое значение придавалось поездкам германских рабочих в АССР НП, где они могли лично убедиться «как хорошо жили советские немцы при коммунизме» [5, ф. 1, оп. 1, д. 1336, л. 30об.]. Центральные органы в целях внешнеполитической рекламы предоставляли республике определенную свободу в области экономического [12, с. 243-254] и культурного развития [13, с. 163-169].

Между республиканскими и центральными органами постоянно существовало недопонимание. АССР НП стремилась расширить сферу своей деятельности и освободиться от мелочной опеки Москвы. Центральные органы, наоборот, видели в лице Республики только инструмент для проведения политической агитации в защиту коммунизма на Западе и не собирались предоставлять «лишней» свободы в ее деятельности.

Установление культа личности И.В. Сталина и изменение внешнеполитической ситуации во второй половине 1920-1930-е гг. оказали негативное влияние на положение советских немцев, как и на всю страну. Политика НЕПа постепенно уступила место «развитию социализма в отдельно взятой стране» и плановой экономике, сопровождавшейся чисткой партии от троцкистско-зиновьевских элементов, врагов народа, кулаков и вредителей. Политика коллективизации спровоцировала новую эмиграционную волну со стороны советских немцев, которые напрямую обращались в Посольство Германии с просьбой о защите и с желанием покинуть пределы СССР, что наносило определенный вред престижу советского государства [14, с. 44-47].

Ситуация изменилась еще больше с приходом в Германии к власти Гитлера, который напрямую заявил о политике продвижения на Восток. Внешнеполитической ситуации осложнялась последствиями коллективизации, повлекшей голод в ряде регионов СССР. Под руководством нацистской партии в Германии была развернута кампания под названием «Братья в нужде», в ходе которой к августу 1933 г. было собрано пожертвований на сумму 500 тыс. рейхсмарок [10, *Deutschtum im Ausland*, 83854], что крайне негативно было воспринято Москвой, которая стремилась умолчать о факте голода среди немецкого населения.

Советское руководство делало все возможное, чтобы минимизировать попадание немецкой помощи в руки советских немцев, проводя жесткую агитационную кампанию. Проблема голода среди немцев СССР представлялась менее важной, чем видимое благополучие страны Советов в глазах Запада.

Дальнейшее ухудшение советско-германских отношений и укрепление плановой экономики в СССР непосредственно сказались на политике Москвы в отношении советских немцев.

Органы НКВД планомерно чистили ряды советских немцев от врагов народа, пособников фашизма, шпионов и вредителей. Деятельность якобы фашистских организаций пресекалась по всей стране, ее «организаторы» получали «заслуженное» наказание в местах заключения [15, с. 77-81].

1937 год вошел в историю как год «большого террора». Немецкое население СССР воспринималось руководством страны как «пятая колонна». Карательными органами была разработана, так называемая, «немецкая операция» НКВД [16, с. 50-93], которая проводилась с 30 июля

1937 г. по 15 апреля 1938 г. и охватила районы Поволжья, Украины, Москвы и Ленинграда, Западно-Сибирского края, Казахстана, Азовско-Черноморского края, Крыма [17, с. 37-58].

В 1939 г. с подписанием советско-германского пакта о ненападении и дополнительного секретного протокола, внешнеполитические отношения СССР и Рейха перешли в стадию видимого умиротворения, хотя руководства обоих государств не строило иллюзий о мирном будущем и готовились к неминуемой войне, поэтому репрессии среди советских немцев не прекращались. Правительство явно сомневалось в их лояльности советской власти в условиях нападения фашистской Германии.

Начавшаяся Великая Отечественная война вызвала у немцев неоднозначное отношение. Одна категория немецкого населения СССР воспринимала начало военных действий как личную трагедию, и искренне желало встать на защиту родины, другая – более сдержанно отзывалась о начале военных действий, помня недавние репрессии, надеясь, хотя и с опасением, на улучшение положения с приходом фашистской Германии. Советское руководство не нашло лучшего способа обезопасить тыл, как депортировать осенью 1941 г. все немецкое население из европейской части СССР в Сибирь и Казахстан.

26 августа 1941 г. было принято постановление Совнаркома ЦК ВКП(б) «О переселении всех немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей в другие края и области», 28 августа – издан указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» [6, с. 282-286], что было крайне негативно встречено Германией [10, Russland II. R 100379]. Всего из АССР НП в Сибирь и Казахстан было выслано примерно 365,5 тыс. человек [6, с. 303].

Таким образом, советские немцы стали заложниками двух тоталитарных систем, ни одна из которых не действовала с точки зрения их интересов.

Великая Отечественная война оказала самое негативное влияние на судьбу советских немцев, заключенных в спецлагеря, трудовые поселения [18]. До 1955 г. советское правительство не интересовалось судьбой этнических немцев. Вопрос о положении советских немцев в рамках двухсторонних контактов СССР-ФРГ внес канцлер ФРГ К. Аденауэр в 1955 году [19]. Германия, взявшая на себя роль защитника немецкого населения в большевистской России, продолжала отстаивать права немцев и в послевоенный период.

Ход внешнеполитических переговоров повлиял и на изменение политики в отношении немецкого населения в СССР. 13 декабря 1955 г. вышел указ Президиума ВС СССР «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении» [18, с. 177]. Несколько позже, перед планируемым приездом Н.С. Хрущева

в ФРГ, 29 августа 1964 г. вышел указ о частичной реабилитации проживавших в СССР немцев [18, с. 178-178]. Однако, встреча в верхах не состоялась в связи со смещением 14 октября 1964 г. Н.С. Хрущева со своего поста.

С приходом к власти Л.И. Брежнева все больше выдвигалась на первый план задача мирного сосуществования с Западом. В итоге проводимой правительствами СССР и ФРГ политика 12 августа 1970 г. в Москве был подписан договор между двумя странами [20, с. 131-135]. В результате политика в отношении немцев стала более либеральной. Если в 1960-е гг. из СССР ежегодно выезжало до 1000 человек, то к 1974 г. цифра выезжающих лиц немецкой национальности достигла примерно 6500 человек [21, с. 119]. По другим данным с 1950-1987 гг. СССР удалось покинуть только 8% немецкого населения (110 тыс. человек) [22, с. 188].

Советское руководство, делая необходимые в рамках проводимой внешней политики уступки, принимало меры направленные, как на усиление политико-воспитательной работы [18, с. 183-185], так и по прекращению эмиграционных настроений среди немецкого населения. Правительством было проведено ряд мер, которые получили в истории название «тихая реабилитация». В 1972 г. вышел указ Президиума ВС СССР «О снятии ограничений в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан» [18, с. 177]. В ЦК КПСС в 1976 г. обсуждался вопрос о создании немецкой автономной области на территории Казахстана, что не нашло поддержки у местного населения [18, с. 190-197].

Ситуация стала меняться только с началом «Перестройки». В марте 1989 г. в Москве было основано общество российских немцев «Возрождение», а Палата Национальностей ВС СССР образовала комиссию по изучению положения советских немцев [21, с. 462].

В декабре 1990 г. Съезд народных депутатов РСФСР принял постановление «О реабилитации репрессированных народов» [23, с. 533]. В течение 1992-1993 гг. намечалось добровольное переселение немцев на Волгу, и к 1994 г. их численность должна была достичь примерно 100 тыс. человек [21, с. 463-464]. В ходе своего визита в Германию в ноябре 1991 г. Б.Н. Ельцина сделал заявление [24, с. 546-547], в котором о возможности воссоздания немецкой республики на Волге [21, с. 125]. Однако, 8 января 1992 г. во время посещения Поволжья Б.Н. Ельцин заявил об отказе создания республики на прежнем месте [25, с. 1], что вызвало рост эмиграции со стороны немцев.

Библиографический список

1. Советско-германские отношения. От переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапальского договора. Сб. док. Т. 1. 1917-1918. М., 1968.
2. Eisfeld A. Deutsche Kolonien an der Wolga 1917-1919 und das Deutsche Reich. Otto Harassowitz. Wiesbaden, 1985. P. 81.

3. Государственный архив РФ. Ф. 8321. Оп. 1. Д. 15.
4. Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1957. 469с
5. Государственный архив новейшей истории Саратовской области.
6. Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918-1941. Часть I. Саратов, 1992. 192 с.
7. Государственный исторический архив немцев Поволжья.
8. Российский государственный архив социально-политической истории.
9. Айсфельд А. Положение колонистов Поволжья в политике Германского Рейха во время Первой мировой войны // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. М.: МСНК. 1995. С. 183-195.
10. РА АА (Политический архив МИД Германии). Politische Abteilung IV Russland.
11. Архив внешней политики РФ. Ф. 082. Оп. 9. Д. 21.
12. Мозговая О.С. Экономическое сотрудничество Республики немцев Поволжья и Германии в 1920-е годы // Историческая память и общество: эпохи, культуры, люди. Саратов, 2008. С. 243-254.
13. Мозговая О.С. Культурные связи немецкой автономии на Волге и Германии // Проблемы истории российской цивилизации. Саратов, 2007. Вып. 3. С. 163-169.
14. Белковец Л.П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х – 1930-е годы). М., 1996. 318 с.
15. Хаустов В. Репрессии против советских немцев до начала массовой операции 1937 г. // Наказанный народ. М.: Звенья, 1999. С. 75-83.
16. Ченцов В.В. Трагические судьбы. Политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920-1930-е годы. М.: Готика, 1998. 208 с.
17. Охотин Я., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937-1938 гг. // Наказанный народ. М.: Звенья, 1999. С. 35-82.
18. История российских немцев в документах. (1763-1992). М., 1993. Ч. 1. 445 с.
19. Визит Канцлера Аденуэра в Москву 8-14 сентября 1955 г. Документы и материалы. М., 2005. 231 с.
20. Внешняя политика Советского Союза. 1970. Сборник документов. М., 1971. С. 131-135.
21. Айсфельд А. Российские немцы в послевоенных советско-германских отношениях // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. М., 1996. С. 463-464.
22. Баде К. К истории иммиграции и интеграции переселенцев и евреев из Советского Союза и постсоветских государств в Германию // Положение российских немцев в России и в Германии на рубеже XX-XXI веков. Саратов, 2004. С. 185-196.
23. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1990. №28. 13 декабря.
24. Очерки истории Министерства иностранных дел России. М., 2002. Т. 2. 617 с.
25. Саратовские вести. 1992. 16 января.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ I И II ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДУМ ПО РЕШЕНИЮ РЕЛИГИОЗНОГО ВОПРОСА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

О.С. Павлова

*Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета,
Россия*

E-mail: oksana.s.pavlova@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению деятельности I и II Государственных Дум в 1906-1907 гг. по решению религиозного вопроса. В ходе исследования автором был сделан вывод о том, что думская комиссия в своей работе уклонялась от принципиального разрешения религиозного вопроса, хотя ряд ее членов настаивали на этом. Комиссия не решилась взять на себя инициативу по разработке закона об отделении церкви от государства, сославшись на юридическую сложность вопроса, неясность позиций вероисповедных обществ и отсутствие соответствующего поручения Государственной Думы.

Ключевые слова: Государственная Дума, свобода совести, религиозный вопрос, конфессия, Русская православная церковь.

ACTIVITY I AND DOOM II STATE BY DECISION OF THE RELIGIOUS QUESTION IN THE BEGINNING OF XX CENTURY

O.S. Pavlova

The article is devoted to the activities I and II State Duma in 1906-1907 by the decision of the religious question. The study author concluded that the Duma Commission in its work shied away from a principled resolution of the religious question, although a number of its members insisted on it. The Commission decided not to take the lead on drafting the law on the separation of Church and state, referring to the legal complexity of the matter, the uncertainty of the positions of the religious societies and the lack of a corresponding order of the State Duma.

Key words: the State Duma, freedom of conscience, religious question, confession, the Russian orthodox Church.

Опыт думского парламентаризма в России в начале XX века свидетельствует о том, что одним из актуальных и обсуждаемых вопросов повестки дня был религиозный, прежде всего проблема церковно-государственных отношений. В рамках деятельности I и II Государственных Дум был определен тот круг вопросов и проблем, который в последующем был вынесен на обсуждение и стал предметом острых дискуссий различного уровня.

На период созыва I Государственной Думы отношение к религиозному вопросу правительства и политических партий было различно. Большинство партий в своих программных документах и на

страницах партийной прессы фиксировали неразрешенность «религиозного вопроса», наличие «стеснений» и «несвободы» в вопросах веры, предлагали свою версию их разрешения. Сравнительный анализ позволяет сделать вывод о том, что большинство партий выступало за равенство граждан вне зависимости от их вероисповедной и сословной принадлежности, за свободу совести и вероисповеданий. Достаточно распространенным было требование конфискации или выпуска монастырских и церковных земель, что отражало настроение, господствовавшее среди крестьянства. Лишь незначительная часть партий выступала за сохранение союза между Русской Православной Церковью (далее – РПЦ) и государством и сохранение за Церковью всех ее прав, привилегий и первенствующего положения в Российской империи. Большинство же партий в вопросах свободы совести в основе своей ориентировались на изменение церковной политики государства: отказ от традиционного союза с Православной Церковью, уравнивание в правах всех вероисповеданий и равные их отношения с государством [1, с. 10].

В 1905-1906 гг. устройство Православной Церкви осталось неизменным. В ней по-прежнему сохранялась форма синодального управления. Тем не менее, в тот период в нее, по мнению М.А. Бабкина, проник «дух свободы»: у духовенства появилось определенное ощущение, что синодальная система – теперь только временное явление, что вскоре положение церкви в государстве должно измениться. В тот период в РПЦ сложилась своеобразная «революционная ситуация»: «низы» (епископат и приходское духовенство) высказывали недовольство сложившимися церковно-государственными отношениями, а «верхи» (царь и обер-прокуратура) не спешили с назревшими реформами [2, с. 109].

Разработка законопроектов по конкретным направлениям религиозного законодательства была возложена на Министерство внутренних дел, однако к открытию заседаний Думы первого созыва, как и в последующие 73 дня ее работы, вероисповедные законопроекты на рассмотрение им не выносились. И хотя они выносились на обсуждение некоторыми партиями, не были рассмотрены, несмотря на то, что тема «религиозной несвободы» прозвучала в ее пленарных заседаниях.

Во II Государственную Думу (20 февраля – 2 июня 1907 г.) попало 15 представителей духовенства, среди которых преобладали либерально настроенные рядовые священники (из них 3 кадет, 4 социал-революционера, остальные распределялись в диапазоне между октябристами и крайне правыми). В марте с программной речью в думе выступил П.А. Столыпин, в которой он остановил внимание и на вероисповедных вопросах. Он признавал необходимость изменений в вероисповедной политике, однако сразу же определил те принципиальные положения, от которых правительство не намерено было отказываться. Представляя законопроекты, П.А. Столыпин увязывал положительное их

разрешение с сохранением традиционного отношения государства с Православной Церковью [3, с. 140]. В отношении же остальных конфессий делались заверения, что их права не будут ущемляться и будут сняты все ограничения на их деятельность. Эти обещания должны были быть реализованы в семи законопроектах, вносимых во II Государственную Думу Министерством внутренних дел: об инославных и иноверных обществах; о разрешении свершения инославных и иноверных богослужений и богомолений и сооружения и устройства, возобновления и починки инославных и иноверных молитвенных зданий; об отношении государства к отдельным вероисповеданиям; об изменении законоположений, касающихся перехода из одного исповедания в другое; о римско-католических монастырях; о вызываемых провозглашением Высочайшим Манифестом 17 октября 1905 г. свободы совести и изменениях в области семейственных прав; об отмене содержащихся в действующем законодательстве ограничений, политических и гражданских, находящихся в зависимости от принадлежности к инославным и иноверным исповеданиям, а в том числе и к старообрядчеству и к отделившимся от православия сектам, а равно законоположений, допускающих вмешательство гражданской власти в духовные отношения частных лиц [1, с. 11].

Во II Думе работало две комиссии по церковным вопросам: «для рассмотрения законопроектов, направленных к осуществлению свободы совести» (сформированная 20 марта) и «по церковному законодательству» (или вероисповедная, действовавшая с 15 мая). В первой работало 33 человека, из которых было лишь два священника, а во второй – 16 человек, в числе которых был епископ Холмский Евлогий (Георгиевский) и семь православных священников [2, с. 110]. Однако и во II Думе не пришлось обсуждать эти законопроекты. Лишь думская комиссия по свободе совести успела провести несколько заседаний, посвященных обсуждению законопроекта «Об инославных и иноверных религиозных обществах». Проект подвергся жесткой критике. Предлагалось существенным образом изменить порядок образования, регистрации и прекращения деятельности вероисповедных обществ и религиозных общин; расширить их права в части отправления культа, религиозной пропаганды, строительства культовых зданий, приобретения имущества, учреждения учебных заведений и кладбищ, производства колокольного звона, избрания и назначения духовных наставников с правом ношения ими духовного одеяния [1, с. 12].

Одним из контекстов обсуждения вопроса о статусе Православной Церкви, в январе–феврале 1907 года, в ходе обсуждения комплекса вероисповедных законопроектов обер – прокурор Святейшего Синода П.П. Извольский в своем обращении к П.А. Столыпину привел ряд доводов о возможных негативных последствиях уже изданного указа о

веротерпимости и перспективах его дальнейшего развития: «... В действительности, же, предполагая предоставить всем инославным и иноверным исповеданиям право свободной проповеди и исключая совращение из православия из числа наказуемых преступлений, Министерство лишает Православную Церковь прав, придающих ей значение господствующей и совершенно приравнивает к ней инославие и иноверие. Право публичной проповеди и вытекающая из него неприкосновенность для прозелетизма всегда составляли существенные права Православной Церкви, как господствующей...» [4].

Комиссия единодушно отвергла предложение Министерства внутренних дел предоставить право регистрации религиозных обществ и общин административным органам и выступила за явочный порядок их регистрации. Признавалось, что и вероисповедные общества, и учреждаемые ими религиозные общины в равной мере являются субъектами гражданских прав. Вносились предложения ограничить права местных органов власти вмешиваться в деятельность религиозных объединений и внутрицерковную жизнь. Комиссия высказалась и за отмену ограничений, установленных для различных групп населения по национально-религиозному признаку [5, с. 75-80].

Таким образом, анализ деятельности I и II Государственных Дум по религиозным вопросам позволяет сделать выводы о том, что в ряде случаев думская комиссия уходила от принципиального разрешения религиозного вопроса. Отвергнуты были принцип равенства всех исповеданий и необходимость юридического его закрепления. Комиссия не решилась взять на себя инициативу по разработке закона об отделении церкви от государства, хотя ряд ее членов и настаивал на этом, сославшись на юридическую сложность вопроса, неясность позиций вероисповедных обществ и отсутствие соответствующего поручения Государственной Думы. К обсуждению вероисповедных вопросов вплотную удалось приступить лишь III Государственной Думе.

Библиографический список

1. Беляева А.В. Церковь и государство в России в начале XX века: учебное пособие по спецкурсу «Государство. Общество. Церковь. XX век». Ярославль: Яросл. гос. ун-т. им. П.Г. Демидова, 1999. 44 с.
2. Бабкин М.А. Духовенство Русской Православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.). М., 2007. 532 с.
3. Одинцов М.И. Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. М.: ЦИНО, 2002. 312 с.
4. РГИА Ф. 797. Оп. 77. Д. 33. Л. 5.
5. Дорская А.А. Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2001. 143 с.

**СТАНОВЛЕНИЕ ГИМНАЗИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В РОССИИ XVIII ВЕКА ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ
Д.А. ТОЛСТОГО**

А.Н. Поздняков

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: alnikpoz@mail.ru

Д.А. Толстой являлся видным государственным деятелем второй половины XIX века. Одновременно он был известен и как историк. В статье приводятся его оценки и выводы, касающиеся истории становления гимназического образования в России.

Ключевые слова: историческое исследование, гимназическое образование, Академическая гимназия.

**THE FORMATION OF THE GYMNASIUM EDUCATION IN
EIGHTEENTH-CENTURY RUSSIA ON MATERIALS
OF D.A. TOLSTOY**

D.A. Tolstoy was an outstanding statesman of the second half of the nineteenth century. At the same time he was well known as a historian. The article presents his assessment and conclusions regarding the history of the gymnasium education in Russia.

Key words: historical research, gymnasium education, Academic gymnasium.

В современной российской системе общего образования широкое распространение получили гимназии. Возрождение образовательных учреждений этого типа после десятилетий забвения началось в 1990-е годы. Первоначальное же становление гимназического образования в России происходило еще в XVIII в. За двухвековую историю российских гимназий был накоплен богатый опыт их функционирования и развития, который в современных условиях является весьма востребованным. Об этом, в частности, свидетельствует значительное количество научных публикаций по данной проблематике. Среди них работы Н.А. Янковской [1], Е.А. Калининой [2], В.Е. Воронина [3] и др.

Одним из первых исследователей истории отечественного гимназического образования являлся Дмитрий Андреевич Толстой. Это был видный государственный деятель России второй половины XIX века: член Государственного совета, обер-прокурор Святейшего Синода, возглавлял Министерство народного просвещения, Министерство внутренних дел. Одновременно Д.А. Толстой был известен и как ученый-историк.

С 1882 по 1889 год Д.А. Толстой являлся Президентом Императорской Академии наук. Одной из его важных инициатив на этом посту стало предложение начать публикацию материалов по истории Академии наук, хранившихся в ее архивах. В 1885 году вышел в свет первый том этого издания. В предисловии к нему отмечалось: «Издание «Материалов для истории Академии наук» предпринято по мысли г. президента академии графа Дмитрия Андреевича Толстого. Сознавая, что при настоящем состоянии исторической науки представляется неотложною потребностью обнародование материалов, в обилии хранящихся в различных архивах, граф Д.А. Толстой считал необходимым приступить к изданию рукописей академического архива» [4, с. I].

Реализация проекта завершилась в 1900 году. Его итогом стало издание 10 фундаментальных томов, в результате публикации которых в научный оборот был введен огромный массив до того мало известных архивных документов. Это не могло не сказаться положительно на развитии исторической науки.

Важное место в сфере научных интересов Д.А. Толстого занимала история отечественного образования. В числе его основных трудов «Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 года» [5], «Академический университет в XVIII столетии: по рукописным документам Архива Академии наук» [6], «Городские училища в царствование императрицы Екатерины II» [7]. Глубокие исследования были проведены им и по истории становления гимназического образования в России [8]. Указанные научные работы Д.А. Толстого, основанные на богатых архивных источниках, интересны для современных исследователей не только с историографической точки зрения. Они могут выступать и в качестве важных источников по истории российского образования.

Начало фактического складывания сферы образования в России происходило в XVIII веке. Тогда это была еще не система, а скорее набор различных, в некотором роде даже уникальных учебных заведений. Представление о них давала книга Д.А. Толстого «Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 года». Указанные в ней хронологические рамки, конечно же, не случайны. Именно в том году Екатериной II была создана «Комиссия по учреждению народных училищ», которая предложила план создания уже системы общеобразовательных учебных заведений. Их структура и образовательная деятельность должна была строиться на основе «Устава народным училищам в Российской империи», утвержденного императрицей в 1786 году [9].

В числе первых учебных заведений, существовавших в России в XVIII веке, были и гимназии: Академическая гимназия в Санкт-Петербурге, две гимназии при Московском университете и гимназия в

Казани. В указанном выше обзоре «Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 года» Д.А. Толстой давал краткую характеристику этим учебным заведениям. Так, говоря о Московском университете, он отмечал, что хотя при нем официально создавалось две гимназии, фактически это было одно учебное заведение. «В сущности, – писал Д.А. Толстой, – гимназия была одна и под начальством одного директора, но подразделена была на два отделения – дворянское и недворянское...» [5, с. 42]. Идея ее создания принадлежала М.В. Ломоносову. Тот утверждал, что «при университете необходимо должна быть гимназия, без которой университет, как пашня без семян» [10, с. 514]. Гимназия создавалась для подготовки будущих студентов университета, однако на деле ее значение оказалось значительно шире. Д.А. Толстой писал: «Если впоследствии число студентов [в университете] было весьма небольшое, то это происходило не от недостатка учеников в гимназии, а оттого, что сознание необходимости высшего образования не проникло еще в общество. Гимназия, имевшая в 1760 г. всего сто учеников, насчитывала их более тысячи в 1787 г., что доказывает хорошее ее состояние и доверие к ней родителей» [5, с. 43].

Другого рода оценку давал Д.А. Толстой Казанской гимназии. Открытая в 1759 г. также в целях подготовки будущих студентов, она изначально оказалась в сложном положении, в том числе с учительскими кадрами. Д.А. Толстой приводил слова Гавриила Романовича Державина, бывшего учеником этой гимназии. «Нас учили тогда, – говорил он, – вере без катехизиса, языкам без грамматики, числам и измерению без доказательств, музыке без нот» [5, с. 45-46].

В конечном итоге в 1789 г. Казанская гимназия была закрыта, а ее учебно-материальная база и ученики переданы Главному народному училищу, созданному к тому времени в Казани в русле осуществлявшейся по инициативе Екатерины II образовательной реформы. Д.А. Толстой отмечал, что нельзя было «не пожалеть о прискорбном закрытии полезного учебного заведения в такое время, когда в России было всего три гимназии. Нет сомнения, что Казанская гимназия была в неудовлетворительном состоянии. Следовало его улучшить, а не понижать уровень образования превращением второстепенного учебного заведения в третьестепенное, нужно было сделать шаг вперед, а не шаг назад» [5, с. 46-47].

Значительно более подробный анализ Д.А. Толстым был сделан относительно деятельности Академической гимназии, учрежденной в Санкт-Петербурге. В рамках широкомасштабного проекта, связанного с публикацией архивных материалов по истории Императорской Академии наук, Д. А. Толстой в 1885 г. опубликовал работы, посвященные образовательным учреждениям, созданным одновременно с Академией наук – Академическому университету и Академической гимназии.

Открытие в 1725 году Академии наук стало одним из важнейших событий в развитии науки и просвещения России. Структура вновь создаваемого учреждения должна была представлять собой систему «Академия – Университет – Гимназия». Она была заложена уже в самом императорском указе о создании Академии наук [11]. Гимназия должна была стать общеобразовательной базой для подготовки будущих студентов Академического университета, который, в свою очередь, призван был готовить молодые кадры для российской науки. Гимназия в этой системе являлась фактически низшим классом Академического университета.

Создание гимназии не сопровождалось принятием жестких нормативных документов, регламентирующих деятельность образовательного учреждения. Это происходило, видимо, в силу того, что опыта создания и деятельности такого рода учебных заведений в России не было, и учредители полностью ориентировались на знания и опыт приглашенных из-за границы специалистов. Об этом писал Д.А. Толстой, когда отмечал, что для устройства гимназии и управления ею был в декабре 1725 г. вызван из Пруссии проректор Кенигсбергской кафедральной школы профессор Байер. В соответствии с заключенным контрактом тот должен был «устроить гимназию» по представленному им проекту, заведовать ею и управлять «по собственному его усмотрению».

Байер сформировал в гимназии два отделения: «немецкую школу», которая включала в себя три класса, и «латинскую», состоявшую из двух классов. Д.А. Толстой объяснял, что «немецкая школа» носила подготовительный характер, в связи с тем, что преподавателями были немцы, не знавшие русского языка, поэтому ученики «не могли бы их понимать, не выучившись по-немецки».

Состав учеников гимназии был весьма пестрым. Это, в частности, определялось ее предназначением. Д.А. Толстой писал по этому поводу: «С самого учреждения этой гимназии в нее принимали учеников как для прохождения всего гимназического курса, так и для изучения только некоторых предметов, в особенности новейших иностранных языков. Этим только можно объяснить значительную разницу в летах учащихся, что конечно было вовсе не педагогично» [8, с. 4]. В качестве примера он приводил в определенной степени парадоксальный факт, когда учащимся Синявину и Делену было по 6 лет, а некоему Тодорскому 24 года. Относительно последнего в документах значилось, что тот «приехал по-немецки учиться».

Как отмечал Д.А. Толстой, прием в гимназию был очень нестабильным. Так, если в 1726 году в гимназию было зачислено 112 человек, то в 1728 – лишь 26. В 1729 году было принято 74 человека, а в 1730 году – 14.

Все годы существования гимназии предпринимались неоднократные попытки улучшить положение дел, повысить количественный и

качественный состав учащихся, уровень образовательного процесса. В 1747 году был принят новый устав Академии наук [12]. В нем подтверждалась необходимость существования в ее структуре гимназии, предназначение которой состояло в том, чтобы число студентов в университете «могло всегда пополняться».

Одна из серьезных проблем гимназии состояла в качестве учительского состава. Д.А. Толстой отмечал, что все учителя гимназии должны были преподавать на русском языке, в том числе и латинскому языку обучать по-русски. Однако с самого начала требование это оказалось не выполнимым, «за неимением русских учителей, знающих основательно древние языки» [8, с. 17]. Откровенно неподготовленными были многие учителя и по другим дисциплинам. Д.А. Толстой приводил выдержку из отчета ректора университета Крашенинникова, в котором тот, в частности, писал, что учитель гимназии Герварт, который преподает французский и немецкий языки, «во французском не токмо не силен, но и весьма худое имеет произношение; да и в немецком почти такое же» [8, с. 28].

Весьма распространенным явлением был перевод в число учителей бывших студентов Академического университета, не проявлявших должного ответственного отношения к своей учебе. Д.А. Толстой приводил достаточно много подобного рода документально подтвержденных примеров. Так, в его исследование была включена выдержка из представления профессора Румовского от января 1766 года о том, что студент Антонов «к продолжению наук в университете охоты более не имеет, а желает быть при гимназии учителем математического класса» [8, с. 63-64].

Д.А. Толстой отмечал, что учебный курс гимназии изменялся «произвольно и случайно». Так, когда в 1748 г. в гимназию был принят учителем французского языка итальянец Годенди, то попутно ввели в учебную программу и изучение итальянского языка. В 1751 г. «неизвестно почему» понадобилось ввести в гимназический курс фортификацию.

Заметные изменения в деятельность гимназии пытался ввести М.В. Ломоносов. В 1758 г. ему было поручено заведывание «ученой и учебной частью» Академии наук, подчинив ему как Академический университет, так и гимназию. Главная идея М.В. Ломоносова состояла в том, чтобы расширить число учащихся за счет неимущих слоев населения, поскольку именно в этом он видел один из главных путей формирования российских научных кадров.

Со свойственной ему напористостью и бескомпромиссностью М.В. Ломоносов взялся за преобразования и был уверен, что значительно улучшил положение дел. В своем своеобразном отчете о проделанной работе, который Д.А. Толстой приводил в своем исследовании, М.В. Ломоносов писал: «В гимназии хотя и не мало было гимназистов,

однако в весьма бедном и бесполезном состоянии, затем, что жалованье им давалось в руки, которое брали к себе их родители или свойственники, и держали больше на себя, нежели на школьников, так что в школы приходили в бедных рубищах, претерпевали наготу и стужу... » [8, с. 45]. Далее речь шла о тех изменениях, которые произошли после прихода к руководству учебным заведением М.В. Ломоносова. Подчеркивалось, что все недостатки были «отвращены и пресечены, ибо гимназисты соединены, как и студенты, в общежитие, снабжены приличною одеждою и общим довольным столом, по мере определенного им жалованья, не теряют времени ни ходьбою на дом, ни службою родителям, ниже заочною резвостью, будучи у инспектора гимназии и нарочных надзирателей перед глазами в одном доме» [8, с. 46].

Однако эту уверенность М. В. Ломоносова в улучшении положения дел в Академической гимназии не разделяли другие члены Академии наук. В доказательство этого Д.А. Толстой приводил выдержку из протокола одного из заседаний Академии наук. В нем говорилось: «...Велено в Академической гимназии учеников содержать в общежитии 60 человек...<...> Между студентами и гимназистами нашлась половина отчасти пьяниц, забияк, ленивых, непонятных, и в учении никакого успеха поныне не оказавших... оные ученики принимаемы были более для скорейшего наполнения числа, не рассматривая при том их лет, состояния и способности к наукам, и набираемы были из самой подлости, почему не имели доброго воспитания, а в общежитиях о поправлении сего недостатка никакого попечения не приложено, особливо, что и надзиратели сами были люди, всякими пороками зараженные» [8, с. 46-47].

Таким образом, Академическая гимназия, явившись первым в России такого рода образовательным учреждением, отразила в себе как искренние стремления многих представителей российского общества к становлению качественного образования в России, так и существенные недостатки, также отчетливо характеризовавшие российскую действительность XVIII века. Д.А. Толстой, в числе первых исследователей глубоко изучивший на основе анализа широкого перечня архивных документов историю становления гимназического образования в России, выделил и то, и другое. В качестве вывода звучала его оценка: «Академия наук давала дельные советы для улучшения гимназии, но, по самому своему существу, не могла низойти до управления одним средним учебным заведением; для нее гимназия была посторонним и только обременительным придатком» [8, с. 92].

Вместе с тем, несмотря на значительные недостатки в деятельности Академической гимназии, она внесла свой важный вклад в становление и развитие системы образования в России, формирование когорты столь необходимых стране образованных людей. Гимназия не просто дала стране квалифицированных специалистов. Среди ее выпускников было немало

выдающихся деятелей российской науки. Академическая гимназия заняла свое уникальное место в истории отечественного образования.

Библиографический список

1. Янковская Н.А. Исторические периоды развития гимназического образования в России. Москва, 2007. 133 с.
2. Калинина Е.А. У истоков гимназического образования: провинциальные гимназии при Александре I // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2011. №1. С. 13-17.
3. Воронин В.Е. Дискуссия о классическом и реальном образовании в России: обсуждение «учебной реформы» Д.А. Толстого в Государственном совете (1871-1872 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2010. № 2. С. 106-119.
4. Материалы для истории Императорской академии наук. В 10 томах. Т. 1. СПб., 1885. 732 с.
5. Толстой Д.А. Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 года. СПб., 1883. 100 с.
6. Толстой Д.А. Академический университет в XVIII столетии: по рукописным документам Архива Академии наук. СПб., 1885. 67 с.
7. Толстой Д.А. Городские училища в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1886. 214 с.
8. Толстой Д.А. Академическая гимназия в XVIII столетии: по рукописным документам Архива Академии наук. СПб., 1885. 114 с.
9. Высочайше утвержденный Устав народным училищам в Российской империи. 5 августа 1786 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. В 45 томах. Т. 22. СПб., 1830. С. 646-669.
10. Ломоносов М.В. И.И. Шувалову. 1754 июня-июля // Полное собрание сочинений. В 11-ти томах. Т. 10. М., Л., 1957. С. 514.
11. Об учреждении Академии и о назначении для содержания оной доходов таможенных и лицензных, собираемых с городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбуга. С приложением проекта об учреждении Академии. Именной, объявленный из Сената, Указ от 28 января 1724 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. В 45 томах. Т. 7. СПб., 1830. С. 220-224.
12. Регламент Императорской Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге. 24 июля 1747 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. В 45 томах. Т. 12. СПб., 1830. С. 730-739.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАРЬЕРНЫХ ПРОДВИЖЕНИЙ ВЫСШИХ ЧИНОВНИКОВ И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ БИЗНЕСА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Н.Н. Прудникова

Балаковский филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия

E-mail: nadkap1@yandex.ru

Приведен сравнительный анализ карьерных продвижений высших чиновников и представителей бизнеса в России и за рубежом. Пантуфляж рассмотрен как негативное явление, способствующее созданию замкнутой элиты

Ключевые слова: пантуфляж, административная карьера, мир бизнеса, замкнутая элита.

COMPARATIVE ANALYSIS OF CAREERS' DEVELOPMENT OF THE OFFICIALS AND BUSINESSMEN IN THE RUSSIAN FEDERATION AND OVERSEAS

N.N. Prudnikova

The article presents the comparative analysis of the ways of administrative careers' development the Russian Federation and overseaes. Similar and differentiating characteristics are described, and pantouflage is viewed as the phenomenon making "interlocking elite".

Key words: pantouflage, administrative career, business circles, interlocking elite.

Переход из госслужбы в бизнес означает столкновение логики общественных интересов, с одной стороны, и логики частных интересов и деловых экономических кругов – с другой. Это явление, названное французским словом «пантуфляж», поднимает вопрос профессиональной этики и морали, провоцирует конфликт интересов, а в ряде случаев порождает коррупцию и концентрацию всех властных ресурсов в руках однородной элиты [1].

«Пантуфляж» на протяжении длительного времени является предметом научных исследований. Интересный анализ этого понятия предложил Э. Хаски в статье «Elite recruitment and state-society relations in technocratic authoritarian regimes: The Russian case» [2].

Рассмотрим функционирование российской и французской элит более подробно.

В таблице 1 тезисно изложены основные сходства и различия карьерных траекторий французской и российской элит.

Табл. 1. Основные сходства и различия карьерных траекторий французской и российской элит

Параметры для сравнения	Сходство и различия практик «пантуфляжа» (степень их проявленности в определенный исторический период)	
	Россия	Франция
Гомогенизация административно-бюрократической элиты (слияние различных видов власти – политической, экономической, административной)	Современная Россия	Франция времен Июльской монархии и существования V Республики
Корпоративизм, клановость, корпоративная олигархия, «сетевое государство» [3], система отношения «неономенклатура», взаимозаменяемость элит (interlocking elite))	Современная Россия (проявлено сильно как результат чрезмерного патримониализма)	Современная Франция (проявляется слабо как результат рационализирования административно-бюрократического аппарата)
Направление, «вектор» назначения	Назначение «сверху» в государственные компании и их сателлиты	Личный выбор чиновниками сфер предстоящей работы, где их компетенция будет лучше оценена
Устойчивая тенденция перехода государственных чиновников на работу в наиболее значимые сектора экономики и на высокие политические посты	Современная Россия	Современная Франция
Переход государственных служащих на новую работу с учетом сохранения специализации в определенной области	Современная Россия	Современная Франция

Несмотря на очевидные различия, утверждение о несопоставимости двух национальных случаев неправомерно, поскольку для обеих стран характерно сосредоточение центральной власти в руках государства. Анализ карьерных векторов высших государственных служащих приобретает интерес именно в условиях активного проникновения государства в экономическую сферу. В РФ позиции государства за последние годы институционально укрепились в ведущих отраслях российской экономики [3].

Мир бизнеса – не единственная сфера, привлекающая верхушку государственного аппарата. Социолог Л. Рубан [4] систематизирует карьеры высокопоставленных французских чиновников, ушедших в отставку с постов государственной службы, следующим образом:

финансовые (проходят через назначение на руководящие должности Министерства финансов), нейтральные (переходят в сферу предпринимательства) и политические (переходят на работу в министерские кабинеты или Елисейский дворец). В течение первых 20 лет существования V Республики около трети министров до их назначения на этот пост занимали высокие посты в государственных учреждениях [1, с. 91].

Схожие тенденции наблюдаются и в современной России. По данным современных исследований за период 1995-2004 гг. около 40% заместителей министров перешли на высокие должности в наиболее крупные российские компании [2, с. 368]. Некоторые из них совмещают управление бизнесом со службой в министерствах и других государственных учреждениях. В 20 российских компаниях с наивысшим уровнем капитализации 30% членов советов директоров после 1991 г. находились на государственной службе, около одной трети из них совмещали обе должности. До 2011 г. совмещение позиций в государственном аппарате и бизнесе было в России распространенным явлением, свидетельствующим о поглощении политической и экономической сфер высшей государственной бюрократией [5].

С 2011 г. совмещение должностей ограничили: например, федеральный министр сегодня не может состоять в руководстве компании, но у его заместителя такая возможность остается.

Во Франции вектор «пантуфляжа» направлен к таким областям деятельности, как банковский сектор, финансовая сфера, средства массовой коммуникации, в России к финансам добавляются также банковская система, энергетика, транспорт, страхование. Переход в конкретный сектор часто происходит именно в силу работы в определенном профильном министерстве. Так, в период между 1995 и 2004 гг. из общего числа министров и их заместителей (608) 40% перешли в экономику, более половины из них получили назначения на руководящие посты в банковском, энергетическом и производственном секторах [2, с. 368]. Таким образом, наиболее динамичные сферы российской экономики напрямую зависят от высшей государственной власти: высокопоставленные чиновники переходят на работу в экономическую сферу и все активнее влияют на принятие решений.

Важно подчеркнуть, что фундаментом российской экономики являются крупные государственные корпорации, что сближает бюрократические верхи с высшими руководителями, представляющими энергетический сектор. Эту тенденцию еще больше усиливает российское законодательство, регулирующее доступ иностранных инвесторов к «стратегическим» секторам экономики. Чтобы получить возможность инвестировать более 25% от общего капитала предприятия (что дает право на принятие решений), необходимо согласие федеральных властей. В

2009 г. из 54 предложений, направленных в Комиссию, лишь два получили положительный ответ [3, с. 219].

Негативным следствием перехода высокопоставленных чиновников в бизнес, является усиление коррупции. Из 110 случаев корпоративного мошенничества, зарегистрированных в период между 1998 и 2011 гг., государственные службы оказались причастными к мошенничеству в 81% случаев. Раскрытые преступления свидетельствовали, что рейдеры всегда действовали под прикрытием высокопоставленных чиновников [6].

Если траектории административных карьер во Франции и России сходны, то результаты «пантуфляжа» принципиально различны. Проникновение политико-административной элиты в экономику сферу современной России сопровождается ростом корпоративизма, однородности и взаимозаменяемости элит (*interlocking elite*) [2, с. 368]. Схожие явления наблюдаются и внутри французской элиты. Однако во Франции государство не подвержено коррупции в масштабах современной России. Во Франции не происходит ослабления государства и превалирования частных интересов, не существует здесь и усиленного контроля деловых кругов государством. Отношения между французскими правящими верхами и деловым миром не принимают форму систематического обращения к административному ресурсу с целью личного обогащения, в меньшей степени снижают транспарентность принятия решений, которая в российском случае достигает пика из-за «совместимости стимулов» (*incentive compatibility*) [7].

В целом можно утверждать: до тех пор, пока патримониализм российской бюрократии не будет сведен к минимуму, как это произошло в странах, где государственная администрация рационализирована, его пагубное воздействие будет продолжаться, поскольку патримониальная бюрократия коррумпирует общество. Необходима рационализация административно-бюрократического аппарата. Во Франции рационализация нашла отражение в повышении образовательного уровня административной элиты, что снизило некомпетентность и произвол при назначении на должности. Франция долго и последовательно шла к выработке установок по назначению административной элиты: конкурсный отбор, постоянные должности, четкое определение прав и обязанностей служащих. Принципы личных заслуг и профессиональной компетенции стали определяющими в общей системе ценностей государственного аппарата страны.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что «пантуфляж» является одним из феноменов, практикуемых во Франции и России: в карьерных траекториях государственных служащих переход с госслужбы на высокопоставленную работу в бизнесе является распространенной практикой. Основным различием двух национальных случаев является институциональная логика, позволяющая переходить из госслужбы в

бизнес. В России эта возможность, в основном, проявляется сверху: чиновники назначаются на ту или иную должность в государственные компании. Во Франции высокопоставленные чиновники лично определяют собственную стоимость на рынке труда и переходят туда, где их компетенция будет лучше оценена.

Аналогичный феномен существует и в других странах. Так, к примеру, механизм «вращающихся дверей» (revolving doors) в Великобритании способствует пересечению интересов государства и крупных промышленных агентов. Высокопоставленные политики и чиновники регулируют законодательство в зависимости от интересов крупных экономических структур, которые в свою очередь трудоустраивают «уставших» от государственной службы чиновников. В Японии «падение с неба» (amakudari) представляет собой аналогичный путь для высокопоставленных государственных служащих, которые получают возможность перейти на работу в частный сектор экономики.

Даже неспециалист в сфере этимологического анализа может распознать, что толкование понятия перехода из сферы государственной службы в мир бизнеса трактуется не просто как шаг в сторону, то есть горизонтальный сдвиг, но и как понижение, то есть вертикальное изменение, ведущее к умалению значимости.

«Пантуфляж» – один из достаточно распространенных вариантов пересечения государства и экономики [8]. Остается открытым вопрос: до какой степени «современное государство», в его веберовской рациональной трактовке, способно предотвратить использование чиновниками государственных ресурсов в личных карьерных интересах?

Библиографический список

1. Birnbaum P. Les sommets de l'Etat: Essai sur l'elite du pouvoir en France. P.: Seuil, 1994. 210 p.
2. Huskey E. Elite recruitment and state-society relations in technocratic authoritarian regimes: The Russian case // Communist and post-communist studies. Oakland, 2010. №43 (4). P. 262-372.
3. Pomeranz W.E. Russian protectionism and the strategic sectors law // American University intern. Law review. Wash., 2010. №25 (2). P. 213-224.
4. Rouban L. Les hauts fonctionnaires sous la Cinquieme Republique: Idees recues et perspectives analytiques // Revue française d'administration publique. P., 2002. №104(4). P. 657-675.
5. Выход чиновников из госкомпаний в России // РИА Новости. 2011. 1 июля. URL: <http://ria.ru/infografika/20110701/395675581.html> (дата обращения: 01.04.2015).
6. Rochlitz M. "Embedded autonomy?" State, involvement in corporate raiding and economic modernization in post-crises in Russia: [Working paper]. URL: <https://sites.google.com/site/michaelrochlitz/working-papers> (дата обращения: 01.04.2015).
7. Schleiter Petra Democracy, Authoritarianism, and Ministerial Selection in Russia: How Presidential References Shape Technocratic cabinets // Post-Soviet Affairs Vol. 29. Issue 1. 2013. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/1060586X.2013.778544> (дата обращения: 01.04.2015).

8. Волков Р. «Пантуфляж»: карьерные пути российской и французской элит. Политические институты России и Франции. Традиции и современность: Сб. науч. тр. / РАНИНИОН. М., 2014. 256 с.
9. Kononenko V., Moshes A. Russia as a network state: What works in Russia when state institutions do not? Basingstoke; N.Y.; Helsinki: Palgrave Macmillan: UlkopoliittinenInsstitttti, 2011. 200 p.

УДК 94(470.56): 340.1

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ГУБЕРНАТОРСТВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XIX В.

Н.Л. Семенова

*Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета,
Россия*

E-mail: natalja_leonid@mail.ru

Статья посвящена анализу правового положения военных и гражданских губернаторов в Российской империи в первые десятилетия XIX в. на примере Оренбургской губернии. Автор пришла к выводу, что законодательно положение главных начальников губерний не было четко определено. Это приводило к необходимости дополнительного регулирования с помощью указов, инструкций, исходивших от верховной власти. Административные реформы Александра I не привели к единоначалию на местах. Правовое усиление и уточнение власти губернаторов происходит только во второй четверти XIX в.

Ключевые слова: губернатор, Сенат, Оренбургская губерния, местное управление.

LEGAL REGULATION OF THE GOVERNORATE INSTITUTE IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE FIRST DECADE OF THE XIX CENTURY

N.L. Semyonova

The article is devoted to the analysis of the legal position of military and civil governors in the Russian Empire in the first decade of the XIX century on the example of the Orenburg region. The author comes to the conclusion that the position of the principle governors has not been clearly regulated legally. It resulted in the necessity to an additional regulation with the help of decrees, instructions issued by the supreme power. Alexander I's administrative reforms have not resulted in an only governor in the provinces. A legal enhancement and governors' power specification takes place only in the second quarter of the XIX century.

Key words: governor, Senate, the Orenburg region, local government.

Изучение института губернаторства продолжает оставаться актуальной проблемой в современной исторической науке. Ученые исследуют региональную специфику губернаторской власти, соотношение

формальных и фактических властных полномочий руководителей местной администрации; взаимоотношения губернаторов с центральными органами государственной власти в разные исторические периоды.

Трудности изучения института губернаторской власти в Российской империи в к. XVIII – начале XIX вв. связаны с тем, что вплоть до 30-х гг. XIX в. отсутствовало кодифицированное законодательство, четко раскрывающее положение губернатора как главы местного управления. До 1837 г. основным действующим законодательным актом оставалось "Учреждение для управления губерний Всероссийской империи" 1775 г., которое вводило в губерниях Российской империи должности генерал-губернатора и губернатора. "Учреждение» устанавливало, что генерал-губернатор – есть институт высшего надзора в губернии, а губернатор – администратор [1]. Должность генерал-губернатора была поставлена над губернской администрацией и губернатором, учреждалась с целью координации системы управления, обеспечения эффективного взаимодействия гражданских и военных властей, контроля над местным управлением. Однако обязанности генерал-губернатора и губернатора в "Учреждении для управления губерний" четко не разграничивались. Павел I пересмотрел административную реформу Екатерины II. В 1797 г. он ликвидировал генерал-губернаторства в большинстве центрально-русских областей, сохранив должность военного губернатора только в некоторых районах государства [2, с. 314-315]. Александр I в именном указе от 9 сентября 1801 г. установил, что "губернии пограничные и на особенных правах состоящие" находятся под управлением военных губернаторов [3, с. 776]. Во главе таких губерний находились два губернатора: военный и гражданский. Однако четкого разграничения функций между ними не существовало. Как правило, верховная власть ограничивалась составлением указов, инструкций для военных губернаторов, в которых более точно указывались «предметы их ведения».

Среди таких особенных губерний была Оренбургская. С конца XVIII в. местную администрацию края возглавляли военный и гражданский губернаторы. Особенности положения Оренбургского края определялись как его пограничным положением; так и многонациональным и поликонфессиональным составом населения; значительным количеством регулярных сил и иррегулярных войск из числа коренного башкирского населения (которые несли военную службу по охране Оренбургской пограничной линии), казачьих войск; немногочисленностью дворян. Отсутствие четкого законодательного разграничения функций между военным и гражданским губернаторами приводило к необходимости особого правового регулирования взаимоотношений военных и гражданских губернаторов, а также их отношений с центральными властями.

Материалы делопроизводства свидетельствуют, что особенно часто возникали спорные вопросы, требующие разъяснения и уточнения, в конце XVIII – первых десятилетиях XIX в. Так, в 1799 г. военный губернатор Оренбургской губернии Н.Н. Бахметев предложил первому департаменту Оренбургской палаты суда и расправы передавать ему на ревизию дела по уголовным преступлениям [4, д. 418, л. 2]. Однако среди советников палаты возникло иное мнение: представлять дела на ревизию к гражданскому губернатору тайному советнику И.М. Баратаеву, как это было раньше, так как он заведует гражданскими учреждениями. Для разрешения этой спорной ситуации оренбургский губернский прокурор А. Богинский обратился в Сенат [4, д. 273, л. 4]. 23 сентября 1800 г. последовал указ из Сената, согласно которому было подтверждено, что по указу Павла I от 30 сентября 1798 г. генерал-майор Бахметев назначен оренбургским военным губернатором и управляющим гражданской частью губернии. Поэтому он имеет право ревизовать дела по уголовным преступлениям и иного мнения в палате быть не должно [4, д. 418, л. 2].

27 февраля 1800 г. генерал-прокурор П.Х. Оболянинов получил письмо от обер-прокурора 5 департамента Сената Л.Н. Шетнева с просьбой уточнить: каков порядок отношений Сената с военными губернаторами, потому что «ни от предместника вашего превосходительства, ни от вас самих никакого предписания» [5, д. 2285, л. 1]. П.Х. Оболянинов указал, что в соответствии с воинским уставом военные губернаторы обязаны посылать рапорты и донесения только императору [5, д. 2285, л. 3]. Этот вопрос был рассмотрен в Сенате. Часть сенаторов высказалась за то, чтобы военным губернаторам указов из Сената не отправлять, «...но по встречающимся надобностям сношение им с ними посредством обер-прокурора» [5, д. 2285, л. 4]. Другая часть сенаторов считала, что Сенат должен отправлять указы тем военным губернаторам, которые управляют гражданской частью и рассматривают вносимые к ним на ревизию уголовные и следственные дела. Эти военные губернаторы должны отправлять в Сенат донесения. 14 марта 1800 г. последовал именной указ, в котором говорилось, что поскольку военные губернаторы, управляющие гражданской частью, состоят в непосредственных отношениях с Сенатом по вопросам гражданского управления, то Сенат делает свои распоряжения от имени императора без исключения ко всем лицам и учреждениям, в том числе и к военной коллегии, получая от учреждений рапорты и донесения. Вместе с тем, император повелел Сенату, что дела, касающиеся разных взысканий, сыска людей следует адресовать гражданским губернаторам, которые сами по установленному порядку передадут их в случае необходимости военному губернатору [5, д. 2285, л. 6].

Дальнейшее уточнение обязанностей военного и гражданского губернаторов последовало в именном указе от 15 апреля 1803 г. В нем

говорилось, что военный губернатор, управляющий и гражданской частью, по всем вопросам, касающимся присутственных мест губернии, должен поступать как "главнокомандующий" (т.е. генерал-губернатор) "Учреждения для управления губерний Всероссийской империи" 1775 г. [6, с. 541-542]. Губернатор должен строго и точно "взыскание чинить со всех ему подчиненных мест" (уголовной, гражданской, казенной палаты и подчиненным им мест) и людей о исполнении законов. Он не может никого наказать без суда, «...имеет пресекать всякого рода злоупотребления, а наипаче роскошь безмерную и разорительную, обуздывать излишества, беспутства, мотовство, тиранство и жестокости, должен вступаться за всякого, кого по делам волочать, и принуждать судебные места своего наместничества (губернии) решить такое-то дело, но отнюдь не мешается в производство онаго» [1, с. 236].

16 сентября 1803 г. была подписана Высочайшая инструкция на имя оренбургского военного губернатора, которая требовала от него обратить особое внимание на внутреннее положение губернии и не допустить «недоразумений между ним и гражданским начальником. Дух единомыслия и единоначалия должен быть в обеих областях управления» [7, д. 113, л. 69]. Император писал: «... имею я поручить вам, чтобы вы частыми и обстоятельными донесениями доставляли мне полные сведения о всем том, что по разным частям управления вашего внимания заслуживать будет, препровождая донесения ваши, соответственно разделению дел государственных, к министрам, до частей коих предметы донесения ваших относиться будут» [8, с. 894].

7 июня 1805 г. император подписал новый указ о том, чтобы губернские правления, без рассмотрения военных губернаторов (или генерал-губернаторов) не принимали решения о привлечении к суду чиновников или отрешении их от должностей. В спорных случаях последнее слово оставалось за Сенатом [9, с. 1077].

В апреле 1811 г. министру юстиции И.И. Дмитриеву поступил рапорт от оренбургского губернского прокурора А. Богинского, который задавал министру юстиции вопрос: является ли военный губернатор председателем губернского правления, или в соответствии с порядком, существовавшим при генерал-губернаторе, «обязан сидеть на правой стороне председательского места?» [10, д. 3200, л. 4]. Ответ министра юстиции напомнил об именном указе, объявленном Сенату 15 апреля 1803 г., согласно которому «военный губернатор, управляющий и гражданской частью, по отношениям до присутственных мест действует по «Учреждению...» 1775 г. ... военный губернатор, присутствуя на заседаниях губернского правления, является председателем». Таким образом, закон устанавливал, что военный губернатор по отношению к гражданскому населению и присутственным местам в губернии – прежде всего – орган надзора.

Правительство Александра I предпринимало попытки совершенствования административной машины государства. Среди первоочередных задач, стоящих перед Александром I в начале его царствования, важное место занимали вопросы систематизации российского законодательства и укрепления положения центральных и местных органов власти. Сенатская реформа была призвана решить вопросы как о функциях самого Сената, так и о распределении полномочий между ним и другими государственными учреждениями [11, с. 37]. Министерская реформа должна была завершить процесс разграничения функций органов государственного управления, привести к утверждению принципов отраслевого управления, смене коллегиальности на единоначалие, к прямой ответственности министров перед императором, усилению централизации и укреплению самодержавия. Комитет министров, созданный 8 сентября 1802 г., планировался как «верховное место империи» [12, с. 527]. Однако, реформы не привели к единоначалию, как предполагалось, а только усугубили смешение власти между Сенатом, Комитетом министров и министрами. Учреждение в 1810 г. Государственного Совета, который занимался рассмотрением и принятием новых законов, внесением поправок в существующие, вопросами внутренней и внешней политики, еще больше усложнило ситуацию. В сфере высшего государственного управления возникло несколько учреждений с пересекающимися функциями. Министр внутренних дел В.П. Кочубей в своей записке «Об учреждении министерств», написанной 28 марта 1806 г. после четырехлетнего пребывания в должности, пришел к выводу, что основные задачи, которые ставились при создании министерств не были последовательно решены [13, д. 144, л. 13].

Образование министерств не изменило принципов построения государственного управления на местах – в губерниях и уездах. Главной фигурой в губернии оставался губернатор, который считался представителем центральной власти на местах и подчинялся Сенату. По мнению А.Н. Бикташевой, официально губернаторы не были подчинены ни одному из министерств, оставаясь всецело в зависимости от Сената во всем объеме их компетенций [14, с. 73]. Вместе с тем, губернаторы являлись ставленниками Министерства внутренних дел, что вызывало возражение других ведомств, которые имели свои органы в губерниях, неизбежно оказывавшиеся под надзором губернатора [15, с. 84].

В 1817 г. сенатор П.И. Сумароков составил записку на высочайшее имя, в которой постарался указать на основные проблемы местного управления, в частности, абсолютно несамостоятельное положения губернатора и, по сути, отсутствие у него реальной власти. Так, например, казенная палаты подчинена министерству финансов и казначейству. Палата подчиняется губернатору только частично: без его утверждения не

проходят подряды, откупа, прием рекрут и т.п. Вместе с тем, казенная палата может отказать губернатору «... в выдаче пяти рублевой» [16, д. 131, л. 3об.]. Сумароков считал, что было бы полезней, если бы все распоряжения о финансах делал губернатор. Палата гражданского суда также «...совсем не подчинена губернатору. Как бы не притесняли тяжущего, он помочь ему не сможет. Он действует только побудительными положениями» [16, д. 131, л. 3об.]. По мнению П.И. Сумарокова, «губернский прокурор – есть не только бесполезное, но и вредное место. Бесполезное, так как за порядком во всех делах должен следить губернатор» [16, д. 131, л. 3об.]. Губернатор также не имеет реальной власти ни над предводителями дворянства, ни над учебными заведениями, почтовыми конторами и провиантскими комиссиями. «Такой порядок соответствует и правилам, и формам, но вреден правительству, а губернатор иногда за это безвинно отвечает», – таков вывод П.И. Сумарокова. Чтобы исправить сложившееся положение, нужно «Губернатора непременно ... постановить единственным распорядителем всего, что в его уделе находится, то есть хозяином, как он и назван по закону. Сим придасться более важности его званию» [16, д. 131, л. 6об.].

Аналогичные мысли встречаются в двух записках, составленных министром внутренних дел В.П. Кочубеем. Первая была составлена в 1806 г., вторая – в 1814 г. Проанализировав состояние местного управления в Российской империи, министр пришел к выводу, что должность начальника губернии стала «столь мало уважаема, что люди благонамеренные и способные не только не ищут сих мест, но даже и те, которые их теперь занимают часто покушаются их оставить...» [13, д. 144, л. 3]. Причины: значительное увеличение обязанностей гражданских губернаторов при снижении его реальной власти, отсутствие четкого разграничения полномочий на местах, сложное запутанное делопроизводство, крайне низкая степень самостоятельности губернатора в решении даже самых незначительных вопросов. В.П. Кочубей так охарактеризовал положение губернатора: «Дозволит ли себе гражданский губернатор в деле не терпящем отлагательств отступить от порядка и распорядить его кратчайшим и удобнейшим образом? Тут восстанет губернский прокурор с представлениями, на их делаются объяснения, открывается спор, посылается протест к генерал-прокурору, требуется ответ и часто вслед за тем в награду успешного распоряжения делается губернатору выговор за нарушение форм» [13, д. 144, л. 3].

В другой записке, написанной в декабре 1814 г. «О положении Империи и о мерах к прекращению беспорядков и введения лучшего устройства в разные отрасли, правительство составляющие» В.П. Кочубей предлагал более четко разграничить полномочия и определить отношение министерств к Сенату, Комитету и Совету, министров между собой, министров и губернского управления. По его мнению, Государственный

совет должен более последовательно заниматься изданием новых законов и их толкованием [13, д. 144, л. 77]. За Сенатом следовало и дальше закреплять выполнение судебных функций [13, д. 144, л. 3].

В.П. Кочубей предложил программу мер, направленную на исправление сложившегося положения в местном управлении. Во-первых, он считал необходимым обеспечить единство системы местных органов управления и привести ее в четкое соответствие с министерствами. Во-вторых, законодательно разграничить пределы власти каждого местного учреждения, включая губернатора, губернского прокурора. В-третьих, «возвысить, сколь можно, звание губернаторов, избирая в оное лучших, удерживая в нем их всеми знаками уважения и доверенности, не попуская на них ни одной жалобы неосновательной без наказания, не подвергая их прищепкам прокуроров, не требуя от них в мелочных вещах ответа и содержа в надзоре не в мелких канцелярских обрядах и очистке бумаг, но в общем движении их управления» [13, д. 144, л. 14 об.]. В-четвертых, определить в отдаленные губернии генерал-губернаторов, соединив под их властью по две-три губернии (как это было при Екатерине II). Генерал-губернатор, не вмешиваясь в дела управления, сможет объединить вверенную область «общему наблюдению» и избавит центральное правительство от множества мелких вопросов. Предложения В.П. Кочубея были хорошо продуманы и продиктованы опытом четырехлетнего пребывания в должности министра внутренних дел.

Таким образом, в первые десятилетия XIX в. правовое положение военных и гражданских губернаторов не было четко определено. В каждом спорном или запутанном случае верховной власти приходилось прибегать к указам, инструкциям, которые конкретизировали «предметы их ведения». Административные преобразования правительства Александра I не решили эту проблему, а еще более ее усугубили. Кроме того, становится очевидно, что власть губернаторов не столь «безгранична» и самостоятельна. Правовое усиление власти губернатора происходит при Николае I в «Наказе гражданским губернаторам» от 3 июня 1837 г.

Библиографический список

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I (ПСЗ I). СПб.: В типографии II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии. 1830. Т. 20. №14392.
2. Градовский А.Д. Исторический очерк учреждения генерал-губернаторств в России // Собрание сочинений. СПб., 1899. Т. 1. С. 299-338.
3. ПСЗ I. Т. 26. №20004.
4. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 1.
5. РГИА Ф. 1374. Оп. 3.
6. ПСЗ I. Т. 27. №20713.
7. Центральный исторический архив Республики Башкортостан (ЦИА РБ). Ф. И.-1. Оп. 1.
8. ПСЗ I. Т. 26. №19324.
9. ПСЗ I. Т. 28. № 21783.

10. ГАОО Ф. 6. Оп. 3.
11. Манаев Г.Г. Правительствующий Сенат в начале XIX века: подготовка и реализация реформы 1805 года // Российская история. 2009. №4. С. 37-45.
12. ПСЗ I.T. 27. №20406.
13. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 660. Оп. 1.
14. Бикташева А.Н. Антропология власти: казанские губернаторы первой половины XIX в. М.: Новый хронограф, 2012. 496 с. С. 73.
15. Шепелев Л.Е. Чиновный мир России: XVIII-начало XX вв. СПб.: Искусство-СПб, 1999. 479 с.
16. РГИА Ф. 994. Оп. 2.

УДК 94(470.44)|18/19|

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ САРАТОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В.А. Чолахян

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: vcholakhyan@yandex.ru

Статья посвящена исследованию особенностей социально-экономического развития Саратовского Поволжья в условиях раннеиндустриальной модернизации. Автор анализирует специфику индустриального развития региона, особенности социальной структуры городского населения, изменения в составе, поло-возрастной структуре и заработной плате рабочих.

Ключевые слова: модернизация, индустриализация, урбанизация, маргинализация, социальная структура.

FEATURES OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE SARATOV VOLGA REGION IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

V.A. Cholakhian

Article is devoted to the features of socio-economic development of the Saratov Volga region in the conditions of the early industrial modernization. The author analyzes the specifics of the industrial development of the region, especially the social structure of the urban population, changes in the composition, gender and age structure and salary workers.

Key words: modernization, industrialization, urbanization, marginalization, social structure.

Российский вариант движения от аграрного к индустриальному обществу нашёл яркое отражение и в истории Саратовского Поволжья. В начале XX в. типично аграрный характер региона претерпел значительные

изменения: наряду с отраслями, связанными с переработкой сельскохозяйственного сырья (мукомольная, маслобойная, рыбная, пищевкусовая, сарпиночная и т.п.), появились новые виды производства (металлургическая, металлообработка, цементная промышленность), работавшие в основном на привозном топливе и сырье. Если в конце XIX в. более 85% предприятий региона были заняты обработкой продукции сельского хозяйства и животноводства, то в 1914 г. общий объём промышленного производства в Саратовской губернии за 1891 – 1914 гг. возрос почти в 4 раза, а фабрично-заводских отраслей – почти в 2,5 раза, составив 24,4%, а вместе со смешанными производствами – 31,3%. Столь значительный рост промышленности отразился на количестве и распределении рабочих между отраслями: в 1891 г. их численность составляла 19069 чел., а в 1914 г. – 51283, причём 81% рабочих трудился на фабрично-заводских и смешанных предприятиях [1, л. 1-2; 2, с. 7-8; 3].

Вместе с тем, на протяжении всего рассматриваемого периода наблюдался непрерывный рост «протоиндустриальной промышленности» – мелких кустарных, промысловых и ремесленных заведений, охватывавших больше людей, чем вся фабрично-заводская промышленность: численность кустарей (53736 чел.) превышала количество рабочих (51283 чел.) [4, с. 296]. Мелкотоварное производство занимало собственную нишу в многоукладной экономике региона и обеспечивало местный рынок доступными товарами для населения.

Экономические процессы, прежде всего, индустриализация, способствовали качественным изменениям в урбанизационном процессе, так называемому «урбанизационному переходу» к «городскому обществу» [5, с. 74]. За период с 1830 г. по 1897 г. численность населения Саратова увеличилось более чем на 87 тыс. чел., составив 137 147 чел. [5, с. 1] Всего в городах Саратовской губернии по данным переписи 1897 г. проживало 312 604 чел., а в целом по России – 16 289 181 чел. городского населения [6, с. 14, 29]. В стране насчитывалось 19 городов с населением свыше 100 тыс. чел., в числе которых был и Саратов, ставший самым крупным городом Поволжья (137 147 чел.) В Казани, для сравнения, проживало – 131 508 чел., а в Самаре – 91 672 чел. [7, с. 146]. К 1914 г. численность населения Саратова достигла 228 518 чел. [8, ведомость №8, с. 6].

Табл. 1. Динамика роста численности городского населения Саратовской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.

[таблица составлена по: 8, ведомость №6; 9; 10; 11; 12]

Города	1859 г.	1897 г.	1914 г.
Аткарск	6324	7300	19088
Балашов	5945	10309	23502
Вольск	23519	27058	42093

Камышин	9788	16264	30282
Кузнецк	12828	20473	33777
Петровск	9255	13304	23812
Саратов	71234	137147	228518
Сердобск	5231	7381	15831
Хвалынский	12457	15157	22060
Царицын	6898	55186	117675
Посад Дубовка	12824	16638	17651
Итого	169405	271031	574289

Из таблицы видно утроение численности населения городов региона в отмеченный период. Самым крупным уездным городом губернии в начале XX в. стал Царицын, население которого увеличилось в 17 раз. Главными причинами роста численности населения Вольска, Камышина и Кузнецка являлись подведение железных дорог, успехи раннеиндустриального развития, в частности, цементной промышленности и кустарных промыслов. К 1914 г. городское население достигло 574289 чел., что составляло 15,8% от общего числа жителей Саратовской губернии [подсчитано по 8, с. 7; 10, с. IV; 11; 12]. Удельный вес горожан во всем населении за 1897-1914 гг. увеличился на 3%, с 12,8 до 15,8% [подсчитано по 8, с. 7; 10, с. IV; 11; 12].

Весьма интересным представляется социальная структура городского населения Саратовского Поволжья. Особенности модернизационных процессов в регионе определили и своеобразие его социальной структуры, заключавшиеся в незавершенности классовой дифференциации и разобщенности различных социальных групп. Своеобразие России проявлялось в запаздывании формирования классовой структуры, соответствующей индустриальному обществу. Сохранялось сословное деление – дворяне, мещане, казаки, купцы, крестьяне, инородцы и др.

Табл. 2. Сословная структура населения городов Саратовского Поволжья в конце XIX в. [таблица составлена по: 10, с. VII]

Города	Дворяне	Духовенство	Купцы	Мещане	Крестьяне	Иностр.	Остальные
Саратов	8071	1768	2051	52885	67944	553	3875
Царицын	1126	177	688	25115	25858	113	2109
Вольск	931	279	263	17127	7964	35	459
Кузнецк	278	64	187	15024	4431	2	487
Камышин	517	158	185	6457	8504	12	431
Петровск	233	186	123	6228	6341	7	186
Балашов	392	188	271	4844	4367	28	219
Хвалынский	274	66	118	9403	5097	3	166
Аткарск	320	53	97	3688	3052	4	106
Сердобск	220	39	119	4910	1920	2	171
Итого	12362	2978	4102	145661	135478	759	8209

Данные первой Всеобщей переписи населения 1897 г., отражая сословную дифференциацию населения, свидетельствуют о преобладании в городах региона крестьянского (43,7%) и мещанского (47,0%) населения, а привилегированные сословия составляли 6,3%. Обращает внимание весьма низкий, по сравнению с данными середины XIX в., процент купечества (1,3%) [10, с. 7].

Процесс формирования промышленной буржуазии и наемных рабочих во многом определялся специфическими особенностями экономики региона. Основные виды производства – переработка сельскохозяйственного сырья, лесобработка и частично цементная промышленность – носили сезонный характер с массовым использованием неквалифицированного труда.

Промышленная буржуазия Саратовского Поволжья активно использовала дешевый труд неквалифицированных рабочих, что в значительной мере замедляло технический прогресс. Наиболее достоверные сведения о росте численности рабочих в Саратовской губернии содержатся в ежегодных статистических обзорах. Они находились в поле зрения полиции, жандармерии и фабричной инспекции и потому предпринимателям было трудно скрывать действительное число рабочих на своих предприятиях. Статистические данные свидетельствуют об увеличении численности рабочих на фабрично-заводских предприятиях Саратовской губернии с 35 419 в 1899 г. до 51 283 чел. [13, с. 7-8/64]. Наибольшие темпы роста численности рабочих демонстрировали Саратов и Царицын.

Табл. 3. Рост числа фабрично-заводских рабочих в Саратове и Царицыне за 1904-1913 гг. [13, с. 7-8, Л. 1-2/42-43]

Годы	Города	
	Саратов	Царицын
1904	6906	2061
1913	9252	19184

Приведенные данные свидетельствуют о превращении Царицына в крупный промышленный центр Саратовского Поволжья, где ведущую роль играли металлургия и металлообработка. Именно в этих отраслях происходили активные процессы формирования кадровых рабочих, росла их квалификация и самосознание.

Городское население в среднем ежегодно увеличивалось на 3%, а доля естественного прироста при этом не превышала 0,6% [14, с. 42/38]. Основное увеличение населения происходило за счет прилива пришлого населения, главным образом, из крестьян Саратовской (40%) и соседних малоземельных губерний (26%) [15, с. 64/239]. Наводняя города и

постепенно оседая в них, крестьяне, по мнению А. Ершова, «представляли элемент, подвижно колеблющийся и лишенный прочной оседлости» [15, с. 61; 16]. В этом заключалась, на наш взгляд, основная причина текучести кадров. «Деревенская натура не всегда выносит фабричную жизнь, доведенную до точности механизма и пунктуальности... Деревенский человек не требователен, перебиться может кое-как... Пройдет время – глядишь он и вовсе от работы отбился, а там и окончательно отдалился» [17].

Отсюда трудности адаптации вчерашних крестьян к условиям городской жизни, порождавшие своеобразное переходное состояние: массы людей являлись одновременно и сельскими, и городскими жителями, рабочими и крестьянами. По официальным данным в начале XX в. 89,1% жителей Саратова относились к крестьянскому сословию, а 77,3% из них называли своим основным занятием сельское хозяйство [23, с. 38].

Избыток рабочей силы являлся одной из главных причин сохранения в регионе относительно низкой заработной платы. Если в среднем по России в 1908 г. доля зарплаты в общей стоимости промышленной продукции составляла 13,58%, то в Саратовской губернии этот показатель был почти вдвое меньше – 7,36% [24, с. 239]. Причем различие это объяснялось не столько отраслевой спецификой промышленности региона, сколько низкой долей затрат на рабочую силу.

Табл. 4. Динамика среднегодовой заработной платы в промышленности Саратовской губернии в 1900-1912 гг. [25, с. 61, 38]

Отрасли	Год	Средняя годовая зарплата (в руб.)	Год	Средняя годовая зарплата (в руб.)
	1900		1912	
Текстильная		121		150
Бумажная и полиграфическая		196		205
Металлургия и металлообработка		324		444
Переработка минерального сырья		173		281
Пищевкусовая		174		190
Химическая		156		161
Итого		217		238

Из таблицы видно, что средняя зарплата рабочих промышленности за указанный период выросла почти на 10%. Наиболее высокая зарплата выплачивалась на чугунолитейных и металлических производствах, а самая низкая – в текстильной и химической отраслях.

Значительные изменения происходили не только в заработной плате, но и поло-возрастном составе фабрично-заводских рабочих региона. Это

касается, прежде всего, использования в промышленности женского и подросткового труда, что объяснялось его дешевизной. К тому же увеличение числа потомственных кадровых рабочих, постоянно живущих в городах вместе с семьями, приводило к необходимости работы на производстве их жен и детей. Из отчетов фабричных инспекторов за 1913 г. следует, что «при одинаковой (с мужчинами, – В.Ч.) продуктивности женщины более аккуратны в работе и делают мало прогулов» и потому их труд применяли везде, где не требовалась физическая сила [26, с. 53-54].

Табл. 5. Применение женского труда в промышленности Саратовской губернии в начале XX в. [27, с. 99-103]

Отрасли промышленности	% женщин
Силикатная	35
Горничная	35
Текстильная	28
Пенькопрядильная	28
Стекольная	10

Немало женщин работало на предприятиях пищевкусовой промышленности, а также фабрике механического пошива обуви [28, л. 16об]. Процент детей был более высок на конфетной фабрике (48%), на стекольных заводах (40%) и в типографиях (19%) [29, с. 102]. Соотношение между заработной платой взрослых мужчин, подростков и детей в чугунолитейных и металлических производствах составляло в процентах 100х27х10, а в полиграфической промышленности – соответственно 100х26х13 [30, с. 102].

Изменения в половозрастном составе рабочих обрабатывающей промышленности Саратовской губернии в начале XX в. были связаны с особенностями её организации: сезонностью большинства производств и массовым использованием неквалифицированного труда.

Табл. 6. Изменения в половозрастном составе рабочих на предприятиях Саратовской губернии в начале XX в. (по данным фабричной инспекции в %) [31, с. 29, 36].

Годы	Число предприятий	Число рабочих на предприятиях								
		Мужчин				Женщин				Итого
		Малолетних	Подростков	Взрослых	Всего	Малолетних	Подростков	Взрослых	Всего	В % Всего

1900	359	1,7	9,4	88,8	77,8	3,4	13,7	82,3	22,2	100	29879
1906	257	1,9	6,4	91,7	86,4	4,6	19,7	75,6	13,6	100	19714
1912	298	2,0	8,0	89,9	84,3	8,2	21,4	70,3	15,7	100	23885

Из таблицы видно, что в 1900 г. 77,8% всех рабочих обрабатывающей промышленности составляли мужчины, а в 1912 г. число женщин сократилось до 15,7%, что в 2 раза уступало общероссийским показателям (31%) [32, с. 99]. Зато существенно увеличилось применение труда малолетних и подростков женского пола (с 17,1% до 29,6%). Экономический кризис 1900-1903 гг. и последовавшая депрессия отрицательно сказались как на темпах роста местной промышленности, так и численности рабочих. В 1912 г. на предприятиях, подчиненных фабричной инспекции, их число существенно уменьшилось по сравнению с 1900 г.: в металлургии и металлообработке сокращение составило 7,5%, в отраслях по обработке минеральных веществ – 1,6%. Лишь в деревообрабатывающей промышленности наблюдался прирост числа рабочих на 5,4%, в основном, за счет Царицынского узла [33, с. 242-243].

Таким образом, процесс урбанизации – превращение сельского жителя в городского – в конце XIX – начале XX вв. в Саратовском Поволжье носил замедленный характер: городское население в среднем ежегодно увеличивалось на 3%, а доля естественного прироста не превышала 0,6%. Почти 90% жителей Саратова в начале XX в. относились к крестьянскому сословию, а 77,3% из них называли своим основным занятием сельское хозяйство. Внутреннее разнообразие городскому обществу придавало наличие устойчивой мещанской среды, обеспечивавшей его относительную стабильность.

Библиографический список

1. Государственный Архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. А-374. Оп. 15. Д. 977. Л. 1-2.
2. Статистический обзор Саратовской губернии за 1894-1904 гг. Саратов, 1905. С. 7-8.
3. Саар Г. Саратовская промышленность в 90-х и в нач. 900-х гг. Саратов, 1928. С. 28-29.
4. Чолахян В.А. Индустриальное развитие Нижнего Поволжья (конец XIX в. – июнь 1941 г.): исторический опыт и уроки. Саратов, 2007. С. 296.
5. См.: Опыт российских модернизаций. XVIII-XX века. М., 2000. С. 74.
6. См.: Население империи по переписи 28-го января 1897 г. по уездам. Вып. 1. СПб., 1898. С. 14, 29.
7. См.: Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. СПб., 1901. С. 146.
8. Статистический обзор Саратовской губернии за 1914. Саратов, 1915.
9. Списки населенных мест Российской империи. Т. 38. Саратовская губерния. СПб., 1862. С. XXXII.
10. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 38. Саратовская губерния. С. IV, 1.

11. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 25. Д. 64. Л. 4.
12. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 828. Л. 1.
13. См.: Матвеев И.М. Саратов в санитарном отношении в 1906 году. Саратов, 1908. С. 64.
14. См.: Ершов А. Очерк чернорабочего движения в Саратовском крае. Саратов, 1909. С. 42.
15. Кушевар П.А. Что такое Россия? Путевые заметки. 2-е изд. М., 1900. С. 72.
16. Клячко А.Х. Материалы о положении промышленных рабочих Саратовской губернии // Труды Саратовского экономического института. Т. 2. Саратов, 1949. С. 61;
17. Свод отчетов фабричных инспекторов за 1912 г. СПб., 1913. С. 30-81.
18. Свод отчетов фабричных инспекторов за 1913 г. Пг. 1914. С. XLIII-XLVI.
19. Зайковский Л. Несколько слов о положении рабочих на фабриках и заводах Саратовской губернии// Саратовская Земская неделя. 1905. №8. С. 99-103.
20. См.: Государственный архив Саратовской области (далее ГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 610. Л. 16об.
21. Свод отчетов фабричных инспекторов за 1902 г. СПб., 1904. С. 28.
22. Свод отчетов фабричных инспекторов за 1906 г. СПб., 1908. С. 36.
23. Маркушина С.В. Указ. соч. С. 156.
24. См.: Крузе Э.Э. Положение рабочего класса в России в 1900-1914 гг. Л., 1976. С. 99.
25. См.: Клячко А.Х. Влияние капиталистических монополий на экономику Саратовской губернии. С. 242-243.

РАЗДЕЛ 24. ЧЕЛОВЕК, ВЛАСТЬ, СОЦИУМ В ИСТОРИЧЕСКОМ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ: ЗАПАД-ВОСТОК

УДК 94 (437) [13/19]

СТРАНИЦЫ КАМЕННОЙ ЛЕТОПИСИ (ИСТОРИЯ ЧЕХИИ И СУДЬБЫ СОБОРА СВЯТОГО ВИТА НА ПРАЖСКОМ ГРАДЕ)

А.Н. Галямичев

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: galyamichev57@mail.ru

Автор статьи рассматривает отражение основных этапов истории Чехии в средние века и новое время в судьбе кафедрального собора пражского епископства (архиепископства) – собора святого Вита на Пражском граде. Изменения общественного и государственного строя, религиозные и межнациональные конфликты, развитие национального самосознания чешского народа являлись причиной изменений архитектурного облика собора, периодов запустения и оживления происходившей в его стенах жизни.

Ключевые слова: собор святого Вита, история Чехии, Прага.

The author considers the reflection of the main stages of the history of the Bohemia in the Middle Ages and modern times in the life of the Cathedral of Prague bishopric (archbishopric) – St. Vitus Cathedral at Prague Castle. Changes in social and political system, religious and ethnic conflicts, the development of national consciousness of the Czech people were the cause of the changes of the architectural appearance of the cathedral, periods of neglect and revival going on in his life the walls.

Key words: St. Vitus Cathedral, the history of the Bohemia, Prague.

Собор св. Вита на Пражском граде является самым знаменитым строением столицы Чехии. Свой современный облик он приобрёл в 30-е гг. XX века, однако истоки его истории относятся к древнейшим страницам прошлого Праги.

Храм в честь святого Вита появился на Пражском граде в годы правления одного из первых чешских князей, святого Вацлава (921-935), которого принято считать небесным покровителем чешского народа. Одно из старославянских житий святого Вацлава рассказывает: «Тогда же его брат Болеслав, младший по возрасту, лукавый умом и мерзкий по своим делам, подстрекаемый дьявольским искушением, гневом злобы, люто вооружённый против божьего мужа, захотел с нечестивыми мужами дьявола погубить его смертоубийством. Но святой, благодаря божественному предвидению, с достоверностью узнал о заговоре против себя. В то же время боголюбивый муж дал обет в своём сердце основать

церковь богу и его победоносному воину и мученику Виту (Святой Вит – римский мученик периода раннего христианства. Был убит во времена преследования христиан римскими императорами Диоклетианом и Максимианом). И он отправил посла к епископу Резанскому (Автор жития имел в виду Регенсбург (чешское название – Řezno, воспринятое на Руси как Рязань), которому до учреждения Пражского епископства в 967 г. подчинялась церковь Чехии) и сказал: «Мой отец построил церковь святому Георгию, а я хочу по твоему повелению основать церковь святому Виту, Христову мученику». Услышав это, епископ Тутон (Тутон – епископ Регенсбургский (893-930)), воздев руки к богу на небе и воздавая хвалу Христу, сказал: «Идите и скажите счастливому моему сыну Вячеславу: как только ты задумал это, так церковь твоя тут же была основана на небе.

Услышав эту речь епископа, Вячеслав собрал строителей и сам начал на своих плечах носить известь и своими руками заложил и окончил церковь» [1, с. 94-95].

Храм в честь святого Вита, как и другие храмовые постройки Чехии X века первоначально представлял собою небольшую ротонду. Как сообщает чешский хронист начала XII в. Козьма Пражский, «эту церковь воздвиг ещё сам св. Вацлав, он построил её наподобие круглой римской церкви, в ней находилось тело самого св. Вацлава» [2, с. 126]. Как сообщает житие, «тело святого было вновь погребено на южной стороне возле самой ступени алтаря» [1, с. 99].

В начале второй половины XI в. собор св. Вита был основательно перестроен и при этом значительно увеличился в размерах. Как сообщает Козьма Пражский, «в лето от рождества Христова 1060, когда князь Спитигнев на праздник св. Вацлава прибыл в Прагу, он увидел, что церковь св. Вита не столь велика и не вмещает всего народа, который приходит на святое празднество» (Князь Спитигнев правил в Чехии в 1055-1061 гг.). Далее он сообщает о том, что церковь была построена во времена св. Вацлава, о том, что в ней пребывают мощи святого, и продолжает: «Вацлав построил также и другую церквушку – смежную, расположенную как бы в портике [той] церкви. Посреди неё, в узком месте, стояла гробница св. Адалберта. [Спитигнев], полагая, что лучше будет, если обе церкви будут уничтожены, а вместо них будет построена одна большая для обоих святых, сразу же большим кругом обозначил место для [новой] церкви и приказал заложить её основу; закипела работа, стали воздвигать стены» [2, с. 126-127].

Решении о перестройке храма св. Вита было обусловлено переменами, которые претерпело чешское общество со времён св. Вацлава: первоначальная романская ротонда не могла справиться с теми задачами, которые должен был решать кафедральный собор основанного в 967 г. пражского епископства, являвшийся вместе с тем и главным храмом столицы Чешского княжества.

Во времена святого Вацлава ротонда святого Вита была придворным храмом чешского князя, вмещающая его ближайшее окружение. Процесс христианизации не был тогда в полной мере завершён даже в среде знати, и потому постепенное укоренение христианства в чешских землях поставило вопрос о расширении кафедрального собора.

Необходимость строительства нового здания диктовалась также оформлением основ системы градской организации – самобытной модели общественного и государственного устройства, сложившейся в странах Центральной Европы (Польше, Венгрии, Чехии) к середине XI в. [3, с. 124-133]. Для этой модели средневекового общества и государства было характерно наличие сильной центральной власти и ярко выраженной столицы, выделявшейся своей многолюдностью и оживлённостью хозяйственной и культурной жизни на фоне местных центров государственного управления.

В середине XII в. чешские земли вступили в период разложения системы градской организации, отмеченный складыванием крупного церковного и светского землевладения, стремлением церкви приобрести определённую степень самостоятельности от княжеской (с 1158 г. – королевской власти). Это отчётливо отразилось в судьбах собора святого Вита. Если Град подвергся в 1135-1182 гг. основательной перестройке «по образцу латинских городов» (*«Eodem anno metropolis Bohemiae Praga more Latinarum civitatum coepit renovari»*). Термин «обновляться» (*renovari*) является косвенным подтверждением вывода археологов о том, что каменная стена появилась на Пражском граде уже в XI веке, при Бржетиславе I) [4, с. 222] и в её результате превратился «в одну из самых величественных резиденций правителей тогдашней Европы» [5, с. 11], то кафедральный собор сохранил свой прежний облик. К тому же резиденция пражских епископов, изначальным местопребыванием которых был Пражский град, переместилась за его пределы, на территорию левобережного подградья, получившего в XIII в. название Малой Страны.

Главные архитектурные новации XIII в. в Чехии и её столице были связаны с развернувшейся в первые десятилетия немецкой колонизацией. С потоком немецких колонистов в страну были принесены первые образцы готической архитектуры. Первоначально она была тесно связана с монастырями [6, с. 16], однако в дальнейшем нашла точку опоры в архитектуре городских соборов. В частности, на Старом Месте Пражском был во второй половине XIII в. воздвигнут трёхнефный готический собор Девы Марии перед Тыном, служивший в качестве главного приходского храма города. Строительство собора, по своим размерам сопоставимого с кафедральным романским собором св. Вита, было отражением растущего самосознания горожан, их стремления к обретению возможно большей степени самоуправления и политического авторитета.

Вызов, брошенный горожанами, был в середине XIV в. принят королём Карлом IV (1346-1378). Будучи одновременно чешским королём и императором Священной Римской империи, он стремился обрести в церковной организации надёжную опору своим попыткам укрепить королевскую и императорскую власть.

Благодаря усилиям отца Карла, короля Иоанна Люксембурга (1310-1346), 30 апреля 1344 г. пражское епископство было преобразовано в архиепископство. Первым архиепископом стал Арношт из Пардубице (1344-1464, до этого в 1343-1344 гг. – епископ), хорошо образованный человек, принимавший деятельное участие во многих начинаниях короля Чехии и императора Священной Римской империи Карла IV, в особенности – в деле основания Пражского университета. Эти события сыграли очень важную роль в исторической судьбе собора св. Вита.

Уже 21 ноября 1344 г. началась его готическая перестройка, в результате которой пражский собор превратился в один из ярчайших памятников архитектуры европейского средневековья.

В качестве архитектора был приглашён французский зодчий Матье из Арраса, работавший в Авиньоне – тогдашней папской резиденции.

Матье из Арраса работал в Праге вплоть до своей смерти в 1352 году, после чего дело возведения кафедрального собора чешской церкви Карл IV, придававший делу возведения нового кафедрального собора в древней резиденции правителей Чехии огромное значение, поручил молодому архитектору из Германии Петру Парлеру [7, с. 403]. В исторической и искусствоведческой литературе последний более известен как Парлерж (написание, адаптированное к чешскому языку), в силу того, что его имя прочно слилось со столицей Чехии, над архитектурным обликом которой он работал на протяжении 44 лет (с 1353 года до самой своей смерти в 1397 году).

По мнению специалистов, творение Парлержа характеризует гармоническое единство конструктивной и эстетической сторон постройки. Главным новшеством архитектора стала замена тяжёлых крестовых сводов готического собора сетчатыми сводами. Нервюры сетчатого свода собора св. Вита пересекаются не в центре свода, а на некотором расстоянии от него, при этом в центре образуется фигура ромбовидной формы. Как отмечает видный специалист по истории искусства средневековой Чехии И.И. Поп: «В конструкции перекрытия проявляется стремление Парлержа к объединению сводов в уравновешенное, спокойное целое, в результате которого их дифференцированный организм превращается во взлетающий купол, покрытый свободной сеткой рёбер. Таким путём зодчий достигает новой эстетической функции сводов, их абсолютного гармонического лада» [8, с. 103].

Выдающимся памятником искусства являются находящиеся в соборе скульптурные бюсты членов королевской семьи во главе с самим Карлом IV, а также надгробия чешских князей и королей в капеллах хора. Ансамбль, состоящий из шести надгробий, двадцати одного портретного бюста, десяти бюстов святых и скульптуры св. Вацлава, был создан в мастерской Петра Парлержа, являвшегося не только выдающимся зодчим, но и ваятелем. Скульптурные портреты характеризуются не только смелостью индивидуальных характеристик, но и элементами психологизма [8, с. 146-155]. Вся скульптурная галерея пронизана идеей величия Чешского государства. Эта же идея вдохновляла Карла IV, когда он задумывал перестройку собора, ставшего местом хранения символов королевской власти.

Начало гуситских войн обозначило крутой поворот в судьбах собора св. Вита. До наших дней дошло предание о том, что уже в конце 1418 г. по повелению умершего в августе следующего, 1419-го г. короля Вацлава IV было прекращено строительство южной башни собора. Согласно преданию, после того как придворный астролог предсказал королю, что тот умрёт перед башней, правитель приказал немедленно снести её [9, с. 31].

В этом предании в иносказательной форме отразились драматические реалии чешской истории XV века: гуситские войны нанесли колоссальный урон католической церкви, ослабили не только влияние епископа, но и авторитет королевской власти.

Важную роль сыграло то обстоятельство, что в самом начале гуситских войн Пражский град превратился в опорный пункт противников гусизма в сердце страны – её столице. Именно здесь во время первого крестового похода против гуситской Чехии 28 июля года произошла тайная коронация Сигизмунда [10, с. 101-103] – заклятого врага гуситов, не без оснований считавшегося ими главным виновником трагической гибели Яна Гуса и потому недостойным чешской короны. В том же году Сигизмунд вывез за пределы Чехии королевские регалии, которые вернулись в Прагу лишь в 1791 г.

Тень гуситских событий легла на последующую судьбу собора. Более ста лет в 1560-е годы архитектор Б. Вольмут, руководивший работами по восстановлению Пражского града после пожара 1541 г., достроил северную часть собора, после чего его облик в течение долгих столетий оставался неизменным. Наступившая после поражения антигабсбургского восстания чешских сословий в 1620 г. «эпоха тьмы» не оставила следов в истории главного храма страны.

Если сегодня собор святого Вита представляет собой превосходный памятник средневековой готической архитектуры, восстановленный на основе новейших достижений историко-реставрационной науки, то это

следует считать заслугой выдающихся деятелей Чешского Национального Возрождения XIX века.

Собор святого Вита воспринимался чешскими патриотами как монументальный символ богатейшей истории чешского народа и его культуры. Поэтому начавшиеся с 1861 года реставрационные работы ставили своей задачей максимально точное воспроизведение осуществлённых и даже не осуществлённых деталей замысла создателей собора. Дистраивали собор видные чешские архитекторы Й. Кранер, Й. Моккер, К. Гильберг. В продолжавшихся до 1930-х гг. работах (создание независимого Чехословацкого государства в 1918 г. придало делу возрождения собора святого Вита новый мощный импульс) принимали участие ведущие чешские художники (Ф. Кисела, К. Сволинский, М. Швабинский, Ц. Боуда), включая всемирно известного Альфонса Муху, который работал над восстановлением безвозвратно утраченных витражей собора.

Глубоко символично, что, работая над витражом, посвящённым святым Кириллу и Мефодию, А. Муха писал лик основателя собора святого Вацлава со своего сына Иржи [11, с. 45-46]. В этом факте нашла выражение неразрывная связь судьбы главного храма Чехии с судьбой чешского народа, обретающая новую жизнь с каждым новым поколением.

Библиографический список

1. Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности / Предисл., коммент. и пер. А.И. Рогова. М., 1970.
2. Козьма Пражский. Чешская хроника. М., 1962.
3. Тржештик Д. Средневековая модель государства периода раннего феодализма // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987. С. 124-133.
4. *Fontes rerum Bohemicarum*. Pragae, 1874. Т. II.
5. Poche E., Wirth Z., Kozák B. *Hradčany a Malá Strana*. Praha, 1962.
6. Ювалова Е.П. Чешская готика эпохи расцвета. 1350-1420. М., 1998.
7. Spěvák J. Karel IV. *Život a dílo* [1316-1378]. Praha, 1979.
8. Поп И.И. Искусство Чехии и Моравии. IX – начало XVI века. М., 1978.
9. Низовский А.Ю. Прага. М., 2006.
10. Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. М., 1962.
11. Перова Д. Альфонс Муха. М., 2011.

НАЧАЛО МАСОНСКОГО ДВИЖЕНИЯ ВО ФРАНЦИИ

С.Е. Киясов

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: sergeykiyasov@mail.ru

Статья посвящена актуальным вопросам истории масонского движения во Франции XVIII века. Основное внимание сосредоточено на деятельности просветительского масонства.

Ключевые слова: франкмасонство, масонство, французское масонство, политическое масонство, просветительское масонство.

THE BEGINNING OF MASONRY MOVEMENT IN FRANCE

S.E. Kiyasov

The article studies the topical question of the masonry movement history in France of the 18th century. It particularly focuses on the activity of the enlightenment masonry.

Key words: Freemasonry, Masonry, French masonry, political masonry, enlightenment masonry.

Масонские ложи на территории Франции, ныне – весьма многочисленные и активно действующие [1, с. 11], впервые появились в Париже. Их основателями стали англичане – фанатичные сторонники свергнутой в 1688 г. династии Стюартов. Масонские собрания якобитов-католиков преследовали исключительно политические цели и долго не выходили за пределы эмигрантского двора, [2, р. 64]. Подобная деятельность быстро вступила в противоречие с нарождавшимися традициями новых, духовно-просветительских организаций «вольных каменщиков». Как известно, они получили распространение после образования в Лондоне регулярной Великой ложи (1717). В итоге, во Франции сложились два масонских центра: якобитский и просветительский. Первый, по-прежнему, объединял англичан-эмигрантов. Однако их лидеры (Филипп Уортон, Джеймс Маклин, Чарльз Редклиф) вынужденно склонились к более умеренной, тамплиерско-рыцарской, «шотландской» доктринально-обрядовой традиции, провозглашенной в 1736 г. масоном-реформатором Майклом Рэмси. После этого, «старые» масонские ложи Парижа стали доступны не только английским роялистам-заговорщикам, но и французам. Тем самым, масонское движение во Франции получило возможность начать отсчет собственной, национальной истории.

Самой первой, уже независимой от якобитов, структурой «вольных каменщиков» во Франции стала ложа «Дружбы и Братства», созданная в Дюнкерке в 1721 г. В Париже такой масонской структурой, в 1729 г., стала ложа «Серебряный Людовик», которая находилась под юрисдикцией Великой ложи Лондона [3, р. 8]. Вслед за ней, во французской столице появились другие ложи нового образца: «Святого Петра», «Святого Павла», «Искусств святой Маргариты». К числу прочих успехов французских «регулярных» масонов следует отнести появление в Париже в 1735 г. двух лож, созданных с непосредственным участием Джона Теофила Дезагюлье – одного из создателей Великой ложи Лондона. Новые масонские структуры активно создавались в провинции: в Лионе, Руане, Нанте, Авиньоне, Марселе, Тулузе. В 1732 г. была открыта масонская ложа в Бордо, внесённая в реестры Великой ложи Англии под номером 204 [2, р. 69]. Всплеск популярности обновлённого масонства «увлёк» за собой некоторых представителей старшего поколения французских просветителей. Наиболее активным пропагандистом нового интеллектуального движения стал, например, Шарль Монтескье, который поддерживал личные контакты с английскими масонами. Масштабное распространение во Франции «английского» масонства было явно подготовлено объединёнными усилиями интеллектуалов двух стран, не признававших разделяющую их границу. Столь ощутимых результатов вряд ли могли добиться сторонники, терпящие поражение Стюартов.

На фоне успехов масонского движения во Франции возникла потребность в создании собственной Великой ложи. По мнению французских историков, датой её рождения стал 1728 г. [4, р. 463-464]. Десятилетие спустя, в Люневиле (Лотарингия), французские масоны избрали Великим мастером первого представителя национальной аристократии – молодого герцога Луи д'Антины. В 1743 г. национальный масонский Орден возглавил первый «принц крови» – Луи де Бурбон-Конде, граф Клермонский. С этого момента деятельность «вольных каменщиков» Франции перешла под контроль правящей династии Бурбонов. Отныне, все попытки со стороны Ватикана, и других недоброжелателей, добиться запрета масонских структур в этой стране были заблокированы. Последним противником французских «вольных каменщиков» являлся кардинал де Флери, всесильный министр и фаворит короля Людовика XV, умерший в январе 1743 г.

После избрания на пост высокородного Гроссмейстера, во Франции был утвержден собственный кодекс масонских законов. Следуя положениям «Конституций» Джеймса Андерсона, Устав Великой Английской ложи Франции признавал лишь три символические степени и отклонял претензии «шотландских» масонов на создание «высоких», рыцарских градусов. В качестве обязательного идейного фундамента деятельности новых французских лож признавался католицизм. Однако,

начавшаяся уже погоня за усложненными масонскими ритуалами не обошла Францию стороной. В 1754 г. в Париже был создан Клермонский Капитул Высших степеней, а в 1756 г. – Капитул «кавалеров Востока». Наконец, в Аррасе, был основан Исконный Капитул, который соседствовал здесь с многоуровневым Розенкрейцерским Капитулом [5, с. 182].

Особую роль в становлении регулярного масонства во Франции сыграли так называемые мартинисты, или сторонники мистического, научно-философского уклона. У его истоков – эзотерическое теории Мартинеса де Паскалли и Луи Клода де Сен-Мартена. Мыслители-мистики утверждали, что грехопадение человека нарушило его связь с Богом и привело к утрате естественного состояния всеобщего равенства. Для его восстановления Паскалли предлагал обратиться к помощи духов и особым мистическим обрядам, а Сен-Мартен – передать власть в масонстве «Избранным» (Коэнам), которые бы сделали своей целью достижение человеческого счастья [6, с. 66-67].

Пышный расцвет многостепенных масонских систем во Франции был подкреплён сохранявшимся социальным противостоянием братьев, которые, в повседневной жизни, являлись приверженцами сословных привилегий. Сохранявшиеся социальные противоречия и борьба за влияние, заставляли представителей самых разных слоев населения создавать собственные масонские ложи. Так, в 1785 г., в Лавале, одна из местных масонских структур объединяла священников и мелких предпринимателей-буржуа, а другая – дворян и негоциантов. Конфликт аристократии и буржуазии, принимавших наиболее активное участие в деятельности масонских структур во Франции, привел к дезорганизации деятельности самой Великой Английской ложи. В 1771 г., после смерти графа Клермонского, место её Великого мастера занял Луи Филипп, герцог Шартрский и Орлеанский [7]. Его попытка упорядочить работу национальных масонских лож привела к очередному расколу. В 1773 г. сторонники герцога создали новый масонский союз под названием Великий Восток Франции. Данная структура выступала за сохранение трех степеней посвящения, а также санкционировала доступ в ложи женщин. В последней четверти XVIII столетия, помимо придворного Великого Востока, во Франции действовали: Великая Клермонская ложа, Обряд Избранных Коэнов, Совет Рыцарей Востока и Запада, Материнская ложа Философского ритуала, Совет Императоров Востока и Запада, Шотландский Исправленный Обряд, Шотландский Прimitивный Обряд, Орден Филалетов, иллюминаты Авиньона. В 1776 г. в стране была легализована также деятельность прусского масонского обряда «Строгого послушания». Накануне революции Великий Восток Франции предпринял очередную попытку унификации масонских подразделений. В 1785 г., в Париже, был образован Великий Генеральный капитул и Палата Степеней. Через год, усилиями Великого Востока, был утвержден единый для всех

«французский ритуал», который состоял из трех старых символических степеней (Ученик, Подмастерье, Мастер) и четырех новых: Избранника, Шотландца, Рыцаря Востока и Рыцаря Розенкрейцера. Однако преодолеть раскол в масонских структурах Франции так и не удалось.

Впрочем, организационные затруднения не помешали французскому масонскому движению превратиться к концу столетия в оригинальную форму демократического социального общения. При этом, ложи находились в одном ряду с другими «тайными обществами» предреволюционной Франции, среди которых могут быть названы салоны, клубы и музеи [8, р. 9]. Участники этих массовых ассоциаций, конечно же, не являлись политическими заговорщиками, но составляли разноголосую оппозицию «старому режиму», по-прежнему признававшего законными лишь общества сословно-корпоративного и религиозного характера. В итоге, уступая сложившейся практике, французская монархия легализовала свободу новых интеллектуальных собраний. После этого, масонские организации Франции превратились в широкое и достаточно многочисленное общественно-политическое движение. Накануне революции в стране насчитывалось 650 лож, объединявших 35 тысяч человек [8, р. 16]. Однако грядущая (эпохи революции) версия аббата Огюстена Баррюэля о том, что именно масонские ложи подготовили взрыв 1789 года – крайне далека от истины. Несмотря на свою многочисленность и широкую географию, французские масоны, находящиеся в условиях жесткого контроля со стороны властей, были лишены возможности участвовать в политическом заговоре. В сложившейся ситуации они выступали с позиций либеральных критиков существующей власти и являлись зримым свидетельством растущего в обществе неповиновения традиционной политике властей. Не следует также забывать, что к масонскому Ордену примыкали главы почти всех знатных дворянских родов, а также буржуазные верхи и духовные лица, которые также не были заинтересованы в радикальном политическом перевороте.

Масонские ложи Франции, в контексте реальной политики, заметно ускорили социальную и политическую эволюцию, расшатавшую основы феодальной Франции. Особенно активно в этом направлении действовали представители Просвещения, многие из которых, так же, как и в Англии, были связаны с масонскими структурами, и даже напрямую участвовали в работе лож. Например, в Париже с 1766 г. существовала элитная масонская ложа «Наук», в создании и деятельности которой принял участие Клод Адриан Гельвеций. После смерти философа-просветителя, его друг, ученый-астроном Ж. де Лаланд, преобразовал её в знаменитую ложу «Девяти сестер». В списках данной структуры значились Ф. Вольтер, А. Кондорсе, Ж. Дантон, Э. Сиейес, К. Демулен и другие – в будущем, активные участники предреволюционных и революционных событий. Подчеркнём, что парижские масоны-просветители входили в систему

придворного Великого Востока, а сам Жозеф де Лаланд не только принимал участие в её создании, но и занимал здесь высокий пост Великого оратора. Однако, сотрудничество с правящей элитой, которая, фрондируя против короля, преследовала собственные цели, не принесло столичным интеллектуалам желаемого результата. О несовпадении политических интересов внутри масонских структур свидетельствует существование в Париже, и в некоторых других городах Франции, самостоятельных, так называемых «интеллектуальных» лож. Например, активной просветительской деятельностью занималась ложа «Энциклопедия», открытая в 1789 г. в Тулузе. В Бордо сложилась масонская организация, в качестве кредо которой был избран лозунг «Свобода-Равенство», а целью объявлено преодоление социального расслоения в обществе [9, р. 152]. Подобные настроения были характерны для всего юго-западного региона Франции. Во всяком случае, в масонских ложах Бордо, Пуатье, Тура, Орлеана и Анже преобладали представители «третьего сословия» (более 60%). Аристократы и священники составляли в них не более четверти состава [9, р. 174]. Сходная ситуация сложилась также на юге страны – в городах Арль, Экс, Марсель, Ле Люк, Канны [10, р. 152]. В самом Париже, во главе реформированной Великой ложи, получившей теперь наименование Великого Востока Франции, оказались представители титулованной придворной аристократии. Эти круги были заинтересованы в установлении контроля над всеми масонскими системами страны, в унификации самого движения. Подобные действия привели к тому, что в подконтрольные им регулярные ложи перестали допускаться представители «низов» и даже интеллигенция. Столичные масонские собрания, погрязшие в склоках и в бессмысленных собраниях, за редким исключением, слились со светскими салонами, а их деятельность, в лучшем случае, сводилась к делам благотворительности. Однако, как и в Бордо, серьезную конкуренцию тенденциям «застоя» составили столичные, «просветительские» масонские структуры. Помимо ложи «Девяти сестер», в Париже возникли другие центры «масонской оппозиции». В ноябре 1779 г., под верховенством материнской Шотландской ложи «Общественного Договора», было принято решение об открытии «дочернего» подразделения под названием «Олимпийской» ложи «Совершенного почтения». В декабре 1782 г. она получила конституцию и официальное признание Великого Востока Франции. В 1784 г. масоны-«олимпийцы» содействовали открытию в Париже собственной дочерней ложи под названием «Олимпийское Общество» [11, р. 135]. Накануне революции это популярное собрание, в которое можно было попасть без особых ограничений, насчитывало почти пятьсот человек. Наиболее известными членами нового масонского клуба были Ш.П. Савалетт де Ланж – создатель ложи «Соединенных Друзей» в Париже и мистического Обряда Филалетов, маркиз А. де Ларошфуко –

глава Шотландского Философского Обряда, К.-А. де Сен-Симон – философ и писатель-утопист, маркиз Ф. К. де Буйе, в будущем – эмигрант и контрреволюционер, граф А. де Ферзен – одним из организаторов бегства свергнутого грядущей революцией французского короля из столицы. Отметим, что в списках лож за 1788 г. значится и первая русская фамилия – князя А.М. Голицина [3, р. 144]. В 1781 г., под патронажем ложи «Девяти сестер», в столице Франции был образован еще один центр масонского просвещения – Парижский Музей, который возглавил археолог Курт де Гебелин [1, с. 199].

Среди активных представителей масонской просветительской элиты следует назвать имена Ш. Монтескье, П. Гольбаха, Ж. Л. д'Аламбера, К.А. Гельвеция, Ж.А. Кондорсе. Наконец, свою безусловную приверженность ценностям духовно-просветительского масонства незадолго до смерти признал патриарх европейского Просвещения – Вольтер. Его торжественная инициация состоялась 7 апреля 1778 г. в ложе «Девяти сестер». Членами масонских лож были многие редакторы и авторы знаменитой французской «Энциклопедии» – издания, которое сформировало предреволюционное общественное мнение и подготовило Францию к революционным преобразованиям [12, р. 78-81]. Связь с масонскими традициями активно поддерживали представители младшего поколения французских просветителей, которые стали участниками и свидетелями Великой революции: С. Марешаль, Л.С. Мерсье, Н. Ретиф де ля Бретон.

Накануне революционного взрыва 1789 г. масонское движение во Франции, самыми крупными центрами которого стали Париж, Бордо, Марсель, Монпелье, Нарбонни Лион, приобрело поистине общеевропейское значение. По своему масштабу и влиянию, оно явно опережало возможности масонских организаций других европейских стран, включая родину обновлённого, регулярного - Англию.

Библиографический список

1. Галтье Ж. Сыны Калиостро: египетское масонство, розенкрейцерство и новое рыцарство / Пер. с франц. М.: Ганга, 2012.
2. Naudon P. Histoire général de la Franc-Maçonnerie. P.: Office du Livre, 1987.
3. Chevallier P. Histoire de la Franc-Maçonnerie française. Т. 1-3. P.: Fayard, 1974–1975; t. 1.
4. Dictionnaire de la Franc-Maçonnerie publié sous la direction de D. Ligou. P.: Presses Universitaires de France (PUF), 1987.
5. Уайт А.Э. Новая энциклопедия масонства (великого искусства каменщиков) и родственных таинств: их ритуалов, литературы и истории / Пер. с англ. СПб.: Изд-во «Лань», 2003.
6. Харитонович Д.С. Масонство. М.: Изд-во «Весь мир», 2001.
7. Lever É. Philippe Égalité. P.: Fayard, 1996.
8. Halévi R. Les loges maçonniques dans la France d'ancien régime aux origines de la sociabilité démocratique. P.: Colin, 1984.

9. Coutura J. Le Musée de Bordeaux // Dix-huitième siècle. La Franc-Maçonnerie / Revue annuelle publiée par la Société française d'Étude du XVIII siècle. №19. P.: Prix Le Monde de la Recherche universitaire, 1987. P. 149-164.
10. Agulhon M. Pénitents et Francs-Maçons de l'ancienne Provence. Essai sur la sociabilité méridional. P.: Fayard, 1984.
11. Chevallier P. Nouvelles lumières sur la société Olympique // Dix-huitième siècle. La Franc-Maçonnerie / Revue annuelle publiée par la Société française d'Étude du XVIII siècle. №19. P.: Prix Le Monde de la Recherche universitaire, 1987. P. 135-147.
12. Martin G. La Franc-Maçonnerie française et la préparation de la Révolution. P.: PUF, 1926.

УДК 94(47+443.611)+761(44)+929 Пётр I

«ГОРОД ПАРИЖ, КОТОРОЙ ВИДЕН С МОСТУ КОРОЛЕВСКОГО»: ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПЕТРА I

С.А. Мезин

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: mezinsa@mail.ru

В статье рассматриваются рукописный «путеводитель» по французской столице, сохранившийся в библиотеке Петра I, и соответствующий ему альбом гравюр с видами Парижа. Эти источники позволяют уточнить, каким видел русский царь Париж в 1717 году, и как его впечатления повлияли на представление об идеальном городе.

Ключевые слова: Петр I, Париж, Г. Перель, гравюра, путеводитель.

“THE CITY OF PARIS THAT IS SEEN FROM THE ROYAL BRIDGE”: GUIDEBOOK OF PETER I

S.A. Mezin

The article is devoted to the hand-written French capital “guidebook” which is kept in the library of Peter I and an album of engravings with Paris views corresponding to it. These materials let clarify how the Russian tsar saw Paris in 1717 and how his impressions influenced the idea of an ideal city.

Key words: Peter I, Paris, G. Perelle, engraving, guidebook.

Визит Петра I во Францию состоялся в апреле-июне 1717 года. Он имел важное политическое значение и оказался самым ярким событием в истории русско-французских отношений первой половины XVIII века. Знакомство со столицей Франции не было главной целью поездки. Однако Петр I, как и его спутники, был наслышан, что «город здешний велик и строением хорош и богат $\diamond$ есть чего смотреть» [1, с. 132], и проявлял горячее желание «всего смотреть». Источники позволяют утверждать, что

царь еще до поездки имел визуальное представление о парижской архитектуре благодаря книгам и гравюрам, которыми снабдили его К. Зотов и Ж. Лефорт, проживавшие во французской столице на правах официальных агентов. В октябре 1715 года Зотов обещал «немедленно» отправить царю «книги об архитектуре» [2, л. 412об.]. К письму Лефорта от 20 ноября (здесь и далее даты указаны по новому стилю, кроме оговоренных случаев) того же года приложено описание (на французском языке) содержимого ящика с книгами и гравюрами, который был послан в Россию через Кенигсберг и Ригу [3, л. 76; опубликовано: 9, с. 86-87]. 28 декабря (по старому стилю) 1715 года царь потребовал от рижского губернатора П.А. Голицына «немедленно» доставить книги в Петербург [4, с. 84]. Нетерпение Петра, по-видимому, объясняется тем, что он хотел познакомиться с содержанием посылки до поездки в Европу, куда отправился в конце января 1716 года.

В списке, составленном Ж. Лефортом, названо 15 книг и несколько сотен гравюр. Это «Архитектура» Антуана Лепотра [5, №1266], «Трактат о способах изображать ордеры античной архитектуры» Абраама Босса [5, №956], «Курс архитектуры» Огюстена Шарля Давилье и его же «Объяснение архитектурных терминов» [5, №1058-1059], «Иконология, или Новое объяснение некоторых образов, эмблем и других иероглифических фигур» Цезаря Рипы [5, №1440], «Сборник планов, профилей и видов некоторых дворцов, замков, гробниц, гротов и особняков, построенных в Париже и его окрестностях» Жана Маро [5, №1305], «Общее описание Дома Инвалидов» де Булленкура [5, №1060], «Медали, посвященные главным событиям царствования Людовика Великого с историческими объяснениями» [5, № 1315], «Теория и практика садов» Жана Батиста Леблона и др. Почти все приведенные названия легко идентифицируются с дошедшими до нас книгами библиотеки Петра I. Царь, несомненно, знакомился с этими иллюстрированными книгами, но незнание французского языка препятствовало их более глубокому изучению. Поэтому еще больший интерес царя могли вызвать альбомы и отдельные гравюры, представлявшие достопримечательности Парижа и его окрестностей. Это план картинной галереи Люксембургского дворца, три плана дворца Тюильри, три плана Лувра, 24 гравюры, изображавших Версаль и его сады и т.д. Среди них находился сборник из 48 гравюр под названием «Французская архитектура» («L'Architecture Française»), где были представлены образцы городских и загородных домов, в том числе проекты Ж. Ардуэна-Мансара и Ж.Б. Леблона. Изучение этого сборника привело И.В. Хмелевских к выводу о том, что Петр I «приехал в Париж подготовленным, совершенно точно зная, куда и на что смотреть» [6, с. 98].

Есть все основания полагать, что на восприятие Петром I Парижа, его архитектуры и городской структуры повлияло еще одно издание. Само оно не сохранилось в современном составе библиотеки Петра. Однако факт знакомства с ним царя не может вызывать сомнений. Речь идет об альбоме гравюр «Виды прекрасных домов Франции» («*Veues des belles maisons de France*»), впервые изданном в Париже в 1680 году Адамом Перелем (Perelle) с использованием работ его отца – Габриэля и брата – Николя [7]. Альбом включал серию гравюр «Площади, ворота, фонтаны и дома Парижа» («*Les places, portes, fontaines, et maisons de Paris*»). По-видимому, этот альбом упомянут в списке Лефорта под названием «*Un Recueil des veues et perspectives des plus belles maisons de France 260. Planches*» («Сборник видов и перспектив прекраснейших домов Франции. 260 гравюр» [4, с. 87]. Количественный и качественный состав гравюр в издании семьи Перелей может колебаться, но приблизительно равен указанному числу. Две первые гравюры альбома относятся к концу 1680-х годов.

Еще одним подтверждением знакомства Петра I с этим замечательным альбомом является сохранившаяся в составе царской библиотеки рукопись «Описание знатных домов во Франции» [8]. Она представляет собой перевод на русский язык подписей в названном выше альбоме, содержащих экспликацию к общим видам города и сведения об истории создания и авторах выдающихся построек. О происхождении этого перевода высказаны разные мнения. О. Медведкова полагает, что перевод подписей был выполнен для переиздания гравюр в Петербурге [9, р. 499]. Более вероятной представляется «парижская» версия происхождения рукописи. По словам французского журналиста, в начале своего визита (10 мая) Пётр попросил герцога Л. А. д'Антена снабдить его описанием Парижа и был очень удивлен, получив «через два часа» такое описание, переведенное на русский язык и «аккуратно переплетенное». Восхищенный царь признал, что «только французы способны на такую обходительность» [10, р. 191]. Едва ли принимающая сторона могла обойтись в данном случае без помощи русского переводчика, в качестве которого скорее всего выступал Конон Зотов. Сам альбом, вероятно, тоже был приложен к русскому описанию. В противном случае «Описание» теряло свой смысл. Таким образом, Пётр получил полноценный иллюстрированный русскоязычный «путеводитель» по Парижу. В нем были представлены наиболее выгодные виды города, а также содержалась необходимая историко-культурная и архитектурная информация.

Тот же К. Зотов составил для царя краткий список парижских достопримечательностей, сохранившийся в кабинетском архиве Петра и содержащий собственноручные пометки царя [1, л. 17-17об.].

«Путеводитель», который Петр I, несомненно держал в руках и изучал, формировал определенный образ французской столицы – это был

образ современного города, обновленного в результате строительной деятельности Людовика Великого. Царь осмотрел почти все представленные в нем «прекрасные дома», лично убедился в привлекательности парижских городских видов и перспектив.

Мне уже приходилось писать о парижских маршрутах Петра I, о внешнем облике города на Сене в начале XVIII века, об архитектурных впечатлениях царя и их влиянии на культурную политику [11]. Новые источники – рукописный «путеводитель» и соответствующий ему альбом гравюр – позволяют глубже раскрыть визуальный образ Парижа, представший перед русским царем в 1717 году.

Самое полное представление о центральной части Парижа дает гравюра, названная по-русски несколько неуклюже: «Город Париж, которой виден с мосту Королевского, от дворца, зовомого Тюлери, изображен в преспекте изрядной так схождением двух разливов реки Сены ниже Нового мосту у мыса Полатного острова, как множеством красивых строений, которые там открываются» [8, л. 2]. Эта неуклюжесть, которая сквозит и в других названиях «путеводителя», происходит, вероятно, от поспешности перевода и от неразработанности русской терминологии в области архитектуры и искусства. Сегодня французскую подпись под гравюрой следовало бы перевести так: «Вид города Парижа со стороны Королевского моста Тюильри представляет чудесное зрелище, как из-за слияния двух рукавов реки Сены выше Нового моста у мыса Дворцового острова, так и благодаря множеству открывающихся отсюда прекрасных зданий». Имя автора гравюры – Ливенс (Livens). Однако это не гравер голландского происхождения Жан Андре Ливенс, умерший в 1663 году, а какой-то другой мастер Жан Ливенс, продолжавший работать в 1680-е годы.

На картине представлена большая часть Парижа вплоть до его восточных окраин. Северная часть города (правый берег) акцентирована огромным комплексом зданий Лувра и Тюильри. Собственно на правом берегу располагался «Город» («Ville»), который противостоял острову Сите (здесь он назван Дворцовым из-за того, что его западную часть занимали постройки старого королевского дворца) и левобережному «Университету» («Université»), а также предместьям [12, р. 17]. На правом берегу среди очень густой (по сути – средневековой) застройки возвышаются церковь Сент-Эсташ, башни Тампля, башня Сен-Жак и церковь Сен-Поль. Недалеко от последней находился особняк Ледигьер, в котором проживал русский царь во время своего визита в Париж.

Хорошо узнаваем за Новым мостом остров Сите с треугольной площадью Дофина и возвышающимися над ней шпилем часовни Сен-Шапель и башнями собора Нотр-Дам. На мосту заметен силуэт конного памятника Генриху IV.

Левый берег представлен на гравюре более широкой полосой застройки, хотя в действительности он уступал «Городу» по территории и населению. На холме Святой Женеьевы видны колокольни одноименного аббатства и церкви Сент-Этьен. Узнаваема высокая романская башня аббатства Сен-Жермен де Пре. В центре хорошо просматривается купол и выступающие к Сене крылья Коллежа Мазарини. Правый нижний угол картины занимает довольно солидная застройка Сен-Жерменского предместья, куда в конце царствования Людовика XIV переместился главный аристократический район столицы.

Мастер постарался представить на своей гравюре почти весь город, но центральное место он отвел Сене. Она предстает здесь не только как широкая речная магистраль, но как главная улица Парижа с повисшими над водой мостами (три из них отчетливо просматриваются, а четвертый – Сен-Мишель – едва виден), с одетыми в камень набережными. На реке заметно оживленное движение: барки, лодки и лодочки снуют по воде и толпятся у пристаней. Дотошный гравер изобразил даже лебедей на речной глади. Мы видим «людства множество» на замощенных набережных: кареты, повозки, всадников и пешеходов.

Тюильри (павильон Флоры), Большая Галерея и Лувр составляют парадный фасад города, выходящий на реку. Вполне регулярный вид имеет и противоположная набережная Малаке («берег, зовомой Маляке»). Конечно, за классическими фасадами еще скрывается средневековый город с тесной застройкой, с острыми щипцами узких фасадов и готическими колокольнями. Еще тесно застроено пространство между Тюильри и Лувром. Однако горизонталь луврских крыш, мерный шаг крупных арок Королевского моста, полукружие купола Коллежа Мазарини придают величественный классицистический ритм городской застройке.

На следующей гравюре того же Ж. Ливенса представлен вид на Сену с другой стороны Королевского моста. Подпись в царском «путеводителе» гласит: «Мост Королевской от Тюлерии зделан с великою крепостию чрез господина Гаврила [подрядчик Ж. Габриэль] <> Зачето в 1685 году; несмотря на труды, которыя были в его основании, зделан сей мост по рисунку господина Мансарта [Ж. Ардуэн-Мансар], первого архитектора королевского» [8, л. 4]. Вид моста, павильона и сада Тюильри придают некоторую «правильность» и этой панораме. Однако неустроенная набережная Гренуйер («пристань легушечья») и свободно разбросанные дома предместий свидетельствуют о том, что парижское «регулярство» здесь заканчивается. На правом берегу Сены за воротами Конферанс видны густые посадки прогулочных аллей – Аллеи Королевы («гулянье королевино») и Елисейских полей. На месте садов и огородов, изображенных на левом берегу, позже (к приезду Петра) будет сооружена широкая эспланада Дома Инвалидов («двора Марсова или инвалидов»).

Высокая точка зрения, принятая на этих гравюрах, позволяет видеть город с высоты птичьего полета. Широкая гладь реки с обустроенными набережными, мосты, не застроенные домами, парадные фасады дворцов и ширь регулярного сада создают впечатление простора и правильной организации городского пространства открытого к реке. Таким хотел показать Париж художник, такой стремились представить столицу русскому царю гостеприимные хозяева. Это впечатление, конечно, исчезало на старинных улицах города.

Еще одна гравюра, представляющая вид берегов Сены, озаглавлена в русском «путеводителе» «Перспектива города Парижа, которой виден от Красного мосту» [8, л. 4об.]. Работа Габриэля (?) Переля представляет почти тот же вид Сены в центре города. Однако здесь принята более низкая точка зрения, и городские постройки закрывают течение реки за Новым мостом. Это ограничение перспективы и изображение рядом с Лувром неустроенной, кишачей людьми и заваленной товарами пристани Святого Николая создает более реалистическую, но менее идеальную картину.

Рассмотренные виды Парижа дополняют и детализируют другие гравюры из альбома. Например, изображение Нового моста со статуей Генриха IV, окруженной ажурной решеткой. «Пляца Нового моста, которого середина есть у мыса Полатного острова, где поставлена статуя верховая Гендрика Великого, которая сделана во Флоренции в 1615 году чрез Кузьму Второго Великого дука Тосканского<...>» [8, л. 5], – сообщал петровский «путеводитель» сведения о создании первого конного монумента Парижа.

Внимание русского царя не могли не привлечь гравюры с видом сада Тюильри и его подробным планом. Последний в «путеводителе» озаглавлен как «План саду у палат Тюлеринских инвенции господина Нотре». Творение А. Ленотра подробно описано: «3 партера узорных окружены грядами; 3 лохани с фонтанами окружены дерном; партер дерновой; лесок саженой; боскет; сала сделана из дерну» [8, л. 7об.-8]. Как видим, переводчик (может быть, впервые?) вводит в описание французские слова, затем прочно вошедшие в русский язык: партер, фонтан, боскет. (Сегодняшний переводчик употребил бы в этом случае и такие пришедшие из французского языка садовые термины, как бродери, бассейн, газон.)

Все упомянутые выше достопримечательности центра Парижа многократно посещались русским царем во время его 43-дневного визита. В день приезда его привезли в Лувр. Его хотели поселить здесь в отдельных апартаментах, выходящих окнами на реку. Тогда бы он мог видеть из своих окон панораму близкую к изображенным на гравюрах из альбома. Однако Петр выбрал более укромную и спокойную резиденцию рядом с Арсеналом. Тем не менее, русский гость много раз посещал Лувр («двор королевской зовомой Лювр») и его Большую галерею, где

располагались королевские академии, картинная галерея, макеты крепостей, библиотека, типография, Монетный двор. Бывал Пётр и в Тюильри, посещая малолетнего короля Людовика XV. Сад Тюильри, пожалуй, привлекал не меньшее внимание царя, чем королевские дворцы. Он дважды гулял здесь, а на прогулке 16 июня обсуждал с глазу на глаз вопрос о будущем договоре с регентом Франции Филиппом Орлеанским.

Первого июня, возвращаясь на специальной гондоле из Пти-Бура в Париж, Петр I пожелал проплыть под всеми парижскими мостами. Всего в Париже к тому времени существовало 9 каменных мостов. Три из них (де ла Турнелль, Новый и Королевский) не были загромождены домами и представляли собой новый тип городского моста. Напротив, в районе застроенных высокими домами мостов Нотр-Дам и Менял Париж более всего сохранял средневековое обличье. (Заметим, что в Москве к этому времени был построен единственный Каменный мост, а в Петербурге стационарных мостов тогда не существовало.) Совершив прогулку по реке, царь пересел в карету у ворот Конферанс в конце сада Тюильри, проехал по бульварам, разбитым на месте городских укреплений; купил ракеты и петарды и запускал их в саду отеля Ледигьер [13, р. 184-185].

Много раз проезжал Петр I парижские мосты. Брюссельская газета «Relations Veritables» сообщала, что осмотр города он начал с Нового моста, на котором возвышалась статуя Генриха IV, а затем осмотрел так называемый Samaritaine («санкта самаритана» петровского «путеводителя») – павильон с насосом, подававшим воду в королевские дворцы [14]. 14 июня Пётр I посетил в Лувре Королевскую типографию. Затем царь отправился в Коллеж Мазарини (Коллеж четырех наций – «школа Мазаринова», «школа четырех народов») и осмотрел учебное заведение. Отсюда он поехал на примыкающую к Новому мосту площадь Дофина («пляц Доифинова») в мастерскую Жана Пижона, где приобрел «сферу Коперникову». После обеда царь поднялся на башню собора Нотр-Дам, чтобы полюбоваться Парижем с высоты птичьего полета с помощью подзорной трубы [13, р. 191-192]. Несомненно, в этот день взору Петра неоднократно открывались виды, представленные на гравюрах его «путеводителя». И на следующий день царь прогуливался в карете по Аллеям Королевы [13, р. 193] и наверняка любовался открывавшимся отсюда видом на Дом Инвалидов.

В коллекции живописи Петра I была картина голландского художника Хендрика Моммерса «Вид Нового моста в Париже». Специалисты относят её к середине XVII века. Городской пейзаж, вероятно, написан с французского оригинала (в парижском музее Карнавале находится полотно неизвестного мастера 1669 года с тем же городским видом) или с гравюры. Мы видим Новый мост с памятником Генриху IV как главную смотровую площадку Парижа, протяженный фасад Лувра и Большой галереи, павильон Тюильри. Однако нет еще достижений градостроительства

короля-солнца: благоустроенных набережных, эффектного купола Коллежа Мазарини. На месте Королевского моста виднеется другое (очевидно, временное) сооружение. Тем не менее, центр Парижа вполне узнаваем, но «в изображении толпы на мосту, коляски в центре картины, всадников, торговцев книгами, актеров, разыгрывающих сценки, прохожих, животных, выявляются чисто голландские черты» [15, с. 152]. Так в этой картине своеобразно соединились два пристрастия Петра I – его юношеская любовь к Голландии и сформировавшееся позже уважение к французской культуре, с которой он близко познакомился в 1717 году.

Подведу итог. Источники, условно называемые парижским «путеводителем» Петра I, позволяют показать, какой хотели представить русскому гостю свою столицу гостеприимные хозяева. Визуальные источники дают некоторую возможность увидеть Париж глазами Петра I. В представленном на гравюрах идеальном городе можно усмотреть один из истоков петровской мечты – мечты о городе открытом к реке, с оживленными пристанями и набережными, застроенными «единой фасадой», с мостами, построенными на века, с садами не хуже, чем у французского короля, с площадями «формы легулярной» вокруг памятников царям. Пройдет сто лет, и мечта воплотится в жизнь – такой город вырастет на берегах Невы.

Библиографический список

1. Российский государственный архив древних актов (Москва). Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. II. Кн. 88. Ч. 1.
2. Российский государственный архив древних актов (Москва). Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. II. Кн. 23.
3. Российский государственный архив древних актов (Москва). Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. II. Кн. 24.
4. Хмелевских И.В. Два указа Петра I о книгах рижскому губернатору // Книга в России: к истории академической библиотеки: сб. научн. трудов. СПб., 2014. С. 80-88.
5. Библиотека Петра I. Указатель-справочник / сост. Е.И. Боброва; под ред. Д.С. Лихачева. Л., 1978.
6. Хмелевских И.В. Сборник «L'Architectue Française...» из библиотеки Петра Великого // Пушкин и 1812 год: Материалы научно-практической конференции «Золотой век французской книги в России (4-8 апреля 201 года) и Михайловских Пушкинских чтений «Пушкин и 1812 год» (15-19 августа 2012 года). Сельцо Михайловское, 2013. С. 91-98.
7. Perelle A., Perelle G., Perelle N. *Veues des belles maisons de France*. Paris, 1680.
8. Отдел рукописей Библиотеки Академии наук (Санкт-Петербург). Собрание Петровской галереи. №55.
9. Medvedkova O. *La bibliothèque d'architecture de Pierre le Grand. Entre Curiosité et Passion* // *Cahiers du Monde Russe*. 2006 №47/3. P. 467-502.
10. [Buchet P.F.] *Abbrégé de l'Histoire du Czar Peter Alexiewitz, avec une Relation de l'Etat présent de la Moscovie, et de ce qui s'est passée de plus considerable, depuis son arrivée en France jusqu'à ce jour*. Paris, 1717.

11. Мезин С.А. Париж, каким его видел Петр I в 1717 году // Город и культура на Западе и в России: сб. материалов Международной конференции, посвященной 100-летию Заслуженного профессора СГУ С.М. Стама (21-22 ноября 2014 г.) Саратов, 2014. С. 155-163.
12. Fierro A., Sarazin J.Y. Le Paris des Lumières d'après le Plan de Turgot (1734-1739). Paris, 2005.
13. Le Nouveau Mercure. 1717, juin.
14. Relations Veritables. 1717, 18 mai.
15. Побединская А.Г. Голландские картины из коллекции Кунсткамеры // Из истории петровских коллекций; сб. научн. трудов памяти Н.В. Калязиной. СПб., 2000. С. 146-163.
16. Бантыш-Каменский Д. Н. Деяния знаменитых полководцев и министров, служивших в царствование государя императора Петра Великого, с портретами их. М., 1821. Ч. 2.

УДК 655.26(437.1)|14/15|(09)

ИЗДАНИЯ БИБЛИИ В ЧЕШСКОМ КНИГОПЕЧАТАНИИ РАННЕГО ПЕРИОДА (1468–1620 гг.)

Е.Н. Многолетняя

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: elenamnogoletnjaja@rambler.ru

В статье автор рассматривает репертуар чешского книгопечатания раннего периода, в котором издания Библии занимали важное место. Особое внимание уделяется выявлению причин востребованности Библии в Чехии, анализу особенностей переводов Библии на чешский язык, и определению роли отдельных типографов и типографий в издании чешских Библий

Ключевые слова: книгопечатание в Чехии, типографы, репертуар печатных книг, Община чешских братьев, издания Библии.

EDITION OF THE BIBLE IN THE CZECH BOOK PRINTING OF THE EARLY PERIOD

E.N. Mnogoletnyaya

In the article author examines the repertoire Bohemian book printing of the early period, in which Bibles had an important place. Particular attention given to the identification the causes of the demand for the Bible in the Bohemia, the analysis of features of Bible translations into the Czech language, and the definition of the roles of individual printers and printing houses in Bohemian edition of the Bible

Key words: book printing in the Bohemia, printers, repertoire of printed reading books, the Community the Czech Brothers, editions of the Bible.

Особое место в продукции первых чешских типографов занимали библейские тексты. И это не случайно. Как и в других западноевропейских странах, в чешских землях интерес к библейским текстам имел не столько собственно богословскую, сколько религиозно–политическую подоснову. Если к духовным книгам подойти с такой позиции, то нельзя не обнаружить скрытой за их изданием борьбы. Так «Новый Завет» 1475 г. интересен не только как первая в чешских землях печатная книга религиозного содержания, но и как книга необходимая противникам католицизма – уtrakвистам. Пражское издание Библии (1488 г.) было вызвано к жизни потребностями чашников. В его подготовке приняли участие ученые – богословы Пражского университета. В колофоне "Библии" типограф благодарит «ученых мужей магистров пражских и других лиц, сведущих в законе божьем». Нуждами этих соперничавших друг с другом религиозных направлений следует объяснить и неоднократное переиздание в чешских землях библейских текстов.

Библия, в особенности издание её полного чешского перевода с латинского языка, была в Чехии товаром чрезвычайно востребованным. В инкунабульный период полный текст Библии был издан дважды – оба издания в переводе на чешский язык. Первое полное издание Библии вышло в Праге в 1488 г., затем последовало кутногорское издание 1489 г. Кутногорская "Библия" вышла в свет в двух изданиях (с сигнетом и без сигнета), напечатанных Мартином из Тишнова. Затем последовали издания начала XVI века – венецианское 1506 г. и Павла Северина 1529 г. (переизданное в 1537 г.) [1, с. 1097, 1098, 1099].

Несколько раз печатался в инкунабульный период текст «Нового Завета» (1475, 1497, 1487 гг.) [1, с. 25, 26, 27].

Интерес к Библии в Чешских землях был огромным, а издания конца XV – первой четверти XVI в. были уже недоступны. Это создавало благоприятные условия для появления новых изданий.

После 1547 года в чешском книгопечатании начинается новый период, связанный с ограничением деятельности чешских типографов. Как и прежде, религиозная литература этого периода представлена изданиями библейских текстов: это десять отдельных изданий Библий на чешском языке и два сборника отдельных частей Священного Писания.

Издание полного библейского текста с хорошими и многочисленными иллюстрациями требовало улучшения материально-технической базы. Без крупных вложений денежных средств нельзя было, и думать о таком издательском проекте. Позволить себе издать Библию мог лишь крупный типограф, а в новых сложившихся условиях только королевский типограф. В 1547 году по мандату Фердинанда I таковым становится Бартоломей Нетолицкий.

Публикации чешских Библий начинаются именно изданием «Чешской Библии» 1549 г. [1, с. 1101] вышедшей из типографии Бартоломея

Нетолицкого. Одновременно это издание является первым изданием Иржи Мелантриха, работавшего в тот период своей деятельности в мастерской Нетолицкого.

Иржи Мелантрих издает совместно с Бартоломеем Нетолицким Чешскую Библию, она стала главным достижением их совместной деятельности.

Вероятно, Мелантрих был главным инициатором издания Библии. Обсудив все проблемы с Нетолицким как хозяином типографии, компаньоны приступили к подготовке издания. Прежде всего, Б. Нетолицкий попросил у короля выдать разрешение на издание Библии и получил привилегию 24 марта 1549 г. на издание и дальнейшую продажу Библии сроком на 10 лет [2, s. 33; 3; 4, s. 216].

Привилегия короля Фердинанда I гласила: «... требую, чтобы в Королевстве нашем Чешском, ни в других соседних землях империи такой Библии после Бартоломея Нетолицкого без его согласия и ведома на протяжении 10 лет печатать или продавать нигде не могли, не смели и не имели возможности... нарушивший, будет подвергнут нашей немилости и гневу... нашей королевской Милости...» [2, s. 33].

Длительный период действия привилегии был обусловлен сложностью работы по подготовке издания, а главное неизбежными трудностями распродажи дорогой книги.

Литературная сторона дела полностью находилась в руках Иржи Мелантриха. Мелантриху потребовался точный текст библейских книг. Огромной удачей стало возвращение из изгнания в Прагу его старого друга, впоследствии староместского канцлера Сикста из Оттерсдорфа оказавшего огромную помощь в работе над изданием.

Библия была закончена в четверг перед Вербным воскресеньем, следовательно, 11 апреля [2, s. 90]. Содержала в себе практически все доступные библейские тексты, включая апокрифические. В ветхом завете Сикстом из Оттерсдорфа была переведена третья книга из книг Маккавейских [2, s. 93]. Исследователи считают, что перевод этой книги Сикстом из Оттерсдорфа не был случайным. Она повествует о народном восстании в Иудее против иноземной власти сирийской династии Селевкидов. Возможно, материал книг мог натолкнуть Сикста на близкие аналогии с недавними чешскими событиями. Оба восстания, как иудейское 167 г. до н. э., так и чешское 1547 г. н.э., были направлены против монарха иноземной династии, и во главе их стояли «лучшие люди» страны. В обоих восстаниях определенную роль играли мотивы защиты национальной религии. Но восстание Маккавеев было широким народным выступлением, закончившимся победой и восстановлением Иудейского государства. Переведя эту книгу и включив её в состав текста Библии Сикст из Оттерсдорфа, хотя и в косвенной форме, выразил весьма недвусмысленно свои политические чаяния [5, с. 31]. Совместная деятельность Сикста и

Мелантриха, позволяет нам предположить, что оба представителя чешской культуры XVI века были близки друг другу своими взглядами на издательскую, литературную и политическую ситуацию в Чехии данного периода. В Библии 1549 г. Новый завет был отредактирован и сопоставлен с греческим оригиналом. Сикст из Оттерсдорфа лексически адаптировал текст к особенностям современного чешского языка [6, s. 330]. К существующему тексту, то есть к собственно библейским книгам и существующим предисловиям Сикст добавил исторический обзор «Паломничество святого Павла». Мелантрих снабдил весь текст «вступлением к благочестивым читателям» [2, s. 93; 3, s. 8].

Чешская Библия Мелантриха и Нетолицкого является объемным, поистине монументальным печатным произведением, насчитывающим 629 больших печатных страниц в пол-листа. Красный титульный лист, 133 гравюры на дереве и 10 инициалов. В заключении к Библии были напечатаны сигнеты Иржи Мелантриха и Бартоломея Нетолицкого [2, s. 95-100].

Один экземпляр отпечатанной Библии был переплетен в бархатный переплет, снабжен золотым обрезом и отправлен императору Максимилиану II.

Для человека XVI века Библия была не только культовой книгой, источником религиозного учения и христианской мудрости, но также одной из любимых книг для повседневного чтения. Сочинением, являющимся кладезем житейских примеров, поговорок, историй, а также источником типовых ситуаций, которые читатель находил в ней для понимания собственных жизненных переживаний и проблем.

Напечатанная Библия 1549 г. полностью соответствовала такой многофункциональности. Иллюстрации помогали понять и конкретизировать события или поэтические образы библейского текста. Библия, напечатанная Мелантрихом и Нетолицким, высоко оценивается специалистами как одно из наиболее примечательных изданий Библий в Европе XVI в., превосходящее своих предшественниц уровнем типографского оформления, выразительностью текстового расположения и качеством перевода.

В 1552 г. был составлен указатель к Библии 1549 г., который издал отдельно от Библии его автор, бывший магистр Пражского университета, горожанин Старого Места Пражского Микулаш Шуд из Семанина [3, s. 9]. Этот указатель был издан Яном Ловичским [1, с. 1101].

Нельзя не отметить тот факт, что Библия 1549 г. была первым произведением, о котором со всей определенностью можно сказать, что оно вышло из рук Иржи Мелантриха и которое положило начало целому ряду изданий Библии, вышедших из его собственной типографии несколько позднее. По предположению исследователей, благодаря этому изданию Мелантрих в экономическом плане «встал на ноги», т.к. Библия,

по-видимому, нашла значительный спрос. Уже в 1556 г., вероятно, была произведена допечатка. Даже если предположить, что тираж составил 1000-2000 экземпляров, а цена не переплетенного книжного блока 3 копы грошей издание принесло даже при значительных издержках производства крупную прибыль [3, s. 9].

Но, тем не менее, Иржи Мелантрих до 1552 г. оставался сотрудником и компаньоном типографии Нетолицкого. О его прочном положении в предприятии Нетолицкого свидетельствуют некоторые факты. Например, в 1551 г. он взыскал с Вацлава Приндла долг за книги [2, s. 36]. Возможно, Нетолицкий уплатил своему партнеру частью тиража Библии, а Мелантрих самостоятельно организовал ее распродажу.

Затем следует еще четыре самостоятельных издания Иржи Мелантриха «Чешской Библии» (1556/1557, 1560/1561, 1570 и 1577 гг.) [1, с. 1102, 1103, 1104, 1105].

Первое самостоятельное издание Библии вышло 7 декабря 1556 года [1, с. 1102]. О тщательной подготовке к этому изданию свидетельствует небольшое количество книг, вышедших в предыдущие 1555/1556 гг. из типографии. От Библии 1549 г. новое издание отличалось во многих отношениях. Присутствовала постраничная нумерация арабскими цифрами, в конце Библии был указатель, который был важной частью этого издания. Иржи Мелантрих уже в 1557 г. допечатывает тираж Библии, и по обычной для того времени практике, отпечатывает новый титульный лист и допечатанное издание продает как новое. Библия продавалась не только в Чехии, но и Польше, о чем свидетельствуют инвентари старейших польских библиотек [3, s. 13].

В 1558 г. Мелантрих напечатал в своей типографии издание Нового Завета, а в 1559 г. иллюстрировано издание Евангелия и Апостола.

Издание Библии 1560/1561 г. было перепечаткой с предыдущего издания, выполненное с незначительными изменениями [1, с. 1103].

Важнейшей вехой в деятельности Иржи Мелантриха стал 1570 г. и связан он был прежде с изданием оригинально составленной Библии [1, с. 1104]. Иржи Мелантрих работал над этим изданием с 1564 г. Он снабдил Библию новым списком и указателем, главное внимание издатель уделил внутреннему оформлению дорогостоящего издания. Прежде всего, для новой Библии сделали новые иллюстрации. Титульный лист нарисовал пражский художник Амброуз Ледецкий. В нижней части листа был помещен портрет Иржи Мелантриха, который является единственным сохранившимся портретом издателя. На нем изображен почтенный шестидесятилетний мужчина в длинном платье горожанина, Мелантрих был изображен в коншельском плаще с кожаным воротником и с широкими прорезанными ренессансными рукавами.

Собственно иллюстрации библейских сюжетов были произведениями двух художников. Первым был мастер Флориан Абель из Кельна, но он

умер в 1565 г. в Праге и Иржи Мелантрих обратился в Италию к придворному художнику Фердинанда Тирольского Франческо Терци. Библия 1570 г. была посвящена императору Максимилиану II, поэтому на целую страницу было напечатано изображение императорского герба. За ним следовало изображение герба Старого Места Пражского. Новое издание Библии Мелантрих снабдил своим авторским предисловием, в котором он объясняет важность проделанной работы для «благочестивого и христианского читателя» [7, s. 7]. Ее значение для человека XVI в. было огромным. Мелантрих пишет: «... потребность в ней наипервейшая» [8, s. 9], т.к. содержит в себе «жизнь вечную и дает нам в изобилии свидетельства о нашем Искупителе и Спасителе» [8, s. 9]. В Библии заключено слово Божье «и те, кто возлюбили и посвятили себя ему к благословению истинному приходят» [8, s.9], которое дарует сам Господь.

В предисловии Мелантрих дает так же важное разъяснение необходимости нумерации листов в Библии и связанных с ней индекса и указателя, приложенных в конце Библии [8, s. 9]. Благодаря этим указателям можно легко найти нужную главу или книгу в тексте. Объясняет Мелантрих и принципы составления, а также возможности использования указателя [8, s. 9].

В 1577 г. Библия была переиздана в неизменном виде, исключая новый титульный лист [1, с. 1105]. Основанием для переиздания была смерть императора Максимилиана и восшествие на императорский, а так же на чешский трон его сына Рудольфа. Мелантрих посвятил новое издание новому королю. По счастливой случайности, в фонде ЗНБ СГУ хранится экземпляр Библии 1577 г., изданной Мелантрихом [9]. К сожалению, имеющийся экземпляр не имеет титульного листа и портрета типографа, но сохранилось предисловие издателя и его сигнет, в конце Библии. Так же имеются индекс и указатель по всему тексту Библии. Библия 1577 г. поступила в фонд отдела редких книг библиотеки из частного собрания петербургского профессора И.А. Шляпкина в начале XX в.

За время издания Библии Иржи Мелантрих столкнулся с архиепископской цензурой. В 1577 г. архиепископ Антонии Брус воспользовался цензурными правами, переданными ему государем при вступлении на архиепископский престол. Он даже угрожал Мелантриху закрытием типографии. Из сохранившейся корреспонденции становится ясно, что в 1570 г. архиепископ поручил цензуру Библии, иезуитам [3, s. 33]. Но вероятно, к всеобщему удовлетворению Мелантриху, удалось уладить конфликт.

Таким образом, из типографии Иржи Мелантриха вышло пять чешских Библий (1549, 1556/1557, 1570 и переиздания 1560/1561, 1577 гг.) [1, с. 1101, 1102, 1103, 1104, 1105].

Огромный вклад в издание чешских Библий внесла Община Чешских

братьев. В 1564 г. в Иванчицах вышло первое издание выполненного Яном Благославом перевода на чешский язык Нового Завета. Свой труд Благослав предназначал непосредственно Общине, стремясь к тому, чтобы ее священники проповедовали и писали на литературном языке. Этот перевод стал образцом литературного чешского языка. В 1568 г. он был повторно издан в Иванчицах, а затем вошел в Кралицкую Библию.

За этими изданиями в хронологическом порядке идет знаменитая Кралицкая Библия в шести томах, изданная в 1579-1594 гг. в типографии Общины чешских братьев в Кралице [1, с. 1107]. Это издание было подготовлено видными деятелями Общины, в том числе и ее руководителем, гуманистом Яном Благославом. Язык Кралицкой Библии стал языком богослужений в евангелических церквях. Ее перевод на долгое время был признан образцом и вершиной чешского языка, который оказал впоследствии сильное воздействие на чешский литературный язык [6, с. 369; 10, с. 73].

После этого увидела свет однотомная Библия в двух изданиях (1596 и 1613 гг.) [1, с. 1109, 1110], и во второй раз был издан шестой том Кралицкой Библии (1601 г.) [1, с. 1108].

Таким образом, из типографий Общины вышли три Новых Завета (1564, 1568, 1596 гг.) два первых из Иванчицкой типографии, последним из Кралицкой. В Кралицкой типографии Общины было издано четыре Библии (1579-1594, 1596, 1601, 1613 гг.), считая шести томное издание Кралицкой Библии и второе издание шестого тома.

Последнее издание Библии, не связанное с деятельностью Общины, но относящееся к раннему периоду чешского книгопечатания, вышло в 1613 г. в Праге, оно было издано внуком Иржи Мелантриха Самуэлем Адамом из Велеславина («Чешская Библия» 1613 г.) [1, с. 1106].

В 1611 году Вацлавом Бродецким приходским священником был издан в г. Брно Ветхий и Новый Завет [11, с. 25], а в 1616 г. в типографии Карла из Карлшпергга был издан сборник библейских текстов, составленный приходским священником Яном Марксиусом – "Святая Библия из Ветхого и Нового Завета с перечислением глав" [1, с. 5398].

Таким образом, издания Библии занимали важное место в репертуаре раннего чешского книгопечатания. Всего за этот период, по нашим подсчетам вышло, шестнадцать полных текстов Библий не считая изданий отдельных книг Священного Писания. Такое количество изданий Библии с одной стороны свидетельствовало о высоком культурном развитии в Чешских землях, в частности становлении чешского литературного языка, так как они издавались именно в переводе на чешский язык. А с другой же являлось свидетельством религиозно-политической борьбы в чешском обществе XV – начала XVII в.

Библиографический список

1. Knihopis českých a slovenských tisků od doby nejstarší až do konce XVIII století. Vydala Komise pro knihopisný soupis československých tisků až do konce XVIII. století. Díl. I. Prvotisky. (do r. 1500). Praha, 1925; Díl. II. Tisky z let 1501-1800. Č. I-IX. Praha, 1939-1967 (ссылка на библиографический источник дается на порядковый номер издания).
2. Mašek P. Význam Bartoloměje Netolického pro český knihtisk 16. Století // Příspěvky ke knihopisu, sv. 4. Praha, 1987. 136 s.
3. Pešek J. Jiří Melantrich z Aventýna – Příběh pražského arcitiskaře // Časopis Slovo k historii, č. 32. Praha, 1991. 40 s.
4. Bohatcová M. a kolektiv: Česká kniha v proměnách staletí. Praha, 1990. 622 s.
5. Мельников Г.П. Чешское восстание 1547 г. и Сикст из Оттерсдорфа как его хронист // Сикст из Оттерсдорфа. Хроника событий, свершившихся в Чехии в бурный 1547 год. М., 1989. С. 5-44.
6. Dějiny české literatury. Díl. 1. Starší česká literatura. Praha, 1959. 531 s.
7. Úvod předmluvy Jiřího Melantricha k Bibli z. r. 1570 // Pešek J. Jiří Melantrich z Aventýna – Příběh pražského arcitiskaře // Časopis Slovo k historii, č. 32. Praha, 1991. S. 7.
8. Z předmluvy Jiřího Melantricha k Bibli z. r. 1570 // Pešek J. Jiří Melantrich z Aventýna – Příběh pražského arcitiskaře // Časopis Slovo k historii, č. 32. Praha, 1991. S. 9.
9. Bible česka. V Praze u Jiří Melantricha, 1577.
10. Мыльников А.С. Чешская книга. Очерки истории. М., 1971. 207 с.
11. Dokoupil V. Soupis brněnských tisků. Staré tisky do roku 1800 // Bibliografie města Brna, sv. 3. Brno, 1978. 603 s. + příl.
12. Dokoupil V. Počátky brněnského knihtisku. Prvotisky // Bibliografie města Brna, sv. 1. Bibliografie a prameny k vývoji Moravy. Brno, 1974. 125 s., 32 obr.

УДК 9(410.192.11)«13»/«14»

МЕСТО ЙОРКА В ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЯХ В АНГЛИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV ВЕКА

Т.В. Мосолкина

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: tmosolkina@mail.ru

В статье речь идет об участии английских городов в различных политических конфликтах во второй половине XV века. Основные источники взяты из городских книг города Йорка, который на протяжении средних веков выполнял роль столицы Севера Англии. Документы показывают, что мнение о том, что города старались не вмешиваться в политические распри и держаться в стороне от династической борьбы Ланкастеров и Йорков не совпадает с данными источников.

Ключевые слова: война Алой и Белой Роз, город Йорк, политическая борьба второй половины XV века.

LOCATION OF YORK IN POLITICAL EVENTS IN ENGLAND DURING THE SECOND HALF OF THE 15TH CENTURY

T.V. Mosolkina

The article is about the English cities in various political conflicts during the second half of the XV century. The main sources are from the city of York City books, which during the middle ages served as the capital of the North of England documents reveal that the view that the city tried not to interfere in the political squabbling and steer away from the dynastic strife of Lancaster and York did not coincide with the data sources.

Key words: the war of the Roses, York City, the political struggle in the second half of the XV century.

В истории Англии, да и всей Европы в целом, XV век представляется необычайно важным периодом. Это было время, когда происходили коренные изменения во всех сферах жизни – экономической, социальной, политической. Такие переходные периоды всегда интересно изучать, но связано это со значительными трудностями. Объясняется это тем, что многие явления не существуют в чистом виде, и не всегда ясно, то ли это остатки прежних отношений, подвергшиеся основательной трансформации, то ли новые явления, которые только еще зарождаются. В данном аспекте вторая половина XV в. является особенно интересной, поскольку перечисленные процессы в разных сферах жизни Англии протекали особенно интенсивно.

Для историков Англии вторая половина XV в. – очень интересный период для изучения. Для современников же это было очень трагичное время. Закончившаяся долгая война с Францией принесла одни разочарования, экономика страны испытывала мучительную перестройку, связанную с изменением методов хозяйствования. Это все было связано с внутривнутриполитической нестабильностью, вылившейся в войну за власть между Ланкастерами и Йорками.

Среди исследователей существует мнение, что политические события второй половины XV в. были всего лишь периодом «нестабильной ситуации с наследованием престола» [1; 2; 3, с. 388; 4], а вооруженные столкновения различных группировок знати мало влияли на жизнь простых людей, которые жили «в мирной и процветающей по меркам того времени стране [3, с. 387]. Принято считать, что города предпочитали держаться в стороне от столкновений не только между аристократами, боровшимися за власть, но и между короной и знатью. Но всегда ли им это удавалось?

Попытаемся на документах города Йорка рассмотреть, какую позицию занимали города в происходивших событиях, и действительно ли они держались в стороне от политической борьбы, стараясь откупиться от представителей боровшихся сторон с помощью «займов» и «подарков»?

Пример Йорка является очень показательным, потому что на всем протяжении средних веков он был северной столицей Англии, резиденцией архиепископа и второй после Лондона королевской резиденцией [5-7]. Основные источники взяты из городских книг г. Йорка, в которые городской клерк заносил все документы, которые он считал важными с его точки зрения [8]. Благодаря такому отбору документов мы имеем сведения не только по истории Йорка, но и Англии в целом.

Одним из основных политических событий второй половины XV в. была война Алой и Белой Роз, которой посвящено значительное количество работ прежде всего в зарубежной историографии. Борьба за власть между Ланкастерами и Йорками перешла в военное противостояние в 1455 г., когда в битве при Сент-Олбасе победу одержали Йорки. Ричард Йорк был объявлен парламентом протектором королевства и наследником Генриха VI. Но в сражении при Уэйкфилде в 1460 г. Ричард Йорк погиб, и лидером йоркистов стал его сын Эдуард, который в 1461 г. был коронован как Эдуард IV [9]. Уже с этого времени г. Йорк оказался в гуще событий. В 1460 г. противники Йорков во главе с графом Нортумберлендом выбрали именно этот город местом сбора войск. В ходе сражения, в котором погиб герцог Глостер, город сильно пострадал. А головы погибших и казненных йоркистов, в том числе голова герцога, были вывешены на стенах города [10, с. 203]. После битвы при Таунтоне 29 марта 1461 г. Эдуард IV отправился в Йорк. Город открыл перед ним ворота без сопротивления и принес клятву верности. Эдуард приказал снять с городской стены голову отца и выставить головы казненных ланкастерцев [10, с. 221]. И хотя Эдуард оставался в Йорке три недели и даже праздновал там Пасху, но его отношение к городу было довольно прохладным, что сохранилось и на будущее. Это вполне объяснимо, если учесть, что в сражении при Таунтоне на стороне Эдуарда IV сражались не только отряды лордов, но и ополчения из Лондона, Ковентри, Норгемптона, Ноттингема и Вустера, в то время как горожане Йорка, Беверли, Гулля, Ньюкасла, Экзетера – на стороне Ланкастеров. Хитрее всех поступили власти Норича. Они послали один отряд на помощь Генриху VI, а другой – Эдуарду IV [11, с. 22-24, 27, 40, 42, 47, 59].

Военные действия возобновились в 1470 г., когда на сторону Ланкастеров перешли младший брат Эдуарда IV герцог Кларенс и граф Уорик. Они восстановили на престоле Генрих VI, а Эдуарду IV и другому его брату герцогу Глостеру (будущему Эдуарду III) пришлось бежать в Бургундию. Весной 1471 г. Эдуард IV решил вернуться в Англию и 14 марта высадился в устье р. Хамбер. 18 марта он подошел к г. Йорку, но здесь его ждало разочарование – город отказался впустить Эдуарда вместе с отрядом. Только самому королю и 15-ти его воинам в качестве охраны было разрешено пройти за ворота. Часть горожан кричала здравницы королю Генриху, другая – благородному герцогу Йоркскому. На

следующий день Эдуард IV был вынужден покинуть город [10, с. 257]. Такая встреча не могла прибавить доброго отношения Эдуарда к городу. После смерти наследника Генриха VI в битве при Тьюксбери ланкастерская династия пресеклась, и Эдуард IV Йорк правил до 1483 года.

Период правления Эдуарда IV не был для Йорка мирным временем. Исполняя роль северной столицы королевства Йорк постоянно оказывался втянут не только во внутривластные, но и внешнеполитические события и, прежде всего, в борьбу с Шотландией. Еще в 1463 и 1464 гг. в Йорке происходили встречи представителей Англии и Шотландии, связанные с подписанием договоров между двумя государствами. Так, в декабре 1463 г. именно в Йорке было подписано перемирие между Англией и Шотландией сроком на один год. Весной 1464 г. в Йорк прибыли представители Эдуарда IV для проведения мирных переговоров и заключения мира на 15 лет [10, с. 233-235].

К концу правления Эдуарда IV отношения с Шотландией вновь обострились. 13 октября 1480 г. граф Нортумберленд направил письмо мэру г. Йорка, в котором сообщал о вторжении шотландцев в Нортумберленд. И ссылаясь на распоряжение короля, предложил направить людей ему на помощь [8, I, с. 36]. 19 октября король в своем письме поблагодарил йоркцев за помощь, оказанную в борьбе с шотландцами [8, I, с. 36]. В феврале 1480/81 г. король вновь направил письмо мэру и совету города с благодарностью за присланных солдат [8, I, с. 38].

В 1482 г. Эдуард IV поддержал притязания на трон брата шотландского короля герцога Олбани. За оказанную поддержку герцог Олбани обещал передать Англии Бервик. Во главе английской армии был поставлен герцог Глостер, который сделал г. Йорк местом сбора войск [10, с. 282]. В середине июля 1482 г. именно из Йорка Ричард двинулся к шотландской границе. В августе Глостер и Олбани вошли в Эдинбург и заключили мир. Это очень повысило престиж герцога Йоркского.

Во время борьбы претендентов на трон и в ходе войны с Шотландией английским городам приходилось тратить значительные суммы денег на так называемые «займы» и «подарки» как Ланкастерам, так и Йоркам. Например, 31 декабря 1476 г. мэр и совет г. Йорка обсуждали вопрос о «подарке» герцогу Глостеру [8, I, с. 15]. 12 марта 1480/81 г. и 6 марта 1482/83 г. городской клерк опять сделал подобные записи в городской книге [12, I, 15, 70]. В марте 1481 г. в инструкции короля герцогу Глостеру и графу Нортумберленду в связи с шотландской экспедицией указывалось, что г. Йорк наряду с Даремом и Ньюкаслем должны предоставить английской армии продовольствие и снаряжение, за которые нужно будет заплатить [8, I, с. 41]. Правда, срок оплаты не был указан.

После смерти Эдуарда IV именно в Йорке Ричард Глостер привел местную знать к присяге сыну умершего короля Эдуарду V. И именно к Йорку он обратился за помощью в борьбе против королевы. 15 июня 1483 г. Ричард Рэтклифф передал Мэру Джону Ньютону письмо от «милорда Глостера». В нем герцог Йоркский писал: «Если вы любите нас, то...мы сердечно просим вас прибыть в Лондон со всем возможным усердием как можно скорее после получения этого письма с как можно большим отрядом, чтобы помочь и поддержать нас против королевы, ее кровавых (blode) приверженцев и родственников, которые намеревались и ежедневно намереваются убить и полностью истребить нас и нашего кузена герцога Бэкингема и древнюю королевскую кровь этого королевства...» [8, I, с. 73].

После провозглашения Ричарда Глостера королем, именно в Йорке он праздновал свою коронацию и возведение сына Эдуарда в принцы Уэльские [8, I, с. 82]. В начале осени 1483 г. на юге Англии начались мятежи против Ричарда III. И вновь Ричард обращается с письмом к йоркцам. В городской книге под датой 13 октября 1483 г. помещено письмо с просьбой о помощи против герцога Бэкингема [8, I, с. 83]. И как известно, отряд из Йорка помогал подавлять выступление против короля [12, с. 109].

В конце XV в. г. Йорк еще не раз оказывался втянут в политические конфликты. Весной 1486 г. против нового короля Генриха VII было поднято восстание под руководством виконта Ловела, а также Хамфри и Томаса Стаффордов. Сэр Хамфри Стаффорд, чтобы набрать войска, распустил слух, что король помиловал его после битвы на Босуортском поле, и даже предъявил фальшивую королевскую грамоту. Когда начали распространяться указанные слухи, Генрих VII находился с визитом в Йорке. Правда, до серьезного сражения дело не дошло, поскольку король обещал помилование тем, кто перейдет на его сторону [10, с. 312].

Во время мятежа Ламберта Симнела Йорк вновь оказался в гуще событий. Городской клерк Йорка подробно описал то, что произошло в начале лета 1487 года. В начале июня Ламберт Симнел, которого граф Линкольн (племянник Ричарда III) выдавал за сына герцога Кларенса Эдуарда высадился в Англии с небольшим отрядом. Слухи об этом основывались на рассказе Джеймса Тейта, который встретил по пути в Донкастер семерых людей верхом на лошадях с предводителем на белой лошади, которую он опознал как принадлежащую графу Линкольну. От этих людей он узнал, что назревают беспорядки. Мэр Йорка Уильям Тодд немедленно информировал короля и графа Нортумберленда. Йорк был не в состоянии самостоятельно защищаться, поскольку замок был разоружен, а стены города полуразрушены. 8 июня граф Нортумберленд сообщил, что мятежники высадились в Фернесе (графство Ланкашир). Мэр и совет Йорка в тот же день в полном составе собрались в Гилдхолле и решили,

«что они будут защищать этот город своими телами и имуществом с максимальными усилиями» [8, II, с. 6]. В этот же день отряд Ламберта Симнела достиг Машема (графство Йоркшир), и оттуда Симнел под именем короля направил письмо мэру Йорка, спрашивая разрешения войти в город, чтобы отдохнуть, поскольку он «сильно устал и измучен» [13, I, с. 50]. Кроме того, граф Линкольн рассчитывал получить продовольствие, обещая заплатить за него. Мэр отправил ответ, в котором заявил, что народ Йорка не допустит мятежников в город. В субботу 9 июня посланные с ответом вернулись с благоприятным известием о том, что никаких действий против Йорка мятежники предпринимать не будут. На следующий день в воскресенье граф Нортумберленд и лорд Клиффорд со своими отрядами вошли в Йорк и оставались там до вторника, когда в 11 часов утра покинули город. Немедленно после этого начался штурм Бутамских ворот (Bootham Bar). Горожане мужественно сопротивлялись, и штурм не удался. Граф Нортумберленд, который недалеко отошел от города, узнав о штурме, тотчас вернулся в город и оставался там до четверга. В субботу мятежники были разбиты возле Ньюарка, и угроза городу была снята [8, II, с. 6].

30 июля 1487 г. король VII нанес второй визит в Йорк. Поскольку город продемонстрировал свою лояльность королю, то Генрих выразил признательность горожанам за поддержку. Хотя зная о многолетней приверженности Йорка своим противникам, вряд ли король был твердо уверен в лояльности йоркцев.

Таким образом, мнение о том, что политическая борьба второй половины XV в. мало сказывалась на жизни английских городов, которые предпочитали откупаться от враждовавших партий, плохо согласовывается с данными источников. Они показывают, что города постоянно оказывались втянутыми в конфликты, мало связанные с нуждами самих городов. Города несли материальные потери не только из-за вымогательства денег, но и в результате разрушений городских сооружений, а также препятствий для занятия ремеслом и торговлей.

Библиографический список

1. Gillingham J. The Wars of the Roses: Peace and conflict in Fifteenth-century England. Baton-Rouge, 1981.
2. Goodman A. The Wars of Roses: Military activity and English society (1452-1497). L., 1981.
3. Lander J.R. Government and community: England 1450-1509. L., 1980.
4. Pollard A.J. The Wars of the Roses. N.Y., 1988.
5. Nicolas D. The later medieval city, 1300-1500. L., 1997.
6. Raine J. York. L., 1893.
7. Swanson H. Medieval British Towns. N.Y., 1999.
8. York Civic Records/ Ed. By Angelo Raine. Wakefield, 1939-1978. V. I-IX.
9. Lander J.R. Wars of Roses. Sutton Publishing. 2007.
10. Устинов В.Г. Войны Роз. Йорки против Ланкастеров. М., 2012.

11. Winston J.E. English Towns in the Wars of Roses. Princeton, 1921.
12. Праздников А.Г. Участие английских горожан в народных движениях периода Войн Роз // Город в Античности и Средневековье: общеевропейский контекст. Доклады межд. науч. конф., посвященной 100-летию г. Ярославля. Ярославль, 2010.
13. The Reign of Henry VII from Contemporary Sources/ Ed. By F. Pollard. L., 1913. V. I.
14. Platt C. The English Medieval Towns. L., 1981.

УДК 94

СИРИЙСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА США ПРИ РОНАЛЬДЕ РЕЙГАНЕ И ДЖОРДЖЕ БУШЕ-СТАРШЕМ

В.А. Музалевская

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: victoriamuzalevskaya@yandex.ru

Статья посвящена анализу особенностей сирийской внешней политики США в период правления Рональда Рейгана и Джорджа Буша-старшего. Нами даются предпосылки современной внешней политики США по отношению к Сирии, начавшие формироваться со становления Сирии, как независимого государства, и закрепившиеся в рассматриваемый нами период. Первоначальная политика США «доброжелательного нейтралитета» сменилась политикой умиротворения, сопровождавшейся постепенным ужесточением курса. Сирийская политика США на данном этапе строилась вокруг арабо-израильского мирного процесса. Несмотря на свою мягкость, по сравнению с последующими периодами, она была политикой «кнута и пряника» в лучших традициях американской реалполитик.

Ключевые слова: сирийская внешняя политика США, Сирия, Рональд Рейган, Джордж Буш-старший, арабо-израильский процесс мирного урегулирования, политика умиротворения, реалполитик.

U.S. SYRIAN FOREIGN POLICY UNDER RONALD REAGAN AND GEORGE BUSH SR

V.A. Muzalevskaya

This article is devoted to analysis of characteristics of U.S. Syrian foreign policy under rule of Ronald Reagan and George Bush Sr. We give a background of modern U.S. Syrian foreign policy, which go back to the period when Syria became an independent state, and which consolidated at the period under our review. Initial U.S. foreign policy of “well-wishing neutrality” changed into policy of appeasement, accompanied by toughening the policy. U.S. Syrian policy at this period was built around Arab-Israeli peace process. In spite of its lenity in comparison with the following periods, it was a “stick and carrot policy” in the best traditions of American realpolitik.

Key words: U.S. Syrian foreign policy, Syria, Ronald Reagan, George Bush Sr., Arab-Israeli peace process, policy of appeasement, realpolitik.

Сегодня уже четвертый год, как идёт гражданская война в Сирии. Все эти годы Сирия находится под пристальным вниманием мирового сообщества, и одним из самых активных акторов в сирийском конфликте являются Соединённые Штаты Америки. Но Сирия появилась на внешнеполитическом горизонте США не сегодня. История их отношений насчитывает десятилетия, с самого момента образования независимой Сирии в 1944 г. За это время сирийская внешняя политика США прошла ряд периодов. Период сирийской внешней политики США при Рональде Рейгане и Джордже Буше-старшем интересен нам, как период активизации внешней политики США по отношению к Сирии, начала формирования их сирийской внешнеполитической стратегии и знаменателен тем, что в некоторой степени эта стратегия циклично повторялась в последующие годы. В данной статье мы рассмотрим период сирийской внешней политики США при Рональде Рейгане и Джордже Буше-старшем и определим его основные характерные черты.

Сирия получила независимость от Франции в 1944-м году. США поддерживали стремление Сирии к независимости и сразу признали её в статусе нового независимого государства. Достаточно хорошие отношения с Сирией сохранялись до начала 50-х гг., когда к власти в Сирии пришёл лидер сирийской коммунистической партии Кхалид Бакдаш, после чего Сирия стала находится в зоне влияния СССР. До начала арабо-израильского конфликта 1967 г. сирийская политика США определялась стратегическими соображениями в контексте Холодной войны. Арабо-израильский конфликт стал второй составляющей сирийской внешней политики США [1].

Ситуация обострилась в 1975 г., с началом гражданской войны в Ливане. 31 мая 1976 г. Сирия ввела свои войска в Ливан. В 1978 г. израильские войска вошли в Ливан на 3 месяца. К 1982 г. США рассматривали Сирию, как главную помеху в решении кризиса в Ливане. Также в 1982 г. Израиль второй раз ввёл свои войска в Ливан в ходе операции «Мир Галилее». Встал вопрос о выводе войск Сирии из Ливана взамен на вывод войск Израйля. В 1983 г. Сирия и Израиль заключили соглашение «О выводе войск из Ливана», согласно которому вывод израильских войск был фазовым, сирийских и палестинских войск был условным. В связи с чем, США вмешались в ситуацию и пытались уговорить Израиль не выводить войска до тех пор, пока их не выведет Сирия. Однако 4 сентября Израиль вывел свои войска из Ливана. Позиции Сирии в Ливане укрепились. Далее 17 сентября последовали атаки сирийских позиций военным корпусом США и французскими самолётами в Бейруте, атаковавшими сирийскую армию. Атаки террористов-

смертников на служащих США и Франции в октябре 1983 г., в результате которых погибли 241 американец и 58 французов, а также потеря США двух самолётов, сбитых в декабре 1983 г., вынудили США вывести свои войска из Ливана. В итоге, вина за вывод войск США, по их мнению, лежала на Сирии, и Сирия провозглашалась террористическим государством. В ежегодном докладе Госдепартамента США 1985 г. «Формы глобального терроризма» о Сирии говорилось, как о весьма активном спонсоре терроризма, главным образом, через посредников. А за год до этого в таком же докладе Сирия обвинялась в том, что она использует терроризм для нанесения ущерба тем государствам, чья политика является враждебной интересам Сирии [1].

Сирия становится для США немаловажным государством Ближнего Востока, как минимум тем государством, которое мешает осуществлению внешней политики США и их союзников в регионе, установлению мира между Израилем и Палестиной и в регионе в целом.

В этой связи нам интересны комментарии и рекомендации для сирийской внешнеполитической стратегии США, приведённые в 1985 г. представителем правящей республиканской партии Джефффри Филипсом в его статье «Стратегия США в отношении Сирии» [2]. По его мнению, Сирия стала государством-спойлером (spoiler – амер. помеха, третий лишний) на Ближнем Востоке. Помешав ряду мирных инициатив Израиля и США, Сирия пытается подорвать хрупкий мир короля Хуссейна и способствует распространению хладнокровного терроризма. Асад хорошо вооружён против внешних угроз, поэтому рычаги давления на Сирию – это её внутренние проблемы, религиозное напряжение, отсутствие институционального механизма для политической преемственности и слабость экономики. Раньше США мало уделяли внимания Сирии, общаясь с ней через посредников, полагаясь на Саудовскую Аравию и не получали ожидаемого результата. Впредь США не должны повторять эту ошибку, а общаться с Асадом напрямую. Также, по мнению, Дж. Филлипса целью США должно быть формирование нового правительства в Сирии. Для этого необходимо установить контакт с лидерами сирийской оппозиции и сирийскими военными, особенно с теми, кто стремится прийти на смену Асаду. До тех пор, пока Асад у власти, существует малая вероятность того, что США предложат Дамаску изменить поведение Сирии. От не принёсших пользу «пряников» США должны вернуться к тактике «кнута» в отношении Сирии. Вашингтон должен следовать примеру Асада и полагаться на не прямые рычаги давления, используя в качестве них друзей в регионе [2]. Также, чтобы обезопасить себя от террористов в Ливане, США следует напоминать Асаду о фундаменталистах оппозиции Сирии, которые доставляют ему массу беспокойства. Так, можно было бы заявить, что США будут направлять финансовые средства данной оппозиции каждый раз, когда в Ливане будут

совершаться теракты с территории Сирии и или её подконтрольных территорий в Ливане. Сирийская трещащая по швам экономика и уменьшающаяся финансовая помощь ставят долгосрочную угрозу росту её военной мощи, тогда как перспектива борьбы за наследство угрожает цели гегемонии Сирии в Большой Сирии. Вашингтону следует использовать преимущества этих трендов для того, чтобы оказывать давление на Асада, чтобы он закончил поддерживать терроризм, а также объединить усилия с его соседями, чтобы уменьшить угрозу, которую он им представляет [2]. Как мы видим из данной статьи, в 1985 г. происходит активизация политики США вокруг Сирии, ищутся и предлагаются новые стратегии, которые содержат план действий, тактику, ключевые вопросы, которые составляют основу внешнеполитической стратегии США сегодня, сохраняя свою актуальность: использование внутренней нестабильности, связь и спонсирование оппозиции, формирование нового правительства. Также мы наблюдаем переход к фазе более жёсткой сирийской внешней политики США, от «пряника» к «кнуту».

Такую тенденцию подтверждают принятые в 1986 г. санкции в ответ на теракты в Лондоне, к которым, по мнению США, Сирия имела отношение. Администрация Рейгана отозвала своего посла из Дамаска, а Министерство торговли США распространило ограничения на экспорт любых товаров, которые бы могли быть использованы в целях национальной безопасности [1]. Однако, по мнению экспертов, это были слабые меры, несмотря на то, что США хотели убедить сирийское правительство в том, что государственная поддержка терроризма не будет разрешена. Также Белый Дом не хотел применять более кардинальные меры, такие как сворачивание всех дипломатических связей. Уже в 1987 г. посол США возвращается в Сирию. В целом, проводится мягкая политика, политика умиротворения Сирии, главным образом, в надежде освобождения пленников США в Ливане.

К 1990 г. США и Сирия имели сдержанные, амбивалентные и взаимовыгодные отношения. США, несмотря на все противоречия, признавали, что Сирия является для них важным государством в регионе. Со стратегической точки зрения США Сирия была необходима для заключения любых мирных договорённостей на Ближнем Востоке. И с затуханием Холодной войны, урегулирование арабо-израильского конфликта становится превалирующим интересом США в регионе и Сирия, соответственно, одним из главных участников мирного процесса [1].

Когда Хуссейн вторгся в Кувейт в 1990-м году, США прибегли к помощи его заклятых врагов – Сирии и Ирана. Это способствовало улучшению отношений США с этими государствами. Сирия была интересна США в данной ситуации сразу с нескольких сторон. Во-первых, для того, чтобы закрыть Ираку доступ к нефтепроводу, который проходит

через Сирию. Во-вторых, Сирия могла бы сыграть ключевую роль в противостоянии стратегии Саддама Хуссейна, позиционирования себя как лидера арабского мира. И в-третьих, сирийская армия была самым сильным противовесом иракским военным силам среди арабских государств [3]. Несмотря на то, что США продолжали рассматривать Сирию в качестве государства-спонсора терроризма, они отодвинули этот вопрос на второй план. Всё, что им было нужно, это военная поддержка Сирии антииракской коалиции [3].

По мнению израильского профессора Мейра Замира, Госдепартамент США согласился на присутствие Сирии в Ливане, руководствуясь соображениями реалполитики, в обмен на пленных американцев в Бейруте, окончание 15-ти летней гражданской войны в Ливане и сотрудничество Сирии против Ирака. У Сирии было 2 пути развития: стать новым прогрессивным государством, умерив свои амбиции регионального гегемона, среди других умеренных государств Ближнего Востока или стать центром нового радикального арабского лагеря. Сирийская политика США должна руководствоваться долгосрочными целями, а не сиюминутными выгодами. Только продолжительное давление на Асада может заставить его проводить сдержанную политику. К тому же, эйфория от поддержки Сирии антииракской коалиции быстро прошла, и Госдепартамент взял более осторожный курс по отношению к Сирии особенно после сильной критики Сирии в конгрессе и медиа [4]. Как мы видим, участие Сирии в операции на время улучшило её позиции перед США. США проводили политику кооперирования, но, тем не менее, это не изменило значительно курса сирийской внешней политики и его тенденции к сдерживанию Асада, оказанию давления на Сирию.

Однако, это был лишь эпизод. Главным для США в этот период являлось мирное урегулирование арабо-израильского конфликта. 30 октября 1991 г. состоялась Мадридская мирная конференция по ближневосточному урегулированию с участием Сирии. Причём, за месяц до этого, в сентябре США частично сняли ограничения в экспорте. А в 1993 г. были подписаны соглашения между Израилем и Палестиной в Осло [1]. Консерватор Филлипс в 1992 г. в своей другой статье пишет о том, что Сирия продолжает оставаться дипломатическим спойлером на Ближнем Востоке [5]. Таким образом, мы наблюдаем, что, несмотря на призывы перехода к «кнуту», США продолжали политику «кнута» и «пряника», которая несколько не выбивалась из её стратегии реалполитики. США по-прежнему продолжали обвинять Сирию в спонсорстве терроризма и даже в обладании ОМП [1].

В политических и научных кругах участие Сирии в ближневосточных делах США вызвало массу дебатов, и мнения разделились на «за» и «против». Одни подчёркивали бескомпромиссность и максимализм такой политики США, другие видели в Сирии стратегическое значение её

участия в мирном процессе, как для успеха этого процесса, так и для продолжительного порядка и стабильности в регионе [6]. Это прекрасно иллюстрирует то, как выборочная политика США породила неоднозначное восприятие Сирии.

Таким образом, сирийская внешняя политика США при Рейгане заключалась в позиционировании Сирии, как спойлера в регионе. Стратегия действия США – спонсирование оппозиции, использование внутренней нестабильности и экономических проблем Сирии, и, несмотря на некоторые санкции против Сирии и обвинения в пособничестве терроризму, это была мягкая политика, политика умиротворения Сирии.

Внешняя политика США при Джордже Буше-старшем по-прежнему считала Сирию спойлером, однако в этот период существовали разные варианты сирийской внешнеполитической стратегии США. Также наблюдалось улучшение отношения к Сирии, привлечение её к ближневосточному урегулированию: антииракской коалиции и арабо-израильскому мирному процессу, – а также частичная отмена санкций. В целом, несмотря на преобладание реалполитики в стратегии США в отношении Сирии наблюдалось продолжение мягкой политики умиротворения Сирии.

В целом для периода правления Рейгана и Буша характерно вовлечённость США в процесс мирного урегулирования арабо-израильского конфликта, и сирийская политика США строилась, главным образом, исходя из интересов США вокруг этого процесса. Мы видим на первых этапах сирийской внешней политики США – политику умиротворения Сирии, но всё это лишь уступки и «пряник» по сравнению с более глобальной стратегией США по отношению к Сирии и в регионе в духе реалполитики.

Библиографический список

1. Fields J. Adversaries and statecraft: explaining U.S. foreign policy toward rogue states // USC Libraries. URL: <http://digitallibrary.usc.edu/cdm/compoundobject/collection/p15799coll127/id/490523/rec/1> (дата обращения: 31.03.2015).
2. Phillips J. A U.S. Strategy for Dealing with Syria // The Heritage Foundation. URL: <http://www.heritage.org/research/reports/1985/12/a-us-strategy-for-dealing-with-syria?ac=1> (дата обращения: 31.03.2015).
3. Tran M. US seeks help of Syria and Iran // UW Libraries. URL: <https://www-lib.uwyo.edu/services/libproxy/index.cfm?url=http://search.proquest.com/docview/187137122?pq-origsite=summon> (дата обращения: 31.03.2015).
4. Meir Z. Unrealistic Realpolitik Toward Syria // UW Libraries. URL: <https://www-lib.uwyo.edu/services/libproxy/index.cfm?url=http://search.proquest.com/docview/398257853?pq-origsite=summon> (дата обращения: 31.03.2015).
5. Phillips J. Rethinking U.S. Policy in the Middle East // The Heritage Foundation. URL: <http://www.heritage.org/research/reports/1992/04/bg891-rethinking-us-policy-in-the-middle-east?ac=1> (дата обращения: 31.03.2015).
6. Muslih M. The Syrian Position // JSTOR. URL: <http://www.jstor.org/stable/2537528> (дата обращения: 31.03.2015).

СРЕДИЗЕМНОМОРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ РУССКОГО ФЛОТА 1769-1774 ГГ.: ЭФФЕКТ «СКРЫТОЙ» СТРАТЕГИИ

Л.Р. Сабитова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: Sabitovaliliya90@mail.ru

В статье освещаются действия русского флота на Средиземном море (1769-1774) и реакция на них европейских держав.

Ключевые слова: Россия, Османская империя, Ближний Восток, Средиземное море, флот, европейские державы.

THE MEDITERRANEAN EXPEDITION OF THE RUSSIAN FLEET IN 1769-1774: THE EFFECT OF A «LATENT» STRATEGY

L.R. Sabitova

The article highlights the actions of the Russian fleet in the Mediterranean (1769-1774) and the international reaction.

Key words: Russia, the Ottoman Empire, the Middle East, the Mediterranean, fleet, the European states.

Поглотив в середине XVI столетия, подчинённые Стамбулу и пограничные для себя территории Казанского и Астраханского ханств, Россия, на пути к имперскому статусу, начала на рубеже XVII и XVIII веков череду войн с самой Османской Портой. Уже с середины XVIII века влиятельные европейские государства, которые поощряли ранее подобную направленность её внешней политики (Польша, Священная Римская империя, Венеция, Англия), начали расценивать активность Санкт-Петербурга, направленную на уничтожение Османской империи, в качестве угрозы существующему миропорядку. Рассуждения европейских политиков о «русской опасности» особенно громко зазвучали в ходе Средиземноморской экспедиции русского флота, состоявшейся в период очередной, победоносной для России, войны с Турцией (1768-1774). Её значение до сих пор оценивается по-разному. В советской историографии она рассматривалась как катализатор освободительного, антитурецкого движения на Балканах. В современной отечественной историографии наметилась тенденция оценивать планы Екатерины II на «южном векторе» имперской внешней политики с использованием более значительного пространственного термина: «русское Средиземноморье». Зарубежные исследователи называют рискованное предприятие русского флота – ещё

не Черноморского – одним из наиболее неожиданных и значительных военно-политических событий всего столетия.

Отправка в 1769-1774 гг. пяти русских балтийских эскадр в акваторию Восточного Средиземноморья, под общим командованием графа А.Г. Орлова, преследовала две задачи. Первая из них – организация и поддержка восстания православных народов Балкан против турок. Еще в 1762-1767 гг. русские эмиссары были отправлены сюда с целью разведки настроений местной элиты, их стремления к освобождению и принятия покровительства России [1, с. 42]. Второй задачей флота стало нанесение внезапного удара в тыл Османской империи, воюющей с Россией.

Для Турции появление русских кораблей на Средиземном море стало неожиданностью, а также реальной угрозой, которая могла быстро изменить весь ход войны. Для Стамбула было совершенно ясно, что русские корабли, покинув Балтику, не могли достичь Средиземного моря без активной помощи европейских государств, в частности, Англии. Действительно, в экипажи русских судов были включены английские офицеры, сами корабли сразу же получили возможность стоянки и ремонта в английских портах. Позже, перед входом в Средиземное море, русские корабли запаслись провизией и оружием в британском Гибралтаре. Узнав об экспедиции, турецкие власти обратились к британскому послу в Стамбуле с просьбой использовать всё свое влияние на Россию на предмет отвода её кораблей от южных границ Османской Порты.

У Англии были свои причины дипломатически лавировать между Турцией и Россией. С одной стороны, после блестящих побед русского оружия в Семилетней войне (1756-1763), она искала повод оказать России какие-либо «добрые услуги». Вслед за этим, согласно английским планам, должно было последовать заключение военного союза с этой мощной континентальной державой, с целью использовать её войска в колониальных войнах в Америке и Индии. С другой стороны, Англия желала ослабления влияния своей традиционной соперницы – Франции – в Леванте. Начавшаяся русско-турецкая война была хорошим предлогом продемонстрировать дружественные намерения по отношению к России и пошатнуть позиции французов в регионе Восточного Средиземноморья. Таким образом, преследуя собственные интересы, Англия оказала существенную помощь русской военно-морской экспедиции.

В ответ на претензии Турции, британский посол Джон Мюррей заявил о нейтралитете своей страны. Подтверждением невмешательства Лондона в развитие текущих событий, по его словам, стало то обстоятельство, что с момента прояснения истинных, агрессивных планов русской императрицы в отношении Стамбула ни один английский подданный не предлагал более своих услуг русскому флоту. Однако этих аргументов было, конечно, турецкой стороне недостаточно, чтобы убедиться в непричастности Англии к происходящим событиям. Сложившейся напряжённой ситуацией

немедленно воспользовалась Франция. Её посол в Стамбуле Сен-При, напротив, информировал турецкое правительство о передвижении вражеских военных судов и представлял турецкой стороне преувеличенные данные о помощи русским со стороны англичан, что, по его мнению, объяснялось установившимися тесными связями двух государств. Манипулируя антибританскими настроениями, сложившимися в Стамбуле, Сен-При умело лишал коллегу возможности оправдать действия своего правительства. При этом, французским дипломатом использовалась даже неосведомлённость турецкой стороны в области европейской географии. Так, явно следуя его советам, реис-эффенди (глава внешнеполитического ведомства Порты) задал Мюррею наивный вопрос, почему англичане пропустили русских через Ла-Манш. Простодушный турок, судя по всему, даже не подозревал, что Канал не является владением Англии, подобно тому, как черноморские Проливы были владением Порты [2, с. 45].

Стремясь не допустить русских в Восточное Средиземноморье, Сен-При, в качестве ответной меры, предложил создать франко-турецкий военный альянс. Однако Англия решительно воспротивилась идее усиления французского флота в этом, стратегически важном для себя, регионе. К спору Англии и Франции вскоре подключились Австрия и Пруссия, крайне встревоженные внезапным усилением России на южном направлении. Эти державы предложили услуги посредников в урегулировании русско-турецкого конфликта. Таким образом, появление русских кораблей в Средиземном море быстро вышло за рамки англо-русско-турецкого противостояния и стало предметом интереса ведущих европейских держав.

Между тем, события развивались по незапланированному сценарию. «Балканская» часть плана успехом не увенчалась. Русские десанты высадились в Греции, где в начале 1770 г. вспыхнуло восстание. Однако вскоре, захваченные русскими войсками крепости в Морее, были отбиты превосходящими силами турецкой армии. После неудачи на суше, эпицентр борьбы переместился на море. После нескольких стычек, 5-7 июля 1770 г., турецкий флот был уничтожен в Чесменском сражении у берегов Малой Азии. Это событие стало переломным моментом в войне: теперь русский флот мог угрожать турецкой столице непосредственно. Впрочем, командование решило ограничиться блокадой Дарданелл, в надежде, что такие действия могли вызвать перебои с продовольствием в Стамбуле и заставить турок пойти на мирные переговоры. Более важной задачей для графа Орлова был поиск долгосрочной военно-морской базы в непосредственной близости от Проливов. С этой целью русская эскадра вела долгую и безуспешную осаду Лемноса, после чего было принято решение устроить базу на острове Парос. На соседних островах были устроены долговременные провиантские магазины. В итоге, 27 островов

Эгейского Архипелага приняли русское подданство и стали неофициально называться «великим княжеством Архипелагским» [3, р. 6-13]. Стоит отметить, что подобные успехи русского флота стали особенно неожиданным и неприятным сюрпризом для европейских государств, включая фактическую союзницу – Англию. Уже в 1771 г. она отказалась помогать русским морякам в Средиземном море и выразила протест по поводу желания России устроить военно-морскую базу на одном из островов Архипелага [2, с. 52]. Созданную там русскую базу европейские газеты сразу же называли «новым Кронштадтом» [3, р. 13].

На протяжении последующих двух лет (1772-1774) русский флот продолжал безуспешные попытки захвата отдельных частей континентальной Греции. В этом противостоянии Турции, желавшей силами эскадр своих провинций выдворить опасного противника из Эгейского моря, был дан решительный отпор в Патрасском сражении (1772). Более того, русские корабли успешно действовали у египетской Александрии, а также планировали уничтожить остатки турецкого флота – тунисскую эскадру. Её корабли были спасены подписанным перемирием. Впрочем, военные действия быстро возобновились. В 1773 г. наиболее удачной операцией для русских кораблей стала осада сирийского Бейрута, где морской десант соединил свои действия с отрядами местного шейха, поднявшего мятеж против турок [4].

В целом, боевые наступательные действия, развернувшиеся с участием военно-морских сил России в Восточном Средиземноморье и на территории Ближнего Востока, стали тревожным эпизодом, как для Османской Порты, так и для Европы, пристально следившей за судьбой слабеющей мусульманской империи. В то время, когда европейцы стремились к укреплению своего политического и экономического влияния в Стамбуле, Россия сделала ставку на прямой захват территорий турецких провинций. Причем, если стремление Петербурга освободить православных братьев-христиан на Балканах можно было оправдать, то поддержка русским командованием отношений с восставшими правителями ближневосточных провинций (Египта и Сирии), а также захват Крыма – исконно мусульманских территорий - не могли не дать повода предполагать наличия у России масштабных завоевательных планов в отношении южного соседа. Впрочем, на тот момент, Россия ограничилась лишь внушительной демонстрацией сил на Средиземном море. 10 июля 1774 г. состоялось подписание Кючук-Кайнарджийского мирного договора. Согласно его статьям, Российская империя возвращала Блистательной Порте все острова Архипелага. Российский военно-морской флот должен был в течение трех месяцев покинуть воды Эгейского моря, а Турция обязалась снабдить его всем необходимым для возвращения на Балтику [5, с. 86-87].

Экспедиция графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского (1737-1807), наделённая собственными, весьма смелыми планами, безусловно, являлась фрагментом – хотя и важным – «большой стратегии» России в её войне с Турцией. Успешные действия русского флота в Эгейском море и в регионе Восточного Средиземноморья стали первым грозным предостережением не только для Османской империи, но и для европейских стран, отметивших для себя возросшее военно-морское могущество недавнего и подчинённого союзника. Можно утверждать, что Средиземноморская (Архипелагская) экспедиция русского флота (1769-1774) стала «точкой отсчета» в развитии пресловутого «Восточного вопроса», под влиянием которого развивались межгосударственные отношения европейских держав, России и Турции в рамках XIX столетия.

Библиографический список

1. Смилянская И.М. «Приуготовления к русско-турецкой войне 1768-1774 гг: российские эмиссары в Греции и на Балканах» // Восточный архив. 2009. №2 (20). С. 40-51.
2. Anderson M.S. Great Britain and the Russo-Turkish War of 1768-74 // The English Historical Review. 1954. Vol. 69. No. 270. P. 39-58.
3. Smilyanskaya E. Russian Warriors in the Land of Miltiades and Themistocles: the Colonial Ambitions of Catherine the Great in the Mediterranean. National Research University "Higher School of Economics", 2014.
4. Гребенщикова Г.Л. Российские военно-морские силы в Эгейском море в 1770-1774 гг. // Вопросы истории. 2007. №2. URL: <http://www.wap.kortic.borda.ru/> (дата обращения: 21.11.2014).
5. Кючук-Кайнарджийский мирный договор между Россией и Турцией // Под стягом России: Сборник архивных документов. М., Русская книга, 1992. С. 78-92.
6. Хмелевский С.П. Журнал Хмелевского о военных действиях русского флота в Архипелаге и у берегов Малой Азии в 1770-1774 годах // Литературный журнал Современник. 1855. Т. 49. №1. С. 52-53.

УДК [94(479.24)+94(55)]:327

ВЛИЯНИЕ КАСПИЙСКОЙ СТРАТЕГИИ США НА ИРАНО-АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1990-Е ГОДЫ

И.Е. Сидоров

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: isidorov1991@gmail.com

Статья посвящена изучению влияния политики США в регионе Каспийского моря на ирано-азербайджанские отношения в 1990-е годы. Акцент сделан на энергетических и геополитических аспектах проблемы.

Ключевые слова: Азербайджан, Иран, США, Контракт века, стратегия «двойного сдерживания», Акт санкций против Ливии и Ирана, стратегия Большого Каспия.

THE INFLUENCE OF THE U.S. CASPIAN STRATEGY ON IRAN-AZERBAIJAN RELATIONS IN 1990S

I.Y. Sidorov

The article is devoted to study of the U.S. Caspian Strategy influence on the relations between Iran and Azerbaijan in 1990s. The emphasis is made on economic and geopolitical issues.

Key words: Azerbaijan, Iran, USA, Contract of the century, double containment strategy, Iran-Libya sanctions act, Strategy of Greater Caspian region.

Во второй половине 1993 г. – в первой половине 1994 г. ирано-азербайджанские отношения, испорченные за год авантюрного правления Абульфазы Эльчибея и Народного Фронта Азербайджана (НФА), начали стабилизироваться. К власти в Азербайджане пришел Гейдар Алиев, сильный и рациональный правитель, от которого в Иране ожидали дружеской и даже союзнической политики, что было особенно важно, так как в указанный период Иран находился в международной изоляции. Сложное международное положение препятствовало экономическому развитию и реализации крупных энергетических проектов [1, 2], поэтому прочные и взаимовыгодные отношения с Азербайджаном, который в данный момент только начал оправляться после карабахского конфликта, являлись важным условием прорыва изоляции для Тегерана.

Алиев, в свою очередь, ясно понимал, что важнейшим условием выхода Азербайджана из внутривнутриполитического и внешнеполитического кризиса является развитие нефтегазового комплекса страны, благо в силу природных и географических условий для данного плана имелись все основания. При этом для успешной реализации энергетической стратегии Азербайджану было необходимо, во-первых, привлечь на Каспий крупные нефтяными корпорациями, которые обеспечили бы добычу ресурсов, и, во-вторых, выбрать с кем из соседних государств вступить в тесные отношения для обеспечения стабильного экспорта углеводородов.

Если первая задача была не столь сложной, так как мировые нефтяные гиганты еще до распада СССР стали проявлять к Азербайджану большой интерес [3], то для выполнения задачи под номером два следовало определиться с общим внешнеполитическим курсом государства. Существовало три основных варианта, каждый из которых предполагал определенную внешнеполитическую ориентацию: северный или российский, трубопровод Баку – Новороссийск, западный или американский, трубопроводы Баку – Супса и Баку – Тбилиси – Джейхан и

южный или иранский, подключение Азербайджана к разветвленной сети иранских трубопроводов [4].

У первых двух вариантов существовали серьезные недостатки. Трубопровод Баку – Новороссийск был старым и мог эффективно выполнять свою функцию только после ремонта и модернизации, но даже после этого маршрут оставался небезопасным из-за конфликта в Чеченской Республике. Западные маршруты в начале 90-х гг. вообще не существовали, их необходимо было построить в условиях сложного рельефа и локальных конфликтов (абхазский и югоосетинский в Грузии и курдский в Турции). По сравнению с указанными выше проектами, экспорт через Иран гарантировал безопасную и дешевую транспортировку энергоресурсов к терминалам в Персидском заливе [5]. Поэтому на первых стадиях подготовки азербайджанского нефтяного контракта, действительно рассматривалась возможность участия Тегерана в международном концерне, с предоставлением ему доли в проекте размером от 5 до 10% [6].

Однако большое воздействие на формирование азербайджанской нефтяной доктрины и соответственно внешнеполитический выбор Баку оказала политика США. К 1994 году ситуация вокруг постсоветских государств в целом стала ясна мировому сообществу. На территории бывшего СССР образовались отдельные регионы, которые стали восприниматься как исключительно важные компоненты новой формирующейся архитектуры международных отношений. Большие экономические и стратегические выгоды предоставляли регионы Южного Кавказа и Центральной Азии, каспийский же регион приобрел исключительное значение как связующее звено между Центральной Азией и Южным Кавказом, где в силу исторических причин большим авторитетом обладала Россия. После того, как в 1994 г. при российском посредничестве кровопролитный Карабахский конфликт был закончен, США активизировали свою политику в регионе.

Стоит отметить, что повышенный интерес США к каспийскому региону возник раньше 1994 г. На первом этапе в 1991-1994 гг. проводниками американской политики в регионе стали нефтяные корпорации, сама же политика основывалась на экономических интересах. В данный период США уступили первенство в решении региональных проблем России и Ирану, и из-за деятельности армянского лобби в Конгрессе допустили серьезный просчет – приняли 907 поправку к Акту в поддержку свободы, согласно которой до тех пор, пока Азербайджан не изменит свою позицию по вопросу Нагорного Карабаха, американское правительство отказывало ему в финансовой помощи, что сильно ограничивало возможности США в этой стране и в регионе в целом.

Однако данная поправка не стала большим препятствием для развития азербайджано-американских отношений. Азербайджанское руководство

прекрасно осознавало новейшие мировые реалии и расстановку сил, поэтому и президент Эльчибей, и президент Алиев старались выстроить конструктивные отношения с западными странами. Только высокоразвитые западные государства, такие как США, могут предоставить Азербайджану необходимые материальные и политические ресурсы. Первый период американской политики завершился знаковым событием. 20 сентября 1994 г. во дворце «Гюлистан» Азербайджан заключил с 12 крупными нефтяными компаниями из 8 стран мира, ставшее знаменитым под именем «Контракт Века», соглашение относительно разработок глубоководных месторождений «Азери – Чираг – Гюнешли» [7], 40 % активов которого принадлежало американским корпорациям. Несмотря на позитивные ожидания Тегерана, он не был включен в контракт, что в принципе стало понятно в период его подготовки, когда основная география визитов Алиева пришлась на западное полушарие [8].

После «Контракта века» начался второй период каспийской политики США, когда политические интересы возобладали над экономическими, и Вашингтон окончательно определился со своей стратегией в регионе. Продолжался он с 1994 по 1997 г., и именно в данный период ирано-азербайджанским отношениям был причинен наибольший вред.

С самого начала обсуждения условий нефтяного договора, определения круга участников проекта и в особенности при выборе маршрутов транспортировки азербайджанской нефти стало ясно, что преимущественную роль играет геополитический фактор. Но стоит при этом отметить, что Азербайджан отнюдь не был в уязвимом положении, скорее даже наоборот. Одной из важнейших задач для азербайджанского государства являлось освобождение от российского влияния и любых форм внешней зависимости, переориентация нефтедобывающей промышленности на мировые рынки. Данная цель правительства Азербайджана совпадала с планами США, которые стремились перекроить мировую энергетическую сеть в соответствии со своими национальными интересами, ослабив при этом крупнейших мировых поставщиков энергоресурсов, которыми являлись Россия и Иран [9].

Под давлением Вашингтона Баку отказался включить Тегеран в число участников международного консорциума, однако, как отмечалось выше, его участие было крайне важным для обеспечения транспортировки каспийских ресурсов. Поэтому 12 ноября 1994 г. между азербайджанской и иранской сторонами был подписан договор, согласно которому Азербайджан уступал 25 % своей доли в «Контракте века» в пользу Ирана [10].

Данные действия со стороны Азербайджана шли вразрез интересам США, в чьи планы никак не входило улучшение отношений с Ираном [11]. Напротив, Вашингтон расширял свое давление на Иран, отношения с которым с 1978 г. имеют тенденцию лишь ухудшаться. С 1993 г. в

отношениях с Ираном американское правительство использует политику «двойного сдерживания», целью которой являлось оказания экономического и политического давления на Иран и Ирак для смены в странах правящего режима [12]. Включение Ирана в совместный с США проект означало бы провал данного курса, поэтому президент Билл Клинтон решил ужесточить политику «двойного сдерживания» и 15 марта 1995 г. издал указ 12957, а 6 мая 1995 г. расширил его действие указом 12959. Данные указы запрещали американским компаниям или индивидуумам осуществлять прямые или косвенные инвестиции, либо принимать любую форму участия в развитии нефтяной промышленности Ирана, либо в любом энергетическом проекте, на который распространялся иранский суверенитет [13].

Выбирая между Ираном и США, Баку принял решение исключить из проекта Национальную Иранскую Нефтяную Компанию (НИНК), что было осуществлено 6 апреля 1995 г. Данное событие крайне негативно было воспринято в Тегеране, Azerbaijan был наречен марионеткой США, и Иран был вынужден пересмотреть свой азербайджанский внешнеполитический курс [14], в свою очередь все очевиднее становилось, что Azerbaijan поставлен в жесткие рамки при осуществление своего внешнеполитического выбора. В качестве направления основного экспортного маршрута был выбрано западное, а когда в 1996 г. для налаживания отношений с Ираном в обход указов 12957 и 12959 Azerbaijan включил его в контракт по разработке газового месторождения Шах Дениз [15], США ответили принятием давно обсуждаемого закона сенатора Альфонса Д'Амато, который получил название Акт санкций против Ливии и Ирана (Iran Libya sanctions act – ILSA). В действительности география действия закона была намного шире, так как согласно ему, американское правительство подвергало санкциям любое физическое или юридическое лицо, заключающее с Ираном сделку в сфере энергетики стоимостью более 40 млн. долларов в год (позже планка была опущена до 20 млн. долларов) [16].

В 1997 г. американская политика в каспийском регионе вышла на новую ступень и обрела вид оформленной стратегии, которая базировалась на двух основных элементах: создание новой энергетической инфраструктуры и разрешение региональных конфликтов. Данные вопросы рассматривались во взаимосвязи и позволяли эффективно управлять энергетическими потоками и национальными элитами. Многократно выросла и география американских интересов: их политика была направлена на Южный Кавказ, Центральную Азию и каспийский бассейн, изолировав из которого Иран и Россию предполагалось создать монолитный регион неограниченного американского лидерства (Greater Caspian Region – регион Большого Каспия) [17]. Azerbaijanу отводилась в данной стратегии исключительно важная роль «врат» для проникновения

в Центральную Азию, поэтому любые формы взаимоотношений с Тегераном исключались. Так начался третий период 1997-2001 гг., когда США попытались осуществить свою стратегию на практике, однако для ирано-азербайджанских отношений последствия третьего периода оказались менее серьезными, чем от первых двух.

Подводя итог, можно отметить, что вмешательство США в проблематику каспийского региона привело к значительному ухудшению отношений между Ираном и Азербайджаном. Азербайджан был лишен возможности проводить многовекторную внешнюю политику, и вместо того, чтобы выстраивать союзнические и партнерские отношения с Тегераном, Баку перешел к тактике соперничества, зачастую переходящего в открытую вражду. Лишившийся перспективных возможностей Иран оказался в довольно униженном положении, что сыграло свою роль в июле 2001 г., когда Азербайджан и Иран близко подошли к рубежу открытого военного столкновения.

Библиографический список

1. Kemenade W. Cooperation and confrontation in Asia: Iran's relations with China and West. Hague: Netherland institute of international relations, 2009. P. 107.
2. Davis M., Lecky J. China – Iran: a limited partnership. US-China Economic and Security Review Commission. October 2012. P. 12-16.
3. Алиева И.Г. Каспийская нефть Азербайджана. М.: Известия, 2003. С. 67-68.
4. Cornel S. Azerbaijan since independence. New York: M.E. Sharpe, 2011. P. 226-227.
5. Юнусов А.С. Азербайджан в начале XXI века: конфликты и потенциальные угрозы. Баку: Институт мира и демократии, 2007. С. 67.
6. Djalili M. Iran and the Caucasus: Maintaining Some Pragmatism // The Quarterly Journal. Vol. 1. №3. 2002. P. 52.
7. Sanjian A. The negotiation of “the contract of the century” and the political background to the revival of Azerbaijan's oil industry. Beirut: Armenian Center for National and International Studies, 1997. P. 11.
8. Гусейнова И. Гейдар Алиев – от политического руководителя к общенациональному лидеру. Баку: Тахсил, 2005. С. 214; С. 327-331.
9. Саруханян С. Энергетическая политика на Южном Кавказе // Космополис. №2(18). 2007. С. 98-100.
10. Полухов Е. «Контракт века» (Проблема в исторической ретроспективе) // Международная Ассоциация Кавказских Региональных Исследований. Том 2. №1. 1997. URL: <http://poli.vub.ac.be/publi/crs/rus/R02-005.html> (дата обращения: 15.03.2015).
11. Noreng O. Crude power: politics and the oil market. London: I.B. Tauris Publishers, 2007. P. 88.
12. Myers H.L. The US policy of dual containment toward Iran and Iraq in theory and practice. Air War College. April 1997. P. 12.
13. Executive Order 12957 – Prohibiting Certain Transactions With Respect to the Development of Iranian Petroleum Resources. March 15, 1995. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=51107> (дата обращения: 15.03.2015).
14. Souleimanov E., Ditrych O. Iran and Azerbaijan: a contested neighborhood // Middle East Policy. Vol. XIV. №2. 2007. P. 104-105.

15. Agreement on the exploration, development and production sharing for the Shah Deniz prospective area in the Azerbaijan sector of the Caspian Sea. June 4. 1996. URL: http://www.bp.com/content/dam/bp-country/en_az/pdf/legalagreements/PSAs/SD-PSA.pdf (дата обращения: 15.03.2015).
16. H.R. 3107 (104th): Iran and Libya Sanctions Act of 1996. URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/104/hr3107/text> (дата обращения: 15.03.2015).
17. U.S. economic and strategic interests in the Caspian Sea Region: policies and implications. Hearing before the Subcommittee on International Economic Policy, Export and Trade Promotion of the Committee on Foreign Relations, United States Senate, One Hundred Fifth Congress, first session. October 23, 1997. URL: <http://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=pst.000032158915;view=1up;seq=1> (дата обращения: 15.03.2015).

УДК 94:327

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ СОЦИУМ И ЛИЧНОСТЬ ДИПЛОМАТА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ (XVI-XVIII ВВ.)

В.Г. Циватый

Дипломатическая академия Украины при МИД Украины, Украина

E-mail: tsivatyy@i.com.ua

Статья посвящена исследованию процессов институционального и социокультурного развития дипломатического социума и личности дипломата в Европе раннего Нового времени (XVI-XVIII вв.). Особенное внимание уделено институциональному развитию дипломатических служб, дипломатическому инструментарию, нормам протокола, этикета и церемониала ведущих государств Европы. Определены направления эволюции теории и практики дипломатии в исторической ретроспективе.

Ключевые слова: внешняя политика, дипломатия, институционализация, институты дипломатии, дипломатическая практика, Европа.

DIPLOMATIC SOCIETY AND DIPLOMAT PERSONALITY IN WESTERN EUROPE OF THE EARLY MODERN PERIOD (XVI-XVIII CENTURIES)

V.G. Tsivatyi

Research of the processes of institutional and socio-cultural development of the diplomatic society and the individual of diplomat in early Modern period of Europe (XVI-XVIII centuries) are at the article. Particular attention is paid to the institutional development of the diplomatic services, the diplomatic tools, standards of the protocol, the etiquette and the ceremony of the leading countries in Europe. The directions of the evolution of the theory and practice of diplomacy in historical perspective.

Keywords: foreign policy, diplomacy, institutionalization, institutions of diplomacy, diplomatic practice, Europe.

Одно из центральных мест в теории, истории и практике дипломатии Средневековья и раннего Нового времени занимают проблемы понимания сущности, функций и методов реализации государственной власти. В сфере внешних сношений таким средством реализации внешней политики является – дипломатия. С этой проблематикой связаны и оценочные суждения современников относительно различных государственно-правовых форм и типов правления, институционализации политических процессов, объективной оценки реальности и создания идеалов при освещении задач и практической деятельности власти, процессов формирования дипломатического и социокультурного социума в Западной Европе, а также по дипломатической оси Запад-Восток.

В период раннего Нового времени (XVI-XVIII вв.) существовала особая модель межгосударственных отношений, теоретическое обоснование и разработка дипломатического инструментария которой во многом принадлежит Никколо Макиавелли (1469-1527), который ассоциировал в своём лице прообраз личности дипломата исследуемого периода. Он и в своих работах, и в личной дипломатической практике понимал дипломатию в более узком толковании этого термина. Он соотносил понятие дипломатии, как функции, т.е. функциональной деятельности по осуществлению или управлению двусторонними или многосторонними отношениями. Он отождествлял дипломатию как технику осуществления внешнеполитических задач и, в данном случае, акцент делал на процессе реализации дипломатией своей функции: установления формального контакта между государствами для ведения диалога, ведения переговоров [1, 2].

Как верно отмечает Никколо Макиавелли, дипломатия – это постоянно действующий институт профессиональных посредников (переговорщиков), дипломатов, созданный в каждом государстве с определёнными целями. К таким целям во все исторические эпохи относятся: установление и поддержание постоянных контактов между государствами; информирование и разъяснение официальной позиции своего правителя (государя) в стране пребывания; подготовка и ведение переговоров, от имени и по поручению своего государства, с целью гармонизации интересов сторон и достижения соглашения; оказание некоторых публичных услуг гражданам своей страны, оказавшихся, по разным причинам, за её пределами и т.д.

В 1498 году Макиавелли поступил на государственную службу и как Посол погрузился в дела межгосударственные. В период с 1499 по 1512 годы он предпринял множество дипломатических миссий. Свою дипломатическую практику и дипломатическое мастерство оттачивал при

дворах Людовика XII во Франции, Фердинанда II и при Папском дворе в Риме.

Труды итальянского политика, историка, мыслителя, писателя и дипломата Никколо Макиавелли (1469-1527) полны актуальных принципов, рекомендаций и инструментов дипломатии. Самоуверенность, смелость и гибкость сильного государя, политика, дипломата – вот от чего зависит, по мнению Никколо Макиавелли, успех, результативность и эффективность проводимой им политики и реализации внешнеполитических задач государства. Это настоящее руководство по придворным и дипломатическим интригам, дипломатическим технологиям достижения успеха любой ценой и вседоступными средствами.

Никколо Макиавелли, как теоретик и дипломат-практик своего времени отчётливо осознавал и умело анализировал происходящие процессы в Западной Европе. Его поучения, рекомендации и практические действия в дипломатической сфере оказывали влияние на ход европейской политики на рубеже Средневековья и раннего Нового времени и заложили фундамент дальнейшей политико-дипломатической деятельности на протяжении последующих веков.

В истории политической мысли и институционального развития органов внешних сношений государств, дипломатия и её институты всегда рассматривались как часть социополитической культуры общества, как одно из самых главных средств защиты интересов государства в процессе государственного строительства. Одно из центральных мест в теории, истории и практике дипломатии как в раннее Новое время (XVI-XVIII вв.), так и в XXI веке занимают проблемы понимания сущности, функций и методов реализации государственной власти в сфере внешних сношений, дипломатических систем, моделей дипломатии и институтов дипломатии [3, 4].

Понятие «институт»/«институт дипломатии» – одно из центральных в теории дипломатии. Процесс образования институтов дипломатии – институционализация – подразумевает замену спонтанного и экспериментального поведения в сфере межгосударственных отношений на поведение регулируемое, ожидаемое, предсказуемое. Это процесс, этапами которого выступают: возникновение потребностей, удовлетворение которых требует совместных организационных действий; появление в ходе стихийного социального взаимодействия социальных норм и правил, а также принятие, применение этих норм и установленных санкций для их поддержания; создание системы статусов и ролей, охватывающих всех членов института; создание формальных и неформальных организаций, регулирующих и упорядочивающих функционирование социального института.

В сфере внешних сношений дипломатия является средством реализации внешней политики. Дипломатия – и её институты – лишь один

(хотя и наиболее типичный) мирный инструмент внешней политики государства, создаваемый в каждом государстве с определёнными целями.

Дипломатический социум – это устойчивая социальная общность, характеризующаяся единством условий жизнедеятельности людей (дипломатов) в межгосударственных отношениях и, вследствие этого, общностью дипломатической и политической культуры дипломатов, т.е. социальное окружение дипломатов.

Процесс институционализации дипломатии раннего Нового времени можно представить как состоящий из нескольких этапов образования дипломатического института (института дипломатии): возникновение потребности, решение которой требует совместных организованных действий; формирование общих целей; появление социальных норм и правил (церемониала, этикета, протокола) в ходе стихийного социального взаимодействия, осуществляемого методом проб и ошибок (дипломатическая практика); появление социальных норм и правил в ходе стихийного социального взаимодействия, осуществляемого методом проб и ошибок; появление процедур, связанных с нормами и правилами; институционализация норм и правил, процедур, т.е. их принятие, практическое применение; установление системы санкций для поддержания норм и правил, дифференцированность их применения в отдельных случаях; создание системы статусов и ролей, охватывающих всех без исключения членов института.

У каждого социального института, в т.ч. и института дипломатии, есть как свои специфические особенности, так и ряд определённых общих черт и признаков, характерных для всех дипломатических институтов (институтов дипломатии) или, так называемых институциональных признаков, например, институты дипломатии раннего Нового времени (XVI-XVIII вв.).

Приёмы и методы дипломатии раннего Нового времени – это весьма сложный дипломатический инструментарий, который нацелен на выполнение внешнеполитических задач государства. Дипломатический инструментарий – это совокупность средств и способов, применяемых для достижения или осуществления поставленных целей. Трудности дипломатической практики связаны с целым рядом факторов и условий, которые могут или благоприятствовать или препятствовать выполнению поставленных перед дипломатией задач или задач переговорного процесса [5].

Дипломаты раннего Нового времени проводили прелиминарные переговоры, готовили проекты будущих соглашений, постигали посольский церемониал и дипломатический протокол, систему дипломатических стереотипов. Уже в конце XV – начале XVI века в Западной Европе начался быстрый переход к современной системе организации посольской службы – постоянным дипломатическим

представительствам. Было заложено основы институционализации внешней политики каждого отдельного государства и европейской внешней политики в целом [6, р. 303-306; 7].

Теория и практика дипломатии раннего Нового времени нашла своё отражение в следующих трудах дипломатов: Н. Макиавелли «Государь», Филипп де Коммин «Мемуары», Франческо Гвиччардини «История Италии», Бернар де Розьер «Краткий трактат о послах», Абрахам де Викфор «Посол и его функции», Альберико Джентили «Три книги о посольствах», Ермолао Барбаро «О службе посла» и т.д.

Теоретики и практики дипломатии раннего Нового времени, в своём большинстве, были уверены в том, что политика и дипломатия – это искусство, которое не зависит от морали и религии, когда речь идёт о средствах, а не о целях. Дипломат и политик обязан осознанно или неосознанно удерживать функционально-властную универсальность в целостности посредством профессиональной компетентности, благодаря мудрости, умению вести переговоры и делать взвешенные выводы из исторических сравнений [8, р. 79-83; 9].

В работах современников исследуемого периода мы можем проследить зачатки классификации инструментов внешней политики государства: мирные инструменты внешней политики (многосторонние и односторонние) и силовые инструменты внешней политики. В своих трудах они описывают плюрилатеральные (многосторонние) контакты: прямые переговоры; дипломатия – как средство; медиация (посредничество); переговорный процесс.

Таким образом, приёмы и методы дипломатии раннего Нового времени (XVI-XVIII вв.) – это весьма сложный дипломатический инструментарий, который нацелен на выполнение внешнеполитических задач государства и формирование его институтов дипломатии. Цели дипломатической деятельности на практике, однако, зачастую сопряжены со значительными трудностями (яркие примеры чему мы находим в описаниях Никколо Макиавелли, Филиппа де Коммина, Франческо Гвиччардини и др.), и результаты могут не совпадать с ожиданиями и чаяниями. Связано это с целым рядом факторов и условий, эмоциями и эмоциональным состоянием в целом, которые могут или благоприятствовать, или препятствовать выполнению поставленных перед дипломатией задач.

В конце XV века Европа вступает в новый период межгосударственных отношений. Эти тенденции и новые правила дипломатической игры нашли чёткое отражение в событиях и перипетиях Итальянских войн (1494-1559). Уже в конце XV – начале XVI веков в Западной Европе начался быстрый переход к современной системе организации посольской службы – постоянным дипломатическим представительствам, было заложено основы институционализации

внешней политики каждого отдельного государства и европейской внешней политики в целом.

В период раннего Нового времени были сформированы модели (типы) дипломатии и завершился процесс институционализации дипломатии европейских стран и их дипломатических служб. Институты дипломатии и институционализировавшиеся государственные органы внешних сношений, разрабатываемые и реализуемые ими внешнеполитические задачи европейских стран имели в своей предыстории и заслугу Никколо Макиавелли.

Современник Итальянских войн (1494-1559) Никколо Макиавелли приводит многочисленные примеры из своей дипломатической деятельности, когда степень заинтересованности государств в том или ином варианте решения проблем развития может варьироваться зависимости от военного потенциала и уровня экономического развития государств-участников переговоров или военных действий, их роли и места в системе международных отношений на рубеже Средневековья и раннего Нового времени, внутренней и внешнеполитической ситуации и т.д.

Это, в свою очередь, осложняет выработку консенсуса и может привести к асимметричному, неравному, разрешению проблемы, т.е. к неравному распределению выгод и издержек (например, Като-Камбрезийский мирный договор 1559 года).

Дальнейшая история дипломатии XVI-XVIII, дипломатии XIX века полна примеров создания разного рода альянсов, блоков и союзов государств, противостоящих друг другу. В подобной ситуации, основной заботой дипломатии является сохранение существующего баланса сил. Века шли вперёд, но теоретическое и практическое наследие Никколо Макиавелли незримо оставляло свой след в истории межгосударственных отношений и его дипломатический инструментарий всегда находил благодарных исполнителей как во благо, так и во вред. Внешняя политика государства есть, была и будет самостоятельной и независимой, но всегда сохраняющей дипломатическую и институциональную преемственность.

Таким образом, мы приходим к выводу, что на сегодняшний день накоплен достаточно богатый, но пока довольно трудно сопоставимый эмпирический материал, в частности, в области дипломатической истории Средневековья и раннего Нового времени. Изменяющийся мир (общество, государство, личность), несомненно, влияет и на изменение политико-дипломатической системы государства.

Нам представляется, что, поскольку критерии для обобщения такого обилия эмпирического материала на то время ещё не были выработаны, целесообразным становится разработка единого дипломатического инструментария раннего Нового времени (XVI-XVIII вв.), объединяющего в себе все перечисленные виды дипломатической деятельности. Единый

инструментарий также помог бы решить и проблему с множественностью выделения разными авторами также пока трудно сопоставимых компонентов дипломатии раннего Нового времени. В частности, среди таких компонентов ранее мы уже в рамках теоретического анализа выделяли внешнеполитический компонент дипломатии, дипломатия как ценность, морально-этическая норма в дипломатии, потребность личности, личность дипломата, личностное осмысление, институционализация, институциональный процесс, институты дипломатии, дипломатический социум и дипломатические системы и т.д.

Библиографический список

1. Barbiche B. Les institutions de la monarchie française à l'époque moderne. XVI-e – XVIII-e siècle. Paris: Presses Universitaires de France, 2012. 369 p.
2. Black J. A History of Diplomacy. Reaktion Books, 2010. 312 p.
3. Livet G. L'équilibre européen de la fin du XVe à la fin du XVIIIe siècle / Georges Livet. Paris: PUF, 1976. 231 p.
4. Mowat R.B. A History of European Diplomacy (1451-1789). London: Hamden-Connecticut, 1971. 311 p.
5. Кальер Ф. де. О способах ведения переговоров с государями: Перевод первого французского издания 1716 г. М., 2000. 208 с.
6. Chartier R. Histoire intellectuelle et histoire des mentalités. Trajectories et questions // Revue de Synthèse. Sér.3. 1983. V. 8. P. 277-307.
7. Commynes Ph.de. Mémoires. Paris, 1924-1925. T. 3.
8. Le Goff J. Les mentalités: une histoire ambiguë / Ed. J.Le Goff, P. Nora // Faire de l'histoire.III. Paris, 1974. P. 76-94.
9. Lecointe J. L'Idéal et la Différence: La perception de la personnalité littéraire la Renaissance. Genève: Libr. Droz, 1993. 396 p.
10. Nordmann C. La montée de la puissance européenne (1492-1661). Paris: Presses universitaires de France, 1974. 325 p.

УДК 9(410.III)

ПОВСЕДНЕВНЫЕ ЗАНЯТИЯ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ ЛОНДОНЦЕВ КОНЦА XVI ВЕКА НА СТРАНИЦАХ ДНЕВНИКА Т. ПЛАТТЕРА

Л.Н. Чернова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: larisachernova@mail.ru

На основе анализа «Путешествий по Англии» швейцарского гуманиста Томаса Платтера в статье исследуются вопросы, связанные с восприятием современником-иностранцем городского пространства Лондона конца XVI века. Особое внимание обращается на выявление представлений путешественника о занятиях и развлечениях горожан.

Ключевые слова: современная урбанистика, проблема восприятия, Томас Платтер, Лондон конца XVI в., городское пространство, городские занятия, развлечения.

THE EVERYDAY EMPLOYMENTS AND ENTERTAINMENTS OF LONDON CITIZENS AT THE END OF THE XVI CENTURY ON THE PAGES OF T. PLATTER'S DIARY

L.N. Chernova

The article examines the issues connected with a foreign contemporary's perception of the urban space of London at the end of the XVI century basing on the analysis of "Travels in England" by Thomas Platter, a Swiss humanist. A particular attention is focused on clearing out the traveler's views on the employments and entertainments.

Key words: modern urban studies, the problem of perception, Tomas Platter, London at the end of the XVI century, urban space, urban employments, entertainments.

Разительные перемены в облике Лондона в XVI столетии, который из некогда заурядного, по европейским меркам, портового города на западной границе торговой системы Северной Европы превратился в коммерческое ядро новой системы, постепенно захватывавшей мировое лидерство, сделали его популярным местом для посещения образованной европейской молодежью [1, с. 30-32].

Осенью 1599 г., в течение пяти недель, с 18 сентября по 20 октября, здесь находился 25-летний швейцарский путешественник, студент-медик Томас Платтер (1574-1628), младший сын известного немецкого (швейцарского) гуманиста Томаса Платтера из Базеля [2, с. 37-39]. Результатом его пребывания стали «Путешествия по Англии», содержащие отдельную главу, посвященную Лондону [3, р. 187-188]. В самом начале которой Платтер замечает, что этот город стал «местом, которое путешествующим европейцам стоит посетить...» [4].

Описание, созданное Платтером, – это своеобразный «взгляд со стороны» на лондонскую действительность конца XVI в., позволяющий получить одно из «авторских» представлений о внешней топографии и внутреннем содержании города. Остановимся лишь на отдельных, но исключительно важных сторонах жизни горожан елизаветинского Лондона в том виде, как их запечатлел современник – швейцарский путешественник: занятиях и развлечениях.

Восприятие путешественником социального ландшафта Лондона неразрывно связано с его представлением о невероятном богатстве города. По словам Платтера, «он [Лондон] такой богатый, что опережает всех не только в этом королевстве, но и во всем христианском мире» [3, р. 189]. И далее замечает: «На одной только улице Чипсайд, где живут

исключительно ювелиры и банкиры, можно увидеть несметные сокровища и много денег» [3, р. 190].

Богатство и процветание города Платтер справедливо связывает с развитием торговли, которую в значительной степени обеспечивает судоходная Темза. В силу этого он отмечает огромное количество лодочников, которые буквально «толпились на берегах [Темзы]...» [3, р. 188].

Большинство же жителей, по его мнению, «заняты коммерцией...» [3, р. 189], «...там [в Лондоне] много купцов...» [3, р. 189], «...богатых купцов и банкиров, некоторые из них торгуют дорогими товарами, в то время как другие занимаются только вкладами или оптовой торговлей» [3, р. 189-190].

Очень точно Платтер сумел уловить коммерческий дух английской столицы. В Лондоне, как заметил путешественник, «... продаются разные товары» [3, р. 189]. В частности, он выделил торговлю винами: «легкие и крепленные [вина], греческие, испанские, французские и немецкие», которые «...можно купить за приемлемую цену из-за низких морских ввозных пошлин» [3, р. 191].

По его наблюдению, лондонские купцы «... продают, покупают, торгуют по всему миру, к их услугам водные пути, поскольку корабли из Франции, Нидерландов, Германии и других стран приходят в город, доставляя товары и загружая другие взамен привезенных...» [3, р. 189]. В подтверждение этих слов путешественник пишет: «...я сам проплыл на большой галере вдоль всего города от пригорода св. Екатерины до моста, встретив на пути сотни кораблей, и ни в одном другом порту я не встречал столько кораблей» [3, р. 188].

Большое впечатление на швейцарца произвела Лондонская биржа – «огромная, как и в Антверпене, однако немного меньше, там два входа и только один большой сквозной коридор, где выставлены все товары на витринах... Семьсот человек можно встретить там два раза в день, до ланча, в 11 часов, а потом снова после ужина в шесть, покупают, продают, обмениваются новостями, в общем, ведут дела» [3, р. 190]. С этой точки зрения Платтер оказался весьма наблюдательным, запечатлев в своем отчете поистине бурлящую торговую жизнь города [5, р. 78-107].

Действительно, к концу XVI в. лондонские купцы торговали с Германией и Нидерландами, поставляя туда шерсть, сукно, олово, свинец, пиво и вывозя оттуда шелк. Во Франции продавали зерно, сукно, олово, свинец и покупали вина, соль, вайду, смолу, деготь, парусину, брезент. В Испанию экспортировали сукно, льняные ткани, медь, олово, свинец и импортировали оттуда вина, соль, мыло. В Португалию поставляли пшеницу, масло, сыр, сукно, металлы и вывозили в Англию ост-индские пряности, апельсины, лимоны, масло, соль, масло. В страны Средиземноморья продавали сукно, олово, шкуры, сельдь и закупали там

шелк, хлопок, масло, квасцы. В Балтийский регион вывозили грубые сукна, вино, соль, а забирали оттуда большое количество пшеницы, рожь, канаты, лен, пеньку, смолу, деготь, воск, меха. Московия поставляла им воск, шкуры, меха. На Азорские, Канарские острова и на Мадейру продавали пшеницу, сукна, свинец, сахар и закупали там зеленую вайду, вино и сахар. В Северной Африке пользовались спросом высококачественные сукна и оружие в обмен на сахар, селитру, финики, хлопок, черную патоку. В Сирию и Малую Азию вывозили высококачественное сукно, свинец, олово, получая взамен хлопок; в испанскую Вест-Индию и в Бразилию шли сукна, льняные ткани, масло, вина, кинжалы и приобретались там золото, серебро и драгоценности [5, р. 78-107].

Как человек образованный, имевший познания в истории, свободно владевший не только латынью и французским языком, но также знавший немецкий, итальянский и испанский, Платтер обратил внимание и на то, что вокруг собора св. Павла торговцы и переплетчики торгуют «самыми разными книгами, и на большом крыльце Вестминстерского аббатства купцы продают книги...» [3, р. 196]. Эти штрихи особенно важны в многоплановом портрете елизаветинского Лондона, нарисованном швейцарцем, воспитанным в гуманистической среде.

Распространение книги как нельзя лучше отвечало духу времени с его тягой к знанию как главной добродетели и главной цели земной деятельности человека. Идеи о свободе и достоинстве человека, его предназначении буквально витали в воздухе и проникали в самые разные уголки Европы и социальные страты общества во многом благодаря изобретению в середине XV в. печатного станка: к концу того же столетия было напечатано уже около 40 тыс. наименований книг общим тиражом в несколько миллионов экземпляров [6, с. 69]. В Англии У. Кэстон основал первую типографию в 1476 г.; в 1478 и 1480 гг. были открыты типографии в Оксфорде, Сент-Олбансе и Лондоне. За последнюю четверть XV столетия в английских типографиях было издано около 400 книг: «Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера, чосеровский перевод Боэция, переводы «Метаморфоз» Овидия, компиляции из сочинений Вергилия и Боккаччо, роман Мэлори «Смерть Артура», сочинения по истории и риторике. Особой популярностью в Англии пользовалось Священное Писание: тираж Библии и Нового Завета, опубликованных за время от Реформации до 1640 г., превысил миллион, а общее число названий ежегодно издаваемых здесь книг с 1500 по 1630 гг. возросло с 45 до 460-ти [7, с. 113].

Однако Платтер подметил и иную сторону жизни Лондона: проституцию и попрошайничество, высокий уровень преступности, что напрямую связано с притоком огромной массы обедневших и обнищавших сельских жителей, мечтавших найти средства к существованию и

поселиться в столице [3, р. 196-197]. Отмечая, в частности, что «...хороший порядок в городе заведен... в отношении проституции...» [4], Платтер все же вынужден признать, что «...огромные тучи таких женщин наводняют городские таверны и игорные дома» [4].

Много внимания Томас Платтер уделяет развлечениям лондонцев. Прежде всего, речь идет о театре [8, р. 248-252], который пользовался огромной популярностью, хотя против него резко выступали пуритане [9, с. 141-142]. Путешественник пишет, что «каждый день в Лондоне в полдень разыгрывают три пьесы в разных местах. У них конкуренция, и те, кто играют лучше, получают сцену, и зрителям лучше видно. Там есть галереи и другие места, где сидеть удобнее, и они, соответственно, дороже. Те, кто желают стоять, платят 1 пенни, те, кто сидеть – входят через другую дверь и платят еще пенни. А тот, кто хочет сидеть с комфортом на подушках, где не только видно ему, но и видно его, он платит еще пенни у другой двери. Во время представления публику обносят едой и напитками, за плату можно подкрепиться хорошо. Актеры одеты богато и красиво... Сколько времени они проводят, развлекаясь в театрах, знает каждый, кто хоть раз видел, как они играют» [10].

Записи Платтера содержат впечатления от просмотра им шекспировской трагедии о Юлии Цезаре в театре «Глобус»: «21 сентября после ланча я и мои компаньоны пересекли реку и там, в доме под тростниковой крышей, мы видели великолепное исполнение трагедии про первого императора Юлия Цезаря труппой из 15 человек. Когда пьеса закончилась, они [актеры] танцевали очень красиво, двое были одеты в мужские костюмы и двое – в женские» [3, р. 195].

Запечатлел Платтер и театр «Куртина»: «В другой день, недалеко от нашей гостиницы, в пригороде у Бишопсгейт, если я правильно помню, я видел другую пьесу, в которой показывали разные народы и англичанина, сражавшегося за прекрасную даму...» [3, р. 195]. И далее очень любопытный пассаж, наглядно свидетельствующий о принадлежности Платтера к немецкому культурному пространству: «он [англичанин] победил всех, кроме немца, который выиграл даму в поединке и сел подле нее... Потом они чудесно танцевали английские и ирландские танцы» [3 р. 195].

Повышенный интерес лондонцев к театру, зафиксированный Платтером, далеко не случаен. Театр всегда являлся художественным выражением общественно значимых мыслей, идей, творческой атмосферы. Законы театрального творчества чутко реагировали и отображали окружающую действительность. Театральная переработка накопленного социального опыта, превращение его в предмет эстетической рефлексии происходит в определенных пространственных границах. Театральное пространство, будучи пространством творческого освоения реальности, входит в культурное пространство, является одним из его

системообразующих факторов и занимает важное место в его структуре [11].

В последние десятилетия XVI в. драматургия, синтез передовых гуманистических идей и народной драмы, становится самым демократическим видом искусства благодаря массовому характеру, который приобрел к концу века английский театр. В елизаветинскую эпоху происходит становление публичного профессионального театра, актерские труппы обзаводятся собственными помещениями. В 1576 г. актер Дж. Бербедж выстроил первое театральное здание; к концу XVI – началу XVII столетия в Лондоне насчитывалось около 20 театров, среди них – «Театр», «Куртина», «Глобус», «Лебедь» и др. С театральных подмостков звучали злободневные темы, ставились комедии Дж. Лили и Р. Грина, трагедии Т. Кида и К. Марло, разные по жанру пьесы У. Шекспира и Б. Джонсона, вобравшие в себя лучшие традиции средневековой городской драмы, но выражавшие новое, гуманистическое понимание природы человека и искусства [12, с. 211].

Много внимания Томас Платтер уделяет и другим лондонским развлечениям.

Как особые забавы жителей столицы он описывает петушинные бои и травлю медведя английскими мастифами, отмечая, что места для таких развлечений обустроены как театр, привлекая множество участников и зрителей [8, р. 246-248; 10]. Действительно, мастиффы участвовали в травле медведей и быков и даже в охоте на львов – эти развлечения были чрезвычайно популярны в то время. На южном берегу Темзы располагались два знаменитых медвежьих парка, где мастиффов тренировали для травли – любимого воскресного зрелища лондонцев [9, с. 135].

По наблюдению Томаса Платтера, в Лондоне «есть великое множество гостиниц, таверн и пивных на открытом воздухе, где можно хорошо развлекаться едой, выпивкой, игрой на скрипке и прочим» [13]. Например, сообщает он, «на наш постоялый двор почти каждый день приходили музыканты» [13]. Известно, что именно музыкой англичанам удалось поразить весь мир, они считались одной из самых музыкальных наций в мире [9, с. 139].

Особенно любопытным Платтеру показалось то, что «женщины, так же как и мужчины, на самом деле даже чаще, чем мужчины, посещают таверны и пивные для развлечения. Им очень приятно, если их приглашают туда и предлагают выпить вина с сахаром. И если только одна женщина приглашена, она приведет с собой еще трех или четырех подруг, и они будут весело пить за здоровье друг друга» [13]. И уж совсем необычным показалось путешественнику из Швейцарии то, что «муж потом поблагодарит того, кто доставил его жене такое удовольствие, поскольку они [лондонцы] считают это истинной любезностью». Платтер

даже цитирует расхожую в среде его современников, но весьма далекую от реальности фразу о том, что «Англия – это рай для женщин...» [13].

Как особый способ получения наслаждения Т. Платтер называет широко распространившуюся среди лондонцев привычку раскуривать табак, привозимый «из Индий» – очевидное влияние торговли с Востоком. Табак можно было получить за деньги в пивных, «во время игры, в тавернах или в другом месте, одновременно и выпивая, и куря, так же как у нас принято сидеть за вином, отчего становятся буйными и веселыми, а также вялыми, как если бы были пьяны, хотя эффект скоро проходит» [13]. Любопытно, что Платтер считает такое пристрастие «чрезмерным удовольствием» и отмечает, что проповедники справедливо порицают англичан за саморазрушение [13].

Таким образом, Т. Платтер создает панорамную картину жизни лондонцев конца XVI столетия, жизни, наполненной как повседневными трудовыми занятиями, так и разнообразными развлечениями. Путешествующий иностранец в силу своего менталитета обращает внимание на те стороны лондонской действительности, которые кажутся ему необычными, поражают его. К таковым можно отнести, с одной стороны, богатство английской столицы, основанное прежде всего на разветвленной и многоплановой торговле и финансовых операциях, с другой – обилие людей, чьими занятиями были попрошайничество, бродяжничество и проституция. Как человек своего времени, принадлежавший к гуманистической среде, Платтер подмечает черты, явления, ему близкие и понятные: распространение книги среди лондонцев, их увлечение театром, а также влияние связей с Востоком.

Библиографический список

1. Чернова Л.Н. Городское пространство Лондона конца XVI века в восприятии современника (на материале «Путешествий по Англии» Томаса Платтера) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2012. Т. 12. Вып. 2. С. 30-36.
2. Чернова Л.Н. Томас Платтер и культурное пространство Лондона конца XVI века // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2014. Т. 14. Вып. 3. С. 37-43.
3. Thomas Platter's Travels in England // London 1066-1914: Literary Sources and Documents: in 2 vols. / ed. and with introd. by X. Baron. Mountfield, 1997. V. 1: Medieval, Tudor, Stuart and Georgian London. 1066-1800. P. 186-197.
4. Platter T. A Swiss Tourist in London. URL: http://www.wwnorton.com/college/english/nael/16century/topic_4/tplatter.htm (дата обращения: 20.01.2010).
5. Willan J. The Muscovy Merchants of 1555. Manchester, 1953.
6. Юсим М. А. События и перемены в духовной жизни Европы: Возрождение, Реформация, Контрреформация // Всемирная история: в 6 т. Т. 3: Мир в раннее Новое время / отв. ред. В. А. Ведюшкин, М. А. Юсим. М., 2013.
7. Бовыкин Д.Ю. Повседневная жизнь Европы в XVI–XVII веках // Всемирная история: в 6 т. Т. 3: Мир в раннее Новое время / отв. ред. В.А. Ведюшкин, М.А. Юсим. М., 2013.

8. Picard L. Elizabeth's London. Everyday life in Elizabethan London. L., 2003.
9. Бартон Э. Повседневная жизнь англичан в эпоху Шекспира / пер. с англ. М., 2005.
10. Томас Платтер, швейцарский путешественник в Лондоне. URL: http://www.wwnorton.com/nael/16century/topic_4/tplatter.htm (дата обращения: 20.10.2011).
11. Орлова Е.В. Культурное пространство: определение, специфика, структура. URL: <http://analiculturolog.ru/journal/archive/item/589-cultural-space-structure-determination-of-specificity.html> (дата обращения: 25.03.2012).
12. Винокурова М.В., Дмитриева О.В. Федосов Д.Г. Англия, Шотландия и Ирландия в конце XV–XVI веке // Всемирная история: в 6 т. Т. 3: Мир в раннее Новое время / отв. ред. В.А. Ведюшкин, М.А. Юсим. М., 2013.
13. Из дневника швейцарского гуманиста Томаса Платтера, побывавшего в Лондоне в 1599 году. URL: <http://antoin.livejournal.com/833454.html> (дата обращения: 20.10.2011).

УДК 94 (437)

ОСОБЕННОСТИ ИКОНОГРАФИИ ВЛАСТИ В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ

И.Я. Эльфонд

Саратовский социально-экономический институт (филиал)

РЭУ им. Г.В. Плеханова, Россия

E-mail: iyelfond@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы иконографии власти, методы и приемы создания имиджа власти в эпоху Ренессанса. Автор анализирует роль искусства в эволюции образа власти эпохи Возрождения и в частности придворного портрета. Прославление монарха как инкарнации власти корреспондировалось с утвердившимися сценариями власти в период зарождения абсолютизма и служило созданию политического мифа.

Ключевые слова: потестарная имагология, аллегория, иконография, миф, придворный портрет, Ренессанс.

ICONOGRAPHY OF POWER IN THE AGE OF RENAISSANCE

I.Ya. Elfond

The paper deals with problem of iconography of power and focuses on the methods and ways of ruler image-making in the age of Renaissance. The auther attempts to analyse the role of arts in forming the symbol of power in historical evolution and especially of the court portrait. Glorification of king as uncarnation of power corresponded dominant scenarios of power in the age of emerging of absolutism and served to creation of political myth.

Key words: potestar imagology, allegory, iconography, myth, court portrait, Renaissance.

Проблема визуализация власти и характер ее репрезентации, роль ее во властной пропаганде в нашей литературе изучена мало, хотя иконография власти является одной из ведущих проблем потестарной имагологии, конструирования образа власти и интериоризации итогов в массовое сознание. Особое значение эта проблема приобрела в эпоху становления абсолютной монархии. Потестарная имагология включает разные аспекты – от официальной пропаганды до триумфальной архитектуры, празднеств и даже музыкальных сочинений. Но в эпоху Возрождения особое значение приобретает визуальный образ. Тем не менее, хотя иконография власти и характер ее визуализации играли важную роль, отечественных исследований, посвященных этой теме, в отечественной литературе почти нет. В эпоху Возрождения особую роль в развитии иконографии власти играл портрет, и, несмотря на колоссальную искусствоведческую литературу, посвященную портрету как жанру, вопрос о роли портрета в политической пропаганде, потестарной имагологии и иконографии власти еще недостаточно раскрыт.

Эпоха Ренессанса с ее светскими основами и культом грандиозной личности предоставила новые возможности для прославления (прежде всего, с помощью художественных средств) царствующих монархов, но при этом идея сакральности власти, ее божественного происхождения на какое-то время отходит на второй план. Взамен распространяется апелляция к образам, навеянным античностью, что вполне корреспондировалось с ренессансными веяниями. Главное же, как отмечал Лодовико Дольче уже на закате Ренессанса, состояло в том, что «изображения и доблестных лиц, воспламеняли людей и подвигали их к доблести и добрым делам» («Диалог о живописи», 1577) [1, р. 5] и, смею добавить, возвышали правителей в глазах современников.

Проблема репрезентации носителей власти исторически восходит к глубокой древности и обычно решение ее было связано с использованием и обыгрыванием тезиса о сакральности светской власти. Сакральная природа монархической власти была связана с коллективными представлениями и архетипами потестарной имагологии, поскольку сама «персона монарха выступала сублимацией, персонификацией государства» [2, с. 128]. Но средневековое искусство не ставило своей задачей создание идентичного изображения человеческого облика во всей его неповторимости. Если и были обращения к изображению отдельных лиц в качестве донаторов, либо как носителей власти, которые к тому же были добрыми христианами и защитниками христианской веры. Более того, изображения властителей помещались в церквах как свидетельства божественного характера и происхождения светской власти. Эта проблема неотделима от второй – формирования и эволюции портретного жанра в эпоху Возрождения. Ренессанс создал несколько типов портретов и к

XVI веку окончательно торжествуют два типа – парадный портрет с несколькими вариантами и камерный.

Точное воспроизведение облика начинается приблизительно с XIV века и связано с индивидуализацией сознания и образа, и появлением станковой живописи. С XV века иконография княжеских династий становится достаточно разнообразной: помимо живописных и скульптурных портретов появляются изображения на медалях, а позднее гравюры. В этот период зарождается, а в эпоху маньеризма утверждается живописный парадный портрет, чему способствовала укоренявшаяся практика обмена портретами при сватовстве, награждения посланников и т.д. Иконография власти, начиная с XV в., по преимуществу связана именно с развитием нового жанра

Вообще большинство портретов этой эпохи воплощают образ людей, принадлежащих к политической элите. Это относится ко всей Европе. Портрет не только воплощение неповторимой и обычно неординарной личности, для того чтобы заказать портрет, требовались не только деньги, но и понимание своего исключительного социального статуса. Придворный портрет распространяется с XV в. во всей Европе, причем здесь, быть может, даже большую роль играл первоначально нидерландский портрет. Неслучайно популярностью даже в Италии пользовались работы Р. Ван дер Вейдена, которому как придворному живописцу были присущи аристократическая сдержанность и склонность к репрезентативности. Привлекало и стремление выразить рыцарственный дух моделей и передача индивидуальности. Постепенный переход от коммунальных республик к синьории привел к появлению придворного портрета, где традиционный для Ренессанса жанр приобрел новые черты. Акцент на индивидуальности человека «дается через призму сословных представлений» [3, с. 226]. Большинство итальянских дворов (за исключением феррарского и неаполитанского) находились в княжествах, которые возникли недавно. Следовательно, опыта прославления носителя власти не имелось, а вчерашним кондотьерам было важно утвердить как идею преемственности власти, так и свою политическую значимость. С равным успехом могли реализовываться две тенденции, типичные для портретных изображений Ренессанса в целом. Разумеется, могли сохраняться сложившиеся в республиках под влиянием гуманистической идеологии и новых представлений о благородстве индивидуализированные портреты, в которых подчеркивались личные качества человека. Характерно, что в XV в. практически отказываются от изображения властителей при регалиях, отсутствует даже корона. Лишь изображение короля Владислава дано в короне, но оно является частью многофигурной религиозной композиции «Страшный суд» в монастырской церкви в Кампани. С другой стороны, особенно в северной Италии, образ человека мог героизироваться, акцент делался на его таланте полководца и т.д. В

обоих случаях придворный характер портретов служил, прежде всего, политическим, а не социокультурным целям. Более того, портрет властителей сохраняет традиционную сакральную функцию как донатора или внедрен в религиозную композицию. Образ Джан-Галеаццо Висконти присутствует (вместе с сыновьями) на фреске А. Боргоньоне в Чертозе ди Павия, Федерико да Монтефельтре (тоже с сыном) на Алтаре Монтефельтро, а Лодовико Моро с Беатриче Эсте и сыновьями на алтаре Сфорца. Отражением средневековой традиции можно считать попытку соединить в репрезентации власти образ династии и сакральность (мемориал короля Владислава в церкви Сан Джованни Карбонара, Неаполь), ставший апофеозом рода, хотя Урбан VI предал его анафеме до четвертого колена.

Властная иконография не ограничивалась тиражированием портретами сильных мира сего. Образ власти создавался и в монументально – декоративных произведениях, как в аллегориях, так и светского характера, в концепцию которых входит коллективное изображение образа власти. Здесь, прежде всего, следует назвать иконографическую программу А. Мантеньи, где представлен идеальный правитель и подобное ему окружение, что делает его равным монархам [4, с. 96].

Типична тенденция создать не просто иконографию власти, но и иконографию рода. В этом отношении из нуворишей всех превзошли Медичи, поскольку Козимо I в своей культурной политике во многом опирался как раз на иконографию власти. И именно в контексте властной иконографии семейства Медичи прослеживается эволюция образа власти. Образ правителя уже не столько гуманиста, сколько полководца, создается еще до прихода к власти Козимо I. Возник особый парадный портрет и формируется определенная иконография, где подчеркиваются именно властные черты и высокий социальный статус, но эти портреты (в том числе римских пап) не носят характеристику «доблести» и величия. Козимо, создавший своего рода художественный миф о роде Медичи и портретную галерею предков [5] прекрасно понимал значение образа власти и «планомерно создавал свой образ – идеального правителя и гражданина, попечителя отечества» [6, с. 165]. Впоследствии портреты принимают официальный государственный характер, став воплощением образа власти, величия и славы не только самого правителя, но и всего его рода. Политическая концепция власти нередко раскрывалась благодаря визуальному языку художественных образов, причем доминирует к середине века уже не гуманистический идеальный правитель, образ становится символом авторитета светской власти, ее мощи и нового, уже нереспубликанского государства. Новая иконография власти связана не только с портретом, а с обращением к историческому и батальному жанру, мифологическим сюжетам, служившим новому аспекту иконографии

власти – история определяется властелином. «Апофеоз Козимо Медичи» украшает главный зал Палаццо Веккио и показывает новые тенденции – налицо коронование Козимо как героя, атрибуты власти и т.д.

Иконография власти меняется – она прославляет уже не идеального правителя, а само государство, инкарнированное в его образе. Медичи, род которых е блистал знатным происхождением, наиболее полно воплотили новые тенденции, общие для Европы XVI в., эпохи становления абсолютистских государств. Однако здесь присутствует тенденция к облагораживанию предков, банкиры плохо годились для прославления Тосканских герцогов и шла художественная мифологизация образа династии, воспринятая позднее маньеристами. Тогда и создается тот тип парадного официального портрета, который вообще утверждается при европейских дворах. Этот тип оформляется почти одновременно в Италии, Франции, Англии. От просвещенных гуманистических правителей иконография переходит к созданию символа власти и величия, иконография власти становится не только частью культурной политики, но и выражает идеалы новой государственности.

Вообще само становление придворной жизни неизбежно требовало постоянного создания портретов членов новых династий, в том числе детей. По мере развития дипломатических связей роль придворного портрета все возрастает. В.П. Головин справедливо отмечал значение генеалогического фактора: «фактически все крупные дворы Италии XV в. были связаны между собой и несколькими европейскими дворами династическими браками. Сфорца породнились с д'Эсте, Монтефельтро, Малатеста, арагонской династией неаполитанских королей. В свою очередь, д'Эсте заключили браки с Гонзага и арагонцами. А Гонзага с Монтефельтро и так далее. Прежде всего, этим преследовались политические цели, таким образом, закреплялись дружественные отношения и союзы, но параллельно шел обмен культурными традициями, в качестве подарков и с приданым невест перемещались произведения искусства» [7, с. 149.]. К этому можно добавить, что расширялись подобные связи и с заальпийской Европой: Анжуйская династия правила в Венгрии и Польше (XIV в.), Гонзага были в родстве с Виттельсбахами, Цоллернами и Вюртембергом (в XVI в. с Бурбонами и Габсбургами), Висконти – еще и с Валуа, Лузиньянами и Габсбургами, Эсте в XVI в. роднятся с Валуа, Гизами и Габсбургами, Сфорца с Габсбургами и Ягеллонами. И если Екатерину Медичи при французском дворе долго считали «флорентийской банкиршей», то принцесс из других итальянских династий принимали лояльно. А вместе с ними на Север двигались и художники, доставлявшие даже в Польшу достижения Ренессанса. Портреты – воплощение образа власти, ставшие основой иконографии власти, среди визуальных средств конструирования образа власти занимали, безусловно, первое место. Они служили для создания или

укрепления династических связей и политических взаимоотношений. Много позже Елизавета I, получив портрет в дар от Марии Стюарт, публично прижимала его к себе и целовала, сетуя, что она не может встретиться со своей сестрой. Вполне естественно, что при сватовстве обычно также посылался портрет и испрашивался другой взамен. Отсюда возникала необходимость в авторских репликах или копиях с уже созданного оригинала. Все это, а также стремление увековечить не только свой облик, но и образ рода, упрочило традицию закрепления внешнего вида государей, создания образа династии, порождало новые сценарии власти, связанные с мифологизацией образа в прямом смысле этого слова и создание культа династии как символа законности и преемственности власти.

Новый этап развития парадного портрета и увековечения образа ренессансной власти был связан с именем Тициана. Именно он создавал особую и новую для ренессансного портрета иконографию власти. Уже в его портретах итальянских князей можно заметить, что обычные для подобных характеристик элементы (эмблемы, символы, антуражи и т.п.) становятся частью художественного мира, а сам образ сохраняет обычную гуманистическую трактовку. Вместе с тем он «создавал образы предельно официальные, характеризующиеся особой властью и с особыми иконографическими приемами» [8, р. 22-23]. Портреты итальянских князей свидетельствуют о новом виде парадного портрета – большого формата, нередко поколенного, с выявлением характера модели безо всякой идеализации. Все это заметно в портретах урбинской герцогской четы (1536-38), Альфонсо Эсте (1523). Один из портретируемых (Федерико II Гонзага) представил художника императору Карлу V. Тициан создал портреты Карла V, Изабеллы Португальской, Филиппа II, брата Карла Фердинанда и его сыновей, Марии, герцогини Баварской, Франциска I Валуа, Эммануила Филиберта Савойского, Морица Саксонского, Иоганна Фридриха Саксонского и т.д. Серия портретов членов императорской семьи (включая ее изображение в *La Gloria*) наглядно показывает, что Тициан прекрасно понимал и воплотил генеральную идею парадного портрета эпохи – прославления в данном случае верховной, императорской власти. Однако, тот тип, который разработал Тициан, с течением времени перестает удовлетворять коронованных заказчиков и великий художник даже теряет их, поскольку «в Италии получал все большее распространение тип официального, идеализированного парадного портрета, отличного от манеры Тициана» [9, с. 91]. Новые тенденции, как отмечалось, отчетливо проявились в иконографии рода Медичи.

Придворная культура и маньеризм определили новое содержание портрета и принципы изображения: «исчезают ясность, свет, уверенная композиция, чистота линии, уступая место эмоциональности, внутреннему

напряжению, завершенному образу противоречивых и утонченных характеров» [1, р. 21]

За Альпами портрет оформляется уже в процессе формирования придворной культуры. В эпоху Ренессанса изобретаются новые сценарии власти, и иконография власти связана с мифологическими образами [10]. Монархи начинают понимать роль портрета и изобразительного искусства в деле создания образа власти [11, р. 7-8.]. Чаше эта линия прославления династии шла за счет привычных образов: властители уподобляются античным богам [12], сначала появляются своего рода криптопортреты.

Становление и утверждение абсолютной монархии, как правило, сопровождалось созданием властной пропаганды, за которой следовало создание определенного визуального образа власти, персонифицированного в облике непосредственного его носителя. На передний план выдвигался образ конкретного монарха как воплощения идеала правителя и в то же время исключительной личности. Власть зорко следила за тем, чтобы не допускать отхода от сложившейся и утвержденной свыше традиции. Примером такого блистательного конструирования имиджа власти может служить Англия. Образ властительницы Елизаветы I, Глорианы, мастерски конструировавшей свой образ в целом и в частности в облике Дианы-Цинтии [13-15] мог стать подлинным образцом для других стран. Только Н. Хильярд создал их около двух десятков.

Аналогичные процессы шли и в других государствах, в особенности во Франции, где к тому же активно действовали маньеристы, уже воспринявшие новые тенденции в создании образа власти. Большая часть составляющих имиджа власти уже возникает в период царствования Франциска I (1515-1547). «Заслугой Франциска I являлось то, что он полностью оценил потенциал культуры как опоры власти» [11, р. 7-8]. В царствование Генриха II (1547-1559) продолжалась намеченная при Франциске I тенденция. Культурная политика, получившая название «политики величия», отличалась стремлением упорядочить и до известной степени унифицировать искания французских гуманистов вплоть до создания контроля над духовной жизнью страны. Именно тогда культура Ренессанса во Франции приобретает четко выраженный придворный характер и окончательно превращается в способ прославления власти. А с целью репрезентации власти в лице ее носителя организовывались торжественные процессии, въезды, встречи, при этом символика и атрибуция связаны были со всевозможными аллегориями, возведением арок и т.д. Это служило имиджу уже не монарха, а всего королевского рода и величия французской монархии.

Главным средством для поддержания имиджа короны считались роскошь и великолепие, репрезентация власти путем идентификации ее с непосредственным образом правителя – помимо большого количества

официальных портретов [11, pp. 195-203] тиражировалось множество гравюр, даже изображений на гобеленах. Третий способ конструирования образа власти – напоминание о величии рода французских королей. То, чем не могли похвастаться Медичи, Монтефельтро, Сфорца, в полной мере представлено в иконографии власти французских монархов. Правители поощряли или заказывали новый образ власти художественными средствами, а художники, архитекторы, поэты сознательно или бессознательно способствовали конструированию властных мифов, создав новую иконографию власти, обогнав при этом итальянские дворы и используя разнообразные художественные средства. Благодаря празднествам, триумфальным въездам сохраняется возможность публичной репрезентации имиджа власти, и искусство приобретает в эту эпоху особую значимость.

Следует отметить, что в эпоху раннего французского абсолютизма, со времени правления Людовика XII (1498-1515), принимались меры по созданию именно внешней стороны имиджа власти. Пожалуй, в создании иконографии власти во Франции первоначально большую роль сыграли не столько портрет, сколько новые королевские резиденции, поражавшие современников своей роскошью и художественным совершенством; все это становилось подобающей оправой для величия короля. «Триумфальная архитектура», появившаяся при Людовике XII и достигшая своего расцвета в царствование Франциска I, должна была соответствовать величию власти и подчеркиванию особого статуса монарха. Придворная культура во многом приобретает официальный характер, ей становится присуща монументальность и пышность, возникает тенденция к созданию апофеоза властителя, чуть ли не его обожествления. Огромную роль в создании подобного имиджа играл видеоряд – от пышных продуманных иконографически декоров архитектурных комплексов до портрета монарха. Естественно речь шла, прежде всего, об официальном парадном портрете. Собственная художественная традиция предшествующего периода не была достаточно развитой, да и во второй половине XVI в. парадный портрет в полный рост как вид портрета делает во Франции только первые шаги («Портрет Карла IX» Ф. Клуэ (Вена)).

Помимо портретов огромную роль начинают играть композиции, связанные с репрезентацией власти, с прославлением деятельности этой власти. Образцом может служить иконографическая программа декора галереи Франциска I в новом замке Фонтенбло, где предельно ясно прослеживаются новые тенденции в создании иконографии власти и нашли отражение и искания французского гуманизма и восхваление античной мудрости и культуры, и прославление королевской власти в облике монарха и мецената Франциска I. Он предстает как символ государства, а потому изображения включали панно «Слона-триумфатора» (символ торжествующей Франции), «Битву лапифов и кентавров»

(торжество культуры над дикостью), и аллегории в честь короля «Единение государства» и «Изгнание невежества и пороков» (прославление властителя, законодателя и мецената). К этому следует добавить, что на аллегорических композициях часто присутствует портретное изображение Франциска как символа государственного порядка, криптопортреты короля становятся символом его власти.

Портрет монарха как воплощения власти, ее персонификации приобретает распространение во Франции лишь после первых итальянских походов. Приемы маньеристов оказались как нельзя кстати при французском дворе. Но процесс становления иконографии власти во Франции еще не был завершен, и в силу этого распространяются *cauons* – карандашные портреты. Сам факт появления карандашного портрета, призванного запечатлеть даже не просто индивидуальность человека, а непосредственное душевное состояние, свидетельствует о том, что утвердился официальный портрет, где подчеркивается именно высокое положение человека, бесстрашного и владеющего собой и миром. Именно этот портрет (позднее использовались все типы парадного портрета) ложится в основу иконографии власти. Неслучайно и резкое увеличение количества портретов Франциска. Для потомков образ Франциска связан не только с его любимыми резиденциями, но двумя блистательными портретами, причем портрет Тициана (1538) полностью соответствовал подходу автора, а в портрете Ж. Клуэ отчетливо выражены черты не ренессансной личности, а символа власти, что подчеркивается роскошью антуража. Особое значение: парадный портрет приобретает при последних Валуа и должен был подчеркнуть власть династии и исключительность ее носителей. Лишь отдельные художники (Ф. Кенель) позволяют себе подчеркнуть неидеальность модели, но, учитывая, что речь идет о Генрихе III, вполне ясно, почему художник подчеркнул внутреннюю слабость монарха. Наконец, в поисках образа величия власти родилась гениальная идея: имидж монарха создается с помощью других изображений на торжественно-официальных многофигурных композициях. Программным примером может служить композиция, где король посвящает неопита в члены ордена св. Духа, призванная служить сакрализации образа власти.

Помимо портрета во Франции использовалось еще несколько приемов визуальной пропаганды. Вполне традиционная идея сакрализации власти обретает новые (с помощью античной мифологии) формы светского апофеоза. Этому служило введение ренессансных шествий и празднеств по итальянскому образцу. Таким апофеозом стало вступление короля в Париж в 1549 г.: триумф короля и прославление монархии осуществлялись с использованием античных мотивов, арок, стихотворных надписей, принадлежавших Ронсару. Художественное оформление приобретало политическое содержание. Античная мифология также становится тогда на

службу новой иконографии: римские боги идентифицируются с членами семьи монарха. Активно используется образ Геракла Галльского для прославления монарха как символа Франции. Образ античного Геракла постепенно трансформировался в Геракла Галльского, короля воина и культурного героя, чей образ служил возвеличиванию монарха и становился аллегорией имперсонализированного величия власти [16, pp. 7-25.].

Другой формой аллегии становилось изображение французских царствующих королей в образах великих воителей или правителей, что служило апофеозу королевского величия. Начало, судя по всему, было положено рисунком Приматиччо «Франциск I в образе Юлия Цезаря», а позднее Цезарь и Александр просто писались с лицами монархов, все более усиливалась связь и параллели между реальным носителем власти-монархом и его мифологическим прототипом [16, pp. 255-260]. Эти приемы широко использовались и в правление Генриха IV. В ход идут образы Цезаря и Александра, которые изображались с лицами Генриха IV, а затем и Людовика XIII. К этому ряду следует отнести портрет Т. Дебрейя «Генрих IV как Геракл Галльский», где король топчет гидру невежества и злобы (в соответствии с мифом Лернейскую гидру).

В целом же, однако, утверждается официальный портрет с соответствующими аксессуарами либо создается мифологизированный образ, связанный со сложившейся символикой. Характер репрезентации власти менялся, но в целом можно говорить, что роль властной иконографии с течением времени разнообразилась и возрастала.

Смена образа власти, создание новой властной иконографии, как правило, происходила на определенном историческом фоне – стабилизации властных режимов в новых абсолютистских государствах. Неслучайно, в случае временного ослабления абсолютизма, как во Франции, образы правителей допускают изображение слабостей или ограниченности правителя. Иконография власти не только вполне корреспондировалась с политической ситуацией в европейских государствах, она закладывала и определяла характер придворной культуры данной эпохи. Идеалы Ренессанса в эпоху Позднего Возрождения уже подвергались переосмыслению даже в художественной сфере и именно искусство, выполняющее социальный заказ, будет процветать при абсолютистских дворах не только в XVI, но и в XVII веке.

Библиографический список

1. Portraits de la Renaissance italienne. Budapest, 1974.
2. Цатурова С.К. Формирование института государственной службы во Франции XIII-XV веков. М.: Наука, 2012.
3. Гращенко В.Н. Портрет в итальянской живописи Раннего Возрождения. М., 1996. Т. I.

4. Махо О.Г. Камера дельи Спози Андреа Мантеньи в мантуанском дворце: мир реальный и мир идеальный // Культура Возрождения и власть. М., 1999.
5. Дажина В.П. «Навязанная память»: мифологизация власти Медичи в художественной политике герцога Козимо I. // Вопросы искусствознания. 1997. XI (2/97). С. 318-336.
6. Дажина В.Д. Ансамбль капеллы Элеоноры Толежской в палаццо Веккио // Итальянский сборник. Вып. 4. М., 2005.
7. Головин В.П. Мир художника Раннего Возрождения. М., 2002.
8. Rosand D. Titian. New-York, 1978.
9. Журавлева И.А. Европейские заказчики Тициана // Культурные связи в Европе эпохи Возрождения. М., 2010.
10. Yates F. Astraea. L., 1985.
11. Zerner H. L'art de la Renaissance en France. L'invention du classicism. P., 2002.
12. Герц В.К. Иконография фресок галереи Франциска I во дворце Фонтенбло и французский гуманизм XVI века // Классическое искусство Запада. М., 1975.
13. Дмитриева О.В. Елизавета I. М., 1998.
14. Strong R. Art and Power. Woolbridge, 1984.
15. Strong R. The cult of Elizabeth. L., 1977.
16. Bardon F. Le portrait mythologique à la cour de France sous Henri IV et Louis XIII: mythologie et politique. P., 1974.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 17. МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА, ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Айрапетян А.С. Основные направления языковой политики Республики Таджикистан (2011-2014)	3
Амелин Р.В. Государственные информационные системы в современном правовом пространстве РФ	9
Барашков Г.М. Особенности и противоречия современного этапа российской модернизации	14
Бахтеева Е.Г. Субъектное поле трансформации образа женщины-политика	22
Богорубова Т.А. Актуальные проблемы развития социально-правовой сферы в условиях модернизации современного общества	28
Головченко В.И. Эволюция многопартийности в условиях модернизации российского общества	33
Голуб О.Ю. Коммуникация и право: определение междисциплинарных связей	37
Данилова (Лёвина) О.А. К вопросу о правовой регламентации денежно-кредитной и валютной политики Российской Федерации в контексте изменения внешнеполитической ситуации	43
Иванова Е.М. Социально-политическая активность личности в условиях модернизации современного российского государства	49
Кравец Д.А. Тайна голосования как особый правовой режим информации в Российской Федерации	55
Крючкова Е.А. Трансформация социального государства в изменяющемся мире	60
Куликов К.А. Добросовестность как условие действительности сделки	69
Куликова С.А. «А цензор кто?»: проблемы ограничения выражения мнения и распространения информации в условиях информационного общества	76
Никулина О.М. Проблемы реализации и ответственности родителей за воспитание детей в современном обществе	84
Петина М.М. Конституционный контроль и верховенство права	87
Рамазанов К.Н. Актуальные вопросы развития механизмов информационного сопровождения реализации мер по противодействию коррупции на региональном уровне	92
Саенко Л.В. Модернизация правового регулирования семейных отношений в контексте построения единого правового пространства СНГ: к постановке проблемы	98

Сергеева Е.В. Ценностные и коммуникативные основания модернизационных процессов в современной России	105
Тихонова С.В. Построение электронного государства как объект коммуникационной правовой политики	111
Торосян Р.А. К вопросу об изменениях в правовом регулировании репродуктивных прав мужчин в России	117
Фадеева В.А. Бизнес-омбудсмен в системе конституционно-правовой защиты прав предпринимателей российской федерации	122

РАЗДЕЛ 18. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАТРИОТИЗМА, ПОЛИТИЧЕСКОГО ПЛЮРАЛИЗМА И ТОЛЕРАНТНОСТИ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОГО КРИЗИСА

Артамонов Д.С. Трансформация исторической памяти в условиях международного кризиса	127
Богданова А.А. Учет универсального и специфического в преподавании социально-гуманитарных дисциплин	133
Вилков А.А. Политическая функциональность патриотизма в современной России: основные тенденции, противоречия и перспективы	138
Гализдра А.С. Волонтерское социальное движение: российский и западный опыт в контексте геополитики	145
Зазаева Н.Б. Гармонизация межэтнических отношений – будущее России в условиях международного кризиса	150
Калинин В.А. Категории «патриотизма» и «национализма» в политической науке современной России: особенности, содержание, различия	153
Чекмарев Э.В. Духовный потенциал модернизирующегося общества современной России	161
Шестов Б.Н. Исследовательские возможности теорий фрейминга и установления повестки дня второго уровня: сравнительный анализ	166

РАЗДЕЛ 19. ЭКОЛОГО-ПРАВОВОЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Алихаджиева А.С. Современное российское общество в условиях экологического развития	171
Михайлова Т.А., Михайлов К.С. Международное сотрудничество в арктическом регионе и функции арктического совета	178
Решетников В.Я. Проблемы правоприменения в сфере безопасного обращения с отходами производства и потребления	186

РАЗДЕЛ 20. ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ И ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Дубровская О.Н. К вопросу о культурных стереотипах: образ «советского» русского в книгах американцев о СССР	191
Захарова Е.Н. Некоторые аспекты использования икт и интернета для обеспечения автономности обучения иностранному языку	197
Иванова Д.В. Формирование коммуникативной и межкультурной компетенции посредством видеоматериалов	202
Коноплева Н.Н. Интерпретация дискурсивных формаций как путь формирования стилистической компетенции	207
Крайнова О.А. Технология осмысления иностранного текста как средство формирования понятийного лингвистического мышления студентов (на примере сферы юриспруденции)	212
Кубракова Н.А. Обучение английскому языку студентов-психологов в условиях изменяющегося мира	217
Могилевич Б.Р. Текст в межкультурном дискурсе	220
Никитина Г.А. Формирование коммуникативной компетенции как общекультурной составляющей профессионализма в современном российском и западноевропейском обществе	228
Писаренко А.Н. Уровневая характеристика профессиональной межкультурной компетентности специалиста	234
Смирнова А.Ю., Сосновская А.А. Стендовый доклад: практические советы по оформлению постера для научной конференции	240
Сосновцева Т.И. Некоторые аспекты обучения студентов основам интонационного оформления речи	247
Ступина Т.Н., Каххарова Н.И. Семантико-содержательный аспект конструирования диалога немецких текстов-шутки	252
Ступина Т.Н., Макарова Н.В. Интернет-коммуникация в художественном произведении (на материале романа Даниэля Кельмана «Слава»)	258
Тупикова С.Е. К вопросу категоризации и типологии модусных категорий	263
Шилова С.А. Способы повышения мотивации к изучению иностранного языка у студентов неязыковых специальностей	271

РАЗДЕЛ 21. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Байкулова А.Н. Разновидности неофициального общения и их конституирующие параметры	277
---	-----

Боц Т.С. Ответные реакции на критические высказывания в политическом дискурсе	283
Викторова Е.Ю. Роль вспомогательных единиц коммуникации в реализации факторов автора и адресата в радиоречи	289
Воздвиженская А.В. Научная и наивная языковая категоризация в зоне наименований плодов растений	296
Волоконская Т.А. Проблема хронологии в исторических фрагментах сборника Н.В. Гоголя «Арабески»	302
Ефремычева Л.А. Молва как темпоральный феномен (на материале русских пословиц и повестей Н.В. Гоголя)	308
Казаков А.А. Особенности освещения событий на юго-востоке Украины российскими и зарубежными СМИ	316
Каменская Ю.В. Способы самоидентификации в диалектном дискурсе	321
Кормилицына М.А. Проблема авторской позиции в журналистике	327
Матяшевская А.И. Проблема использования сниженной лексики в российских и британских газетах	333
Орлова Н.М. Некоторые структурно-семантические особенности прецедентных сюжетов библейского истока	339
Прозоров В.В. Проблема интерактивности в филологии и журналистике (из опыта работы университетского спецсеминара)	345
Саунина Е.В. Особенности ведения микроблога главами государств (на примере микроблога Твиттер В.В. Путина и Б. Обамы)	351
Сиротинина О.Б. Медиалингвистика – основа журналистики	356
Тиден Е.В. Скрытые смыслы в диалоге социально-психологической драмы 20 века (на примере пьесы Вампилова «Прошлым летом в Чулимске»)	361
Уздинская Е.В. Спорные случаи использования метатекстовых конструкций в современной газетной речи	368
Харламова Т.В. Динамика политического мышления: лингвистический аспект	376

РАЗДЕЛ 22. СОЦИОЛОГИЯ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Антонова О.Г. Проблема социальных преобразований и концепции прогресса в социологии	386
Аракчеева М.Б. Вклад П.И. Новгородцева в разработку теории правовой государственности	391
Аракчеева М.Б., Иосилевская Н.Д. Георг Зиммель о предмете социологии	394

Арефьева Е.О. Специфика изучения экстремизма в молодежной среде в рамках социологического подхода	397
Барябина Е.Н. Актуальность исследовательской составляющей в менеджменте системы профилактики правонарушений	402
Бегинина И.А. Половозрастные особенности социального самоопределения саратовской молодежи	406
Герасимова М.А. Изменения в трудовой сфере современного российского общества	414
Головин Б.А., Калининкова М.В. Социальные аспекты развития топливно-энергетического комплекса России в современных условиях	419
Дыльнова З.М. Истоки социологического подхода к предпринимательству	423
Жидков Р.И. Интеллектуальные основы становления социологии Э. Дюркгейма	428
Завгородный А.И. Специфика общественных изменений в современной России	431
Ивченков С.Г. Социально-экономические факторы интегрированности саратовской молодежи в пространство социальных взаимодействий	435
Калининкова М.В., Головина А.А. Процесс социального конструирования жизненной среды крупного города	444
Карелина И.А. Современный кинематограф: социологический взгляд	449
Коротковская Е.С. Анализ современного положения России в мировом хозяйстве	454
Кошелев А.А. Конструирование бренда территории в процессе построения рыночных отношений: социальный аспект	462
Кошелева Т.Н. Социально-экономические детерминанты развития предпринимательства: региональный аспект	466
Кравченко Н.Ю. Советская как остаточная идентичность	471
Мазаев Д.В., Калугина Т.А. К вопросу о роли социологии в развитии современного общества и отражении социологических теорий в современной жизненной практике	476
Калинкин А.А., Могилевич Б.Р. Виртуальное социальное пространство как новый социальный феномен	482
Монтаев А.Б. Особенности трудовой мобильности выпускников России и Казахстана	487
Никифоров Я.А. Теоретическая модель устройства местного самоуправления в русской общественной мысли второй половины XIX века	492
Покатов Д.В. Социальные факторы и детерминанты трансформации политической элиты современной России	497

Сайганова Е.В. Процессы взаимодействия органов власти, общественных и политических молодежных объединений в процессе реализации молодежной политики на региональном уровне	504
Семенова Ю.А. Предпринимательство как устойчивый фактор экономической модернизации современной России (на примере Саратовской области)	509
Ситникова С.В., Шахматова Н.В. Факты и факторы нарушения прав человека в саратовском регионе	514
Храмова О.В. Инновационное развитие высшей школы: проблемы и перспективы	520
Шедловская М.А. Саратовская молодежь в пространстве социальных взаимодействий	526
Юренков И.Н. Оборонно-промышленный комплекс как стержень инновационного развития социально-экономической системы России	530

РАЗДЕЛ 23. ЧЕЛОВЕК, ВЛАСТЬ, СОЦИУМ В ИСТОРИЧЕСКОМ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

Варфоломеев Ю.В. «Дело императора»: вопрос о царской измене в годы первой мировой войны (по материалам расследования чрезвычайной следственной комиссии временного правительства)	535
Герман А.А. Исторические образы и реальная история (на примере истории республики немцев Поволжья)	541
Гузев Д.А. Служебно-боевая деятельность военно-учебных заведений внутренних войск МВД СССР в последние годы существования СССР	548
Залиев А.Р. Петр I – обратная сторона положительных реформ	556
Кирякова О.Г. Традиции благотворительности российского купечества (на примере провинциального балаковского купечества)	559
Косых Е.С. Дискуссии в РКП (б) по вопросу об иностранных концессиях: за и против	565
Кочуков С.А. Миссия России на Балканах: взгляд русских писателей (70-е гг. XIX в.)	572
Кочукова О.В. Великий князь Константин Николаевич в период подготовки «Великих реформ»: версия А.В. Головнина	579
Майорова А.С. Связи саратовских и уральских старообрядцев в первой половине XIX века	587
Мозговая О.С. Трансформация положения этнических немцев в условиях изменения политической ситуации в СССР	592
Павлова О.С. Деятельность I и II Государственных Дум по решению религиозного вопроса в начале XX века	600

Поздняков А.Н. Становление гимназического образования в России XVIII века по материалам исследований Д.А. Толстого	604
Прудникова Н.Н. Сравнительный анализ карьерных продвижений высших чиновников и представителей бизнеса в России и за рубежом	611
Семенова Н.Л. Правовое регулирование института губернаторства в российской империи в первые десятилетия XIX в.	616
Чолахян В.А. Особенности социально-экономического развития саратовского Поволжья в конце XIX – начале XX вв.	623

РАЗДЕЛ 24. ЧЕЛОВЕК, ВЛАСТЬ, СОЦИУМ В ИСТОРИЧЕСКОМ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ: ЗАПАД-ВОСТОК

Галямичев А.Н. Страницы каменной летописи (история Чехии и судьбы собора святого Вита на пражском граде)	631
Киясов С.Е. Начало масонского движения во Франции	637
Мезин С.А. «Город Париж, которой виден с мосту королевского»: путеводитель Петра I	643
Многолетняя Е.Н. Издания библии в чешском книгопечатании раннего периода (1468-1620 гг.)	651
658 Мосолкина Т.В. Место Йорка в политических событиях в Англии второй половины XV века	658
Музалевская В.А. Сирийская внешняя политика США при Рональде Рейгане и Джордже Буше-старшем	664
Сабитова Л.Р. Средиземноморская экспедиция русского флота 1769-1774 гг.: эффект «скрытой» стратегии	670
Сидоров И.Е. Влияние каспийской стратегии США на ирано-азербайджанские отношения в 1990-е годы	674
Циватый В.Г. Дипломатический социум и личность дипломата в Западной Европе раннего нового времени (XVI-XVIII вв.)	680
Чернова Л.Н. Повседневные занятия и развлечения лондонцев конца XVI века на страницах дневника Т. Платтера	686
Эльфанд И.Я. Особенности иконографии власти в эпоху Возрождения	692

Научное издание

**«ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ МИР:
ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО, ЛИЧНОСТЬ»**

Сборник материалов IV международной
научной конференции

ЧАСТЬ 3 (разделы 17-24)

Компьютерная верстка О.В. Бакаева

Подписано в печать 28.12.2015. Формат 60х84 1/16
Усл. печ. л.19,8. Тираж 500 экземпляров

Отпечатано в типографии ООО «Дельта»
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 60/62, оф.520,
т. (8452) 74-29-47